ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

святителя ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том VIII

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

святителя

ИГНАТИЯ

БРЯНЧАНИНОВА

Том

VIII

Паломник
МОСКВА
2007 по Р.Х.

По благословению
архиепископа Тернопольского и Кременецкого
СЕРГИЯ

Составление
О. И. Шафранова

Общая редакция
А. Н. Стрижев

Седьмой и восьмой тома Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова, завершающие Настоящее издание, содержат несколько сот писем великого подвижника Божия к известным деятелям Русской православной церкви, а также к историческим деятелям нашего Отечества, к родным и близким. Многие письма Святителя печатаются впервые по автографам, хранящимся в архивах страны. Вновь публикуемые письма будут способствовать значительному пополнению имеющихся сведений о жизни и деятельности святителя Игнатия и позволят существенно обогатить его жизнеописания. Наши публикации серьезно прокомментированы авторитетными историками, филологами и архивистами. Каждому корпусу писем предпослано обширное вступление, в котором дается справка об адресатах и раскрывается характер их духовного общения со святителем. Письма святителя Игнатия Брянчанинова принадлежат к нетленным сокровищам православной мысли, и ценность их век от века только повышается. Потому что написаны они великим мыслителем, духоносцем и любящим Россию гражданином.

ISBN 5-88060-110-2

© «Паломникъ», 2006
© Оформление, Е. Б. Калинина, 2006

Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с друзьями и знакомыми

Степан Дмитриевич Нечаев

Давно не видимся друг с другом,
не беседуем лицом к лицу,
пишем друг другу не часто,
а сближаемся более и более.

Святитель Игнатий

Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860) по праву также можно включить в число замечательных личностей, находившихся в дружеских отношениях со святителем Игнатием. Он происходил из богатой дворянской семьи, в молодости увлекался поэтическим творчеством, опубликовал множество стихов на случай, мадригалов, романсов; был знаком с А. С. Пушкиным и другими литераторами; в 1820 г. был избран в действительные члены Общества любителей Русской словесности. Помимо стихотворства, серьезно занимался историей и археологией — в числе его статей наиболее известны «Описание вещей, найденных на Куликовом поле» и «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища». В 1812 г., не имея возможности из-за болезни участвовать в военных действиях, занимался организацией ополчений во Владимире и Арзамасе. Позже входил в круг декабристов, являлся членом «Союза благоденствия», но не сошелся с ними по политическим убеждениям. В 1827 г. был причислен к собственной Его Императорского Величества канцелярии, в 1828 г. — определен в Синод за обер-прокурорский стол и в 1833 г. — назначен Обер-прокурором Святейшего Синода.

В этом же году состоялось знакомство Степана Дмитриевича Нечаева с игуменом Игнатием Брянчаниновым, прибывшим в Петербург по Высочайшему повелению.

В «Жизнеописании святителя Игнатия» рассказывается, что, прибыв в Петербург, игумен Игнатий остановился у Митрополита Московского Филарета на Троицком подворье. В назначенный день и час он представился Государю Николаю Павловичу, который вызвал к себе Обер-прокурора Святейшего Синода С. Д. Нечаева и объявил ему о своем решении передать отцу Игнатию Сергиеву пустынь. Обер-прокурор довел до сведения Святейшего Синода Высочайшую волю, и 1 января 1834 г. игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита. Вероятно, для беседы о предстоящем событии и приглашал С. Д. Нечаев к себе игумена Игнатия запиской от 22 декабря 1833 г., с которой начинается их переписка[1].

В период службы С. Д. Нечаева Обер-прокурором, он и архимандрит Сергиевой пустыни, конечно, часто общались лично по служебным делам и могли хорошо узнать друг друга. Их переписка ограничивалась короткими записками по разным случаям. Исключение составляет лишь письмо архимандрита Игнатия от 30 мая 1835 г., в котором он сообщает свое мнение о «духовных началах» В. Ф. Яна. Василий Федорович Ян, в то время коллежский асессор, архивариус Комиссии духовных училищ. Вероятно, он говорил С. Д. Нечаеву о своем желании издавать «Житницу духовную, или плоды Креста» — собрание избранных статей из журнала «Христианское чтение», и Нечаев направил его к архимандриту Игнатию, так как Ян имел «особенную нужду в духовном внимании опытных людей».

При отъезде В. Ф. Яна обратно в Петербург архимандрит Игнатий переслал с ним написанное им «Житие святого Владимира». Об этом «Житии» он упоминал и в письмах другим своим корреспондентам. История создания этого «Жития» известна: С. Д. Нечаев, представляя Государю в марте 1835 г. экземпляр «Христианского чтения», довел до его сведения, что Святейший Синод предполагает издавать «в пользу простолюдинов, между коими грамотность год от году умножается, отдельные жития святых, заимствуя их из «Минеи-Четьи», так как для этих людей такие повествования и любимее, и понят-

[1] Святитель Игнатий в письмах к С. Д. Нечаеву обращался «Стефан Дмитриевич».

нее, и полезнее всякого другого рода сочинений. Государь признал эту мысль полезною». Святейший Синод возложил составление житий на архимандрита Игнатия, и «Житие святого Владимира» явилось его первым опытом[1]. Однако, возможно из-за ухода С. Д. Нечаева с поста Обер-прокурора, издание это осталось неосуществленным.

В 1836 г. в феврале С. Д. Нечаев, взяв четырехмесячный отпуск, уехал в Крым к смертельно больной жене, но в живых ее не застал. В июне этого года он получил чин тайного советника и назначен сенатором. В Петербург он больше не вернулся. Из переписки видно, что его отпуск из-за болезни растянулся на четыре года. В 1839 г. он переместился в Москву и занялся делами благотворительности. До конца своих дней он оставался Президентом Московского комитета по разбору и призрению просящих милостыню, состоял членом Совета человеколюбивого общества, принимал активное участие в работе Московского попечительного совета заведений общественного призрения, являлся одним из членов-учредителей Московского совета детских приютов. Деятельность его находила признание: с 1856 г. он — действительный тайный советник, был награжден рядом орденов.

С этого же 1839 г. возобновилась переписка Степана Дмитриевича с архимандритом Игнатием, и, судя по содержанию писем, их отношения становились все более дружественными.

В письме от 29 апреля 1840 г. архимандрит Игнатий упоминает Мальцевых. Несомненно, что с этой семьей Святителя познакомил С. Д. Нечаев, который был женат на Софье Сергеевне Мальцевой. Архимандрит Игнатий близко сошелся с членами этой семьи. В 1847 г., когда по пути в Бабайки он провел некоторое время в Москве, он останавливался у Мальцевых. «В Москву прибыл я в среду вечером, — писал он своему наместнику 21 июля, — остановился в доме Мальцева, где меня приняли радушно и успокоивают». Митрополит Московский Филарет навещал архимандрита Игнатия в доме Мальцевых.

К характеристике С. Д. Нечаева можно добавить, что он и детей своих воспитал в духе милосердия и добросердечия. Его сын, Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, унаследовал по материнской линии Мальцевых, владельцев крупных промышленных

[1] Хотя из переписки можно заключить, что это «Житие» было опубликовано, обнаружить его в числе изданных творений святителя Игнатия не удалось.

центров металлургии, машиностроения, стекольного и текстильного производства, миллионное состояние. Как благотворитель он оставил след в Москве, построив в память об отце живописное, напоминающее сказочный терем, трехэтажное здание (находится близ станции метро «Шаболовская») для богадельни, в которую принимались престарелые нетрудоспособные дворяне. Много помогал также богадельням, основанным его отцом. Огромный вклад в русскую культуру внес Юрий Степанович Нечаев-Мальцев своим активным участием в строительстве и укомплектовании экспонатами Музея изящных искусств в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), потратив на это около двух с половиной миллионов.

Всего за десять лет (с 1839 по 1849 — дата последнего письма святителя Игнатия — 22 декабря 1849 г.) сохранилось писем и записок святителя Игнатия двадцать пять и С. Д. Нечаева — четырнадцать. Письма пространные и содержательные, так как в них обсуждались вопросы истории христианства и происхождения монашества в связи с изданием Московским комитетом призрения просящих милостыню книжиц в пользу малоимущих.

В письме от 11 апреля 1841 г. архимандрит Игнатий написал: «Провожу время по обыкновению: занимаюсь монашескими книгами Святых Отцов, из коих Бог помог окончить перевод с латинского книги святого Исаии Отшельника». Об этом переводе он писал и другим. Из последующих писем видно, что издать этот труд ему в то время не удалось, и таким образом впервые он был опубликован лишь в 1870 г. в составе созданного им «Отечника».

«Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Небесное», — начал архимандрит Игнатий свое письмо от 19 января 1846 г., узнав о тяжелой болезни Степана Дмитриевича. Возможно, что усиливавшаяся болезнь и отход С. Д. Нечаева от активной общественной деятельности явились причиной того, что переписка их постепенно прекратилась.

Ольга Шафранова

Переписка святителя Игнатия с С. Д. Нечаевым[1]

№ 1

Мне нужно видеться с вашим преподобием. Не позволите ли мне прислать теперь за вами мою карету? — Если здоровье ваше не совсем еще поправилось, то я с удовольствием сам заеду к вам, часов в одиннадцать, перед заседанием Святейшего Синода.

Ваш усердный слуга

С. Нечаев.

22 декабря 1833 года

№ 2

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Вчерашнего дня очень желалось мне быть у Вас, дабы проститься с Вами и с семейством Вашим; но лихорадка, довольно упрямая, не позволяет мне выходить из комнаты. Сделайте одолжение, известите меня, когда Вы намерены отправиться из Петербурга и когда могу к Вам явиться, не помешав сборам и не умножив суетливости, со сборами неразлучной.

Моего доброхота покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.

2 июня [1834 года]

№ 3

Ежели получу разрешение Государя в Понедельник, то, вероятно, мы отправимся во Вторник. Посещение Ваше, почтеннейший Отец Архимандрит, будет не помехой, а подспорьем в наших сборах, ибо при таком предприятии нужнее собираться духом, нежели чем другим. Сегодня Вы жалуетесь на свое нездоровье. Завтра много будет у Вас гостей. Так не пожалуете ли благословить нас на путь в Понедельник? Мы приготовим скоромную

---

[1] Письма святителя Игнатия впервые были опубликованы (некоторые в сокращенном виде) в «Христианском чтении» 1895 г., выпуск № 3, затем перепечатывались в других изданиях, но в собрания творений святителя Игнатия не попадали. В основу Настоящего издания положена их первая публикация в «Христианском чтении». Письма С. Д. Нечаева ранее не публиковались, недавно они были обнаружены в архиве — РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 6. Эти письма позволили уточнить даты некоторых писем святителя Игнатия.

иноческую трапезу и Вас будем ожидать часу в четвертом. Добро пожаловать.

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.

2 июня 1834 года

№ 4

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Ждали мы Вас в столицу, — дождались неприятной вести о Вашей болезни. Таков обычай верховного Царя царей: *Он, их же любит, наказует, биет же всякого сына, его же приемлет*[1].

Теснясь в пределах человеческого суждения, помышлял я, что Вы здесь очень нужны; *но ин суд Божий и ин человеческий.* Хотелось бы мне Вас видеть опять в Вашем доме, окруженного семейством, радостного, довольного, но Господь, утверждающий нашу к Нему любовь злоключениями, попустил рассыпаться Вам в разные стороны, как зернам пшеницы.

Вспомните, почтеннейший мой благодетель, что Законоположник наш претерпел крест, и последователям и слугам Своим предвозвестил: *в мире скорбни будете*! — *Отчего же скорбни? Оттого, что мир вас возненавидит, и Самый Отец Мой всякую лозу, творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет.* Итак, благодушествуйте посреди волнения, предайте себя воле Божией, с радостию и благодарением переносите болезнь, ведая, что телесными болезнями исцеляется душа. Повторяйте почаще сию молитву: Господи, буди воля Твоя! Она кратка, но заключает в себе обширный смысл и весьма сильно действует к успокоению человека, находящегося в печали. Сие узнал я отчасти на собственном опыте. Но зачем ссылаюсь на ничтожный опыт, когда Сам Спаситель мира произносил сию священную молитву в вертограде, и сею молитвою преграждал прошения, исторгаемые немощию человечества.

Не могу и я похвастать своим здоровьем. Пред отъездом Вашим захворал, по отъезде очень расхворался, был болен в продолжение всего лета, и теперь дохварываю.

Надеюсь на милость Божию, ожидаю того приятного часа, в который Вас увижу лицом к лицу. Господь да возвратит Вам доброе здоровье, дабы, обилуя и телесными силами, и всяким довольством, преизобиловали во всякое дело благое о Христе

Иисусе Господе нашем, — и вообще для Церкви, и в частности, для истинных Ея членов.

С искренним почтением и преданностию честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1834 год октября 17 дня

[1] Евр. 12. 6.

№ 5

Высокопреподобнейший отец Архимандрит
Милостивый Государь!

Душевно скорблю о продолжающихся страданиях Ваших, которые для души Вашей, конечно, не в потере, но меня лишают особенного утешения — с вами побеседовать в нынешней моей потере. Господу угодно было пресечь земную жизнь моей матери.

Ныне я мог бы устроить для Вас ночлег удобнее прежнего, но собственно для свидания со мной прошу не предпринимать путешествия, для состояния Вашего небезопасного.

О Вологодском монахе завтра же отправлю письмо к Преосвященному Стефану. Надеюсь, что отказа не последует без причин существенно законных.

С чувством совершенного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.
10 Генваря 1835 года
СПб.

Жена моя просит себе и детям Вашего благословения. Ей, благодаря Бога, лучше.

№ 6

Почтеннейший и многолюбезнейший Отец Архимандрит!

Примите с Христианскою любовию доброго моего приятеля Василия Федоровича Яна, имеющего особенную нужду в духовном внимании опытных людей. Ежели не будет для Вас обременительно, дайте ему на несколько дней приют в вашей обители и часть братской трапезы. Человек этот достоин особенного внимания и попечения.

Вам, я думаю, уже известно, что Митрополит Филарет давно уже в Петербурге.

С искренним желанием Вам всегдашней о Господе радости, а себе всегдашней о грехах моих скорби, прошу меня заочно благословить и принять от жены чувства почтительной дружбы и усердного уважения.

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.
23 мая 1835 года
СПб.

№ 7

Прошу усерднейше Ваше Высокопреподобие пожаловать на освящение Церкви в новом Синодском здании. Оно совершено будет в день Сошествия Святого Духа, 27-го сего Маия; начнется в половине одиннадцатого часа.

Ваш преданнейший слуга

С. Нечаев.
25 Маия 1835 года

№ 8

Аще Господь восхощет и жив буду, постараюсь явиться к Вам 27 числа.

Архимандрит Игнатий.
26 мая

№ 9

Ваше Превосходительство!

В понедельник не смел уже я беспокоить Вас, предполагая, что Вы довольно утомились от понесенных трудов утром. Гостит у меня Василий Федорович Ян — но мыслями мы весьма с ним не сходимся. По всему видно, что он занимается **внутреннею молитвою**. Оная молитва есть высочайший, труднейший и многоскорбнейший подвиг, требующий полного самоотвержения и правильных мыслей. В противном случае — отец лжи, приемлющий вид ангела светлого, приближается к сердцу с **притворным услаждением**, которое ощутив, человек, и почитая оное благодатию божественною, утверждается в своей прелести и начинает показывать

ее плоды с некоторыми признаками как бы сумасшествия. Для такового, говорит святой Иоанн Лествичник, крайне нужна Божия помощь: ибо человеками таковой не излечим. И подлинно, согласится ли принять духовный совет от ближнего тот, кто думает (если и не говорит сего), что благодать его наставница? Натурально ли, чтоб сознался в невежестве, в прелести тот, кто думает, что он все видит ясно и здраво и в душе своей ощущает горнее утешение? Нахожу я положение г. Яна крайне опасным, ибо он жнет уже плоды своего подвига неправильного: видна в нем задумчивость и часто трет свои ребра с болезненным выражением на лице. Те части, к коим прикасается враг, когда человек привлекает его к себе, суть ребра; благодатное действие ощущается в горних частях персей. Чтение г. Яна составляют Фома Кемпийский, Арнт (за коих он стоит горою), а о писателях святых вовсе и понятия не имеет. Чтобы ему оказать помощь, непременно нужно его перевести от первых кладезей ко вторым. Я вижу, что мои хлопоты будут безуспешны; он очень противустоит, и мое состояние находит весьма опасным, что справедливо по моей грешной жизни, а не по мыслям, заимствованным от святых Отцов.

Ваше к нему расположение может быть подействует сильнее: ибо он опытами убежден, что Вы ищете его пользы. А мне лучше не входить с ним ни в какие суждения, в кои вошел я единственно по приверженности моей к Вам. Довольно, предовольно, если буду взирать на грехи свои, стремиться к покаянию и плачу, и на сию спасительную ниву изгонять вверенное мне стадо жезлом примера и учения. Вот мое видение, вот мое наслаждение, — наследство праотца моего Адама, поискавшего наслаждения в плаче после утраты сладостей райских. Если удел наш в сей жизни болезновать о себе, и тем более утешаться, чем в большей мере сия болезнь, то едва ли останется время соболезновать. И не осталось бы, говорит святой Макарий, если бы милосердый Бог не выводил нас из внутренней клети нашей для пользы ближнего.

Простите, что худо писал: глаза очень слабы. Желаю Вам всех благ от руки Создателевой и всему Вашему семейству благословения.

С искреннейшею преданностию и почтением честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1835 года 30 маия

№ 10

Все, что Вы сделали для г. Яна, почтеннейший Отец Архимандрит, приемлю я как бы вы сделали это для меня. Зная давно примерную жизнь его, не могу не принимать в нем близкого участия. Отпустите его с миром. Может быть, Господь устроит иначе путь его, не желая никому погибели, а всем спасение. Если не будет обременительно, не откажите г. Яну в способах сюда возвратиться: я разумею здесь какой-нибудь экипаж, ибо нанять у вас нечего.

Преданнейший слуга С. Н.

30 мая

№ 11

С. Д. Нечаеву, пересылая с В. Ф. Яном «Житие св. Владимира»:

...Изготовляя оное, имел я в виду единственно изготовить по Вашей цели. Другие предлагали мне другое. Почему прошу Вас взглянуть на оное. За Вашим ответом явлюсь, Бог даст, лично сам, и если Вы утвердите порядок и образ составления, то не замедлю предоставлять точно так же и прочие в сем виде заготовленные жизнеописания.

Василию Федоровичу понравилось, кажется, монастырское жительство. Ваша искренняя любовь и христианское попечение могут убедить его, дабы он некоторые свои идеи, возвышающиеся на Разум Христов, преклонил пред оным Разумом необъемлемым. Что касается до внешних предметов, то беседу его нахожу весьма приятною: видно, что он проводил внимательнейшую жизнь и накопил много опытности. Но духовные начала у нас совершенно различные. Сия разница не могла произвести духа единения, единения уст, единения сердца, но не помешала мне весьма полюбить его, как кроткого и благоразумного человека. ...

1 июня 1835 года

№ 12

Ваше Превосходительство!

Когда был я у Вас, то много мы беседовали о **Кресте Господнем**, который поистине есть иго благое и бремя легкое. Приехав в обитель, я получил подарок: 14-го числа, пред утренею, видел сон: как будто хочу подать нищим милостыню и для сего выни-

маю из своего кармана кошелек, из коего вдруг выскочил мне на ладонь ярко светящийся золотой крест. В тот же день я занемог, а 16-го слег в постель; приключилась горячка; седмь дней не принимал никакой пищи; теперь хотя и получше, но очень слаб. С того времени, как я в Петербурге, не проводил я дней моих с такою приятностию, как сии дни болезни. Точно Крест Господень есть иго благое и бремя легкое, а со Иисусом и на Голгофе рай.

Представил я житие великого князя Владимира. Было ли оно в Синоде? Одобрено ли? Можно ли по сему образцу представить и некоторые другие жития, уже приготовленные? — Потрудитесь сообщить мне наставление Ваше по сему предмету чрез о. Михаила.

Простите! Дай, Господи, Вам всего доброго.

Архимандрит Игнатий.
26 августа 1835 года

№ 13

С. Д. Нечаеву — в связи с его сборами в отпуск в Москву:

...Один приезжий мой родственник подарил мне две бутылки водки домашней, очень хорошей. Я вспомнил о своем путешественнике, которому в дороге, при сырой погоде, они очень могут пригодиться. Почему, к Вам присылая, усердно прошу во здравие кушать и вспоминать — того, кто их прислал.

Архимандрит Игнатий.
25 февраля 1836 года

№ 14

Высокопреподобный отец Архимандрит, Милостивый Государь!

От служителя Олтаря Господу угодно было привести меня к служению тем, коих Сам соизволил назвать меньшою Своею братиею. Поздравьте меня, почтеннейший друг, с таким повышением и помолитесь по христианской любви своей, чтоб Отец милосердия и щедрот сподобил меня достойно совершать новое, труднейшее поприще. Оно так униженно, что нельзя проходить его, не пригнув долу своей надменности. Прямое училище смирения, коего сладость познали Вы на самом опыте. Не забыл я этого назидательного примера. Помню не только беседы Ваши, но и самый голос и черты ваши. Желал бы сердечно опять уви-

деть и послушать Вас; но надежды не имею на такое утешение. Доставьте мне по крайней мере другое — если это Вас не затруднит: пришлите мне хотя маленькое изображение любезного для меня облика Вашего. Оно будет безмолвно беседовать со мною о многом полезном для души моей, нелестно к вам приверженной. Во всяком случае извините Бога ради такую просьбу, может быть, весьма нескромную, но весьма естественную для отсутствующих друзей.

Господь да пребудет всегда посреди нас!

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

С. Нечаев.

Москва 20 сентября 1839 года

№ 15

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Какое живое, вместе тихое, духовное утешение пролилось в мое сердце, когда принял я в руки поданный пакет с надписью Вашей руки, — тем более, когда начал я чтение слов, дышащих любовию. Точно, — любовь николиже отпадает.

Вот! Вы попечитель **нищих**, часто богатых верою и переходящих с гноища на лоно Авраамово. В лице сей меньшей братии Христовой, Сам Христос приемлет Ваши попечения и Ваше служение, точно так, как принял бы Он и в лице служителей церковных. Наружность не так блестящая, сущность та же. О! сколько есть служений славных, приманивающих честолюбие, занимающих и воспламеняющих воображение: но конец венчает дело. Приходит **смерть**, призывает к жизни без призраков; на это приглашение, как бы оно горько ни было, никто не может сделать отказа. Идут цари, не свершив огромных предположенных планов, от исполнения которых могли бы благоденствовать миллионы народа; идут гении, покинув начатое для удивления потомства; идут законодатели, не достроив законодательных сводов; в одно мгновение отлагаются знаки отличия и громкие титулы, на приобретение коих употреблена вся жизнь. Богатые верою, напротив, становятся еще богаче: ибо смертию вступают в существенное обладание тем, чем до смерти обладали только верою. Вам, так как и себе, почтеннейший Стефан Дмитриевич, желаю в Бога богатеть.

Вы желаете иметь **портрет** мой? Ваш портрет имею, получив оный из рук ваших; имею портрет души Вашей в памяти, в серд-

це. Мое грешное лицо не достойно быть изображенным кистию художника. Вместо этой кисти пусть могильный червь точит глаза, осквернившиеся страстным зрением; пусть точит уста, отверзавшиеся для слов, коими прогневляется Бог; пусть точит все члены, бывшие орудием преступления. Если же, несмотря на мое недостоинство, каким-либо случаем изобразится портрет мой, то постараюсь исполнить желание Ваше, внушенное любовию.

Христос посреди нас есть и всегда будет.

Вашего Превосходительства Покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
20 октября 1839 года

№ 16

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Вот! опять я пред Вами просителем; это для меня не трудно. Ваше постоянное во мне и обстоятельствах моих участие было постоянным и надежным пристанищем просьб моих. Сергиева Пустынь получила близ ограды своей до 200 десятин земли на основании той Высочайшей воли, которая, Вы помните, почему и как состоялась. Эту землю, состоявшую единственно из болот, монастырь осушил, расчистил, завел на оной хозяйственный хутор с запашкою и скотоводством. Доходы сего хутора, если все покроется и впредь таким благословением, каким покрывается ныне, можно полагать до тридцати тысяч в год. Продаем молока в месяц на тысячу, иногда на две. При таковом умножении монастырского дохода способом невинным, самый монастырь должен придти в цветущее положение. Итак, земля составляет существенное достояние монастыря. Планы на оную в настоящее время находятся в Московской Межевой канцелярии. Покорнейше Вас прошу не оставлять меня и обитель Вашим милостивым ходатайством — замолвить слово по приложенной при сем записке.

С чувством сердечной привязанности к незабвенному другу, с сердцем которого сердце мое часто сливалось в одно ощущение, есмь навсегда Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1840 марта 15-го дня

Когда бываю уединен — часто живо мне представляетесь, всегда с приятнейшею улыбкою. Тогда сердце Ваше сердцу моему **весть подает**.

№ 17

Помните ли, высокопреподобный Отец Архимандрит, как мы с Вами занимались изданием отдельных Житий Святых угодников Российской Церкви. Не знаю, почему это издание, хорошо принятое публикой, впоследствии остановилось. Между тем один из моих нынешних сотрудников, с одним намерением поддерживать в обществе расположение к благотворительности, начал издавать статьи, почерпнутые из той же неисчерпаемой сокровищницы. Вашему Высокопреподобию не противно будет взглянуть на этот опыт. В такой надежде посылаю первую его книжку.

Пользуюсь сим же случаем, чтоб принести Вам, почтеннейший друг, искреннюю благодарность за назидательное ваше писание, исполненное того глубокого смирения, которое должно стяжать вам высокая в истинном смысле этого слова, и при котором ложная, земная высокая не возмогут положить преград в верном вашем шествии. Надеюсь, однако, что сердечная моя привязанность когда-нибудь победит его, и я увижу хотя в легких очертаниях тот приятнейший для меня лик, который видеть лично не имею надежды.

Во всяком случае простите мою докуку ради Того, кто был всегда утешительным предметом бесед наших, кто в одной любви положил печать своего ученичества, чей благодатный дух всегда да пребывает между нами.

Вашего Высокопреподобия усерднейший слуга и несомненный почитатель

С. Нечаев.
19 марта 1840 года
Москва

№ 18

Христос Воскресе!
Высокопреподобный Отец Архимандрит!
Милостивый Государь

Не могли Вы никак найти в Москве поверенного усерднее старого Вашего друга. В Межевой Канцелярии дали мне слово тотчас кончить дело вашей обители; — и теперь планы на землю ее должны уже находиться в Петербургском Губернском Правлении. Заметьте между тем, что Вы писали ко мне в самое то

время, когда и я писал к Вам. Видно, действительно сердца наши откликаются друг другу и в большой отдаленности. Благодарю за сие Господа, утешающего любовию такою, которая не основана ни на каких внешних отношениях. Радуюсь, что Он благословляет обитель Вашу изобилием. Оно обыкновенно бывает следствием порядка, который Вы преимущественно любите, приложив вначале попечение о водворении его внутренно, в самом себе. Да преизобилует же прекрасная Ваша пустыня дарами истинного благочестия: все же прочее неминуемо вслед за тем прилагаться будет.

Я напротив по грехам моим терплю от нынешнего неурожая не только оскуднение доходов, но должен еще потратить много денег на прокормление крестьян с их скотом и на засев их полей. Мало было этой заботы: все мои дети долго страдали опасным коклюшем; старшая дочь приходит даже в состояние безнадежное. Четыре года дали мне несколько отдохнуть. Теперь опять посылают на работу. Не говоря уже ни слова о хлопотах по призрению всей нищеты такого многолюдного города.

Помолитесь о нас, почтеннейший друг, Воскресшему Спасителю, и будьте незыблемо уверены, что никто столько не желал и не желает вам добра, как преданнейший Вам слуга:

С. Нечаев.
20 апреля 1840 года
Москва

P.S. Прошу покорнейше Ваше Высокопреподобие прочесть прилагаемую тетрадь и удостоить меня отзывом вашим о ее содержании. Материя вам хорошо известна, ибо вы не теоретически только проходили ее учение, но побывали в практической школе глубокого смирения и действительного отречения от мира.

Посылаю Вам еще вместо красного яичка нечто написанное о милостыне в [*нрзб.*] известным нашим благонамеренным писателем Стурдзою[1].

Я к вам послал прежде примеры христианского милосердия, надписав на конверте: в С.-Петербург; кажется, делаю теперь лучше, надписывая: в Стрельну.

[1] *Александр Скарлатович Стурдза* (ум. в 1854) — тайный советник; автор книги «О должностях священного сана» и других духовных книг.

№ 19

Воистину Воскресе Христос!

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Пишу к Вам, тихо беседую с Вами, как бы с присутствующим, и получаю Ваше письмо, в котором Вы замечаете, что мы писали друг к другу в одно время. Усерднейше благодарю Вас за пособие, оказанное обители нашей. С приятностию читал я письмо Стурдзы и избранные повести о милосердии из житий Святых Отцов[1]. Это прочное средство к поддержанию и усовершенствованию в благочестивом и добром российском народе по природе сильной наклонности к вспоможению ближним. Вы спрашиваете, почему начатое при вас издание отдельных житий, принятое публикою столь благосклонно, ныне остановлено? Что Вам на это отвечать? Этому причиною страсти человеческие. Письмо о монашестве[2] очень дельное, оставляю у себя на неделю, чтобы иметь время сделать некоторые примечания, и препроводить оные к вам. Не была ли у Вас в руках книжка писем Задонского **затворника Георгия**? Вот духовный писатель, ушедший далеко от всех духовных писателей нашего времени. Дворянин, воин, он сложил с себя оружие вещественное, чтобы вступить в поприще брани духовной, провел в неисходном затворе семнадцать лет и скончался в 36-м году, будучи 47 лет от роду, духовным успехом заменив лета многа. Писал он многим, к нему расположенным особам письма, которые по смерти его собраны, сколько можно было собрать, и напечатаны. С пера его текут струи благодатные, и недостаточество внешнего образования заменяется обильным достоинством духовным. Книжка сия сделалась одной из моих настольных. В Москве можно ее достать. Вы будете пить чашу утешения, которая вам теперь нужна. Святой Иоанн Богослов, когда увидел рай, наполненный святыми белоризцами, и спросил, кто эти белоризцы, то ему было сказано: это те, которые пришли, претерпев великие **скорби**; они вымыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца. Таков обычай Царя Небесного: *кого любит наказует, биет всякого сына, о котором благоволит* (Евр. 12. 6). Пишу Вам с натуры; если еще не знаете, то, конечно, узнаете от Мальцовых. Вы можете видеть мое сердце: оно и грешно, и не чисто, но любит бескорыстно. В том, что вы желали и желаете мне добра, удостоверял меня и теперь удостоверяет самый опыт. Желайте добра не

тленного, не временного, но истинного, которое доставит мне Сам Господь, подающий любящим Его чашу страданий в сей краткой земной жизни. — Навсегда Ваш

Покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1840 года Апреля 29-го числа

[1] Брошюра была издана в пользу Комитета о просящих милостыню.
[2] Также составленное А. С. Стурдзою.

№ 20

Ваше Превосходительство,

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Препровождаю при сем письмо о монашестве, которое прочитал я неоднократно с удовольствием и о котором имел честь в прошлом письме, по Вашей любви ко мне и моей к Вам, сказать мое не тяжеловесное решение: оно очень дельно. По тому же чувству, по желанию Вашему и моему обещанию не останавливаюсь и заметить, не для критики, но с желанием принести посильную услугу:

1. По мнению моему, **происхождение монашества** не довольно правильно изложено. Оно не есть плод гонений, хотя некоторые, точно, удалились в пустыни от гонения. Несколько частных случаев не дозволяют заключать о целом. Это объясняется в особенности тем, что пустыни начали наполняться монахами по окончании гонений, во время коих пустынножителей было весьма мало. Вот наружное доказательство; есть и внутреннее, сильнейшее: почти все иноки древние входили в искушения явные от бесов, после чего искушения от человеков не страшны. Таким ли бояться мучителей? Антоний Великий, когда услышал о начавшемся гонении в Александрии, пришел туда, объявил себя христианином, желал мучиться, но никто не посмел возложить рук на него: ибо и монашество есть долговременное мучение. От чего же явилось монашество? В первые три века Церковь Христова была гонима правительством. Принять христианство значило лишиться всех прав гражданства, всего имущества, самой жизни. Принятие христианства не могло быть ничем иным, как следствием сильного убеждения. Христиане жили, как приговоренные к смерти, не зная, в который час Жених придет, — приготовлялись к смерти, расточая тленное иму-

щество нищим, пребывая непрестанно в молитвах и сердцем живя более на небе, нежели на земле. Весьма многие проводили жизнь девственную, подвижническую — все. Не было мысли о забавах, роскоши, стяжании, своеволии. Можно сказать, все были монахами: аскеты были совершенными монахами, не имея платья монашеского, как и клир не отличался одеждами во время гонений от общества. Когда гонения прекратились, то жизнь христиан посреде градов изменилась, ослабла. Веру христианскую принимали не всегда по одному убеждению, но весьма часто по обычаю; вступило в Церковь много гнилых удов, кои во время гонений тотчас бы обнаружились отпадением; общество христианское посреде градов изменилось. Жене — Церкви, коей первородный плод, лик мученический, восхищен к Богу на небо, даны были два крыла орла великого — бежать в пустыню: явился лик монашествующий.

2. Недостаточно объяснена разность между **мирянином и монахом**, столь явная из слов Спасителя к юноше: *аще хощеши спастися, заповеди сохрани: не убей, не прелюбодействуй, не укради и проч.* Вот деятельность мирянина, коей цель — **спасение**. На вопрос юноши, *что есмь не докончил*, Господь научает, что есть в христианском жительстве *совершенство*; кто хочет оного достигнуть, должен сперва оставить все земное и потом, обнаженный от всего, принять труд о достижении совершенства. Это изображает и евангельская притча, в коей Царствие Небесное уподобляется купцу, узнавшему, что на некотором селе скрыто сокровище, и продавшему все имение для покупки села того, заметьте, а не сокровища. Святой Макарий Египетский говорит, что тот, кто расточил имение, оставил все приятное земное, удалился в пустыню, — еще ничего не сделал, только обнажился для вступления в поприще, — неизвестно, достигнет ли цели.

Совершенство христианское состоит в чистоте сердечной, коей является Бог, обнаруживающий Свое пребывание в сердце многоразличными дарами Духа Святого. Достигнувший сего совершенства есть светильник, не телесным служением, но служением Духа исполняющий заповедь любви к ближнему, руководящий **спасающихся**, восставляющий их от падений, целящий их душевные раны. **Монашеский лик** доставил Церкви Христовой пастырей, которые не препретельными словесами человеческой мудрости, но словесами Духа, споспешествуя учению чудесами, пасли и утверждали Церковь. Вот почему Церковь по окончании мучения представлена бежавшей в пустыню. Туда бежало совершен-

ство церковное, источник света церковного, главная сила Церкви воинствующей. Кто были Златоуст, Василий Великий, Епифаний, Алексий и Филипп митрополиты, — словом, все святые пастыри? Но и не в чине архиерейском, а в простом монашеском есть много светильников от Антония Великого, Иоанна Дамаскина до Сергия Радонежского и Георгия Затворника. Веру утверждали, ереси обличали и попрали. Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой **совершенство**, без коего и **спасение** с самою верою легко может утратиться, и непременно утратится: ибо нужны чувства, обученные долгим временем, в различение добра от зла (Евр. 5, 14). Сего совершенства достигали в первенствующей Церкви аскеты и мученики, после — монахи. Безбрачие, нестяжание, пост, труд, бдение, деятельная любовь, это — орудия, средства к достижению совершенства, но не самое **совершенство**. Кажется, в письме об этом сказано темно, отчего различие и необходимость монашества выставлены не в полной силе. Хорошо бы сочинителю прочитать беседы Макария египетского, и слово усилить понятиями духовными. Скажут: какой гордый отзыв о монашестве, обличающий гордость сердца. Отвечаем: в темной комнате значительная нечистота не приметна; в освещенной яркими лучами солнца тонкий прах весьма заметен и беспокоит хозяина. Дух Святый есть учитель смирения; вселившись в сердце, вздыхает воздыханиями неизглаголанными и показывает человеку ничтожность праведности его, как говорит Исаия: вся наша правда, яко порт жены блудницы. Настоящая дьявольская гордость — отвергать Дар Божий существующий, как бы не существующий.

Навсегда Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
Мая 5-го дня 1840 год

№ 21

Апостол говорит: и все хотящие благочестно жить, гонимы будут. Заметьте, почтеннейший Отец Архимандрит, что здесь упоминаются только хотящие жить благочестиво. Чего же должны ожидать те, которые действительно начали так проводить жизнь свою, так говорить и действовать?

Вот Вашему Высокопреподобию краткий ответец на одно из любезных писаний Ваших. Относительно другого скажу также кратко, что все замечания Ваши о монашестве оценены достойным

образом. Справедливость их очевидна. Не к гонениям надобно относить истинное его начало. Мы видим образцы его даже до пришествия Спасителя в святых Пророках. По свидетельству Иосифа Флавия было еще в Иудее собратство, похожее на монашество, именно собратство Иессеев. И весьма замечательно, что Новый Завет, обличающий учение Фарисеев и Саддукеев, ни слова не говорит о современном им учении Иессеев. Не они ли настоящим образом чаяли Спасителя, не они ли первые окружили его, когда явился Он между человеками? Не они ли первые сделались Его последователями? И название их видится от отца Давидова. Тут есть что-то таинственное, достойное важного размышления.

В заключение усердно благодарю Вас, почтеннейший друг, за то, что указали мне на письма Затворника Георгия. Я слышал об них, но до сих пор не любопытствовал прочитать их. Теперь познакомясь с его писаниями, сердечно сознаюсь, что они весьма того достойны, чтоб сделаться настольною книгой у всякого доброго христианина. Утешительно видеть, как [*нрзб.*] знаком был автору высокий предмет, о котором пишет. Что значат перед его неискусною простотою все краснобайные проповеди и послания суетной и надмевающей теории?

Прошу покорно и Вас бросить взгляд на прилагаемые книжицы, которые посылаю единственно в оправдание, что так долго не отвечал Вам. Хлопот много, а силы и способности уже не прежние. К чужим заботам присоединились еще свои тяжкие от совершенного неурожая у крестьян, от болезней у детей. Но теперь милосердие Божие, видимо, поправляет и то, и другое. Сердцу моему по-свободнее — и оно спешит излить пред вами постоянные чувства уважения и привязанности, с коими так приятно именоваться мне не по обычаю, а по самой истине Вашего Высокопреподобия преданнейшим слугою

С. Нечаев.
30 июня 1840 года
Москва

№ 22

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Опять пред глазами моими почерк Вашей руки, который всегда возвещал мне приятнейшие ощущения, долженствующие наполнить душу. Теперь довольно поглядеть, или лучше взглянуть на этот почерк, чтоб отворить дверь в сердце для множе-

ства сладостных впечатлений. Благодарю Вас за присланные книжки, — сказатели полезных трудов Ваших: в Первых Опытах Комитета, достигши чтением § 9, я торжествовал духовно, видя, что пища для плоти соединена с пищею для души: особливо — назидательное **чтение при работах** есть новость в России в наше время, воскрешение древнего обычая благоустроеннейших монастырей; при отгнании праздности от тела, отгоняется сия мать пороков и от ума, — это превосходно! — Благодарю Вас за милостивое слово, замолвленное о планах земли, принадлежащей Сергиевой пустыни, которые теперь уже в руках наших.

Наконец! Горе имеем сердца, исполненные благодарения! Слава милосердому Богу, исцеляющему болезнь детей Ваших и утешающему домочадцев ваших надеждою урожая. Повторим песнь отроков в пещи вавилонской: *согрешихом, беззаконовахом... И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси... душою сокрушенною, и духом смиренным да приятъ будем* (Дан. 3. 29, 31, 39). **Вот истинное духовное чувство**! Праведники, подвергшись искушению, не видят своей праведности, зрение ума их устремлено к совершенствам Божиим, озаренные сим светом, они видят нечистоту правды своей, — и сердце исполняется чувствований глубокого смирения, ум начинает произносить исповедание и хвалы правосудия Божественного. Вот фимиам, благоприятный небу; вот кадило, которого дым разливается в горнем жертвеннике Царя царей.

Об **ессеянах** сведения Иосифа Флавия и о **ферапевтах** Филона — не удовлетворительны; оба сии писатели, будучи иудеи, не передали нам ничего о том, с каким чувством они встретили веру христианскую. То видно, что секта ессеев в Палестине и ферапевтов в окрестностях Александрии сохранили строго обычаи иудейства и не принимали христианства. Вот что говорит о первых преподобный Нил Синайский, монашеский писатель IV века: любомудрствовать покушались многие еллины, и из иудеев не мало... От иудеев избравшие сие жительство суть сыны Иоанадава... всегда обитают в кущах, воздерживаются от вина и от всего влекущего к сластолюбию, пищу имеют простую, удовлетворяют потребностям тела с умеренностию, очень прилежат образованию нравов и пребывают наиболее в созерцании. Отсюда и называются **ессеи**: ибо сим названием обозначается род их жительства. Но какая польза им от подвигов и от пребывания в трудах, когда они убили Подвигоположника Христа. По-

гибает мзда трудов их: ибо они отверглись Раздаятеля мзды и Источника истинной жизни. Итак, они погрешили в цели любомудрия: любомудрие есть благоустроение нравов, соединенное с истинным познанием о Боге, в чем погрешили и иудеи и еллины, отринувшие Премудрость, пришедшую с небес, и покусившиеся любомудрствовать вне Христа. Таково мнение преподобного Нила, ученика Иоанна Златоустого; таково мнение и других древних учителей церковных о ессеянах. Их подвиг был более наружный, лучшие наблюдатели древностей церковных находят, что они вдались более прочих иудеев в мелочную утонченность обрядов, отчего, оцеждая комаров, забыли позаботиться о верблюдах. По этой причине секта их по духу близка была к фарисейской. Не осужден ли Евангелием их пост, их милостыня, их молитва, чуждые смирения, вместе с фарисейскими? — Полезно для христианских монахов оглядываться на ессеев и в них видеть, что **телесный подвиг**, без любви и сердца сокрушенного, есть кимвал, звяцающий тщеславием, и медь, звенящая от пустоты своей.

Обращаюсь к началу дражайшего письма Вашего, дышащего добротою. 1-го февраля 1840 года, когда я был потребован для выслушания приговора[1], который в чем состоял и за что — мне было неизвестно, я чувствовал особенное спокойствие духа: в напутствие услышался в церкви апостол, тому дню принадлежавший по церковному кругу сего года (1-го послания Петрова, главы IV-й начинался с 12 стиха и оканчивался первыми стихами следующей главы). *Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас страннаго... Время начаться суду с дома Божия... Итак, страждущие по воле Божией Ему, как верному Создателю, да предают души свои, делая добро.* Может ли быть что утешительнее и назидательнее? Особливо слова: время начаться суду с дома Божия, — погружают ум мой в глубокое размышление. Они сообщают нам возвышенную духовную мысль, что делание и подвиг христианина, как бы сами по себе, по суду человеческому, ни были достаточны, по суду Божию далеки от совершенства и требуют очищения и дополнения от искушений. Тогда почитается здание храма Божия оконченным, когда засверкает на вершине его **Крест** Христов.

Доброго здоровья Вам и милым детям Вашим. Господь да сохранит Вас, да укрепит Вас для пользы человечества и для пользы гражданской.

С истинным высокопочитанием и сердечною преданностию, имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
Сергиева пустынь
Июля 16-го дня 1840 года

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 149–151.

№ 23

Ваше Превосходительство!

И прекрасный перевод жития Иоанна Милостивого читаю с наслаждением, и гляжу любовно на знакомую руку, которою надписан конверт, ищу коротенькой записочки, хочу знать, здоров ли, благополучен ли кормитель нищих в столице христолюбивой, — ищу напрасно, напрасно любопытствую с такой заботливостью. Впредь кладите в такие конверты маленький листочек с сим двусловием: **я здоров**. Полезно употребляемое Вами время оставляет Вам мало времени, а я не нуждаюсь в длинных письмах от Вас: имею продолжительное письмо в сердце; оно начинается с начала нашего знакомства, конец его... О, я хочу, чтоб оно было без конца, чтоб продолжение его перешло за пределы гроба и сделалось вечным во Христе. Какое наслаждение — **любовь**. Пишу к вам, и на языке моем чувствую какую-то особенную сладость. — Это сладость древа райского.

Присылаемые Вами книжки мне говорят: внеси и ты маленькую лепту в ту сокровищницу, в которую богатые вносят тысячи сребреников. Не буду голосу этому ослушен.

От души Ваш

Архимандрит Игнатий.
12-го ноября 1840 года

№ 24

Признательным сердцем лобызаю любезные строки, коими Вы, почтеннейший Отец Архимандрит, утешили постоянную мою к вам привязанность. Такое общение не основано на земных скоропреходящих видах. Мудрено ли, что и я ощущаю в нем как бы успокоительный елей, возливаемый любовию на раны сердца моего, нанесенные грехом и следствием греха — многими

скорбьми. Беседа Ваша издавна имела на меня такое утешительное, целительное действие. Вот почему я так часто возбуждаю Вас к ней не тем, так другим. Нищий в дарах духовных более, чем новые друзья мои скудны в дарах тленных, не перестаю я толкать в двери, откуда наверное ожидать могу милостыни для меня нужной, отзыва дружбы, молитвы, совета, спасительного напоминания. В прошлый раз, по возвращении из деревни, встретил я здесь много дела, не успевал написать к вам, а желал, однако, дать весточку хоть о том, что еще живу на этом свете и вас неизменно помню. Радуюсь, что наши маленькие издания вами одобряются. Вот вам и еще новая тетрадка, как некоторое доказательство, что мы, раздавая питание внешнего человека, желали бы сообщить бедствующим собратиям нашим нечто на подкрепление человека внутреннего, который часто алчет, наготует и иззябает пуще первого.

Недавно неожиданный случай познакомил меня с иеромонахом Арсением Троепольским, который живал в Вашей обители и сохраняет искреннюю к вам приверженность и уважение. Я приглашаю его иногда служить в домовой церкви Работного дома, где теперь призирается до тысячи нищих всяких лет и всякого звания. Сообщите мне, пожалуйста, ваше мнение об этом добром человеке, — называю его добрым, ибо таким с вида мне показался; узнать же его короче не имел еще способа.

Вот вам несколько слов о моем здоровье. Оно не самое цветущее, но и не самое убогое. Господь ведет и всегда вел меня путем посредственности. Крайности для людей таких слабых не годятся. Благодарение Ему за милосердое промышление о недостойном орудии многих благих его видов.

Дети мои подрастают; один только меньшой сын остается еще в младенческом возрасте. Но и старшие пока младенчествуют еще незлобием сердца, нося в характере своем много сходного с покойной матерью, которой могилу могут всегда видеть из своей колыбели, не видя ее самой.

Простите, почтенный друг! Желаю Вам совершение в обновлении духа, а себе старых ваших чувствований и в течение нового года.

Преданнейший слуга

С. Нечаев.

2 Генваря 1841 года

Москва

P. S. Благодарю за обещанное пособие нашей нищете. Дороговизна продолжается от нового неурожая, а средства наши оскудевают от последствий прежнего.

№ 25

Христос Воскресе!

Дражайший и почтеннейший Стефан Дмитриевич!

Много виноват я пред Вами, не отвечая столь долго на письмо Ваше, исполненное дружбы и искренности. Оно не сходило со стола моего, часто перечитывал его, каждый раз с новым утешением. Справедливо говорит святой Исаак Сирский: нет в мире предмета драгоценнее **любви ближнего**, которой входим в любовь Божию. Или обременил я себя излишними письменными занятиями, или подействовали на слабое мое телосложение искушения, или хроническая моя болезнь — солитер, или все вместе привело меня в средине зимы в такое болезненное положение, что я оставил пищу, почувствовал сильнейшую боль в груди, в продолжение Великого поста так был слаб, что едва подписывал имя мое на налое; с Страстной недели поправляюсь, и, кажется, избавился от солитера, по особенному расположению одной почтенной дамы — княгини Юсуповой, доставившей мне доктора, занимающегося единственно или преимущественно лечением этой болезни средством растительным и потому совершенно безвредным. Провожу время по обыкновению: занимаюсь монашескими книгами Святых Отцов, из коих Бог помог окончить перевод с латинского книги **святого Исаии Отшельника**. Из первого издания оной двести экземпляров назначаю для монашествующих Сергиевой пустыни, а тысячу в распоряжение питателя московских нищих. Книга не имеет наружного порядка в изложении, который требуется от писателя, ученнаго в школах мира сего, но имеет глубокие мысли, имеет систему для сердца и ума, которую можно ожидать от воспитанника пустыни безмолвной. Надеюсь, что Вы прочтете оную с душевной пользой и удовольствием, ибо Вам знаком вкус глубоких чувств, рождаемых смиренным рассматриванием внутреннего человека. — Таким образом я буду частником Ваших занятий и Вы моих! Эта мысль меня утешает.

Вы познакомились с о. Арсением Троепольским! Точно, он добрый человек: я находил понятие его о монашестве более ученым, чем опытным, более удовлетворительным для ума, чем для сердца; не знаю, в каком он положении теперь. Дай Бог всем спас-

тись от змиев — страстей наших, коим помогают другие змеи — демоны. Если б вы взглянули в настоящее время на **братство Сергиевой пустыни**, то очень бы утешились: ибо Ваша рука была при учреждении сего духовного сада и многие лозы пересажены с Вашею помощию. Все почти прежние жители монастыря выбыли; теперь первые лица — это те послушники, которые вступили в обитель вместе или вслед за мною. Они уже иеромонахи, и главный из них, наместник Аполлос[1], кажется, не ложно может быть назван образцовым иноком нашего времени.

Не знаю, не сберусь ли в конце лета побывать в Москве. И очень нужно бы для здоровья, — кажется, нужно бы и для души. Какое радостное свидание меня там ожидает и туда приманивает! До сих пор встречаю препятствие в мысли, представляющей, что опасно оставить монастырь при настоящих обстоятельствах духовенства невского, можно отсутствием своим повергнуть братство Сергиевское расхищению. Не приедете ли Вы в северную столицу? Не призывает ли Вас в оную наступающая нужда поместить старшего сына Вашего в Пажеский корпус или гвардейскую школу? — Ему должно быть около четырнадцати лет? Очень порадовался я, услышав, что Государь опять обратил внимание свое на заслуги Ваши. Земная почесть сама по себе ничтожна, но для человека, посвятившего жизнь свою на службу Царю и Отечеству, отрадна Царская милость.

Остается мне изобразить постоянное, и усердное, и молитвенное желание моего сердца всех благ Вам и всему Вашему семейству. Да благословит Бог питать и растить в душе Вашей чувство любви христианской к грешному Игнатию!

Ваш усерднейший и преданнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
Сергиева пустынь
Апреля 11-го дня 1841 года

[1] О. Аполлос до 1846 г. наместник Троице-Сергиевой пустыни, с 1846 г. — настоятель Старо-Ладожского Николаевского монастыря; с 1860 г. — архимандрит; в 1863 г. — уволен на покой; см. о нем также в 7 т., с. 290–292.

№ 26

Высокопреподобный Отец Архимандрит,
Милостивый Государь!

Весьма утешительно было для меня известиться от Вас, что здоровье Ваше получило радикальное поправление. Новая бо-

лезнь, которая Вас угнетала и которая так обыкновенна при финских берегах, имеет сильное влияние на расположение душевное. Вы могли преодолевать его одним врачевством духовным. С радостию и благодарностию увижу плод такого врачевания, коим дружба Ваша ко мне и любовь к ближнему вознамерились наделить нас. Дело одних наделять пищею тленною, дело других — снабжевать хлебом Небесным. Все хорошо во имя Господа Иисуса, показавшего нам пример и в том, и в другом; но несомненно, что последнее выше, и блажен тот, кто к такому подвигу призван и звание свое проходит достойным образом. Радуюсь, что под наблюдением Вашим и еще уготовляются подобные сподвижники. Как это ни толкуй, а монахам не предоставлено запираться в своей келье. Светильник зажигается с тем, чтоб светил во всей храмине. Да и при пострижении монашеском не говорится ли: тако да просветится свет ваш пред человеки, да видят ваши добрые дела и прославят Отца Вашего, иже есть на небесах. Монашеская жизнь может только способствовать к достижению совершенства христианского; но не освобождает от общих христианских обязанностей — служить человечеству, чем только можно и удобно. Упражнение в делах милосердия особенно могло бы быть полезно для людей простых, которые часто хладеют к молитвам и другим духовным подвигам, не будучи к этому достаточно приготовлены. Впрочем, кажется не за свое я взялся, разглагольствуя о предмете, который знаю только со стороны. Будучи сам погребен во внешности, я и приставлен к внешнему служению собратий наших. В прилагаемой книжке вы увидите, как усердно помогают мне сотрудники мои — наиболее из благочестивого русского купечества. Намедни в их собрании давали русские же певцы концерт в пользу учрежденных ими столов, а русский поэт написал по этому случаю кантату, которую также Вам сообщаю.

Новое внимание к этим трудам со стороны Августейшего моего благодетеля тем более было для меня приятно, что избранный для награждения моего орден посвящен памяти великого равноапостольного Мужа, который принес отечеству нашему пользу неописанную, и посвящен Царицею, которой сердце преисполнено было любовью к человечеству. Самые цвета его ленты очень знаменательны. Это цвета крови и смерти. Не значит ли такое украшение, что для ближнего не надо щадить первой и не устрашаться последней?

Как мне будет жаль, если вы соберетесь сюда в конце лета. По домашним делам моим я должен отъехать в Рязанскую деревню[1]

в половине июля и не могу возвратиться ранее 29 сентября. Впрочем, здесь и там, врозь или вместе, я всегда с одинаковой привязанностью и уважением пребуду преданным вам Нечаевым.

11 июня 1841 года
Москва

[1] У С. Д. Нечаева в Данковском уезде Рязанской губернии было имение — Сторожевая Слобода, или Сторожово.

№ 27

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь!

Почтеннейшее письмо Ваше от 11-го июня получил я к особенному моему удовольствию, которое так мне обычно при получении Ваших писем. Отчет Комитета за 1840 год показывает чрезвычайный успех сего благодетельного учреждения, управляемого мудрой Вашей распорядительностию. В конце мая месяца скончалась в Петербурге благодетельная особа, княгиня Татиана Васильевна Юсупова, которая делала много пособий, часто большими очень суммами; за несколько времени до кончины своей она познакомилась со мною коротко, усилила благотворительность свою и намеревалась решительно оной предаться, как по неисповедимым судьбам Божиим внезапно потребована в вечность. В числе неисполнившихся ея намерений находится и издание книги **святого Исаии Отшельника**, которую она хотела напечатать на свое иждивение, и напечатанные экземпляры, за исключением небольшого количества, нужного для раздачи безденежной почитаемым и благочестивым людям, предоставить в ваше распоряжение. По разрушении сего плана смертию кн. Юсуповой может ли труд мой быть полезным для братий, нуждающихся в хлебе вещественном? Я сам не имею на что напечатать с единственною целию пожертвования; равно не имею в виду лица, которое бы издержки напечатания взяло на себя. Но если Вы, почтеннейший Стефан Дмитриевич, найдете выгодным напечатать на иждивение Комитета, то с любовию жертвую трудом моим. Книга, кроме предисловия, оглавления и прочего, сама по себе имеет 332 страницы, кои, сравнив с страницами вашего отчета, нахожу соотношение между ими, как четыре к трем, то есть книга Исаии может иметь таковых печатных страниц 250. Для обращика книги, которая прямо монашеская, но и для всякого внимательного христианина крайне полезна, прилагаю при сем некото-

рые отрывки. Прошу известить меня о Вашем распоряжении, по коему могу выслать к Вам рукопись, которую остается доправить и дополнить алфавитом. Вся моя корысть вещественная будет ограничиваться покорнейшею просьбою о доставке мне ста экземпляров для безденежной раздачи за цену, чего будет стоить Комитету; вторая же просьба — чтоб имя мое нигде не было обнаружено. Мой казначей отправился в Киев, он часто видал Вас, и я ему поручил быть у Вас и доставить мне подробное сведение о Вас. Как Вас домашние обстоятельства требуют в Рязань, так меня, наоборот, сергиевские обстоятельства не пустят в Москву. Столь шумного лета у нас не бывало. Петергофская дорога усеяна экипажами. — Будьте здоровы!

Навсегда Ваш

Архимандрит Игнатий.
24-го июня 1841 года

Святой Исаия из Слова VIII. — Если ты дал что взаймы ближнему и оного не просишь обратно, то подражаешь свойству Иисуса; если же просишь, то подражаешь свойству Адама; если требуешь лихвы, то это ниже и Адамова свойства. Если кто укорит тебя за что, тобою сделанное или не сделанное, а ты промолчишь, то уподобляешься Иисусу; если будешь отвечать, возражая: что я сделал? — то ты уже не подобен Ему; если же воздашь равным за равное — то совершенно не подобен. Если приносишь жертву твою со смирением, как недостойный, то оная будет благоприятна Богу. Если же вознесешься сердцем твоим и вспомнишь о других спящих или нерадящих, то суетен труд твой. Смирение не имеет даже языка сказать о ком, что он нерадив или презорлив; — не имеет глаз для зрения чужих погрешностей; — не имеет ушей для слышания того, что не может принести пользы душе; наконец, оно не имеет никаких забот, кроме забот о грехах своих. Оному свойственно со всеми сохранять мир, не по причине дружбы, но ради заповеди Божией.

Слово XVII. — Попирающий совесть, изгоняет добродетели из сердца своего. Боящийся Бога прилежен, не боящийся Его предается нерадивости. Хранящий уста свои и молчащий благоразумно возвышает помышления к Богу. От многословия происходит леность и ярость. Подчиняющий ближнему волю свою обнаруживает тщаливость души к снисканию добродетелей; напротив, пристрастный к воле своей обнаруживает свое невежество. Страх Божий и тайное поучение хранят душу от страстей. Мирские разговоры повергают сердце в мрак и отвращают оное

от добродетелей. — Возмущается ум и сердце любовию к земным вещам, презрением оных приносится безмолвие и спокойствие... Ржа снедает железо; подобным образом честолюбием точится сердце человеческое. Плющ, обвившись около виноградной лозы, портит плод ея; подобным образом тщеславие ниспровергает труды человека. Смирение предводительствует добродетелями, а чревообъядение страстями. Конец добродетелей — любовь, а страстей — почитание себя самого праведным.

Заключение XVII Слова. — Братия! Будем стараться, доколе находимся в теле, наполнить сосуды наши елеем, по причине коего светильник бы наш засиял, когда будем входить в царствие. Светлый и блистающий светильник есть душа святая. Ибо душа, блистающая добрыми делами, войдет в царствие, душа же, оскверненная злобою, низойдет во тму. Итак бодрствуйте, братия, и прилежите добрым делам: ибо время приближается. Блажен ведущий себя строго. Уже колосья поспели и настает жатва. Блажен сохранивший плод свой, — приидут ангелы и вложат оный в житницу вечную. Горе унывающим, ибо огнь их пребывает. Наследия мира сего суть злато и сребро, и домы, и одежды: все они подают причину ко греху, и при всем том, отходя туда, мы должны их оставить. Наследие же Божие безмерно, оного *око не виде, ухо не слыша*, оное *на сердце человеческое не взыде* (1 Кор. 2. 9). Оно даруется тем, кои в краткое сие время повинуются заповедям Господа. Оно даруется за хлеб, за воду, за одежды, кои подадим нищим, за человеколюбие; за чистоту тела, за непорочность сердца и за прочие добродетели...[1]

[1] Ср. Настоящее издание, т. 6, с. 118–212.

№ 28

Высокопреподобный Отец Архимандрит,
Милостивый Государь!

Долго поджидал я Вашего казначея, чтоб отвечать на дружеское писание Ваше от 24 июня. Но, видно, он приехал в то время, когда я находился в деревне. Не надеюсь более его видеть и не могу далее отказывать себе в удовольствии с вами побеседовать.

Отрывки, сообщенные мне из перевода вашего, пришлись мне по душе. Я желал бы видеть все сочинение в печати. Если богатые наследники К. Юсуповой не согласятся исполнить благочестивого ее намерения, я найду, может быть, способ напечатать его здесь на счет таких же благотворительных людей. Поклонюсь какому-нибудь бумажному фабриканту, съезжу с просительным

визитом к кому-нибудь из содержателей Типографий — с помощью Божиею книга может выйти в свет без расходов со стороны небогатого моего комитета. Условие почтенного Переводчика свято будет исполнено. Пусть он потрудится только провести труд свой чрез мытарства цензурные и с необходимым одобрением доставить ко мне эту рукопись.

Согласен с Вами, почтеннейший Отец, что сына моего старшего, которому минуло 12 лет, пора бы пристроить в какое-нибудь Петербургское учреждение. Но я все не решаюсь отделить его от родительского лона, страшась и за некрепкое его здоровье, и за чистоту нравственности.

Боюсь вашего климата и за всю семью. У меня самого хромая нога просится совсем в отставку. Нужнее становится благорастворение воздуха и спокойствие уединенной жизни. — Что касается до солитера, который беспокоил меня на берегах Финского залива, то, кажется, он там и остался после моей последней лихорадки. Вот уже седьмой год, как он не показывается и даже не подает признаков своего существования.

Как я рад, что Вы избавились от такого же внутреннего врага, и желал бы на всякий случай — иметь рецепт лекарства, которого он не вынес. До сих пор медицина не знает верного средства против этой беды, впрочем, что она верно и знает-то? Врачует Один и одним: буди Он благословен в целениях и страданиях наших!

Между тем разлука наша шестой год уже продолжается. Хоть бы на бумаге увидел любезные для меня черты лица вашего! — Из детства любил я монашество. Многие из монашествующих удостоивали меня своею дружбою; а не с одним не гармонировал я так, как с Отцом Сергиевским Настоятелем в правилах и чувствах. Господь да утвердит навсегда эти сношения духа, во имя Его начатые и продолжавшиеся.

По взаимности расположения вы полюбили действия моего Московского Комитета. Следовательно, не без удовольствия увидите одно довольно основательное суждение об нем замечательного Писателя. Посылаю к Вам его собственно ради первой страницы. Прочее вам уже известно, влагаю еще простой Московский гостинец. Простите, что на сей раз лучшего ничего представить не имею.

Преданнейший слуга

С. Нечаев.

19 октября 1841 года

Москва

№ 29

Ваше Превосходительство, Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Долго не отвечал я на почтеннейшее, дружеское письмо Ваше. Так прихворнул в это время, что опасались воспаления в груди. Произведено кровопускание, приставлены пиявки, и приговаривают к повторению кровопускания. Сохраняю большую диету от письма и пишу только в крайних случаях: этому причиною большая слабость в груди с болью и потерею голоса. Так переплавляемся мы в здешней жизни, и, дай Боже, чтоб не бесполезно!

Служение Ваше по духовному ведомству дало Вам возможность употребить слово **мытарство** для названия тех **рассматриваний** продолжительных и многообразных, коим подвергаются у нас книги существенно полезные, и от коих так свободны книги умеренной пользы, в особенности же пустые и даже вредные. Я улыбнулся при прочтении этого слова и теперь часто улыбаюсь, видя оживотворение его делом. Книга святого Исаии была у Преосвященного Киевского[1] в продолжение трех месяцев; он прочитал ее и одобрил к напечатанию, ублажив духоносного писателя величайшими и должными похвалами. Теперь, конечно, пойдет на рассмотрение к Московскому[2]. Наследники Юсуповой не наследовали ее щедрости или, может быть, и наследовали, но без того расположения ко мне, которое имела покойная. Здесь подобный пожертвователь не легко открывается: большая часть пожертвований ищут публикаций в газетах и благоволений, а не тайной сердечной награды. Если труд мой может послужить с какой-нибудь пользою для нуждающихся братий, то, по совершенном одобрении рукописи к напечатанию, не премину представить оную Вам. Будьте раздаятелем хлеба и вещественного, и духовного! Тех и других нищих много.

Опасения Ваши по отношению к климату и нравственности очень справедливы: никакой глаз не может заменить родительского, не говоря уже о сердце. Да и из **учебных заведений**, в настоящее время, едва ли не первое место должны занимать учреждения, приготовляющие к статской службе, а из них вообще университеты. Мы ветрены: количество знаний, которое возрастает с возрастом мира, мы имеем большее, нежели наши предки; это самое многознание делает нас поверхностными, и мы уступаем предкам в качестве знаний, в сущности знания. А ветреность — от стремления к пустым веселостям.

Вы промолвились о **уединении**? Когда эта мысль приходит, надо ее спрашивать: не рано ли? Хотя и опаздывать не должно. Точно: мир не веселит людей размышляющих, но он, питая нас горестями, отталкивает нашу любовь к нему и направляет ее к Богу. мир ранит наше сердце и тем исцеляет болезни — земные пристрастия. Безвременное уединение уничтожает сию работу сердца, которое, нашедши покой, часто снова примиряется с миром и делается холоднее к Богу. Это не мои мысли, но я заимствовал их из аскетических отцов Церкви, и когда приходится видеть опыты, то они постоянно утверждают меня в сем образе мыслей.

С большим бы удовольствием прислал Вам рецепт того лекарства, коим я избавился от солитера, но тот приезжий доктор, который пользует от сей болезни, предлагает нашему правительству купить рецепт его за 5000 рублей ежегодной пожизненной пенсии, а до тех пор не открывает своего способа, в который входят одни растительные вещества. Кого он здесь ни пользовал, всех удачно.

Наконец я склоняюсь на портрет с грешного лица моего и почитаю обязанностию своею прислать к Вам экземпляр, дабы Вы видели и образ того, кому Вы делали много добра. Мои мысли и чувствования, которые не прямо мои, но заимствованы от истинного духа Христовой Церкви, всегда находили приют в Вашем сердце. От этого взаимная любовь! Любовь — тот покой, тот дом, в который Бог вселяет единомысленных о Христе, как воспевает псалмопевец.

Благодарю Вас за присланные брошюры[3]. Очень приятно видеть, что есть люди, рассуждающие основательно. Между прочим, присматриваюсь и к печати, какая бы поприличнее была к книге пр. Исаии; кажется, покрупнее лучше; а то для старых и слабых глаз модная мелочь чрезвычайно затруднительна. Мне понравилась печать: *Нищие в Москве*, по четкости.

Будьте здоровы! Поздравляю Вас с Новым Годом, призываю на Вас и на все почтеннейшее семейство Ваше благословение Божие и молитвы преподобного Сергия. И с чувством сердечной преданности имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1842-го года, января 17 дня

Казначей мой, быв в Москве, справлялся о Вас, но ему сказали, как это и в самом деле было, что Вы находитесь в отсутствии.

Самому мне хочется дохнуть благорастворенным воздухом внутренней России, но до сих пор обстоятельства не подают руки.

[1] Митрополита Филарета (Амфитеатрова).
[2] Митрополиту Филарету (Дроздову).
[3] Изданные в пользу Комитета о просящих милостыни.

№ 30

Еще новое доказательство, почтеннейший Отец Архимандрит, что, видно, есть между нами какой-то невидимый посредник, для которого время и расстояние как бы не существует. Только что хотел я писать к вам о том, что не может ли счастливый ваш врач побывать у нас, как получаю от дружеской заботливости вашей обстоятельное извещение об этой возможности... Но не просто изумлен я был таким обязательным предварением, а вместе и утешен, и исполнен искреннейшей благодарности за труд, так охотно на себя принятый. Теперь уже минуя медлительную Стрелинскую корреспонденцию, я обращусь с дальнейшими сведениями о чревной своей немощи и прочих обстоятельствах к доброму нашему старцу, витающему поближе к Петербургскому Почтамту на Моховой.

При прежних королях французских явился при дворе один швейцарец с секретом — изгонять солитера. Секрет этот куплен был правительством — помнится — за 40 тысяч франков и опубликован. Средство его состояло в корне папоротника. Я употреблял его прежде раза два — безуспешно. На днях повторил тот же опыт — и также без желаемого последствия. Принимаю теперь морковный сок. Голова стала посвежее, нет позыва частого на еду, и тошнота не беспокоит. Может быть, эти лекарства ослабили кишечного змея. Может быть, его и совсем во мне нет. Более шести лет он не показывался отрывками разной величины, как бывало это в 1834 и 1835 годах.

Господь ведает, когда и как загадка эта разрешится. Мое дело — смиренно предоставлять благопромыслительной Его воле страдания мои и облегчение; мой долг — сердечную питать признательность к людям, которые, несмотря на бесчисленные, язвительные и отвратительные мои недостатки, принимают во мне участие, прикрывая все христианскою любовью. Обыкновенный человек любит грех, а ненавидит грешника. Кто же ищет путей возрождения, тот, подражая Богу, начинает ненавидеть грех, а возлюбляет грешника.

Как Вы обрадовали меня известием, что я наконец буду иметь любезные черты Ваши. Не откладывайте, пожалуйста, исполнения доброго Вашего намерения. Я боюсь, что опять другие размышления, внушаемые излишнею, может быть, скромностию, поколеблят вашу решимость. Ожидаю и рукописи Вашей, не понимая, как могут писания такого мужа, какого Вы избрали, нуждаться в особенных и продолжительных рассматриваниях. Простая тайна, открываемая младенцам, способнее была бы для оценки подобных сочинений, чем утонченная всемирная ученость.

Вашего Высокопреподобия преданнейший слуга

Н<ечаев>.

7 февраля 1842 года

Москва

№ 31

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Аз, говорит Господь в Откровении Иоанна Богослова, их же *люблю, наказую*. Эти слова совершаются над Вами. И Ваше сердце давно приготовлялось непостижимым, таинственным ощущением к ношению креста! И Вы давно приучаетесь на самом деле к ношению креста! Ваша счастливая жизнь, в которой я Вас застал, была подобна благотворному лету, доставляющему нивам обильное плодородие: в нем дни ясные сменялись днями пасмурными. Прочитав письмо Ваше, которого каждое слово отзывалось в моем сердце, я перенесся воспоминанием к тому опыту стихов ваших, который Вы, когда-то, во время одной из приятнейших наших бесед, мне читали. Предметом Ваших восторгов была Голгофа, крест, терновый венец, гвозди. И точно! С того времени как Богочеловек подчинил Себя страданиям и ими исцелил наши страдания, **подножие Голгофы** сделалось для ученика Иисусова местом дум плачевных и вместе утешительных, сладостных. Сидящий у сего подножия смотрит с равнодушным и спокойным любомудрием на непостоянных счастливцев сего непостоянного мира. Он им не завидует, он предпочитает познание креста Христова, отверзающего врата в блаженную вечность, тому кратковременному упоению, в котором держит земное счастие свою жертву, чтоб предать оную вечному бедствию. Горе вам, насыщеннии ныне, горе вам, смеющимся ныне! — Это неложные слова Сына Божия. В то время, как я имел возможность часто наслаждаться лицезрением Вашим, взоры мои отыс-

кали особенную черту в Вашем характере: она ярко выказывалась для меня при всей светлости Вашего ума: это простота сердца, выражающаяся в доверенности к людям, к доброте их сердец, к прямоте совести и правил. Таковая простота есть один из признаков любви. *Любы не мыслит зла*, а потому *всему веру емлет*[1]. Любовь есть печать души, способной для неба. Итак, в Вашей душе та причина, по которой человек бывает крестоносцем; *Отец Небесный всякую лозу, творящую плод, отребляет ю, да множайший плод принесет*[2]. Вот и глаза Ваши ослабели. Понимаю, как отяготительна болезнь сия для человека, которого главнейшим занятием суть чтение и письмо. И почерк Ваш сказывает, что глаза Ваши не прежние. Я страдаю глазною болезнью уже семь лет, и длинные зимние вечера провожу в своей комнате без свечек; пишу и читаю только при свете дневном; впрочем, и сие без боли глаз только с нынешней зимы, после того, как я стал привязывать к глазам на ночь рубленную или лучше мелко крошенную свеклу в платке батистовом, на полчаса или час, предварительно намочив голову ромом, предпочтительно белым, и обтерши им лице. Все прежние лекарства, все знаменитые капли, и чужестранные и здешние, не принесли мне никакой пользы; напротив, еще более ослабили, притупили зрение. Последнее средство, будучи вполне не опасно, очень мне помогает; должно наблюдать, чтоб как свекольный сок, так и ром не попадали в глаза. Для Вас, на котором лежит столько должностей общественных, при исполнении которых Вы не любите не смотреть пристально, ослабление зрения есть большая потеря, большое лишение. Инок должен меньше чувствовать тягость сего лишения, потому что он может, сидя в своей келлии, чуждый всякой наружной деятельности, разгибать книгу души своей и читать в сей книге назидательнейшие истины.

Милые Ваши дети, прекрасные Ваши дети, которые так утешительно лепетали молитву и славословие Спасителю мира, совершающего хвалу Свою из уст младенцев и сущих! Они достигли юношеского возраста; они ощущают, несут ярем креста! Господь да укрепит их, да помилует их! Да дарует их родителю терпение, подобное терпению Иова, посылая искушения, подобные искушениям сего праведного мужа. Вы уязвлены и в имение Ваше, и в семейство ваше, и в тело Ваше. Души его не коснись, заповедует Господь диаволу, передавая на испытание внешнего человека. Не касается диавол души страждущего человека, когда человек пребывает в самоукорении и в благодарении, ког-

да множеством славы стирает супостата. **Достойная по делом наю восприемлем** — вот слова, приличествующие распятым одесную Господа. Таковые будут помянуты в Царствии Его.

Благодарю Вас за присланные книжки. Обе так просты и ясны, что в них с приятностию усматривается желание угодить не только земле, но и небу. Слово отца Сергия очень мило: в нем соединяются прекрасные чувствования с непринужденным, приятным слогом. И слово его не возвратилось к нему бесплодным, посеялось в сердцах слушателей и принесло плод приятный Богу, — сострадание к нищим, тотчас выразившееся в делах!

Будучи Вам должен невыплатимым долгом, долгом любви, я состою у Вас в особенном долгу! А причиною тому — мои глаза. Книга Исаии ждет окончательной переправки, которую никак не могу предпринять раньше весенних, ясных дней. По тому, как ныне публика принимает подобные книги, я полагаю, что экземпляры Исаии не залежатся, особливо, когда они будут в деятельном распоряжении Председателя Комитета нищих. Ныне выходят вновь письма Задонского затворника уже в трех томах: эта книжка многим чрезвычайно понравилась.

Что сказать Вам о себе? Единообразно текут дни мои среди немощей душевных и телесных. Сергиева пустынь расцветает год от году более, а я год от году хилею, слабею и по зимам почти не выхожу из своих комнат. Иногда мелькает мысль о путешествии в Воронеж или Киев, о путешествии столь нужном для моего здоровья, и опять подавляется бесчисленными препятствиями, не позволяющими оставить монастырь на продолжительное время, особливо летом. Но в то время, когда занимает меня мысль сия, бываю в Москве, вхожу в дом, стоящий близ Девичьего поля, вижу хозяина, с тою же улыбкою любви на устах, с каковою всегда видел его в Петербурге, и приветливо смеются мне его голубые глаза, все лицо его живописуется в моем воображении со сходством точно идеальным. Сердце гармонирует фантазии нежным восторгом и трепетанием.

Простите, простите! Соединенный со мною узами искренней дружбы и удаленный протяжением земного расстояния, Стефан Дмитриевич! Когда-то судьбы приведут Вас увидеть, и какую увижу в Вас перемену, напечатленную восемью нерадостными годами. На мне Вы увидели бы седины и седины!

Призываю на Вас благословение Божие и молитвы преподобного Сергия, поручаю себя Вашей христианской любви и с чувством сердечной преданности и почтения имею честь быть навсег-

да Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.
Сергиева пустынь
Декабря 13 -го дня 1843 года.

[1] *Любовь... не мыслит зла... всему верит* (1 Кор. 13. 4, 5, 7).
[2] *...всякую [ветвь], приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода* (Ин. 15. 2).

№ 32

Долго странствовало письмо Ваше, Почтеннейший и Добрейший Стефан Дмитриевич, доколе не пришло ко мне. Оно пустилось в путь 20 августа из Сторожева (конечно, это имя Вашего поместья), а прибыло в Сергиеву пустынь 25 сентября. Из штемпеля петербургского почтамта видно, что оно получено в нем 21 сентября. А надпись на нем: **по ненахождению препровождается,** несмотря на то, что адрес Ваш выполнен со всею точностию и правильностью, показывает, что встретились какие-либо недоразумения, и письмо путешествовало куда-либо в другое место, прежде путешествия своего в Стрельну.

В ответ на первую страницу Вашу скажу: соответственно Вашим добрым чувствам ко мне, и скудное мое слово к Вам кажется Вам благим и носящим помазание. Но каково бы оно ни было — оно есть слово сердца. Признаюсь, — бывали в жизни моей минуты, или во время тяжких скорбей, или после продолжительного безмолвия, минуты, в которые появлялось в сердце моем **слово.** Это слово было не мое. Оно утешало меня, наставляло, исполняло нетленной жизни и радости — потом отходило. Искал я его в себе, старался, чтоб этот голос мира и покоя во мне раздался, — тщетно! Случалось записывать мысли, которые так ярко светили в сии блаженные минуты. — Читаю после, — читаю не свое, читаю слова, из какой-то высшей сферы нисходившие и остающиеся наставлением. Обыкновенная жизнь, и монастырская, сопряженная со многим развлечением, не может удерживать всегда при себе сих горних посетителей. Открывая так себя пред Вами, почтеннейший и дражайший Стефан Дмитриевич, я самым делом доказываю Вам, что недостойная душа моя, по благости Божией, ощущает сближение с душою Вашею, несмотря на материальное пространство и на продолжительное время, нас разлучающих: потому что это сближение совершается о Господе и ради Господа.

Вашего финляндца[1] присылайте сюда. Несмотря на то, что наш монастырь битком набит, надеюсь найти и для него уголок. Может быть, знание сельского хозяйства доставит ему приятное и знакомое для него, а для монастыря полезное занятие. Если же сверх моего чаяния, по какой-либо причине, он не будет соответствовать здешнему месту или оно ему, то надеюсь поместить его в один из подведомственных мне монастырей. Но желаю, чтоб сие второе предположение оказалось вполне ненужным.

Посетила меня, недели с две или три тому назад, послушница Бородинского монастыря[2], жившая некогда у Елизаветы Михайловны Кологривовой: она довольно подробно сказывала мне о Вас, о Ваших милых детях, что и их посещает перст Божий. Милые дети! Бог, рано посылая вам воздыхания, приготовляет вас в храмы Себе. Не завидуйте тем, которые пользуются полным здоровьем, которым мир улыбается и которых он приглашает в свой омут. Уста распявшегося за нас Господа возвестили горе смеющимся ныне, а блаженство плачущим и воздыхающим.

Участвующий в Вас сердцем, Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
27 сентября 1845 года

[1] Валленштрема. О нем см. в письме № 33.
[2] Кикилия, в мире Марфа Попова.

№ 33

Получил два письма Ваши почти в один день, Дражайший и Бесценный сердцу моему Стефан Дмитриевич: одно с отчетом печатным, другое с отчетом живым — Валленштремом. Вы меньше сказываете в Вашем печатном отчете, нежели сколько говорит живой: в первом виден Ваш ум, Ваша распорядительность; второй беседует больше, почти единственно, о Вашем сердце... Валленштрем мне понравился, понравился и братии; сколько видно и как он говорит — понравился и ему монастырь наш. По его хозяйственным сведениям он может быть полезным обители: следовательно, Вы сделали нам значительный подарок. В нравственном отношении мы не будем его отягощать излишними, утонченными требованиями, зная, что старое строение от значительной переломки может только разрушиться.

Благодарю Вас за участие в постигшей меня **скорби**. Но это — путь мой: одна скорбь передает меня другой, и когда несколько

продлится спокойствие, то я чувствую сиротство. Увидев бездыханное тело, я зарыдал над ним без всякой мысли, по одному лишь горькому чувству сердца. Какая мысль, какое размышление может быть тогда, когда действует судьба, превысшая мысли? Буди воля Божия, буди воля Божия! В сих словах я находил разрешение сего случая; сии слова внесли в душу мою спокойствие — непременное следствие преданности воле Божией. Часто стоя пред вратами вечности, частым ощущением ее и размышлением о ней, не принужденными и не искусственными, но являющимися и действующими в душе как бы самостоятельно и естественно, — я становлюсь более и более холодным к случающемуся со мною приятному и неприятному, предавая все временное воле Божией и прося у Бога единственно благополучной вечности.

Приближаются великие праздники Христовой Церкви и Новый год. Поздравляю Вас и милых детей Ваших; желаю Вам и им всех истинных благ на земле и на небе. Во время пребывания Вашего в Петербурге, когда я принят был под благословенный кров Ваш, дети Ваши были так малы, что, конечно, или совсем меня не помнят, или помнят очень мало; но я живо сохраняю их в памяти; в ней нарисовались их милые образы чертами, которых время не могло изгладить. Чувство любви к их родителю естественно объемлет и чад его.

Будьте здоровы, дражайший Стефан Дмитриевич! Мир Божий, превысший разумения человеческого, поглощающий в себя всякое разумение, даруемый Евангелием, даруемый Христом, изливающийся обильно из язв Его в сердца верующих и терпящих здесь, на земле, скорби, *да водворяется в вас богатно* и да исполняет Вас сладостным, благодатным утешением, — веселием небожителей!

От души и сердца Вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.
Сергиева пустынь
11-го декабря 1845 года

№ 34

Какой сладостный, духовный, высокий плод пожинают погружающиеся умом и сердцем в Слово Божие, поверяющие по глаголам сей Небесной премудрости опыты своего земного странствования! Таковые достигают того, чего желал от верующих во Христа Христов апостол, когда он писал им: *Молю вы,*

братие, да будете утвержденни в том же разумении и в той же мысли. Событие сих слов я ощущал в себе, Почтеннейший и Дражайший Стефан Дмитриевич, читая Ваши строки, которые изливало сердце, пронзенное многими язвами и нашедшее отраду в язвах Иисуса, прозревшее яснее на будущность, видящее яснее Промысл Божий, истинное назначение человека, ничтожность и быстрое исчезание всего временного и суетного. Читая Ваши строки, я как будто размышлял сам с собою; в ответ я мог бы послать к Вам письмо Ваше, усвоив его себе и подписав под ним мое имя. Давно не видимся друг с другом, не беседуем лицом к лицу, пишем друг к другу не часто, а сближаемся более и более! Вот плод учения Христова!

Письмо Ваше сказало мне, что Вы часто прибегаете к Слову Божию и к молитве, просвещающим человека. По мыслям, рождающимся в душе, можно узнавать, какие впечатления на нее действуют! Принимайте слова мои с простотою сердца, потому что и я говорю от искренности сердца. В словах моих нет ничего лестного; льстящие льстят для того, чтоб уловить, посмеяться, повредить. Нет! Не имею этой цели! Говорю для истины и любви. Язык их, конечно, Вы можете отличить от языка, которым говорит лживое человекоугодие. Ваше размышление о простосердечии и лукавстве, извлеченное из опытов жизни христианской и внимательной, так мне понравилось, что я благословил искренним ученикам моим списать письмо Ваше в их письменные книги, в которые вносится особенно примечательное современное с целию душевной пользы. **Какое условие христианской простоты?** *Последование закону Божию.* Добродетельный и благонамеренный не нуждается представляться таковым; напротив того, кто любит грех, чья воля в грехе, тому нужна личина. Вера рождает простоту. Верующий идет путем жизни, надеясь на Промыслителя своего, как говорит Писание: *ходяй просто, ходить надеяся.* Неверующий не видит Промысла, думает, что судьба его зависит от ухищрений разума его, все благо полагает в земном; стремясь к нему, лукавствует словом и делом. Чем более будем углубляться в Слово Божие, чем более будем возрастать возрастом духовным, тем более будем убеждаться, что приблизиться к Богу не возможно иначе, как простотою, в которой и вера, и чистота совести, и образ мыслей, созданные заповедями Вышнего. Одни простосердечные способны преуспевать духовно, как говорит Писание: в душу злохудожну не внидет Премудрость. Простосердечные подвергаются страданиям, но не без

причин. Небесный Вертоградарь отребляет лозы Свои: Он видит способность их к плодоносию. Ветвь бесплодная не привлекает к себе Его внимания и забот до тех пор, как придет время ее отрезать и выкинуть из вертограда; тогда подбирают ее нищие земли для топлива своего. Под именем нищих разумею здесь лишенных всякого блага бесов, заботящихся, чтоб их вечная пещь горела жарче.

Знаменательны приведенные Вами слова: *еже твориши, сотвори скоро*! Такой же обширный смысл имеет и молчание Христово пред судьями, судившими для того, чтоб обвинить, чтоб найти какой-либо предлог, имеющий вид обвинения праведного, для исполнения замысла, замышляемого в сердце преступном и злобном. Посреди сего божественного молчания возгремели в наставление наше слова Спасителя к Пилату, слова тихие по наружности, но страшные как гром и молния по смыслу: *Не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше*![1] Какое глубокое и обширное наставление для страждущих о Христе, научающее их смотреть на своих Пилатов, как бы на бездушное оружие Промысла, подающего возлюбленному своему чашу Христову, залог блаженства вечного со Христом. Здесь уже совершается отделение пшеницы от плевелов и производится Божий суд над ними. Последователь Христов страждет в великодушном молчании, познавая крестом Христа; а Пилат с холодностию и мимоходом вопрошает о Истине; не думает и не желает знать о ней, потому что не хочет даже выслушать, дождаться ответа; между тем Истина Христова ему предстоит в смирении и высоким молчанием о себе сказывает. *Удивися разум твой от Мене*[2], молитвенно взывал к Богу святой Давид; удивится Евангелию и его глубокому учению, учению Божественному, христианин, читающий его с верою и чистотою совести, при озарении свыше: живые жизнью, заимствованною от ветхого Адама по закону чадородия, находятся в состоянии падения; это состояние свое доказывают непрестанным самообольщением, почитая землю, место своего изгнания, местом наслаждений бесконечных. Новый Адам, Христос — крестом спасает падших: умерщвляется жизнь падения отъятием наслаждений земных, а из недр сей смерти возникает **жизнь во Христе**, находящая наслаждение в лишениях. Отсюда преселяется человек мыслями, желаниями, надеждами на небо и ожидает с извещенною верою обетования свыше, обновления Духом. Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить

смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Сего желаю и Вам и себе; почему произношу вместе с Вами сию исполненную духовного разума, утешительную молитву: Господи! совершай над нами волю Твою, и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единаго у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления.

Изливая душу Вашу, Вы забыли сказать мне о Вашем теле, о здоровье Вашего милого семейства. Господь, врачующий душу Вашу, и сие да приложит Вам! Благодарю Вас за присланную повесть о заботах Ваших, о служении меньшой братии Христовой. Скоро ли исполню обет свой и отплачу Вам чем-либо подобным! Здоровье мое слабее и слабее, а с этим вместе и здешний мир начинает казаться чужим. Не мудрено, когда пред глазами переселение!

Ваш преданнейший Игнатий.
19-го декабря 1845 года

[1] Ин. 19. 11.
[2] *Дивно ведение Твое для меня* (Пс. 138. 6).

№ 35

Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Небесное. Сие слово Божие совершается над Вами, Достопочтеннейший и Дражайший душе моей Стефан Дмитриевич. Известил меня Иван Иоакимович Мальцов о новом виде болезни, болезни тяжкой, в Вас открывшейся. Да дарует Вам Бог перенести страдания с сохранением сил душевных и телесных и получить облегчение. По тернистому пути ведет Вас рука Промысла! Но такова судьба возлюбленных Богом: едва нарекается Павел избранным сосудом, как уже вместе с сим и предназначается ему множество страданий. Крест — это знамя стада Христова, это знамение овцы Христовой. Да ниспошлет Господь в минуты тяжкой скорби Вашей благую мысль благодарения Богу, славословия и благословения десницы Его. От благодарения и славословия рождается живая вера; от живой веры — тихое, но могущественное терпение о Христе. А где ощутится Христос, там и утешение! Это утешение не от мира сего, который иначе не может утешать в скорби, как отъятием скорби. Христос действует иначе: Он не снимает тернового венка с возлюбленного Своего, потому что так венчаются в цари небесного Царства, но посылает в душу благо-

датную сладость, залог предвкушения вечного блаженства, — и пред лицом сей сладости исчезают временные скорби, — по крайней мере много притупляется острие их.

Вручая Вас Господу, остаюсь навсегда Вам преданнейший

Архимандрит Игнатий.
1846 года, Генваря 19-го дня

№ 36

Наконец имею сведения о Вас, Дражайший душе моей Стефан Дмитриевич, от человека, лично видевшего Вас, от человека, облеченного в иноческий образ; это сведение тем особенно для меня драгоценно, что взоры внимательных иноков глубже проницают в душу, посещаемую посещением Господним. Он понял, что Господь, посещая Вас скорбями, вместе дарует и пособие к перенесению их, как говорит преподобный Исаак Сирский: «Отец наш щедрый, когда возблаговолит даровать истинным сынам Своим исшествие из искушений их, то не отъемлет от них искушений их, но подает им терпение в искушениях их, и они приемлют все блага к совершенству душ своих рукою терпения». Отверзаются пред умом двери таинственного созерцания христианского: он зрит распятого за грехи мира Христа, призывающего к Себе овец Своих и говорящего: *Иже не возмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин.* Он зрит членов торжествующей Церкви и слышит о них от сказателя небесных таин: *Сии суть иже приидоша от скорби великия и испраша ризы своя в крови Агнца. Сего ради суть пред престолом Божиим и служат Ему день и нощь в церкви Его и седяй на престоле вселится в них. Не взалчут к тому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всяк зной. Яко Агнец, иже посреде престола, упасет я и наставит их на животныя источники вод, и отьемлет Бог всяку слезу от очию их* (Откр. 7. 14–17). Сей же тайнозритель возвещает, кто из членов воинствующей Церкви поступит в члены торжествующей, которым не дано еще полного блаженства, которым *речено бысть да почиют еще мало время, дондеже скончаются и клевреты их и братия их, имущии избиени быти, якоже и они* (Откр. 6. 11). Итак, страдания суть земное достояние и избранных, и приготовляемых быть избранными. Страдания суть чаша Христова. *Чашу спасения приму и имя Господне призову: яко по множеству болезней моих утешения Твоя возвеселиша сердце Мое. Вкусите и видите, яко благ Господь* и в то самое время, когда посылает нам скорби,

которыми соделывает нас причастниками чаши Христовой от ныне и до века.

Случается и здесь видеть ***скорбящих*** *— и только* ***ищущие утешения*** *в вере* обретают его. Недавно случилось видеть в скорби одного умного и ученого мужа, много занимавшегося философией изобретенною падшим и омраченным от падения умом человеческим. Каким же оказался философ пред лицом скорби? Слабым, изнемогающим, ненавидящим Промысла Божия, не ведающим креста Христова, ищущим на земле правды человеческой и не могущим найти правды Христовой в смирении и терпении. Поучительное зрелище, на которое нам дозволено смотреть не с тем, чтобы осуждать ближнего, но чтоб видеть нашу мертвость, когда бываем без Христа.

И при самой болезни, при которой обыкновенно меньше помнится вещественное, Вы позаботились прислать мне прекрасного чаю, чтоб вспоминал я Вас не только при духовных упражнениях, но и за чашкою чая! Благодарю вас: всякий знак любви Вашей приносит душе моей наслаждение.

И я продолжаю прихварывать: мои болезни сопряжены не столько с тяжкими болями, сколько с изнеможением и лихорадкою; в течение нынешней зимы почти не выхожу из своих комнат, а с половины января доселе — решительно не выхожу. Буди воля Божия! Скудельные сосуды могут ли рассуждать, что для них нужно и полезно?

Милосердый Господь, попустивший Вам тяжкое испытание и дарующий Вам прохладу на источниках веры святой и смиренномудрой, да дарует Вам и скорое исшествие из скорби, да имуще всякое довольство здравия, преизобилуете во всякое благое дело о Господе.

С неизменяющимися чувствами сердечной, искреннейшей преданности остаюсь навсегда Ваш покорнейший слуга и недостойный богомолец

Архимандрит Игнатий.
Сергиева пустынь
Марта 19-го дня 1846 года

№ 37

О Господе дражайший сердцу моему Стефан Дмитриевич!

Возблагодарив Бога, должен я сказать Вам прямо и просто: к Вам особенная милость Божия; Бог избирает Вас и приближает

к Себе. **Ощущение странничества** не есть фантазия, не есть следствие размышлений, не есть умствование, это невольное чувство сердца, движущееся само по себе, независимо от нашего произволения. Это голос благодати, сообщенной нам святым Крещением. Когда тело утончилось болезнию, а душа несколько очистилась, сей голос таинственный, но сильный, раздался. Как инструмент обыкновенно устраивается из сухого, утонченного дерева, без чего натянутые на нем струны не могут издавать должных звуков; так необходимо утончать и иссушать тело воздержанием, а душу очищать непрестанным покаянием. Чтоб в нашем Богозданном храме могли слышаться вещания Духа. Вы можете видеть, что ощущение Ваше мне знакомо. Что я говорю о нем, как о своем. Я верю, что расположение Ваше ко мне возрастает; и еще более будет возрастать оно, если мы будем направлять стопы наши к Богу. Любовь естественная скоро может насытиться и пресытиться; пресыщенный ею перестает любить, может удобно перейти к ненависти: ибо и излишняя пища может произвести дурноту и обремененный желудок нередко извергает ее. Но любовь, которой началом Бог, не имеет ни насыщения, ни конца: потому что ее питает бесконечный Бог. — Когда я прочитал письмо Ваше и увидел, что в Вас начались движения будущего века, которых мир сей ни вместить ни понять не может, то явилась во мне мысль, что для Вас нужно будет, со временем, **уединение**, как способствующее к развитию ощущений и помышлений духовных. Предуготовительным занятием к уединению должно быть святое **покаяние**, исцеляющее душевные очи. Это тот целительный для очей поллурий, который велит купить у себя Господь: ибо и нищета духа есть дух Божий, приобретаемый человеком чрез сличенье своего сердца с Евангелием. Сей поллурий отгоняет от очей души, которые есть ум наш, счищает с них всякую надменность, всякое о себе высокое понятие, всякое признание в себе какой-либо добродетели. Скажите, пожалуйста, в какой одежде всего приличнее стоять пред Создателем человеку, сему существу падшему? Думаю, что тот одевается прилично, кто в молитвах своих весь одет в покаянье. Сего сердечно желаю Вам, как желаю и себе; потом желаю приготовления к вечности уединением. Сии желания да видит Бог и да творит с нами не по желаниям нашим, но по Своей святой воле.

О Господе Вам преданнейший недостойный

Архимандрит Игнатий.
Октября 27-го дня 1846 года

№ 38

Примите, бесценнейший Стефан Дмитриевич, мое усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю Вам и с чадами Вашими препроводить в вожделенном здравии и совершенном благополучии. — Благодарю Вас за дружеское письмо Ваше и за приложенный при нем отчет трудов Ваших, полезных человечеству, угодных Богу. Сердечно сожалею, что в бытность мою в Москве видел Вас только в зеркале — в дщерях ваших. Поправилось ли Ваше здоровье от путешествия в чужие края? А я лечусь и до сих пор от застарелой простуды с медленным, но уже значительным успехом. Все иностранные лекарства или вовсе не помогли, или помогли очень недостаточно; с отличною пользою подействовали самые простые средства: ванна с солью и натирание чистым дегтем. Теперь на опыте знаю, что пред отечественным деготьком ничего не значат заморские оподелькоки — не только какая-нибудь летучая мазь. Второй год продолжается мое лечение — и сознаюсь, что состояние лечащегося от хронической болезни труднее, нежели **состояние болящего**: отнимает все время, действие лекарств поставляет тело в ненатуральное положение, отнимает способности телесные и душевные, отнимает возможность умственных занятий, держит в состоянии непрерывающейся усталости, какого-то онемения и усыпления. Человек — яко трава! Взойдет в его тело какая-нибудь посторонняя влага, займет место на путях крови, расстроит ее обращение — и весь человек изменился не только по телу, но и по душе, по уму! «Во обилии моем не подвижуся во век». Этими словами Пророк изобразил крепость человека, силу его при здравии тела, при здравии души, поучающейся день и ночь в законе Божием. «Отвратил еси лице твое, и бых смущен». Эти слова вскоре последуют за вышеприведенными — и как справедливы! Не говоря уже о душевных искушениях, одно оскудение сил телесных есть искушение, и при изнеможении тела невольно изнемогает душа. Вот, бесценнейший Стефан Дмитриевич, подробное описание собственного моего состояния; внешние же обстоятельства остаются такими, какими были и прежде: приятное сменяется скорбным, скорбное сменяется опять приятным. Да дарует милосердый Бог рабу Своему встретить то и другое с одинаковым чувством недоверчивости и холодности. Земные печаль и радость приводят только в суетное движение кровь: Слово Божие может остановить это движение, сказав крови: «Не только плоть, но и кровь Царствия Божия не наследуют».

Призывающий на Вас и на семейство Ваше благословение Божие Ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
Генварь 1848 года

№ 39

Милостивейший Государь Стефан Дмитриевич!

Получил я пакет, который ежегодно однажды возбуждал во мне особенное чувство радости, отворяю его в ожидании, что нищенствующая душа моя напитается обильно словами любви, которыми всегда бывают полны письма Ваши. Не случилось того! Я только увидел один отчет печатный; не было ни одной вожделенной для меня строчки. Видно, подумал я, Стефан Дмитриевич, при множестве дел своих, забыл вложить в пакет драгоценное письмо. Поэтому от Вас ничего не знаю о Вас.

Примите мое усерднейшее поздравление с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Благословение Божие да осенит Вас и чад Ваших, и благодать Божия да хранит души и телеса Ваши. О себе скажу Вам, что, по великой милости Божией, чувствую себя лучше и лучше: начинаю уже укрепляться и вижу в себе восстановление способностей к деятельности. Новый митрополит[1] добр и правосуден, ко мне довольно милостив; почему я ныне отдыхаю. Позвольте представить Вам при сем скудный отчет из нищенствующей души моей, мало собравшей духовной милостыни на пути и на торжище земной жизни.

Многие скорбящие желали иметь у себя список «Чаши Христовой», чтоб из этого чтения почерпать утешение для душ своих, это заставило меня напечатать «Чашу», вообще издавать печатно свое я опасаюсь, видя свою духовную незрелость.

С чувствами не изменяющейся преданности и совершенного почтения имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.
Сергиева пустынь
Декабря 22-го дня 1849 года

[1] Высокопреосвященный Никанор.

Переписка святителя Игнатия с графом Д. Н. Шереметевым[1]

№ 1

Ваше Сиятельство!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вам искреннейшую благодарность за усердие Ваше к обители Преподобного Сергия. Награды любящих благолепие храма Господня, благословение и молитвы Угодника Божия да почиют над Вами и над домом Вашим.

С истинным почтением, имею честь быть

Вашего Сиятельства,

Милостивого Государя покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Сергиева Пустыня

1836

Сентября 24-го

№ 2

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Зная Ваше глубокое уважение и особенную веру к угоднику Божию Преподобному Сергию, прошу Вас пожаловать в обитель нашу сего 5-го июля к Божественной Литургии, которую намеревается совершить Высокопреосвященнейший Митрополит Антоний. Не откажите разделить с нами и скромную трапезу нашу! Мы уже привыкли видеть Вас в сей день в обители нашей; надеемся, что и ныне Вы не лишите нас сего истинного удовольствия!

С чувствами совершенного почтения и преданности

имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1845 года

Июля 3-го дня

---

[1] Письма с № 1 по № 40 — РГИА. Ф. 1088. Д. 532. Публикуются впервые (А. Н. Стрижев).

№ 3

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Ежегодно в день памяти Преподобного Сергия (сего 5-го июля) я имел сердечное удовольствие видеть Ваше Сиятельство в нашей Сергиевой Пустыне. Надеюсь, что и ныне Вы доставите нам сию приятность; посему я счел себя вправе напомнить о сем дне, в который Церковь наша празднует Великому Угоднику и славословит Бога, дивного во всех святых Своих и преподобных, дивного в Преподобном Сергии. Графиня Анна Сергеевна питает особенное уважение к угоднику обители нашей и, конечно, посетит праздник наш, на который приглашает Вас самое благочестивое расположение Ваше и любовь к Преподобному Сергию. Божественную Литургию будет совершать Преосвященный Викарий. По крайней мере так предположено.

С чувствами искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1846 года
Июля 2 дня

№ 4

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за посещение обители нашей в день ее Праздника. Тем более Вы меня тронули и утешили, что самая болезнь Ваша не могла остановить Вас. Этим Вы явили обилие Вашей христианской любви! Милосердый Господь да дарует Вам скорое выздоровление!

Призывая на Вас благословение Неба и жителя Небес Преподобного Сергия, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть
Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1846 года
Сентября 26 дня, Сергиева Пустыня

№ 5

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Мне крайне совестно беспокоить Ваше Сиятельство сими строками моими, которыми решаюсь просить Вас. Но к этому вынуждает меня совершенная необходимость и уверенность, что я обращаюсь к тому человеку, который в благородных чувствах сердца своего найдет больше причин быть внимательным к моей просьбе, нежели в словах моих, и великодушно извинит меня, если найдет просьбу мою неуместною.

Поступив в Сергиеву Пустыню Настоятелем, я нашел ее в самом расстроенном состоянии. Без братства, без помещения, без ризницы, без основательных источников содержания, — с процессом, коим оспаривалась принадлежащая монастырю земля, единственное его достояние. В течение тринадцатилетнего моего настоятельства я старался, сколько мог, восстановить обитель. Мой товарищ, известный Вам Михаил Чихачев, продал свое имение за 40 тысяч на ассигнации, и при сем пособии процесс кончен отчасти в пользу монастыря, т. е. половина спорной земли отдана монастырю; при сем пособии доставлены средства многим лицам приехать из дальних монастырей в Сергиеву Пустыню, а другим, наиболее сиротам, находившимся в совершенной крайности, доставлены способы получить увольнение и процветать для славы Церкви и для благочестивого утешения притекающих в нашу Церковь. Монах обители нашей Моисей, из семейства купцов Макаровых, пожертвовал в обитель украшение на икону пр<еподобного> Сергия и внес до 25 тысяч ассигнациями на сооружение братских деревянных келлий; а келлии сии встали в 50 тысяч. Монастырь, кроме казенного жалования, состоящего из 600 р<ублей> асс<игнациями> для настоятеля и по 20 руб. для монахов в год, имел при моем вступлении до 500, а теперь имеет более 1500 ассигнациями в год от своих имений. Прочий доход — от богомольцев и погребений, почему крайне непостоянный и часто умаляющийся от того, что бываем принуждены забирать хлеб в долг. Таковое возобновление монастыря при крайней стесненности средств было причиною, что монастырь состоит должным в настоящее время более 10-ти тысяч рублей серебром. За таковой долг я отвечаю честию своею, не говорю уже — спокойствие мое нарушается одним сим обстоятельством, из которого выйти не имею никаких собственных средств.

Благочестивая и Христолюбивая Душа! Выкупите меня! У меня нет благодетелей; сделайтесь моим благодетелем. Мне нечем Вам воздать; Спаситель мира, обещавший не забыть чаши студеной воды, воздаст Вам в будущем веке. Прошу у Вас ради имени Христова, как един от нищей его братии. Простите! Далее продолжать не могу!.. Я не прошу в руки денег, но если соблаговолите подать в счет долгов монастыря и повелите их уплатить не вдруг, но разложив по временам, — это будет совершенным для меня благодеянием. Впрочем, как Вам будет угодно!

Во всяком случае покорнейше прошу Ваше Сиятельство сохранить сие письмо мое в тайне. Ибо долг сей монастыря никому из Начальства не известен и в случае его огласки я могу подвергнуться всевозможным неприятностям.

Призывая на Вас благословение преподобного Сергия, с чувствами искреннейшей преданности и доверия, которые Вы мне внушили Вашим постоянным благорасположением ко мне, страннику, страннику оставленному всеми, — есмь навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1846 года

октябрь 17 дня

№ 6

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Примите искреннейшее, усерднейшее поздравление мое с Великим праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Это поздравление приносится Вам сердцем, в котором Вы возжгли пламень любви к Вам, ко всему благословенному семейству Вашему. На Ваше расположение ко мне смотрю как на дар Неба; душа моя наслаждается сим даром и славословит за него Подателя всякого блага — Бога.

Бог — точно есть Податель всех благ; множество их Он излил на Своих тварей; но сокровищницы Его не скудеют, а милость равно нескудевающему богатству. По сей нескудевающей ни от каких благодеяний милости, по сему богатству, нетерпящему никаких ущербов при несказанной расточительности даров, да умножит Он, Творец наш и Искупитель, благословение Свое над Вами и семейством Вашим! Да пролиет благополучие в самое

сердце Ваше, в сердце Боголюбивой супруги Вашей, в сердце младенца сына Вашего, уже отселе являющего в себе благочестие Родителей! Да оградит Господь помощию и покровом Своим Вас и семейство Ваше во всех входах и исходах Ваших, во всех случаях жизни телесных и душевных, видимых и невидимых! Да дарует Вам благоденствие, долгоденствие, мир и благоволение Свое на многая лета, во веки века.

С чувствами искреннейшей, сердечной преданности и уважения, честь имею быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1846 года

Декабря 25 дня

P. S. Вы сами угадываете, с каким бы сердечным удовольствием я лично принес поздравление Вам, многоуважаемый и многолюбивый мною Граф; но болезненность моя такова, что долгое время не буду иметь возможности выходить из комнат. Не изберете ли Вы свободного для Вас дня и по любви Вашей к святым обителям и уединению, не пожалуете ли к нам в Сергиеву к Божественной Литургии, а после оной не угодно ли Вам будет у меня откушать и провести несколько часов в духовной беседе, в которой могу Вам представить — по крайней мере, полное искренности и признательности сердце. Не могу без особенного душевного утешения вспомнить о Вас; потому что в течение всего пребывания моего в Сергиевой Пустыне Вы являли постоянное благорасположение ко мне, а наконец приняли деятельное участие в положении моем, Вы одни приняли это участие! Да ущедрит Вас Господь! Да благословит Вас Господь! — Если Вы заблагорассудите пожаловать ко мне, то очень бы приятно мне было знать о Вашем приезде за день, чтоб отстранить всякое другое посещение, которое бы могло Вас обеспокоить. Имею намерение сообщить Вам некоторые келейные труды мои, то есть сочинения, носящие на себе печать уединения, в котором мысль видит иначе, душа стремится иначе к Богу, в котором сердце ощущает то невыразимое насладительное спокойствие, которого мир вместить не может. Посещением Вашим Вы принесете мне величайшее утешение! Простите за мою откровенность и многословие!

№ 7

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Сердце мое, до глубины проникнутое утешительнейшими чувствованиями, изливается в благодарении пред Богом, Который даровал Вам столь человеколюбивое сердце, и пред Вами, пред Вашим человеколюбивым сердцем! Вы делами милосердия приносите в жертву Богу те дары, которыми Он благоволил наделить Вас. Да благословит Вас Бог обильным благословением Свыше! Да сказует Он сердцу Вашему волю Свою благую и совершенную, в чем заключается залог земного и небесного счастия! Сие благословение да отражается во всем семействе Вашем, как светлые лучи солнца в чистых, глубоких, тихих, прозрачных водах!

Я получил от купца Макарова семь тысяч рублей серебром, которые Ваше Сиятельство благоволили назначить мне для извлечения меня из затруднительных моих обстоятельств, в которые меня поставила непостижимая судьба.

В 1833-м году, когда Государю Императору благоугодно было сказать мне, что он назначает меня в Сергиеву Пустыню, я, по странному предчувствию, осмелился просить Его Величество о отмене сего назначения, как поставляющего меня в мудреные отношения. Но воля Государя была решительна; оставалось лишь повиноваться ей. Мало-помалу начали сбываться мои предчувствия. Едва стала возникать из развалин Сергиева Пустыня, едва начали образовываться источники для ее содержания, — как возникла вместе с сим зависть, зашипели клеветы, и я встал в более фальшивое положение, нежели какое предвидел. К тому же пришли болезни и, содержа меня по нескольку месяцев безвыходно в комнатах и постоянно в слабости, лишили возможности лично и как должно заниматься настоятельскою должностию. Если ныне управляю кое-как и дело еще течет, то этим я обязан двум верным мне лицам с благородными чувствами и правилами: моему Наместнику и Павлу Петровичу. Болезненность моя и мое положение указывают мне необходимость оставить занимаемое мною место. Настроение души моей, согласно с сими обстоятельствами, влечет меня к уединению, которое приму, как дар Неба. И этот дар подает мне милосердый Господь благодетельною рукою Вашего Сиятельства! Вместе с сим Вы упрочиваете и благосостояние Сергиевой Пустыни,

которая теперь имеет обновленные храмы, приличные келлии, настоятельские и братские, вполне достаточную ризницу и утварь церковную, значительный источник содержания, кроме церковных доходов — обработанную землю. Устроение всего сего вовлекло меня в настоящее затруднительное положение, которое, конечно б, не было таково, если б не были мне связаны руки и не поставлены многочисленные препятствия к успеху моими болезнями и обстоятельствами.

Простите мне мое многословие! Но Вы участием Вашим отверзли мое сердце, и оно не терпит, чтоб не излить пред Вами тех чувствований и мыслей, которыми оно так наполнено. С самого поступления моего в Сергиеву Пустыню как мне приятно было видеть в Вас расположение к тихой, скромной жизни, храмам Божиим, к Сергиевой Пустыне, Ваше внимание к недостойному ее настоятелю. Когда Вы посещали мою келлию, всегда приносили с собою сердцу моему чувство спокойствия и какой-то непостижимой, особенной доверенности. Часто в уединении я рассматривал направление души Вашей, не плененной прелестями и шумными удовольствиями мира, нашедшей наслаждение в тишине и скромности домашней жизни: это созерцание приносило мне несказанное удовольствие. Я в душе моей находил, что Вы избрали для себя путь жизни самый чистый, самый соответствующий Вам, самый отрадный для человечества. Когда Бог привел меня узнать Боголюбивую супругу Вашу, я был поражен, увидев, что направление души ее так близко сходится с Вашим; я увидел то же расположение к скромной, домашней жизни, ту же чистую простоту некичливого сердца, которое столько доступно для человечества.

Почитаю себя счастливым, что получил я благодеяние от Вас! Вы отверзли путь моему сердцу к душе Вашей. Оно во всю жизнь мою будет принадлежать Вам! Хочу быть должником Вашим за пределами гроба; а долг мой уплотит Вам со сторичным приращением Бог мой, сказавший всесвятыми устами Своими: *еже сотворите меньшему сих братий моих, Мне сотворите. Аз воздам, глаголет Господь*[1]. Если Бог по неизреченной милости Своей приведет меня в пристанище уединения, которого жажду; если будет там посещать меня вдохновение, любящее жителей уединения, то перо мое, посвященное славе Божией и пользе ближнего, особенно будет принадлежать Вам, супруге Вашей, сыну Вашему, — буду возвещать Вам слово Божие, волю Божию святую, в которой лежит залог блаженства на земле и на небе. Да

услышит милосердый Бог мои желания и да дарует им осуществление на самом деле!

Если б здоровье мое позволяло мне выезд; то я непременно был бы у Вас, чтоб узреть лицо Ваше, чтоб лично излить пред Вами мою благодарность! Но я не выхожу из комнат! И так дайте увидеть себя; посетите обитель нашу, в которой зимою так тихо, так пустынно, так смирно и спокойно!

С чувствами сердечной, вечной признательности, преданности, уважения имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою, усердным, хотя и не достойным Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1847 года
Января 16 дня
Сергиева Пустыня

[1] Мф. 25. 40.

№ 8

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Посещение Ваше и искренняя беседа оставили в душе моей приятнейшее впечатление. Когда я размышлял о Вас, невольно приходили мне на память слова, сказанные Ангелом блаженному Корнилию и сохраненные нам в Книге Деяний Апостольских. «Молитвы твои и милостыни твои, — говорит Ангел, — взошли на небо!» Какой же дар они принесли с неба Корнилию? Этот дар был — слово спасения. «Той речет тебе, — продолжал Ангел, поведая Корнилию о святом Апостоле Петре, — глаголы в нихже спасешися ты и весь дом твой».

Точно — душа, приготовленная молитвою и милостынею, соделывается способною услышать и принять Слово Божие, возвещающее ей волю Божию всесвятую и всеблагую. Познание сей воли Божией вводит в душу неизреченное спокойствие, легкость, радость, утешение. И как не радоваться, как не утешаться! С познанием воли Божией душа приобретает, ясно видит в себе залог блаженства, блаженства небесного, вечного!

Вот какие приятнейшие мысли занимали меня по отъезде Вашем из Сергиевой Пустыни. Я не мог отказать сердечному

влечению моему, — сообщаю Вам мои думы! Надеюсь, что Вы будете посещать обитель нашу, где Ваше сердце находит отголосок, находит гармонию с Вашими чувствами и желаниями. Когда отношения людей назидаются на прочном основании, на Боге; то из сих отношений источается и обильная польза, и истинное, разнообразное утешение духовное, превысшее всех земных наслаждений, как издающее из себя благоухание вечности.

С чувствами сердечной, искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и усерднейшим Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Января 25 дня

Сергиева Пустыня

№ 9

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Бог не подвержен влиянию времени, как подвержены ему человеки. Пред Ним, в книгах судеб Его, будущее — как настоящее!

Так! — В тот день, как Вы раждались, праздновалось имя того Святого, которое долженствовала носить Ваша будущая супруга. День Вашего рождения соединялся со днем ее Ангела в знамение того, что она должна быть Ангелом утешения для Вас во всю жизнь Вашу. Те, которые во всем видят случай, видят неправильно; те, которые усматривают во всех обстоятельствах нашей жизни всепремудрую и благодетельную Руку Божию, рассуждают основательно, благочестиво, Божественно! В этом соединении дня Вашего рождения со днем Ангела Анны Сергеевны невольно для ума, плавающего в предметах Божественных, встречается горнее, приятнейшее созерцание. Имя Анна знаменует — благодать. Итак! Едва Вы родились, Бог, изливший на Вас столько и других даров, приуготовляет уже Вам особеннейший дар, назначает в удел Ваш — Благодать.

Примите мое искреннейшее, усерднейшее поздравление! Милосердый Господь да умножит лета живота Вашего в вожделенном здравии и благополучии, да сказует сердцу Вашему Свою святую волю, да соделает Вас во времени и в вечности наперсником Благодати!

Извините, что я осмелился вложить в один пакет письмо к Вам и к Графине: это я сделал потому, что сама судьба соединила воспоминание Вашего рождения и празднование Ее Ангелу в один день. Св. Писание говорит: «Еже Бог сочета, человек да не разлучает». Потрудитесь передать ее Сиятельству мои строки.

С чувствами совершенной, искреннейшей преданности и почтения, имею честь быть на всю жизнь мою

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Февраля 3-го дня

Сергиева Пустыня

№ 10

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

При Вашем одиночестве вспомните о Сергиевой Пустыне. Пожалуйте туда принести Господу благовонное кадило молитвы.

А чтоб благоухание молитвенное долее наполняло душу Вашу, останьтесь на день в уединенной обители. Зажженная свеча скоро гаснет на ветре, и благовонное курение скоро разносится ветром. Подобно сему развлечение действует на утешительные чувства, доставляемые сердцу человеческому благочестивым размышлением и молитвою. Чтоб сохранить их долее в себе, — нужно тихое уединение.

Итак, ожидаю Вас! С чувствами сердечной, искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Арх<имандрит> Игнатий.

8 февраля [1847 г.]

№ 11

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Видя, что в продолжение всего Великого поста Вы еще не посетили Сергиевой Пустыни, — я скучаю.

В будущую среду, а потом и в следующее воскресение у нас предполагается пострижение в мантию. Может быть, Вам при-

ятно будет увидеть пострижение; а в том, что посещение Ваше доставит мне истинное, сердечное утешение, — могу Вас уверить!

Призывая на Вас благословение Неба, с чувствами искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Марта 3 дня

№ 12

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Как был бы я счастлив, если б в сей радостный и светлый Праздник мог обнять Вас и приветствовать святым приветствием: Христос Воскресе!

Чудное приветствие! Какую содержит оно в себе истинную, блаженную весть! — Когда слышу, что совершилось необычайное происшествие, Воскресение Христово, что сие происшествие точно совершилось, есть истинное, вполне несомненное; тогда в душу мою проливается небесная надежда! Ее нежный и вместе могущественный голос говорит мне: воскреснешь и ты силою воскресшего Христа. Воскресение Христово заключает в себе семя воскресения всех верующих во Христа, всех истинных Христиан. Здесь, на земле, они предначинают преславное воскресение душами своими, приявшими животворное учение Христово; а при наступлении вечного дня будущей жизни слава Воскресения прольется и на самые тела рабов Христовых. И туда слетятся орлы сии, окрыленные нетлением воскресения, где присутствует привлекающий их к себе Христос, предначавший и даровавший человекам воскресение. Они слетятся на небо, и на небе почиют в век века!

Удаленный от Вас телом, но всегда близкий сердцем, простираю к Вам объятие души моей; а вместо звучащего слова в устах моих, прочтите слово, начертанное в сих строках, слово всерадостного приветствия и поздравления с величайшим праздником христианским: **Христос Воскресе!**

Христос, присноживый как Бог, — Христос, умиравший как человек, чтоб исхитить человеков из челюстей смерти, — да дарует Вам вкушение жизни и блаженства вечных, которое преподается, доставляется словом Божиим. Слово Божие, сообщая

человеку сие сладостное вкушение, отторгает его от наслаждения грехом и руководит в рай. *Не о едином хлебе жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих*[1], говорит Священное Писание.

Призываю на Вас, на Боголюбивую Супругу Вашу, на благословенного Сына Вашего, Милость Божию, обильную, вечную, на земли и на небеси! Да ходатайствует о Вас пред горним Престолом Вседержителя Преподобный Сергий своими сильными молитвами!

С чувствами сердечной, искреннейшей преданности и совершенного почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Марта 23 дня

Примите на себя труд приложенное при сем мое поздравление Графине вручить Ее Сиятельству.

[1] Мф. 4. 4.

№ 13

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Присылаю Вам часть артоса из обители нашей. Благословение Божие да почиет над всем домом Вашим!

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Марта 30 дня

№ 14

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Имею честь препроводить при сем к Вашему Сиятельству книгу — рукопись **Памятник Сергиевой Пустыни**. Желаю, чтоб чтение оной растворило некоторые минуты Вашей жизни духовным, полезным услаждением. Я не остановился внести в сию

рукопись две статьи, касающиеся собственно меня, которые поверяю весьма немногим, искреннейшим моим друзьям. Первая из них под названием: **Достопримечательный сон**, виденный одним из искреннейших моих знакомых во время некоторой скорби, действовавшей на меня с особенною тягостию; стран<ица> 38-я. Вторая — под названием **Плач мой** содержит описание моей жизни, жизни души моей; стран<ица> 372-я. Доверяю их Вашей любви и скромности, прося сохранить их в тайне до времени исшествия моего из сей жизни.

В начале сей недели поданы мною письмо к Государю Императору и просьба к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Антонию о увольнении меня на покой Костромской Епархии в Бабаевский монастырь. — Там, если бы Бог дал и обновились мои силы, а это обещают доктора, душа моя могла бы свободнее, вне развлечения, изливать впечатления свои. Между прочим, и это манит меня в уединение. Все сведения, которые получаю из Бабаевской обители, о местоположении сего монастыря, о здоровом воздухе, о уединении, меня очень утешают. В воображении моем составилось предначертание тамошней моей жизни: хочу, чтобы все было крайне просто, — как в шатре странника. Точно мы — странники на земле! И часто заглядываясь излишне на ту местность, по которой мы странствуем, забываем о предмете нашего странствования, — о небе!

Призывая на Вас благословение Божие с чувствами искреннейшей, сердечной преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Апреля 4 дня

Сергиева Пустыня

№ 15

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

В нынешний век быть обязанным кому-либо вообще отяготительно. Но я вижу сердце мое более и более свободным, когда Вы налагаете на него новые и новые узы! — Примите, Ваше Сиятельство, мою искреннейшую признательность за ходатайство

Ваше о доставлении места брату моему, служащему в Контроле. Место дано ему такое, какова лучше желать ему нельзя в настоящее время, в таком Департаменте Министерства внутренних дел, которого Директор и в особенности Вице-директор — мои хорошие знакомые. Служа у них, мой брат будет как бы под крылом родных и потому может ожидать всего приятного.

У древних Израильских Царей был особенный придворный чин — именовался Напоминатель. Мудрое учреждение! При многочисленности Царских занятий, полезнейшее предприятие, судьба страждущего, нужда нуждающегося, заслуга не награжденная может легко быть изглаждаема забвением из памяти Верховного Правителя. В таковых случаях помогал ему — Напоминатель. В настоящем обстоятельстве Напоминателем Вашего Сиятельства была Варвара Сергеевна. Потрудитесь передать ей мою искреннейшую признательность! Она исполняла с отличным постоянством и исполнила с превосходным успехом назначение своего чина! О себе скажу Вам, что я доселе ни в тех, ни в сех; а по милости Божией весел, хотя и хвор.

Призывая на Вас благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Апреля 28-го дня

№ 16

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Может быть письмо мое застанет Ваше Сиятельство еще в Москве! Очень желаю, чтоб оно застало!

5 июля, в день Ангела Сына Вашего, я привык видеть Вас в Сергиевой Пустыне при торжественном Богослужении и за скромною иноческою трапезою. Не надеясь видеть Вас нынешний год лицом к лицу, стремлюсь к Вам мыслию, воспоминанием, сердечною любовию. Поздравляю Вас с днем Ангела сына Вашего! Да хранит дни его высший Угодник Божий Преподобный Сергий! Да наставляет его на всякое благое дело к истинному утешению его Родителя!

Вскоре после 5 июля думаю отправиться в путь; не торопясь, не утомляя себя, пробыть сутки в Новгороде, другие в Твери; таким образом попаду вероятно в Москву, не ранее 15-го. Очень сожалею, что не застану Вас там, как Вы говорили мне при последнем свидании! Пишу поздравление графине со днем Ангела Сергея Дмитриевича — по сей же почте. Извините, что сей раз пишу так мало и Вам и Графине: причиною этому рассеянность, неразлучная со сборами и со множеством посещающих в настоящее время Сергиеву Пустыню. Надеюсь, что, достигши моего уединения и погрузившись там на свободе в духовное размышление, буду делиться с Вами обильно пользою душевною.

Призывая на Вас благословение Угодника Божия, Преподобного Сергия, с чувствами сердечной преданности и искреннейшего почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Июля 1 дня

№ 17

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Сердечно сожалею, что лишаюсь истинного сердечного удовольствия видеть Ваше Сиятельство пред моим отъездом: я выезжаю завтра чем свет, чтоб поспеть к обеду в Сергиеву Лавру. Что делать! Примите в сих строках мое усерднейшее желание Вам всех благ временных и вечных. Милосердый Господь да благословит Вас и весь дом Ваш; а я с неизменяемыми чувствами душевного уважения, преданности, признательности пребуду навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

Август [1847]

№ 18

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Милосердый Господь привел меня в Богоспасаемую обитель Святителя Христова Николая. Премилая, уединенная обитель! Она

на самом берегу Волги, — с прекрасными рощами и полянами. Далеко видна живописная окрестность. Не желал бы я для земного странствия моего лучшего, другого места! Какая здесь тишина, какая простота! Если б я остался здесь навсегда, то непременно стал бы приглашать Вас, чтоб Вы посетили прекрасную обитель Бабаевскую. Я уверен, что она очень бы Вам понравилась.

Сердечно благодарю Вас, любезнейший Граф, за то истинное, дружеское участие, которое Вы принимаете во мне, за ту Христианскую любовь, которую Вы мне постоянно оказывали с самого начала знакомства нашего. Вы насадили в сердце мое доверенность к Вам, признательность к Вам.

Призываю на Вас благословение Божие! Да почиет оно над боголюбивою супругою Вашею, над милым сыном Вашим, в котором отселе видно благочестие Его Родителей. Как он похож на Вас, Граф! Особливо когда молится — это живой портрет Ваш. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Сентября 4-го дня

№ 19

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Примите искреннейшее поздравление мое с наступающим днем Ангела Вашего! Ангел святый, Ангел мирный да хранит драгоценные дни Ваши в нерушимом спокойствии, в совершенном благополучии, — да сказует Вам волю Божию благую и совершенную, творящие которую имеют здесь на земли споспешников — Ангелов, а в будущем сопричислены будут Ангелам, будут вкушать вместе с ними вечное блаженство.

Каковы мои желания для Вас, любезнейший Граф; земные блага, одни, не могут удовлетворить человека; душа наша, имеющая по выражению святых Отцов, начаток Духа, ищет, жаждет наслаждений духовных, небесных, которых источник — Бог. В уединении моем, в уединении безвыходном — того требуют принимаемые мною лекарства противопростудные, — удобно размышлять о истинном назначении человека, о его отношениях к времени, к

вечности, к Богу. Как приятно было б мне проводить так жизнь мою до самой пристани могильной, где оканчивается путешествие каждого странника земного, каждого плавателя по волнам житейского моря! И в уединении можно быть полезным для общества человеческого словом полезным, словом Божиим. Исшедшее из уединения, оно имеет особенную силу, доставляемую чистотою, особенно действует на сердца ближних. — Хотелось бы провести здесь всю зиму. А там, что Бог даст!

Конечно, Вы скоро переезжаете из Москвы в Петербург. Не забудьте там сиротствующих братий Сергиевой Пустыни, утешьте их Вашим посещением. Этим Вы доставите им истинную радость. А весною, может быть, где-нибудь встретит Вас и Настоятель их: в Москве или, может быть, еще застанет в Петербурге.

Призывая на Вас, на семейство Ваше, на весь дом Ваш благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности, признательности, совершенного почтения, имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года

Сентября 17 дня

№ 20

Милостивейший Государь,

Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с днем рождения Вашего милого Ангела, графа Сергия. Господь да сохранит его, да наставит на путь своих святых хотений, да дарует ему благословение Свыше.

О себе скажу Вам: я очень утешаюсь уединением моим. Здесь так тихо, так спокойно! На свободе я занялся лечением моим, от которого пришел в значительное расслабление; но, кажется, застаревшие ревматизмы мои тронулись из гнезд своих. С первых чисел сентября нога моя не была за дверями моей келлии. Решительно никто ко мне не ходит. О<тец> Игумен посещает в две недели однажды — на полчаса, и каждый раз я не забываю благодарить его за то, что ко мне никто не ходит. Эта жизнь мне нравится: до сих пор не чувствовал никакой скуки.

Желаю и Вам среди шумного мира избежать всего неприятного, а напротив того, да веселится непрестанно сердце Ваше

веселием чистым и истинным, которое доставляется благочестивою и добродетельною жизнию, которое так далеко от веселия шумного и непостоянного, доставляемого удовольствиями мира. Источник счастия человеческого — сердце. «От сердца, — говорит Писание, — исходища живота». Нужно, так сказать, засладить самый этот источник, — и он будет источать воду живую, воду прохладную и насладительную. Заслаждают его: слово Божие и добрые дела.

Призываю на Вас, на весь дом Ваш благословение Неба! С чувствами неизменной преданности и совершенного почтения имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1847 года
Ноября 9-го дня

№ 21

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившими Праздниками и наступающим Новым Годом, который желаю Вам встретить и препроводить в совершенном благополучии, в вожделенном здравии, в спокойствии и утешении духовном.

Как долго пробыли Вы ныне в Москве! Братия в последнем письме извещали меня, что Вы еще не возвратились в С.-Петербург. Но теперь я уже предполагаю Вас в северной столице; потому туда адресую письмо мое.

Я надеюсь, что в отсутствии моем, Вы, добрейший Граф, не откажетесь сделать доброе дело — посетите Сергиеву Пустыню. Посещением Вашим Вы доставите истинное утешение всему братству, привыкшему душевно уважать и любить Вас. Надеюсь, что от Наместника моего Павла Петровича, буду иметь часто известия о Вас, а о себе скажу Вам, что, по милости Божией, кажется, излечаюсь радикально; но после потогонных средств, при отворенных порах, никак не могу решиться на обратное путешествие в Сергиеву Пустыню зимою, а нахожу необходимым дождаться первого летнего пути. Здесь необыкновенная тишина!

Призывая на Вас благословение Неба, призывая это священное благословение на Супругу Вашу и на Сына Вашего, на весь

дом Ваш, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей, сердечной преданности, имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1847 года 29 декабря

№ 22

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с великим Праздником Праздников, желаю Вам препроводить его в вожделенном здравии и совершенном благополучии, в радости духовной. Да дарует Вам Бог встретить много таких Праздников! Да будет веселие и наслаждение, ощущаемые в дни Святой Пасхи, для Вас предвкушением того бесконечного и беспредельного блаженства, которое станет уделом Праздника вечного, ожидающего на Небе человеков, благоугождающих Богу на земле.

Два приятнейшие письма Ваши я получил, одно из Москвы, другое из Петербурга. Долго ли Вы пробудете в Петербурге? Не расположитесь ли провести там все лето, на милой Ульянке, которая довольно уже посиротела и поскучала без Вас. Я видел много хороших мест в России, мест прекрасных, роскошно убранных природою, но не встречал места, похожего на Петергофскую дорогу. Она имеет свой отдельный характер, свое милое, чего Вы не найдете в других окрестностях Петербурга. Это — продолжительный английский сад, в котором каждое местечко отделано рукою человека. Такой беспрестанной руки человека я нигде не встречал: везде рука природы видна больше. Здесь природа дала одно болото; это место, отверженное природою, полюбили человеки и возделали его, тщательно и изящно возделали. На этих местах не увижу ли Вас? Думаю отправиться туда в конце Мая. Всю зиму я пролечился, лечусь и теперь: чувствую — большая часть недуга вышла из меня, но еще осталось его много. Теперь — здешнее место в вешней красе своей: Волга очистилась от льда, выступила из берегов своих, разлилась по окрестным лугам, — и часто в ее зеркальные воды при тихой погоде смотрится солнце, а по ночам — бледная луна. Здесь пустыня, уединенная пустыня, но много мыслей и ощущений чудных навевается на душу.

Призываю на Вас, на семейство Ваше, на весь дом Ваш благословение Божие! Да пролиется оно на Вас обильно и в делах временных и в делах для вечности и Неба. Поручаю себя Вашему милостивому расположению, и с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий.

1848 года, апреля 11-го дня

Николо-Бабаевский Монастырь

№ 23

Милостивейший Государь

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим Новым Годом, который желаю Вам препроводить в вожделенном здравии и совершенном благополучии. Благословение Божие да изливается обильно на Вас, на семейство Ваше и на весь дом Ваш! Благодать Божия да глаголет таинственно уму и сердцу Вашему, да руководит Вас во время краткого земного странствования по святой стезе заповедей Христовых, да уготовляет Вам блаженство в вечности! Да украшается жизнь Ваша всеми добродетелями — этим верным залогом истинного счастия во времени и совершенного благополучия в вечности. Примите, Граф, эти чувствования от сердца, исполненного Вам преданности и признательности.

С чувствами совершенного почтения имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849, января 4 дня

№ 24

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с днем Вашего рождения. Господь, сподобивший Вас в этот день увидеть чувственный свет преходящего мира, проливший в сердце Ваше свет добродетели, да сохранит в свете

духовном все дни жизни Вашей. Да увенчает эти дни и свет радости, сопутствующей и озаряющей тех человеков, которые посвящают жизнь свою и деятельность добродетели. Все печали да будут далеки от Вас, а если они и приближутся когда-нибудь к Вам, то да проженет их духовное утешение, утешение, рождающееся от веры в Бога.

С чувствами совершенного почтения, преданности и признательности имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849.

Февраля 3-го дня

№ 25

Ваше Высокопреподобие!

Весьма виноват перед Вами, что до сего времени не писал Вам; за письма Ваши, где изложены Ваши мне благопожелания, приношу Вам искреннюю мою благодарность, а также и за присланный мне рисунок — обители угодника Божия Преподобного Сергия.

Поручая себя молитвам Вашим, с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорнейший слуга

Граф Дмитрий Шереметев.

Москва

26 марта 1849 года

№ 26

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим великим Праздником Праздников — Воскресением Христовым, радостно приветствуя Вас духовным христианским приветствием: «Христос Воскресе!»

Приятнейшее письмо Ваше я имел честь получить: его принесли мне в церковь на страстной неделе, в Пятницу великую, во время утрени. В эти священно-торжественные минуты я воспоминал о Вас с чувством глубокого сердечного удовольствия, утешения.

При особенной милости Божией чувствую значительное улучшение в здоровье моем: помолодел! хотя волосы и поседели. Скоро ли, Граф, пожалуете в Петербург? Приезжайте, утешьте приездом Вашим всех любящих Вас и жаждущих видеть Вас. Известный Вам купец Макаров предполагает выстроить при монастыре каменную гостиницу значительного объема, с тем, чтобы монастырь предоставлял ему в течение нескольких лет [право] торговать в этой гостинице. Князь Кочубей берет на свое иждивение устройство значительной части новой ограды, которая должна идти от часовен по большой дороге, охватить вновь устроенную церковь Князем и окончиться у северо-восточной и северо-западной башен, ныне существующих. Я очень рад и тому и другому: потому что и в ограде и в гостинице Монастырь очень нуждается.

Призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Божие, с чувствами совершенного почтения, преданности и признательности, имею честь быть Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1849, апреля 17-го дня

№ 27

†

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Приношу Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с днем Вашего Ангела! С этим поздравлением соединяю сердечное желание, чтоб Святый Ангел, Хранитель Ваш, сохранил земную жизнь Вашу в мире и благополучии, руководя Вас по этому пути к блаженной вечности. Точно: земная жизнь наша — путь, только измеряется этот путь не расстояниями, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы — беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день!

В 1847-м году я считал свое здоровье расстроившимся невозвратно, считал себя очень близким к смерти. Тогда графиня Анна Сергеевна приезжала утешить меня, — я платил ей за ее участие сообщением всех духовных сведений, которые привелось мне узнать во время исполненной скорбей жизни моей. Я думал, что она услышит весть о моей смерти, а вместо того пришлось мне услы-

шать внезапно весть о скором ее отшествии из здешнего мира. Услышал я эту тяжкую весть в то время, как, по неисповедимым судьбам Божиим, только стал воскресать из мертвых, выходить из смертной области болезненного бездействия в некоторую жизненную деятельность: таково мое настоящее положение. — Бог, попускающий скорби человеку, среди их же посылает и утешение. Я уверен, что это утешение приносит Вашему сердцу Святый Ангел, Хранитель Ваш: потому что истинное утешение может низойти от одного Бога. Земные развлечения только заглушают скорбь, не истребляют ее: они замолчали — и снова скорбь; отдохнувшая и как бы укрепленная отдохновением, начинает действовать с большею силою. Напротив того утешение от Бога уничтожает печаль сердечную в ее корне — в помыслах мрачных безнадежия. Оно приносит человеку благие и смиренные помыслы покорности определениям Божиим, помыслы, полные живой веры и кроткой, усладительной надежды. Пред взорами ума открывается неизмеримая вечность, а жизнь земная начинает казаться кратким странствованием, ее счастие и несчастие начинают казаться маловажными, ничтожными, потому что все неровности земной жизни сглаживаются, уравниваются созерцанием вечности.

Моля Господа о Вашем здравии временном и спасении вечном, о здравии и спасении Вашего сына, с чувствами сердечного уважения и преданности, которые Вы насадили во мне постоянным милостивым расположением, выраженным Вами особенно в годину моей скорби и тесноты, имею честь быть навсегда

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849, сентября 19-го дня

№ 28

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим великим Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом, который желаю Вашему Сиятельству встретить и препроводить в вожделенном здравии и благополучии, в утешении духовном, доставляемом святою верою и добрыми делами. Благословение Божие да пролиется обильно на Вас и на Сына Вашего, который да будет Вам радостию и во дни детства своего и

во дни зрелого мужества его, и да узрите очами Вашими сыновей и дщерей его!

С чувствами истинного высокопочитания, совершенной преданности и незабвенной признательности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1849 года 28-го декабря.

Сергиева Пустыня.

№ 29

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступающим днем Ангела Вашего. Святый Ангел Божий, Хранитель Ваш, да хранит дни Ваши и дни сына Вашего в вожделенном здравии и совершенном благополучии, к истинному утешению всех любящих и почитающих Вас.

Граф! Вы совершенно забыли и разлюбили Петербург. Ваш великолепный дворец и живописная дача сиротеют без Вас. Сергиева Пустыня давно лишена утешения видеть Вас в своих недрах. Многие из жителей Петербурга, приезжая к нам в обитель и зная Ваше к ней расположение, спрашивают: скоро ли приедет сюда граф Шереметев? Приезжайте, Граф, приезжайте! Уже время утешить Ваших петербургских друзей: довольно искусили Вы их терпение.

Призывая на Вас и на Сына Вашего благословение Неба, с неизменяемыми чувствами уважения, преданности и признательности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1850 года, сентября 18-го дня

Сергиева Пустыня

№ 30

Ваше Высокопреподобие!

Милостивый Архипастырь!

Письмо Ваше я имел честь получить и остаюсь совершенно благодарен Вам за поздравление меня с днем моего Ангела и за пожелание мне и сыну моему здравия; прошу Ваше Высокопре-

подобие не лишить меня и на будущее время Вашего ко мне расположения, коими я пользовался до сего времени.

Поручая себя и сына моего Архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия

покорный слуга

Граф Димитрий Шереметев.

Москва

<...> дня 1850 года

№ 31

Милостивейший Государь!

Граф Димитрий Николаевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим днем Ангела Вашего и пожелать Вам обильного благословения Божия, которое да осеняет Вас и сына Вашего во все дни жизни Вашей и Его. Судьбе угодно было, чтобы на то время, на которое Вы пожаловали в С.-Петербург, я должен был отправиться из Петербурга по поручению Начальства, и таким образом был почти лишен счастия видеть Вас. Утешаю себя надеждою, что Вы опять захотите посетить Северную Столицу и дадите взглянуть на себя глубоко преданному и благодарному Вам человеку.

Повторяя мое сердечное желание Вашему Сиятельству всех истинных благ, и паки призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1851 года, сентября 21-го дня

Сергиева Пустыня

№ 32

Милостивейший Государь,

Димитрий Николаевич!

К прежним благотворениям, которые Ваше Сиятельство неоскудно изливали на Сергиеву Пустыню, Вы ныне присовокупили новое: изволили пожаловать на устроение вновь созидаемой церкви Преподобного Сергия три тысячи рублей серебром, кото-

рые мною получены сего 17-го июля при письме Вашего Сиятельства. Господь, благоволивший обетовать человекам сторичную мзду за их добродетель, особливо за их милостыню, да исполнит святое обетование Свое над Вами и сыном Вашим, Графом Сергием, а угодник Божий, Преподобный Сергий, да ходатайствует неоскудно пред Престолом Вседержителя о временном и вечном благоденствии Вашем и Сына Вашего. В Святой Обители — Сергиевой Пустыни, во вновь устрояющемся Храме, ежедневно будет возноситься — как и теперь уже возносится — усердная молитва о Создателях и Благотворителях Храма и Обители, между которыми Вы занимаете одно из первых мест. Я как настоятель Сергиевой Пустыни обязан исполнить пред Вашим Сиятельством священный долг: принести Вам от лица всей обители глубочайшую признательность за новое благотворение Ваше, которым Вы восполнили крайнюю нужду монастыря при построении храма, созидающегося единственно на подаяния доброхотных дателей.

Призывая на Ваше Сиятельство и на юного Графа Сергия обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и сердечной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1854-го года 17 июля

№ 33

Преосвященнейший Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Получив письмо Ваше от 5-го марта сего года, искренне благодарю Вас за поздравление меня с праздником Светлого Воскресения Христова и за Ваши добрые желания. Мне очень приятно было прочесть описание Вашего местопребывания и узнать, что Ваше здоровье поправляется. Жена моя и сын свидетельствуют Вам искреннее их почтение.

Желая Вам всех благ от Господа Бога и, поручая себя, жену мою и сына Архипастырским молитвам Вашим, покорнейше прошу принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть

Вашего Преосвященства

покорнейший слуга

Граф Димитрий Шереметев.
12-го апреля 1858-го года

№ 34

Ваше Сиятельство,

Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Великим Праздником праздников — Воскресением Христовым. Воскресший Господь да исполнит Вас всеми истинными благами, да осенит Вас и семейство Ваше милостию Свыше.

О себе скажу Вам, что я очень доволен настоящим моим местопребыванием, которое имеет спасительное влияние на мое здоровье, крайне расстроившееся в Петербурге. Я очень похудел, но вместе с тем мое дыхание сделалось гораздо свободнее, обширнее, а силы значительно укрепились. Ставрополь — место очень возвышенное, живописное; весь в садах, с превосходными ключевыми водами. Архиерейский Дом хотя находится среди города, но очень уединен и удален от всякого шума, потому что стоит среди большого фруктового сада, обнесенного каменною оградою. Домик Епископа — деревянный, очень скромный и милый, напоминающий собою настоятельские келлии Оптина Скита и других уединеннейших Обителей; при самом доме, в связи с ним — каменная, трехпрестольная церковь. Главный придел — во имя воздвижения Честнаго и Животворящего Креста; один из приделов — во имя Святого Игнатия Богоносца. Служба отправляется ежедневно монашествующими, живущими при доме. Таким образом Ставропольский Архиерейский Дом есть не что иное, как маленький монастырь, приспособленный для помещения Епископа. Общество в Ставрополе многочисленное: наиболее состоит из военных; это общество приняло меня очень приветливо.

Призывая на Вас, на супругу Вашу, на Вашего сына, на весь дом Ваш обильное благословение Божие, с чувствами неизгладимой признательности, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

5 марта, 1858-го года

Ставрополь Кавказский

№ 35

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Праздником Рождества Христова и Новым Годом, при искреннем желании Вашему Сиятельству, Графине — супруге Вашей, Графу — сыну Вашему, всех истинных и совершенных благ. Постоянно памятствуя о Вас, молю Милосердого Бога да вознаградит Вам сторичным воздаянием за все доброе, Вами сделанное мне.

С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
15 декабря 1858-го года

№ 36

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Приношу Вашему Преосвященству сердечную мою благодарность за поздравление меня, жены моей и сына моего с праздником Рождества Христова и с Новым годом, равно за изъясненные Вами искренние желания. [*Нрзб.*]

Поручая себя и семейство мое Архипастырским молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностию, имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорный слуга

Граф Димитрий Шереметев.
15 января 1859
С.-Петербург

№ 37

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

С особеннейшею приятностию вспоминаю в сей день о Вашем Сиятельстве и, переносясь к Вам мыслию, приношу Вам сердечные поздравления со днем Ангела Вашего, искренне же-

лаю Вам долгоденствия и благоденствия и всех совершенных благ, земных и небесных. Уведомьте меня о себе и о Вашем семействе: таким уведомлением Вы очень утешите меня. Мое здоровье, при помощи Кавказских вод, несколько поправилось; живу уединенно и спокойно.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
21-го сентября 1859 года

№ 38

Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Письмо Вашего Преосвященства от 21-го сентября я имел удовольствие получить, и приношу Вам искреннюю мою благодарность за поздравление с днем моего Ангела и за Ваши добрые желания мне и моему семейству; я всегда с сердечным утешением вспоминаю о том времени, когда Вы совершали Богослужение в святой обители Угодника Божия, Преподобного Отца нашего Сергия, а также и о том, когда Вы совершали Богослужение в Церкви Святого Петра Митрополита в день моего Ангела. — 25 сентября я был в Сергиевской Пустыни, где происходило освящение нового храма, сооруженного попечениями Вашими. Храм сей благолепием и красотою радует всех усердных богомольцев, притекающих на поклонение Преподобному Сергию. Мне очень приятно было узнать из письма Вашего, что здоровье Ваше поправляется.

Пожелав Вам от искреннего сердца всех благ от Господа Бога, и поручая себя и семейство мое Архипастырским молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Преосвященства,
покорнейший слуга

Граф Д. Шереметев.
1 декабря 1859 г.

№ 39

†

Милостивейший Государь,
Граф Димитрий Николаевич!

Имею честь представить благосклонному вниманию Вашего Сиятельства труд мой — книгу в двух томах, под названием «Аскетические Опыты», в память о мне и в знак моего постоянного памятования о Вас. Книга состоит из статей, написанных мною в сане архимандрита.

Призывая на Вас, на графиню Александру Григориевну и на чад Ваших обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
20 февраля 1865-го года

№ 40

Ваше Преосвященство!

Получив письмо Ваше от 20-го февраля сего года и книгу Вашего сочинения «Аскетические Опыты», приношу Вам искреннюю мою благодарность за внимание и за добрые Ваши желания мне и моему семейству.

Поручая себя, жену мою и детей молитвам Вашим, прошу принять уверение в истинном моем к Вам почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть

Вашего Преосвященства
покорный слуга

Граф Димитрий Шереметев.
30 апреля 1865 года

Дмитрий Николаевич Шереметев (1803–1871) — сын графа Николая Петровича Шереметева (1751–1809) и графини Прасковьи Ивановны Шереметевой (1768–1803, бывшей крепостной актрисы театра Ковалевой-Жемчуговой). Дмитрий Николаевич принадлежал заслуженному роду Шереметевых. Его прадеду, фельдмаршалу Борису Петровичу (1652–1719), Петр I пожаловал первый в России графский ти-

тул. Следующий Шереметев — Петр Борисович (1713–1788), сенатор (1762), один из богатейших людей России, владелец Фонтанного дома (наб. р. Фонтанки, 34) и знаменитой подмосковной усадьбы Кусково. Его сын, граф Николай Петрович — создатель Останкинского театра-дворца. В память о своей жене Прасковье Ивановне основал Страннноприимный дом в Москве.

Маленький граф, Дмитрий Николаевич, в неполные 6 лет остался круглым сиротой. После смерти графа Николая Петровича Шереметева вдовствующая императрица Мария Федоровна, в знак его былой дружбы с Павлом I, берет Дмитрия под свое особое покровительство. Опекунов и воспитателей наследнику огромного состояния подбирали только с одобрения императрицы. Дмитрий Николаевич получил домашнее образование. В 1820 г. пожалован в камер-пажи, в 1823 г. поступил на службу корнетом в Кавалергардский полк. С 1827 г. — поручик, с 1830 г. — штабс-ротмистр, в 1831 г. пожалован во флигель-адьютанты. Участвовал в походе против польских повстанцев и находился с полком при взятии Варшавы. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1843 г. произведен в ротмистры. В 1838 г. перешел на гражданскую службу, произведен в коллежские советники в Министерстве внутренних дел, камергер. С 1856 г. — гофмейстер Высочайшего двора. В 1824–1871 гг. Дмитрий Николаевич был попечителем Страннноприимного дома, основанного его отцом, жертвуя огромные суммы в дополнение к средствам, оговоренным при открытии учреждения. Во времена его деятельности прижилась поговорка «жить на шереметевский счет». В середине XIX в. на его пожертвования существовали московские храмы, обители, гимназии, приюты и отчасти Петербургский университет. В 1840-х гг. Дмитрий Николаевич исполнял обязанности Почетного попечителя санкт-петербургских гимназий, в 1843 г. был удостоен звания почетного члена Петербургского университета. Помощь графа сыграла решительную роль в поновлении Лазаревской церкви в Александро-Невской лавре.

Дмитрий Николаевич Шереметев был знатоком и ценителем музыки, им был организован церковный хор. Тогда хором руководил композитор и дирижер Гавриил Иоакимович Ломакин (1812–1885), выдающийся знаток и преподаватель русского церковного пения. Состоя учителем придворных певчих, Ломакин сделал четырехголосное переложение всего годичного круга церковного пения. В течение полувека Д. Н. Шереметев содержал в своем петербургском Фонтанном доме хоровую капеллу. Службы проходили в домовой церкви св. великомученицы Варвары, одной из первых в Петербурге.

Дмитрий Николаевич заботился о людях искусства, оказывая материальную помощь художникам, певцам, музыкантам. Просторные залы Фонтанного дома часто превращались в мастерскую как знаменитых, так и безызвестных живописцев. Так, в 1827 г. Орест Кипренский писал портрет Пушкина на фоне анфилады парадных комнат.

С 1838 г. Д. Н. Шереметев был женат на Анне Сергеевне Шереметевой (1810–1849), фрейлине императрицы Александры Федоровны, дочери своего дальнего родственника Сергея Васильевича Шереметева. Дети от первого брака: Николай, Сергей. В 1857 г. женился вторично на Александре Григорьевне Мельниковой (1825–1874). Дети: Александр, Екатерина. В историю вошел *Сергей Дмитриевич Шереметев* (1844–1918), историк и генеалог, общественный деятель, обер-егермейстер (1904), почетный член Петербургской Академии наук (1890). Полковник л.-гв. Кавалергардского полка (1874–1884), директор Придворной певческой капеллы (1883–1894), член Государственного совета (1900), председатель Археографической комиссии (1900–1917). Один из организаторов (1877) и председатель (1888) Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русской истории и духовного просвещения в память императора Александра III (1896), Русского генеалогического общества (1898), автор мемуаров (последнее издание — «Мемуары графа С. Д. Шереметева». М., 2001).

Исключительный интерес читателей вызовут письма архимандрита Игнатия к графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву. Аристократ Шереметев в ту пору состоял камергером и служил по штату Министерства внутренних дел. Граф вместе со своей супругой, фрейлиной Анной Сергеевной (скончалась 11 июня 1849 года), долгие годы посещал Сергиеву пустынь, молился там. И когда наступил критический момент для Настоятеля, связанный с нехваткой денег для срочной уплаты долгов обители, граф Д. Н. Шереметев сразу же пришел на выручку, и долги были погашены. Впоследствии святитель Игнатий отблагодарил графа за благочестивое внимание к обители великим даром — он послал Д. Н. Шереметеву только что вышедший из печати свой знаменитый духовный трактат «Аскетические опыты».

Публикуемые письма сохранились в Центральном государственном архиве древних актов. Все тексты даны с сохранением особенностей написания служебной титулатуры и с соблюдением правил письменного этикета.

Редакция

Федор Петрович Опочинин

В письме к своему наместнику в Сергиеву Пустынь от 24 марта 1848 г. святитель Игнатий писал: «Федора Петровича Опочинина признавал я всегда человеком, который расположен был ко мне и по уму и по сердцу, также и к обители нашей: он писал мне несколько писем сюда [в Бабайки]».

Опочинины принадлежали к одному из древнейших родов, прописанному в дворянских книгах Ярославской, Тверской и Смоленской губерний. Представители их на протяжении веков служили государству, занимая высокие военные и административные должности.

Федор Петрович Опочинин (1778–1852) «начал свою карьеру в военной службе, перейдя затем в гражданскую, он в 1816 г. был уже шталмейстером, а затем быстро продвигался по лестнице чинов и умер в декабре 1852 г. действительным тайным советником, членом госсовета и обер-гофмейстером»[1]. Женат он был на дочери Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского, Дарье Михайловне (1788–1854).

По своему уму и нравственным качествам Федор Петрович пользовался всеобщим уважением. Иностранные источники отмечали, что он «один из наиболее любезных и образованных людей при дворе, живет в Мраморном дворце, принадлежащем Великому князю Константину»[2].

Близкие дружеские отношения между Великим князем Константином Павловичем (1779–1831) и Федором Петровичем Опочининым возникли со времени вступления последнего в гвардию. Великий князь проникся к Федору Петровичу доверием «за ревность в службе, за его способности и живость». Отношения эти сохранились и тогда, когда Великий князь был правителем Польши (1816–1830), а Ф. П. Опочинин обосновался окончательно в Петербурге. С 1816 г. Федор Петрович стал основным доверенным лицом Великого князя Константина Павловича в столице и выполнял самые различные его поручения. Об этом, в частности, свидетельствует их переписка, опубликованная в 1873 г. внуком Федора Петровича, Федором Константиновичем Опочининым.

---

[1] Цесаревич Константин Павлович. Переписка с Ф. П. Опочининым. СПб., 1873. С. 3. || [2] РГБ ОР. Ф. 41. К. 169. № 46.

В знаменитом 1825 г. Ф. П. Опочинин уговаривал Великого князя Константина Павловича принять корону. Несмотря на это он пользовался большим доверием и у вступившего на престол царя Николая I, при котором достиг высших должностей.

Со святителем Игнатием Федор Петрович познакомился, вероятно, еще в пору его учебы в Инженерном корпусе, а после его назначения архимандритом Сергиевой пустыни стал одним из наиболее верных ее прихожан. Об его дружеских, даже сердечных отношениях с Отцом архимандритом можно судить по публикуемым ниже письмам, написанным последним в Николо-Бабаевском монастыре. Увы! После восторженных описаний своих впечатлений от «родины» Федора Петровича, Святитель уже в письме от 4 февраля 1848 г. разделял с ним «скорбь крепкую, необыкновенную», вызванную неожиданной кончиной его сына, Константина Федоровича Опочинина. Своему наместнику святитель Игнатий писал тогда: «Сердечно участвую в скорби, постигшей благочестивое семейство Опочининых! К Федору Петровичу на этой же почте отправил письмо. Бог, видно, хочет, чтоб этот человек, в котором так много доброго, приблизился к Нему».

Константин Федорович Опочинин (1808–1848), по словам святителя Игнатия, «обещавший так много для отечества», к моменту кончины был флигель-адъютантом, полковником лейб-гвардии полка. Похоронен он в Сергиевой пустыни, где через недолгое время упокоятся и его отец, Федор Петрович, и его мать, Дарья Михайловна.

Следует отметить, что генетические качества Опочининых перешли и к внуку Федора Петровича, Федору Константиновичу Опочинину (1846–1881), известному археографу и библиофилу. Особенную память по себе Федор Константинович оставил как основатель «Опочининской библиотеки» в городе Мышкине, на что он затратил значительные средства. Жена его, Наталья Федоровна (урожденная Нарышкина), подарила мебель, которой была обставлена читальня библиотеки. А за два года до кончины Федор Константинович составил завещание, которым все русские книги своей библиотеки завещал Мышкинской библиотеке.

Ольга Шафранова

Письма святителя Игнатия к Федору Петровичу Опочинину[1]

№ 1

Ваше Высокопревосходительство!

Милостивый Государь!

Будьте по обыкновению Вашему милостивы к сему письмоподателю, расстроившему свое здоровье и желающему получить помощь в больнице, находящейся в заведывании Вашего Высокопревосходительства. Я уже не говорю, что Вы сделаете сим для меня новое одолжение; потому что в многолетнее мое пребывание здесь я не мог не видеть с сердечным утешением Ваше направление, направление постоянное, делать мне все доброе, полезное, приятное. Желая Вам препроводить святую четыредесятницу в вожделенном здравии и в радости встретить великий день Пасхи, с искреннейшею преданностию и совершенным почтением, имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1843 года марта 4-го дня

№ 2

Милостивый Государь Федор Петрович!

Родина Вашего Высокопревосходительства прекрасна. Сколько не видел я местоположений на пути моем в Ярославль из Петербурга через Москву, никакая местность не поражает, не пленяет так взоров, как берега Волги. Какой обширный горизонт, какая роскошь! Берега Волги это страна с совершенно особенным, отдельным характером. Здесь все улыбается. Самые струи Волги, — какие-то нежные, добрые, — соответствуют назначению реки, назначению государственному, назначению: кормить, обогащать, благотворить. Вы носите характер Вашей родины. Когда взглянешь на Вас, то Ваша физиономия говорит: этот человек рожден, чтобы изливать благотворение на ближних и делом добрым и словом приветливым, мудрым. Светло чело Ваше!

[1] Письмо № 1 — РНБ РО. Ф. 545. Ед. хр. 13 — публикация А. М. Любомудрова; письма № 2, 4, 6, 7 — РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 9 — публикация О. И. Шафрановой; письма № 3 и 5 были опубликованы в т. 4 Собрания сочинений святителя Игнатия. М., 1993.

Светит благонамеренностию! Оно способно быть и грозным, глас Ваш может издать и громовые звуки, но это — только по необходимости и по наружности. Сердце остается добрым и благонамеренным; но надо же взглянуть темной тучей и грянуть рассыпчатым громом, чтоб осветить застоявшиеся, предавшиеся дремоте души, возбудить их к движению, очистить от злокачественных газов. Я Вас таким не видал, но фантазирую и, кажется, безошибочно. А позволяю себе фантазировать с такою свободою и, может быть, вероятностию, от того, что люблю, знаю, убежден, что Вы меня любите: посему поспешаю известить Вас, что я притащился в Бабаевский монастырь 9-го Августа, дорогою похворав довольно и в свободное время от хворости посетил замечательнейшие святыни, бывшие на пути моем. Бабаевским монастырем я очень доволен. Местность живописная, роскошная. Воздух, воды — чудные! Провожу время почти совершенно один — с бесценными собеседниками книгами, которые говорят, когда захочу, — умолкают, когда захочу, — опять начинают свою скромную, безгласную беседу. Это уединение доставляет мне отдых, необходимый при моем нервном расстройстве, при котором развлечение служит обременением.

Призывая на Вас благословение Божие, поручая себя Вашей памяти, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1847 года
августа 14-го дня

№ 3

С приятностью услышал я, что вы посетили обитель преподобного Сергия в день его праздника. Вы взошли и в мои комнаты с другими, расположенными ко мне ради имени Христова! Примите мою искреннейшую благодарность! И я был тут сердцем моим.

Что сказать вам? — Спаситель мира повелел тем, которые хотят войти в Царство Небесное, быть, как дети, простыми, незлобивыми, нелюбопытными, верующими, научающимися, скоро раскаивающимися в проступках. Последуйте этому совету Господа — в свое время ощутите блаженное обновление, укрепление души вашей. Оно будет совершаться постепенно, неприметно... Внезапно

человек увидит себя измененным — и прославит всеблагого всемогущего Бога.

Не посетуйте на краткость письма моего, не измеряйте его числом строк. Посмотрите на ваше сердце: если оно утешено, удовлетворено — мера полна.

№ 4

Милостивейший Государь! Феодор Петрович!

Приношу Вашему Высокопревосходительству усерднейшее поздравление с наступившим Новым годом, желаю Вам препроводить его в вожделенном здравии и совершенном благополучии. Благословение Божие да хранит, да осеняет Вас, все семейство Ваше. Повсюду, куда Вы не обратите взоры Ваши, да встречает Вас одно лишь приятное, одно утешительное: потому что Вы умеете доставлять ближним и приятности и утешение. «В нюже меру мерите, да возмерится Вам!»

На благословенной родине Вашей, где и природа и люди встретили меня благосклонно, оказывают столько одолжительного внимания, что невольно трогают чувствительное сердце странника, — на родине Вашей мне хорошо. Здоровье мое неспеша поправляется с исшествием простуды из моего тела, оно ощущает укрепление нерв и обновление всего состава. Я употреблял потогонные средства и еще не долечился, по этой последней причине и по причине отворенных поров, также по причине слабости, которую произвело лечение, — я послал прошение к моему Начальству, чтоб оно дозволило мне возвратиться в Санкт-Петербург по первому летнему пути. А между тем я воспользуюсь благотворным влиянием на меня Вашей благословенной, гостеприимной родины.

Примите на себя труд передать мой усерднейший поклон, поздравление с Новым годом и желанием всех благ Милостивейшей Государыне Дарии Михайловне, Константину Федоровичу и Вере Ивановне, Марии Федоровне и Александре Федоровне.

И паки — призывая на Вас благословение Божие, повторяя желание Вам всех истинных благ, с чувством совершенного почтения и искреннейшей душевной преданности и признательности имею честь быть навсегда

Вашего Высокопревосходительства
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

С первого взгляду Вашего на меня, с того взгляду, которым Вы взглянули на юнкера, — Вы глядите на меня одинаково, глядите Ангелом — за это спасет Вас Бог!

2 Генваря 1848

№ 5

Милостивейший Государь! Феодор Петрович!

Какую неожиданную весть принесла мне нынешняя почта! Константин Федорович, в цвете лет зрелого мужества, обещавший так много для отечества, для родителей и семейства своего, бесценный для всех знавших его, внезапно оставил поприще земной жизни, — и прах его уже покрыт землею! — покоится в Сергиевой пустыне! Там долго он будет покоиться! ... возбудит и оживит его труба общего воскресения человеков! ... А душа его! ... да обрящет она покой в блаженных, тихих и светлых обителях неба! Туда да проложат ей путь и ее собственное благочестие и благочестие родителей! Туда да проложат ей путь молитвы святой Церкви, молитвы отца его, молитвы матери его, молитвы осиротевшей супруги и сиротство почти немотствующих и непонимающих сиротства своего младенцев детей его!

Постигла Вас скорбь крепкая, необыкновенная, но соответствующая крепости души Вашей! Вам предлежит облечься во всеоружие живой веры, вдыхающей в сердце твердость, мужество, смирение, покорность определениям Божиим, Вам предлежит сообщать силу души Вашей слабой по телесному сложению, хотя и не слабой по упованию на Бога, Дарии Михайловне — она мать! Вам предлежит заменить собою почившего в его семействе — вступить снова в обязанности отца, пекущегося о воспитании детей. Неожиданный и тяжкий крест лег на рамена Ваши! но он послан Богом... Неприметно пришел, приблизился он, — внезапно, всею тяжестию лег на рамена, — и блаженны те рамена, которые сподобились ощутить на себе крест Господень! Блаженна душа, которая с великодушием примет и понесет крест Господень.

Крест — знак избрания Божия, печать Христова. Этою печатию запечатлевает Христос Своих! этот знак изображают на возлюбленных Божиих ангелы Бога Вседержителя! «Если ж ты видишь кого, — сказал преподобный Марк подвижник, — проводящего жизнь бесскорбную, в постоянном благоденствии, — знай: его ожидает по смерти суд немилостивый». Все святые признавали за непреложную истину, что тот, который проводит жизнь бесскорбную, — забыт Богом. Не ищи, говорит один из них, со-

вершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в кресте Христовом! Какие бы добродетели ни были совершаемы святыми, они считали их неполными и недостаточными, если их не увенчал крест Христов, не запечатлела, не засвидетельствовала печать Христова. Те только пройдут путь, стрегомый херувимом, которые будут иметь при себе рукописания, запечатленные печатию Христовою.

Милость Божия к Вам являлась во все течение жизни Вашей и в благословении Вас семейным счастием, и в благословении Вашего служения Царю и отечеству. Та же самая милость Божия является и в посланном Вам кресте. Наказание Божие — не наказание человеческое!.. гнев Божий — не гнев человеческий! Господь наказует — и любит! Он призывает Вас в ближайшее познание его. Короткое знакомство с великими земли доставляет временные почести и мнимое богатство; подробное познание Бога доставляет блага вечные, зрение славы Божией, участие в этой славе.

Всегда смотрел я на Вас оком сердца моего — глубоким сердечным чувством, которое трудно постичь, которого существование даже и не подозревают проводящие жизнь рассеянную. Думаю: Бог послал мне это чувство с тем, чтоб я имел хотя малую лепту, которою бы мог в час нужды принести Вам слабое воздаяние за Вашу обильную любовь. Гляжу на Вас отсюда, из отдаленной пустыни: вижу то же самое! расстояние не препятствует смотреть и видеть сердцем. Постоянно я ощущал в Вас, в Вашей душе, какую-то нравственную задачу, которая не имела полного решения. Оставалось решить! Воля Божия о нас видна теперь яснее: Ему благоугодно, чтоб душа Ваша принесла духовный плод для житницы вечной, соответственный средствам и силам, насажденным в эту душу. Для того — Он вывел Вас на подвиг. Ему благоугодно, чтоб Вы приблизились к Нему, более познали Его.

Константин Феодорович — почти одних лет со мною, немного моложе меня. С того времени, как мы познакомились, протекла целая четверть столетия; тогда он был в мундире пажа, а я в мундире юнкера. Первая мысль, мелькнувшая мне при прочтении вести о его кончине, пролетевшая прямо в сердце, была: «и он пошел в монастырь». Теперь Вы — беспристрастный судья: не все ли равно уйти в монастырь несколькими годами раньше, несколькими годами позже? Инок — тот же мертвец с живым словом! ... Слово его из другого мира! ... из того мира, где — душа

почившего. Я, живой мертвец, стяжал нового сожителя в Сергиеву обитель — сына Вашего, мертвеца, заключившего навсегда уста свои. Да дарует мне Бог произносить Вам за него и за себя «слово» из того мира — слово утешения, слово спасения!

Заливаюсь слезами — перо не держится в трепещущей руке. Христос с Вами! Он да укрепит Вас, и Вами все семейство Ваше!

Всей душой Вам преданный

недостойный Архимандрит Игнатий.

4-е февр. 1848 года

№ 6

Христос Воскресе, и воистину воскресе!

Многолюбезнейший, бесценнейший Федор Петрович!

Получив письмо Ваше, я долго беседовал с ним: оно и поныне постоянно лежит на столике близ моей кровати. На ней провожу большую часть времени; одно у меня занятие — лежание; таков удел больного. Часто я перечитывал глубокое письмо — эту исповедь души Вашей, переносился мыслию к Вам. И вот — на днях — по обычаю один я в келлии, по обычаю лежу: внезапно и живо представилось мне, что я на могиле Константина Федоровича — вместе с Вами, со всем Вашим семейством ... Как будто послышался голос Константина Федоровича! Овладело душою моею чудное, неожиданное вдохновение: вскакиваю с кровати, тороплюсь начертать на бумаге мысли, представшие мне в многочисленном, очаровательном сонме. Когда я переводил их на бумагу, — рука едва поспевала изображать то буквами, то кой-какими знаками и намеками кипящие ключом мысли, перемешивающиеся с еще более чудными, тихо и насладительно волнующими душу ощущениями. Потом я перечитал исчерканный листок, — вижу: это — не моя собственность. Отрадное, утешительное вдохновение низошло ко мне не для меня одного: оно принадлежит Вам более, чем мне. Посылаю его Вам вместо красного яичка. Вы получите, прочитаете его в дни Святыя Пасхи. Пусть другие встречают праздник в шумных увеселениях: для Вас послужит услаждением «Слово из вечности». Это — беседа таинственно-послышавшегося мне голоса.

Слово из вечности

«Отец мой! мать моя! супруга моя! сестры мои! родные и друзья мои! вы все стеклись к моей одинокой могиле, — в молчании, с поникшими главами, окружили ее. Безмолвно, одними

помышлениями и чувствованиями вы беседуете с безмолвствующим жителем гроба. Сердца ваши — фиалы неисцельной скорби. Потоки слез льются из очей ваших; из потоков слез пролившихся рождаются новые слезные потоки: печали — дна нет, слезам нет конца.

Младенцы — дети мои! и вы здесь у камня могильного, у камня надгробного. И на ваших глазах навернулись слезки, — а сердце ваше почти не знает о чем плачут очи, подражающие очам вашей матери, очам отца моего, очам моей матери. Вы любуетесь камнем надгробным, камнем светящимся, мрамором белоснежным; вы любуетесь надписью из букв золотых; а они — этот мрамор и эта надпись — провозвестники вашего раннего сиротства.

Отец мой! мать моя! супруга моя! родные и друзья мои! что вы стоите так долго над моей могилой, над хладным камнем, хладно-стоящим на страже гробовой? Уже давно охладело мое бездыханное тело, — возвращается, по узаконении Творца, в свою землю, рассыпается в прах... Какие тяжкие думы вас объемлют, удерживают на могиле моей? ... Служители алтаря принесли к ней молитву о упокоении моем, возгласили мне вечную память в спасающем и упокоевающем меня Боге. Они отошли от могилы безмолвной; идите и вы: вам нужен покой после подвигов тела и души, умученных скорбию.

Вы нейдете? ... вы здесь ... вы — как будто приковались к месту моего погребения! ... В молчании нерушимом, — с думой, для которой нет объяснения, — и сердцем, в котором обилием скопившихся чувств поглощается определенность чувства, вы не отступаете от могилы влажной, от камня — памятника бесчувственного... Что надо вам? вы — из-под камня, из недр могилы как будто ожидаете моего голоса.

Нет этого голоса: вещаю — одним молчанием. Тишина нерушимая — удел кладбища. Прахи мертвецов говорят без слов: тлением осуществленным возглашают громкую проповедь, убедительное увещание к живущим, мятущимся, шумящим на земной поверхности искателям тления.

И есть еще у меня голос! и говорю с вами! и отвечаю на ваши неизъяснимые думы, на ваши непроизнесенные и неизглаголенные вопросы. Послушайте меня! отличите мой голос в общем, едином голосе, которым говорит вечность к времени. Глагол вечности — один, неизменяемый, непреложный. В ней нет переменчивости: в ней день един, сердце едино, мысль одна. Соединяющий все во едино — Христос. Оттуда голос — один.

В этом едином голосе, которым говорит вечность, отличите мой голос! Неужели вы, родные мои, не узнаете моего голоса? Мой голос в общем голосе вечности имеет свой отдельный звук, как голос струны в общем аккорде многострунного, гремящего фортепиано.

Вещал вам голос вечности, вещал с времени крещения, как и прочим Христианам, когда вы были еще неспособны внимать ему. Голос вечности! увы, — мало внимают тебе в шумной земной гостинице! То младенчество наше препятствует внимать тебе; то заботы, развлечения житейские препятствуют внимать тебе. А ты — не умолкаешь: говоришь, — говоришь, — и, наконец, чрез посланника своего — смерть — требуешь и внимательного и невнимательного слушателя к отчету в внимании святым словам вечности, святым словам Бога.

Чтоб голос вечности имел для вас особенный отголосок, способный пронзить ваше сердце, привлечь к словам спасения все внимание ваше, Бог причислил меня к говорящим из вечности. Мой голос слился с общим голосом небожителей; для прочих жителей земли я мертв, безгласен, как и другие мертвецы. Но для вас я жив, — и, мертвый, говорю слово спасения лучше, нежели как сказал бы его, живя между вами и вместе с вами гоняясь за призраками благ, которыми тление обманывает и губит странников земных.

Бог — милостив бесконечно. Ах! если б было нужным и полезным — внезапно из-под тяжелого камня, из тьмы могильной отозвался бы я вам! ...Но Небо признало частный голос из вечности излишним. И какой голос из вечности уже не лишний, когда Бог благоволил, чтоб не только Моисей и Пророки, но Сам единородный Сын Его возвестил земле волю Его, возвестил ей уставы святой, блаженной вечности? *Имут Моисеа и пророки: да послушают их*, — ответ был Неба просившему голоса умерших для спасительной проповеди живущим на земле плотскою жизнию, гибнущим душевною, вечною смертию. *Аще Моисеа и пророки не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры* (Лк. 16. 29–31).

А ты, товарищ мой — мертвец, но еще с живым словом в устах? ... вот — отец мой, мать моя, супруга моя, родные мои... Не могу говорить с ними иначе, как общим словом вечности. В этом слове они слышат звук и моего голоса ... да! они слышат его! Но нет у меня отдельного, частного слова ... Товарищ мой! из общих наших сокровищ вечности скажи им за меня простое, необходи-

мейшее для них слово: «Земная жизнь — мгновенное, обманчивое сновидение. Вечность неизбежна... Есть и бедственная вечность! ... Стяжите вечность блаженную вниманием, послушанием всесвятым словам и заповеданиям всесвятого Бога ... и приходите ко мне на светлый вечный праздник, каждый в свое, самим и единым Богом непостижимо назначенное время»[1].

Архимандрит Игнатий.
30 марта 1848

[1] В другой редакции «Слово из вечности» напечатано в Настоящем издании, т. 1, с. 171–173.

№ 7

Милостивейший Государь! Феодор Петрович!

Имею честь представить Вашему Высокопревосходительству Святую Икону Казанской Божией Матери, которую, для доставления оной Вам, прислал на имя мое Высокопреосвященнейший Архиепископ Григорий[1], сохраняющий постоянно любовь и уважение к Вам и семейству Вашему.

Сердечно желал бы лично представить Вам сию Святую Икону и вместе с тем принести усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом, но я простудился — и должен эти торжественные дни провести дома. В сих строках примите мое усерднейшее поздравление и желание всех благ Вам и Ее Высокопревосходительству Дарии Михайловне со всем Вашим семейством.

Поручая себя Вашему милостивому расположению и призывая на Вас благословение Неба с чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
1849 года 24 декабря

[1] Архиепископ Григорий (Постников) — будущий Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

Переписка святителя Игнатия с графом Павлом Матвеевичем Толстым-Голенищевым-Кутузовым и письма к его матери и сестрам[1*]

№ 1

Игнатию, архимандриту
Сергиевской Пустыни

Почтеннейший Отец Архимандрит.

Благодарю Вас очень за дорогое письмо Ваше. Я всегда был уверен, что Вы не перемените Ваше хорошее расположение. Привыкнув видеть меня довольно часто, Вы видели мои чувства к Вам, кои беспредельны, и хотя я далеко теперь от Вас, но часто очень беседую с Вами в мыслях. Здоровье мое действительно поправилось, но не знаю, что Господь Бог даст вперед и скоро ли могу я воспользоваться милостию Царскою назначением меня ко двору, хотя и думаю быть у Вас в средине лета, но на короткое время, потому что жене моей необходимо еще провести зиму в южном климате. Она все плохо поправляется, к тому же на днях простудилась сильно, так что две недели пролежала в постели и теперь еще не выходит из комнаты, что меня очень огорчает, видно, Господу Богу угодно меня испытывать в терпении, и так хотя грустно, но покоряюсь Его Воле. Не оставьте нас в своих Молитвах. Младенец Павел растет и здоров, слава Богу.

Радуюсь очень, что трапеза Ваша в день праздника была осчастливлена присутствием митрополита Киевского[1] и также Прокурором Святейшего Синода[2], это доказательство мирных сношений. Но и паче приятно мне знать, что Государь Император обещал посетить пустынь. Дай Господи, чтобы все это Вас могло упрочить в хороших чувствах нашего Монарха к Вам. Поручение Ваше я до сих пор еще не мог исполнить, хотя с тех пор, как я здесь, не проходило трех дней, чтоб я не повторял нескольким людям, коим я поручил отыскать мне книгу **Жизнь святого угодника** на Греческом или Латинском языке, но не могут до сих пор оную иметь, однако ж обещают, и потому я не лишился еще надежды привезти вам таковую. Благодарю Вас еще раз очень, Почтеннейший Отец Архимандрит, за любовь Вашу ко мне. Поверьте, что очень ценю оную и с сими чувствами остаюсь по гроб Ваш покорный слуга

Павел Толстой.

[1*] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 23.

Время у нас даже на солнце жарко. Окошки открыты, и миндальные деревья в цвету.

Сего 19/7 февраля 1842
Рим

[1] Митрополит Филарет (Амфитеатров) — о нем см. Настоящее издание, т. 7, с. 32–34. (Далее — т. 7.)
[2] ...*Прокурором Святейшего Синода*... — Граф Н. А. Протасов.

№ 2

Милостивейшая Государыня Параскева Михайловна!

...Жизнь наша вся в различных скорбях, как всё оканчивается смертию. Сколько спасительных уроков преподают нам эти скорби: не дают привязываться к земле; возводят к небу; воспоминают нам Бога. А Вы, которым так известно учение Христово о терпении, которым пришлось столько потерпеть на самом деле, до конца сохраняйте терпение. Пишу Вам сие для того, чтоб доставить душе Вашей душеполезное утешение. Не пишу много, потому что надеюсь вскоре видеть Вас и потому что Вам самим очень известно Слово Божие. Господь, услаждающий скорби скорбящих, да усладит Вам болезнь Вашу и подкрепит Вас на дальнейшие подвиги. Мир Вам!

Ваш покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
24 сентября 1843
Сергиева пустынь

№ 3[1]

Милостивейшая Государыня Екатерина Матвеевна!

Я имею известие о кончине или, правильнее, о успении Вашей Благочестивой Родительницы и молюсь о ея упокоении с братиею обители моей в том самом храме, где Парасковья Михайловна так часто приносила усердные молитвы свои Господу, откуда прошения ея восходили на небо и не возвращались тщими, но исполненными и удовлетворенными. Вы пришли Вашим письмом в мою комнату, где Вы нередко бывали с покойною Матушкою Вашею, в то время, когда в этой комнате собралось почти все семейство Ваше. Тут были и Павел Матвеевич и Иван Матвеевич, и Феофил и Григорий Матвеевичи, Анна Михай-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 19. Письмо публикуется впервые (О. Шафранова).

ловна, Федор Петрович, Александра Федоровна, супруга Николая Матвеевича, — тут было воспоминание о покойной, тут лились слезы любви и эти слезы не были горьки: их услаждало непостижимое чувство, чувство уверенности, что участь покойной есть участь блаженная и радостная. Но слезы лились как дань любви. Когда в первый раз я вышел с братиею на панихиду — это в Сергиевской церкви, мне представлялась стоящею с нами и молящаяся Парасковья Михайловна — так привыкли мы видеть ее в сем храме, в особенности при молитвословиях Страстной недели и первой недели Великого Поста.

Плачьте и не ропщите, плачьте и молитесь, плачьте и приготовляйтесь к тому, чтоб блаженная Родительница Ваша с радостию вышла бы к Вам на встречу, когда душа Ваша оставит тело, привела бы Вас благополучно ко вратам неба, ввела в них, представила бы Вас Христу, представила бы ликам святых, говоря с радостию: Се аз и чадо мое, еже даде ми Бог не только для земли, но и для неба. Теперь занимает ее зрение новых предметов, теперь привлекает ее к себе, объемлет всю любовь Божия, и если есть в ней земное желание, то оно состоит в том, чтоб дети ее, плоды болезней ея, наследовали бы небесное блаженство, пред которым всякое земное щастие есть прах и тлен. Знайте, что Парасковья Михайловна уготовала себе обитель в Раю. Не только Вы должны быть спокойны относительно ее будущности, но Вы можете быть уверены, что ея молитвы о Вас сильны и действительны пред престолом Божиим, что молитвы ея будут помогать Вам во всю жизнь Вашу, если только жизнь Ваша будет сообразна воле Божией, изображенной особенно в Евангелии. В этом будьте уверены! В доказательство истины слов моих, которые произношу от удостоверения опытом, расскажу Вам следующее обстоятельство. Когда Анна Матвеевна была больна весною, очень больна, конечно, Вы это помните, то Парасковья Михайловна, употребляя помощь врачей, наиболее прибегала к помощи молитвы. Анне Матвеевне сделалось получше, опасность совершенно миновалась, и Парасковья Михайловна отправилась в любимые гости — в Сергиеву Пустыню. Тогда уже служили мы в соборе, она входит в храм, и какими словами встречает ее храм Божий? Словами Спасителя: «о жено! велия вера твоя буди тебе якоже хочеши и исцеле дщи ея от того часа». При этих окончательных словах Евангелия того дня, которое провозглашал Отец Марк, взошла Парасковья Михайловна после не-

престанного и болезненного подвига в молитвах о выздоровлении Анны Матвеевны. Это меня чрезвычайно поразило. Взошло в меня невольное и неопровержимое удостоверение, что сии слова Евангелия относятся к вере и молитвам Парасковьи Михайловны! Тогда сообщил я это одному Павлу Матвеевичу, взяв с него слово не говорить сего Парасковье Михайловне, чтоб не причинить ей какого-либо душевного вреда; потому что мы не можем переносить похвалы безвредно во время земного нашего странствия. Но теперь, когда она вне опасностей от нападения греха, с приятностию открываю Вам мою тайну, в утешение души Вашей. Если при жизни своей Парасковья Михайловна могла испросить у Господа для дщери своей избавления от недуга смертного, тем более по смерти, к которой приготовилась и предочистилась тяжкими страданиями, она будет молить за чад своих, Вам остается споспешествовать ее молитвам Вашими молитвами и благочестием; тогда познаете на опыте, сколько сильна молитва Праведного, споспешествуемая. Жизнь внимательная и Богобоязливая кажется страшной только для тех, которые ее не вкусили, но для вкусивших на весах сердца она перетягивает все временные удовольствия. Искренно желаю Вам последовать примеру Вашей блаженной родительницы. И пройдут дни за днями, и быстро пролетят годы своею чредою, и настанет для Вас минута, для всех человеков неминуемая, в которую душа Ваша должна оставить земной храм свой и вступить в вечность или блаженную или горестнейшую. Помните о сей минуте, и если Вы приготовитесь к ней как должно, то навсегда соединитесь с блаженною родительницею Вашею для радостей и утех бесконечных, чего Вам от души желаю. Что говорю Вам, то говорю и Анне Матвеевне.

Скажу Вам несколько слов о себе. Когда был я в кругу всего семейства Вашего (это было вчера) и вместе с тем получил от Григория Матвеевича письмо Ваше, то я ощутил, что в сердце моем удвоилась любовь моя ко всем Вам — и это совершила покойная Праведница. Окруженный сыновьями ея и прочими ближайшими родственниками, я говорил с ними почти одним молчанием. Когда они ушли, я зарыдал, зарыдал — и уже вечером мог принять несколько пищи, так различными чувствованиями была преисполнена душа моя. Изображение Усопшей весь день как будто ходило на воздухе пред очами моими, и вид ее и вчера и сегодня предо мною — радостный. И льются слезы радости и

утешения. И слово искреннее невольно выливается из сердца и, изобразившись на бумаге, спешит перелиться в Вашу душу, чтоб пролить в нее утешение и веселие духовное.

Мир Вам

Архимандрит Игнатий.
Январь 1844 года

№ 4

Письмо ваше мне очень понравилось; действия ваши, внушенные любовию к ближнему, — очень понравились; совет ваш — очень понравился, который и исполняю, как вы видите по приложенному письму в Париж. Наконец — вы мне очень понравились; в письме вашем вы так мирны, так спокойны. Не люблю я, чтоб странники земные были безумно веселы: это нейдет странникам, изгнанникам, которых ждет смерть, суд, двоякая вечность, блаженная или горестная. Люблю, чтоб они были спокойны: спокойствие — признак, что странник с благословенною надеждою в сердце.

Я живу уединенно и лечусь; действие лекарства спасительно, но вместе сильно, отчего лежу по целым дням. Из моих окон прекрасный вид на Волгу, который я хвалю, но на который взгляну редко, редко, мимоходом. Как помню себя с детства — телесные чувства мои не были восприимчивы, слабо действовал на меня посредством их вещественный мир. Я был нелюбопытен, ко всему холоден. Но на человека никогда не мог смотреть равнодушно! Я сотворен, чтоб любить души человеческие, чтоб любоваться душами человеческими! За то и они предо мной — какими Ангелами! — предстают взорам сердца моего так пленительно, так утешительно! Вот зрелище, картина, на которую гляжу, заглядываюсь, снова гляжу, не могу наглядеться. И странно! Лице, форму, черты — тотчас забываю, душу помню. Много душ, прекрасных душ, на моей картине, которую написала любовь, которую верная память хранит в целости, в живости колорита. Этот колорит от уединения делается еще яснее, еще ярче. На моей картине и вы с вашим братцем. Часто смотрю на вас! Душа моя наполнена благими желаниями для вас.

В пышном ли наряде, или в немудром платьишке — что до того? — Совершим наше земное странствование, неся светильник веры правой, веры живой. Этот светильник введет нас в вечное Царство Божие, пред входом куда снимается одинаково и рубище

и пышный наряд. И самый пышный наряд в сравнении с светлою одеждою духовною — не что иное, как презренное рубище.

В терпении вашем стяжите души ваши[1], сказано странникам земли, потому что путь наш узок и прискорбен, а мы слабы. *Сила Божия в немощи совершается*[2], опять утешительно наставляет нас Писание. Благодарю братца вашего за приписанные строки! Если б у моего письма были глаза, то я завещал бы им взглянуть на братца вашего пристально, продолжительно и так дружелюбно, чтоб этот беспрерывный страдалец невольно, приятно улыбнулся.

Христос с вами!

Архимандрит Игнатий.
17 августа 1847 г.

[1] *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19).
[2] 2 Кор. 12. 9.

№ 5

Вы в Париже! Волны житейского моря разнесли нас в разные стороны. Я витаю на уединенном берегу Волги: вы брошены в Париж, столицу моды, столицу образованного мира и, можно сказать, в столицу тьмы и греха. В столице тьмы и греха охранитесь от помрачения, охранитесь от греха. Где больше опасности, там нужно больше осторожности. Если необходимые обстоятельства заставят быть в городах, где свирепствуют чума или другая заразительная болезнь, то надо стараться кончить там дела как можно скорее и уехать как можно скорее. Тем больше так должно поступать относительно города — столицы греха. Кто знает — не нанесет ли всезлобный грех какой раны? Кто знает — какую он нанесет рану? Он может нанести и смертельную рану, неисцельную?

Приезжайте скорее назад, окончив ваше дело. Здесь ждет вас важное дело. Вы обязаны внимательно заняться вашею душою. Не промотайте ее. А это можно сделать — и как многие делают! Вспомните, что и вам надо выйти дверью гроба из этой жизни, предстать на суд пред Господа, на суд, страшный и для святых Его, и для тех, которые провели всю жизнь в благоугождении Ему. Там будут судимы не только грехи, но и правды человеков; там многие правды их осудятся правдою Всесовершенною. Это засвидетельствовал Сам Спаситель. *Аще правда ваша*, сказал Он, *не избудет паче правды книжник и фарисей, не внидете в Царствие Небесное*[1].

О! когда бы милосердый Господь даровал мне возрадоваться о спасении вашем и моем в этот и будущий век. Ныне день вашего Ангела: да соблюдет вас в совершенном благополучии Святый Ангел, хранитель ваш.

17 августа 1847 г.

[1] Ср.: *Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5. 20).

№ 6

Благополучно ли вы совершаете ваше земное странствование? Случается человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам. Ему кажется: шествие его в вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем, — не останавливаемся ни на минуту.

Страннику земному на трудном пути его, чтоб он не заблудился, воспевается духовная песнь. Содержание ее: «Воля Божия, святейшие заповеди и веления Божии». *Пета бяху мне оправдания Твоя на месте пришельствия моего*[1], сказал вдохновенный Давид. Так в здешних краях, когда кто заблудится в лесу, — в соседних селах звонят в церковный колокол — и по звуку колокола заблудившийся выходит из темного леса.

А что? Обширный, многолюдный город имеет в некотором отношении сходство с обширным лесом: в нем, как и в лесу, можно заблудиться... Пусть будет голос мой из моего уединения подобен благодетельному звону колокола церковного. Всегда он отдавался в душе нашей, всегда находил в ней приют. И ныне да услышит его душа ваша! Услышав, да исполнится истинного утешения! Думаю: человек не может ничем истинно утешиться, как только воспоминанием о Боге. *Помянух Бога*, говорит святый Давид, и *возвеселихся*[2].

Как верно то, что мы все должны умереть! что эта жизнь в сравнении с вечностию — ничего незначащее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем живем, как бы бессмертные; мысль о смерти и вечности ускользает от нас, делается нам совершенно чуждою. Это — ясное свидетельство, что род человеческий находится в падении; души наши связаны каким-то мраком, какими-то нерешимыми узами самообольщения, которыми мир и время держат нас в плене и порабощении. Нужно усилие, постоянное усилие, борьба с собою, чтоб выплыть из ужасной темной пропасти; нужно терпе-

ние, чтоб великодушно перенести все невидимые душевные бури. Искушение в уме и сердце страшнее всех внешних искушений. Никто так не опасен для нас, как мы сами. *Бдите и молитесь*, сказал Господь, *да не внидите в напасть*. Бдеть над собою можно только при свете Нового Завета. Свет, при котором совершается духовное бдение, изливают из себя и писания святых отцов. Божественное Писание и отцы непрестанно напоминают нам Бога, Его благодеяния, наше назначение, будущность вечно блаженную и вечно несчастную, обличают коварство мира, его козни, показывают средства, как избежать этих козней и войти в пристанище спасения.

Пребудьте в служении Богу краткое время земной жизни — и наследуете вечность полную радостей и непрерывного наслаждения духовного. Надо же исследовать вечность!.. Не унывайте от преткновений, непогрешительность — несбыточная мечта!

Преткновения свойственны всем человекам, которым, по этой самой склонности к падениям, повелено: *В терпении вашем стяжите души ваши. Претерпевый до конца, той спасется.*

Благословение Божие да почиет над вами!

Архимандрит Игнатий.
1847 г., сентября 24 дня

[1] *Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих* (Пс. 118. 54).
[2] *Вспоминаю о Боге и трепещу* (Пс. 76. 4).

Графы Толстые были в родстве с Опочининими: Толстой Матвей Федорович был женат на Параскеве Михайловне Голенищевой-Кутузовой, дочери М. И. Кутузова и сестре Дарьи Михайловны Опочининой. Девичья фамилия Параскевы Михайловны была присоединена к фамилии ее мужа: Толстой-Голенищев-Кутузов.

Параскева Михайловна скончалась в январе 1844 г. В письме архимандрита Игнатия, написанном в связи с ее кончиной к ее дочери, Екатерине Матвеевне, названы все осиротевшие члены их семьи. Сыновья: Павел, Иван, Феофил, Григорий, Николай Матвеевичи — все занимали высокие государственные должности. Из письма Павла Матвеевича от 19 февраля 1842 г. видно, что он получил назначение при дворе.

Ольга Шафранова

Письмо святителя Игнатия к П. П. Яковлеву[1]

Друг мой Павел Петрович!

Письмо к Параскеве Михайловне я уже послал к Павлу Матвеевичу; в дополнение к нему присылаю просфору. В письме, поелику я узнал вчера от Павла Матвеевича о опасном состоянии здоровья Параскевы Михайловны, писано все с осторожностию.

А в прошедшем письме, о котором она собственноручно отвечала мне от 22 октября, я и сам подивился тому, что написалось. Видно, Богу так угодно. Дарье Михайловне мой усерднейший поклон, так как и всему их почтеннейшему семейству[2].

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.
3 ноября 1843 года

Письмо П. П. Яковлева к святителю Игнатию[3]

Павел Матвеевич потому не мог быть у нас во вторник, что с пятницы Святой Недели сделался болен; но теперь поправился и завтра предполагает быть у Вас.

Между тем дал мне 300 рублей серебром в число следующей за могилу суммы, каковую сумму при сем прилагаю, с покорнейшею просьбою: нельзя ли сделать милость оставить Вам из числа сих денег рублей 100 или 150 ассигнациями для Архитектора за рисунки и смету с пояснительною запискою наших часовен, а также и за рисунок потира.

Для нищей братии по случаю Праздника тоже необходимо рублей 75 или 100 ассигнациями.

В. Н. чрезвычайно благодарит Вас за Артос; они оба в чрезвычайном горе, потому что лишились старшей 5-летней дочери, которая скончалась в Среду на Святой неделе. В. Н. очень Вас просит пожаловать к ним для утешения, если будете в Петербурге до 25-го Маия. Мишенька весьма доволен яичком, но горюет о потере Сестрицы.

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 11. ‖ [2] Опочининых. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 29.

Письмо святителя Игнатия к Алексею Александровичу Волоцкому[1]

20 марта был прочитан в Кафедральном соборе города Ставрополя Высочайший Манифест, возвестивший государству великий подвиг и великое дело, совершенное Государем Императором, — переход крепостных людей к состоянию сельских обывателей свободных. Пишу к Вам под свежим влиянием Манифеста; мое письмо, вероятно, будет иметь интерес для Вас, так как дело началось во время управления Вами губерниею.

Манифест великолепен! Выслушан был с величайшим вниманием и благоговением, произвел на все сословия самое благоприятное, спасительное впечатление. Общественное мнение о деле было искажено проникнувшим во все слои общества журналом «Колокол» и различными печатными статьями в направлении «Колокола». На этом основании многие ожидали Манифеста если не вполне в том же направлении, то, по крайней мере, в подобном или сколько-нибудь близком. Является Манифест! Высокое направление его, величие и правильность мыслей, величие тона, необыкновенная ясность взгляда на дело, прямота и благородство выражения, точное изображение несовместимости и несвоевременности устаревшей формы крепостного права и вместе публичное оправдание дворянства (которое подлые завистники его старались унизить, оклеветать, попрать и даже уничтожить при помощи софизмов по поводу крестьянского вопроса), проповедь Манифеста об истинной свободе с устранением своеволия и буйства, которые невежеством и злонамеренностью смешиваются с идеею о свободе, — все это доставило Манифесту необыкновенную нравственную силу. Понятия ложные, явившиеся и расплодившиеся по причине глупых и злых разглашений, рассеялись и ниспали. Состояние недоумения, обымавшее умы, заменилось состоянием ясного разумения, спокойствия, доверенности и глубокого уважения к действиям Правительства. Манифест решительно отделился характером своим от всех мелких писаний по крестьянскому вопросу и затмил их светом своим: так при появлении солнца скрываются звезды.

---

[1] *Л. А. Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Киев, 1915. Ч. 1. С. 286–288. *Волоцкой Алексей Александрович* (1806–1875) — генерал-лейтенант, до августа 1859 г. — губернатор Ставропольского края; со святителем Игнатием был в дружеских отношениях с детства.

Они не уничтожаются, продолжают существовать и присутствовать на небе, но их уже не видно. Манифест, служа разумным изображением нашего Правительства, не может не изливать истинного утешения в сердца всех благомыслящих и благонамеренных, фактически доказывая, что Правительство Русское шествует по пути самому правильному, самому благонадежному.

Мне было очень приятно увидеть, что два предложения мои, данные Кавказской Консистории, еще в бытность Вашу в Ставрополе, для преподания духовенству Кавказской епархии должного направления в крестьянском вопросе, решительно сходствуют и по духу своему и по мыслям с Манифестом, предупредив его двумя годами.

Против предложений были здесь разные толки, особливо после появления ругательной статьи против меня в «Колоколе». Эти противные толки, в которых главную роль играла бессовестнейшая клевета, поневоле заставили духовенство обратить особенное внимание на предложения, как получившие особый интерес по возбудившейся вследствие них полемике. Предложения были подробно рассмотрены, а потому изучены, и Манифест, явившись, нашел уже духовенство к себе подготовленным. В то время как весь народ благословляет Государя Императора за глубоко разумный Манифест, надо полагать, что издатель «Колокола», с небольшим числом единомысленной братии своей, придет в бешенство и ударит в свой опошлившийся набат. В Манифесте, именно, упомянуты те слова св. Апостола Павла к Римлянам, по поводу которых исступленный Искандер сказал, что Апостол Павел, произнесши их, сделал больше зла, чем Иуда Искариотский, предавши Христа. У Вас есть копия с моих предложений. Во втором из них, от 7 мая 1859 года, Вы увидите развитие понятий о Вопросе, точь-в-точь тех же, какие развиты в Манифесте (стр. 4, 5, 13, 20). В Манифесте с первого слова до последнего выражен принцип Монархический — залог общественного порядка и благоденствия России.

Накануне публикации Манифеста прочитал я в С.-Петербургских ведомостях письмо Фальковского и Рескрипт Государя князю Горчакову по поводу этого письма. Какой спокойный тон в Рескрипте! Какое величественное, открытое изложение благих намерений Царя по отношению к народному прогрессу и твердости Царя по отношению к сохранению порядка в народе. Пред Рескриптом, как пред великаном, письмо Фальковского получает характер такой мелочи, таких пустяков! Рескрипт и Манифест

преисполнены нравственной силы: пред ними падают и уничтожаются противные им мнения сами собою. Вот, дорогой мой, строки, которые, уповаю, принесут Вам истинную радость накануне той радости, которую доставит всесвятая Пасха. Слава и хвала Богу, хранящему Россию! Хранение Богом России явствует, для всякого способного видеть, из Манифеста.

[1861 г.]

Письма святителя Игнатия к Плещеевым

I
К Александру Александровичу Плещееву

№ 1

Любезнейший друг Александр Александрович!

Господь да утешит Вас и семейство Ваше в постигшей Вас горести. Рассматривайте благость Божию к Вам, Его чудный о Вас Промысел и этим утоляйте скорбь сердца Вашего, приводите его к чувствам благодарения.

Старец Ваш в последние дни жизни своей (днями я называю и годы) посвятил себя Богу, успел более приготовить себя к вечности, нежели как то бывает ныне обыкновенно в свете. К этому вела его невидимая рука Божия, в этом видна особенная к нему милость Божия. Отторгнем от земли мысль нашу, прилепившуюся к земле, подумаем, поверим, что есть вечность, перед которой наше земное странствование кратче, нежели минута, сравненная с столетием! Рассудим, что здешняя жизнь нам дана единственно, как приготовление к вечности! Познаем, что род человеческий находится в состоянии падения из того самого, что мы не хотим и думать о вечности. Живем на земле, как бы вечные на ней. Обратим взоры ко Христу, Спасителю нашему! Что представится тогда нашим мысленным взорам? Необыкновенная благость Божия к Вашему дому, который приведен странными путями Промысла к Богопознанию и Богопочитанию, мало известным нам в мире.

С каким кротким смирением последовал Старец Ваш общему стремлению семейства. Тем удивительнее его смирение, что он в этом стремлении не был первым, а только последователем, что для старцев особенно трудно. При отшествии его в будущность

должно более радоваться, нежели предаваться скорби: ибо очевидно, что Бог его избрал и теперь приемлет в вечное блаженство.

Это написал я в утешение Ваше; благодать Божия да произнесет в сердцах Ваших слово утешения, коими взаимно утешайте друг друга, взирая на тот путь, который всем нам предлежит, и плотские слезы обращайте на духовные, в которых вместе печаль и радость.

Ваш преданнейший

Архимандрит Игнатий.

№ 2

Дражайший Александр Александрович!

Услышав о случающихся с Вами припадках, я этим очень потревожился. Прошу Вас по дружбе Вашей ко мне пожаловать в монастырь часам к 9-ти. Вытребуем нашего доктора, и если Вам нужно пустить кровь, то он пустит Вам. Я не встречал ни доктора, ни фельдшера, который бы пускал кровь с такою отчетливостию, как Б. Послушайтесь меня грешного; уповаю, что Вы не будете раскаиваться в послушании Вашем.

26 ноября 1844 года

№ 3

М<илостивейший> Г<осуда>рь, Александр Александрович с супругою и со всем Богоспасаемым семейством Вашим! Здравствуйте! Благословение Божие да почиет над Вами. Очень часто вспоминаю о Вас с любовию сердечною о Господе. Особенного больше мне сказать Вам нечего: по милости Божией путь спасения Вам известен с довольною подробностию. А еще поживете в заповедях Господних, еще более узнаете.

Проехал я довольно пространства, видел людей набожных посреди мира и в монастырях. Эти люди ныне крайне редки и то с весьма малым знанием, а иные со смешанными понятиями, а оттого, что в мед подливают деготь, т. е. читают Святых Отцов Православной Церкви, да не оставляют и поддельных святых темного Запада. И сбывается русская пословица: бочка меду, да ложка дегтю. Все и выкидывай вон! Оскудело истинное духовное знание и духовные наставники. Нечто иные повирают не хуже нашего брата,— да учение какое-то непросветительное, все кругом ходят, а в двери не попадают — словно в жмурки играют.

Местечко, в котором живу, хорошенькое: нашему обществу жить бы в таком местечке. Гостиница двухэтажная, каменная. Здесь можно соединить удобства общежития с удобствами уединения. Я лечусь и потому не выхожу из комнаты и к себе почти никого не принимаю. Извините, что мало и дурно написал. Писать нечего, а написал только для того, чтоб Вы на меня не скорбели.

Просящий Ваших молитв

нед<остойный> А<рхимандрит> И<гнатий>.

24 сентября 1847 г.

Ник<оло->Баб<аевский> монастырь

№ 4

Возлюбленнейший о Господе Александр Александрович!

Божественная Премудрость,— говорит Писание,— *созда себе дом*[1], т. е. святую Церковь: в этом доме все дышит создавшею его Божественною Премудростию. Светит эта премудрость и в том, что всякий ряд прошений Церковных, или ектения, заключается сими словами: «Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Мудрое и святое заключение прошений! Ныне предстоит Вам исполнить его на самом деле и исполнить его с живою верою во Христа. Сильна вера во Христа исповедуемым ее Христом; полна плодов скудных вера во что-либо ложное! Вера во Христа дарует верующему Христа; а Христу можно с благодарением и радостию вверить все: и себя, и ближних своих. Такое размышление да утешает Вас в последние минуты земной жизни Вашей. Обращая произвольные взоры на Ваше семейство, вручайте его Христу. Он устроил так, что Вы были опорою Вашего семейства: теперь Он же призывает Вас к Себе. Вы были Его орудием: отлагая одно орудие, Он может взять во всемогущую Свою десницу другое орудие. Разлучаетесь с Вашими ближними, разлучаетесь ненадолго! Вы можете выводить правильное заключение о земной человеческой жизни! Вы можете исчислить, как она скоротечна! Скоро пробежала мимошедшая жизнь! Скоро пробежит для тех, которым суждено еще повитать на земле, их будущая земная жизнь. Идите на небо, в вечность, куда Вас призывает Христос. «Блажен грядый» в вечность «во имя Господне». Идите на небо на бесконечный и радостнейший праздник Христов. Туда Вы призваны Христом, призыв туда Вы приняли живою верою во Христа и ею вписались в Книгу Живота. Туда скоро придут Ваши ближние навеки соединиться с

Вами. Здесь на земле они разделяли с Вами скорби, утешались верою: достойно и праведно разделить им с Вами радости небесные, приготовляемые и доставляемые верою и земными скорбями в вере во Христа.

На Небе, в вечном радовании, на светлом пиру Христовом помяните и тех, которые Вам говорили Слово Божие, да обрящут милость на суде Христовом, на котором будут судимы дела, слова и помышления человеческие, каковы они были пред Богом, не пред человеками, смотрящими только на наружность[2].

[1] См.: Притч. 9. 1.

[2] По свидетельству П. А. Брянчанинова, письмо это «было как бы напутствием к А. А. Плещееву, писано к нему за месяц до смерти его, когда еще никто не говорил и не думал о близости смертного его часа. Покойный Плещеев назвал это письмо подорожной своей в вечность, хранил его во все последние дни под подушкой; болезнь препятствовала Архимандриту Игнатию самому приехать к умиравшему другу».

II
К Анне Павловне Плещеевой, супруге А. А. Плещеева

№ 5

Кого Господь возлюбит и кого восхощет избрать для блаженной вечности, тому посылает непрестанные скорби, в особенности, когда душа, избираемая, заражена миролюбием. Действие, производимое скорбями, подобно действию, производимому ядом. Как тело, принявшее яд, умирает от естественной ему жизни, так и душа, вкушающая скорби, умирает для мира, для плотской жизни, родившейся из падения и составляющей истинную смерть. Посему кто отказывается от скорбей, тот отказывается от спасения: ибо Сам Господь сказал, что «неидущий за Ним с крестом своим не достоин Его», что «желающий спасти душу свою в веке сем погубит ее для вечности». Слова Христовы непреложны и всячески сбудутся, почему и должно распинаться по слову Его, или яснее, на кресте словес Его, хотя плоть и вопиет против распятия. Для благодушного и мужественного перенесения скорбей должно иметь веру, т. е. веровать, что всякая скорбь приходит к нам не без попущения Божия. Если влас главы нашей не падает без воли Отца Небесного, тем более без воли Его не может случиться с нами что-либо важнейшее, нежели падение с головы волоса. Далее — рождается в скорбях благоду-

шие, когда мы предаемся воле Божией и просим, чтоб она всегда над нами совершалась. Также в скорбях утешает благодарение, когда благодарим за все случающееся с нами.

Напротив того ропот, жалобы, расположение плотское, т. е. по стихиям мира, только умножают скорбь и соделывают ее нестерпимою. Святый Исаак сказал, что «тот больной, который при операции сопротивляется оператору, умножает только свое мучение», почему, покоримся Богу не одним словом, но и мыслию, и сердцем, и делами. Презрим мир и мнение его, потому что Спаситель говорил нам: «Кто постыдится словес Моих в сем роде грешном и прелюбодейном, того и Аз постыжусь пред Отцем Моим и Ангелами Его». От угождения миру теряется дерзновение к Богу, а от презрения к миру делается христианин Богу свой и со многим дерзновением обращается к дому Его, веруя слову Его, как Слову Божию, а не с двоедушием, от которого ослабляется действие Слова Божия за неверие, сопряженное с двоедушием.

Уснувшие сном уныния — восстаньте! Расслабившие себя двоедушием укрепите себя верою! Смягчите ожесточенные сердца Ваши усердною молитвою и слезами. Приступите к Господу со смирением, и вместится в Вас Слово Его, и благодать Его, и воскресит мертвые души Ваши! Если слово судится и осуждается, то оно остается без пользы; если же примется со смирением, то хотя наружность его жестка, но плод — духовное утешение, рождающееся от познания и приятия Истины, в которой спасение.

№ 6

Святые Отцы сказали: «Когда видишь утопающего, простри к нему конец жезла твоего и сделай все, что можешь для его спасения; но руки твоей не давай ему, чтоб он не увлек тебя с собою в пропасть». Бог да дарует Вам мудрость поступить по сему совету.

Приступающий к Богу должен приступать с верою в Его всемогущество, а не с двоедушием, и тогда получит помощь свыше. Зло, желая удержать человека в оковах, всегда его стращает; угроз этих бояться не должно: сильный Бог избавит приступающих к Нему от всех нападений греха.

Написал я Вам было нечто по-французски, а написавши, увидел, что образ моей речи Вам нейдет. Поелику же для Вас написано, то у Вас путь и будет.

№ 7

По поручению отца Игнатия — маленького отвечаю Вам, добрейшая Анна Павловна, вместо него. Мир имейте в мыслях и сердце; отгоняйте смущение благодушием. Говорите себе, когда разные помыслы начнут Вас смущать: «Предаюсь Богу со всеми немощами моими и обстоятельствами моими. Путь Он творит надо мною Свою святую волю». Промысл Божий устроил так, что народ Его при исшествии из Египта получил мзду свою за работы, произведенные в Египте. Поехали вы в Ревель для пользования Лидии Александровны и будьте мирны; исполняйте с тщательностию то, зачем поехали и храните душу Вашу, которую Вы должны соблюсти на суд Христов. Когда не можете сохраниться от шумного общества, то старайтесь сохраниться от многословия и излишних шуток, а когда и от сего не сохранитесь, то умывайтесь в покаянии. Храните в себе мир! Знайте, что если есть в Вас смущение, то это знак, что закралась к Вам какая-либо фальшивая мысль. В Вас, как и во мне, нет веры, нет смиренья! Предаваясь воле Божией, Вы будете входить в то и другое и будете обретать в сердце мир. Мир Вам! Мир Софии Павловне! Лидии и Александру Александровичу мир. Мир всем и мне грешному. Аминь.

15 июня 1843 года

№ 8

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Примите от меня грешного послушание. Потрудитесь устроить, чтоб составлено было описание видения Г. Ильинской со всею подробностию, пиша в пол-листа, чтоб мне можно было поправить. Данное Богом знамение не должно оставлять без внимания: ибо оно и дано было для того, чтоб мы, хладные и маловерные, обратили внимание от прелестей мира к спасению душ наших, пропадающих от нашего нерадения. Дерзаем же рассуждать следующее: поелику душа эта приняла истязание от духов нечистых, будучи еще в теле, то спасение ее не подлежит сомнению.

Ваш преданнейший

А<рхимандрит> И<гнатий>.

№ 9

Не волнуйтесь, но в спокойствии духа предавайтесь воле Божией. Бог ведает, что творит, и все, что ни творит, творит по великой благости Своей, по премудрейшим и неисследимым судь-

бам Своим. Говорите чаще себе: «Буди воля Божия». В сию успокоительную и священную мысль да погружается ум Ваш и сердце. Да удовлетворяются они ею. Бог Вас да благословит и да даст Вам разум истины и покорность Его святой воле, отчего прозябает мир душевный.

Ваш преданнейший о Господе

Арх<имандрит> И<гнатий>.
1846 год

№ 10

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Приношу искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше обо мне и призываю на Вас и семейство Ваше благословение Божие. Скорби Ваши — знамение избрания Божия. Да будет благословенна милость Божия, печатлеющая Вас печатью избрания. Каждый вздох страждущих о Господе слышится на небе и вписывается в книгу Божию для сторичного воздаяния. Благодать Божия да покроет святую Обитель, при которой Вы приютились, да покроет Ваше семейство, да покроет всех и вся.

Ваш покорнейший слуга

И<гнатий> Еп<ископ> Кавк<азский> и Черн<оморский>.
17 января 1858 года

№ 11

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Благодарю Вас искренне за письмо Ваше от 18-го апреля. Благословение Божие да почиет над Вами и над домом Вашим. Он да руководит Вас к блаженной вечности. Все мы преисполнены немощей; но того из нас, который хочет благоугодить Господу, Господь врачует от немощей законом Своим и судьбами Своими.

Все, что слышу о Сергиевой пустыне, очень утешает меня. В назначении отца Игнатия настоятелем этой Обители вижу милость Божию к Обители и ко мне. Надеюсь, что и на будущее время Господь не оставит всех нас Своею милостию.

И паки призывая на Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

И<гнатий>, Еп<ископ> Кавк<азский> и Черном<орский>.
1858 год

№ 12

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Примите мою искреннейшую признательность за воспоминание Ваше обо мне пред днем воспоминания святою Церковию о Священномученике Игнатии Богоносце. Милосердный Господь да помянет Вас и чад Ваших в Царствии Своем, которое подобает наследовать многими земными скорбями. Господь послал Вам скорби в залог Царствия.

Поручаю себя Вашей о Господе любви и остаюсь навсегда Ваш преданнейший слуга

И<гнатий> Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.

1 февраля 1860 г.

№ 13

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше обо мне! Поздравляю Вас и все благочестивое семейство Ваше с наступающим Новым годом, сердечно желаю Вам протекать поприще его под сению милости Божией.

Блаженны те, которые вдали от мирского шума и житейских попечений могут посвящать все свое время на служение Богу, на приготовление себя к вечности. Господь назвал такое положение человека благою частию. Эта благая часть да не отъемлется от Вас во вся дни земного жития Вашего! Да пребудет она постоянным достоянием Вашим и верным залогом вечной радости.

Призывая на Вас и семейство Ваше благословение Божие Ваш покорнейший слуга

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 января 1861 г.

№ 14

Милостивейшая Государыня Анна Павловна!

Искренне благодарю Вас за воспоминание Ваше обо мне. Вы справедливо говорите, что Промысл Божий обо мне достоин удивления и славословия. Положение мое устроилось так удовлетворительно, как я и желать не смел. Извините и меня, что пишу к Вам редко. Еще в Ставрополе очень сократил свою переписку, а теперь необходимо и еще сократить, ограничась необходимейшим.

Спасайтесь! Господь да благословит Вас и семейство Ваше и да наставит Вас на путь спасения.

Ваш покорнейший слуга

Еп<иско>п Игнатий.
24 июня 1862 г.

III
К дочери А. П. и А. А. Плещеевых Лидии

№ 15

Никтоже в нас себе живет,— сказал Апостол,— *и никтоже себе умирает*[1]. Оставшись жить на земле, живи не себе, но Господу: живет Господу тот, кто живет для исполнения Его воли; живет себе тот, кто живет для исполнения своих пожеланий. Последний хотя и кажется для чувственных очей движущимся, живущим, но душою мертв для Господа, вменяется у Бога как бы несуществующим, не вписан в книгу Живота; в других книгах внесено его имя. Первый — не умирает и не может умереть: он переходит смертию только в большое развитие жизни. Блюди, чтоб не ожить для себя! Жизнию о Господе умерщвляйся для себя и тем сохрани себя в живот вечный.

[1] *Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя* (Рим. 14. 7).

№ 16

Что Вам сказать о тех страданиях, которым подвергает Вас врачебная необходимость? Не отказывайтесь от этих страданий! Они могут быть вознаграждены приятностию выздоровления. Кроме этой пользы есть в них еще другая польза, несравненно важнейшая: это обновление души Вашей. Вы можете сделаться способною благодарить Бога и приблизиться к Нему. Для этого нет другого средства, кроме креста, то есть, великодушного терпения всех страданий, ниспосылаемых Промыслом. Свергающие с себя крест делаются непотребными для Бога. Сила Божия может Вас подкрепить вполне, несмотря на Вашу юность. Воодушевляемые этою силою могут победить всякий страх, всякое мучение.

Когда мысль Ваша делается тиха, и какая-то спокойная печаль, подобна дождевой туче, найдет на душу Вашу, потом в Вас делается ясно и радостно, то знайте, что это есть действие ду-

шевного плача, который в Вас появился за Ваши страдания и за то, что в них стараетесь прибегать к Богу. Будьте внимательны и благоговейны, потому что духовные ощущения тонки и уходят от невнимательных и неблагоговейных. Если будете внимательны, то тучи от времени до времени будут делаться гуще, наконец разразятся и произведут слезы, каковыми Вы не плакивали. Наслаждение этими слезами будет величайшим утешением и подкрепление в Вашей болезни. В Вас завеет тишина и спокойствие чудные! Но пребудьте верною Богу! Аминь.

Плещеевы — были хорошими знакомыми о. Игнатия маленького (Малышева), по просьбе которого архимандрит Игнатий начал с ними переписку, приведшую впоследствии к дружеским отношениям (см. например, в письме Святителя к сестре Елизавете Александровне № 16 — с. 537). П. А. Брянчанинов писал, что «такого рода писем, указывающих на неизменно дружественные отношения, было много». П. П. Яковлев записал, что в письме к нему, написанному святителем Игнатием за пять дней до кончины, было вложено письмо А. П. Плещеевой.

Письма святителя Игнатия к Софии Павловне Титовой[1]

№ 1

Вот по желанию Вашему отвечаю Вам. Милосердый Господь да отверзет мне уста, а Вам слух для Слова Его. Христианин никогда и ничем не должен смущаться, ибо Промысл Божий носит его на руках своих. Наше попечение должно состоять в том, чтоб мы пребывали верными Господу. Если к самому Господу вочеловечившемуся дерзнул приступить искуситель, то не должно удивляться, что он приступает к нам, хотя бы то было и по принятии нами в сосуд свой Господа. Чем больше сокровище, тем более тати покушаются украсть его. Чем более сокровище, тем более должно бдеть о хранении его. После приобщения Святых Таин, после усердной молитвы, после всякого особенно полезного для души дела нужно, по опытному наставлению отцов, особенное наблюдение за собою, ибо тогда особенно разжигается враг против нас завистию и злобою; видя, что земля и пепел восходит на небо, откуда

[1] *София Павловна Титова* — сестра Анны Павловны Плещеевой — см. с. 110, письмо № 7.

он низвержен. Духовный рай, который, по учению Спасителя, внутри нас, должно возделывать и хранить, как это при самом сотворении заповедано Богом, в лице Адама, всем человекам. По обыкновенному ходу я предполагал, что после смущений, должно быть, Вы чувствовали утешение, которое посылает Господь законно подвизающимся рабам Своим в подкрепление, во умножение веры, надежды и любви. Понимаете ли, что Вы одолжены Господу более, чем были прежде, как получившие залог и извещение обетований! «Ему же дано более, с того более и взыщется»,— говорит Писание. Познав это, блюдите како опасно ходите, т. е. живите с осторожностию и вниманием.

Теперь хочу побранить Вас. Вы пишете мне решительно: «Я отъезжаю в среду». Хотя бы прибавили Вы: «Если Бог велит». Прочитайте в соборном послании Иакова слова Духа о таковых словах человеческих, которыми наносится безчестие Промыслу Божию, в которых нет веры и смирения. Если Вы просите прощения, то милосердый Господь чрез меня непотребного и грешного Своего иерея да простит Вас и да наставит благоугождать Ему делами, словами и помышлениями, как это заповедал Он в Святом Своем Евангелии, которое повелевает не разорять и малых заповедей (Мф. 5. 19). Святые сказали: «Кто в малом соблюдает заповеди, тот соблюдает их и в великом». Мир Вам!

21 декабря 1842 года

№ 2

Когда Вы вдали и не можете принести ко мне болезнующего Вашего сердца, то я прихожу к Вам и приношу слово утешения. Дни наши суть дни скорбей, а утешение наше — Крест Спасителя. Когда сыны Заведеевы просили у Господа престолов славы, тогда Он обещал им чашу скорбей, без которой невозможно получить престолы вечной славы, которая есть Дух Святый. Итак, молитесь Господу, чтоб даровал Вам терпение в скорбях, чтоб Вы видели постоянно над собою Промысл Божий, чтоб от этого возрастала Ваша вера и верность к Богу; и тогда пусть Вас пронзают скорби, очищают от земного и приготовляют к небесному. Не удивляйтесь слабостям и грехам человеческим. На них смотрит Праведный Господь и милует грешников, ожидая покаяния их; а мы кто такие, чтоб распаляться на братию, недугующую грехом, между тем как сами нечисты пред Всевидящим и Пречистым? Оставим все, не зависящее от нас, на волю Божию, а

что зависит от нас, будем то сообразовывать воле Божией или исполнением или покаянием в неисполнении. «В терпении Вашем стяжите души Ваши»,— завещал нам Господь в Евангелии. Мир Божий да почиет над Вами.

25 января 1843 года.

№ 3

Прихожу к Вам не телом, но духом; нося к Вам искреннее слово сердца в ответ на письмо Ваше от 19 января, которое я получил 14 февраля. Наружные Ваши обстоятельства возложите на Промысл Божий, и как они устроятся, так пусть и устроятся; а Вы будьте мирны и покойны, безпокоясь единственно о душе Вашей, которую Вы обещались представить Христу очищенною покаянием.

Познание немощей своих есть познание существенно нужное для христианина. Оно ведет к смиренномудрию, а это — к духовному разуму. Кому Господь восхощет даровать Свой разум, тому Он открывает особенно его немощи. Вам они открываются сообразно состоянию души Вашей; а полного их открытия, если оно есть, Вы не можете еще понести. В Вас велика привязанность по законам плоти; это оттого, что Вы мало познали Христа. Огонь плотский погашается огнем духовным; когда возжжется второй, то непременно погасает первый, по учению духоносных Отцов и отчасти по самому опыту. Пишете, что многие находя, что поездка Ваша к сестрице Вашей есть приятная жертва Богу, а Вы не смеете прилагать сердца к этой мысли, которую однако Вы называете утешительною. Господь повелел ученикам Своим, когда они все повеленное исполнят, называть себя рабами неключимыми и почитать себя должниками заповедей. Я в Вашем поступке не вижу никакой жертвы — одно стремление души к исполнению заповеди любви, стремление, в котором желательно, чтоб Господь нашел что-либо для себя чистое, благопотребное. Великий угодник Божий Агафон, весь погрузившийся в любовь Божию от любви к образу Божию — ближнему, когда пред кончиною рассматривал себя и долгое время сидел в молчании, то ученики его спросили: «Или и ты, отче, боишься?» Он отвечал: «Я старался по силе исполнять заповеди, но как могу знать, будучи человек, угодно ли мое делание Богу: ибо ин суд Божий и ин человеческий». Тем более мы, недостаточные по всему, должны страшиться и трепетать похваль-

ного заключения о наших поступках, опасаясь, чтоб мнимое утешительное чувство не было только тонким удовлетворением тщеславия. Сказал Пророк: «Все правды наши суть нечистоты». А другой Пророк: «Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Написали Вы о страховании и утешении при молитве, но каковые они были и в чем именно состояли, того не написали; а и это необходимо, если хотите слышать мое суждение о них по Боге.

Во время путешествия Вы находились два раза в опасности, и рука Божия Вас спасала. Таковые опыты воспитывают в человеке веру и случались со многими, коим Господь хотел даровать великое богатство веры.

О имени Господа благословляю Вам проходить по пяти четок в день, не более. По ним должно молиться сидя, умом внимая языку, языком произнося молитву так, чтоб слышали только Вы одни. По Вашему жительству посреди мира и по недавности и новости на пути этом, Вам нейдет сильно вдаваться в молитву, что требует или большей духовной опытности или близости руководителя; да и в последнем случает людей новых в подвиге благочестивом более нудят к смирению, которое есть основание в здании добродетелей. В свободное время занимайтесь более рукоделием, какое найдете более удобным.

Господь да простит Вас в прошедшем и да укрепит в благом на будущее время. Мир Вам!

1843 г.

№ 4

Что сказать Вам на письмо Ваше! То, что жизнь наша есть цепь скорбей, оканчивающихся смертию, этою величайшею скорбию для человеков, особливо для забывающих свое назначение истинное, в вечности. Цепь эту надо перебирать терпением звено по звену, чтоб кончить с благим упованием. Терпение выпрашивается у Господа молитвою. Душа входит в дом терпения, когда скажет Богу: Да будет воля Твоя. Аминь.

№ 5

Воистину Воскресе Христос!

На письмо Ваше отвечаю письмом. Некоторое утешение, Вами ощущаемое, не есть прелесть, но обыкновенное следствие пути Вашего, или правильнее сказать, пути Божия. Начало просве-

щения души есть зрение грехов своих и своей ничтожности. Поелику же это есть плод благодати, данной нам при крещении, то оно сопровождается сладостию, утешением, слезами, в которых печаль смешана с радостию, слезами совершенно другими, нежели каковы слезы людей века сего. Вкусите и видите, яко благ Господь. Вкушение это отверзает очи и рождает веру живую, ясновидящую, совсем противную той, которую называют слепцы слепою, которая по истине слепа и мертва,— существует только на краю языка.

Погружайтесь в смирение и любовь к ближнему, отрекаясь себя. Таким образом найдете Господа. Аминь.

15 апреля 1843 года

№ 6

Желающий научиться истинной премудрости, т. е. стяжать Христа, Божию силу и Божию премудрость, *буй да бывает*, по словам Апостола. Старайтесь сохранять то буйство, которое имеете, и стяжавать большее, не вдаваясь в многоразличный разум, который есть свидетельство пустоты душевной. Когда сестра Ваша будет входить с Вами в разговор, предлагая вопросы, как она предлагала и здесь Игнатию Маленькому о недоуменном, то на эти вопросы неполезно отвечать решением вопроса, а должно приводить ее к простоте и покаянию, решительно говоря, что занимающийся размышлениями о высоких предметах не может избежать заблуждения и, проводя, по мнению своему, духовную жизнь, будет далеко отстоять от пути спасения. Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и согрешения. Это последнее знание столько полезно, вместе столько высоко, что оно есть дар благодати, ниспосылаемой Богом и испрашиваемый молитвою. Человек собственными усилиями не может войти в это знание. Собственное усилие нужно как свидетельство искренности желания получить от Бога знание. Свидетельствуйте это сестре Вашей, доказывая справедливость слов Ваших особенно первыми четырьмя главами 1-го послания к Коринфянам.

Недостатком уединения не скучайте. Обстоятельства или, правильнее, Промысл Божий, приводит Вас упражняться в услужении и утешении ближних Ваших. И трудитесь на этой ниве, на которой поставлены, не предаваясь с одной стороны развлечению, а с другой безрассудному усердию, при котором непре-

менно вкрадывается мысль, что Вы доставляете утешение, а не Бог доставляет Вами утешение другим, а Вам быть утешением для других. Сладость уединения проистекает из исполнения Христовых заповедей, совершенных в общежитии.

Наконец — Вы больны. Подобает тому, кто хочет приблизиться к Богу, пройти душою и телом сквозь многие скорби и болезни. Говорите болезням Вашим: «Придите, Богом посылаемые, помучьте грешное тело, пожгите его, потерзайте его за те беззакония, коих жилищем оно было!» К правилу безмерно не нудьтесь во время болезни: взамен его приносите Господу жертву хвалы и благодарения. Мир Вам.

8 октября 1843 года

№ 7

Бывает болезнь и бывает мнение болезни. Наконец бывает, что человек точно болен, а враг ему внушает, что он не болен, но только мнит о себе, что болен. С Вами последнее. Оставьте на время поклоны: их заменила болезнь; но не оставляйте молитвы с сердечным сокрушением. Когда придет к Вам порочная мысль или порочное чувство, отвергайте их и укорите себя. Вы не должны думать о себе, что в Вас какой-либо порок умалился; напротив, помышляйте, что Вы вместилище всех пороков. Вы не должны смущаться, когда обнаруживаются в Вас немощи душевные и телесные; напротив, переносить Ваши немощи с терпением и великодушием. В Вас есть потаенная гордость: Вы не твердо помните, что Вы — грешница; если б Вы это помнили, как должно, то, видя в себе немощи, не смущались бы, а говорили бы себе: «В такой грешнице, как я, и должны быть такие недостатки». Господь да научит Вас смирению, от которого истекает всякое спокойствие и изливается в сердце мир и тишина. Бог да благословит Вас.

1 февраля 1844 года

№ 8

Вся наша жизнь должна состоять из покаяния: ибо мы дотоле вне истины, доколе не вполне во Христе, чего ожидать можем только после смерти. Чем больше погружаемся в покаяние, тем более находим, что нуждаемся в нем. Чем более очищаемся, тем более находим, что мы далеки от Пресвятого и Пречистого. Кто весь очернен, тот не видит на себе ни одного пятна.

Относительно чувств, которые Вы имели пред причащением и после оного, скажу Вам: всегда надо считать себя недостойным Христа и приступать к Нему, Врачу душ и телес наших, в числе прокаженных, слепых, беснующихся, потому что мы таковы по душе. Но должно наблюдать, чтоб сердечное сокрушение не переходило в безнадежие, которое происходит от надежды на себя, а не на щедроты Христовы. Посмотрите попристальнее! Пред исповедью между благими помыслами Вы имели помысл мелкой расчетливости, хотели на исповеди сказать все, хотели расплатиться со Христом, хотели уже не быть должными Ему! И вышли, неся в себе неудовлетворительное чувство, а лукавый помысл, подучавший к мелкой расчетливости, начал смущать, говоря: «Ты не все сказала на исповеди». Поверьте! Говорим на исповеди, что видим в себе, но несравненно большее число грехов не видим, почему множество ведомых и неведомых грехов наших повергаем в море щедрот Христовых и после таинства Исповеди ощущаем удовлетворяющее нас чувство спокойствия не по причине дел наших, но по причине Христовых щедрот и пребываем Ему должными долгом неоплатным.

Относительно правила Вашего, что скажете? Оно было дано Вам, когда ум Ваш был мертв и когда телесный труд при молитве краткой и единообразной способствовал к оживлению ума умерщвлением мечтательности. Теперь, если этот труд слишком обременителен для тела, можно его сократить, предоставя уму, освобожденному от мечтательности, плавать в словах Духа, в псалмех, пениях и песнях духовных, поюще не только устами и мыслию, но и в сердце Господеви.

8 апреля 1844 года

№ 9

На пути благочестивой жизни руководитель — Бог. *Никто не может придти ко Мне,*— говорит Спаситель,— *аще не Отец Мой Небесный привлечет его*[1]. На сем пути положено и опытное узнание того, что человек есть существо падшее, поврежденное по уму, по сердцу, по телу. Этого опытного знания мы не могли бы получить, если б не видели, что в уме нашем против воли нашей возникают греховные помыслы, в сердце — чувствования, а в теле — движения. Таковое состояние свое, по учению Святых Отцов, должно переносить с терпением, смиряясь пред господом и благодушно ожидая исцеления от единого Врача душ и

телес наших. Желаю, чтоб Вы вникнули в 3-ю главу 1-го послания Св. Ап. Павла к Коринфянам. Вполне пренебрегайте мною, как скверным грешником, и принадлежите единственно Богу, тогда будет прав путь Ваш. Итак, употребляю слова Ап. Павла: *Никто не хвались человеками, чтоб Вам не остаться без Христа.* Когда Ап. Петр мыслил человеческое, а не Божеское, хотя это человеческое, по-видимому, и было доброе, тогда Господь назвал его сатаною. Правда вне Креста не приемлется. Вам надобно стяжать мертвых для приятия жизни, погубить душу свою, чтоб приобрести ее. Посмотрите, куда Вы увлеклись, и постарайтесь исправиться. Благочестивая жизнь требует трезвения и невозможно обойтись без невидимых падений. Сокровиществуя из них смирение и опытность, не будем унывать, но вставая от падения, шествовать далее.

29 августа 1844 года

[1] Ин. 6. 44.

№ 10

Каким бы образом не пришел нам конец земного кратковременного жития, а придти он всячески должен. Раб Христов в волю Христову предает и душу и тело свое. А грехи куда девать? Куда девать наши бесчисленные немощи? И их предадим всемогущему Христу, понесшему немощи и грехи всего мира. Если нам подана будет чаша страданий, примем ее, как чашу спасения, как залог вечной радости. Скажем с разбойником: «Достойная по делом наю восприемлем, помяни нас, Господи, во Царствии Твоем». Сердце ответит нам спокойствием, предвкушением вечного покоя. Мир Вам.

Недостойный Архим<андрит> И<гнатий>.
2 ноября 1846 года

№ 11

Безчисленные немощи наших душ и телес мы повергаем в пучину милосердия Божия. Вся надежда наша на милосердие Божие, а не на правду нашу. Болезни телесные бывают очень сложны, тем сложнее душевные болезни. Говоря о них, Свят. Пророк уподобил их не какой-нибудь частной ране, а цельному струпу, покрывшему всю душу. И такую-то душу повергаем в пучину милосердия Божия! После погружения в него душа выходит со-

вершенно чистою и исцеленною. Такое погружение совершается всегда, когда душа чрез посредство покаяния и исповедания своих согрешений, особливо же при таинстве исповеди обращается к Богу. Поэтому Ваше состояние не должно Вас смущать. Есть несомненно телесная болезнь, есть при болезни и притворство, как это часто случается с больными. От сего не должно смущаться и унывать, напротив того должно струпы свои, притворство и родителей его тщеславие свое и сладострастие обнажать пред Всесильным и Всеблагим. Впрочем, прося у Него исцеления и нося крест страстей своих с терпением доколе сам Господь не возьмет его от нас. Носите иго Навуходоносорово! Увещевал таинственно Пророк израильтян. Это путь спасения; ходите им. Мир Вам от Господа!

№ 12

Милостивейшая Госпожа София Павловна!

Благословение Божие да почиет над Вами и благодать Божия да руководит Вас на кратком поприще земной жизни к спасению в вечности.

Сердечно утешаюсь, что духовная семья, собранная перстом Божиим в Обители и около Обители Преподобного Сергия, хранится сим же перстом Божиим. В кругу ее Вы можете находить удовлетворение Вашим духовным нуждам. За сие Вы должны непрестанно благодарить Бога, ибо это благо имеют весьма немногие. Поручаю себя Вашему молитвенному воспоминанию.

В<аш> п<окорнейший> слуга

И<гнатий>, Еп<ископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.

1859 год

Письмо С. П. Титовой к святителю Игнатию[1]

№ 13

Ваше Высокопреподобие

Всечестнейший Отец Архимандрит

Простите, Господа ради, что опять пишу. Будучи нездорова, имею нужду в разрешении Вашем и прошу Вашего благословения. В большое прихожу смущение насчет правил молитвы.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 21. Публикуется впервые; ответ Святителя в письме № 7 (О. Шафранова).

Хотя вы мне говорили не утруждать себя в болезнях, но меня смущает страх распоряжаться в этом. Имея беспрестанно в памяти прежнюю свою привычку преувеличивать болезнь, для возбуждения участия, я совсем не верю и теперь своим болезням, полагая, что для другого мои недуги были бы ничтожны. Не знаю и не понимаю, истребилось ли во мне желание к участию. Меня тяготит, когда беспокоятся обо мне, я желаю лучше большей болезни, нежели ничтожное нездоровье. Теперь, кажется, мне точно трудно дышать и наклоняться; я долго не оставляла правил. Давно уже чувствую расстройство, но с того дня, когда в последний раз говорила с вами, с благословения вашего, как Вы и сказали, возвратясь домой душа моя облегчилась — но телом изнемогла.

С позволения Вашего — когда я жила с сестрою, тому два года — я исполняла свои правила при ней. Нынче она мне много говорила о том, что оно для меня вредно. Я отвечала ей, что не делаю, но она хотела с вами об этом говорить, чего я просила ее не делать и, каюсь перед Богом, понегодовала на нее. Однако по слабости точно не делаю поклонов.

Всякое случающееся со мною нездоровье приводит меня в смущение. Мне начнет казаться, что я в воображении больна — что недуг мой так ничтожен, что другой его бы и не заметил — и представляется, что если бы усилилась моя болезнь, я бы рада была терпеть, а что теперь только прогневляю Господа. Молитва моя во время нездоровья без утешения и мысль о тягости грехов моих не оставляет меня ни на молитве, ни на минуту.

Прошу прощения — верую, что Вы поймете, от каких прежних или нынешних грехов моих происходят такие смущения.

Мне очень трудно было положить эти мысли, чувствовала страх от этого греха.

Не оставьте грешную — прошу благословения и святых Ваших молитв.

Имею честь быть покорная Вам

София.
Генваря 29-го
<1844>

Татьяна Борисовна Потемкина

Статс-дама Татьяна Борисовна Потемкина, урожденная княжна Голицына (1797–1869), в свое время была хорошо известна в Петербурге, причем не только в высшем свете, но во всех слоях общества. Всеобщую известность она приобрела благодаря своей выдающейся благотворительной деятельности. Отличаясь глубокой религиозностью, она делала щедрые пожертвования на церкви и монастыри. Особенное впечатление на современников произвело восстановление ею находящейся в ее имении древней Святогорской Успенской обители на реке Донце, упраздненной в 1787 г. Для ее восстановления супруги Потемкины в 1844 г. сразу же пожертвовали 10 тысяч рублей и подарили 70 десятин земли. Значительные денежные пожертвования продолжались и в последующие годы, так что строительство храмов в обители продолжалось до самой кончины благотворительницы. Она вообще очень интересовалась церковными делами, покровительствовала миссионерской деятельности, тридцать лет была попечительницею тюрем, часто посещала больницы и богадельни, военные госпитали.

Замужем она была за Александром Михайловичем Потемкиным, с которым прожила 55 лет. Александр Михайлович был человеком исключительной доброты, в деятельность жены не вмешивался, предоставляя ей полную свободу. Их дом в Петербурге слыл Ноевым ковчегом по количеству призреваемых. Пользующиеся ее гостеприимством говорили и писали, что она ближнего любила как самое себя, была очень ласкова и приветлива, «по сей добродетели, всех, кто вздумает посетить ее, принимала без лицеприятия с любовию христианскою и с пользою для души своей. Пересудов не терпела»[1].

Не все, однако, были такого мнения об ее доме: «Кто только не перебывал в этом доме; кому только не давали приюта в бесчисленных комнатах и закоулках этого лабиринта; чего только не выделывали в этом доме и с ведома и без ведома хозяйки, всесильной Татьяны Борисовны. Под прикрытием доброты и смирения делалось многое, что не всегда имело последствием добро. Нужно было хоть раз проникнуть в этот дом, чтобы понять все особенности этого приюта, этого сочетания святости с сплетнями, дрязгами и интригами, подпольными похождения-

[1] *Протоиерей Лука Ефремов.* Жизнеописание Т. Б. Потемкиной. М., 1870.

ми и темными делами всякого рода. Наружная патриархальность скрывала внутренний разлад...»[1]

Татьяна Борисовна весьма часто посещала Сергиеву пустынь, много жертвовала туда и вещами и деньгами — для памяти своей матери, рабы Божией Анны. Хорошо она была знакома и с Настоятелем Пустыни: «Брянчанинова знавала я еще офицером корпуса инженеров, — вспоминала она. — Он был любимцем Государя. ...Безуспешны были все попытки Государя и Великого Князя Михаила Павловича отговорить Брянчанинова от поступления в монашество: он бросил свою блистательную карьеру служебную и ушел в Свирский монастырь к старцу Леониду. Говорили потом, что некоторые видели Брянчанинова возницею о. Леонида, приезжавшего зачем-то в столицу. После того долгое время ничего не было о нем слышно.

Помню, однажды, когда была я в покоях покойной Государыни Императрицы Александры Федоровны, с веселым видом вошел к ней покойный Государь и сказал: «Брянчанинов нашелся: я получил о нем хорошие вести от митрополита Московского. Быв хорошим офицером, сделался он хорошим монахом: я хочу его сделать настоятелем Сергиевой пустыни». Вскоре все заговорили в столице о новом настоятеле Сергиевском, любимце Государя, весьма опытном в жизни духовной. С трудом узнала я прежнего Брянчанинова в лице о. Игнатия — так изменился он в иночестве.

Впоследствии довольно часто он нас посещал. Духовный был человек; он умел держать себя во всяком обществе, но вместе с этим умел также всякую беседу сделать душеполезною. Коротко знакомый с учением святоотеческим, сообщал он разговорам своим и суждениям дух этого учения. Многие тогда удивлялись о. Игнатию: как он, подвижник и молитвенник, не чуждался с тем вместе общества, бывал приятным собеседником людям светским, умел возбуждать в них к себе доверие и действовать на них ко благу душевному. Видя в нем не столько лицо духовное, сколько доброго знакомого, равного по уму и образованию, многие, весьма нерасположенные к иночеству люди любили бывать у него в обители и видеть его в домах своих, что незаметно склоняло их к благочестию. Благочестие был целью и основою всех бесед о. Игнатия, и самый светский разговор старался он всегда свести к душеназиданию своих слушателей, нередко заставляя

[1] *Граф Сергий Шереметев.* Домашняя старина. М., 1900. С. 108.

задумываться самых беззаботных. Зато много клеветы выпадало на долю о. Игнатия в столице: чего-чего не говорили о нем понапрасну, и нужно было лишь удивляться тому спокойствию, с которым переносил он людские пересуды.

Он был делателем молитвы Иисусовой, и это некоторым давало повод утверждать, что он находится в духовной прелести, тогда как опытностию своею в подвигах духовных помогал он другим избегать прелести. Так одна из моих знакомых не по разуму предавалась благочестивым упражнениям, отчего близка была к умопомешательству, и только советы о. Игнатия наставили ее благовременно на путь истины. Отец Исаия Никифировский[1] часто, бывало, говаривал, что о. Игнатий более его сведущ в подвижнической науке, и с особым уважением относился к его советом, называя их истинными и вполне чуждыми всякой прелести. «Он учит покаянию, — говорил старец, — какая же может быть прелесть в покаянии?»

Клеветы на о. Игнатия нередко достигали до покойного Государя, но он не внимал им и всегда защищал своего любимца, говоря, что знает Брянчанинова лучше всех. Один случай, впрочем, на короткое время навлек на о. Игнатия неудовольствие Государя, в чем и моя была отчасти вина. В то время был у нас французским посланником Барант; жена его была женщина очень набожная и благочестивая. Ей очень нравилось наше православное богослужение, наши храмы и монастыри. С нею была я очень дружна; у нас познакомилась г-жа Барант с о. Игнатием, и потом вместе со мною была в Сергиевой пустыни. Она просила меня потом передать о. Игнатию приглашение ее побывать в французском посольстве, что я и исполнила. В доме Барантов о. Игнатий встретился с одним ученым католиком, с которым произошел у него весьма оживленный разговор о превосходстве религий. Поводом к нему было французское сочинение Екатерины Эмерик о страданиях Спасителя, которое о. Игнатий прямо назвал душевредным, не имеющим тени истины, что противник его опровергал, ссылаясь на авторитет своей церкви. Нужно сказать, что в это время отношения наши с Францией были весьма натянуты: при дворе с Барантом были очень холодны, почему знакомство о. Игнатия с французским посланником весьма было неприятно Государю. Он запретил ему на некоторое время самый выезд в столицу. Не только о. Игнатию, но и другим ли-

[1] О нем см. т. 7, с. 199–200.

цам черного духовенства столицы запрещено было тогда посещать светских своих знакомых; это мне весьма памятно потому, что около двух недель не могла я видеть у себя моего духовника. Впрочем, гнев Государя на о. Игнатия не был продолжителен; вскоре Государь посетил Сергиевскую пустынь и весьма милостиво обошелся с ее настоятелем, после чего о. Игнатий снова начал бывать у знакомых своих в столице. Не укрылось от Государя и мое участие в том, что о. Игнатий был в доме французского посланника; Государь все мне тогда говорил, что неслед православным слишком дружиться с католиками»[1*].

Похоронена Татьяна Борисовна Потемкина в Сергиевой пустыни.

Ольга Шафранова

Письмо святителя Игнатия к Татьяне Борисовне Потемкиной

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим новым годом и вместе с приближающимся днем вашего Ангела. Господь да благословит всю жизнь вашу, да сказует сердцу вашему Свою святую волю, благую и совершенную. Преуспевайте, преуспевайте в делах милосердия! Здешняя жизнь — точно поле, усеянное различными посевами хлеба и овощей, усаженное многочисленными, разнородными плодовитыми деревьями и кустарниками; люди — точно делатели; один способен водиться за виноградными лозами, другой за овощами, иной сеять хлеб, иной орать землю, иной — лишь исторгать терние. Каждый да трудится в том участке добродетелей, к которым он способен, к которым призван Богом, являющим призвание Свое разумному созданию теми способностями душевными, теми средствами, которые Он даровал этому созданию. Прекрасен участок, нива милосердия вещественного; делатель его вместе и подвизается и наслаждается. *Милуяй нищаго*, утешительно наставляет нас Писание: *взаим дает Богови, по даянию же его воздается ему*[1]. Преуспевайте на ниве вашей: сейте милостыню, жните утешение, очищайте от плевелов пшеницу вашу, приготовляйте жертву чистую, чтоб Царь Царей, воззрев на нее Своим испытующим и всевидящим оком, признал всю ее достойною Небесной житницы. *Куй неискушенное сребро*, научает богомудрый, *и очи-*

[1*] Душеполезное чтение. М., 1870. Ч. 1–4. С. 1–8.

стится, чисто все: убивай нечестивыя от лица Царева, и исправится в правде престол Его. Престол Царя Бога — душа человеческая: а нечестивые, которых здесь заповедуется убивать — помыслы и ощущения тщеславия, человекоугодия, враждебно и татебно покушающиеся отнять у человека мзду небесную льщением, мечтанием мзды земной, человеческой. Обличаются они, эти невидимые враги, наветники нашего спасения, пред лицем Царя — Откровенным законом Божиим, Евангелием, — и может истинный слуга Царев убивать нечестивых, просвещаемый и ободряемый светлым лицем Царя Небесного.

Не остановлюсь в этот день принести пред вас приятное воспоминание о почившей Княгине Татьяне Васильевне[2]. Воспоминание о ней осталось жить в моем сердце. И часто при таком воспоминании грустно рассуждал я о судьбе души ее. При нынешнем путешествии моем встречаю в Бородинском монастыре слепую старицу, пораженную жестокою простудою, живущую там с двумя дочерьми[3]. Г-жа игумения, познакомив меня с ними, сказала наедине: «Они живут на иждивении К. Ю., положившей им ежегодный пенсион». Вы не можете себе представить, какое утешение пролилось в душу мою при этих словах! Имею надежду, что Княгиня на небе участвует в жребии праведных! Я знаю некоторые ее добре дела; этого не знал: узнав его, я как будто стяжал богатое приобретение! Говорил некогда святый пророк Давид царю Вавилонскому Навуходоносору, которому угрожало наказание от Бога: *Царю, совет мой да будет тебе угоден и грехи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогих: негли будет долготерпелив грехом твоим Бог*[4]. Верую, что покойная Княгиня искупила душу свою! Верую, что Бог милостив к ней.

[1] *Благотворящий бедному дает взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его* (Притч. 19. 17).

[2] Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова (1767–1841) — дочь полковника Василия Андреевича Энгельгардта и Марфы Александровны, урожденной Потемкиной (сестры князя Г. А. Потемкина). В первом супружестве была за внучатым дядею по матери, Михаилом Сергеевичем Потемкиным (умер в 1791 г.); во втором — за князем Николаем Борисовичем Юсуповым (1751–1831). В 1781 г. была пожалована во фрейлины. Погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. См. о ней в письме Святителя к С. Д. Нечаеву № 27, с. 30.

[3] Письмо святителя Игнатия к этой старице см. т. 7, с. 208–209.

[4] *...царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой* (Дан. 4. 24).

Письма Татьяны Борисовны Потемкиной к святителю Игнатию[1]

(Перевод с французского)

№ 1

Батюшка,

Не умею сказать, насколько меня печалит невозможность исполнить желание моего сердца приехать провести утро в вашей Пустыни.

Вся жизнь в Петербурге настолько связана с бесполезностью, с потерей времени и настолько утомительна, что поездка к вам была бы отдыхом и весьма драгоценным занятием для души. Но поскольку это утешение мне пока не дано, нужно покориться безропотно и помнить, что **послушание паче молитвы**.

Я прошу вас уделить мне день на будущей неделе. Пятница... была бы для меня подходящим днем, так как я остаюсь одна в этот день и не двигаюсь из дома. Душа моя жаждет духовной пищи, моя жизнь — борьба между удобствами жизни, легкомыслием и поисками действий для спасения, от исполнения которых я так далека. Ваша книга меня назидает, — я недостойна ее читать, так как я далека от этих состояний, но она поглощает меня, как будто я ее понимаю. Вы укрепляете меня против самой себя и против ложных друзей, которые любой ценой хотят, чтобы я развлекалась, и не хотят верить в счастье и мир души, привыкшей к лишению.

Прощайте; я не говорю более; я уверена, что вы и без этого знаете все, что происходит в моей душе!

Простите и благословите!

Плачущая Татьяна

№ 2

Отец моего мужа думает приехать со мною к вам. Это самый светский человек, какого я знаю, с добрым сердцем, — но совершенно враждебный ко многому, имеющему отношение к церкви.

Дай Бог, чтобы беседа с вами принесла ему пользу.

№ 3

Отец, сердце мое и глаза полны слез. Ваше письмо было прочитано с верою и глубоким волнением. Я прошу Господа быть

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

Его рабою и желаю принять Его волю во всем. Я не смею сказать вам, что происходит в душе моей! Но Бог это знает! Спасибо, тысячу раз спасибо!

Ваша послушница

Татьяна Потемкина

№ 4

Отец, мы собирались приехать помолиться с вами и поклониться могиле моей матушки, но муж мой опасается за меня из-за плохой погоды и плохой дороги. — Поэтому мы отложили свой приезд к вам до первого ясного морозного дня, чтобы не быть задержанными дорогами. Пойти на обедню у вас и в течение нескольких часов отдохнуть в вашей Пустыни — это настоящая потребность моей души со вчерашнего дня. Когда вы нас навестите в городе, если вы там бываете? Ради Бога, не забывайте меня и подумайте о пользе, которую приносят мне ваши посещения. Я прождала вашего монаха и его сестер весь день; — я нахожу столь трогательным этого милого молодого человека, безрезультатно ищущего своих сестер. Это совершенно по-монастырски; — это доказывает, насколько Петербург ему незнаком. Я представляю себе положение сестер и отца, — но в конце концов, надо надеяться, что они его найдут и тем с большим удовольствием увидятся. Я их приму от вашей руки, как от Самого Господа. Молите Бога и Пресвятую Деву, чтобы Они наставили меня в выборе их воспитания и в том добре, какое я желаю им сделать.

Ваша покорнейшая и верная

Татьяна Потемкина

Письма святителя Игнатия к даме — приятельнице Т. Б. Потемкиной

№ 1

Получил ваше письмо — и известилось моему грешному сердцу немедленно отвечать на него.

Экстраординарного ничего с вами не случилось. Уж никто так не смирит наставника, как наставляемые им! Это общая участь. Следовательно, вам нечего ни удивляться тому, что было, ни смущаться им. Значит, вы — с душевной пользой! И нынешнее письмецо ваше какое-то причесанное, как головка у мужичка после баньки, — такое смирненькое!

Прошлого письма вашего я испугался. Такое умное! такое многомысленное, высокое, пышное! — Как бы целый гвардейский корпус парадировал на Царицыном лугу! — И я не смел отвечать. Как ни прочитаю, — возьмет ужас, и не отвечается. Степан принуждал-принуждал меня, как на пашне пахарь принуждает тощую кляченку тащить соху, — твердил, покою не давал: «Что ж вы N. не отвечаете!» — Нет, как нет! Не ответилось! И у кляченок, видно, свой норов бывает.

О следующем не хотел было я вам писать... да уж начал писать, так нечего делать, заодно напишу. Покаяние, которого, как вы описывали в прошлом письме, вы сподобились коснуться — было только самообольстительное мечтание. Думали, да думали, да наслушались, да умны, да не смиренны: в головушке-то и возмечталось, выстроился в ней волшебный замок. А всей беде я причина: читал вам кое-что не под силу и тем сбил вас с толку. *От плод их познаете их*[1], сказал Господь. Какой был плод этого состояния, которое душа сочинила сама себе, которым польстила сама себе? Этот плод был напыщенность, одна пустая, во всем смысле слова пустая напыщенность, выведшая вас из обыкновенного вашего состояния! Писали вы к великому старцу; и тот, как живущий на небеси, не разобрал, что вы пишете про болвана, отвечал вам про Ивана, утвердил вас пребывать в вашем мечтательном покаянии, полагая, что в вас действует видение покаяния, как в нем — то видение, которое дивная благодать Божия, даруемая инокам уже преуспевшим в безмолвии. Христианам, живущим посреди мира, не должно касаться возвышенных иноческих деланий, особливо безмолвнических. И Господь заповедал: *не вливать вина нова в мехи ветхи*[2]. Вино новое расторгает мехи ветхие, само проливается и уничтожает мехи; делания иноческие, когда за них возьмутся миряне, сами пропадают и приносят душевную пагубу делателям своим.

Слухи дошли до наших глухих, тихих мест из шумного и светлого Питера такие: какая-то преумная и презнатная дама писала прекрасноречивое письмо к какому-то монаху о зримом ею в себе необъятном числе ее согрешений, и будто тот монах, как видится не академик, отвечал ей: «матушка! на грехи свои смотреть так тонко не с твоим носом»... Слух выдаю за слух; — было ли то, или не было, о том — ниже рассуждать дерзаю; — и позволяются ли в Питере, столице просвещения и образованности, такие грубости — знать не знаю. А если б меня спросили, каков совет монаха даме столичной, то я бы отвечал со всею провинциальною откровенно-

стию: «совет грубенек, да верненек, и надо б этой даме такой совет на стенке зарубить и крепко-накрепко его держаться». Покаяние, приличествующее благочестивому христианину, живущему посреди мира: сосчитываться ежедневно вечером со своею совестию. И предовольно! Если христианин будет стараться жить по заповедям и ежедневно проверять себя, то мало-помалу стяжет сокрушение духа, которое еще далеко отстоит от покаяния — видения. Вам приходила (извините за деревенские выражения: хороши, метко в цель попадают!) только дурь, голая дурь! Мне она известна, сам в ней непрестанно, а потому вас предостерегаю.

В преподавание советов не надо бы вам очень пускаться, а со смирением от них отказываться. Когда же принудят, то сказать нечто слегка, предоставляя дело Богу. Очень вы святы: как раз человека и на распятие! Да и распинать-то не умеете: только мучите напрасно. Все вы хотите разумом да собою взять, а надо — верою да Богом.

1847 г. 14 ноября
Бабайки

[1] Мф. 7. 20.
[2] Мф. 9. 17.

№ 2

Поздравляю вас и все боголюбивое семейство ваше с наступившими праздниками и новым годом, желаю вам истинных благ, искание которых внушил Господь сердцам вашим. *Блажени яже избрал и приял еси Господи*[1].

Слава Богу, даровавшему благополучную кончину старице вашей! Да дарует Он всем нам благополучное исшествие из сей исполненной бедствий жизни, да примет нас в светлые и радостные обители вечные, уготованные для истинных рабов Его. А до того времени надо потерпеть различные напасти от различных причин, а наиболее от живущего в нас греха, от живущего в нас повреждения падением. В сравнении с напастями последнего рода, прочие напасти — малозначительны.

В письме вашем вы написали на меня клевету. Хороши вы Питерские. Уже и «жителя безымянной пустыни» стараетесь достать клеветой! Вы пишете: «Очень рада, что приказали мне не говорить ни с кем о религии п проч.» Неправда! Вот что вам было написано, от слова до слова: «В преподавание «советов» не надо бы вам очень пускаться, а со смирением от них отказывать-

ся. Когда же принудят, то сказать нечто слегка, предоставляя дело Богу и проч.». Говорить о религии и преподавать советы — великая разница, поймите! И последнее я вам не воспретил, а только сказал, чтоб вы делали это со страхом Божиим, с крайнею осторожностию и умеренностию. Не доложить бремя на ближнего — не беда, переложить — и ближний удобно может повредиться неисцельно, на всю жизнь сделаться ни к чему неспособным. Говорю вам это с сердечными слезами, от зрения и испытания многих горьких опытов! А сохрани меня Боже посоветовать вам, в нынешнее скудное время, скрывать от ближних то малое, но превосходящее сокровища всего мира, знание о Боге, которое получено вами не без подвига и страдания, по особенной милости Божией. Ныне много разнородного знания, лишь знание истины ушло от людей. — Прекрасна русская пословица «недосол на столе, а пересол на спине». Итак, не прогневайся, душа, за то, что в прошедшем письме моем твоей спинке досталось несколько ударов от жезла — слова. Это было за пересол!

Всех вас просто — запросто целую, обнимаю, к сердцу прижимаю. Христос с вами! Благословение Божие над вами!

[1] Последование панихиды. На Аллилуиа стих 1.

Письма святителя Игнатия к Павлу Васильевичу и Софье Григорьевне Энгельгардт

№ 1

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившими праздниками и новым годом. Да дарует вам Господь провести этот грядущий год и прочие годы жизни в богоугождении, в помышлениях о вечности, в делах для вечности. Тени земные уже проходят! уже время престать гоняться за ними, как гоняется мальчик за мотыльком златокрылым, бегая по испещренному цветами лугу! Время подумать, подумать основательно о существенном, вечном! А тот занимается как должно вечностию, кто постоянно упражняется в чтении Нового Завета и писаний святых отцов, научающих правильно разуметь Евангелие Христово, кто, познавая таким образом волю Божию, благую и совершенную, выправляет по ней свой образ мыслей, свои душевные движения, а погрешности и увлечения врачует покаянием. Христианину, живущему посреди мира, не должно читать святых

отцов, которые писали для монашествующих. Какая польза от чтения тех добродетелей, которых нельзя исполнить самым делом? Пользы никакой не может быть, а может быть вред, состоящий в том, что в человеке возбудится мечтательность духовного состояния, ему никак не идущего. Эта мечтательность будет временем лестно услаждать воображением высоких добродетелей, временем наводить на душу уныние и отчаяние, когда мы увидим, что не можем исполнить этих добродетелей; всегда и постоянно отвлекать нас от добрых дел, прямо нам идущих, таким образом, соделывать жизнь нашу пустою, бесплодною. Христианину, которого жребий — проводить и окончить жизнь среди мира, должно читать святых отцов, писавших вообще для всех христиан. Таковы писатели, которых сочинения написаны на русском языке или переведены на него: святой Иоанн Златоустый, святой Димитрий Ростовский, святитель Тихон Воронежский, Никифор Астраханский, Георгий Затворник. Обильное поприще для чтения. Обильное духовное пастбище, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!

Радуюсь и сорадуюсь вам, видя из последнего письма вашего, что здоровье сына вашего поправляется. Господь кого любит, кого приемлет, того бьет и наказует, а потом избавляет от скорби. Без искушения приблизиться к Богу невозможно. Неискушенная добродетель, сказали святые отцы, не добродетель! Если видите кого-нибудь, величаемого от людей православных добродетельным, а он живет без всяких искушений, преуспевает в мирском отношении, — знайте, его добродетель, его православие не приняты Богом. В них зрит Бог нечистоту, ненавистную Ему. На нечистоту человеческую он взирает снисходительно, врачует ее различными средствами; в ком увидит нечистоту бесовскую, от того — отвращается. Любя вас и сына вашего, приближая вас к Себе, Он попустил вам скорбь. В этом вы убедитесь из того, что по прошествии скорби, как ему, так и вам «путь Божий сделался яснее, ближе». Это вижу я и из себя: прежде говорил я вам гораздо поверхностнее, легче; а теперь что-то понуждает меня говорить глубже, предлагать духовную пищу более крепкую, которая бы сообщала вам больше сил и движения. А вы, видя милость Божию к себе, старайтесь принять и сохранить ее как должно.

Призывающий на вас благословение Божие

Недостойный

Архимандрит Игнатий.

Бабайки, 1848 года января 2 дня

№ 2

Сердечно участвую в постигшей вас скорби! Милосердый Бог Сам да утешит вас! Да утешит вас мысль, что невинный юноша, чистый, как ангел, не успевший оскверниться никакими нечистотами земными, ушел, унесся в безопасное пристанище, в небо. Там ничто и никто не будет наветовать его благополучие! Тихо и счастливо текущая, не утекающая, не умаляющаяся вечность преобразилась в день один для наследников блаженной вечности. Там несменяющаяся радость, там неумолкающий праздник, там пир, уготованный от века и на веки Царем Царей — Богом. Туда поспешно отлетел юноша, призванный Великим Учредителем пира, Создателем человеков. Кто может воспротивиться всемогущему призванию Всемогущего? Лишь тварь услышит повеление Творца своего — спешит мгновенно раболепно исполнить его. Очами веры посмотрим на милого юношу, шествующего по воздушным пространствам к небу! Очами веры посмотрим на чистого юношу, водворяющегося на небе и от радостей его забывающего о всем земном! Проводим его горячею молитвою и горячими слезами! Принесем в память его молитву и слезы! Земля — страна плача; небо — страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, поспеваемых на земле. Эти семена — молитва и слезы.

Примите мои слезы в участницы слез ваших, а вы причаститесь того духовного утешения, которое присылаю вам в этих строках. Все мы — кратковременные странники на земле! Всем нам предлежит отшествие отсюда! И неизвестен час, в который востребует нас Бог из нашей гостиницы. Употребим земную жизнь нашу на приготовление себя к вечности; приготовим себе блаженную вечность. Вечная судьба наша в наших руках: потому что Бог воздает каждому по делам его.

Вы уверены в той любви и преданности, которые вы насадили в сердце

Вашего недостойного Богомольца.

№ 3

Угодно неведомым судьбам, чтоб при наступлении 1848 года я писал вам не столько слово приветствия, сколько слово утешения. Бог призывает вас в познание Его, а чрез это познание в вечное блаженство! Ныне призывает вас яснее, громче, решительнее. Сначала призвание Божие являлось таинственно в не-

постижимом влечении души вашей к служителям Божиим, к слышанию Слова Божия. И служитель Слова говорил вам слово чуждое лести, чуждое человекоугодия! — Ныне это призвание ознаменовалось внезапным взятием с земли одного из членов вашего семейства. Сын ваш перешел предтечею прочих членов семейства. Вечность присвоила себе всех человеков; — всех ожидает в свое необъятное недро!

Не говорю вам «не плачьте»! нет! не говорю этого! Дайте свободу слезам, пролейте их обильно, столько, чтоб напилось ими сердце в сытость, и не погашены были святая вера, кроткая покорность Промыслу, самоотвержение мужественное. Полезен плач, растворенный упованием на Бога: утешает душу, смягчает сердце, отверзает его ко всем святым, духовным впечатлениям. Печаль, не соединенная с упованием, чужда благих плодов, с плодом зловредным, убийственным! От нее рождаются уныние, отчаяние, смерть телесная и смерть душевная! — Нет! вы не впадете в эту печаль! Вас невидимо держит сильная десница Божия! Она ввела вас в дни сетования, чтоб вы в эти дни более погрузились сами в себя, омыли себя святым омовением — слезами, чтоб многие воздыхания родились в груди вашей, понеслись к небу, очистили для души вашей путь к небу. Постигло вас наказание Божие, наказание, растворенное милостию, наказание, каким Бог наказывает тех, кого хочет приблизить к Себе, а не таким, каким Он карает, сокрушает врагов Своих. Постигло вас наказание Божие, растворенное милостию! Посмотрите — как из среды мрака посланной вам печали ярко, благотворно светит милосердие Божие! Смерть — непременная дань смертных; ее должен выплатить каждый человек; — кому ж из вашего семейства послал ее Бог? — Кротчайшему, непорочному юноше. Ему смерть — переселение в верное блаженство! — Ангел-юноша теперь на небе: туда, к своему блаженному жилищу, он будет привлекать ваши взоры, и начнут эти взоры, очищенные слезами, смотреть с упованием, смотреть радостно, смотреть часто на чистое, святое Небо.

Призывающий на вас благословение и утешение от Бога.

Энгельгардт Павел Васильевич (ум. 1849; брат княгини Татьяны Васильевны Юсуповой) — с 1832 г. гвардии полковник в отставке; *Софья Григорьевна* (1805–1875) — его жена; *Василий Павлович* (1828–1915) — их сын, друг М. И. Глинки, много сделавший для увековечения его памяти. В приведенных письмах говорится о их младшем сыне, Григории Павловиче, скончавшемся в октябре 1847 г. См. о них также в переписке Святителя с П. П. Яковлевым т. 7, с. 632 и последующие.

Письмо святителя Игнатия к статс-даме Параскеве Ивановне Мятлевой[1]

Прошедшего года 14-го октября я был в Вашем доме, вместе с братиями моими служил Божественную литургию в Вашей домовой церкви. При священнослужении присутствовали Вы с благословенными дщерями Вашими, с благословенным потомством Вашим. Молитвою мы соединялись все воедино. Это единение превыше земных ощущений; тут что-то небесное; тут предвкушение будущей жизни, в которой человеков будет соединять дух. Здесь, на земле, соединяет их наиболее земля. Землею называют нашу плоть и кровь. Так назвал их Бог: *земля еси*, сказал Он падшему человеку, *и в землю пойдеши*[2].

После литургии имел я истинное, сердечное удовольствие принести Вам мое поздравление с днем Вашего Ангела, пожелать Вам всех благ, которыми милосердый Господь во времени и в вечности наделяет человека, угодного Ему и любимого Им. Ныне из дальней пустыни моей прихожу к Вам мыслию, воспоминанием, сердцем, наконец — этими строками. Приветствую Вас с днем Вашего Ангела, приветствую с таким же духовным наслаждением, исполненный таких же искренних и благих желаний для Вас. Да благословит Вас Господь! *Да обновится яко орля юность твоя*![3] А обновляется человек, юнеет — от благочестия. Если сравнить земную жизнь человеческую с вечностию, то все мы одинаково молоды и одинаково стары. Мне представляется в цвете и красоте юности, истинно — живущим — только благочестивый. Он издает из себя духовную воню бессмертия; слышен живущий в нем и оживляющий его душу Бог. Так для всех ясно ощутительна душа в действиях тела, которое она употребляет как свое орудие; ощутительно и отсутствие души, что все видят в бездействии и смраде охладевшего трупа.

С истинным, глубоким, духовным утешением я был свидетелем того, как сердце Ваше ожило для Бога; был свидетелем этого приятнейшего зрелища и возблагодарил Бога. Нет на земле выше счастия, как познать Бога и прилепиться к Нему всею душою. Это союз — от ныне и до века! В этом союзе — условие истинного блаженства, блаженства вечного, предвкушение которого уже начинается здесь на земле.

Как ни вспомню о Вас, неразлучно с этим воспоминанием приходит на мысль мою стих псаломский: *Да обновится яко орля*

юность твоя. И посылает его сердце мое к Вам на крыльях сильного желания!

Письмо мое препровождаю чрез моего наместника с целию: он мне напишет, что вручил Вам письмо. Оно, как Вы видите, вовсе нецеремонное; все из сердца. Не утруждайте себя ответом на него: имею от Вас письмо, которое — читаю и перечитываю всегда с новым духовным наслаждением, с благодарением Богу. Это письмо — Ваша душа; Богу угодно, чтоб она была для меня открыта к общей пользе: моей и Вашей. Говорящий слово Божие и слушающий слово Божие пользуются вместе, а приносит пользу — Бог. Он соединяет здесь, на земле, в юдоли скорбей и плача, человеков в единомыслие Своим всесвятым, всесильным словом. Он вселяет единомысленных по окончании земного странствования в дом вечный, где духовный праздник никогда не умолкает. Он да дарует нам здесь благоугодное Ему единомыслие и единодушие, как залог; а там — на небе, в вечности, да дарует неизреченное блаженство, как исполнение залога... Какая мысль сейчас пришла мне! Не скрою ее! дал бы мне милосердый Господь видеть Вас со всеми чадами и внучатами Вашими в селении вечном, полном света и радости, полном славословия Богу, как зрел я вас всех прошлого году 14-го октября, собранных в Его святом храме. Вы устроили в доме Вашем приют для Бога, — устраивайте и в душе Вашей; — Он устроит Вам дом, обитель великолепную в Его святом граде, в Иерусалиме Небесном. Он устроит, потому что обещал воздать каждому по делам его.

25 сентября 1847 г.

[1] См. письмо святителя Игнатия к наместнику Сергиевой пустыни о. Игнатию (Васильеву) № 16, т. 7, с. 358.

[2] *...прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3. 19).

[3] Пс. 102. 5.

Параскева Ивановна Мятлева (1772–1858; урожденная Салтыкова) — супруга тайного советника, камергера Петра Васильевича Мятлева. В Жизнеописании Архимандрита Игнатия (Малышева) рассказывается: «Внушая к себе особенное уважение и доверие, о. Игнатий был принят во многих аристократических домах как друг и наставник. Статс-дама Прасковья Ивановна Мятлева избрала его своим духовным отцом. Строгий к себе, ревностный в исполнении заповедей Божиих, о. Игнатий, несмотря на любовь к духовным детям своим, не послаблял им ни в чем и умел даже внушать к себе некоторый страх. Умилительно было видеть, как почтенная старушка повиновалась своему духовному отцу, преодолевая иногда привычки светской жизни, и сохранила это повиновение до самой смерти» (СПб., 2000. С. 30).

Письмо святителя Игнатия к Николаю Николаевичу Анненскому[1]

†

Ни в какое время душа моя не была столь полна участия к Вам, как теперь... жалостно смотрю на Вас, на странника, претерпевшего кораблекрушение в житейском море, выкинутого свирепою волною на берег приморский... На этом берегу — тихая обитель иноков — пристань от бурь житейского моря. Подхожу к Вам... вижу: этот странник, орошенный холодною волною, — мой старинный знакомый! — и первая мысль, первое чувство: приютить, обогреть странника, утешить друга, и, если есть в руке моей средство помощи, положить это средство в его руки, принести к ногам его!..

Такие ощущения родились в душе моей при прочтении вашего письма!.. Не взыщите, что в заглавии строк моих я не поставил светского титула, заменил его «знамением Христовым». Пусть знамя Христово развевается над словом моим... И Вы стали под это знамя! Вождь крестоносцев говорит: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть.* — Давно уже был Вам призыв под это Знамя! — теперь Вы выкинуты под сень его насильственно, гневною волною. На эту волну смотрел Бог!

Благословен поступок Ваш: Вы не уклонились ни направо, ни налево; — в час скорби вашей Вы кинулись к Богу, в храм Его, в святую обитель. И Бог принял Вас...

Не для играний — человек на земле! не для играний... Немаловажно, что Бог создал человека по образу и подобию Своему! Немаловажно, что Сын Божий искупил падшего человека Своею кровию!.. Надо дать цену этим щедротам Бога! надо дать цену всесвятой крови Богочеловека!... Нет! не оценивают их достойно те, которые обращают на веру поверхностное, мимоходное внимание, а все внимание души своей истощают на играния суетным, временным, тленным. И те, которые всю жизнь свою посвятили Богу, — ничего не сделали, не принесли ничего достойного в сравнении с благодеяниями Божиими! — Один, один достоин стать пред Богом: дух, исполненный сокрушения и смирения. Это достоинство человеческое одно признал Сам Бог достоинством. И может стать в таком расположении дух наш — когда он уклонится от всех играний.

Не советую Вам выходить из того наружного круга, в который мы поставлены Промыслом Божиим. Узы Ваши — узы священ-

ные. На них священная печать, наложенная благословением Божиим, призванная таинством церковным и сопутствующими ему молитвами. Уединением Вашим — да будет душа Ваша, умерщвленная для мира; святою обителию Вашею — да будет душа Ваша, — да будет она обителию всех евангельских добродетелей. Играния да заменятся существенным, и тени — истиною. Нет возможности приступить к Богу иначе, как по тернию скорбей. Допущенный к Богу — приступил к сокровищнице всех благ, временных и вечных. Бог, кого хочет приблизить к себе, попускает тому скорбь. Волна, которою Вы закинуты в страну креста, послана на Вас Богом, любящим и избирающим Вас, — послана, как буря и кит были посланы на пророка Иону.

Если милосердый Господь возвратит меня в приморскую обитель Преподобного Сергия, — надеюсь увидеть Вас там, увидеть, чтоб укреплять и утешать утешением и крепостию от Господа. Давно душа ваша избрала душу мою в пристань искренности, — даже теперь не покидает этой пристани, полуразбитой волнами, постоянными и давно злящимися бурями далеко отдвинутой... И да исполнится над Вами слово воплощенного Бога, Который сказал: *Идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18. 20).

Февраль 1848 г.

[1] 4 февраля 1848 г. святитель Игнатий написал своему наместнику в Сергиеву пустынь: «К Николаю Николаевичу Анненскому я писал письмо, утешая его, и советую не оставлять семейство по порыву огорчения. Ты очень хорошо сделал, доложив Преосвященному о его пребывании в обители».

Письмо святителя Игнатия к А. А. Кавелину[1]

Бог да утешит Вас в постигшей скорби. Влас главы нашей не падает без воли Его!

Иначе взирает мир на приключения с человеками, и иначе Бог. Видим, что св. Нифонт Епископ четыре года страдал умоисступлением, Св. Исаакий и Никита (который был впоследствии Святителем Новгорода) долго страдали умоповреждением. Некоторый Св. Пустынножитель — упоминает об этом событии Сульпиций, писатель 4-го века, в рассказе Пустоминиана, путешествовавшего по монастырям Востока, — творивший множество знамений и за-

[1] РНБ РО. Ф. 1927. № 288. С. 273–274.

метивший от этого возникающую в себе гордость, молил Бога, чтоб для уничтожения славы человеческой попущено было ему умоповреждение и явное беснование, которые и попустил Господь смиренномудрому рабу своему. Веруем, что без воли Божией не может к нам приблизиться никакая скорбь; всякую скорбь, как приходящую от руки Божией, приемлем с благоговейною покорностию воле Божией, с благодарением. Славословием всеблагого Бога, непостижимого в путях Его, дивного во всех делах Его.

Санкт-Петербургский генерал-губернатор А. А. Кавелин был женат на родственнице М. В. Чихачева[1], а с архимандритом Сергиевой пустыни Игнатием находился в дружеских отношениях. В 1840–1843 гг. он много содействовал разрешению конфликта, связанного с делом французского посланника Баранта и запрещением архимандриту Игнатию выезжать из Сергиевой пустыни без специального разрешения Консистории[2]. О дружеских отношениях свидетельствовало и письмо Святителя, посланное им из Бабаек 13 ноября 1847 г. своему наместнику в Сергиеву пустынь: «От А. А. Кавелина получил премилейшее письмо, написанное от самого сердца — вот! Такая любовь меня утешает. Пишет, что ты был у него».

У Кавелина в это время было тяжелое нервное заболевание, о котором святитель Игнатий вспоминал в 1856 г. в письме к инокине, нужающей в успокоении:

«Когда возле нас жил Кавелин в состоянии помешательства и некоторое время еще позволено было родным приезжать к нему, то после каждого приезда ему делалось хуже, потому что они все хотели его урезонить и смягчить. Бывший тут доктор из сумасшедшего дома говорил мне о действиях родственников: «Странные люди! Хотят больного урезонить, между тем как болезнь его и состоит в том, что он лишен здравого смысла». Кавелин хватался за нож, намереваясь пронзить им жену и себя, высказывая против нее величайшие неудовольствия, между тем как в здравом состоянии он питал к ней величайшее расположение».

Вспоминал он об этом и в письме к сестре Е. А. Паренсовой от 5 января 1867 г.: «Когда Петербургский военный генерал-губернатор Кавелин был болен умопомешательством, и родня его приезжали и старались урезонить его, чем приводили в большее расстройство, тогда доктор, бывший при нем, сказал мне однажды: “Такова болезнь нашего времени”».

Письмо святителя Игнатия к А. М. Горчакову

Милостивейший Государь, Князь Александр Михайлович!

Когда Вы были посланником в Виртемберге, а я был настоятелем в Сергиевой Пустыне, тогда после кончины супруги Вашей Вы посетили упомянутую мною обитель и удостоили посещения

[1] См. т. 7, с. 541–542. ‖ [2] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 152.

Вашего мои келлии. Имел честь принимать Ваше Сиятельство на балконе. Речь зашла о сочинении Фомы Кемпийского: я сказал Вам мое мнение о его книге «Подражание». Но клеть душевная — глубины неизмеримой! Свидание было слишком кратко,— и мнение мое, основанное на долговременном изучении Отцов православной Церкви, не могло быть изложено с удовлетворительностию. Недостаток сказанного мною восполняю представлением Вам книги «Аскетические Опыты». В них Вы прочитаете учение наших Отцов о внутреннем духовном подвиге. Это учение отличается от учения западного писателя тем, что Отцы ведут писателя своего к покаянию и плачу о себе, а западный писатель ведет к наслаждению и довольству собою.

Всякое земное положение преходит; незаметно приближается и приближается человек к вратам вечности. Если истинная любовь желает ближнему истинных благ, то это желание необходимо отнести к благам вечным. Примите от меня такое желание! Взглянув в книгу, Вы встретите на каждой странице ее это желание, высказанным без лести падшему человеку. С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейший слуга и Богомолец

Епископ Игнатий.

1865 год

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — светлейший князь, знаменитый дипломат, канцлер, государственный деятель. Похоронен в Сергиевой пустыни. Внучатый племянник святителя Игнатия, Александр Николаевич Брянчанинов, был женат на внучке А. М. Горчакова, светлейшей княжне Марии Константиновне Горчаковой.

Письмо святителя Игнатия к Н. В. Голоушевой

Милостивейшая Госпожа Н. В.

Приношу Вам и С. Ф. мою искреннейшую признательность за воспоминание обо мне в Новый год и в день моего Ангела. Благословение Божие да почиет над Вами и над чадом Вашим! Во всяком деле начальное условие успеха есть правильный взгляд на дело; так и в деле спасения, для получения желаемого спасения необходим правильный взгляд на себя и на спасение. По причине повреждения грехом нашей природы в нас смешано добро со злом и сердечная земля наша не престает производить

зло, а и добру не дает произрастать одному, цельному, но всегда с примесью зла. Этот процесс нам естествен не потому, чтоб мы так были сотворены, но потому, что мы произвольно впустили в свое естество яд греха, который уже не можем отделить от своего естества собственными усилиями. Это отделение совершает нам Искупитель, ища от нас и собственных наших усилий к истреблению в себе зла, как деятельных доказательств в истинном приятии спасения, даруемого Богом туне. Итак, не должно унывать; видя возникающее в себе разнообразное зло, должно постоянно противиться ему и исторгать его из себя. Труд и подвиг пожизненные! В свое время, когда мало-помалу начнет изнемогать зло, начнет являться и мир душевный, признак здравия души. Но полного мира в стране брани и борений нет. Он то является, то опять скрывается: место постоянного мира на небе и в вечности. Все это нужно знать, чтоб не требовать от себя того, что нам не естественно, и опять для того, чтоб не унывать в пожизненном подвиге, борясь мужественно со злом, восстающим против нас и внутри и извне нас. Когда таким подвигом мы докажем верность нашу Богу, то дар благодати Божией — спасение, таинственно вложенный в нас крещением и заключающийся в соединении естества человеческого с Божиим естеством и в исцелении первого от прикосновения ко второму, начнет яснее обнаруживать свое присутствие в нас, доставляя нам более решительную победу над злом, производя в нас глубокий мир и утешая надеждою блаженной вечности. Желаю Вам правильно подвизаться по руководством Слова Божия и увенчаться венцом спасения по неизреченной милости Божией.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Е<пископ> И<гнатий>.

17 февраля 1862 года

Письмо святителя Игнатия к К. В. Г.

Святые Отцы, восхваляя правило молитвенное и исповедуя необходимость его, не только пользу наставляют иметь его умеренное, соразмерное с силами, с состоянием душевного преуспеяния и с обстоятельствами, в которые поставлен человек Промыслом Божиим. Сущность исполнения молитвенного правила заключается в том, чтоб исполнялось оно со вниманием. От внимания

дух наш приходит в смирение; от смирения рождается покаяние. Чтоб можно было совершать правило неспешно, надо правилу быть умеренным. Святые Отцы, очень похваляя умеренное правило, советуют исполнять его неупустительно. Следующее правило может быть полезным для Вас и на первый случай удовлетворительным: Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный, Трисвятое, Отче наш, Господи помилуй 12; Приидите поклонимся, Псалом 50, Символ Веры, Богородице, Дево, радуйся трижды. После этого 20 молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»; при каждой молитве земной поклон.

Затем другие 20 молитв, и при каждой поясной поклон: Достойно есть, яко воистину; Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Это молитвенное правило должно совершать утром и вечером. Поклоны должно полагать очень неспешно, с чувством покаяния, как бы стоя пред Самим Господом, припадая к стопам Его и веруя Его присутствию и тому, что Он взирает на Вас и видит Вас. Вы имеете письменное наставление о молитве: старайтесь заимствовать из него направление для духа Вашего во время молитвы. Из прочих молитвословий более других полезен для новоначального акафист Господу Иисусу. Прочитывайте его в неделю однажды, стоя или сидя, как Вам будет удобнее, но непременно со вниманием и неспешно. Также никак не позволяйте себе читать поверхностно и бегло Евангелие и прочие священные книги: читайте их неспешно и со вниманием. При чтении наблюдайте умеренность. Умеренность поддерживает постоянную охоту к чтению, а пресыщение чтением производит отвращение от него.

Книга писем Задонского затворника Георгия может быть для Вас очень полезною. Она одного духа и направления с сочинениями Святителя Тихона Воронежского. Позволяю себе сказать, что она одного духа и с моими грешными писаниями, которые вам можно читать все: потому что в них объяснено, что идет для новоначального и что идет для преуспевшего.

Не забывайте непрестанно предавать себя воле Божией и благодарить Бога за все Его благодеяния, сделанные Вам. Все мы должны быть уверены, что не заслуживаем тех Божиих благодеяний, какие имеем, что мы заслуживаем несравненно большие неприятности, нежели те, какие встречаются нам. При таком воззрении на себя христианин пребывает мирным по причине покорности своей Богу и благодарит Бога за все, случающееся с ним.

1 июня 1863 года

Письмо святителя Игнатия к Д. А. Мельникову

Милостивейший Государь, Димитрий Алексеевич!

За посещение Ваше в Ставрополе не могу заплатить личным приходом к Вам. Прихожу моею книгою. Примите ее с любовию, и в минуты свободы заглядывайте в нее. Эта книга — книга самовоззрения. Книга возвещает христианство не извне — из исследования человеком самого себя.

Все земные положения срочны. Земная жизнь наша — школа, в которой мы должны приготовиться к вечности. Неупражение во всякой науке служит причиною незнания ее, и близкая к нам вечность становится в безконечную даль, облекается в глубокий мрак для тех, которые не рассматривают ее. В изучении всякой науки требуется, чтоб изучение было правильным; без этого приходим к пустым или ложным результатам: точно так и в изучении христианства необходима правильность; без нее человек непременно уклонится в многообразное заблуждение, там, где господствует истина, нет места для запечатленных ложью.

Желая Вам благ временных, еще более желаю благ вечных. С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга и Богомолец

Епископ Игнатий.

1865 г.

Письмо святителя Игнатия к Н. Н. Хемшиеву

То, что все мы, любезнейший князь, кратковременные странники на земле есть осязательная истина. То, что мы обращаем так мало внимания на вечность, забываем ее,— есть верный признак нашего падения, падения не только в теле, но еще более в уме, в сердце. Глядя на себя, мы в себе увидим, что нам нужно спасение, нужен Спаситель.

Познание Спасителя, а через то и получение блаженной вечности, есть первое счастие на земли, есть единственное сокровище человека.

Бог привел Екатерину Павловну получить это сокровище; потом, очистив страданиями, призвал в вечность и в вечность блаженную. Кончина ее оставляет в истинно расположенных к ней воспоминание, в котором соединяется чувство спокойное,

чувство верное с обыкновенным чувством грусти об отшедшем. По крайней мере, я так чувствую! И это чувство для меня не ново: его оставляли мне некоторые отшедшие отсюда после жизни (на земле) благочестивой о Господе.

Утешает меня, что милосердый Господь привел меня послужить Екатерине Павловне душеспасительным словом, хотя и очень недостаточно. Видя, что Бог внушает многим прибегать к моему скудному слову, я не могу не признать, что Бог назначает мне в удел служение ближним словом Божиим. Почему желаю относительно Вас проходить это служение ближним и возвещать Вам Слово Божие, сколько при нерадении и немощи моей я мог познать оное из Священного Писания и писаний Святых Отцов.

Милосердый Господь да утешит Вас, да укрепит Вас! Быстро, быстро промчится время и наступит и для Вас час переселения в вечность. Употребите земные дни Ваши на приготовление к ней. Вы видели в супруге Вашей, как хорошо — приготовиться к вечности. Это приготовление растворяет даже здешние скорби утешением и тем доказывает, что это приготовление есть приготовление к блаженству.

О Господе Вам преданнейший

А<рхимандрит> И<гнатий>.

5 февраля 1847 года

Письма святителя Игнатия к Ивану Ильичу Глазунову

№ 1

Богу благоугодно было внушить Вам расположение приобщиться моему убогому труду изданием составленным мною «Аскетических Опытов». Эта книга в собственном смысле принадлежит не мне: она вся заимствована из Святых Отцов православной Церкви. Мой труд состоит в том, что в течение всей жизни моей я занимался изучением Отеческих Писаний и сделал из них такое извлечение, какое возможно сделать только по долговременном изучении сих Писаний. Учение, принадлежащее Святым Отцам, должно принести существенную пользу современным христианам, желающим проводить жизнь благочестивую и богоугодную, но не имеющим возможности основательно и подробно изучить Отеческие Писания. То, что говорю, доказано опытом: многие, читавшие в рукописи наставления о покаянии,

молитве, о кратковременности земной жизни, находящиеся в книге моей, почувствовали на себе сильное действие чтения, способствовавшего их духовному преуспеянию. Так и должно быть! «Аскетические Опыты» — книга практическая. Она единственная потому, что со времени введения в России образования никто еще не писывал в этом роде.

Святые Отцы сказали, что милостыня, оказываемая душе, на столько выше милостыни, оказываемой телу, насколько душа выше тела. Такой милостынею признал я книгу — «Аскетические Опыты». Промыслом Божиим дано было мне, во спасение души моей, приуготовить спасение души Вашей, передать эту милостыню духовную нуждающимся в ней христианам. Дело Божие, И<ван> И<льи>ч, надо делать с тщанием, чтоб дело, данное во спасение, не было повреждено небрежением и не послужило в осуждение. Я по силе моей постарался дать возможную отчетливость и исправность книге, приготовляя ее с 1840 года, пересматривая, выправляя, дополняя ее, чтоб учение Отцов, изложенное в ней, имело удовлетворительную ясность и полноту: так и вы озаботьтесь, чтоб книга была издана исправно и в должный срок. Многие благочестивые души жаждут этой пищи духовной и желают иметь книгу в руководство жительства своего именно по той причине, что она есть сборник учения Святых Отцов православной Церкви о главных добродетелях христианских и о духовном подвиге.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувствами совершенного почтения и искренней преданности и имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Епископ Игнатий.

3 марта

№ 2

Все добрые дела наветуются скорбями, между тем Св. Писание говорит, что начавший доброе дело да совершит его. В наше время распространению учения Св. Отцов особливо противодействуют отверженные духи, влагая разные помышления плотского мудрования и восставляя людей, руководимых плотским мудрованием. Почему я полагал бы, что Вам надо придержаться с твердостью принятого Вами благого намерения, а приходящие помышления и внушения людские принять за знак того, что дело Ваше приятно Богу и полезно христианству, потому именно, что против таких дел воздвигаются всегда препятствия и скорби, по мнению Св. Отцов. Препятствиями свидетельствуются такие дела. Напротив

того, дела, совершаемые в духе мира сего, во вред и в осуждение души своей и душ ближних текут как по маслу. Вам всего ближе видеть это: вы видите, как быстро распространяются книги, губящие и веру и нравственность, какие расходы делаются на напечатание их, с каким усердием одни стараются распространить их, а другие покупают. Как вы думаете, каково это пред взорами Бога? И чего должно ожидать за это на суде Божием?.. Неверующие кричат, что нет Бога, нет и суда Божия. Из-за такого крика, которым разврат усиливается только заглушить представления совести, Бог не перестал существовать. Он есть, непременно воздает каждому человеку по делам его. Самое отступничество предсказано со всею ясностию Св. Писанием и служит свидетельством того, сколько верно и истинно все, сказанное в Писании.

Сими строками я исполнил долг мой пред Вами и предо мною; впрочем, Бог предоставил каждому человеку во время его земной жизни на произвол делать добро или не делать его. Вы сами видите, какая ныне нужда в учении Св. Отцов для христианского общества, обуреваемого разными нечестивыми учениями. Сделав свое дело, т. е. отдав Вам **безвозмездно** для напечатания **мой двадцатилетний труд**, я в остальном полагаюсь на волю Божию и желаю пребывать в мире душевном, на основании покорности воле Божией.

25 октября 1864 года

Письмо И. И. Глазунову написано вследствие принятого им намерения отложить напечатание сочинений Епископа на свое иждивение и требования печатать их на иждивение Епископа и брата его в противность прежде данному обещанию напечатать **все** сочинения на его, Глазунова, иждивение. В этих видах были оставлены все типографские работы на неоконченном II-м томе. По получении письма II-й том «Опытов» окончен печатно, но два остальные остались не напечатанными. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

Письма святителя Игнатия к К. С. Сербиновичу[1]

№ 1

Милостивейший Государь,
Константин Степанович!

Получив сегодня от Его Сиятельства графа Александра Петровича Толстого три экземпляра извлечения из Отчета, я поду-

[1] РГИА. Ф. 1661. Д. 1098. Ф. 472. Д. 62. *Константин Степанович Сербинович* (1795–1874) — тайный советник, член Комиссии по принятию прошений; см. также о нем примеч. Настоящего издания, т. 5, с. 517.

мал: не двадцатый ли труд Ваш вижу? Почти что так: если не двадцатый, то, наверное, девятнадцатый.

Приехав сюда, я немедленно озаботился, чтоб отчетность из Кавказской Консистории за 1854 год была представлена в Святейший Синод в возможной исправности, согласно тому, что Вы изволили говорить мне при прощальной беседе. Сделали, что можно было сделать. Оказывается: циркулярами не были соглашены частные действия; каждое место доставляло сведения по своему усмотрению. Это можно поправить, но я искренне желал бы слышать замечания Вашего Превосходительства, чтоб на будущее время Кавказская Епархия могла представлять к труду Вашему материалы вполне удовлетворительные.

По совету Вашему я довольно сблизился с бывшим Секретарем Васильевым, и он доставил мне много полезных сведений; я с своей стороны постарался сколько мог и умел растворить утешением чашу его горестей. Действительно, должно желать, чтоб здешнее духовенство было лучше; но исправление нравственности в целом сословии совершается не скоро. На это надо время, и время. Начала ложные должно заменить началами правильными, злонамеренность благонамеренностию. Наказания не могут быть единственным орудием исправления.

Призывая благословение Божие на Вас и на милого сына Вашего, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский.
1858 года 18 февраля
Ставрополь

№ 2

Ваше Превосходительство,
Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с Монаршею милостию, которою ознаменовано долговременное служение Ваше Царю и Отечеству. Искренне желаю Вашему Превосходительству многих лет в вожделенном здравии, совершенного успеха в Ваших трудах и всех утешений на поприще службы.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 апреля 1858 года

Ставрополь Кавказский

№ 3

Ваше Превосходительство,

Милостивейший Государь!

Главное управление Наместника Кавказского уведомило меня отношением от 25 сентября за № 3702, что вследствие моего ходатайства, князь Александр Иванович Барятинский[1] сообщил Г[-ну] Председателю Кавказского Комитета об испрошении Высочайшего Государя Императора соизволения на ассигнование и ежегодный отпуск от казны Кавказскому Архиерейскому Дому, в дополнение к получаемому им ныне содержанию и взамен тех угодий, коими он не может быть наделен, трех тысяч восьмисот рублей серебром. Имея честь уведомить о сем Ваше Превосходительство, вместе с тем считаю приятнейшим долгом моим покорнейше просить Вашего милостивого содействия в доставлении Кавказскому Архиерейскому Дому означенной суммы, долженствующей обеспечить содержание Дома и доставить Епископу Кавказскому возможность деятельности, требуемой от него новостию и переходным состоянием Края.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский Черноморский.

№ 204.

Октября 2 дня 1858 года

[1] *Барятинский А. И.* (1815–1879) — князь, с 1856 по 1861 г. наместник Кавказский.

№ 4

Ваше Превосходительство,
Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником Рождества Христова и Новым годом. Как на этот новый год, так и на прочие лета жизни Вашей усердно желаю Вам всех истинных благ.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
12 декабря 1858 года

Письмо К. С. Сербиновича к святителю Игнатию[1]

Высокопреподобный Отец архимандрит,
Милостивейший Государь.

Имею честь препроводить при сем Вашему Высокопреподобию экземпляр изданного мною Жизнеописания Преподобной Евфросинии Полоцкой с изображением устроенного ею креста.

С совершенным почтением имею честь быть
Вашего Высокопреподобия
Покорнейший слуга

К. Сербинович.
24 декабря 1841

Его Высокопреподобию отцу
Игнатию, архимандриту
Сергиевской Пустыни

Письмо святителя Игнатия к Д. А. Милютину

Милостивейший Государь Дмитрий Алексеевич!

За посещение Ваше в Ставрополе не могу заплатить личным приходом к Вам. Прихожу моею книгою. Примите ее с любовию и в минуты свободы заглядывайте в нее. Эта книга — книга са-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

мовоззрение. Книга возвещает Христианство не извне — из исследования человеком самого себя.

Все земные положения — срочны. Земная жизнь наша — школа, в которой мы должны приготовиться к вечности. Неупражнение во всякой науке служит причиною незнания ее: и близкая к нам вечность становится в бесконечную даль, облекается в глубокий мрак для тех, которые не рассматривают ее. В изучении всякой науки требуется, чтобы изучение было правильным, без этого приходим к пустым или ложным результатам; точно так и в изучении Христианства необходима правильность, без нее человек непременно уклонится в многообразное заблуждение. Там, где господствует истина, нет места для запечатленных ложью.

Желая Вам благ временных, еще более желаю благ вечных. С чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою Епископ Игнатий.

20 февраля 1865 года

Черновик ответа Д. А. Милютина

Ваше Преосвященство,

Приношу душевную признательность за оказанный мне Вами знак внимания присылкою [*нрзб.*] сочинений Ваших. Если я несколько замедлил ответом на почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства, то причиною тому было желание, прежде ответа, познакомиться с содержанием присланной мне книги; но к крайнему прискорбию моему, время уходило, ежедневно являлись новые заботы и обязанности, не оставляющие решительно ни одной минуты для [*нрзб.*] к необходимости не отлагая долее принести благодарность Вам, не прочитав еще Вашу книгу...

26 мая

Письмо святителя Игнатия к князю М. Д. Волконскому[1]

Милостивейший Государь,

Князь Михаил Дмитриевич!

Оба письма Вашего Сиятельства (от 30 Марта и от 12 Апреля) я получил только 23 Апреля. 21 Апреля лишь вечером оказа-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 19.

лась возможность послать на почту; до того времени Монастырь был отрезан Волгою от всех городов. Приношу Вам искреннейшую мою благодарность за поздравление с Праздником праздников, с которым взаимно поздравляя Вас, приветствую всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

Относительно Алтайской Миссии похвально служение Марфы, но служение Марии предпочтено Господом. Когда, по обычному взгляду мира, призывала Марию Марфа принять участие в служении телесном, оставя духовное, то Господь выразил свое несогласие на это. Невозможно совместить служение с служением, хотя оба имеют свою цену.

Относительно перевода Истории, сделанного Вами, я говорил и писал Вам откровенно. Такого или подобного исхода делу должно было ожидать. Ваш труд никак не пропал для Вас: посредством его Вы ознакомились ближе с судьбами Церкви, и пред Вами разъяснилось, какие занятия по духовной литературе могут быть сручнее.

Поминайте в Ваших молитвах

Вашего покорнейшего слугу

Игнатия.

24 апреля 1867 г.

Письмо Н. Д. Зубова к святителю Игнатию[1]

Ваше Высокопреподобие!

Имея душевное прискорбие и слабое оттого здоровье, не могу я быть ныне в Сергиевском монастыре, потому обращаюсь к Вам с покорнейшею моею просьбою: тело супруги моей графини Александры Гавриловны Зубовой, урожденной графини Моден, находящееся ныне в нашей фамильной церкви, устроенной в Сергиевском монастыре; предположил я похоронить под означенною церковью в имеющем там склепе 25 числа сего октября, то есть в наступающую среду после обедни, которую в тот день отслужить и отпевание над телом совершить покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие с прочим духовенством Сергиевского монастыря. Я льщу себя надеждою, что в сей моей просьбе мне не откажете.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 11.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с истинным почтением честь имею быть

Вашего Высокопреподобия

Покорный слуга

Граф Николай Зубов.

Октября 23 дня 1839 года

Письмо святителя Игнатия к Н. Д. Зубову[1]

Милостивейший Государь!

Граф Николай Дмитриевич!

Податель сего письма есть коллежский асессор Константин Платонович Платонов, казначей Св. Синода. Он желает занять место покойного Василия Яковлевича Аткинсона при Инвалидном доме в Сергиевой Пустыне; зная его с отличной стороны, зная, что в нынешнее время крайне трудно найти человека с таковыми нравственными правилами, я почитаю для себя особенною приятностию рекомендовать его Вашему Сиятельству. Думаю, что сим приношу Вам значительную услугу и в других отношениях: этот человек может быть Вам очень полезен во всех тех случаях, когда Вам представится нужда похлопотать о каком-либо деле в судебных местах. В сих случаях он будет для Вас неоценен; ибо соединяет в себе отличное знание дела с честностию не нынешнего века. Не люблю никого рекомендовать, но в настоящем случае делаю отступление от своего правила; надеюсь, самые последствия меня оправдают!

Призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1844 года ноября 26 дня

Сергиева Пустынь

[1] РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Д. 559. Публикация, подготовка текста А. М. Любомудрова. Публикуется впервые.

В письме идет речь о замещении должности Смотрителя Инвалидного дома. Инвалидный дом на 30 увечных воинов, а также церковь мч. Валериана были построены в 1809 г. братьями Зубовыми в память Валериана Зубова, скончавшегося от ран, полученных в персидском походе.

Письмо святителя Игнатия к В. И. Анненковой

Милостивейшая Государыня! Вера Ивановна!

<...> ...Наружное счастье не может вполне напитать человека; источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует Христианину — Вера... Вы доставьте это блаженство Вашим детям. <...>

23 декабря 1844

Письмо святителя Игнатия к штабс-капитану С. И. Феодорову

Любезнейший Стефан Иванович!

Письмо Ваше меня необыкновенно обрадовало. Слава Богу, что Вы переселились из Грузии в Киев, — мне это подает надежду, что по времени Вы совершите и другое переселение, т. е. из Киева в Петербург, из которого удобно можете побывать у старого, еще Вами не забытого друга. Но каким Вы его найдете! Не таким как прежде; не исполненного живости, но изможденного болезнями и трудами, кои сами по себе хотя и были малы, но относительно моих сил велики. При всем том благодарю Господа — я довольно счастлив, весьма счастлив, не по грехам моим счастлив. Первое же условие сего есть то, что я Христианин и монах, хотя и недостаточный. Во-вторых, есть кругом меня люди, на коих могу взглянуть с искреннейшею любовию.

Пустыня наша при море — и чувственном и житейском. Гляжу на то и на другое и радуюсь, что живу на берегу посреди стен монастырских. <...> ...Желая Вам доброго здоровья и благополучия, имею честь быть Ваш усердный слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
6 июля 1836

Письмо святителя Игнатия к Д. В. Брюзгину

Письмо Ваше имел честь получить! сожалею сердечно о постигшей Вас скорби, — и по сему участию позволяю себе советовать Вам, дабы Вы не предавались излишней печали, которая беде не поможет, а Вас расстроит. Вспомните, — всякий человек

родится с тем, чтоб умереть; — и сей общей чаши никто из нас избежать не может. Почему о смерти всегда памятствовать и часто размышлять должно. Таковое размышление побудит нас к делам добрым, необходимым для вечного блаженства, и отвратит нас тех злых дел, на которые бы мы решились в забывчивости о смерти.

О почившей супруге Вашей тем менее должны мы тужить, что она проводила жизнь свою в правилах и добродетелях Христианских и при кончине сподобилась надлежащего напутствия.

Когда придет к Вам печаль, то прибегайте к молитве, как и св. Апостол Иаков в Соборном послании советует: *Злостраждет ли кто в Вас? да молитву деет*[1]. — Молясь же, просите Господа о прощении Ваших грехов и о упокоении души усопшей супруги Вашей. Тогда и печаль Ваша будет по Бозе, растворена надеждою и от надежды проистекающим утешением; таковая печаль, как виновная спасению, Законом Духовным похваляется. Печаль же плотская, состоящая в одном только сетовании, без молитвы и упования на Бога, учиняет по душе и телу расстройство и от Господа порицается. Сам Господь да пролиет в сердце Ваше утешительные чувства! Желаю Вам доброго здоровья и всех благ, с истинным почтением и преданностию имею честь Ваш покорный слуга и Богомолец.

14 ноября 1837

[1] *Злостраждет ли кто из вас, пусть молится* (Иак. 5. 13).

Письмо святителя Игнатия к девице Анне Дементьевне

Милост<ивейшая> Госуд<арыня> девица Анна Дементьевна!

<...> Ваше намерение благое и похвальное, ибо все мнимые утешения плотские скоро мимотекут; и потому весьма безумно провести в суете нашу жизнь, данную Богом для приготовления себя к будущей жизни. По желанию Вашему совет мой Вам преподать: во-первых, молите Господа, чтобы благословил Ваше намерение и Сам подал возможность к исполнению оного: ибо сказал Дражайший Спаситель наш: *Без Мене не можете творити ничесоже*. И святии Отцы, яко звезды на небе церковном различными добродетелями просиявшие и самым опытом, то есть самим исполнением заповедей Его, силу словес Его Святейших и Божественнейших узнавшие говорят: «Всякое дело хотя и бла-

гое, но без молитвы и прошения помощи Божией начатое, не бывает совершенным». И ты убо от молитвы и прошения помощи Божией начни.

Во-вторых, всякая девица желающая поступить в монастырь, по обычаю наших монастырей, должна знать какое-либо рукоделие, дабы оным себя содержать; а при самом вступлении в монастырь должна построить или купить себе келлию — на это надо рублей триста. Это все постарайтесь приготовить, приготовив же отнеситесь ко мне письменно или лучше лично. Увидев Вас лично и по силе скудного моего рассудка рассмотрев Ваши свойства, с Божией помощью, может быть, и дам Вам совет, в какой именно монастырь поступить. Усердно бы желал Вам и деньгами помочь, да не могу многим: ибо ко мне в обитель много вступают ничего неимеющих, и, поддерживая их в их нуждах, сам в нужде остаюсь.

Буди благословение Божие над Вами. Ваш усердный богомолец

АрхимандритИгнатий.
9 октября 1838

Письма святителя Игнатия в ответ соблазняющимся на «Слово о Смерти»

№ 1

Милостивейший Государь Григорий Иванович!

Искренне благодарю Вас за письмо Ваше! Я не утрудил бы Вас ответом моим, если б Вы не упомянули о соблазне некоторых по поводу «Слова о Смерти», и если б мы не имели учения Святых Отцов относительно такого рода соблазна. Учение это признаю долгом моим сообщить Вам. Оно изложено в 54-м Слове святаго Исаака Сирского, признаваемого Церковию одним из первейших наставников христианского аскетизма. «Блаженный Павел,— говорит этот Отец,— написал: *слово крестное погибающим юродство есть* (1 Кор. 1. 18). Что ж из этого? Долженствовало ли Павлу умолкнуть и прекратить проповедь по той причине, что слово крестное вменено было в юродство теми, которые не ощутили силы этого слова? Учение крестное и доныне служит преткновением для иудеев и эллинов. Итак, молчать ли нам об истине, чтоб таковые не соблазнились? Павел не только не умолк, но и воззвал, говоря: *Мне да не будет хвалитися, ток-*

мо о кресте Господа нашего Иисуса Христа (Гал. 6. 14). Хваление о кресте поведано Святым не для того, чтоб соблазнить иных, но для того, чтоб была проповедуема великая сила Креста. Сообразно сему, и ты, о святый! Совершай жительство твое с тою целию, которую ты положил себе пред Богом, чтоб не осуждала тебя совесть твоя, и жительство твое рассматривай по Божественному Писанию и по Преданию, которое ты приял от Святых Отцов. Если не будешь осуждаем ими (Св. Писанием и Св. Преданием), то не убойся соблазна, которому подвергнутся некоторые. Никто из человеков не возможет удовлетворить равно всех или угодить всем и в то же время угодить Богу и совести своей».

«Слово о Смерти» написано мною в Сергиевой Пустыне вследствие просьбы некоторых знакомых. Не было у меня ни намерения, ни надежды напечатать его. Это могу сказать и о прочих сочинениях моих. Особыми обстоятельствами устроилось напечатание их, и, как понимаю, не без Промысла Божия. Об этом писали мне некоторые лица, предавшие себя в монастыре и вне монастыря всецело теоретическому и практическому изучению христианства; они выразили мне искреннюю благодарность за изложение учения святой Церкви православной, в котором они существенно нуждались, и по такому предмету, который существенно важен для всякого человека. Даже священник Матвеевский, написавший рецензию в «Страннике», сознается (стран<ица> 28), что «еще ни одна эсхатология, или часть богословия, рассматривающая последние события, касающиеся мира и человека, не входила в такое подробное решение этих вопросов, какое сделано в “Слове о Смерти”». Рецензия сама по себе не имеет ничего предосудительного, напротив того, она была очень полезною, предложив вопросы, которые затрудняли рецензента и, разумеется, не его одного. Разрешение их должно было принести общую пользу. Было бы желательно, чтоб предложение вопросов в духовном журнале не смахивало на выходки Герцена. У нас богословие постепенно принимает характер более и более определенный, православно-восточный. Это тотчас делается ясным при сличении Богословия, составленного Терновским, с Богословием Преосвященных Антония и Макария. Естественно, что по мере перевода на русский язык Отцов Восточной Церкви, предание этой церкви обозначается отчетливее. Вообще мы еще не довольно знакомы с преданием нашей Церкви и неприметным образом усвоились нам чуждые ей некоторые мнения Запада. По этой причине «Слово о Смерти» сначала было принято многими неблагосклонно, но ос-

новательнейшие лица из духовенства на стороне его, а в Академиях, где библиотеки очень удовлетворительны, вероятно займутся тщательною обработкою этой части Богословия и изложат ее в обычной системе.

Петербург очень удобен для уединенной жизни: это я испытал на себе в светском быту; напротив того, для монашествующих он очень неудобен. Впрочем, где бы кто ни жил, если живет по заповедям Божиим и руководствуется Словом Божиим, то живет в преддверии к вечному блаженству.

Милостивый Господь да дарует это блаженство и мне и Вам и всему Вашему благословенному семейству.

Е<пископ> И<гнатий>.
4 мая 1864 г.

№ 2

Статья «Странника» очень слаба. «Взгляд на учение Западных» очень пополнен мною. Он будет напечатан во втором томе «Аскетических Опытов» и может служить весьма удовлетворительным ответом на статью «Странника». В «Христианском Чтении» (книжка за декабрь) протекшего 1864 года помещена очень важная статья под названием: «Новые издания по расколу И. Нильского». В ней изложены обвинения старообрядцев, имеющих австрийских архиереев на Великороссийскую Церковь. Эти обвинения, хотя не вполне одобрены с некоторою уклончивостью в общих словах, в сущности не отвергаются. На странице 486 сказано: «При Александре I архиереи сделались масонами и издавали и читали тысячи книг масонских и безбожных; издавали духовные журналы, как-то: "Сионский Вестник", "Угроз Световостоков", самые еретические книги; даже "Христианское Чтение" каких не содержит в себе ересей»... «Кому в Церкви Российской рассуждать о догматах, о вере? По апостольскому примеру надлежит рассуждать соборне, а в Церкви Всероссийской какие соборы? Синод занимается только делами внешними, о догматах же не рассуждает, потому всяк ученый пишет на свой образец. То жили без предания по Лютерову смыслу, то обратились к преданиями Святых Отец и прибавили сие учение в Катехизис, обличая сим, что прежде уклонялись от православной веры, но переделали на свой лад, показуя сим, что не одинаково мыслят с Восточными патриархами». Исчислив другие несообразности, говорится (стр. 487):

«А все оттого, что учат не по Святым Отцам, а по книгам латинским и лютеранским».

Отовсюду слышно, что раскол — с одной стороны, безбожие — с другой необыкновенно усиливаются. Нельзя этому не быть. Вышеприведенному голосу поповцев как не иметь значения и силы? В ноябрьской книжке «Странника» опубликована книга: «26 Московских лжепророков» и проч.— Что же? В первых двух статьях, особливо в первой об Иване Яковлевиче, выставлено участником их лицо, предмет общего уважения, и превращено в предмет насмешки. Опять: как этой брошюре не иметь своего действия на легкомысленных! Новые философские книги сбивают с толку ученых.

Надо бы принять благовременно меры, но они не принимаются и потом превращается в поток.

Е<пископ> И<гнатий>.
1 февраля 1865 года

Письма святителя Игнатия
БЕЗ УКАЗАНИЯ АДРЕСАТА

I
Письма из Николо-Бабаевского монастыря[1]

№ 1

В тихом уединении, на берегу величественной Волги, часто вспоминаю Вас, прекрасная, благословенная чета! и Вы — на берегу пространных вод, на берегу моря, которое по временам бывает тихо, бывает чисто, как зеркало, а по временам, встревоженное бурею, покрывается мутными волнами седою пеною. Такова наша жизнь! в ней тишина и буря сменяют одна другую; а время уходит, уходит, стремится погрузиться в бездну вечности. Блажен тот пловец житейского моря, который часто устрем-

[1] Эти письма были написаны святителем Игнатием в Николо-Бабаевском монастыре, когда он находился там в 11-месячном отпуске для лечения. Копии с них были сняты келейником Святителя Стефаном (в монашестве Симеоном). Позже святитель Игнатий по просьбе своих учеников отредактировал их и подготовил для печати. Впервые они были опубликованы архимандритом Игнатием (Малышевым) в 1881 г. как приложение к «Жизнеописанию епископа Игнатия Брянчанинова», а с 1886 г. помещались в Собрания творений Святителя в 4-м томе. (При подготовке Настоящего издания из 61 письма, помещенных в 4-м томе, по14-ти были установлены адресаты.)

ляет взоры к небу. По светилам небесным он направляет путь свой, не унывает при бурях, не доверяет и тишине моря: оно — так изменчиво! Взоры, для которых доступно небо — вера; ею мы усматриваем духовное небо: учение Христово. На этом небе сияет Евангелие, как солнце, Ветхий завет, как луна, — писания святых Отцов, как звезды.

Пишу к Вам прямо из сердца, пишу то, что внушилось ему сказать Вам. Мое сердце — с такою же сладостною простотою к Вам, как и Ваше ко мне. Такие отношения — истинное сокровище. Любовь к ближнему — величайшее наслаждение! А то утешает меня особенно в моих отношениях дружеских, что причина этих отношений — Бог. *Он*, — как говорит Писание, — *святяй и освящаяй всяческая*; Он источник всякого истинного блага, всякого истинного, чистого наслаждения. Он сохранит меня в Вашей памяти, а Вас в моей. Он даст Вам усугубить талант дружбы, полученный от Него же. Вот чего я желаю: желаю, чтоб при вступлении в вечность мы сподобились в сонме благих и верных рабов предстать Господу, сказать Ему: «Ты даровал нам прекрасный талант дружбы, приносим Тебе приобретенный на него другой талант — талант драгоценный спасения».

1847 года сентября 2 дня

Николо-Бабаевский монастырь

№ 2

Пишу к Вам из уединенной пустыни, в которую наконец после продолжительных разъездов я прибыл и где начинаю лечиться. Дорогу совершил с большим утомлением; два раза возвращалась ко мне петербургская болезнь моя, т. е. отнимались ноги. Теперь идет из них сильнейшая испарина и чувствую некоторое облегчение. Скажу Вам о Бабаевском монастыре, что он мне чрезвычайно нравится во всех отношениях. Местоположение премилое. Какой воздух! Какие воды, какие кристальные, ключевые воды! бьют, кипят из горы и в таком количестве, что было бы их достаточно, думаю, для всего Петербурга. Какие рощи с дубами! с вековыми дубами! какие поляны! какая Волга! какая тишина! какая простота! Раскрываю книгу аскетического писателя, читаю ее — вижу, что здесь можно исполнить советы ее на самом деле, между тем, как в Петербурге можно исполнить их только в воображении и желании. Словом сказать: для земного странствования моего, в эту минуту, не желал бы другого, лучшего приюта.

С сердечною приятностию воспоминаю моих друзей петербургских; вспоминаю их с признательностию, призываю на них благословение Божие. Друзей мне дал Бог: эту мзду принял я от Всесвятой десницы Его за мысль самоотвержения, которой последовал с дней юности моей. Уже самый опыт убеждает в евангельской истине, повелевающей оставить все, чтоб наследовать все. Евангелие лишает человека того, чем он владеет неправильно. Из тихого пристанища, из дальней пустыни повторяю то же, что говаривал из пустыни близкой: «не увлекайтесь шумным, бурным потоком мира!» *Да будут уши* сердец ваших *внемлюще гласу моления моего*!..[1]

Христос с вами!

1847 года сентября 4 дня

Николо-Бабаевский монастырь

[1] Пс. 129. 2.

№ 3

Из моего уединения, с живописных берегов Волги, величественной и великолепной Волги, поздравлю Вас с благополучным совершением начатого дела в семействе Вашем, которое для родительского сердца вместе и так радостно, и так трудно.

Благословение Божие да осенит новобрачных! благословение обильное, такое, чтоб вы ясно его видели, утешались, и за него благодарили Бога. Он тем, кого любит, посылает скорби, а вслед за скорбями — утешение. То, что скорби сменяются утешениями, а утешения скорбями, рождает веру к Богу и мертвость к миру. Вера, взяв человека за руку, поставляет его пред Богом. — Такой человек возносится превыше мира: под ногами его — мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных. Так под ногами того, кто взошел на вершину высокой горы: облака, утесы, пропасти, шумящие и скачущие по скалам водопады.

Земная жизнь — ни на час не прерывающееся путешествие. Идем, идем; внезапно отворяются врата вечности, и мы теряемся в ее необразимом пространстве. Как прекрасно говорит святый Давид: *Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоея!*[1] Точно: Закон Христов — нить, по которой мы выбираемся из мрачного лабиринта земной жизни в блаженную вечность.

Будьте здоровы, благополучны!

1847 года сентября 6 дня

[1] Пс. 118. 19.

№ 4

Среди глубокой, мрачной ночи уныло тянутся звучные отклики часовых, прерывают ее священную тишину. Ободряет, утешает часового голос его товарища: на душу его действует благотворно та мысль, то чувство, что есть человек в одинаковой с ним доле, в одной участи.

Утешителен, отраден для христианина голос его собрата в этой тьме и сени смертной, в которой мы совершаем наше земное странствование, шествуя к небу. Что скажу Вам с отдаленной моей стражи? Какую мысль утешительную понесут к Вам мои звуки? — Услышьте то, что и мне доставляет особенную пользу; услышьте слова Спасителя, предложенные Им для общего сведения, назидания, подкрепления всех странников земли: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21. 19).

Ах! нужно нам помнить это наставление Спасителя, нужно держаться за него непрестанно, как держится слепец за руку путеводителя; потому что скорби то и дело передают нас одна другой, как волна волне; перепродают нас одна другой, как жестокий господин продает невольника другому господину, столько же или более жестокому. И когда уже душа и тело истончатся скорбями, соделаются слабыми, ничтожными подобно паутине — принимает нас гроб!..

Для преодоления иной скорби нужно мужество; для исшествия из другой — мудрость; для избавления от третьей — смирение. Но во всех скорбях, при всех прочих добродетелях, непременно нужно терпение. Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтоб пребыть добродетелию, нуждается в терпении. Кто же поколеблется в добродетели, не претерпит в ней до конца, тот теряет свою добродетель. Господь сказал о благоугождающих Ему, что они *плод творят в терпении* (Лк. 8. 15), повелел *душу свою стяжавать в терпении* (Лк. 21. 19), возвестил, что *спасется* только претерпевый до конца (Мф. 24. 13).

Вот отклик мой на Ваш призыв из моего уединения! Да проникнет он во внутреннюю храмину сердца Вашего, да раздастся в ней, да прольет в ней кроткое утешение, утешение, которое подают небесное слово и небесная надежда. Это — голос вопиющего из пустыни, молчащего в пустыне!..

И опять погружаюсь в мое молчание, в мою даль, в мою неизвестность, темные, вдохновенные, как ночь глубокая. Так молчит часовой, вытянувший свой урочный, заунывный отклик!

Христос с вами!

1847 года сентября 11 дня

№ 5

С Божиею помощию отвечаю на письмо Ваше. Сказал Господь: *Никто же может приидти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя привлечет его* (Ин. 6, 44). Итак, хотя орудие призвания — человек, но призвание — Божие; призывающий Бог. Ощутив это призвание, которое сделалось Вам слышимым по совершении уже многого пути в земном странствовании, не ожесточите сердца Вашего. А ожесточается оно *лестию греховною*, как сказал святый Апостол Павел. *Блюдите братия*, — говорит он, — *да не будет когда в некоем от вас сердце лукаво, исполнено неверия, во еже отступити от Бога жива* (Евр. 3. 12).

Не советовал бы я Вам входить в подробное и тонкое разбирательство грехов и греховных качеств Ваших. Соберите их все в один сосуд покаяния и ввергните в бездну милосердия Божия. Тонкое разбирательство грехов своих нейдет человеку, ведущему светскую жизнь: оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение. Бог знает наши грехи и если мы будем постоянно прибегать к Нему в покаянии, то Он постепенно исцелит самую греховность нашу, то есть, греховные навыки, качества сердца. Грехи, соделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному; а в тонкое разбирательство греховных качеств, повторяю, не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производимому в нас смущению и унынию, хотя по наружности и облечена в благовидность добра. Нужно это черное покрывало для иноков, чтоб закрывать ими лучи благодати, сияющие из ума их и сердца; нужно это черное покрывало для иноков уже преуспевших, которых зрение греховности своей не может привести в безнадежие, приводит только в смирение. Так некогда носил покрывало на сияющем лице своем Боговидец Моисей.

Надо признавать, — и это признание будет вполне справедливым, — надо признавать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это — следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину; так всегда падаем и ныне. Оттого в нас такая переменчивость! Утром я таков, к полудню иной, после полудня еще иной, и так далее. Оба мира действуют на меня, я подчинен обоим им, в плену у обоих их. Мир духов действует чрез помышления и сердечные ощущения; мир вещественный — чрез чувства телесные. Оба манят ко вкушению плода

запрещенного. Телесным чувствам, зрению, слуху, осязанию представляется этот плод прекрасным; помысл, — слово невидимого существа, внушает, твердит: «вкуси, узнай!» Манит любопытством, подстрекает тщеславием. Раздается в душе нашей голос обольстителя, голос, который услышали во первых наши прародители в раю; раздается голос: *будете яко бози*. Раздается и соблазняет; соблазняет и убивает. Потому-то дана человекам новая добродетель: «смирение», дано новое внутреннее делание: «покаяние». И делание и добродетель — подлинно странные! Они радикально противоположны тому, чрез что мы пали. Покаянием умерщвляется пагубное влияние чувств телесных; а смирением уничтожается высокоумие, тщеславие, гордость житейская, словом все, что человека, попросту сказать, с ума сводит.

Как же быть! — Не должно смущаться бывающими переменами, как чем необыкновенным; не должно пускаться в тонкое разбирательство грехов, но проводить жизнь в постоянном покаянии, признавая себя грешным во всех отношениях и веруя, что милосердый Господь всякого, лишь признавшего греховность свою, приемлет в объятия Своего милосердия, в недро спасения. Это разумеется не о грехах смертных, покаяние в которых принимается Богом только тогда, когда человек оставит смертный грех. Занятия по дому и хозяйству очень полезны: удаляют от праздности и облегчают уму невидимую его борьбу. Борьба при праздности возводит в сильный подвиг, позволительный только тому, кто к нему вынужден обстоятельствами или приведен Богом. Благоразумие требует не выходить на борьбу, превышающую силы, напротив того — по возможности облегчать ее для себя. Веруйте Всемогущему Богу, надейтесь на Него, живите терпеливо и постоянно, живите в простоте, в покаянии и смирении, предавайтесь Воле Божией, когда случится сбиться с правого пути — снова на него направляйтесь — и спасетесь.

№ 6

Святая истина извещается сердцу тишиною, спокойствием, ясностию, миром, расположением к покаянию, к углублению в себя, к безнадежию на себя, к утешительной надежде на Бога. Ложь, хотя бы и облеклась в личину добра, познается по производимому ею смущению, мраку, неопределительности, переменчивости, развлечению, мечтательности; или же она только обольщает сердце — льстиво приносит ему довольство, упитательство собою, какое-то неясное, мутное наслаждение. И это

наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого, темного омута, — жилища чудовищ. Между прочими обманчивыми тлетворными зефирами, навевающими на сердце эту страшную тишину, это бедственное, гибельное наслаждение, навевает их на него и чтение известной книжки Фомы Кемпийского, западного монаха, находившегося в бесовской прелести, книжки «Подражание». Обольстительное наслаждение питается самомнением, которое рождается от тонко действующего тщеславия, ослепляющего ум и сердце; оно любит высказать себя, оно позволяет себе отклоняться от точного повиновения Святой Церкви, — умнее ее, оно, как и все прелести, козни диавола, как сам диавол и его чадо — грех, не терпят благоухания для них смертоносного, убийственного благоухания, которое издают из себя покаяние и его плод — смирение. Спаситель мира сказал: «Блаженни нищии духом, блаженни алчущии ныне, блаженни плачущие ныне, и — горе вам — насыщеннии ныне».

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющие его злыми помыслами имеют более, чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу, — его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельного от вина поддельного. Что дело сердца отличать добро от зла и что сердце не вдруг стяжавает способность совершать принадлежащее ему дело, — то и другое засвидетельствовал Апостол: *Совершенных есть твердая пища,* — сказал он, — *имущих чувствия обучена долгим учением в рассуждении добра же и зла* (Евр. 5. 14). Потому-то, доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный совет ближнего — воспитанника Восточной Церкви, единой святой, единой истинной, — ищущего и нашедшего в повиновении ей блаженную свободу. От послушания, — сказал святой Иоанн Лествичник, — рождается истинное смирение; от смирения — истинное духовное рассуждение, или разум. Итак, вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения. Отличается добро от зла очень многими признаками, которые познаются по мере духовного преуспеяния. В начале письма моего я назвал

те признаки, которые ближе к душевному состоянию Вашему. И они очень достаточные признаки! Приучайтесь мало-помалу по ним различать добро от замаскированного зла.

Христос с вами!

№ 7

Будь храбр, сражайся мужественно, стойко, упорно. От лености не предавай победы врагу. После поражения — не унывай; снова за меч и — на сраженье! Язвы, полученные в бою, цели покаянием. Вот регул для невидимой душевной брани.

Кому Господь захочет даровать духовное преуспеяние — попущает брани. Душевное искушение выминает, усмиряет человека, как коня гонка на корде. Победителю дозволяется вход на вечерю благодати. И входит он, и вкушает, и наслаждается за вечерею Господа своего, как воин на пиру у царя, воин, доказавший преданность свою царю постоянством, мужеством, самыми язвами, победою.

Христос с тобою. Он да укрепит тебя.

№ 8

Почему Вы говорите, что Вы недостойны моего расположения, и даже снисхождения? Я — ничто иное, как непотребный грешник, имеющий крайнюю нужду в милосердии Божием, без которого верный мой удел — ад. Мой Бог говорит мне: *в нюже меру мерите, возмерится вам и имже судом судите, судят вам.* Нуждаясь в милости Бога моего, нуждаясь в ней в полной мере, имею для ближнего моего — одну милость. Внимая совести моей, когда она извешивает и ценит мое достоинство, желаю, чтоб она поставляла меня ниже всех преступников. Осуждаемый совестию моею, я не могу судить ближнего, тем более осуждать кого-либо. Хорошо быть у ног ближних своих образом своих мыслей: тогда делается доступным для человека Евангелие Христово!

Вот каковы мои чувства к Вам! Письмо Ваше тронуло меня, и это причина, по которой я ответом иду к Вам в чужие края, может быть, уже настигаю Вас. Вы в скорби от того, что в борьбе, в борьбе от того, что закон Христов духовен, требует распятия. Вы найдете утешение в том, что человечество никогда не приступало к распятию без борьбы. Доказательством — Сам Богочеловек. Он молился в саду Гефсиманском, *да мимоидет от Него чаша* и пот Его падал на землю, *яко капли крове.* Если вы видите, что немощь

побеждает Вас, то знайте, что Господь силен дать *крепость людям Своим*, — как говорит святой Давид. Те люди Богу свои, тем своим людям Он дает крепость, которые сохраняют верность к Нему в произволении в то время, как немощь их производит нарушение верности в делах. Вспомните, что Христос пришел призвать грешников, а не праведников на покаяние. Встаньте в ряды грешников, припадите в смирении к стопам Христовым, предаваясь воле Его, поручая Его воле ваше настоящее и будущее. А Он прольет мир и спокойствие в душу вашу, чем самым покажет, что Он близ Вас, что Промысл Его бдит над Вами. Некоторый святой Отец сказал: «Блажен человек, познавший свою немощь: потому что праведник, не познавший своей немощи, находится на весьма опасном пути». Другой говорит: «Если Христос пришел не для праведников, то я отвергаю мою правду, как грех, отлучающий меня от Христа, и в том, что я грешен, нахожу мою правду, правду небесную, доставляющую мне средство приступить ко Христу и быть с Ним». Все это пишу Вам в утешение, чтоб Вы, видя, что Вы в долгу у Христа, приходили не в безнадежие и скорбь, но в смирение, благодушествовали по причине упования на Христа, которое не посрамит. — Он всесилен.

№ 9

С сердечною приятностию вспоминаю, как вы 00 ноября прошлого года посетили Сергиеву пустыню. Там, в храме Божием, при молитвах и песнопениях богослужения, вы встретили день вашего Ангела, благодарили Бога за прошедшее, молили Его о будущем, — благодарили Ангела хранителя вашего за прошедшее хранение, просили его сохранять Вас на будущее время земной жизни, и до конца этой жизни, и до самого входа в блаженство вечное — пред лице Бога. После Божественной литургии Вы пожаловали в мои келлии; там мы утешились взаимною любовию о Господе, беседою о Господе. Утешение на земле! — видеть человека, боящегося Бога, приносящего Ему в жертву полученные от Него жизнь и способности. К несчастию, бóльшая часть людей поступают иначе: дары Божии приносят в жертву сатане.

Благодарю милосердого Господа, приведшего меня отдохнуть в уединении от молв столичных. Уже не незнакомы мне чувства, посещающие человека в уединении. Потому-то так удобно и сманила меня пустыня уединенная из Сергиевой пустыни, шумной. Укрепляет душу уединение, вдыхает в нее какое-то мужество,

какое-то презрение к миру, чего в прикосновении с миром ощутить невозможно. Когда душа попрет тление отречением от тления, тогда все тленное, без исключения, делается тленным, а на весы сердца, которое не может довольствоваться ничем, нисходит духовное созерцание. Оно делает жителя безмолвной келлии жителем, можно сказать, рая, — вводит его в новый мир, пред которым здешний мир очень тесен, ничтожен. В тишине безмолвия душа плавает как бы в каком необъятном пространстве, смотрит на минувшее, на настоящее, на землю, на небо, на время, на вечность. Так в ясную погоду гуляет орел в недосягаемой высоте, в прозрачной лазуревой бездне.

Чем обширнее пространство, занимаемое ландшафтом, тем великолепнее зрелище. Хороши красоты, которые человек может выразить, описать словом, но несравненно выше те, которые превышают слово, приводят сердце в восторг, а ум как бы лишают способности действовать. Говорят, в Швейцарии с одной необыкновенной, утесистой высоты представляется взорам живописнейший, восхитительнейший ландшафт; некоторые путешественники, взобравшись на эту ужасную высоту, так были поражены великолепием зрелища, что от изумления не устояли на ногах, низверглись с высоты, разбились. Точно так действует духовное созерцание! — Кто внезапно увидит его — от изумления ввергается в эту бездну, умирает для мира! — Не ожили вышеупомянутые путешественники: черные, деревянные кресты над прахом этих сынов Британии стоят у подошвы швейцарского утеса; я сказал бы: умерщвленный видением духовным для мира не оживет уже для мира. Увы! я сказал бы несправедливо; а потому не могу сказать! Увы! Оживает человек и для смерти! Ожил Соломон для смерти! Ожил для нее Иуда! Ожили для нее многие!.. Увы! как мы слабы, как переменчивы!.. Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!.. Взоры мои ищут отрады, утешения — и внезапно они обращаются к пустыне, к уединению!.. Там, там всего безопаснее!.. Туда стремись — душа моя!.. Беги!.. Если ноги недостаточны для быстрого течения, возьми крылья! Несись!.. лети!.. Спасайся от челюстей зверя: мира! Будь подобна блаженной жене, побежавшей, улетевшей в пустыню — той жене, которую видел зритель духовных таин — Иоанн. Ноги — здравый о Господе разум; крылья — вера: машет ими, могучими крыльями, переносится чрез дебри, воды, степи, горы — тот, кому их дал Христос. У Него будем просить веры; пример показали нам Апостолы; они говорили и молили: *Господи, приложи нам веру*[1].

Да дарует нам Господь на крыльях веры перелететь чрез житейское море и влететь в блаженную пристань: Небо.

[1] ...*умножь в нас веру* (Лк. 17. 5).

№ 10

Мне?.. Ничего не нужно! — Что нужно мне, что нужно для убогой жизни моей, того я просил: просил о увольнении меня в уединение.

И дам Вам маленький отчет о уединении. Это — тихая, мирная смерть прежде смерти, которая — непременный удел каждого человека, которая для грешников, для рабов мира — люта. В уединении сглаживаются постепенно с ума человеческого впечатления, начертанные на нем предметами мира — и ум постепенно теряет свое общение с миром. Он глядит на мир как бы из страны загробной, как бы с того света. Чтоб пояснить себе это — подумайте о Китае, — потом взгляните на себя, посмотрите — какие отношения ума и сердца Вашего к этой стране. Вы увидите в душе Вашей только понятия темные, от одного сказания, — понятия, чуждые жизни, которую им дает взор на предметы, общение с ними, близкое сочувствие ко всему. Вы увидите, что сердце Ваше к этой стране — также мертво, как бы к стране вовсе несуществующей или существующей только в баснях. Таким кажется мир для отшельника, для жителя пустыни, дальней и глубокой. Все живущие в мире представляются ему не как постоянные жители, а только как путешественники. И точно! живем: путешествуем. Одни идут скромно пешком, другие скачут на конях, иные несутся на быстрых колесницах; конец — один для всех... Но уже мало житель уединения смотрит и этими взорами на мир, как мало житель Петербурга думает, заботится о Китае. Больше, существенно, единственно занимает его тот мир, куда он переселился: этот мир — вечность. Отворились широко врата его пред изумленными взорами души, и взоры души жадно устремились в эти беспредельные пространства, тонут в них, заглядываются на вновь открывшееся, доселе незнакомое, вполне неизвестное доселе — зрелище; приковались к нему, не могут оторваться... Вечность!.. Туда утекли все предшествовавшие нам времена; в этой пропасти скрылись все миллионы людей, сменявшиеся поочередно на лице земли; пред нею, пред ее взорами родился мир, размножилось человечество, образовались племена, народы, царства, пред ее взорами уже многие цветущие царства обратились в пустыни, многие

великие грады сравнялись с землею, вросли в землю, покрылись ею; пред ее взорами пустыни безлюдные, леса дремучие, болота непроходимые соделались цветущими жилищами человеческого общества, многочисленного, образованного, шумного... На все это смотрела, смотрит равнодушно, с холодной суровостию — вечность. Ничто ее не насыщает и ничто не насытит. Все в ней должно исчезнуть: все — ее жертва; на все глядит она, как жаркое вешнее солнце на хрупкий, слабый вешний снег... А на вечность смотрит, засматривается в безмолвии, в тишине своего уединения, отшельник. Наставленный этим зрелищем он признает, называет все временное, как учит называть его Священное Писание, суетою; он убеждается, что назначение человека — не для земли, а для неба. И Небо открыло нам, в Евангелии, каковы должны быть небожители. С этим законом Бога Вышнего справляется ежечасно Его истинный служитель; — справляется, не уклонились ли ум и сердце куда в сторону, не исполняют ли какую другую волю, волю мрачную, волю злобную, волю тленную... При такой жизни небо нисходит на землю, а вместе с ним нисходит в эту юдоль тьмы, скорбей, плача — утешение, блаженство небесныя.

№ 11

Успокойтесь! Земная жизнь христианина растворена утешениями и искушениями. Так устроил Промысл Божий! Утешения поддерживают на пути Божием, а искушения упремудряют.

Общество, беседа с людьми благочестивыми приносят существенную пользу. Но для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым; надо иметь духовную опытность, а более всего духовное помазание. Таково об этом предмете учение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный, скорее может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян, — из среды монашествующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и вывесил душу, с ним советующуюся, и из нее, из ее достояния, преподал бы ей совет. Ныне советники и руководители больше преподают совет из себя и из книги. А первого рода совет, тот-то особенно полезен и действителен; он очень близок к душе, ищущей приютиться под сению совета, — своего ей; это она чувствует. Святый Исаак сказал: «ничего нет каждому полезнее, как совет свой». А совет чуждый, хотя, по-видимому состоящий из благих разумных слов, приносит душе лишь мучение, расстройство. Она чув-

ствует его несообразность, чувствует, что он чужд ей. *Суть*, — говорит Писание, — *иже глаголюще уязвляют, аки мечи: языцы же премудрых исцеляют*[1].

Прибегайте больше к чтению святых Отцов, пусть они руководствуют Вас, напоминают Вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми Отцами позднейших веков. Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в жизни своей Отеческими писаниями. *Совет святых — разум* (Притч. 9. 10).

Старайтесь не увлекаться рассеянностию. Если же случится увлечься ею — по немощи, сродной всем нам, человекам, — не предавайтесь унынию. Неподательность не свойственна человеку на земли — ниже жителю глубочайшей пустыни и уединения. Переменчивость и увлечение действуют непременно в каждом человеке — и в строжайшем отшельнике. Тем более живущему посреди мира, посреди всех соблазнов, невозможно не увлекаться. Не желайте от себя невозможного, не требуйте от души Вашей того, чего она не может дать. Врачуйте Ваши увлечения покаянием, а недостаток делания Вашего восполняйте сокрушением духа.

Бог да благословит Вас!

[1] *Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует* (Притч. 12. 18).

№ 12

Быстро летящее время уже приблизилось к грани 1847 года. Скоро перелетит чрез эту грань, и год, который мы доживаем, поступит в число лет минувших, невозвратимых. Из бесчисленных событий его некоторые запишутся на скрижалях истории на память долговременную человечеству, некоторые сохранятся в воспоминании на столетие, на полустолетие, некоторые сохранятся еще на менее продолжительное время; — большая часть погрузится в бездну забвения, — в ней потонут, погребутся, исчезнут.

Скоро промчался 47-й год; так же скоро промчится и 48-й; скоро протекут многие годы, пожирая друг друга, приходя на смену друг другу. И мы незаметно пролетим пространство жизни на крыльях времени, незаметно прилетим к самым вратам в вечность!.. Стареюсь, — мне представляется, что время сдела-

лось торопливее! Спешит, спешит!.. Остановись! Дай нам вглядеться в себя и подробнее узнать Волю Божию, приготовить себя к вечности, как к вечности! — Не внимает неумолимое! Летит!.. Человеки! Вам заповедал Бог: *бдите*! Вам сказал Бог о времени: *дние лукави суть*.

Пред вступлением в поприще 48-го года приношу Вам искреннейшее, сердечное желание всех возможных благ, в особенности тех истинных и духовных благ, доставляемых верою Христовою, которых Бог внушил искать Вам. Приобретайте их, приобретайте всеми делами благочестия! В основании же всех дел должна лежать истина; так в основание здания кладут твердый, краеугольный камень! Хранится богодарованная, богооткрытая человеческая святая истина в Священном и Святом Писании. Здание добродетелей, когда зиждется не на этом основании, вполне непрочно, непотребно.

Очень рад, что Вам так нравится в Москве, особливо по причине Святынь, которыми богат этот древний христианский город. Но и в таком прекрасном месте должно наблюдать за своим сердцем, при свете, который издают из себя Священное Писание и писания святых Отцов, а отнюдь не при нашем собственном свете, поврежденном падением, зараженном прелестию, или при каком-нибудь другом ложном свете. Пишете: «Вы не можете знать, что в душе моей происходит. Мне кажется, что человек сам, если желает освидетельствовать душу свою и вникнуть по совести в ее движения, может лучше всех себя узнать». На первое я согласен: по греховности моей и слепоте ума, происходящей от греховности, я не вижу себя, — тем менее вижу других. Поэтому стараюсь вникать — и вникать в учение Священного Писания, принимая его в том смысле, в каком объясняют его святые Отцы, в каком принимает Святая Церковь, а не в том, какой ему дают бесы и последователи их. И бесы толкуют Писание на погибель и прельщение внимающим им! Авось при свете, при истинном свете, который издают из себя Евангелие и Святая Церковь, сколько-нибудь увижу себя, увижу тьму мою, увижу слепоту мою! *Сердце мое заблуждает, и беззаконие погружает мя, душа моя стоит в страсе*, — говорит видевший себя святой Пророк (Ис. 21. 4). Зрение себя является в нищете духа, а не в самодовольстве и самонадеянности.

Вторая половина вышеприведенных ваших слов испугала меня! В ней что-то опасное! Не останавливаюсь написать Вам слова преподобного Дорофея, пришедшие теперь мне на память: «Ненави-

дит враг глас утверждения: понеже всегда хощет погибель нашу. Виждь — чего ради любит составляющих себе: понеже помогают диаволу сами себе наветы творяще. Аз ино падение не вем иноку, но от еже веровати своему сердцу. Неции глаголют: сим падает человек, или сим. Аз же, яко же рех, ино падение бываемо кому невем, разве от сего. Видел ли еси кого падша? увеждь, яко себе последова. Ничтоже сего тягчайше, ничтоже губительнейше», и проч. Угодно узнать всю статью? Прочитайте ее в книге Аввы Дорофея, под заглавием: «О еже не составляти свой разум».

Господь да хранит Вас от всех невидимых сетей миродержителя, и да спасет Вас во славу Святого Имени Своего.

1847 г. декабря 27 дня
Бабайки

№ 13

Святая Церковь в благодатных, боговдохновенных песнопениях своих называет Духа Святаго — Утешителем, называет Утешителем Сына Божия; — Утешитель — и Отец, непостижимо рождающий Сына и непостижимо испущающий Святаго Духа. Утешитель — Дух; Утешитель — Сын; Утешитель — Отец. Если лучи — свет и огнь, то и солнце, из которого они текут, свет и огнь.

Троице Святая — Бог, — слава Тебе! Слава Тебе, Боже, даровавшему нам бытие, даровавшему нам спасение, дарующему нам, во тьме и сени смертной сидящим, познание истины и утешение, истекающее от веяния на нас Духа Святого Твоего, содействующего Святой Истине Твоей, которая — Твое Слово. Познавшие и приявшие Святую Истину вступили под влияние, водительство Святаго Духа, суть часть Господня, жребий его. Во главе прочих знаний и впечатлений, не оглавленных Истиною, — сатана. И последуют сатане ангели его: они часть сего; жребий их с ним. Землю да снедят вся дни живота своего и на персях своих да ходят. Такое определение низошло на них от Судии всех — Бога. Удел их — плотский разум; облачение — ветхость Адамова.

Святая Истина, Слово Божие говорит: *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие*. Скорби — особливо удел нашего времени, которому в удел не даны ни подвиг мученичества, ни подвиг монашества. Участок наш, христиан времени последнего, участок скорбей, по-видимому, мелочных, ничтожных. Весы у Бога! Пред Ним, на Его весах всякая скорбь ничтожна, всякая скорбь маловажна, как бы велика она ни была: потому что осенение Его силы и благодати может обратить ве-

личайшую скорбь в величайшее наслаждение. Так и маленькая скорбь имеет пред Ним всю ценность, никак не менее великой скорби. Все зависит от Его благодати, — а Он милостиво от человека приемлет всякую скорбь, принимаемую с благодарением, с покорностию, с славословием.

Постигшую Вас болезнь невольно соделайте, посредством благодарения, произвольною жертвою, и да примет ее Бог, как кадило, исполненное благовоннейшего духовного фимиама. Фимиам — благодарение.

№ 14

Святая православная Церковь признает, что нет греха человеческого, которого бы не могла омыть кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Сколько бы раз ни повторился грех человеческий, — кровь Богочеловека может омыть его. Грехи всего мира ничего не значат пред всесвятою кровию вочеловечившегося Господа, пролитою за нас. *Той язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем: язвою Его мы*, человеки, *исцелехом*[1]. Пребывает не исцеленным только тот, кто сам отвергает дарованное ему и всем человекам исцеление и спасение. Так обильно излилась на нас милость Божия, что самый тягчайший грех, повторенный человеком тысячу раз, может быть изглажен покаянием человека[2]. Покаяние — вера, покаяние — признание искупления и Искупителя! покаяние — усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! покаяние — самоотвержение! покаяние — признание падения и погибели, объявших весь род человеческий! покаяние — отречение от всякой добродетели человеческой! Всю надежду возлагает покаяние на Искупителя! одни заслуги Искупителя имеют всю цену, необъятную цену! без цены, без малейшей цены добродетели человеческие! Они заимствуют цену от веры в Искупителя, когда они — выражение этой веры — исполнение воли Искупителя! Покаяние восполняет собою недостаток добродетелей человеческих, присваивает человеку добродетели Искупителя! Бог дал нам покаяние в помощь нашей немощи. Ах, как многообразна и велика немощь наша! Иной человек ненавидит грех свой, но так привык ко греху, так бессилен для борьбы против него, что не престает впадать в ненавидимый, мерзостный грех, увлекаясь насилием преобладающего навыка. Несчастному рабу греха пристанище — покаяние! Сколько бы раз ни случилось ему подвергнуться нравственному бедствию — он может войти в это пристанище,

починить в нем сокрушенную ладью душевную. Церковная история сохранила следующую беседу между некоторым страдавшим от греха иноком и одним из величайших угодников Божиих, обиловавшим духовными дарованиями, по причине этого обилия получившего наименование Великого: брат спросил Сисоя Великого: «Отец! что мне делать? я пал». Старец отвечал: «восстань». Брат сказал ему: «я восстал, и опять пал». — Старец отвечал: «опять восстань». — Брат сказал: «доколе же мне будет восставать и падать?» — Великий отвечал: «доколе не будешь взят из этой жизни». — Эту повесть вы найдете в книге «Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных Отцов»; также она помещена в Четьих Минеях, в житии преподобного Сисоя Великого, 6 июля. Должно предполагать, что угодник Божий дал такой ответ человеку, имевшему несчастный навык ко греху, навык как бы непреодолимый. Встречаются люди, подвергшиеся этому бедствию. Слово «пал» изображает, что грех брата был тяжкий, смертельный.

Однако ж надо знать, что Бог дал покаяние единственно в помощь немощи нашей, — отнюдь не для потачки греху. Дар Божий не должно употреблять во зло, должно обходиться с ним очень благоговейно, благоразумно, осторожно. «Кто, в надежде на покаяние, повторяет “свои грехопадения”, — сказал святой Исаак Сирский, — тот ведет себя лукаво по отношению к Богу, такового постигает нечаянная смерть» (Слово 90). Должно со всею тщательностию храниться от впадения вообще во все грехи, великие и малые, как от выражения вражды на Бога.

Самый тяжкий грех — отчаяние. Этот грех унижает всесвятую кровь Господа нашего Иисуса Христа, отвергает Его всемогущество, отвергает спасение, Им дарованное, — показывает, что в этой душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение были чужды ей. Более, нежели от всех других грехов, надо храниться, как от смертоносного яда, как от дикого зверя, от отчаяния. Повторяю: отчаяние — злейший грех между всеми грехами. Созревшее отчаяние обыкновенно выражается самоубийством или действиями, тождественными самоубийству. Самоубийство — тягчайший грех! Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения. Святая Церковь не совершает о нем никакого поминовения, не удостаивает отпевания и лишает погребения на христианском кладбище.

За самоубийством следуют по тяжести своей грехи смертные, каковы: убийство, прелюбодеяние, ересь и другие, подобные им.

Эти грехи, хотя и менее пагубны, нежели самоубийство и ведущее к самоубийству отчаяние, хотя совершившему их остается возможность покаяния и спасения, но называются *смертными*. Пребывающий в них признается умершим душою, пребывающий в них не допускается правилами Святой Церкви к приобщению святых Христовых Таин, к участию в богослужении. Если смерть постигнет его не покаявшимся в этих грехах, то вечная гибель его несомненна. Покаяние человека, пребывающего в смертном грехе, тогда только может быть признано истинным, когда он оставит смертный грех свой. Тогда он только может быть допущен к соединению со Христом чрез приобщение Святых Таин! И потому после главного греха — отчаяния и самоубийства, надо с особенною тщательностию охраняться от смертных грехов, с твердым и решительным намерением в душе — не впадать в них. Если ж случится несчастие впасть в какой смертный грех, то надо оставить его немедленно, исцелиться покаянием и всячески храниться, чтоб снова не впасть в него. Если же, по какому-нибудь несчастному стечению обстоятельств, случится снова впасть в смертный грех, не должно предаваться отчаянию — должно снова прибегать к Богом дарованному врачевству душевному, покаянию, сохраняющему всю силу и действительность свою до самого конца жизни нашей.

Есть грехи не смертные: одни из них тяжкие, другие легче. Надо сперва отучаться от грехов тяжелых, а потом и от легких. Например: грех несмертный — объядение; также грех несмертный — лакомство. Объядение грубее и сопряжено с более вредными следствиями, нежели лакомство, и потому надо сперва отучаться от многоядения, а потом от сластоядения. Впрочем, и несмертные грехи, каковы: объядение, лакомство, роскошь, празднословие, смехословие и другие, выросши и объявши человека, могут очень близко подойти к грехам смертным. Грех, овладевший человеком, называется *страстию*. Страсть подлежит вечной муке, — сказали отцы (преподобный Нил Сорский. Слово 1). И потому никак не должно пренебрегать грехами несмертными, особливо должно наблюдать, чтобы какой-нибудь грех не вырос, и не образовалась в навыке к нему страсть. Для очищения от таких грехов и для лучшего наблюдения за собою, Святая Церковь положила каждому православному христианину никак не менее четырех раз в год (в крайности же непременно однажды) прибегать к святому таинству исповеди. Святая исповедь приносит двоякую пользу: доставляет прощение от Бога в содеянных грехах и предохраняет

от впадения вновь в грехи. «Душа, — говорит святой Иоанн Лествичник, — имеющая обычай исповедовать грехи свои, удерживается от нового впадения в них воспоминанием об исповеди, как бы уздою. Грехи же неисповеданные удобно повторяются, — как бы совершенные во мраке» (Лествица. Слово 4).

Есть грехи, совершаемые словом. Их никак не должно считать маловажными! От слова шуточного до слова преступного — самое краткое расстояние! *От слов своих оправдишися, и от слов своих осудишися* (Мф. 12. 37), — сказал Спаситель. Язык совершил великие преступления: произнес отречения от Бога, хулы, ложные клятвы, клеветы на ближнего. Отречение от Христа и богохульство причисляются к тягчайшим смертным грехам.

Есть грехи, совершаемые мыслию, ощущениями сердечными, движениями тела. Все они не малы, все вражда на Бога! Но когда мысль и сердце наслаждаются грехом, любят как бы осуществлять его мечтанием испещренным, украшенным и продолжительным, — таковый тайный душевный грех близок к греху, совершаемому самым делом.

Человек должен избегать со всею тщательностию всех вообще грехов. В тех же грехах, в которые по немощи впадает делом, словом, помышлением и всеми чувствами, должен ежедневно приносить раскаяние пред Богом, — что всего лучше делать по совершении правила, отходя ко сну. Сверх того должен ежегодно очищать совесть свою четыре раза святым таинством исповеди. Если ж случится впасть в смертный грех, нисколько не медля надо исповедать его пред отцом духовным. Господь да сохранит Вас от великого душевного бедствия — смертного греха, да дарует Вам силу удаляться и от прочих грехов, больших и малых. Аминь.

[1] *Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились* (Ис. 53. 5).

[2] Житие преподобной Марии Египетской. Четьи-Минеи, 1 апреля.

№ 15

Достойное горького рыдания зрелище: христиане, не знающие, в чем состоит христианство! А это зрелище почти беспрестанно встречают ныне взоры; редко они бывают утешены противоположным, точно утешительным зрелищем! Редко они могут в многочисленной толпе именующих себя христианами остановиться на христианине, и именем, и самым делом.

Вопрос, предложенный Вами, теперь предлагается сряду. «Отчего не спастись, — пишете Вы, — язычникам, магометанам и так называемым еретикам? между ними есть предобрые люди. Погубить этих добрейших людей было бы противно милосердию Божию!.. Да! это противно даже здравому разуму человеческому! — А еретики — те же христиане. Считать себя спасенным, а членов прочих верований погибшими, это — и безумно, и крайне гордо!»

Постараюсь отвечать Вам в немногих по возможности словах, чтоб многословие нисколько не повредило ясности изложения. — Христиане! Вы рассуждаете о спасении, а не знаете — что спасение, почему человеки в нем нуждаются, наконец — не зная Христа — единственное средство нашего спасения! — Вот истинное учение об этом предмете, учение Святой, Вселенской Церкви: спасение заключается в возвращении общения с Богом. Это общение потерял весь род человеческий грехопадением праотцев. Весь род человеческий — разряд существ погибших. Погибель — удел всех людей и добродетельных и злодеев. Зачинаемся в беззаконии, родимся во грехе. *Сниду к сыну моему сетуя во ад,* говорит святой патриарх Иаков о себе и святом сыне своем Иосифе целомудренном и прекрасном! Нисходили во ад по окончании земного странствования не только грешники, но и праведники Ветхого Завета. Такова сила добрых дел человеческих. Такова цена добродетелей естества нашего падшего! Чтобы восстановить общение человека с Богом, иначе для спасения, необходимо было искупление. Искупление рода человеческого было совершено не Ангелом, не Архангелом, не каким-нибудь еще из высших, но ограниченных и сотворенных существ — совершено было Самим беспредельным Богом. Казни — жребий рода человеческого, заменены Его казнию; недостаток заслуг человеческих заменен Его бесконечным достоинством. Все добрые дела человеческие немощные, нисходившие во ад, заменены одним могущественным добрым делом: верою в Господа нашего Иисуса Христа. Спросили Господа Иудеи: *что сотворим да делаем дела Божия?* Господь отвечал им: *се есть дело Божие, да веруете в Того, Его же посла Он* (Ин. 6. 29). Одно доброе дело нужно нам для спасения: вера; — но вера — дело. Верою, одною верою мы можем войти в общение с Богом при посредстве дарованных Им таинств. Напрасно ж, ошибочно вы думаете и говорите, что добрые люди между язычниками и магометанами спасутся, то есть вступят в общение с Богом! напрасно вы смотрите

на противную тому мысль как бы на новизну, как бы на вкравшееся заблуждение! Нет! таково постоянное учение истинной Церкви, и Ветхозаветной, и Новозаветной. Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель! она признавала, что величайшие добродетели падшего естества нисходят во ад. Если праведники истинной Церкви, светильники, из которых светил Дух Святый, пророки и чудотворцы, веровавшие в грядущего Искупителя, но кончиною предварившие пришествие Искупителя, нисходили во ад, то как Вы хотите, чтоб язычники и магометане, за то что они кажутся Вам добренькими, не познавшие и не уверовавшие в Искупителя, получили спасение, доставляемое одним, одним, повторяю Вам, средством — верою во Искупителя? — Христиане! познайте Христа! — Поймите, что вы его не знаете, что вы отрицались Его, признавая спасение возможным без Него за какие-то добрые дела! Признающий возможность спасения без веры во Христа, отрицается Христа и, может быть не ведая, впадает в тяжкий грех богохульства.

Мыслим убо, — говорит святой апостол Павел, — *верою оправдатися человеку, без дел закона. Правда же Божия верою Иисус Христовою во всех и на всех верующих: несть бо разнствия. Вси бо согрешиша и лишени суть славы Божией: оправдаемы туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе*[1]. Вы возразите: «Святый апостол Иаков требует непременно добрых дел; он не научает, что вера без дел — мертва». Рассмотрите — чего требует святый апостол Иаков. Вы увидите, что он требует, как и все боговдохновенные писатели Священного Писания, дел веры, а не добрых дел падшего естества нашего! он требует живой веры, утверждаемой делами нового человека, а не добрых дел падшего естества, противных вере. Он приводит поступок патриарха Авраама, дело, из которого явилась вера праведника: это дело состояло в принесении в жертву Богу своего единородного сына. Заклать сына своего в жертву — совсем не доброе дело по естеству человеческому: оно — доброе дело как исполнение повеления Божия, как дело веры. Всмотритесь в Новый Завет и вообще во все Священное Писание: Вы найдете, что оно требует исполнения заповедей Божиих, что это исполнение называется делами, что от этого исполнения заповедей Божиих вера в Бога делается живою, как действующая; без него она мертвая, как лишенная всякого движения. И напротив того, вы найдете, что добрые дела падшего естества, от чувств, от крови, от порывов и нежных ощущений сердца — воспрещены, отвергнуты! А эти-то

именно добренькие дела Вам и нравятся в язычниках и магометанах! За них, хотя бы то было с отвержением Христа, Вы хотите им дать спасение.

Странно Ваше суждение о здравом разуме! С чего, по какому праву, Вы находите, признаете его в себе? Если вы христианин, то должны иметь об этом предмете понятие христианское, а не другое какое, самовольное или схваченное не ведь где! Евангелие научает нас, что падением мы стяжали лжемнимый разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни был достоинства природного, как бы ни был изощрен ученостию мира, сохраняет достоинство, доставленное ему падением, пребывает лжеименным разумом. Нужно отвергнуть его, предаться водительству веры: при этом водительстве, в свое время, по значительных подвигах в благочестии, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум Духовный. Этот разум можно и должно признать здравым разумом: он — извещенная вера, так превосходно описанная святым апостолом Павлом в 11 главе его Послания к Евреям. Основание духовного рассуждения — Бог. На этом твердом камени оно зиждется, и потому не колеблется, не падает. Называемый же Вами здравый разум мы, христиане, признаем разумом столько болезненным, столько омрачившимся и заблудшим, что уврачевание его иначе и не может совершиться как отсечением всех знаний, его составляющих, мечем веры и отвержением их. Если ж признать его здравым, признать на каком-то основании неизвестном, шатком, неопределенном, непрестанно изменяющемся, то он, как здравый, непременно отвергнет и Христа. Это доказано опытами. — Что ж нам говорит Ваш здравый разум? что признать погибель добрых людей, неверующих во Христа, противно Вашему здравому разуму! — мало того! такая погибель добродетельных противна милосердию такого всеблагого Существа, как Бог. — Конечно, было Вам откровение свыше об этом предмете, о том, что противно и что не противно милосердию Божию? — Нет! но здравый разум показывает это. — А! Ваш здравый разум!.. Однако ж, при Вашем здравом разуме, откуда Вы взяли, что Вам возможно собственным ограниченным человеческим умом постигать — что противно и что не противно милосердию Божию? — Позвольте сказать нашу мысль. — Евангелие, иначе Христово Учение, иначе Священное Писание, — еще иначе святая Вселенская Церковь открыли нам все, что человек может знать о милосердии Божием, превышающем всякое умствование, всякое постижение человеческое, недоступном для них. Суетно шатание

ума человеческого, когда он ищет определить беспредельного Бога!.. когда он ищет объяснить необъяснимое, подчинить своим соображениям... кого?.. Бога! Такое начинание — начинание сатанинское!.. Именующийся христианином и не знающий учения Христова! Если ты из этого благодатного, небесного учения не научился непостижимости Бога — поди в школу, прислушайся — чему учатся дети! Им объясняют преподаватели математики в теории бесконечного, что оно, как величина неопределенная, не подчиняется тем законам, которым подчинены величины определенные — числа, что результаты его могут быть совершенно противоположны результатам чисел. А ты хочешь определить законы действию милосердия Божия, говоришь: это согласно с ним, — это ему противно! — Оно согласно или несогласно с твоим здравым разумом, с твоими понятиями ощущениями! — Следует ли из того, что Бог обязан понимать и чувствовать, как ты понимаешь и чувствуешь? А этого-то и требуешь ты от Бога! Вот безрассуднейшее и вполне гордостное начинание! — не обвиняй же суждения Церкви в недостатке здравого смысла и смирения: это твой недостаток! Она, святая Церковь, только следует неуклонно учению Божию о действиях Божиих, открытому Самим Богом! Послушно за нею идут истинные ее чада, просвещаясь верою, попирая кичащийся разум, восстающий на Бога! Веруем, что можем знать о Боге только то, что Бог благоволил открыть нам! Если б был другой путь к богопознанию, путь, который могли бы мы проложить уму своему собственными усилиями, — не было бы даровано нам Откровение. Оно дано, потому что оно нам необходимо. — Суетны же и лживы собственные самосмышления и скитание ума человеческого!

Вы говорите: «еретики те же христиане». Откуда вы это взяли? Разве кто-нибудь, именующий себя христианином и ничего не знающий о Христе, по крайнему невежеству своему решится признать себя таким же христианином как и еретики, а святую веру христианскую не отличить от чада клятвы — богохульныя ереси! Иначе рассуждают об этом истинные христиане! Многочисленные сонмы святых прияли венец мученический, предпочли лютейшие и продолжительнейшие муки, темницу, изгнание, нежели согласиться на участие с еретиками в их богохульном учении. Вселенская Церковь всегда признавала ересь смертным грехом, всегда признавала, что человек, зараженный страшным недугом ереси, мертв душою, чужд благодати и спасения, в общении с диаволом и его погибелию. Ересь — грех ума. Ересь — более грех диавольский, нежели человеческий; она — дщерь диавола,

его изобретение — нечестие, близкое к идолопоклонству. Отцы обыкновенно называют идолопоклонство нечестием, а ересь — злочестием. В идолопоклонстве диавол принимал себе божескую честь от ослепленных человеков, а ересию он делает слепотствующих человеков участниками своего главного греха — богохульства. Кто прочитает со вниманием «деяния соборов», тот легко убедится, что характер еретиков — вполне сатанинский. Он увидит их ужасное лицемерие, непомерную гордость, — увидит поведение, составленное из непрерывной лжи, увидит, что они преданы различным низким страстям, увидит, что они, когда имеют возможность, решаются на все ужаснейшие преступления и злодеяния. В особенности замечательна их непримиримая ненависть к чадам истинной Церкви, и жажда крови их! ересь сопряжена с ожесточением сердца, с страшным помрачением и повреждением ума, — упорно держится в зараженной ею душе — и трудно для человека исцеление от этого недуга! Всякая ересь содержит в себе хулу на Духа Святаго: она или хулит догмат Святаго Духа, или действие Святаго Духа, но хулит непременно Святаго Духа. Сущность всякой ереси — богохульство. Святый Флавиан, патриарх Константинопольский, запечатлевший кровию исповедание истинной веры, произнес определение поместного Константинопольского собора на ересиарха Евтихия в следующих словах: «Евтихий, доселе иерей, архимандрит, вполне уличен и прошедшими его действиями и настоящими его объяснениями в заблуждениях Валентина и Аполлинария, в упорном последовании их богохульству, тем более, что он даже не внял нашим советам и наставлениям к принятию здравого учения. А потому, плача и воздыхая о его конечной погибели, мы объявляем от лица Господа нашего Иисуса Христа, что он впал в богохульство, что он лишен всякого священнического сана, нашего общения и управления его монастырем, давая знать всем, кто отныне будет беседовать с ним или посещать его, что они сами подвергнутся отлучению». Это определение — образчик общего мнения Вселенской Церкви о еретиках; это определение признано всею Церковию, подтверждено Вселенским Халкидонским Собором. Ересь Евтихия состояла в том, что он не исповедовал во Христе по воплощении двух естеств, как исповедует Церковь, — он допускал одно естество — Божеское. — Вы скажете: только!.. Забавен по своему недостатку истинного знания и горько жалостен по своему свойству и последствиям ответ некоторого лица, облеченного властию сего мира, святому Александру патриарху

Александрийскому о арианской ереси. Это лицо советует патриарху сохранять мир, не заводить ссоры, столько противной духу христианства, из-за некоторых слов; пишет, что он не находит ничего предосудительного в учении Ария, — некоторую разницу в оборотах слов — только! Эти обороты слов, замечает историк Флери, в которых нет ничего предосудительного, отвергают Божество Господа нашего Иисуса Христа — только! ниспровергают, значит, всю веру христианскую — только! Замечательно: все древние ереси, под различными изменяющимися личинами, стремились к одной цели: они отвергали Божество Слова и искажали догмат воплощения. Новейшие наиболее стремятся отвергнуть действия Святого Духа: с ужасными хулами они отвергли Божественную литургию, все таинства, все, все, где Вселенская Церковь всегда признавала действие Святаго Духа. Они назвали это установлениями человеческими, — дерзче: суеверием, заблуждением! Конечно, в ереси Вы не видите ни разбоя, ни воровства! Может быть, единственно поэтому не считаете ее грехом? Тут отвергнут Сын Божий, тут отвергнут и похулен Дух Святый — только! принявший и содержащий учение богохульное, произносящий богохульство, не разбойничает, не крадет, даже делает добрые дела естества падшего — он прекрасный человек! Как может Бог отказать ему в спасении!.. Вся причина последнего Вашего недоумения, так как и всех прочих, — глубокое незнание христианства!

Не думайте, что такое незнание — маловажный недостаток! Нет! его следствия могут быть гибельны, особливо ныне, когда ходят в обществе бесчисленные книжонки с христианским заглавием, с учением сатанинским. При незнании истинного христианского учения как раз можете принять мысль ложную, богохульную за истинную. Усвоить ее себе, а вместе с нею усвоить и вечную погибель. Богохульник не спасется! И те недоумения, которые Вы изобразили в письме Вашем — уже страшные наветники Вашего спасения. Их сущность — отречение от Христа! — Не играйте Вашим спасением, не играйте! иначе будете вечно плакать. — Займитесь чтением Нового Завета и святых Отцов православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых!); изучите в святых Отцах Православной Церкви, как правильно понимать Писание, какое жительство, какие мысли и чувствования приличествуют христианину. Из Писания и живой веры изучите Христа и христианство. Прежде нежели

придет грозный час, в который Вы должны будете предстать на суд пред Богом, стяжите оправдание, подаемое Богом туне всем человекам при посредстве христианства.

[1] *Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. ...Правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе* (Рим. 3. 28, 22–24).

№ 16

Ты сомневаешься в существовании ада и вечных мук? — повторяешь нынешнее модное возражение: «это несообразно с милосердием такого благого существа, как Бог».

Ах, друг мой! может ли такое слабое, ограниченное существо, как человек, судить сам собою о Боге Существе беспредельном, превысшем всякого постижения и суждения, — выводить положительные заключения о Боге из взглядов в себя? Оставь твои собственные суждения и верь от всего сердца всему, чему научает нас Евангелие. Сам Спаситель сказал: *И идут сии в муку вечную* (Мф. 25. 46), в другом месте сказал: *Во ад возвед очи свои* (Лк. 16. 23).Спаситель сказал, что есть ад, есть вечные муки; — к чему твое возражение! Если ж ты дашь место этому возражению, значит — сомневаешься в истине слов Спасителя, отвергаешь их. Кто из учения Христова отвергает хотя один догмат, тот отрицается Христа. Подумай хорошенько: твое сомнение — не так легкий грех. Если ж ты усвоишь его себе, будешь осуществлять словами — впадешь в грех смертный. Одно слово веры может спасти, и одно слово неверия может погубить душу. Разбойник в час смерти, уже на кресте, исповедал Христа — и отворил себе двери в рай; фарисеи, отвергнув Истину, похулили Духа Святого — и погибли. *От словес своих оправдишися, и от словес своих осудишися* (Мф. 12. 37), — возвестил Спаситель. — Если позволишь твоему разуму возражения против учения Христова, он найдет их тысячи тысяч: он неисчерпаем — когда попустим ему заразиться неприязнию ко Христу. Мало-помалу он отвергнет все догматы христианские! Не новость — этот плод необузданного, самовольного суждения; сколько от него явилось в мир безбожников, богохульников! По наружности, для неопытных глаз, они казались умами блестящими, разорвавшими цепи, вышедшими на свободу, открывшими истину, показавшими ее прочим людям. Но последствия показали, что мнимая их исти-

на — ужаснейшее, пагубнейшее заблуждение. Потоками крови омыты ложные мысли, и не вычистилась мысль этим омовением! Страшно запятнать мысль ложью: кровь человеческая не в силах омыть этих лютых пятен. Для такого омовения человечество нуждалось в крови Богочеловека. Оно получило эту кровь, умылось в ней, очистилось! держимое рукою веры, вышло на свет истинного богопознания и самопознания, — вышло туда из глубокой, темной пропасти плотского, лжеименного разума. Этот разум призывает человека снова в пропасть — и внемлет человек призыву убийственному! Что дивного? Человек сохранил свой характер: в раю, исполненном благоухания и наслаждения Божественного, он не остановился вверить свое внимание льстивым словам диавола.

Друг мой! ты христианин, член Православной Восточной Церкви; сохраняй верность к духовному телу, которому ты член, — сохраняй соединение со святою Церковию, которой ты принадлежишь, — сохраняй твое духовное достоинство, как бесценное сокровище. По причине немощи твоей не вдавайся в суждение о догматах: это глубокая пучина, опасное море: в нем потонули многие пловцы неискусные и самонадеянные. Безопасно, с надеждою обильной духовной корысти могут плавать, носиться по чудным волнам богословия только те, которых кормило — ум в деснице Духа. По совету святаго апостола Павла, — *низлагай всякое помышление, взимающееся на разум Христов*[1]. Не входи в спор, ниже в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай главы этих змей, едва они выставят эти главы из своего логовища! Это дело прямое, дело верное! Дело достойное того, кто однажды навсегда сочетался Христу. Прежде союза имеет место рассуждение; по заключении союза оно — уже преступление. Ничто, ничто да не нарушает, да не колеблет твоей верности! Ах! сноснее не вступивший в союз, нежели предатель. Со смирением преклони выю благому игу; веди жизнь благочестивую; ходи чаще в церковь, читай Новый Завет и писания святых Отцов; благотвори ближним: в свое время Божественное Христово учение, из которого дышит святыня и истина, усвоится душе твоей. Тогда не будут приступать к ней никакие сомнения. Христово учение вышеестественно, как Божественное; оно приступно для ума человеческого при посредстве одной веры. Безумное начинание — объяснить вышеестественное человеческим рассуждением, очевидно не могущим выйти из общего, обыкновенного, естествен-

ного круга. Безумного начинания последствие: несообразность, бесчисленные возражения, отвержение неестественного, хотя бы это неестественное и было Божественно.

Люди в своих действиях по большей части противоречат сами себе! берегут глаза свои, чтоб они не засорились, а ума — этого ока души — отнюдь не думают беречь, засоряют всевозможным сором. Господь повелел хранить ум, потому что он — вождь человека. Если ум собьется с пути истинного, — вся жизнь человека делается заблуждением. Чтоб сбиться уму с пути истинного надо немного: одна какая-нибудь ложная мысль. *Егда око твое просто будет*, — говорит Спаситель, — *все тело твое светло будет: егдаже лукаво будет, и тело твое темно. Блюди убо егда свет, иже в тебе тьма есть* (Лк. 11. 34, 35). А мы совсем не соблюдаем этого всесвятого завещания; не наблюдаем, чтоб наш свет, то есть ум, не сделался тьмою, валим в него всякую всячину; он делается решительною тьмою и разливает мрак на все поведение наше, на всю жизнь. С чего бы родиться в душе твоей помышлениям, враждующим на Бога, — помышлениям пагубного неверия и суемудрия? Непременно ты начитался разных пустейших иностранных книжонок, наслушался разных неосновательных суждений о религии, которыми так богато наше время, так скудное в истинных познаниях религиозных. «Ничто так не направляет человека к богохульству, как чтение книг еретических», — сказал преподобный Исаак Сирский. Оставь это беспорядочное чтение, наполняющее ум понятиями сбивчивыми, превратными, лишающее его твердости, самостоятельности, правильного взгляда, приводящее в состояние скептического колебания. Займись основательным изучением Восточной Церкви по ее Преданию, заключающемуся в писаниях святых Отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? твоя обязанность узнать ее как должно. Посмотри как твердо знают свою религию инославные Запада! — Правда, для них меньше труда в подробном познании своей веры. Папист — лишь уверовал в папу, как в Бога, сделал все: он папист в совершенстве! может сумасбродствовать сколько хочет! Протестант — лишь сомневается во всем Предании, протестует против всего Христова учения, удерживая впрочем себе имя христианина — сделал все: он вполне протестант. Достигши такого совершенства и римлянин и протестант пишут многотомные сочинения; их творения грузятся в пароходы, едут в Россию искать читателей. Не читай того, что написали эти люди, сами не понимая, что пишут. Ты так мало знаешь, по общей нынешней

моде, христианскую религию, что очень удобно можешь усвоить себе какую-нибудь ложную мысль и повредить ею свою душу. Ад есть, и мука вечная есть: благочестивою жизнию сделай их для себя несуществующими!

Считаю конченным ответ мой. А что буду говорить дальше, то дань, приносимая дружбе. Нет! — не дань; надо назвать иначе. Это — празднословие, к которому приводит однако ж искренность и дружба. Часто приходилось мне слышать мысль сомнения, ныне высказанную тобою и подкрепляемую именно тем доводом, который ты привел, что существование ада и вечных мук несообразно с милосердием Божиим. Однажды, после такой беседы, когда оставил меня беседовавший со мною посетитель, я погрузился невольно, не замечая того, в задумчивость. Грустно было на сердце. Никакая впрочем особенная мысль меня не занимала. В этом состояло впечатление оставленное мне посетителем. И как не остаться грустному впечатлению, когда я слышал христианина, дерзавшего прямо противоречить Христу, дерзнувшего признать слова Само-Истины — Бога ложью, вымыслом суеверия! Как не остаться грустному впечатлению, когда я видел, что отвергается милость Божия, — которую способно принять и сохранить одно правое исповедание догматов веры христианской, которую подает Сам Бог, и в предлог такого отвержения приводится суетное человеческое умствование о милосердии Божием! — Внезапно предстает мне мысль, предлагающая путешествие по всему свету. Мысль была так светла, произвела во мне такое приятное ощущение, что я нисколько не задумался о ней. С доверчивостью соглашаюсь. Водимый ею, лечу как бы в воздушном шаре. Вижу все страны, ничто не останавливает меня на пути моем, несусь мимо заоблачных гор, переношусь быстро чрез реки, чрез озера, чрез моря. В кратчайшее время осмотрел всю вселенную, — притом сидя спокойно в моих креслах. Что я видел во время моего путешествия? Страдание человечества. Да! я видел мучения и физические, и нравственные, — не встретил ни одного человека, который бы не страдал. Я видел страдание во дворцах и на троне; я видел его среди преливающегося изобилия. Где тело было здраво и насыщено, там сердце было гладно, больно, — не стерпевая лютой болезни, произносило непрестанные стоны. Я видел заключенных, погребенных на всю жизнь в душные и мрачные темницы; видел роющихся в пропастях земных, куда не достигает свет солнечный, где при звуках цепей и ударах молотов и секир добывается золото — средство к наслаждениям одних чрез постоянное

бедствие тех, которые добывают. Я видел в государствах образованнейших целые семейства, умирающие с голоду; видел большую часть населения в бедствии от нищеты и недостатка нравственности. Я видел человечество, униженное преступлениями! Я видел человечество, искаженное заблуждениями! Я видел человечество, обезображенное варварством! Я видел человечество, низведенное до подобия скотов бессловесных и зверей хищных! Там производится ловля людей, как бы животных; там торгуют ими как товаром бездушным, как скотом — и на этом торжище человек — товар малоценный, цена ему меньше чем цена домашнему скоту. Там человек живет почти как бессловесное животное; а там живет он как зверь лютый, находя наслаждение в пролитии крови, пожирая с бешеным, исступленным веселием себе подобных. Ах! лучше бы не существовать, чем существовать так неистово, так ужасно. Такова картина обыкновенного человеческого быта на земле. Надо вспомнить и о бедствиях, которым подвергается человечество по временам и местами: о землетрясениях, моровых язвах, междоусобиях, о мече завоевателей, так обильно льющем кровь, когда он в руке Батыя или Тамерлана. И вот — уже несколько тысячелетий, как сменяется на земле одно поколение другим, сменяется единственно для страданий. Однако ж на все это смотрит Бог, Творец и Владыка всего, всемогущий и всеблагий. Это ужаснейшее зло, в котором страждет род человеческий на земле, не препятствует Богу пребывать всеблагим. Сколько ни придадим чисел к бесконечному, сколько не отнимем их от него, оно не изменится, пребывает бесконечным!.. Но если взглянуть так на землю, на которой поочередно страдали, на которой вымерло смертию, более или менее лютою, столько поколений — мысль о аде и вечных муках перестает уже быть странною!.. Род человеческий — разряд существ падших. Земля — преддверие ада с первоначальными казнями для преступных. Спаситель соделал ее преддверием рая.

[1] Ср.: *...ниспровергаем... всякое превозношение, восстающее против познания Божия* (2 Кор. 10. 4, 5).

№ 17

Приветствую Вас письменно — в ответ на Ваше дружеское письмо и христианское приветствие — прежде приветствия личного, которого, надеюсь, Господь вскоре меня сподобит. Сердечно утешен тем, что Вы провели Страстную седмицу по обычаю

Вашему в обители преподобного Сергия, — в временном земном пристанище, которое благоволил Бог дать мне с единомудренными моими братиями — моим семейством духовным. В будущем веке да даруется нам неизреченною благостию Господа обитель вечная, в которой да будет и для Вас приют, не для срочного приезда, — для постоянного пребывания. Письмо Ваше в декабре я получил: тогда я был очень слаб. Действие сильного и полезного лекарства держало меня наиболее в постеле, а голову так одурманило, что я сделался неспособным ни к каким умственным занятиям. Поэтому, как пред Вами, так и пред многими другими, провинился одною и тою же виною: молчанием.

Когда я услышал о происшествиях, изменяющих лицо земли, — я не почувствовал ни удивления, ниже того интереса, который бывает при слухе о чем-нибудь новом. Когда я услышал об этих происшествиях — я как бы услышал о смерти человека, давно-давно страдавшего и изможденного неисцельным недугом, заживо умерщвленного этим недугом прежде умерщвления смертию. Такой всегда мне казалась образованная Европа, или так называемый просвещенный мир. Мое неудивление показалось странным мне самому. В то время как я размышлял о моей холодности — внезапно вспомнились мне слова Спасителя: *Егда услышите брани, и слышания бранем, не ужасайтеся: подобает бо быти: но не у кончина. Возстанет бо язык на язык, и царство на царство и будут труси по местам, и будут глади и мятежи: начало болезням сия* (Мк. 13. 7–8). Здесь особенно замечательно то — и на этом слове Евангелия я всегда останавливался, — что последним признаком начальных болезней, долженствующих предшествовать окончательной болезни — антихристу, Писание выставляет *мятежи*.

Рационализм с своими постановлениями не может остановиться в движении своем, как имеющий основанием непрестанно изменяющийся разум человеческий. Надо ожидать большого и большого развития болезни. Она начала потрясать спокойствие народов с конца прошлого столетия: чем далее, тем действие ее обширнее, разрушительнее. Из окончательного, всемирного действия этой болезни должен возникнуть «беззаконник», гений из гениев, как из французской революции родился его предизображение — колоссальный гений, Наполеон. — Что меня поражало больше, нежели нынешние обстоятельства? Меня поражали причины этих обстоятельств: общее стремление всех исключительно к одному вещественному, будто бы оно было вечно, — забвение вечного, как бы несуществующего, — насмешки и ру-

гательства над христианством, — утонченное и лютое гонение на Церковь, гонение на жизнь ее, на Святого Духа — заменение Духа и Его уставов лжеименным разумом и уставами, исходящими от миродержца — общая, всесветная молва, как бы при столпотворении, — повсеместное устройство железных дорог — работа, подобная столпотворению. Надо заметить, что Бог, как говорит Писание, с тою целию смесил языки и разделил народ на народы, чтоб лишить людей возможности все греховные предприятия приводить в исполнение общими силами всего соединенного человечества; паровозы возвращают людям эту возможность. Тогда, при столпотворении, нисшел Бог, говорит Писание, взглянуть на дела человеческие и остановил безумное начинание смешением языков; теперь близок час, в который снова сойдет Бог воззреть на дела человеческие и положить им конец уже не смешением языков, а заменением мира, созревшего и обветшавшего в беззакониях, миром новым и непорочным.

Во время странствования моего я имел возможность довольно подробно взглянуть на землю Израилеву — на Церковь. Что сказать о ней? О ней надо сказать слова Пророка о земле, *низвращенной от меча, собранных от язык многих на землю Израилеву. Бысть пуста весьма*[1]. Это говорит Пророк вдохновенный, когда видел в дали времен время последнее, судьбу Церкви, и могущественное царство, возникающее на севере.

По непостижимой милости Божией нам дано туне величайшее благодеяние Божие: «познание Христа, православная вера во Христа». Народ, — и в частности — душа человеческая, неприступны для безбожного рационализма и его последствий, доколе они ограждены святою верою. Надо бдеть и молиться по завещанию Господа, чтоб избежать напастей видимых и невидимых.

[1] *...избавленную от меча, собранную из многих народов, на горы Израилевы, которые были в постоянном запустении* (Иез. 38. 8).

№ 18

Когда на пути, пролегающем по обширной равнине, стоит ветвистое древо, кидающее роскошную тень, — с какою радостию стремятся к нему путники; насладительно для них отдохновение и дружеская беседа под прохладою густой и широкой тени. Такой приют, такое утешение доставляет для текущих путем земной жизни святый крест Христов. Треблаженное древо, на котором процвел плод жизни: воплотившийся Бог — Жизнь и Податель жизни. Под сению креста приятно беседую с Вами.

Выслушайте следующую священную повесть: «К святому, великому Пимену пришел некоторый брат и жаловался, что видит в добрых делах своих примесь греха. Старец рассказал ему такую притчу: Два земледельца жили в одном месте. Один из них посеял немного хлеба, хотя и нечистого; а другой, предавшись лености, не посеял ничего. При наступлении жатвы первый собрал довольно хлеба, хотя и нечистого, второй не собрал ничего. Который из двух земледельцев будет иметь пропитание? Брат отвечал: тот, который посеял и собрал немного хлеба, хотя и нечистого. Старец отвечал: будем же и мы сеять понемногу, хотя даже нечистого, чтоб не умереть с голоду».

Бог даровал Вам с верностию взглянуть на Ваше сердце, когда, взглянув на него, Вы увидели в нем смешение душевного с духовным. Вышеприведенная повесть может уже довольно утешить Вас: Вы видите, для чего она приведена. Для бо́льшего утешения услышите и следующее: один Бог может даровать святую чистоту сердца верующему в Него и прибегающему к Нему покаянием. Он не требует от нас, лишь начинающих шествие к Нему, этой высокой чистоты, чуждой всяких пятен. Предшествует чистоте зрение и сознание своей нечистоты. И это уже дар Божий, о получении которого мы молимся с коленопреклонением: «Господи, даруй ми зрети прегрешения моя!» Но тот, кто видит нечистоту свою, должен оплакивать ее и у всесильного и всеблагого Врача просить исцеления.

Дух Святый — истинный наставник христиан. Его органами были пророки, апостолы и другие угодники Божии: Он говорил ими. Он да будет руководителем Вашим и *да наставит вас на всякую истину*. Вы поступите под это блаженное руководство, когда будете почерпать наставления для жизни вашей единственно из Священного Писания и писаний святых Отцов Восточной Церкви, единой истинной.

№ 19

«Много пришельствовала душа моя!» Милосердый Господь, дарующий рабам Своим все в известное Ему время, да дарует мне странствующему приют покаяния. Да дарует Он мне этот драгоценный дар! и поделюсь я сокровищами, доставляемыми покаянием, с друзьями моими о Господе. Дар покаяния — залог вечного блаженства. Убеленный покаянием, да вниду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием. Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к

стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Но купец, желающий купить это село, должен продать все имение свое, чтоб купить село покаяния. Пусть буду этим купцом! Пусть буду обладателем этого духовного дара во спасение мое и ближних! Воздыхает душа моя, жаждет глубокого, ненарушимого безмолвия, вне которого невозможно найти обильного, полного покаяния. Предаюсь в волю Божию! да совершается надо мною и над всеми нами воля Божия.

№ 20

Сиротствующее на земле сердце мое услышало отголосок в душе Вашей, стремящейся познать Бога, как Бога, и покланяться Богу, как Богу. Если Он и умалил Себя для нас, приняв зрак раба по неизреченной любви к нам, то мы не имеем права забываться пред Ним. Мы должны приступать к Нему, как рабы к Господу, как твари к Творцу, *со страхом и трепетом спасение свое содевающе*[1], по завещанию апостола. Необъятное Его величие естественно наводит благоговейный страх на всех, и самых приближающихся к Нему, на всех, и самых приближеннейших к Нему. Сказал святый пророк Давид: Бог *страшен всем окрестным его*[2], преславным Серафимам и пламенным Херувимам, которые не терпя зреть славу, превосходящую силы тварей, закрывают крыльями огненными лица, и, в непрестанном, вечном исступлении вопиют: Свят, свят, свят, Господь Саваоф!..

Как же мрачный грешник предстанет лицу великого Бога своего? Разве покрывшись с главы до ног одеянием покаяния. Без этой одежды ему, пораженному от главы до ног смрадною язвою греха, естественнее, праведнее быть во тьме, в огне ада, нежели пред всесвятым Богом. Ад!.. вот место, приличное грешникам.

Будем удостоивать себя ада, чтоб Бог удостоил нас неба.

[1] *со страхом и трепетом совершайте свое спасение* (Флп. 2. 12).
[2] *...страшен... для всех окружающих Его* (Пс. 88. 8).

№ 21

Скука случается со мною от двух причин. После того, когда я впаду в какое-нибудь дело, слово, помышление греховные, — и когда долго не займусь покаянием, хотя б в то время и был я занят занятиями полезными. Тогда душа чувствует недостаток, лишение: от ощущения недостатка — грусть.

Эта грусть врачуется покаянием и молитвою. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Помянух Бога, и возвеселихся.*

Рассмотрите себя. В вышепомянутых причинах скорби не найдете ли причину Вашей скорби? Употребите врачевание: молитву, растворенную покаянием.

№ 22

Не скрый от мене заповеди Твоя, яко пришельник есмь на земли!... с плачем молил Бога святый Давид. Царь обширного царства и обладатель великих богатств. Точно это *едино на потребу*, — как сказал Господь. *Мария благую часть избра, яже не отымется от нея*[1]. А прочие земные блага все отымутся — при смерти и после смерти.

[1] Лк. 10. 42.

№ 23

Предлагаю Вам священную глубокой древности повесть: «Три усердные к добродетельной жизни инока предположили для себя следующие благочестивые занятия: первый — примирять поссорившихся между собою. К этому занятию приводило его слово Евангелия: *блаженни миротворцы*[1]. Второй решился всю жизнь проводить в служении больным; его привлекли к такому занятию слова Господа: *болен бых и посетисте Мене*[2]. Третий удалился на безмолвие в пустыню. Примирявший враждующих между собою имел очень скудный успех. Утомившись, он пришел к брату, посвятившему себя служению больным; но и того нашел ослабевшим, не могущим долее продолжать своего служения. Тогда оба согласились повидаться с пустынником. Пришедши к нему, они поведали ему скорбь свою и умоляли сказать им, что приобрел он в безмолвии? Пустынник, несколько помолчав, взял воды, и, налив в чашу, сказал им: посмотрите в воду. Они посмотрели, но не увидели ничего, потому что вода была мутна. По прошествии немногого времени пустынник опять сказал им: вода устоялась — теперь посмотрите. Когда они посмотрели в воду — увидели в ней лица свои, как в зеркале. Он сказал им: живущий посреди человек не видит своих согрешений, будучи возмущаем развлечением мира; когда же он придет на безмолвие, особенно в пустыню, тогда начинает усматривать живущий в себе грех». Надо сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозмож-

но совершить ни одной добродетели чисто, вполне, с извещением совести.

Зрение своих согрешений — не так легко, как может показаться по наружности, при первом, поверхностном взгляде. Чтоб стяжать это зрение — нужно много предварительных сведений. Нужно подробное знание закона Божия, без чего нельзя знать положительно — какие именно дела, слова, помышления, ощущения принадлежат правде, какие — греху. Грех часто принимает вид правды! — Нужно знать подробно свойства человека, чтоб знать — в чем заключаются греховные язвы ума, в чем язвы сердца, в чем язвы тела. Нужно знать, — что падение человека? Нужно знать, какие свойства должны быть у потомков нового Адама, чтоб видеть — какие и в чем наши недостатки. Столько-то требуется предварительных сведений, сведений важных, для получения подробного сведения и ясного зрения своих согрешений! К такому зрению приводит истинное безмолвие. Оно доставляет душе устроение, подобное чистым зеркальным водам: в них видит человек и свое состояние и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних.

Мое уединение прерывается частыми внутренними и внешними молвами; вода моя по большей части мутна! редко, редко получает она некоторую зеркальность, — и то — на мгновение! В это краткое мгновение рисуется пред очами ума моего привлекательнейшее зрелище. Вижу бесконечную ко мне милость Божию, вижу цепь беспрестанных Божиих благодеяний. За что излились они на меня? — Недоумеваю. Чем заплатил я за них Благодетелю? — беспрерывными грехами. Смотрю на грехи мои и ужасаюсь — как бы смотрел я в страшную глубокую пропасть, от одного взора в которую начинает кружиться голова. А что, если смерять эту пропасть?.. И начинаю измерять ее скорбию, измерять воздыханиями и рыданиями!.. Еще рыдаю, — внезапно изменяется в сердце печаль на восхитительную радость: как будто кто-то говорит моему сердцу: «Непостижимый благодетель Бог недоволен Своими благодеяниями; Он еще хочет ввести тебя в небо, соделать причастником наслаждения вечного». Я верю этому: всякого благодеяния, как бы оно ни было велико, можно ожидать от безмерной благости Божией. Верую, — и в тихое, упоительное веселие погружается все существо мое.

[1] Мф. 5. 9.
[2] Мф. 25. 36.

№ 24

Провожу время в праздности, тому причиною употребляемый мною образ лечения. Он приносит ощутительную пользу, но отнимает все время. Неприятные заботы о теле, которое, несмотря на все заботы о нем, должно же непременно возвратиться в свой прах, в свою землю, из которой заимствовано Создателем. Вникаю в себя, нахожу, что болезнями и обстоятельствами я сформирован для уединения; холодно, мертво мое сердце к служениям внешним. Хотелось бы одним разом, одним ударом прервать мою связь с обществом! И сделал бы я это не для себя, не для людей, но чтоб намерение мое и предприятие были чисты пред Богом, который сказал: *Никто же возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии*[1].

Впрочем, весьма различны суд Божий и суд человеческий: так выразился некоторый великий преподобный отец, особенно обиловавший даром духовного рассуждения. Не знаю, что назначил для меня Бог; а я, рассматривая себя, нахожу себя неспособным к должностям общественным, [но] более способным к уединению, к которому я приучился, проведя многие годы по причине болезни моей почти безвыходно в келлии моей. В уединении можно свободно предаваться странствованию в областях духовного мира, куда переселились с земли мысль моя и сердце. Я не в силах возвратить их на землю! И переселение их с земли совершилось без моего ведома. Я не помышлял об этом переселении, вовсе не знал, что оно возможно, — неожиданно увидел их переселенными. Уже глядят они на землю, как странники на чужбину. Побывав в чудной области нерушимого, в области блаженной благодатного мира и света, они отвратились от страны мрака, от страны распрей, ссор, непрестанного смятения, от страны, где все доброе смешано со злом! Темная страна — земля! она — страна изгнания преступников, осквернивших рай грехом, виновных в преслушании Богу, презревших общение с Ним, променявших это общение на общение с диаволом. На земле — все враждебно человеку, — и сам он — в непрестанной борьбе с собою. Земля — юдоль изгнания, юдоль первоначальных страданий, которыми начинаются страдания вечные — справедливая казнь за оскорбление бесконечно Благого. Земля — изгнание наше, потому-то сюда пришел Искупитель: искупил безмерное согрешение ценою безмерною —Своею кровию. Земля изгнание наше: потому-то Искупитель возводит принявших Его искупление с земли на небо. Небо — истинное отечество человека: шествие туда надо совершить в самом себе. В себе

надо увидать миродержцев! Надо рассчитаться с ними, возвратив им принадлежащее им, заимствованное человеком от них. Заимствовали мы от них яд греха, грех во всех его мелочных видах, во всех его разнообразных формах. Отделив из себя все, чуждое естеству нашему, мы останемся сами с собою, с своим собственным непорочным естеством. Это очищение производится в нас «Словом Божиим», открывающим нам и свойства нового Адама и язвы ветхого. Всеблагий Дух Святый, увидев белизну нашу, низойдет в нас, осенит Своим миром и светом, изменит, запечатлеет, вчинит в блаженное племя избранных, в потомство второго человека, который *Господь с небесе.* Запечатленные Духом, мы уже не будем страшиться миродержцев мрачных и злобных, пройдем сквозь темные и густые полчища их, к свету истины, найдем в лоне ее предвкушение будущего блаженства. Кто совершил этот путь на земли во внутреннем человеке, кто освободился от плена греховного и получил обручение Духа, того душа пройдет по разлучении ее с телом, беспрепятственно и безбедственно мытарства воздушных истязателей. Всему этому и многому другому, необъяснимому земным словом, изучается человек в безмолвии. Дух Святый приникает к безмолвствующему правильно, соприсутствует ему, возвещает тайны Царствия Божия, чтоб обильно напитался знанием и ощущением духовными сам безмолвник и напитал ими алчущую и жаждущую братию свою. Учение Духа — учение живое блистает из него свет, дышит из него жизнь. Человеческое учение, из падшего человеческого естества, из знания свойственного этому состоянию падения — мрачно, мертво, имеет ложный свет, льстит слуху и сердечным чувствам, хранит в слушателях, умножает в них тьму, усиливает владычество смерти. Дивное чудо совершается при учении Духа, когда Дух — учитель, — произносящий слово Божие и слушающий его, разделяют между собою учение жизни. Вся слава принадлежит таинственному Учителю; произносящий слово, ощущает, что он произносит не свое слово, но слово Божие, — слушающий ощущает, что слышит слово Божие: все внимание его привлечено к оживляющей его духовной силе; к человеческому слову, в которое облекается слово Божие, остается хладным его сердце. В храме душевном опрокинут, извергнут из него идол «я»; в этом храме, очищенном от скверны запустения, разливается благоухание Святого Духа, слышатся вещания Святого Духа.

Как Вы думаете, какое ощущение объемлет человека, глаголющего глаголы Духа, ощущающего в себе действие Духа? — Ощуще-

ние, которое иметь свойственно созданию пред его Создателем. Тогда человек явственно ощущает, видит, что он — ничто.

Не из книги, не от человеков, не из естественных гениальных способностей соделывается человек учеником, слышателем и органом Духа! — при посредстве веры во Христа, чрез оживление в себе Христа перенесением в себя свойств Христовых, которые Христос открыл людям в священных изречениях Евангелия. Где Христос, там Дух Его, там Ум Его — Его непостижимый Отец.

[1] *...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9. 62).

№ 25

Какая легкость, какое благополучие, какая блаженная чистота, когда человек не останавливает в себе чувств расположения к ближним, но служит только проводником их к святому, чистому небу! когда он говорит Богу о возлюбленных своих: «Боже! они — Твое достояние, — Твои создания! Твое тебе принадлежит, а я — что? кратковременный странник на земле, внезапно на ней являющийся и внезапно с нее исчезающий». Кто таким образом очищает любовь от самолюбия и пристрастия, тот обретает в себе чистую любовь, любовь в Боге. Для приобретения этой любви заповедано нам самоотвержение, такое значение имеют слова Господа: *Иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16. 25). В этих словах повеление соединено с обетованием.

Напротив того, кто вздумает найти душу свою в исполненном обольщения веке, т. е. захочет исполнять свои неочищенные пожелания, тот погубит ее. В самоотвержении — спасение.

Покорите ум ваш Христу! Когда ум покорится Христу, то не будет оправдывать ни себя, ни сердца. Когда оправдания оскудеют у сердца, — оно приходит в состояние смирения и умиления. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*; а оправдания — ужасная греховная смерть.

Молился так святый Давид и так научает нас молиться: *Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех*[1]. «Непщевать вины о гресех» значит приводить извинения, оправдываться в своих согрешениях. Мысли и слова, в которых изображается это оправдание, названы *словеса лукавствия*. Лукаво старается грешник обмануть себя и людей! лукаво старается грешник скрыть грех свой от себя и от людей! лукаво старается он представиться праведником пред собою и пред людьми!

Оправдаться пред людьми, скрыть пред ними грех свой заставляет иногда самая необходимость, польза ближнего, которого мог бы соблазнить грех наш. Оправдываться пред собою, обольщать, заглушать свою совесть — всегда беззаконно, всегда бедственно, усвоившиеся *словеса лукавствия* соделывают человека ожесточенным фарисеем, способным на всякое преступление. Оправдание в согрешениях, не нуждающееся в вымыслах и многословии, оправдание, всегда принимаемое Богом — покаяние.

От лица покаяния бежит всякий грех; никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием. Покаяние — евангельская добродетель, дар Божий бесценный, купленный для нас ценою крови Сына Божия, — этою ценою, выкупающей всякое наше согрешение.

Решитесь сначала, хотя по уму, отречься себя ради Христа, лишите ум Ваш пагубного, бестолкового самовластия, подчините его заповедям Христовым, подчините его Евангелию. Начало самоотвержения — в уме, покорившись Христу, он постепенно приведет к этой блаженной покорности и сердце и тело.

Самоотвержение страшно при первом, поверхностном взгляде на него. Но только что человек решится на него, как и ощутит в душе необыкновенную легкость и свободу: легкость, свобода — свидетели истины.

[1] *не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных* (Пс. 140. 4).

№ 26

Ощущаю себя как бы отделенным от всего! мысль моя непрестанно вопиет к Богу, чтоб Он устроил для меня стезю к Нему, стезю покаяния. Широко отворились предо мною врата вечности. Гляжу туда, в эту бесконечную даль, в это беспредельное пространство, в эти размеры безмерные. Время сократилось предо мною, — летит несравненно быстрее, чтоб впасть, как ручей в море, в вечность. Заглядываюсь в вечность: временное — незанятливо, мелочно, суетно, ничтожно. Люблю уединение: из него можно пристальнее смотреть в вечность, — высмотреть, что там нужно, — приготовить это нужное заблаговременно, прежде исхода души из тела.

Меня занимает Евангелие. Поражают взор мой черты образа Божия и оттенки подобия Божия, изображенные в Евангелии! *Мне будьте подобны*, — говорит Бог человекам. Чтоб удобно могли они

усвоить это чудное сходство, Бог — вочеловечился. Какая несказанная красота в новом Адаме, Господе нашем Иисусе Христе! Какое во мне безобразие, какое расстройство! Сколько на мне пятен! Таким вижу себя, когда смотрюсь в зеркало Евангелия. Нужно мне заняться и лицом души моей, и ее одеждами; нужно мне, чтоб при вступлении моем в вечность не нашлось во мне сходства и сродства с врагами Божиими, с темными демонами; нужно мне, чтоб Сын Божий признал меня похожим на Него, как похожи на Него все блаженные небожители. Подобие человека Богу, признанное Богом, доставит человеку блаженную вечность; утрата этого подобия влечет за собою изгнание от лица Божия в мрачный ад, в его огненную пропасть, на вечные страдания.

№ 27

Мир Христов, *превосходяй всяк ум*, соединяющий воедино человека, рассеченного грехом, — мир Христов, исполняющий все существо наше непостижимою силою и небесною сладостию, начинает нисходить в душу, когда она очистится от страстей хранением заповедей Христовых и благочестивым подвигом. Чтоб сохранить мир Христов в себе, чтоб вкусить его обильно, чтоб измениться им из ветхого в нового человека, — необходимо уединение. Сокровище, поверженное на распутии, непременно должно быть расхищено и похищено.

Могуществен мир, истекающий от действия Святаго Духа. Кто может противустать его влечению? От лица его бежат страсти; от действия его ум и сердце переселяются на небо. Человек примиряется ко всему в Боге. Он начинает как бы плавать в неизмеримом пространстве духовного мира, и познает, что заповедь Божия *широка есть зело*. Мир Христов совершил мучеников и преподобных: он выводит христианина из-под власти плоти и крови, исторгает отраву греховную из души и тела, уничтожает насильственное влияние демонов на душу и тело, вводит в христианина свойства Христовы, кротость, смирение, благость. Душа, ощутив эти свойства, начинает вкушать чудный покой — залог и начало вечного покоя праведных в селениях вечного блаженства.

№ 28

Бог наш — огнь[1], — научает Писание, но от действия этого огня постепенно угасает, наконец совершенно потухает огнь греховный, огнь плотский и душевный. Божественный огнь чист, то-

нок, светел, — сообщает уму истину, а сердцу чудное спокойствие, чудную хладность ко всему земному, обилие кротости, смирения, благости.

Не ошибитесь! человеческого разгорячения не сочтите действием Божественного огня. Многие ошиблись и впали в пагубное самообольщение. Из состояния разгоряченного возникли бесчисленные заблуждения и наполнили лжеучением землю. За этими мрачными облаками скрывается от мира солнце правды. *От плод их познаете их*, — сказал Спаситель о лжеучении и лжеучителях. Где разгорячение — там нет истины, оттуда не может произойти ничего доброго, ничего полезного: тут кипит кровь, тут дмится и строит воздушные замки лжеименный разум. Кротость и смирение, которых действие сопровождается каким-то тонким хладом, но потом является в бесчисленных благих плодах, — свидетели неподдельного, истинного, божественного добра.

[1] Втор. 4. 24; Евр. 12. 29.

№ 29

Учение святых Отцов Восточной Церкви — верно: оно — учение Святаго Духа. Умоляю Вас: держитесь этого учения! оно будет руководить вас к блаженной вечности.

Возжен блистающий светильник в Святой Христовой Церкви — учение Святаго Духа: не устремляйте взоров Ваших к другим светильникам, светящим на различных путях. Один путь святой истины ведет во спасение; прочие пути все ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, но увенчаны будут только *подвизающиеся законно*. Истинный, законный подвиг во Христе Иисусе и Святом Духе, в ограде Святой Восточной Церкви.

№ 30

Ныне занимаюсь чтением книги, имеющейся у меня на славянском, русском и других языках, заключающей в себе «собрание изречений святых пустынножителей Египта». Эти изречения — бесценные перлы! Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину: и святые Отцы удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные, духовные перлы: христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бес-

страстие, рассуждение и мудрость духовные, — словом сказать, находили Евангелие.

Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: «я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «это — не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари».

Высокое занятие — непрестанное памятование Бога! но эта высота очень опасна, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения.

Смотрите — как Писание согласно с Отцами! Писание говорит: *Всесожжения не благоволиши... жертва Богу дух сокрушен. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* Жертвы и самые всесожжения человеческие должны быть основаны на чувстве нищеты духовной, на чувстве покаяния. Без этого они отвергаются Богом.

Также мне очень нравится изречение Великого Пимена: «Если всегда и во всем будем обвинять себя, — сказал он, — то везде найдем покой». Другой Отец сказал: «мы оставили легкое бремя, состоящее в обвинении себя и взялись за тяжкое, состоящее в обвинении других». Такие изречения стоят целых книг! Никто, кажется, столько не вник в Евангелие, сколько вникли в него святые пустынножители; они старались осуществлять Евангелие самою жизнию, самыми помышлениями и чувствованиями своими. Отличительною чертою их было глубочайшее смирение; падение человека было постоянным предметом их размышления; постоянным их занятием был плач о грехах своих.

Другое направление получили подвижники Западной Церкви и писатели ее о подвижничестве со времени разлучения этой Церкви от Восточной и отпадения ее в гибельную тьму ереси. Преподобный Венедикт, святый папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто исступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию. *От плод их познаете их*, — сказал Спаситель. Известно всем, какими преступлениями, какими потоками крови, каким поведением, решительно противухристианским, выразили западные фанатики свой уродливый образ мыслей, свое уродливое

чувство сердечное. Святые Отцы Восточной Церкви приводят читателя своего не в объятия любви, не на высоты видений, приводят его к рассматриванию греха своего, своего падения, к исповеданию Искупителя, к плачу о себе пред милосердием Создателя. Они сперва научают обуздывать нечистые стремления нашего тела, соделывать его легким, способным к духовной деятельности; потом обращаются к уму, выправляют его образ мыслей, его разум, очищая его от мыслей, усвоившихся нам по падении нашем, заменяя их мыслями обновленного естества человеческого, живо изображенного в Евангелии. С исправлением ума святые Отцы заботятся о исправлении сердца, о изменении его навыков и ощущений. Очистить сердце труднее, нежели очистить ум: ум, убедясь в справедливости новой мысли, легко отбрасывает старую, легко усвояет себе новую; но заменить навык навыком, свойство свойством, чувствование другим чувствованием, чувствованием противоположным, это — труд, это — усильная, продолжительная работа, это — борьба неимоверная. Лютость этой борьбы Отцы выражают так: «дай кровь и прими дух». Значит: надо умертвить все греховные пожелания плоти и крови, все движения ума и сердца, зависящие от плоти и крови. Надо ввести и тело, и ум, и сердце в управление духа. Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их исступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще неспособен по нечистоте своей, за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все, незаконно подвизающиеся, находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг. На них-то с жадностию кидается, их-то проповедует преимущественно святыми и духовными, достойными стоять возле Священного Писания, слепотствующий и гордый мир, признающий себя просвещенным в высшей степени и потому не нуждающимся держаться неотступно преданий восточной Церкви.

В святых Отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождение крови, часто на Западе искал проли-

тия крови. Из их сочинений дышит истинное самоотвержение, дышит благоухание Святаго Духа, мертвящее страсти. От этого благоухания бегут прочь сыны мира, как осы улетают прочь от курящегося фимиама. *Мир любит свое*, — сказал Господь. Сочинения западных писателей, написавших из состояния самообольщения, находят многочисленных читателей, переводятся не раз на русский язык, печатаются, перепечатываются; им произносятся, пишутся и печатаются громкие похвалы; то, что исполнено смертоносного яда, одобряется и утверждается. Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен приняты Святою Церковию, признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение. Их сочинения критикуют, находят в них несообразности; противоречие Священному Писанию. Всему этому причиною, что святые Отцы наставлены были Духом Святым, что они отвергли премудрость мира для стяжания премудрости Духа. Тщетны покушения тех, которые, вопреки учению Апостола, вопреки учению Церкви покушаются войти в премудрость Духа премудростию мира. И *запинаются премудрые в коварстве их* (1 Кор. 3. 19), преткнулись, пали падением страшным. Они захотели «духовное» объяснить темным душевным разумом, — и это «духовное» в писаниях святых Отцов показалось им странным, противоречащим Священному Писанию. *Духовная духовными сразсуждающе*, — сказал святой апостол Павел. *Душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть и не может разумети зане духовне востязуется* (1 Кор. 2. 13–14). Последние слова в русском переводе Нового Завета читаются так: *потому что о сем* (о духовном) *надо судить духовно.*

№ 31

Вы спрашиваете, какое мое мнение о науках человеческих? — Люди после падения начали возделывать землю, начали нуждаться в одежде и других многочисленных потребностях, которыми сопровождается наше земное странничество; словом сказать, они начали нуждаться в вещественном развитии, стремление к которому — отличительная черта нашего века.

Науки — плод нашего падения, — произведение поврежденного падшего разума. Ученость — приобретение и хранение впечатлений и познаний, накопленных человеками во время жизни падшего мира. Ученость — светильник ветхого человека, светильник, которым *мрак тьмы во веки блюдется.* Искупитель возвра-

тил человекам тот Светильник, который им дарован был при создании Создателем, которого лишились они при грехопадении своем. Этот Светильник Дух Святый, Он Дух Истины, наставляет всякой истине, испытывает глубины Божии, открывает и изъясняет тайны, дарует и вещественные познания, когда они нужны для духовной пользы человека. Ученому, желающему научиться духовной мудрости, завещавает апостол: *Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3. 18). Точно! ученость не есть собственно мудрость, а только мнение мудрости. Познание Истины, которая открыта человекам Господом, к которой доступ — только верой, которая неприступна для падшего разума человеческого, — заменяется в учености гаданиями, предположениями. Мудрость этого мира, в которой почетное место занимают многие язычники и безбожники, прямо противоположна, по самым началам своим, мудрости духовной, божественной. Нельзя быть последователем той и другой вместе: одной непременно должно отречься. Падший человек — «ложь», и из умствований его составился «лжеименный разум», то есть образ мыслей, собрание понятий и познаний ложных, имеющее только наружность разума, а в сущности своей — шатание, бред, беснование ума, пораженного смертною язвою греха и падения. Этот недуг ума особенно в полноте открывается в науках философских.

№ 32

Старайтесь читать книги святых Отцов, соответствующие Вашему образу жизни, чтоб Вам можно было не только любоваться и наслаждаться чтением Отеческих писаний, но чтоб можно было прилагать их к самому делу. Христианин, живущий посреди мира, должен читать сочинения великих святителей, писавших для народа, научающих добродетелям христианским, идущим для тех, которые проводят жизнь среди занятий вещественных. Другое чтение для иноков общежительных: они должны читать святых Отцов, написавших наставления для этого рода жизни. И еще другое чтение для безмолвников и отшельников! Изучение добродетелей, несоответствующих образу жизни, производит мечтательность, приводит человека в ложное состояние. Упражнение в добродетелях, не соответствующих образу жизни, делает жизнь бесплодною. И жизнь истощавается напрасно, и пропадают добродетели: душа не может долго удержать их при себе, должна скоро их оставить, потому что они

ей не под силу. Такое, превышающее силы и способности упражнение в возвышенных добродетелях нередко повреждает душу неисцельно, расстраивает ее, надолго, иногда на всю жизнь, делает неспособною к подвигам благочестия. Господь повелел *вино новое*, т. е. возвышенные добродетели и подвиги, *вливать в мехи новые*, т. е. представлять подвижникам, уже созревшим в благочестивом подвиге, обновленным и просвещенным благодатию. Он воспретил вливать вино новое в мехи ветхие, чинить ветхую ризу новою заплатою. Не думайте, что возвышенный подвиг, для которого еще не созрела душа Ваша, поможет Вам! Нет! Он больше расстроит Вас: Вы должны будете оставить его, а в душе Вашей явится уныние, безнадежие, омрачение, ожесточение. В таком расположении Вы попустите себе бо́льшие погрешности, бо́льшие нарушения Закона Божия, нежели в какие впадали прежде. «К ветхой ризе не приставляют заплаты новой, потому что от этого дира сделается только больше».

И для иноков всех вообще и для христиан, живущих посреди мира — полезнейшее чтение — Новый Завет, в особенности Евангелие. Но его надо читать со смирением, не позволяя себе собственных толкований, а руководствуясь толкованием Церкви.

№ 33

Пребывайте в пристанище истины. Старается враг спасения человеческого выманить мысль нашу из пристанища истины различными призраками истины. Он знает силы этой сети. Эта сеть кажется ничтожною для неопытного глаза; ум приманивается к ней любознательностию, пышным, святым наименованием, которым обыкновенно прикрыта пагуба. Так легковерный соловей, птичка, особенно любопытная, приманивается пищею, разбросанною под сеткою — и попадает навсегда в скучную неволю. Пагубна мысль ложная: она вводит в душу омрачение, самообольщение, соделывает ее пленницею миродержителя. *Истина свободит вы*[1], — сказал Спаситель; очевидно, что ложь лишает свободы, подчиняет области князя века сего. Желаю, чтоб Вы были свободны, чтоб зрение души Вашей было чисто и светло, чтоб разум Ваш был проникнут светом истины и изливал свет благодатный на всю жизнь Вашу, на все дела Ваши. *Аще око твое светло будет*, — сказал Господь, — *то и все тело твое светло будет*[2]. Надо хранить ум! Надо, чтоб он пребывал непрестанно в истине. Желаю вам этого от искреннего сердца! Желаю Вам этого от сердца болезнующего! Потому оно болезнует, что в ны-

нешние времена редкие, весьма редкие пребывают верными истине, — подклонили ум и сердце благому ее игу и бремени легкому, — подчинились со всею простотою и покорностию Христу и Святой Его Церкви. *Спасайтесь*, — говорит святой апостол Петр, — *от рода строптивого сего*![3] Уклонитесь от пути широкого, по которому почти все шествуют! Изберите для себя путь узкий и прискорбный, ведущий в Царство Небесное! возлюбите скорби, посылаемые вам Промыслом Божиим! возлюбите теснины, по которым премудрый Промысл, спасающий Вас Промысл Божий, проложил стезю для земного Вашего странствования! И скорби, и теснины Ваши и стезю тернистую жизни земной сделайте для себя приятными, сладостными. Каким способом это сделать? Предаваясь Воле Божией, славословя Промысл Божий, признавая эту Волю и этот Промысл во всем, случающемся с Вами, благодаря Богу за все случающееся с Вами, и скорбное, и радостное. Время — начать жительство истинно-христианское, сопряженное с распятием всех ощущений, пожеланий, мыслей на кресте заповедей и учения Христова. Скоро, скоро промчится земная жизнь! — уже готова каждому человеку вечная мзда его за кратковременную жизнь его, за дела его, за образ мыслей его, за чувствования его.

[1] *истина сделает вас свободными* (Ин. 8. 32).
[2] Мф. 6. 22.
[3] Деян. 2. 40.

№ 34

Преподобный авва Дорофей, говоря о любви к ближнему, уподобляет подвижников Христовых линиям, идущим от окружности круга к его центру. Для ясности вот и чертеж! <...> Линии, чем ближе приходят к центру, тем становятся ближе одна к другой. И подвижники Христовы, чем более приближаются к Богу, тем становятся ближе друг к другу истинною любовию. Всякий путь ума и сердца, когда цель его — Бог — бесконечен. *Страх Божий чист, пребывает в век века*[1]; преуспеяние в премудрости Божией — бесконечно; преуспеяние в любви к ближнему, когда оно в Боге, бесконечно. Мало земной жизни на совершение этого духовного пути! Невозможно довольно насытиться любовию к ближнему в Боге! Напротив того, можно скоро совершить путь, можно скоро насытиться и пресытиться любовию к ближнему, когда предмет любви — только человек. Огнь любви требует много пищи для того, чтоб быть постоянным и

умножаться. Когда питает его Бог — он непрестанно усиливается, нет ему предела; но когда предоставлено питать его человеку самим собою — скоро оскудеет пища для огня, — огнь потускнет, угаснет. Любовь должна питаться беспредельным Богом: мало для нее пищи в ограниченных свойствах человеческих, хотя бы и прекрасных.

[1] Пс. 18. 10.

№ 35

Сердце тогда только может наслаждаться блаженным миром, когда оно пребывает в евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением. Когда же взойдет в него какая другая правда, — оно теряет покой свой.

Великая и всесвятая книга — Евангелие! В нем изображен новый, богоподобный человек; а какие должны быть свойства нового человека — это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий. Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми. В этом состоит задача, урок, которые должен разрешить, выполнить христианин во время земной жизни своей. Надо изобразить на душе портрет Христов, сообщить ей сходство с ее первообразом. Портреты, лишенные сходства, будут отвергнуты на той же всеобщей выставке, на которой каждый из человеков будет испытан, в какой степени он сохранил и обновил в себе образ и подобие Творца и Бога своего. Образы, на которых столько искажены все черты и краски, что потеряно все сходство, все подобие, услышат: *Не вем вас*! Они не будут узнаны! От них откажется Господь!

Начнемте живопись духовную! Обратим внимание на закинутый, на покрытый грязью, царапинами и пылью образ Божий, на нас начертанный и нам вверенный Богом! Живописец — Христос; кисть Его — Святый Дух. приготовим душу для этой живописи так, чтоб душа, как чистое, новое полотно, была способна принять на себя все — и самые тончайшие черты, самые нежные краски и оттенки.

Для такого приготовления нужно очищение себя покаянием, омовение слезами. А для того, чтоб возбудить в себе чувство покаяния, спасительную печаль и плач, непременно должно при

воздержании от всех страстей часто заниматься чтением Евангелия, сличать жизнь свою с его святейшими заповедями, принуждать себя к исполнению этих заповедей, вопреки стремлениям и порывам грехолюбивой воли. Сказал некоторый святый отец: «исполнением Христовых заповедей научается человек своей немощи». Точно: тогда открывается нам сколько мы слабы, сколько повреждены падением, когда начнем принуждать себя к исполнению евангельских заповедей. От зрения немощи своей, своего повреждения, естественно рождается плач. Плач — сердечное чувство покаяния! Плач — «дух сокрушен и смирен», столько любезный Богу.

Когда Господь увидит душу, очищающую себя покаянием, тогда Он начинает мало-помалу, соответственно чистоте ее, обновлять на ней Святым Духом черты Своего образа, оттенки и цвета Своего подобия. Прежде всего запечатлевает ее кротостию и смирением. *Научитесь от Мене,* — говорит Он, — *яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим.* Тогда только можно найти священный покой, когда мысль и сердце погрузятся в смирение Христово и Его кротость, научившись им из Евангелия. Эти две добродетели уставляют в порядок черты образа, расстроенного смущением, которое неотступно сожительствует всякому человеку, служащему страстям. Знамение порядка — священный покой. Тогда уже по исправленным чертам полагаются святые краски, утешающие взор духовный: благость, милосердие, чистота ума, сердца и тела, живая вера, небрегущая о всем суетном, научающая человека всецело последовать Христу, терпение, несущееся превыше всех временных скорбей, любящее скорби, как участие в страданиях Христовых, — любовь к Богу и ближнему, стремящаяся исполнить все обязанности человека к его Создателю и к созданиям, себе подобным, долженствующим составлять едино в Создателе своем.

Отвергнитесь себя и последуйте Евангелию!

№ 36

Человек — как трава, и много ли надо, чтоб подкосить его? Одна минута может решительно сокрушить его здоровье и повергнуть тело или в могилу, или на одр мучительной и продолжительной болезни. Евангелие научает нас, что никакая скорбь не может нас постичь без Воли Божией, — научает нас благодарить Бога за все, по мановению Его приходящие нам скорби. С одра болезни приносите благодарение Богу, как приносил его с

кучи гноя покрытый смрадными струпами Иов. Благодарением притупляется лютость болезни! Благодарением приносится болящему духовное утешение! Наставленное и услажденное благодарением сердце обновляется силою живой веры. Озаренный внезапно светом веры, ум начинает созерцать дивный Промысл Божий, неусыпно бдящий над всею тварию. Такое созерцание приводит в духовный восторг; душа начинает обильно благодарить, славословить Бога, начинает восхвалять Его Святый Промысл, предавать себя Его святой Воле. Одр болезни бывает часто местом Богопознания и самопознания. Страдания тела бывают часто причиною духовных наслаждений, и одр болезни орошается слезами покаяния и слезами радости о Боге. Во время болезни сперва надо себя принудить к благодарению Бога, когда же душа вкусит сладость и покой, доставляемые благодарением, — сама спешит в него, как бы в пристанище. Спешит она туда от тяжких волн ропота, малодушия, печали.

Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие. Кого возлюбит Господь, тому посылает скорби, и они умерщвляют сердце избранника Божия к миру, приучают его витать близ Бога. Во всех скорбях, в числе прочих и в болезни, следующие врачевства приносят душевную пользу и отраду: преданность Воле Божией, благодарение Богу, укорение себя и признание достойным наказания Божия, воспоминание, что все святые совершили путь земной жизни в непрестанных и лютых страданиях, что скорби — чаша Христова. Не причастившийся этой чаши не способен наследовать вечное блаженство.

№ 37

В уединении приходят странные мысли! «Ухо безмолвника услышит дивное», — сказал некоторый святой пустынножитель. И в моем ничтожном уединении встречаюсь с мыслями, сильно действующими на ум живою истиною.

Недавно я размышлял о краткости земной жизни человеческой. Внезапно жизнь представилась мне так краткою, что и остальное время моей земной жизни представилось мне уже прошедшим. Буду еще жить — и что увижу нового на земле? — Ничего: те же добродетели и те же страсти, которые до сих пор являлись пред мною в разнообразных костюмах и действиях, будут являться и впредь; точно также добродетель будет тихо пробираться между людьми, не примечаемая, гонимая ими; точ-

но также порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их. Двухлетняя жизнь и столетняя жизнь одинаково малы, ничтожны пред вечностию. Обыкновенно людям только будущее время представляется продолжительным; прошедшее кажется им так коротким, мгновенным, как бы сон минувшей ночи. Уединение, соединенное с вниканием в себя, соделывает и будущее время коротким. Коротко прошедшее, коротко будущее! Что же земная жизнь? — Путь к вечности, которым надо воспользоваться, но на котором не надо заглядываться в стороны. Этот путь надо совершить умом и сердцем, — не числом дней и годов. Ум, озаряясь учением истины, может сохранить сердце в мире, кротости, благости, терпении, короче, в свойствах нового человека. Для этого и пустыня, и безмолвие, и монастыри! Для этого и душеназидательная беседа, и духовный совет! для этого чтение святых Отцов! для этого молитвы. Все христиане обязаны так жить, хотя так живут очень редкие. Если не можете вполне так жить, живите так отчасти; недостатки можно врачевать самоосуждением и покаянием. Видя в себе недостатки, не должно унывать; напротив того, должно трудиться в смирении. Прекрасно сказал преподобный Исаия Отшельник: «Слава святых подобна сиянию звезд, из которых одна светит очень ярко, другая тускнее, иная — едва приметно; но эти звезды все — на одном небе».

Сколько земля на поверхности своей сменила поколений! — и они как будто никогда не были на ней. Давно ли слышались между нами многие громкие имена? — а теперь они забыты. Давно ли наше поколение вступило на поприще гражданской жизни? а теперь уже выступает на это поприще новое поколение и теснит нас из обширного круга деятельности в скромный уголок состаревших, отживших. Поколения человеческие на земле точно листья на дереве! ныне одни, — вскоре другие! губит их и зной, и мороз, и самое время, разносит их ветер, стаптывают путники.

Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир, говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно-полезным во время кратковременной земной жизни — доколе наша чреда зеленеть — познание Христа, Который и податель вечной, блаженной жизни, и путь к этой жизни. Христос присутствует в Евангелии, Евангелие — тот вертоград, в котором может найти Христа Мария — верная душа, пребывающая в покаянии... за городом, — вне любви к миру. Там гроб Христов! там плачут Его любимые — плачут пред Ним и о себе.

№ 38

Часто беседую с Вами о Истине. Мне хочется, чтоб Вы поняли, как важно наблюдение за своим образом мыслей, за своим разумом. Человек непременно водится своим образом мыслей: это — свет наш. С большою тщательностию надо бдеть за светом нашим, чтоб он не сделался тьмою, светом лживым, показывающим предметы не на их местах, не в их виде, одни вместо других. *Блюди, еда свет, иже в тебе, тма есть* (Лк. 11. 35). Надо, чтоб наш образ мыслей был проникнут Истиною. Кроме Христа не понимаю, и не знаю другой Истины. И не слепцы ли те, кто бы они ни были, которые, в то время, когда предстоит им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: что есть Истина?

Вникните глубоко в слова мои! прошу, умоляю вас! умоляю Вас для вашего же спасения. Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным: потому они очень мало разборчивы при принятии мыслей. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, — от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и по большей части участь всей огромной машины. *Помышление преподобное соблюдет тя*[1], — говорит Писание; оно научает, чтоб самое «*начало словес*» наших было «*истина*». Что это за «*начало словес*», как не образ мыслей. Истина засвидетельствована на земле Духом Святым. Так говорили апостолы иудеям. Свидетель Христа-Истины — Дух Святый. Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательств Истины. Желающий непогрешительно последовать Истине, должен пребывать в учении, запечатленном, засвидетельствованном Духом Святым. Таково учение Священного Писания и святых Отцов Восточной Церкви, единой святой, единой православной и истинной. Всякое другое учение чуждо Истины — Христа, Истины, сошедшей с неба, по несказанному милосердию Божию открывшейся человекам, *сидевшим во тме и сени смертней*[2], погрязшим в темной и глубокой пропасти самообольщения, неведения, падения, погибели.

[1] *...разум будет охранять тебя* (Притч. 2. 11).
[2] Пс. 106. 10.

№ 39

Сердцем веруется в правду, — сказал апостол, — *усты же исповедуется во спасение*[1]. Нужно исповедание правды устами и, ког-

да можно, самыми делами. Правда, исповеданная словами и делами, как бы осуществляется, делается принадлежностию человека. И потому, что она существенна, — она верный залог спасения.

Вы убедились, что единственный непогрешительный путь ко спасению — неуклонное следование учению святых Отцов, при решительном уклонении от всякого учения постороннего, от самых своих разумений, доколе разум не исцелится от недуга своего и не сделается из плотского и душевного — духовным. Признав умом и сердцем эту правду, исповедайте ее устами: дайте обет Богу, что Вы будете руководствоваться учением святых Отцов, уклоняясь от всякого учения, не засвидетельствованного Святым Духом, не принятого святою Восточною Церковию. Исповедав правду Божию устами, исповедуйте и делами: дав обет, исполняйте его.

Не устрашитесь этого обета! его обязан дать каждый православный сын Церкви, должен его истребовать у каждого сына православной Церкви его духовный отец при совершении таинства исповеди. Между вопросами, которые именно положено делать исповедующемуся, первое место занимают следующие: 1) «Рцы ми, чадо: аще веруеши, яко Церковь кафолическая, апостольская, на востоце насажденная и возращенная, и от востока по всей вселенной рассеянная, и на востоце доселе недвижимо и непременно пребывающая, предаде и научи? — 2) Аще не сумнишися в коем предании? — 3) Рцы ми, чадо, не был ли еси еретик и отступник? — 4) Не держался ли еси с ними, их капища посещая, поучения послушая, или книги их прочитывая?» Чтение еретических книг и внимание их поучениям — тяжкий грех против веры, грех ума, недугующего гордостию и потому свергающего иго послушания Церкви, ищущего вольности безумной, греховной. А ныне этот грех уже не ставят в грех! ныне позволяют себе безразборчиво читать всевозможных еретических писателей. Против них Церковь прогремела анафемой! но ослепленные грешники не внемлют грому церковному, или внемлют ему, но только для того, чтоб посмеяться над предостерегающим от погибели голосом Церкви, чтоб ее суд и определение несмысленно назвать суеверием и варварством. Множество еретических книг переведено на русский язык, и одной из них, мимо всех Отеческих писаний Вселенской Церкви, дают первое место после книг Священного Писания. Непомерная и невероятная наглость! она выражена печатно.

Истинные христиане всех времен со всевозможным тщанием хранились от яда смертоносного ереси и прочих учений лжи. Они

неотступно держались догматического и нравственного Предания Церкви. Не только веровали православно в Святую Троицу, но и жизнь свою, и подвиги свои, и нравы направляли по Преданию Церкви. Отличительною чертою всех святых Отцов было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви, и они заповедали такого только духовного наставника считать истинным, который следует во всем учению Отцов Восточной Церкви и их писаниями свидетельствует и запечатлевает свое учение. Кто ж думает руководить ближних из начал премудрости земной, из начал падшего разума, как бы он ни был блестящ, тот сам находится в самообольщении и последователей своих приводит к самообольщению. Святые Отцы постановили непременным правилом для желающего спастись — последование нравственному преданию Церкви. Для этого они заповедуют желающему жить благочестиво и благоугодно руководство наставлениями истинного учителя или руководство писаниями отеческими, соответствующими образу жизни каждого. По прошествии восьми столетий по Рождестве Христовом начинают Церковные святые писатели жаловаться на оскудение духовных наставников, на появление множества лжеучителей. Они заповедуют по причине недостатка в наставниках обращаться к чтению Отеческих писаний, удаляться от чтения книг, написанных вне недра православной Церкви. Чем далее времена отклонялись от явления на земле Божественного света, тем усиливался недостаток в истинных святых наставниках, усиливалось обилие в лжеучителях; они со времен открытия книгопечатания наводнили землю как потоп, как горькие апокалипсические воды, от которых умерло множество людей душевною смертию. *Мнози лжепророцы возстанут,* — предвозвестил Господь, — *и прельстят многие: и за умножение беззакония, изсякнет любы многих*[2]. Сбылось это пророчество: исполнение его пред очами нашими. И есть еще другое предсказание Господа о характере времени, в которое будет Его Второе, страшное пришествие на землю. *Сын Человеческий,* — сказал Господь, указуя на будущую судьбу веры, — *егда приидет, обрящет ли веру на земли?*[3] Тогда будут господствовать на ней лжеименный разум, премудрость человеческая, враждебная вере и Богу.

Что значит иноческая добродетель — послушание? Она — признание разума человеческого падшим и потому отвержение его буйством веры. От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения духовный разум, который — извещенная вера. Иноческое послушание процветало при обилии духовных настав-

ников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости: вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтоб предмет ее был истинный и духовный: тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к исступленному фанатизму. Руководство писаниями святых Отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги человека. Чудная книга — ум и сердце, исписанные Святым Духом! так и дышит из нее жизнь! так и сообщается эта жизнь слушающим с верою. Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным; кто же водится собственными разумениями, или учением лжеучителей, того должно признать погибшим.

В образец, как об этом предмете рассуждают святые Отцы, выписываю из сочинений святых Каллиста и Игнатия следующее: «Что было для вас причиною сокрушения и мертвости, между тем как мы сначала не были сотворены такими? Что опять было причиною обновления и бессмертия? Находим, что причиною первого, т. е. тления, были самонадеянность, своечиние и непокорство первого Адама, приведшие его к отвержению и преступлению Божественной заповеди; причиною второго, то есть нетления, повиновение второго Адама, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Отцу, едино-хотение с Отцом, от которых соблюдение заповеди Отца. *Аз*, — говорит Спаситель, — *от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю: и вем яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече мне Отец, тако глаголю*[4]. Как в праотце и племени его корнем и материю всех скорбей было возношение, так и в новом человеке, Богочеловеке Иисусе Христе и в желающих жить подобно Ему, начало, источник всего благого — смирение. Видим, что таковое стояние и порядок соблюдается и высшею нас священною иерархиею боговидных Ангелов: подобно им хранит их наша земная Церковь. Напротив того тайно научаемся и веруем, что уклоняющиеся от такового законоположения и дерзостно покушающиеся проводить жизнь в своеволии и непокорении отсекаются и отлучаются от Бога, от небесного светлого наследия, от соборной апостольской Церкви, отсылаются в тьму и огнь геенский. Мы утверждаем, что подверглись этому, по учению боговдохновенных словес, лукавые и злобные делатели диавола,

злословные еретики, которые по причине самоугодия и гордости лишились Божественной славы и наслаждения, извергнуты из священного собрания».

Статью, из которой заимствую выписку, оканчивают святые так: «Мы говорим это, утверждаясь на изречениях Отеческих, на изречениях Духа, как на столпах незыблемых» (Добротолюбие. Ч. 2. Каллиста и Игнатия о безмолвии и молитве, глава 15).

Познав путь ко спасению, не останавливайтесь вступить на него. Заключите блаженный завет, союз со святою Истиною; положите в душе Вашей пребывать верным во всю жизнь Истине. От одного этого благого намерения прольется в Ваше сердце легкость, радость, сила — свидетели принятой святой Истины.

Сердцем веруется в правду, потому что она правда, *усты исповедуется во спасение.*

[1] *...сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10. 10).

[2] *..многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24. 11, 12).

[3] Лк. 18. 8.

[4] *..Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец* (Ин. 12. 49, 50).

№ 40

Прекрасно Ваше желание — находиться в полном послушании у опытного наставника. Но этот подвиг не дан нашему времени. Его нет не только посреди мира христианского, нет даже в монастырях. Умерщвление разума и воли не может быть совершаемо человеком душевным, хотя бы и добрым и благочестивым. Для этого необходим духоносный отец: только пред духоносцем может быть явна душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им. Ученик для чистоты своей совести должен с точностию и подробностию исповедовать свои помышления; но наставник не должен руководствоваться этою исповедью в суждении о душевном состоянии ученика; он должен духовным ощущением проникать, измерять его, и поведать ему незримое им состояние души его. Так действовали Пахомий Великий, Феодор Освященный и прочие святые наставники иноков. Феодору Освященному говорили ученики: «Отец! обличи меня!» — и он, движимый Святым Духом, являл каждому сокровенные в нем душевные недуги. Эти

великие Отцы признавали «послушание иноческое» особенным даром Святого Духа: так повествует писатель, современный им, преподобный Кассиан. Послушание — «чудо веры»! Совершить его может един Бог. И совершили его те человеки, которым дан был Богом этот дар свыше. Но когда люди захотят собственными усилиями достичь того, что дается единственно Богом, тогда труды их суетны и тщетны; тогда они подобны упоминаемым в Евангелии здателям столпа, начинающим здание без средств к совершению его. Все мимоходящие, то есть бесы и страсти, посмеваются им: потому что по наружности они будто совершают добродетель, а в сущности находятся в горьком обмане, в слепоте и самообольщении, подчинены страстям своим, исполняют волю бесов. И многие думали проходить послушание! а на самом деле оказалось, что они исполняли свои прихоти, были увлечены разгорячением. Счастлив тот, кто в старости своей успеет уронить слезу покаяния на увлечения юности своей. О слепых вождях и о водимых ими сказал Господь: *Слепец же слепца аще водит, оба в яму падут* (Мф. 15. 14).

Нашему времени дан другой подвиг, сопряженный с многими трудностями и преткновениями. Нам пришлось совершать путешествие — не днем, не при солнечном ясном свете, а ночью, при бледном свете луны и звезд. Нам даны в руководство Священное и Святое Писание: это прямо говорят святые Отцы позднейших времен. При руководстве Писанием полезен и совет ближних, именно тех, которые сами руководствуются писаниями Отцов. Не думайте, чтоб подвиг наш лишен был скорбей и венцов: нет! он сопряжен с мученичеством. Это мученичество подобно томлению Лота в Содоме: душа праведника томилась при виде непрестанного и необузданного любодеяния. И мы томимся, отвсюду окруженные умами, нарушившими верность истине, вступившими в блудную связь с ложью, заразившимися ненавистию против писаний, вдохновенных Богом, вооружившимися на них хулою, клеветою и насмешкою адскою. Наш подвиг имеет цену пред Богом, на весах Его взвешены и немощь наша, и средства наши, и обстоятельства, и самое время. Некоторый великий Отец имел следующее видение: пред ним земная жизнь человеков изобразилась морем. Он видел, что подвижникам первых времен монашества даны были крылья огненные, и они как молния перенеслись чрез море страстей. Подвижникам последних времен не дано было крыльев: они начали плакать на берегу моря. Тогда дарованы им были крылья, но не огненные, а

какие-то слабые: они понеслись через море. На пути своем по причине слабости крыл, они часто погружались в море; с трудом подымаясь из него, они снова начинали путь и наконец, после многих усилий и бедствий, перелетели через море.

Не будем унывать! не будем безрассудно стремиться к блестящим подвигам, превышающим наши силы: примем с благоговением смиренный подвиг, очень соответствующий немощи нашей, подаемый как бы видимо рукою Божиею. Совершим этот подвиг с верностию святой Истине — и среди мира, шумною, бесчисленною толпою, стремящегося по широкому, пространному пути вслед своевольного рационализма, пройдем к Богу по стезе узкой послушания Церкви и святым Отцам. Не многие идут по этой стезе? — Что до того! Сказал Спаситель: *Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство. Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его*[1].

[1] *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Лк. 12. 32; Мф. 7. 13, 14).

№ 41

Вы спрашиваете, почему необходимо чтение святых Отцов? Не довольно ли будет руководствоваться одним Священным Писанием — чистым Словом Божиим, в котором нет примеси слова человеческого?

Отвечаю: непременно нужно при чтении Писания, чтение святых Отцов Восточной Церкви. Вот что говорит святой апостол Петр о Священном Писании: *Всяко пророчество книжно по своему сказанию не бывает* (русский перевод: никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою). *Не бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа просвещаеми глаголаша святии Божии человецы* (2 Пет. 1. 20–21). Как же вы хотите произвольно понимать духовное слово, которое и произнесено не произвольно, а по внушению Духа, и само запрещает произвольное толкование себя. Дух произнес Священное Писание, и только Дух может истолковать его. Вдохновенные Богом мужи, пророки и апостолы написали его; вдохновенные Богом мужи, святые Отцы истолковали его. Поэтому всякому, желающему стяжать истинное познание Священного

Писания, необходимо чтение святых Отцов. Если ж Вы ограничитесь чтением одного Священного Писания, то по необходимости должны понимать и объяснять его произвольно. По той же необходимости невозможно Вам будет избегнуть заблуждений; потому что *душевен человек не приемлет яже Духа Божия, и не может уразумети, зане духовне востязуется* (русский перевод: душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2. 14). *Божия никтоже весть, точию Дух Божий*[1].

Особенно ненавидят Отеческих писаний еретики всех времен: писания Отцов открывают прямой смысл Священного Писания, который враги Истины хотели бы искажать для утверждения своих лжеумствований. Ересиарх Евтихий выразил свое нерасположение к Отцам на поместном Константинопольском Соборе. «Священное Писание, — лукаво сказал он, — следует больше уважать нежели Отцов», — и сказал потому, что тогда писаниями святых патриархов Александрии Афанасия Великого и недавно почившего Кирилла ясно обличалось его заблуждение богохульное. Вселенская Церковь, напротив того, всегда питала особенное уважение к отеческим писаниям: этими писаниями сохранялось единение церковное, для которого необходимо всеми принятое, истинное, благодатное изъяснение Писания. Вселенские соборы всегда начинались с чтения тех отеческих писаний, в которых с особенною подробностью излагались догмат или предание, рассмотрение которых составляло предмет совещаний собора. И опираясь на Отеческие писания, Собор обличал ересь, произносил православное учение и исповедание. Точно так же и в частной жизни святые подвижники первоначально воспитывались отеческими писаниями, только тогда они переходили к чтению преимущественно Священного Писания, когда уже достигли особенного духовного преуспеяния. «Глубоко море Писания, — сказал святой Иоанн Лествичник, — и не безбедственно носится по нему ум безмолвника: опасно плавать в одежде, и касаться богословия странному» (Слово 27. О безмолвии). Эта опасность, это бедствие очевидно заключается в произвольном толковании, в ложном понятии Писания, отчего многие иноки впали в гибельное заблуждение.

Напрасно еретики выставляют свое мнимое уважение к Священному Писанию, коварно намекают, что православная Церковь мало его уважает, излишне уважая святых Отцов, которых они отвергают, которых они осыпают клеветами и ругательствами бесстыдными и бессовестными. Уважение еретиков к Священному

Писанию — ложное, лицемерное; что за уважение к Слову Божию, когда предоставлено каждому, как бы он порочен ни был, понимать и толковать его произвольно? Святая Церковь, принимая благодатное толкование Священного Писания святыми Отцами, этим самым доказывает свое глубокое уважение к Священному Писанию: она чтит его, как должно чтить слово Божие. Она научает чад своих не быть дерзкими относительно слова Божия, удерживать их от гордостного своеволия и безчиния, повелевает воспитываться чтением святых Отцов и при руководстве их проникать в чудный свет Слова Божия, поражающий слепотою тех, которые осмеливаются воззреть на него без должного приготовления, умом нечистым и сердцем грехолюбивым. Стоит только обратить внимание на богослужение Восточной Церкви, чтоб убедиться в ее глубоком благоговении к Священному Писанию. Евангелие — всесвятая книга, заключающая в себе слова, произнесенные к человекам Самим воплотившимся Богом — всегда присутствует на святом престоле, живо изображая Самого Христа. К всенародному чтению его допускаются одни священные лица; когда оно читается — все внимают ему, как говорящему Христу: когда оно выносится из алтаря, — предшествуют ему зажженные свечи. Выносится оно и полагается на налой среди храма: тогда все присутствующие православные христиане благоговейно преклоняют пред ним колена, как пред словом Божиим, со страхом и любовию лобызают его. А в это время еретик, только что хвалившийся уважением своим к Священному Писанию, соблазняется на благоговение чад Святой Церкви пред Евангелием, насмешливо называет их поклонение слову Божию идолопоклонством, поклонением бумаге, чернилам, переплету; несчастный слепец! он видит в этой книге только бумагу, чернила, переплет — не видит Евангелия Христова. Всенародное чтение апостольских посланий совершается диаконами и чтецами; чтение прочего Священного Писания совершается чтецами посреди храма. Церковные же песнопения, сочиненные святыми Отцами, содержат в себе полный курс догматического и нравственного богословия. Слава Богу, сохранившему Церковь Свою в чистоте и святыне! Слава святой Восточной Церкви, единой святой и истинной! Все предания, все обычаи ее святы, благоухают духовным помазанием! Да постыдятся все, противомудрствующие ей, все отделяющиеся от единения с нею.

Имейте благоговение к Священному Писанию, благоговение, должное для истинного сына истинной Церкви; имейте должную

доверенность и благоговение к писаниям Отеческим. Тот же самый Дух Божий, который действовал в пророках и апостолах, — действовал в святых учителях и пастырях церковных: свидетель этого догмата святой Апостол: *положи Бог*, — говорит он, — *в Церкви первее апостолов, второе пророков, третие учителей*[2].

Сообразно словам Апостола, словам Священного Писания и указанию Церкви — первое место в благочестивом чтении Вашем должны занимать писания апостолов. Между писаниями апостолов первое место занимает Евангелие. Чтоб правильно понимать Новый Завет, читайте святых учителей церковных, читайте и Псалтирь и прочие книги Ветхого Завета. Очищайте себя евангельскими заповедями и благочестивыми подвигами. Сообразно чистоте души, является ей Бог, открывается ей Божие Слово, для плотских очей прикрытое непроницаемою завесою слова человеческого.

[1] ...*Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор. 2. 11).

[2] ...*Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями* (1 Кор. 12. 28).

№ 42

Сердце Ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку — страшно. *Не бывайте раби человеком*[1], — сказал апостол.

Всегда трогали меня до глубины сердца слова святаго Иоанна Предтечи, произнесенные им относительно Господа и себя, сохраненные нам в Евангелии Иоанна: *Имеяй невесту*, — говорит святой Предтеча, — *жених есть: а друг женихов, стоя и послушая его, радуется за глас женихов: сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же малитися*[2].

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о бесконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благости Его и силе: пусть они полюбят Христа, точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспеяния. Доколе плотское чувство преобладает в учениках, — велик пред ними наставник их; но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие.

Охранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками своими в сеть диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным вихрем или заглушаемое вонею смрадною. Не давайте в сердце Вашем места никакому кумиру.

И ты, наставник, охранись от начинания греховного! не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святаго Предтечи: единственно ищи того, чтоб возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится, — ты умалишься: увидев себя умалившимся по причине возростшего Христа, исполнись радости. От такого поведения чудный мир будет навеваться на сердце твое: в себе увидишь исполнение слов Христовых: *смиряяй себе, вознесется*[3].

Блаженны те, которые с самоотвержением следуют истинному Евангельскому учению, которые отреклись от удовлетворения похотениям тела и похотениям души! Похотения падшего тела — греховны: греховны и похотения падшей души. Она всюду ищет осуществить свое я, соделаться каким-то отдельным, самостоятельным, первенствующим существом, для которого должно существовать все прочее. Евангелие требует, чтоб такая жизнь была умерщвлена, чтоб человек признал Бога Богом, а сам встал на свое место: в разряд созданий. По умерщвлении безумной, мечтательной, на самом деле несуществующей жизни, может явиться истинная жизнь, с преизобильным ощущением существования — жизнь в Боге.

[1] *...не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7. 23).

[2] *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умаляться* (Ин. 3, 29–30).

[3] *кто унижает себя, тот возвысится* (Мф. 23. 12).

№ 43

Евангелие заповедует любовь к врагам; святые Отцы похваляют любовь, равную ко всем. — Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия?

Вот о чем думаю теперь беседовать с Вами. Хотелось бы мне сказать Вам об этом предмете слово не мое, а Божие: да дарует мне это слово милосердый Бог.

Понимаю только ту любовь, которая действует по священным велениям Евангелия, при его свете, которая сама — свет. Другой любви не понимаю, не признаю, не принимаю. Любовь, превозносимая миром, признаваемая человеками их собственностию, запечатленная падением, недостойна именоваться любовию: она — искажение любви. Потому-то она так враждебна любви святой, истинной.

Истинная, святая любовь к Богу и ближнему отчетливо изображена в евангельских заповедях; правильное, непорочное действие ее является в исполнении евангельских заповедей. *Кто любит меня*, — сказал Господь, — *заповеди Моя соблюдет*[1]. В такой любви не может быть ни мечтательности, ни плотского разгорячения, потому что исполнение Христовых заповедей совершается новоначальными с насилием над собою, с таким насилием, что оно названо распятием, а преуспевшими и ощутившими благодатное осенение — с обильным ощущением мира Христова. Мир Христов есть некоторый тонкий духовный хлад: когда он разольется в душе — она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости.

Не приидох, — говорит Законоположитель любви святой и истинной, говорит сама Любовь — Бог: *Не приидох вврещи мир на землю, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невестку на свекровь свою: и врази человеку домашнии его* (Мф. 10. 34–36). А все поступки наши по отношению к ближнему, и добрые и злые, Господь будет судить, как бы они были сделаны относительно Его Самого (Мф. 25). Весь закон Господь сосредоточил в двух заповедях: в любви к Богу и в любви к ближнему. *Любовь — союз совершенства*[2], — сказал апостол. Если так, то для чего же меч, для чего вражда и разлучение? Потому что Бог отвергает любовь плотскую, любовь, которую узнал Адам по падении, — принимает только одну духовную любовь, которую явил миру Новый Адам, Господь наш Иисус Христос. Мы должны любить так, как Он любит: любовь падшего ветхого Адама — плод запрещенный в раю Нового Завета. Она-то преисполнена порывов, мечтательности, переменчива, пристрастна, любит создание вне Бога. Устранен Бог всецело из отношений этой любви, призван к участию в ней грех и сатана.

Любовь духовная постоянна, беспристрастна и бесстрастна, вся — в Боге, объемлет всех ближних, всех любит равно, но и с большим различием. *Любите враги ваша*, — говорит Евангелие, — *благословите клянущия вы, добро творите ненавидящим вас и*

молитеся за творящих вам напасть и изгоняющия вы (Мф. 5. 44). Здесь ясно и определительно изображено, в чем должна состоять любовь к врагам: в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, т. е. в благих словах о них и в благодарении Бога за наносимые ими напасти, в благотворении им соответственно силам и духовному преуспеянию, в благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врага. Пример такой любви к врагам явил Спаситель.

Но то же самое Евангелие повелевает быть осторожным с врагами своими, не вверяться им. *Се Аз посылаю вы,* — сказал Господь ученикам Своим, — *яко овцы посреде волков. Будьте убо мудри яко змия и цели яко голубие. Внемлите же и от человек: предадят бо вы на сонмы, и на соборищах их биют вас... Будете ненавидимыми всеми имене Моего ради*[3]. И так самим Евангелием предписана осторожность в отношении ко врагам и по возможности мудрое с ними обхождение. Вражду производит дух мира: часто она заступает место плотской любви. Но и самая плотская любовь очень похожа на вражду. Один потомок ветхого Адама способен к плотской любви и ко вражде: чем живее в нем ветхость, тем сильнее действуют недуги, которыми падение поразило любовь, вражда, зависть, ревность, плотская любовь. Раб Христов не может быть врагом чьим-либо.

Вы видите — Евангелие предписывает нам любовь ко врагам не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением. Любовь — свет, слепая любовь — не любовь. Подобное этому должно сказать и о любви к друзьям. Евангелие повелевает, чтобы любовь эта была о Христе, чтоб Христос был любим в ближнем, а ближний был любим, как создание Божие. По причине этой любви в Боге и ради Бога, святые угодники Божии имели и равную любовь ко всем, и любили особенно тех, которые проводили жизнь благочестивую, как сказал святый Давид: *мне же зело честни быша друзи Твои Господи*[4]. Наставляемые чувствовали более расположения к тем наставникам, в которых усматривали особое обилие духовного разума и других духовных дарований, душеназидательных и душеспасительных. Наставники любили более тех духовных чад своих, в которых усматривали особую тщаливость к добродетели и особенное действие благоволения Божия. Такая любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всех Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, другой меньше. Сокровище — одно!

Где Христос, там нет зависти и рвения. *Любы не мыслит зла!* — там спокойствие, там мысли благие, там постоянство, там святой мир. Любовь, сопровождаемая рвением — земная, плотская, нечистая. Очи у святой любви — как у орла, как у пламенного Херувима: от них не может скрыться и малейшее греховное движение. Но сама любовь неприступна для греха, всегда пресмыкающегося на земле; она живет на небе, — туда переносит на жительство ум и сердце, соделавшиеся причастниками Божественной любви.

[1] Ин. 14. 15.
[2] Кол. 3. 14.
[3] *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас... и будете ненавидимы всеми за имя Мое* (Мф. 10. 16–17, 22).
[4] *А мне весьма почтенны друзья твои, Боже* (Пс. 138. 17).

№ 44

Один род служения ближнему, которое мне нравится, мне по душе — служение словом богоугодным и полезным, руководствующим во спасение. Поэтому вожделенны мне пустыня и уединение. При помощи их желалось бы мне очистить мои ум и сердце, очистить их так, чтоб они соделались живыми скрижалями живого Божия Слова, чтоб оно изобразилось на них ясно, светло, чтоб из живого Божия слова истекало обильное спасение, проливалось в душу мою и в души возлюбленных моих о Господе.

Величайшее, единственное благо для человека — познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами. Оно — верный залог вечного блаженства — и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, — оно сохраняет всю свою силу. Оно — величайший дар Божий. Блаженнейшее, высшее служение на земле — привлекать в себя этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение, как бы он ни был ничтожен по наружности. С этим служением несовместимы попечения земные. Оно требует, чтоб служитель был прост и невинен, как младенцы, — был так чужд сочувствия ко всему вожделенному и сладостному миру, как чужды его младенцы. Надо потерять самое понятие о зле, как бы его вовсе не было, иначе понятие о добре не

может быть полным, чистым, совершенным. *Любы*, которая *соуз совершенства, не мысли зла*, — сказал Апостол. Чистые сердцем видят всех чистыми. Надо столько преуспеть в добре, чтоб тотчас, сердечным духовным ощущением познавать приближающееся зло, как бы оно прикрыто и замаскировано ни было, немедленно, с мужественною решительностию отвергать его — и пребывать неизменно благим, благим о всеблагом Господе, дарующем свою благость человеку. Для этого нужно оставить земные попечения и самые обязанности, сопряженные с попечениями и пагубным развлечением.

Ныне во многом люди дерзнули в установления Святаго Духа ввести свои установления. По этой причине сделались установления небесные земными, духовные плотскими, святые греховными, мудрые нелепыми. Видят несообразность, видят текущее из нее разрушение; но не видят начала, из которого текут бедствия: потому что смотрят при свете собственного падшего разума, а не при свете Божием. Начало бедствий заключается в непозволительном и гордом презрении велений Святаго Духа, в заменении их своими уставами. Вот где причина всеобщего расстройства, причина падения христианства, падения нравственного, всегда предшествующего расстройству гражданскому, предвещающего это расстройство. Есть в частности христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялись в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными, или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она; никто ее не останавливает, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат — так отяжелел слух их — спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви, который еще громко обличает их неправду, возвещает им о пути правом, указывает его. Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. *Прилпе земли душа их*[1], неспособна к восприятию впечатлений духовных.

Но некоторые избранники доселе слышат голос истинного Пастыря, Господа нашего Иисуса Христа. На этот голос идут они, пробиваясь с величайшим усилием и трудом, сквозь густую тол-

пу, несвязно шумящую, их окружающую. Доселе эти избранники отдают справедливость на земле небесной правде. Очень мало число их! но Господь ободряет их: *Не бойся*, — говорит Он, — *малое стадо, яко благоизволи Отце вам дати Царство*[2].

Какой признак этих овец, по которому тотчас можно было узнать их? Этот признак — точное послушание святой Церкви, верность святой Истине и Святому Духу. Водимые истинным смирением, они отрекаются от разумений своего падшего естественного разума и от всех разумений человеческих, как бы они по наружности ни казались возвышенными и привлекательными. Чтоб сохранить верность Богу, они не стыдятся, что мир называет их безумными. Не только терпят они великодушно гонения от мира, но и сами себя подвергают различным лишениям, и тем сохраняют в себе «мертвость Иисусову и живот Его». Это значит: «погублять душу свою в веке сем, чтоб приобрести ее для вечности чрез оживление Духом».

Пребудем в верности Святому Духу. Он Пресвят и Пречист, — почивает в одних чистых и святых, любит смиренных, доказывающих свое смирение не чем-нибудь наружным, но повиновением ума Евангелию и Церкви. Он отвращается от своеразумных, отделяющихся от единства Церкви для какой-нибудь мысли, льстящей уму и сердцу. Он удаляется от них — и приступает к ним темный дух прелести. «Одна мысль ложная, — сказал некоторый святой Отец, — может низвести в ад».

Легче думают омраченные сыны мира сего о мыслях о Боге; по их мнению, мыслить о Боге так или иначе — не большая беда. Несчастные! они не знают, как важны мысли о Боге, как важна в них Истина и ей всегда соприсутствующий и содействующий Дух. От взаимного их действия — оживление человека во спасение, которое состоит в причастии естества человеческого Божественному естеству. Напротив того, мыслям ложным всегда соприсутствует и содействует темный и лукавый дух обольщения. *Отец лжи — диавол*[3] — так говорит Евангелие; ложь — диавольское свойство. Усвоивший себе мысли ложные, усвоил себе свойства диавола, вступил в сродство с отверженными ангелами, сделал для себя соединение с Богом несродным, не естественным. Чуждый Бога — чужд спасения и жизни духовной.

Будем сохранять себя от мыслей ложных и истекающих от них сердечных ощущений. Из таковых ложных мыслей и ощущений составляется так называемая «прелесть», или самообольщение, имеющие бесчисленные разнообразные виды, по степе-

ни, по роду принятых человеком ложных мыслей и ощущений за истинные. Стяжем истинное познание о Боге, чуждое заблуждений и умствований; оно сияет из Священного Писания и писаний святых Отцов, как свет из солнца, ярко блестящего в час полуденный с лазуревого безоблачного неба.

[1] Пс. 118. 25.
[2] Лк. 12. 32.
[3] Ин. 8. 44.

№ 45

На всех нас, человеков, взирает всесовершенный Бог. Пред Его бесконечным добром исчезает добро человеческое, которое так несовершенно, что, по весьма справедливому приговору некоторого святого Отца, его скорее можно назвать искажением Закона Божия. И самый добродетельнейший Авраам имеет похвалу за добродетели свои пред человеками, но не пред Богом. Пред Богом вменена ему в добродетель вера в восполняющего недостатки человеческие — Бога. Тогда только приемлет Бог добродетели наши, когда они — свидетели веры; сами же по себе они недостойны Бога. *Вся правда наша*, —сказал святой пророк Исаия, — *яко порт жены блудницы*[1]. По этой причине Бог, взирая на сердца наши, благоволит о одних сердцах смиренных, исполненных сознания своей греховности, исполненных покаяния, исповедующих ничтожество своего добра естественного, повреждение его падением, приносящих ему желание добра духовного. Может человек совершать душевные добродетели собственными силами; а добродетели духовные в человеке — дар в нем милосердого Бога, подающего этот дар нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой.

Блаженны вы, познавшие различие между добродетелями духовными и душевными, между добродетелями, свойственными одному Новому Адаму, и добродетелями, к которым способен ветхий Адам, между добродетелями евангельскими и добродетелями нашего падшего естества, добродетелями, которых не чужды идолопоклонники, магометане и все прочие люди, уклонившиеся от последования святой Истине. Вы говорите, что желание добра духовного в Вас еще шатко? — В ком оно не шатко? — с какою легкостию сердце изменяет добру! какою забывчивостью, ослеплением, какими увлечениями и падениями сопровождаются эти изменения! какой нужен труд, какая нужна борьба с самим собою, чтоб возвратиться к добру! и снова нужен труд, и снова нуж-

на упорная кровавая борьба, чтоб устоять в верности к добру! Древний искуситель, опытный искуситель непрестанно предлагает вкушение плода запрещенного. Для победы над злом нам необходима помощь Божия. Когда содействует нам эта всесильная помощь — мы побеждаем; когда она удаляется от нас — мы побеждаемся. *В обилии моем*, — сказал святый Давид, — *не подвижуся во век; отвратил еси лице Твое, — и бых смущен*[2]. При побеждении нашем мы столько чувствуем немощь нашу, что состояние победителей для нас кажется несродным, невозможным; при победах, если б не уверяли нас прежние опыты, мы не поверили бы, что так близко к нам побеждение — и таким ничтожным, отвратительным врагом, как грех. Премудрый Промысл устроил так, чтоб подвижники Божии не всегда находились в состоянии радости, торжества и победы. Таковое непрестанное состояние могло бы породить в них лютую гордость: не видя никогда на опыте побеждения своего и немощи, они возмнили бы, что состояние непрестанного торжества над грехом принадлежит им самим, а не дар Божий. Потому-то Бог растворил для них, как говорит преподобный Исаак Сирский, «утешение и нашествия, свет и тьму, брани и заступления, короче сказать, утеснение и пространство. И это признак, что человек преуспевает при помощи Божией» (Слово 78). От такого растворения побед и побеждений, от переходов от одних к другим, человек более и более познает свою немощь — постепенно возвеличивается пред ним Бог, и наконец соделывается для него *все*, предметом всей любви его, надежды и веры. Этот путь, которым ведет человека Сам Бог, при котором человек содержится в непрестанном сокрушении духа, в нищете духовной, в зрении своих согрешений, в плаче о них, называется путем покаяния. По нему пошли все святые от греха к Богу. Этот путь освещен учением Святаго Духа, сияющим из Священного Писания и писаний Отеческих.

На пути покаяния Вы не найдете довольства собою. Смотря в себя, вы не найдете ничего льстящего Вашему самомнению: напротив того Вы найдете многое достойное сетования и воздыханий, достойное горьких и продолжительных слез. Вас будут утешать Ваш плач и Ваши слезы; утешением Вашим будет легость и свобода совести: их принесут, постепенно будут усиливать и развивать Ваш плач, Ваши воздыхания, Ваши слезы. Одни смиренные, одни нищие духом найдут покой свой и временный, и вечный. Таков жребий и удел, отделенный Богом для тех, которых Он избрал в духовное, истинное служение Себе. В продолжение

земной жизни они должны пребывать в покаянии, чуждыми наслаждений и увеселений тленных — и этим непрестанным покаянием в покаянии отличаются избранники Божии от сынов мира. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Говорит святой Исаак Сирийский: «Если мы все грешны и ни один из нас не возвысился превыше всякого искушения, то ни одна из добродетелей не может быть превыше покаяния (то есть все добродетели, и самые высшие, должны быть растворены покаянием). Подвиг покаяния никогда не может быть оконченным: он приличествует всегда и всем грешникам и праведникам, хотящим получить спасение. Нет того предела, который бы обозначал совершенное исполнение его, потому что совершенство и самых совершенных есть поистине несовершенно. Почему покаяние не может быть определено ни временем, ни количеством подвигов даже до смерти» (Слово 71).

В другом слове этот великий наставник говорит: «Покаяние есть дверь милости Божией для тех, которые тщательно упражняются в нем. Этою дверию мы входим к Божественной милости: к этой милости не войти нам иначе, как только этою дверию» (Слово 85). Тщетны, бесплодны, часто душевредны подвиги, и самые возвышенные, когда они не растворены чувством покаяния. Покаяние чуждо самообольщения, неприступно для него. В том, что Бог открыл Вам путь покаяния, видна особенная милость Божия к Вам, особенный Промысл Божий о Вас. Отделитесь от земли умом и сердцем! Начните по открывшемуся перед Вами пути шествие Ваше к Богу. По мановению Божию все обстоятельства, даже по наружности противные, будут помогать Вам. *В терпении вашем стяжите душу вашу*, взирая с великодушным снисхождением на ее немощи, на ее невольные увлечения. Требование от себя неизменяемости и непогрешительности — требование несбыточное в этом преходящем веке! Неизменяемость и непогрешительность свойственны человеку в будущем веке; а здесь мы должны великодушно переносить немощи ближних и немощи свои. Избегайте по возможности всех согрешений; а неизбежимые Ваши немощи, в которые невольно впадает мысль и сердце, терпите мужественно. Стяжите по причине немощей Ваших глубокое и постоянное чувство нищеты духовной, столько благоприятное Богу, — не уныние и малодушие! И совершайте путь земной жизни, ходя пред Господом в сокрушении духа.

[1] См.: Ис. 64. 6.
[2] Пс. 29. 7, 8.

№ 46

Ничто тленное, преходящее не может удовлетворить человека. Если оно кажется удовлетворяющим, — не верьте ему: оно только льстит. Не долго будет льстить: обманет, ускользнет, исчезнет, — оставит человека во всех ужасах нищеты и бедствия. Божие — положительно, вечно. В начале оно, подобно малейшему зерну, появляется в сердце в виде малейшего благого влечения, желания; потом начнет возрастать мало-помалу, обымет все мысли, все чувствования, обымет и душу и тело; сделается подобным древу, великому и ветвистому. Птицы небесные, то есть ангельские помышления и созерцания, придут витать на ветвях его. Это должно совершиться над христианином во время земной его жизни. Над кем оно совершится, тот, при вступлении в вечность, увидит себя гобзующим духовными сокровищами, — залогами нескончающегося блаженства. Такое состояние — уже здесь на земле вечное блаженство, прежде явного вступления в вечность смертию тела. Такая жизнь — уже отселе вечная жизнь.

№ 47

Святая вера, над которою смеялись и смеются рационалисты, называя ее слепою, столько тонка и возвышена, что может быть постигнута и преподана только одним духовным разумом. Разум мира противен ей, отвергает ее. Когда же по какой-нибудь материальной необходимости найдет ее нужною или терпимою; тогда понимает ее ложно и объясняет ее ложно: потому что слепота, приписываемая им вере, есть его неотъемлемая принадлежность. Тогда только вера свята и истинна, когда она — вера в святую Истину, когда она — вера, принесенная на землю вочеловечившеюся Божескою Истиною, Господом нашим Иисусом Христом. Всякая другая вера, кроме веры в святую Истину, есть суеверие. Плоды суеверия — погибель. Такая вера осуждена Богом: ею веруют идолопоклонники в своих кумиров, мусульмане в лжепророка Магомета и коран, еретики в свои богохульные догматы и в своих ересиархов, рационалисты в падший разум человеческий. Ею будут веровать в антихриста его последователи.

II
Другие письма

№ 1

Ваше Превосходительство

Вследствие [*нрзб.*] письма Вашего, все будет с должною точностию исполнено. Надежда на Господа, преданность Его Святой воле да утешат Вас в настоящей Вашей печали!

Все мы кратковременные гости в здешнем мире: отечество наше есть небо. Тот с благодерзновением вселяется в сие отечество, кто во время гощения своего на земли от всего сердца веровал в Спасителя, поступки свои соображал с Божественным Законом, был радостию и подпорою семейства, полезным членом гражданского общества.

Моля Господа, чтобы Он с горнего престола своего призрел на скорбь Вашу и утешил Ваше сердце Небесным утешением, вчинив покойного сына Вашего в сонм праведных, в наслаждение непрестающее и не пресекаемое никакою горестию, честь имею быть с совершенным высокопочитанием

30-го Маия 1835 года

№ 2

Бог, пославший Вам скорбь, да дарует и силы к мужественному, великодушному перенесению скорби. Блаженны те, которые уходят непорочными из этого мира, наполненного греховными соблазнами. А соблазны непрестанно возрастают, умножаются в мире, делают спасение более и более затруднительным. Святая церковь препровождает почивших младенцев из этого мира в мир вечный не с плачевными песнями, а с песнями радостными. Она признает их блаженство верным: молитвы ея при погребении младенцев не говорят о неизвестной судьбе человека после смерти, как говорят о ней умилительно и плачевно при погребении возрастных. Эти молитвы и испрашивают у Бога почившему младенцу упокоение (потому что никакая чистота человеческая, сама по себе, не может быть достойною небесного блаженства: оно дар Божий), и признают, что упокоение дано, — почившего младенца уже называют блаженным. Младенцы в кратковременное пребывание на земле избегают всего, что лишает блаженной вечности, успевают исполнить все, что доставляет блаженную вечность; омываются от прародительского греха и сочетаваются Христу

крещением, соединяются с Ним во едино приобщением Его телу и крови и соединенному с ними Божеству Его. Не успев осквернить ни священного омовения, ни блаженнейшего соединения с Богом, они отходят из сего суетного мира, идут естественно туда, куда принадлежат. Мы, возрастные не имеем этого счастия: белая одежда души, в которую облекаемся крещением, испещряется в течение земной жизни нашей бесчисленными пятнами; соединение с Богом мы расторгаем прелюбодейным соединением с грехом. Возраст зрелый и опыт должны бы были сделать нас совершенными, а мы теряем и те достоинства, которые имели, быв младенцами. Наше душевное состояние делается столько неправильным, ложным, сочиненным, что Евангелие, призывая нас к исправлению, называет это исправление обращением, как бы из язычества или магометанства. Оно повелевает нам обратиться и придти в то состояние, в котором были детьми. *Аминь глаголю вам*, свидетельствует оно: *аще не обратитися и будете яко дети, не внидите в Царствие Небесное*[1].

Эти мысли могут утешить Вас, матерь, рыдающую о отшедшем отсюда в вечность блаженном младенце дщери Вашей. Покорите ум и сердце Ваше воле Божией премудрой и всеблагой: в этой преданности Вы найдете успокоение и отраду для души Вашей. Бог взял возлюбленное дитя Ваше на небо, и вместе с ним взял туда Ваш ум и сердце. Там — хорошо.

Никто в нас, — сказал Апостол, — *себе живет, и никто же себе умирает. Аще бо живем, Господеви живем: аще же умираем, Господеви умираем. Аще убо живем, аще умираем Господни есмы* (Рим. 14. 7, 8). Оставшись жить на земли, живи не для себя, а для Господа: живет для Господа тот, кто живет для исполнения его воли; живет для себя тот, кто живет для исполнения своих пожеланий. Последний хотя и кажется для смотрящих одними чувственными глазами живым, но душею он мертв, вменяется как бы не существующим для Господа, не вписан в книгу живота, имя его внесено в другие книги, Господь для него как бы несуществующий. Нет Бога для того, кто не верует живою верою в Бога! (Еф. 2. 12.) Первый не умирает: телесною смертию он только переходит в большее развитие жизни. Блюди! чтоб не ожить для себя! жизнию о Господе умерщвляй жизнь свою, греховную, плотскую и душевную, и тем сохраняй себя в живот вечный.

[1] Мф. 18. 3.

№ 3[1]

Блюдите како опасно ходите, яко дние лукави суть, — сказал Апостол. Если в его время нужно было это наставление спасающимся, тем нужнее оно в наше время. Точно! Нужны нам большая осторожность, большая осмотрительность, большее благоразумие: примеры святости, средства к достижению святости уменьшились, — примеры соблазнительные, средства расстроить себя грехом умножились. Беда и в пустынях, беда и в городах! Но есть еще спасающиеся и спастись еще возможно по неизреченной милости Божией.

Руководствуясь советом Евангелия (Лк. 14. 28), сочти силы свои, и душевные и телесные, соответственно им избери себе место жительства.

Тот же Бог, который спасает в пустыне, спасает и в городе. Тот же грех, который губит в городе, губит и в пустыне. Почему городской ли, пустынный ли монастырь изберешь в место жительства соответственно своим силам, помни Бога, держись близ Его, удаляйся от греха, от всех поводов к греху, — и Бог будет с тобою. Займись чтением святых отцов Восточной Церкви: они научат тебя непогрешительно идти путем иноческой жизни. Удаляйся от излишних знакомств вне и внутри монастыря, и от всего, что приводит в развлечение: развлечение, подобно инею, уничтожает все младые прозябения иноческих добродетелей. Развлечение — начало всех зол для инока: так назвали его Святые Отцы. Ограничься знакомством, необходимым для твоих нужд, душевных и телесных. Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставлениях духовных. Их заменяют для подвижника писания отеческие. Таковы: Лествица, сочинения Ефрема Сирского и Аввы Дорофея, письма Великого Варсонофия, Патерик Скитский, Добротолюбие, и другие. Образуй себя чтением их и молитвою в сокрушении духа. Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его, — и тем будь доволен, ныне добросовестные духовники — великая редкость.

Многие возлагают тяжкие бремена на рамена ближних, но мало таких, которые научили и помогли носит бремена. — Остерегись от сети диавола, который внушает неприметно человеку приняться за жительство и подвиги, превышающие силы его: диавол делает это с тем умыслом, чтоб истощить преждевремен-

[1] РНБ РО. Ф. 1927. Д. 288. С. 275–276.

но силы человека и сделать его неспособным ни к какому душеполезному занятию.

Христос с тобою. Поручаю себя твоим святым молитвам.

1848 года августа 18-го дня

№ 4

Без Божией помощи и благодати никто из человеков не силен противостать борениям невидимым, возникающим в его сердце и производящим душевную бурю. Молитва и чтение слова Божия помогают в бурях душевных, но и при этом пособии не скоро человек справится с самим собою, не скоро взойдет в пристанище нерушимого спокойствия, потому не скоро мысли и ощущения божественные усвоиваются падшему естеству нашему, не скоро вера делается живою, как бы очами видящею Бога. От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу, мир помыслов и спокойствие сердца.

Вам надо привить к Вашему сердцу веру в Бога, покорность Богу; вкусив их Вы вкусите вместе с ними духовное утешение в скорби и спокойствие. Борьба с помыслами, приносящими скорбь, как бы эти помысли ни были многосложны, запутанны и умны, должна быть очень проста, как проста и вся вера христианская по простоте своей доступная каждому человеку, а по силе своей удовлетворяющая каждого человека. Боритесь против помыслов и ощущений печали краткими словами: «Господи! буди воля Твоя! Благословен и свят Бог во всех делах Своих!» Произносите эти слова умом, а когда Вы одни, произносите несколько вслух; произносите не торопясь, с большим вниманием и благоговением; повторяйте эти краткие слова до тех пор, пока не затихнут помыслы и ощущения печали. Когда они снова подымутся, и Вы снова употребляйте против них то же самое оружие. Опытом узнайте силу этого оружия, по наружности своей, с первого взгляду, столько незначительного. А из состояния борьбы невозможно иначе выдти в состояние спокойствия, как победою. Подчиняться печали чрезвычайно опасно: когда она усилится в человеке, возобладает им, может убить и тело и душу. Не торопитесь умереть: и самая долговременная жизнь в сравнении с вечностию — мгновение. Отдайте себя в срок Вашего земного странствования в волю Божию; а Вы употребите этот срок для того, чтоб приготовить себя как можно лучше к вечности, чтоб сделать как можно больше добра Вашему Родителю. Не удивляйтесь тому, что Вы слабы в духовном подвиге: причина этой

слабости Ваша новость. Время обогатит Вас и опытами и силою. С участием смотрю на Ваше душевное состояние: Вы переплавляетесь в лютой скорби, как в огне. Претерпите тягость этого состояния, по прошествии его, Вы ощутите себя перерожденною, увидите себя обогащенною духовными сокровищами, о существовании которых не имеют понятия люди, которых земная жизнь была усыпана однеми удовольствиями. Тогда Вы узнаете, что благ Господь и в самых скорбях, Им посылаемых, потому что временные скорби приводят к вечным благам тех, которые принимают эти скорби как должно.

№ 5

Приношу Вам усерднейшее поздравление с днем Вашего Ангела! С этим поздравлением соединяю сердечное желание, чтобы святой Ангел хранитель Ваш сохранил земную жизнь Вашу в мире и благополучии, руководя Вас по этому пути к блаженной вечности. Точно земная жизнь наша — путь. Только измеряется путь этот не расстоянием, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день.

Бог, попускающий скорби человеку, среди их же посылает и утешение. Я уверен, что это утешение приносит Вашему сердцу от престола Божия святый Ангел хранитель Ваш, потому что истинное утешение от Бога уничтожает печаль сердечную в ее корне, в мрачных помыслах безнадежия. Он приносит человеку благие и смиренные помыслы покорности Богу, помыслы, полные живой веры и кроткой сладостной надежды. Пред взорами ума открывается неизмеримая вечность, а жизнь земная начинает казаться кратким странствованием, ее счастье и несчастье начинают казаться маловажными и ничтожными, потому что все неровности земной жизни сглаживаются, уравниваются созерцанием вечности.

№ 6

«Благодарение милосердому Богу, — сказал некоторый святой отец, — когда слова одного человека принесут пользу другому человеку; они оба должны благодарить Бога». Благодарю Бога, избравшего меня в орудие для утешения и питания души Вашей. Вашим письмом Вы меня очень одобрили: я надеялся видеть в Вас

дальнейшие успехи на пути духовном, ведущем ко всему доброму. Не страшитесь того мрака, той пустыни, в которую Вы взошли теперь умом и сердцем: между Египтом и обетованною землею — мрак и пустыня. И скоро увидит землю обетованную, скоро насладится ее благами верный и мужественный Израильтянин. Под именем Египта разумеется жизнь мирская, исполненная суетными попечениями и развлечениями; под именем земли обетованной — жизнь духовная, наполненная Божественными утешениями; пространство, составляющее переход от одной жизни к другой — пустыня. Верный израильтянин — человек, решившийся принести жизнь свою в служение Богу. Жалею о В.: мало-помалу его распечатывают и прочитывают. Такова судьба всех, носящих маски: нельзя же постоянно быть в маске! По временам маска снимается или спадает, взорам является обнаженное лицо души — и горе, если оно безобразно и только обманывало красотою маски. При сем прилагаю статью: «Слава Богу». «Чаша» еще не напечатана окончательно.

№ 7

Спешу представить Вам слабый опыт правила, который я назвал «*Чин внимающего себе посреди мира*».

Внушилось мне сделать его по возможности общим, для того, чтобы он Вас нисколько не стеснял. Тем более показалось мне это удобным, что я Вам передал лично, как читать, по обычаю внимательных, утренние и вечерние молитвы и акафист Сладчайшему Иисусу, то есть не спешно, очень не спешно, даже протяжно, не стремясь к тому, чтобы прочитать за один раз весь акафист, или же собрание вечерних и утренних молитв, но заботясь о том, чтоб читаемый Вами известный отдел этих молитвословий был прочитан со вниманием, как во уши Господа Бога, а не на воздух. Руководство для деятельной жизни — Евангельские заповеди. Руководствуйтесь ими во дворце Вашем, как руководствовался ими святый Давид в дворце своем. Этот царь говорил молитвенно Богу о заповедях Его: *Свет стезям моим закон Твой; ко всем заповедем Твоим направлялся, всяк путь неправды возненавидех; путь неправды отстави от мене и законом Твоим помилуй мя; возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия; живи мя в заповедех Твоих* (Пс. 118).

Величайшие святые Отцы повелевают, чтоб правило для христианина было как можно проще и малосложнее. Великий Варсонофий говорит, что врата в царство Небесное узки и что не

надо давать широкого правила для вшествия в них; широкое правило даже может помешать вшествию в них, потому что гонясь за мелочами, мы можем упустить важнейшее.

№ 8

В ответ на письмо Ваше скажу Вам слово Божие, которое должно Вас укрепить и утешить в постигших Вас скорбях. *Аз их же люблю*, — говорит Господь, — *обличаю и наказую*. Все приблизившиеся и усвоившиеся Господу достигли этого многими скорбями, по свидетельству Священного Писания. Апостол Павел проповедовал в числе догматов, что «многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие». Напротив того, те, которые чужды скорбей, признаются забытыми Богом. Итак, не унывайте в скорбях Ваших, но благодарите за них Бога, как за великое благодеяние, и полагайтесь на Его святую волю и на Его святой Промысл. Да почитывайте Евангелие, чтоб Вам научиться из него, что ненесущий креста своего не может быть учеником Христовым! Что бы было с Вами, если б Бог не обучал Вас скорбями? Вы пожертвовали бы и всем временем Вашим и всеми способностями Вашими суете и вступили бы в вечность недостойною никакой награды; напротив того, достойною полного наказания за пренебрежение Христом Спасителем мира, Сыном Божиим, принесшим себя в жертву за Вас с тем, чтоб Вы принесли себя, для собственного Вашего блага, в духовную жертву Ему. Недостаточно быть добрым по естеству, надо быть добрым по Евангелию. Естественное добро часто противоречит добру евангельскому, потому что наше естество находится не в первобытной чистоте, дарованной ему при создании, но в состоянии падения, при котором добро перемешано в нас со злом. И потому это добро, если не выправится и не вычистится Евангелием, само по себе непотребно и недостойно Бога! Христос с Вами! Он да укрепит и душу Вашу и тело! Он да устроит во благо и временные и вечные отношения Ваши.

№ 9

Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих. Очевидно, что христианство — этот таинственный духовный дар Божий человекам — удаляется неприметным образом (для невнимающих своему спасению) из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтоб не быть

обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, что не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, так как милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись.

26 марта 1864 года

№ 10

На письмо Ваше нельзя не отвечать. Бог отверз сердце Ваше к писаниям о покаянии. Все Святые Православной Церкви в течение всей жизни своей неотступно держались покаяния, держались его и тогда, когда благодать Божия действовала на них явно. Ныне, при занятии религиею более ищут или холодного познания по букве или обольстительного наслаждения. То и другое принадлежит миру сему, а не Христу.

За послушание молюсь о Вас и о чадах Ваших. Милосердный Господь да восстановит здравие супруги Вашей. По истинной любви христианской, которая ищет не угождать, а доставлять существенную пользу ближнему, постарайтесь внушить супруге Вашей во спасение ее, что у западных верований остались лишь буква и самообольщение, а в Православной Церкви, несмотря на наше крайнее изнеможение, действуют еще Истина и Святый Дух в сосудах, приспособленных к тому правильным, по возможности человеческой, жительством христианским. Необходимо вступить в общение с Духом Божиим посредством Истины; необходимо сделать это во время земной жизни: без этого нет спасения. За искренность слова Вашего примите, как священное возмездие, искренность моего слова,— и да благословит Вас Бог!

Апостол завещает мужу верному заботиться о доставлении бесценного сокровища истинной веры жене (1 Кор. 7. 12–16), когда она не имеет его. О, какое счастие доставить ближнему блаженство в вечности!

Е<пископ> И<гнатий>.

12 апреля 1864 года

№ 11

Искренне желаю, чтоб вы уподобились благочестивым сестрам, Марфе и Марии, упоминаемым в Евангелии, которые сподобились принять Господа в дом свой и благоугодить Ему вниманием слову Его и усердным служением Ему. Господь сказал:

Где два или три собраны о имени Моем, т. е. живут вместе с целию истинно-христианскою, *ту есмь посреде их*. Да совершится это над вами! Призывающий на вас благословение Божие ваш покорнейший слуга.

Е<пископ> И<гнатий>.

1 июля 1864 года

№ 12

Воля Божия да совершается над нами! Недавно занимался я книгою, в которой собраны сочинения различных Святых, между прочим, Антония Великого. В числе других изречений Отца помещено, что он видел нисшествие Святаго Духа на авву Афанасия и на авву Пахомия, при этом первому дано дарование патриаршества, а второму — настоятельства над общежительными монастырями. Также в Евангелии сказано, что Господь заповедал Апостолам пребывать неисходно в Иерусалиме, доколе они не облекутся силою Свыше, т. е. доколе не низойдет на них Святый Дух. Уже облеченные силою Свыше, не прежде, они вышли на проповедь и насеяли во вселенной истинное Богопознание. Святый Дух был учредителем и воспитателем христианства! Святый Дух основал Церковь! Святый Дух поддерживал Церковь чрез посредство избранных мужей, служивших Духу только орудиями! Человеки отвергли эту сверхъестественную Силу, Которую они сочли юродством, недостойным их, и хотят действовать силами и средствами своего падшего естества. Но падшее естество заражено враждою к Богу: как же оно может действовать в пользу дела Божия? Это — противоестественно ему! Это невозможно для него! Решительная невозможность доказывается опытом в самом обширном размере. Оказалось, что люди, вздумавшие действовать из себя в пользу дела Божия, сделались главными врагами этого дела, разрушителями его. Жить проще — вернее. Стараться исполнить волю Божию и положиться во всем на Бога — самое лучшее дело.

Е<пископ> И<гнатий>.

14 ноября 1864 года

№ 13

5 февраля день моего рождения. В этот день сделан мне подарок, неизъяснимо приятный. В этот день напечатана в «Московском Вестнике» статья, в которой в основную мысль поставле-

но, что ложь имеет только минутные торжества, что ложью ничего нельзя взять прочно, что она не усиливает, а ослабляет и роняет дело, которому служит. Это великая, величайшей важности истина! Ее надо начертать золотыми буквами! Ее надо знать и знать всякому, кто хочет правильно управлять собою, в особенности кто хочет правильно управлять людьми и общественными делами. Что ж оказывается? В «Аскетических Опытах» эта мысль развивается во всей ясности и подробности: она высказывается в статье «Разговор об Иисусовой Молитве» (стр. 121), в начале статьи о монастыре (стр. 437) и во многих других местах. Отчего случается иногда, что люди становятся в фальшивое положение и действуют во вред себе и всем? От принятия и усвоения ложных мыслей и понятий, от действия из области человекоубийственной лжи. Вся история человечества доказывает это поразительнейшими фактами. О, когда бы у нас в России развилось величественное и благотворное для временного и вечного быта человеков правильное понятие о святой Истине! когда бы вся деятельность и частная и общественная потекли из этого Божественного источника!

Ложь не усиливает, а роняет дело, которому она служит! Как верно! Особливо это верно выказывается в делах религии. Между прочим, доказательствами этому служит недавно вышедшая в Москве книжка 26 московских лжепророков. Книжка публикована в журнале «Странник», и в книжке наведена тень на святость лица неназванного, но мною угадываемого. Ход дел таков, что обличение в больших размерах неминуемо.

13 февраля 1865 года

№ 14

Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение. Но это — попущение Божие. Сущие во Иудеи да бежать в горы.

23 мая 1865 года.

№ 15

Земля сама собою производит разные сорные травы (плевелы). Никто не садит их: они растут сами. Причина тому — извращенное свойство земли. Безрассудно желать от земли несвой-

ственного ей, т. е. чтоб земля не производила плевелов. Зная такое свойство земли, земледельцы с тщательностию и терпением выдергивают из земли плевелы по мере, как они показываются; иначе плевелы заглушат собою и уничтожат полезные произрастания. Точно так должно поступать и с проявлением страстей, когда они будут возникать из сердца. — Свойственно нашему падшему сердцу рождать из себя разные греховные пожелания. От этого не должно приходить в уныние: должно врачевать страстные проявления и увлечения покаянием и исправлением себя.

2 апреля 1866 года

№ 16[1]

Неожиданным, приятнейшим утешением было для меня получение строк твоих, Ангел мой!.. Кто научил тебя быть таким милым, добрым Ангелом? — Во второй раз поступаешь со мною, как Ангел. В первый раз поступил так, когда, встретившись на дороге, пришел нарочно взглянуть на меня, познакомиться со мною, во второй раз — ныне. Сердце мое чувствительно, заметливо, памятливо.

Ты два раза записал на нем воспоминания о тебе. Не я предварил тебя приветствием моим; ты предварил это в глазах моих с своей ценою, с полною ценою.

Помни меня, Ангел!.. Помните меня, Ангелы!.. Не умею быть приветливым поверхностно для приличия светского; приветлив ради Христа. Христос вечен и пресвят: Он хранит любовь, которая ради Его, в святыне, в неизменяемости, в ревности, в мире, в постоянстве.

№ 17[2]

Есть подвиг телесный, есть подвиг умственный и душевный. Есть подвиг веры. Подвиг телесный и подвиг умственный одни, сами по себе не только не полезны, — вредны. Тщетно думаем ими противостоять греху: только более и более запутываемся в его сетях, погружаемые в его пропасти. Стяжи подвиг веры! — им сокрушишь всех врагов твоих. Подвиг веры умерщвляет человеческое Я, оживляет Бога для человека, — и живый Бог совершает знамения в земли Египетской, вводит Израиля в землю обетованную, избивает от лица его иноплеменников дождем ка-

[1] РНБ РО. Ф. 1927. Д. 288. ‖ [2] РНБ РО. Ф. 1927. Д. 288.

менным и громами небесными, созидает стены Иерусалима. Стяжи подвиг веры — и будешь всемогущ, будешь всегда победителем. Тогда захочешь ли употребить в дело подвиг телесный, или подвиг душевный, — увидишь их ожившими, возмогшими о Господе. Если же захочешь обойтись без них — одною челюстию ослею — смирением, — поразишь иноплеменников. Верою возвеличь в себе Бога, и Он возвеличит тебя бесстрастием и духовным разумом.

№ 18

В религиозном отношении наше время — очень трудно: разнообразное отступничество от православной веры приняло обширный размер и начало действовать с необыкновенною энергиею и свободою. Это предсказано Словом Божиим и даже у нас, совершается давно.

Над судьбами мира и каждого человека неусыпно бдит Промысл всемогущего Бога,— и все совершающееся совершается или по воле или по попущению Божиим. Нам должно обращать взоры ума на себя и умолять Господа, чтоб Он сохранил нас в верности православной Церкви, открыл нам всесвятую волю Свою и непреткновенный путь к Себе, источнику истинной жизни и спасения. Спасение человеков есть дар Божий человекам, отнюдь не собственное их изобретение и приобретение: и потому оно не может иначе выработаться, как под водительством Бога — Его милостию и благодатию. Эта милость Божия избавила тебя от видений, оставив при душеполезнейшем, безопасном видении: при видении грехов своих. Милость Божия свидетельствуется успокоением сердца.

Письма разных лиц к святителю Игнатию

Письмо Петра Чичерина

Примите, отец Архимандрит, покорнейшую просьбу, которой я вас беспокою: подательница сего монастырского служителя дочь, в замужестве за бывшим моим конюшим, которому я и домик выстроил.

Я, собственно, прошу вашего к ним покровительства и защиты на случай какого им притеснения от обывателей.

И все, что с вашей стороны будет для них сделано, я почту себе в особенное одолжение.

Сим окончив, желаю вам быть здоровым, помолитесь о покойном Фотии[1].

И примите уверения в особенном моем к вам уважении и том почтении, с коим имею честь быть, Отец архимандрит,

Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга

Петр Чичерин.

Сентябрь 16 день 1838

С.-Петербург

Архимандриту Игнатию

[1] См. о нем т. 7, с. 181–184.

Письмо Алексея Олсуфьева

Получ. 12 октября

Молитвами святых Отец наших Господи Иисусе Христе Боже наш помилуй нас. Аминь

Ваше Высокопреподобие

Милостивый Отец и благодетель!

Благословите!

Сколько я оказываюсь недостаточен в изъявлении преданности покорнейшего сердца моего, пред Вами, высочайшие мои благодетели, что даже не нахожу слов выразить оную.

При получении небесного послания Вашего, и при требовании от меня, скудного разумом, скорейшего исполнения на оное; я, хотя и признавая искренно, что это, попечительный Божественный Промысл коснулся греховности моей; но совесть как бы возбраняла мне в ту ж минуту приступить ко оному; ибо я был пострижен пред сим ноября 12 дня в ряску; то намеревался по силам моим хотя малейшую принести благодарность благодеявшему мне. Теперь же более и более усугубив желание достигнуть того места, которое я с особенным удовольствием наблюдал во время походу на фрегате, а паче Вас милостивейшие промыслители моего благополучия, молю припадая, не отриньте моего убогого прошения, и будьте ходатаи к милостивому Владыце. Мое же упование да не посрамит, Надежду мою в Бозе полагаю, повелевшему мне прибегнуть к милостивейшей особе Вашей. Склоненное чело до земли и признательное сердце всегда будет совокупно с покорностию благодарствовать Вашему родительскому вниманию о подобных тварях, каков я есмь. Не осмеливаюсь дерзнуть испрашивать благословения его Высокопреподобия Отца Архиманд-

рита, будьте посредником к Его Высокопреподобию, не лишите благ чаемых и меня раба Вашего, милостиво простите за столь смелый почерк письма сего, припишите моему невежеству.

О Благодетелю! Не оставьте!

Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя во святыя недра святыя обители Вашей

Меньшего разряду в числе послушников нижайший слуга

Алексей Олсуфьев.

1839 года октября 25 дня

Если благоволите явиться мне в Вашу обитель, то благословите заехать в Тверь к родственнику, чтоб обеспечить себя на дорогу в нужном, ибо я при себе не имею.

Письма П. Соколова[1]

№ 1

Ваше Высокопреподобие Отец архимандрит Игнатий,

Милостивый Государь!

По письму Вашему с особенным удовольствием принял содействие в Кире Михайлове о увольнении на поступление в монашество, — но как он еще не приписан нигде, то общество г. Кадникова принимая, соглашается и о отчислении, но с взносом 200 р<ублей> запоследствий платежа податей. — Отец Кира неимущий, отказался от таковой суммы, — а потому, извещая Ваше Высокопреподобие, могу уверить Вас, что если будет какая-либо возможность сделать угодное Вам, я в особенную честь себе поставлю устроить все по доброму делу.

Затем прося Вашего благословения с истинным почитанием и совершенною преданностию быть честь имею

Вашего Высокопреподобия

Милостивого Государя

Покорнейший и послушный Павел Соколов.

7 ноября 1839 года

г. Вологда

№ 2

Ваше Высокопреподобие, Милостивый Государь!

Известный Вам мещанин города Кадникова Кир Михайлов общественный приговор уже получил в увольнение его на по-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

ступление в монастырь, о сем имею часть Вас уведомить; весьма рад, что содействием моим мог исполнить желание Ваше, к тому присовокупляя, что на днях был у меня помянутый Михайлов и просил напомнить Вам о обещанном пособии Вашем, тогда он будет иметь возможность представиться под благословение Ваше, при сем прилагаю и письмо его к Вам.

С истинным почтением и с совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя покорнейший слуга

Павел Соколов.
Января 1840 года
г. Вологда

Письмо К. Михайлова[1]

Ваше Высокопреподобие, Милостивый Государь!

Получая увольнение от своего общества на помещение мое в монастырь, почему готов уже отправиться в Вашу обитель, но не имею средств к отправлению и потому осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Высокопреподобию и всепокорнейше просить Вашего благодеяния о присылке ко мне денег для необходимых путевых издержек и уплаты долга, ибо я в продолжении трех месяцев задолжал более 20 руб.

Ваше Высокопреподобие, не оставьте Вашим меня благодеянием и принять под свое покровительство, — буде же по Вашему снисхождению будете отправлять деньги ко мне, то не угодно ли адресовать оные на имя Его Высокоблагородия Павла Аполлоновича Соколова, затем прибегая под Ваше благодеяние с неограниченною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреподобия
Милостивого Государя
Всепокорнейшим слугой

Кир Михайлов.
Января 25 дня 1840 года
Вологда

Письмо неизвестной[2]

Милостивый Государь, Отец Игнатий!

Тысячу извинений прошу у Вас за то, что не умею назвать Вас по достоинству Вашего сана, но уверена, что Вы, как чело-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

век образованный, не оскорбитесь невежеством моим, и как духовно озарены свыше святою благодатию Премудрости Божией, не усумнитесь в чувствах глубокого уважения моего свидетельствуемого доверенностию, с которой обращаюсь к Вам, Милостивый Государь.

Я мать шестерых детей и вдова военного, в военной же службе честные люди не богатеют, то и мне муж мой ничего не оставил, исключая малолетних детей. Наследственное именье мужа моего, хотя небольшое, осталось в руках брата его, с которым заводить процесс значило бы убивать время. За службу мужа моего дали мне с детьми пансиона триста рублей ассигнациями по древнему окладу. При таковых обстоятельствах я отказывалась от всего, чем пользуется человек не только порядочного круга, но что даже составляет необходимость нищего, просящего днем милостыню, а ночью покоящегося сном, укрепляющим силы его, я же не могла удовлетворять святому закону природы, обременив себя работами ниже моего звания и выше сил, я вынуждена исполнять во время ночи, скрывая как преступленье от глаз людей, которые охотно простили бы мне самое предосудительное поведение, встретив меня в блестящем экипаже и в платье, шитом по последнему журналу, но нашедши полураздетой у лоханки, в которой вода часто окрашивалась кровью из растерзанных рук моих стиркою белья, сказали бы фи! стыдно быть знакомой с ней, а если б еще кто-нибудь шепнул им, как я ночью, когда огни везде погашены, пробираюсь в сарай, где без помощи человеческой, тащу каток, нагруженный каменьями, с трепетом прислушиваясь, не проснулись ли дети мои, для которых действия мои тайна, нейдет ли дворник или чья-нибудь девушка? Мысль, что меня заметят, леденит кровь, а непомерный труд обливает лицо кровавым потом. О! тогда первая приятельница моя поспешила бы с новостью в свой пестрый Ареопаг, где громогласно сказала бы...[1], наша общая знакомая сошла с ума, ходит ночью в сарай одна и катает что-то вроде белья, другие высказывали бы свое мнение и ни одна из этих бездушных кукол не поняла б, что я вынуждена так сумасбродствовать, потому что рисунки, шелк и канва не доставляют мне средств существовать с детьми, а бегать из дому в дом с листком бумаги в руках для меня ужаснее всего! Но теперь мне давно минуло 50 лет, горести, невероятные труды расстроили совершенно здоровье мое, я страдаю невыносимою болью во всем организме, следовательно, не имею сил больше трудиться, трудиться же необходимо

еще один год, чтобы дать возможность сыну кончить курс в Университете, после чего он уже пойдет стезею, какую Господь укажет ему, составляя звено в цепи гражданского или духовного общества. Но если по невозможности содержать его, он вынужден будет оставить университет, тогда погибли труды и усилия стольких лет! и что при том будет со мной? Но до сих пор я безропотно несла мой крест! Если описанные здесь обстоятельства не убеждают Вас, Милостивый Государь, помогать мне в течение года, то просьба моя, мои моленья, конечно, ничего не успеют. А мне останется только утешительная мысль, что Вы никогда не узнаете несчастной матери, решившейся первый раз в жизни просить, и просить только у Вас, милостыни для детей своих! Но если Господь Бог избрал Вас орудием милосердия своего, то почтите меня одной строчкою, адресуя на имя подруги дочерей моих, Феоктисты Ивановны Швиковской, живущей в Петербурге в Офицерской улице близ синего моста в доме купца Зиберта, № квартиры 23, тогда сама явлюся к Вам с полной верою в душе, что там пред престолом Всемогущего я услышу глас общего Судьи как Вы услышали мой. Он обратится к Вам и скажет: «Ты сделал более, нежели напоил жаждущего, накормил алчущего, ты спас душу страждущей матери, она не возроптала под бременем нищеты, юноша не пришел в отчаянье и не исказил образа и подобия Моего, прийми ж награду, принадлежащую тебе!!!» — В ожидании сего пребуду с чувством глубочайшего почтения к Вам,

Милостивый Государь,

Покорная слуга М.

Сентября 9, 1843 года

[1] Представьте себе, сударыня.

Письмо мещанина М. И. Парамонова[1]

Ваше Высокопреподобие

Подражатель святой жизни святителей Христовых

Блаженствующих во Царствии Небесном,

Священно Архимандрит Милосердный отец Игнатий!

Недостает у меня мудрости, чтоб достойно благодарить ваше божественное лицо, за все ваши высочайшие милости, они незабвенны будут в душе моей до скончания моей жизни, они! записаны, Ангелом в книге жизни, у престола Творца неба и земли, и всего нами видимого. Засим за долг себе поставляю, не только благодарить ваше человеколюбие, но и о себе уведомить Ваше Вы-

сокопреподобие. Отправились мы из святой пустынной обители вашей прямо в Бежецк. В феврале месяце я писал из Бежецка письмо благодарное Вашему Высокопреподобию, но мое письмо может быть не доставлено, потому что я на него не получал никакого ответа. В мае месяце отправились мы с сыном Иваном странствовать, и первое наше путешествие было к вашему товарищу и другу, в Югскую пустынь, и неизреченно человеколюбиво были приняты вашим другом, пречестнейшим отцом Строителем Варфоломеем[2]! Который так человеколюбиво нас принял, чего мы поистине недостойны, и наградя нас немаловажною суммою денег и даде благословение путешествовать в Киев, и мы отправились чрез Ярославль, Ростов и Сергиевскую Лавру, и Москву, Тулу, и Орел, в Киевскую Лавру! И где сподобились видеть, не землю! А самое НЕБО! Потом были в Лубнах, в Харькове и в Воронеже, и во многих прочих святых местах, пройдя 3070 верст, и 46 городов и 43 святых монастыря, и 13-го числа сего сентября возвратились в город Бежецк. Второй сын мой Михайла был сие время оставлен в Бежецкой богадельне, и мы теперь находимся в великой нужде, и в бедности, не имея платья, и пищи, и нужно иметь паспорты и отдать подушные деньги, посему и молим ваше благоутробие, и заочно преклоняем колена наша, пред ведущем божественным лицем вашим высокомилосердным, быть Богом нашим земным, не оставьте ради Господа нашего Иисуса Христа, пришлите хоть немножко денег, на нашу кровавую нужду, не откажите ради Господа Бога, единственное наше упование и первая по Боге надежда, благодать, мир и милость Господа нашего Иисуса Христа да пребудет с вами и со всею святою братиею вашею, во веки веков

Вашего Высокопреподобия

Нижайший раб, бежецкий мещанин, *Михайло Ильин Парамонов*, с детьми кланяемся всем

1843 года сентября 18 дня
Бежецк

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.
[2] См. о нем т. 7, с. 114–116.

Письмо Н. Апрелевой[1]

Ваше Высокопреподобие

Отец Архимандрит Игнатий!

Долгом поставлю себе принесть мою чувствительную благодарность Вашему Высокопреподобию за ваше столь утешитель-

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1.

ное и чувствительное для меня письмо, которое я имела удовольствие получить от 14-го сентября сего 25-го числа; для меня весьма лестно, равно и всему моему семейству знать, что вы приняли наше истинное усердие в том виде, как мы ценили ваше посещение, которое навсегда останется в памяти моей и детей моих. Вы меня неизъяснимо утешили, написав мне, что мы столь счастливы, что удостоились ваших священных молитв пред угодником Божиим Сергием чудотворцем, надеюсь, что Ваше Высокопреподобие и впредь меня оными не оставите.

Прося вашего архипастырского благословения, равно и на мое семейство

Имею честь пребыть с истинным уважением и почтением к Вашему Высокопреподобию

Покорная к услугам

Настасья Апрелева.
1843 года сентября 24
Усадище Большой двор

Письмо А. Брюзгалова[1]

Ваше Высокопреподобие,
Всепречестнейший Отец,
Архимандрит Игнатий

Долгом моим почитаю принести Вам мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Вашего Ангела, сердечно желаю Вашему Высокопреподобию оный в духовной радости встретить, благополучно провести и будущих многих в совершенном здравии достигнуть. При пожелании сего с глубочайшим моим высокопочитанием и душевною преданностию навсегда имею честь пребыть

Вашего Высокопреподобия
Всепречестнейшего Отца
Покорнейший слуга

Александр Брюзгалов.
19 декабря 1843 года
С.-Петербург

Подбор писем и комментарии О. И. Шафрановой.

[1] РГБ РО. Ф. 425. К. 4. № 3.

Александр Нахимов

Два письма

Имея Севастополь, мы будем иметь и флот, а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море.

П. С. Нахимов

«Вам надо пожаловать ко мне прочитать ответ Нахимова, назидательный своим смирением и благочестием», — писал святитель Игнатий Брянчанинов своей духовной дочери Софии Ивановне Снессоревой[1] 27 марта 1854 г.

Великий русский флотоводец Павел Степанович Нахимов (23 июля 1802 — 30 июня 1855) воспитывался в морском кадетском корпусе и, будучи одним из лучших воспитанников, уже в 16 лет был произведен в офицеры. В 1822 г. он был отправлен на фрегате «Крейсер», которым командовал М. П. Лазарев[2], в кругосветное плавание и с тех пор побывал во всех морях. В продолжение 38-летней службы он участвовал в тридцати двух морских кампаниях, принимал участие в громадных битвах, решавших судьбы народов, в том числе в знаменитом Наваринском сражении. В 1845 г. он контр-адмирал, с 2 октября 1852 г. — вице-адмирал.

Всеобщую любовь и уважение Павел Степанович Нахимов приобрел после Синопского сражения.

22 сентября 1853 г. Турция объявила войну России. В поддержку Турции выступила Англия, боявшаяся усиления России на

---

[1] О ней см. Настоящее издание, т. 5, с. 487–510. ‖ [2] *Лазарев Михаил Петрович* (1788–1851) — выдающийся деятель русского флота и флотоводец, ученый исследователь Антарктики, адмирал. В 1827 г. отличился в Наваринском сражении, в котором под его командованием участвовали П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин. С 1832 г. он начальник штаба Черноморского флота, с 1833 — главный командир Черноморского флота и портов Черного моря. Создал на флоте особую школу подготовки и воспитания моряков — патриотов Родины.

Ближнем Востоке. С первых же дней войны англо-турецкое командование готовило крупное наступление на Кавказском театре войны. В районе Батуми размещалась двадцатитысячная турецкая армия. Из Константинополя к выходу в Чёрное море направлялась турецкая эскадра, цель которой была высадить в Сухуми десант, отрезать русскую армию и уничтожить ее.

Русским командованием для наблюдения за действием вражеской эскадры был послан П. С. Нахимов. Как только он узнал, что эскадра находиться в Синопской бухте, он принял решение напасть на нее. В его распоряжении, вместе с подошедшими кораблями во главе с контр-адмиралом Ф. М. Новосильским, находилось два фрегата и шесть линейных кораблей.

18 ноября в полдень русские корабли двумя колоннами бросились на Синопский рейд и, несмотря на огонь береговых батарей, выстроились в боевой порядок. Завязался ожесточенный бой. Через три часа все было кончено: уничтожено семь турецких фрегатов, три корвета, военный пароход и несколько транспортных судов с их экипажами и десантом — до четырех тысяч человек, уничтожены береговые батареи и укрепления Синопа, взяты в плен командующий турецкой эскадры и два командира судов. Наша потеря составила 37 человек убитыми и 229 ранеными, причем флагманский корабль понес самые большие потери.

Такой выдающейся победы, одержанной в такое короткое время, история никогда не знала. Имя Павла Степановича Нахимова стало известно каждому русскому человеку — оно стало народным. Слова благодарности, поддержки летели к нему со всех сторон.

Война, однако, продолжалась, и новая слава П. С. Нахимова была еще впереди, на бастионах Севастополя.

1 сентября 1854 г. на горизонте появился англо-французский флот и уже на следующий день неприятель начал высаживаться на берегах Крыма. Русским командованием было принято решение затопить несколько кораблей, чтобы преградить неприятельским кораблям вход в бухту, а моряками укрепить гарнизон. В спешном порядке укреплялась линия обороны. 5 октября началась бомбардировка, на город посыпались десятки тысяч снарядов, но русская артиллерия заставила умолкнуть вражеские пушки. Однако потери были огромные: до тысячи матросов было убитых и раненых, погиб вице-адмирал В. А. Корнилов[1]. Но и

[1] *Корнилов Владимир Алексеевич* (1806–1854) — выдающийся русский военно-морской деятель, ближайший соратник и ученик М. П. Лазарева. Один из главных организаторов Севастопольской обороны. В 1848 г. — контр-адмирал, с 1852 — вице-адмирал.

враги понесли значительный урон, а главное, поняли, что расчет на быстрое овладение Севастополем провалился. Еще одиннадцать месяцев героические защитники отстаивали город.

После гибели Корнилова во главе обороны Севастополя стал Нахимов. Ежедневно дважды он объезжал оборонительную линию, по нескольку раз в день появлялся в самых опасных местах, лично руководил контратаками частей и добивался победы. Он успел настолько сроднить с собою войска, что, казалось, без Нахимова и самая защита Севастополя невозможна. Жертвуя собственной жизнью для блага Отечества, он заботился о сохранении жизни других и не раз был принужден умерять беспримерную храбрость своих моряков.

В феврале 1855 г. П. С. Нахимов был назначен военным губернатором Севастополя и командиром Севастопольского порта; 27 марта — произведен в адмиралы. 28 июня началась сильная канонада по третьему бастиону. Павел Степанович отправился туда, затем перешел на Малахов курган, где с подзорной трубой поднялся на вал. Просвистела пуля, и он упал, смертельно раненный. Не приходя в сознание, он скончался 30 июня.

«Убит Нахимов, — писала С. И. Снессорева. — Я была у Сергия, там вместе с Россиею оплакивала благородного воина, и батюшка служил за упокой его души, и долго молились за него...».

***

О письме Нахимову архимандрита Сергиевой пустыни Игнатия Брянчанинова и об ответе на него было известно из рассказа С. И. Снессоревой: «Добрый, милостивый отец Владыко, он заказал образ святителя Митрофана и прислал мне прочитать письмо, написанное им к Нахимову. Так коротко и так ясно тут все было: и сочувствие, и молитва, и благодарность. Через несколько времени Нахимов прислал ответ, полный смирения и благодарности»[1]. Однако сами эти письма до настоящего времени оставались неизвестными. Но в 2003 г. военные моряки и патриоты России отмечали 150-летие Синопского сражения, и именно к этому времени письма были обнаружены (письмо Нахимова в черновике) в Российском Государственном архиве Военно-морского флота[2].

---

[1] Полностью рассказ см. Настоящее издание, т. 5, с. 519–520. ‖ [2] Ф. 1166. Оп. 1. Д. 4. Л. 171–173.

Письмо святителя Игнатия к Павлу Степановичу Нахимову

Милостивый Государь Павел Степанович!

Подвиг Ваш, которым Вы и сподвижники Ваши с высоким самоотвержением подвизаетесь за Россию, обратил к Вам сердца всех Русских. Взоры всех устремлены на Вас; все исполнены надежды, что сама Судьба избрала Вас для совершения дел великих, нужных для Отечества, спасительных для православного, страдающего Востока. Не сочтите ж странным, что пишет к Вам Русский, не имеющий чести быть лично знакомым с Вами. Примите дружелюбно мои строки; примите присылаемую при них на благословение Вам, от обители Преподобного Сергия икону Святителя Митрофана Воронежского, новоявленного чудотворца.

Пред этою иконою братство здешней обители отслужило молебен Угоднику Божию, и с нею присылает Вам свои усердные молитвы о том, чтобы Святитель Митрофан содействовал Вам к поражению врагов.

Вы спросите: почему от обители Преподобного Сергия — икона Святителя Митрофана?

Когда впервые сооружался Черноморский флот в Воронеже по повелению Петра Великого — сюда смею относить основание этого флота, — Святитель Митрофан содействовал гениальному Царю казною своею в сооружении судов. «Всякий сын отечества, — сказал Святитель, — должен посвящать остатки от издержек своих нужде Государственной: прими же, Государь, и от моих издержек сии оставшиеся деньги и употреби против неверных». При этом Епископ Воронежа поднес Царю шесть тысяч рублей серебряными копейками.

Теперь Святый Митрофан сделался богаче и могущественнее, как свыше облаченный благодатию чудодейства. Да снидет он на помощь к тому флоту, об основании которого он присоединил свои усилия к великим трудам Государя! да снидет он на брань против тех неверных, против которых он возбуждал Православного Царя, и против гордых помощников их. Снисшел некогда Ангел Господень в войско фараона, дерзнувшее пуститься по дну расступившегося моря вслед за Израильтянами, помрачил взоры Египтян, связал колесницы их невидимою силою, потопил врагов народа Божия водами, возвратившимися в свое ложе, так и ныне да снидет Святитель Митрофан с ликом прочих Святых земли Русской, всегда отличавшихся любовию к отечеству, да снидет к флотам иноплеменников, да свяжет и оцепенит машины, на

которые они уповают, да потемнит их умы, да расслабит ноги и руки их, а Вам да дарует победу, которую вселенная принуждена будет провозгласить чудом. Черное море, море, вскипевшее под ладьями наших предков, когда они, будучи идолопоклонниками, покусились воевать против православного Цареграда, теперь воздвигни столь же справедливо-гневные волны, устреми их против колоссальных машин Европы, скопившихся на водах твоих для поддержания тяжкого ига, под которым стонет православие Цареграда, порабощенного последователями Магомета.

С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтеся. Вы надеетесь на множество тленной мудрости Вашей, и потому поучайтесь тщетным, начинаете начинание несбыточное. Царь наш и мы уповаем на Господа, и силою веры нашей пребудем непоколебимы. Нам пошлется помощь от Святаго и заступление от Сиона. Живый на Небесех посмеется ухищрениям врагов наших, Господь поругается им. Он возглаголет к ним гневом, и яростию Своею сметет их. Они падут, а мы восторжествуем. Господи! спаси Русского Царя и воинство его, и услышь всю Россию, молитвенно вопиющую Тебе о них и призывающую Твою страшную и непобедимую силу на нечестивых врагов своих.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий.
1854 года, февраля 1 дня
Сергиева пустынь, что близ Санкт-Петербурга.

Ответ П. С. Нахимова святителю Игнатию

Ваше Преосвященство!

Не нахожу слов для выражения глубокой признательности моей за внимание, оказанное Вами лично мне и товарищам моим по службе письмом Вашим от 1 февраля, и за молитвы Ваши о нас, и за благословение от Вашей обители иконою святителя Митрофана Воронежского Чудотворца.

Ходатайство Церкви пред Господом Богом об успехах оружия Православного Царя нашего подкрепляет дух наш и упование на всесильную святую помощь Господа в защиту Православия. Утешительные слова Ваши тем глубже проникли в души наши, что получены во время приготовления нашего к принятию Святых таинств. И исполнив этот священный долг христианина, каждый из нас с новыми силами готов встретить врага

драгоценного Отечества нашего. Присланная Вами с благословением Икона Святителя будет щитом нашим. Это изображение Святого лика будет всегда сопутником моим на море, молитвы пред ним — утешением моим в час скорби.

Но простите, что и после такого внимания к нам осмеливаюсь по общему желанию моих сослуживцев еще утруждать Вас покорнейшею просьбою — молить Господа Бога об упокоении души бывшего начальника и благодетеля Черноморского флота, адмирала Михаила Петровича Лазарева. Его неусыпным трудам и попечениям обязаны мы настоящим воинственным состоянием наших кораблей и бодростию духа, способствовавших, при помощи Божией, выполнить повеление нашего Царя. Его действительно бескорыстное самоотвержение поныне руководит нас в служебной и [*нрзб.*] жизни. Да упокоит Господь душу незабвенного начальника и товарища. ... [*нрзб.*].

Поручая себя святым молитвам Вашим... [*нрзб.*]

Нахимов.

[март 1854]

Елена Аксененко

Елизавета Никитична Шахова

История 20-летнего наставничества святителем Игнатием поэтессы и духовной писательницы Елизаветы Никитичны Шаховой (1822–1899) является примером его особой пастырской заботы о людях, наделенных Богом даром слова. В 1847 г., во время своего настоятельского служения в Сергиевой пустыни, архимандрит Игнатий посетил Бородинский монастырь, где особое внимание обратил на литературно одаренную 25-летнюю послушницу Елизавету. Он не только поддержал стихотворные опыты послушницы, но и взял ее под свое духовное руководство. Встреча с будущим святителем коренным образом изменила жизнь Е. Шаховой. Пятнадцать лет он вел свое духовное чадо к мантийному постригу, поддерживая ее в духовной брани и в художественном творчестве. За несколько лет до перехода Святителя в вечность Елизавета была пострижена в мантию с именем Мария. До конца своей жизни, трудясь в учебных учреждениях и в церковной общине, публикуя свои художественные произведения и статьи, она осталась верной заветам своего наставника.

В 1911 г. внучатый племянник Е. Шаховой, Н. Н. Шахов, впервые собрал ее поэтические опыты и опубликовал «Собрание сочинений в стихах Елизаветы Шаховой»[1]. Он же передал в 1914 г. в Пушкинский Дом рукописи и издания произведений Е. Шаховой, оставшиеся ему в наследство. Под руководством главного хранителя Рукописного отдела Б. Л. Модзалевского, Н. Н. Шахов разыскал архив матери Марии в Старо-Ладожском женском

---

[1] *Шахова Е. Н.* Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб.: «Екатерининская» типогр., 1911. — XIV, 212, 130, 322 с. Далее: Собрание сочинений в стихах.

монастыре, где она окончила свой жизненный путь. В 1915 г. Н. Н. Шахов и эти, найденные им материалы передал на хранение в Пушкинский Дом: вместе с прежним поступлением они и составили фонд Е. Н. Шаховой[1].

Елизавета Шахова родилась в обедневшей семье старинного дворянского рода, жившей благочестиво и замкнуто. Елизавета, не отличавшаяся крепким здоровьем, получила домашнее образование под руководством матери и старшей сестры. С детства начала писать стихи. Когда девочке исполнилось 12 лет, умер отец, и семья оказалась в стесненных обстоятельствах. Вскоре Е. Шахова прославилась необычно ранним выступлением на литературном поприще. В 1837 г. была издана первая книжка ее стихотворений[2], тогда девушке едва исполнилось 15 лет. Творчество молодого дарования поддержала Российская Академия, наградив автора денежной премией.

Через год Е. Шахова представила второй сборник — «Стихотворения»[3], который также получил высокую оценку академического собрания. «...Не многие из новейших писательниц, — отмечалось в информационном разделе «Трудов» Российской Академии, — отличаются тою легкостью и свободностию стиля, ясностию мыслей, чистотою чувств, какими исполнены ее (Е. Шаховой. — *Е. А.*) стихотворения, ознаменованные высокою христианскою преданностью воле Провидения в перенесении бедствий. Находясь в бедности и чувствуя расстройство здоровья в самых цветущих летах, девица Шахова остается опорою и утешением матери, лишенной зрения»[4]. Российская Академия напечатала сборник в количестве 800 экземпляров и весь тираж «предоставила в пользу автора». Император Николай I, после преподнесения ему сборника, подарил юной поэтессе «бриллиантовые фермуар и серьги». В 1842 г. вышел третий сборник стихотворений Е. Шаховой «Повести в стихах»[5].

С момента появления в печати первого стихотворения — «Видение девушки», опубликованного в «Библиотеке для чтения»[6], о юной поэтессе громко заговорили литературные журналы и

---

[1] РО ИРЛИ, № 3558–3602. ‖ [2] *Шахова Е.* Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы. Писано в 1836 г. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837. — 23 с. ‖ [3] *Шахова Е.* Стихотворения. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839. — 2, 120 с. ‖ [4] Труды императорской Российской академии: Ч. 1. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1840. С. 77. ‖ [5] *Шахова Е.* Повести в стихах. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842. — 167 с. ‖ [6] *Шахова Е.* Видение девушки [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. № 4, Отд. V. С. 108–112.

газеты. Стихи Е. Шаховой стали появляться на страницах «Библиотеки для чтения», «Сына отечества», «Москвитянина», «Современника», «Литературной газеты», «Одесского альманаха», литературных прибавлений к «Журналу министерства народного просвещения» и «Русскому инвалиду»[1]. Ни один сборник стихотворений Е. Шаховой не остался вне внимания критиков, принадлежавших к разным эстетическим направлениям, все единодушно давали высокую оценку ее стихотворениям и прочили ей большое будущее.

Так, Н. Полевой[2], в рецензии на сборник 1842 г., называет автора «любимицей муз, уже известной читателям своими прежними стихотворениями», музу ее называя «задумчивой», восклицает: «Голос чувства всегда найдет отголосок в чувстве других и прием, каким встречаемы были доныне прежние создания г-жи Шаховой. Можно поручиться за успех и новых повестей ее»[3]. П. А. Плетнев, взявший на себя после смерти А. С. Пушкина издание «Современника»[4], пишет о Е. Шаховой, как о «явлении чрезвычайно любопытном», «увлекающем душу надеждами»[5]. Рецензенты отмечали «безыскусственную простоту» ее стихотворений, в которых «много неподдельного чувства, особенно там... где мы видим в ней женщину, дочь, сестру», особо обращали внимание на «самостоятельный, свободный и сильный стих»[6].

С Елизаветой Шаховой познакомились тогда ректор и несколько профессоров Санкт-Петербургского университета, известные литераторы, среди которых был В. А. Жуковский, по-

---

[1] Об участии Е. Шаховой в этих изданиях см. в сносках к ее «Автобиографии», публикуемой в Настоящем издании. С. 280–293. Далее указания на «Автобиографию» даются в тексте публикации. ‖ [2] *Полевой Николай Александрович* (1796–1846) — писатель, журналист, историк, член.-кор. Российской АН (1831). Издатель журнала «Московский телеграф». Автор «Истории русского народа» (т. 1–6). ‖ [3] *Полевой Н.* Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842 // Русский Вестник. 1842. Т. 6. Отд. III. С. 28. — В рубрике «Новые русские книги. 1842 год». ‖ [4] *Плетнев Петр Александрович* (1792–1865) — поэт, критик, доктор философии, академик Российской Академии наук (1841), в 1838–1846 издатель и редактор журнала «Современник», проф. кафедры русского языка и словесности (1832–1850), затем ректор Петербургского университета (1840–1861). ‖ [5] Повести в стихах Елизаветы Шаховой. 1. Перст Божий, 2. Странный красавец, 3. Изгнанник и — Эпилог // Современник. 1842. Т. 26, Отд. II. С. 51–52. — Авт.: *П. А. Плетнев.* ‖ [6] См.: Современная библиографическая хроника: Русские книги: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839. // Отечественные записки. 1839. Т. 6, Отд. VII. С. 148; Русская литература: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Северная пчела. СПб., 1839. 9 ноября, № 254. С. 1015.

даривший ей собрание своих сочинений. Большое участие в судьбе поэтессы принял П. А. Плетнев, хорошо известный своим наставничеством и покровительством начинающим литераторам: кроме того, что в пору своего редакторства в «Современнике» он регулярно помещал стихотворения Е. Шаховой в журнале, познакомил ее с А. И. Ишимовой[1], Я. К. Гротом[2] и др.

Специально для знакомства с одаренной девушкой к Шаховым в 1837 г. приезжал молодой И. С. Тургенев, приходившийся им дальним родственником. В своих поздних воспоминаниях о единственной ее встрече с И. С. Тургеневым, Е. Шахова передает недоброжелательное отношение к нему матери, тяготившейся преувеличенно шумным успехом поэтических опытов своей младшей дочери. Когда Тургенев коснулся вопроса о дальнейшей судьбе девушки, разговор между ним и матерью «угрожал перейти в настоящие прения». Будущий великий писатель видел Елизавету поэтом, «Госпожа Шахова возразила, что она не столько дорожит способностью дочери к литературе, сколько ее религиозными убеждениями, которые она может растерять в погоне за славою поэта». Внимательно посмотрев на автора стихов, Тургенев ушел, «поняв, что она или лишена всякой возможности победить предубеждения матери, или сама душевно разделяет их»[3].

Есть все основания предполагать, что отъезд матери с дочерьми в Москву к родственникам в разгар интереса петербургского

---

[1] *Ишимова Александра Иосифовна (Осиповна)* (1804, по другим сведениям 1803–1881) — детская писательница, переводчица, издатель детских журналов. Автор «Истории России в рассказах для детей». (Ч. 1–6. СПб., 1837–1840; 5-е изд. Ч. 1–3. СПб., 1862), принесшей ей наибольшую известность. Первые 25 рассказов «Истории...» Ишимова показала П. А. Плетневу еще в рукописи, который высоко их оценил и ввел Ишимову в круг литераторов (ок. 1834), став ее литературным покровителем и наставником. Через посредничество Плетнева в конце 1830-х годов молодая писательница была приглашена преподавать русский язык членам царской фамилии. С П. А. Плетневым и Я. К. Гротом у Ишимовой установились особенно дружеские отношения. ‖ [2] *Грот Яков Карлович* (1813–1893) — филолог, историк, ординарный академик Петербургской Академии наук (1858). Окончил с золотой медалью Царскосельский лицей (1832), служил в канцелярии кабинета министров, с 1834 г. — в Государственной канцелярии. С 1840 г. сотрудничал в журнале «Современник». В 1841–1852 гг. профессор кафедры русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета, 1852–1858 гг. преподавал русский язык, немецкий язык, историю и географию великим князьям Николаю Александровичу и Александру Александровичу; в 1853–1862 гг. профессор кафедры словесности Александровского лицея в Петербурге. С 1859 г. — член, с 1866 г. — председатель Литературного фонда. ‖ [3] *Шахова Е.* В начале жизни и на пороге вечности. (Посвящено памяти И. С. Тургенева. 1883 г.) // Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 164. — Публикация Н. Н. Шахова.

общества к Елизавете совпадал с настроениями самой поэтессы. Возможность для нее иного жизненного пути, нежели путь поэта, допускал П. А. Плетнев. Близко узнав семейство Шаховых, он видел, что рано проявившийся литературный дар девушки сочетался со столь же ранней внутренней сосредоточенностью (в «Автобиографии» она писала, что «с 9 до 12 лет», т. е. до смерти отца, «была настоящей помощницей по кабинетным его занятиям»). В рецензии 1840 г. П. А. Плетнев замечал: «...Если успехи девицы Шаховой, столь заметные и равномерные, не будут остановлены каким-нибудь обстоятельством, она некогда, в зрелом возрасте своем, должна явиться поэтом со всеми совершенствами художника; а таких поэтов, как у нас, так и во всех литературах, было очень немного»[1]. Таким «обстоятельством» стал неожиданный с точки зрения мирского сознания уход Елизаветы в 1845 г. (в возрасте 23 лет) послушницей в Спасо-Бородинский монастырь[2].

Столь резкая перемена жизни в молодом возрасте порождала много неподтвержденных реальными фактами «догадок», как современников, так и литературоведов нашего времени о причинах ухода из мира подающей надежды поэтессы. Одна из таких «версий» связана с именем святителя Игнатия, в это время еще незнакомого с Шаховыми. Так, в предисловии к публикации нескольких стихотворений Е. Шаховой в «Журнале Московской Патриархии» за 1995 г. можно прочесть: «...она (Е. Шахова. — *Е. А.*) вдруг оставила родной дом и стала послушницей в Спасо-Бородинском монастыре... Сделано это было не своевольно, а по благословению бывшего тогда архимандритом Сергиевой пустыни под Петербургом святителя Игнатия Брянчанинова, который, вероятно, был ее духовным отцом. На несколько лет ей запрещено было писание стихов, и она пребывала в разных послушаниях, возрастая духовно. Потом запрет был снят, и тут явилось в ее творчестве нечто совершенно новое — молитвенные, монашеские стихи и поэмы, прозаические жизнеописания подвижниц благочестия»[3].

---

[1] Стихотворения Елизаветы Шаховой // Современник. 1840. Т. 17, Отд. II. С. 65–66. — Авт.: *П. А. Плетнев.* ‖ [2] *Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь.* Основан в 1838 на Бородинском Поле, близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменией Марией) на месте гибели ее мужа. ‖ [3] *Афанасьев В. В.* Схимонахиня Мария (! — Е.А.) (Елизавета Никитична Шахова, 1822–1899) // Журнал Московской Патриархии. 1995. №. 12. С. 72. К сожалению, в небольшом по объему предисловии автор допускает несколько фактических ошибок, в том числе и в названии.

Между тем до ухода в послушницы Е. Шахова уже больше года не публиковала своих стихов. За два года (1843–1844) после выхода в свет третьего сборника «Повести в стихах», ею было опубликовано всего пять стихотворений[1]. Затем журнальные публикации прекратились. Бытовавшее представление о несовместимости поэтического творчества с пребыванием в монастыре, подсказывало современникам объяснение молчания поэтессы, как ее уход из литературы. Вероятнее всего, эти и многие другие сомнения и искушения испытывала и сама молодая послушница.

Встреча Елизаветы с архимандритом Игнатием во время посещения им Спасо-Бородинского монастыря в конце июля 1847 г. стала определяющим событием в ее жизни. Тогда настоятель Сергиевой пустыни заехал в обитель игумении Марии (Тучковой) на Бородинском поле, направляясь для лечения в Николо-Бабаевский монастырь[2]. О своем посещении Бородинского монастыря архимандрит Игнатий писал наместнику Сергиевой пустыни иеромонаху Игнатию (Васильеву): «В двух обителях на пути моем принят я был как родной: в Угрешской и Бородинской. <...> Бородинская Г-жа Игумения приняла очень радушно. Первый день занимался беседою с одною ею. <...> На другой день некоторые из <сестер> познакомились со мною. А когда я уезжал, то некоторые из них, провожая, со слезами говорили: мы с Вами точно с родным Отцом, как будто век знали. И я с ними породнился — есть такие прекрасные души, многие с хорошим светским образованием. <...> Какие есть на свете души! И как чудно Слово Божие! Недаром один святой Отец говорит, что сеятель сеет сряду, а не известно, которое зерно взойдет и который участок земли даст обильнейший урожай»[3].

Позже Е. Шахова, уже будучи монахиней, подробно и благоговейно описала приезд архимандрита, не называя его имени, в

---

[1] *Шахова Е. Н.* Правый и неправый суд [Стихотворение] // Современник. 1843. Т. 29. С. 269; Две думки: I. Гаданье на луну. II. Безстрастие [Стихотворения] // Современник. 1843. Т. 32. С. 352–353; Происхождение арфы: Из Томаса Мура [Стихотворение] // Современник. 1844. Т. 34. С. 77–78; Имениннику: Из А. Мицкевича [Стихотворение] // Современник. 1844. Т. 34. № 4. С. 82; К Цевнице (Из Б. Залесского, с польского) [Стихотворение] // Москвитянин. 1844. Ч. 4. №. 7, Изящная словесность: Стихотворения. С. 4. ‖ [2] *Николо-Бабаевский во имя святителя Николая мужской монастырь.* Основан после 1500 г. в посаде Большие соли (635 км от Костромы и 628 км от Ярославля) на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы. ‖ [3] Настоящее издание. Т. 7. С. 350–351.

жизнеописании настоятельницы монастыря игумении Марии, которая, получив согласие почетного гостя, «предупредила сестер, что у них будет такой посетитель, которого она принимает за посланника Божия, могущего сказать им истинно старческое слово о спасении»[1]. Беседа архимандрита с сестрами во второй день «продлилась далеко после захождения солнца, и только сумрак и свежесть приближавшейся ночи заставили распустить собрание. Но неутомимая игумения Мария еще не насытилась брашна духовного, вошедши в покои, и удержав при себе нескольких сестер, из более ревнительных и, подобно ей, жаждавших слова Божия из живых уст святого человека, продлила беседу до 11-го часа ночи»[2].

Несомненно, среди этих «жаждавших слова Божия» была послушница Елизавета. В «Автобиографии» она характеризует свое состояние этого времени как «искушение унынием до отчаяния в Бытии Божии». О впечатлении же, которое на нее произвела встреча с архимандритом Игнатием, пишет там же: «Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета священноинока и была им принята под руководство. Это был глубокий аскет и вместе опытный наставник внутреннего делания».

Насколько серьезно архимандрит Игнатий отнесся к исполнению своего пастырского долга свидетельствует тот факт, что сразу по приезде на место лечения он в одном из первых писем в Сергиеву пустынь просит наместника переслать в Бородинский монастырь 3 экземпляра только что изданного своего очерка о Валаамском монастыре[3]: «один Г-же Игумении, другой — двум ее келейницам <...>, третий Елизавете Шаховой»[4]. Архимандрит Игнатий спешит подарить ей свое первое печатное сочинение, вызванное к жизни, по его собственным словам, «поэтическим вдохновением»[5], и тем самым поддержать художественные опыты Шаховой. В последующих письмах к наместнику он не раз справляется о выполнении своей просьбы.

Посещение Бородинского монастыря произвело на архимандрита Игнатия сильное впечатление, под влиянием которого он написал, хотя и небольшое по объему, но глубоко-эмоциональное стихотворение в прозе — «Воспоминание о Бородинском монас-

---

[1] *Шахова Е. Н.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире — Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной. СПб., 1865. С. 91. ‖ [2] Там же. С. 93–94. ‖ [3] Валаамский монастырь СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — 27 с. Подпись: И. И. И. То же. — СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — 40 с. ‖ [4] Настоящее издание. Т. 7. С. 346. ‖ [5] Там же. С. 339.

тыре». Уже через месяц после приезда на место лечения он пересылает текст «Воспоминания...» в Петербург для публикации в «Библиотеке для чтения»[1], а в конце 1847 г. передает в Бородинский монастырь изданную «брошюрку»[2].

На создание этого произведения архимандрита Игнатия вдохновили не только сердечный прием и общение с сестрами, но и стихотворение Е. Шаховой «Поле-море», написанное ею в 1846 г. на Бородинском поле. Стихотворение начиналось словами:

«Широкое поле, — глубокое море,
Безмолвно и мертво, без влаги, без бурь;
Когда-то на этом зеленом просторе,
Волнами бежала в струях не лазурь,
Не отблеск небесного, ясного цвета,
Но кровь разнородных племен и людей!
О, поле-кладбище! Гордыня полей!
Ты некогда было позорищем света!...»[3]

В «Воспоминании о Бородинском монастыре» архимандрит Игнатий, как бы обращаясь к Елизавете, продолжает неоконченный с ней разговор: «Поэт! Ты прав; твой глаз постиг характер этого поля: ты нарек его “поле-море”. Прочитав название новое, я не понял его, но когда пришлось мне взглянуть с высоты на Бородинское поле, — я тотчас увидел, что это поле — море. Оно обширно, как море; оно — всё в переливающихся, отлогих холмах, как в волнах. Были на нем и другие волны: несметные полки воинов. Утекли эти волны; утекли десятки годов после битвы знаменитой; стоит уединенно на поле смиренная обитель инокинь, как пристань на море»[4]. Какой поддержкой должна была стать эта «брошюрка» для инокини!

После знакомства будущий Святитель прежде всего наметил программу духовного образования Елизаветы. «Он преподал мне келейное правило, — пишет она в “Автобиографии” — предложил ознакомиться с учением древних святоотеческих творений и обещал доставлять мне книги по его выбору, необходимые для первоначального и последовательного чтения и условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной».

---

[1] Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека для чтения, 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: *И.* ‖ [2] См. т. 7, с. 372, письмо № 28. Вышло также отдельным изданием: Воспоминание о Бородинском монастыре. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — 4 с. — Подпись: *И.* ‖ [3] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 2. ‖ [4] Настоящее издание. Т. 4. С. 473.

Незадолго до возвращения архимандрита из Бабаевского монастыря, в январе 1848 г., Е. Шахова едет в Сергиеву пустынь с сопроводительным настоятельским письмом к наместнику: «Рекомендую тебе подательницу письма сего Елизавету Никитичну Шахову. Приласкай и утешь ее: мне этот человек понравился. И сохрани же ее от взоров сулемы и всякого мышьяка. А то узнают, что моя знакомая, и постараются повредить ей. Она — писательница. Нрава открытого и с умком. Арх. Игнатий»[1].

Приезд Е. Шаховой в Петербург возможно был связан с подготовкой к изданию нового, четвертого, ее сборника стихотворений. Сколько времени Елизавета пробыла в Сергиевой пустыни, мы не знаем, но, очевидно, не меньше месяца, так как в февральском письме к наместнику архимандрит Игнатий делает приписку: «В моем шкафе лежит на полке книга Пр<еосвященного> Иннокентия "Великий пост"[2], потрудись передать Шаховой. Нужна для соображения при предполагаемом стихотворении»[3]. Четвертый, и последний, сборник стихотворений Е. Шаховой — «Мирянка и отшельница» увидел свет в самом начале 1849 г.[4]

Основная часть вошедших в него стихотворений были написаны с 1839 по 1846 г. и только несколько произведений созданы в промежутке между 1847–1848 гг. Содержание сборника отличалось от предыдущих, на что обратила внимание критика, встретившая его появление гораздо более сдержанно. «О духовных стихотворениях г-жи Елизаветы Шаховой мы не будем распространяться. Содержание их слишком высоко, а выполнение большею частию далеко не соответствует содержанию», — писал рецензент, хотя и отметил «замечательное по силе и звучности» стихотворение «Исступление»[5], которое начиналось так:

«Идите прочь от келии моей,
Мирские, сродники, и недруги и други,

---

[1] Настоящее издание. Т. 7. С. 375. Письмо № 34. ‖ [2] <*Иннокентий (Борисов), архиепископ.*> Великий пост или Беседа на Св. Четыредесятницу. Харьков, 1847. 368 с. — Автор не указан. То же: 2-е изд. *Сочинение Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического.* СПб., тип. Морского кад. Корпуса, 1850. [4], II, 322 с. ‖ [3] Настоящее издание. Т. 7. С. 378. Письмо № 38. В Собрании сочинений Е. Шаховой есть цикл стихотворений, посвященных Великому посту. См.: Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 109–121. Время создания стихотворений неизвестно, но опубликовала их мать Мария в газете «Россия» в 1880 г. № 1, 4–7. ‖ [4] *Шахова Е.* Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849. — 4, 346, IV с. ‖ [5] Литературная летопись: Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849 // Библиотека для чтения. 1849. Т. 95. № 6, Отд.VI. С. 36–39.

Я излию души моей недуги
Наедине — с самим Творцом людей!
Ни шороха шагов, ни голоса людского,
Ни скрипа у дверей не дайте слышать мне;
В смирении безмолвия святого,
Колена преклоня, в священной тишине,
Я улетучу плоть, от веры и надежды,
И минет — для любви земная полоса...
Широкая пола святой моей одежды
Мне будет облаком к полету в небеса:
Я вознесусь, вне чувственного мира,
Усилием земного существа,
К чиноначалиям превыспренного клира,
До самого Престола Божества! ...»[1]

Вероятно, не без оснований другой рецензент отмечал, что содержанием стихотворений сборника Е. Шаховой является «мир субъективный, сфера ее "я"»[2].

Сборник «Мирянка и отшельница» был последним в творчестве Елизаветы Шаховой. На это имелись как внешние, так и внутренние причины. Начиналось десятилетие, в котором публикация произведений на религиозные темы искусственно приостанавливалась. С 1851 г. перестают печатать в журналах сочинения архимандрита Игнатия. Только в 1862 г. Святитель возобновляет свои печатные выступления. Примерно в это же время, с 1860 г., на журнальных страницах вновь появляется имя Е. Шаховой. Разумеется, помимо внешней была и внутренняя причина 10-летнего молчания поэтессы: новое содержание ее жизни требовало освоения иных форм выражения. Святитель Игнатий неоднократно в своих сочинениях и письмах подчеркивал необходимость разделять творчество светское, то есть водимое мудрованием и духом мира, «постоянно ниспадающее в свое *чувственное*, и святое духовное переделывающее в свое чувственное», от творчества истинного, в котором душа «находит удовлетворение, пищу», т. е. Слово Божие[3].

В «Автобиографии» Е. Шахова писала, что по возвращении в Сергиеву пустынь после лечения в 1848 г., архимандрит Игнатий вызвал ее из Бородинского монастыря и целый год она, живя на

[1] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 11. ‖ [2]Библиографическая хроника: Новые сочинения: Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849 // Отечественные записки. 1849. Т. 64, Отд. VI. С. 95–100. ‖ [3] Настоящее издание. Т. 4. С. 552.

монастырской даче вместе с матерью, под его наблюдением изучала творения святых Отцов и занималась Богословием. В это же время Шахова переводит с французского «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История Христианства» аббата Флери[1]. Объемный перевод этот сохранился в архиве Е. Шаховой[2].

После года обучения духовный наставник передает Елизавету на попечение другой своей ученицы, монахини Августы (Козминой) — старицы Старо-Ладожского монастыря; там Е. Шахова поселяется со своей матерью. Сведения о событиях дальнейшей ее жизни, прикровенной для нас, можно почерпнуть из ее «Автобиографии», писем близких ей людей и ее стихов. По словам самой Е. Шаховой, в Ладожском монастыре она 14 лет «занималась чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов по церковному и русско-печатному шрифту».

К началу 1860-х годов в отношениях монахини Августы с начальством Старо-Ладожского монастыря возникли трения, перешедшие в трудно разрешимый конфликт. Вследствие этого Е. Шахова со своей наставницей, получив благословение святителя Игнатия, уходят из монастыря искать себе пристанище в другом месте. Некоторые сведения о перипетиях этого периода жизни Е. Шаховой можно почерпнуть из переписки святителя со своим учеником — игуменом Антонием (Бочковым), поэтом и писателем, полностью разделявшим взгляды Святителя на святоотеческое учение и на современное состояние общества[3]. Именно его попечению поручает святитель монахиню Августу и Е. Шахову, вступив на епископскую кафедру в Ставрополе и навсегда покинув Петербург.

Иеромонах Антоний с 1852 до 1859 г. был духовником Старо-Ладожского монастыря, но в эти годы он часто находился в отъезде. В 1859 г. его переводят настоятелем Введенского Островского монастыря в Новоладожском уезде, а в 1862 — настоятелем в заштатный Черменецкий Иоанно-Богословский монастырь. Вероятно, во время настоятельского служения игумена Антония и происходит сближение его с Е. Шаховой, горячо поддерживаемое святителем Игнатием. В письме к игумену Антонию от 18 апреля 1861 г. он писал: «Сердечно радуюсь, что труженицы Августа и Елизавета нашли в Вас единомудренного, сочувствующего им сподвижника. Бог да благословит Ваш духовный союз во сла-

---

[1] *Флери Клод (Abbé Fleury;* 1640–1723) — аббат, историк церкви, член Французской академии. Автор труда Histoire ecclésiastique (Paris, 1719). ‖ [2] РО ИРЛИ. № 3558. ‖ [3] См.: *Исаков Сергей.* Алексей Поликарпович Бочков. Биографический очерк. — Настоящее издание. Т. 4. С. 565–596.

ву Святого Имени Своего и в пользу душ, жаждущих услышать слово Божие, и при руководстве Его спасти души свои от нравственной смерти, которая настигнет всех, лишенных истинной пищи — слова Божия»[1]. Через месяц Святитель вновь обращается к игумену с просьбой: «Не оставляйте Ладожских Стариц, находящих в любви Вашей отраду в сиротстве своем и отдающих Вам полную цену»[2]. В это время между игуменом Антонием и Е. Шаховой завязывается переписка, односторонне сохранившаяся в архиве Е. Шаховой[3].

Игумен Антоний принимал заинтересованное участие в устройстве дел монахини Августы и Елизаветы Шаховой, за что святитель Игнатий не раз благодарил его и передавал благодарности «стариц», как их иногда называли оба корреспондента в переписке. Скитания Е. Шаховой закончились в тверском Рождественском монастыре, где по ее словам, игумения Мария Игнатьева «совершенно успокоила у себя». Здесь в 1863 г. Елизавета Шахова приняла постриг в мантию[4]. «Спаси Вас Господи, — писал Святитель игумену Антонию 21 февраля 1864 г. — за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахине Марии Шаховой. И на ней можно видеть, как направление по учению святых Отцов в наше время нетерпимо. Не терпят его от того, что чужды ему, не знают его, не изучали его, нисколько не занялись им. Говорят, что ныне в книжных лавках обеих столиц вовсе прекратился расход на духовные книги или он так мал, что можно признать его прекратившимся. Всему, что сказано в Писании, подобает быть»[5].

Продолжавшаяся оживленная переписка учеников святителя Игнатия — игумена Антония и матери Марии — двух монахов-писателей, помимо вопросов духовного характера касалась литературных тем. В 1860 г. Е. Шахова начинает печататься: в журнале «Странник» она публикует жизнеописание схиигумении Старо-Ладожского Успенского монастыря Евпраксии[6], а в 1862 г. вновь выступает как поэт со стихотворными переложениями песнопений Пасхальной утрени[7].

---

[1] Настоящее издание. Т. 4. С. 530–531. ‖ [2] Там же. С. 532. ‖ [3] См.: Письма игумена Антония к Е. Шаховой, а затем матери Марии. РО ИРЛИ, 3589. ‖ [4] Мы не располагаем достоверными сведениями о первых шагах монашеской жизни Е. Шаховой: неизвестно, был ли постриг в рясофор, где и когда он состоялся. ‖ [5] Настоящее издание. Т. 4. С. 548. ‖ [6] *Шахова Е.* Жизнь схиигумении Евпраксии. (В Старо-Ладожском девичьем монастыре, Успения Пресвятой Богородицы) // Странник. 1860. Т. 1. № 3, Отд. I. С. 65–99. ‖ [7] *Шахова Е.* Светлая утреня [Стихотворение] // Странник. 1862. Т. 2, № 4, Отд. II. С. 203–210.

Вероятно, в конце июля или начале августа 1864 г. игумен Антоний и мать Мария вместе посещают святителя в Бабаевском монастыре, где он находился уже на покое. Судя по письму Преосвященного, посланного игумену Антонию сразу после отъезда последнего, основной темой общих разговоров были стихи игумена Антония, с которыми, скорее всего, по инициативе матери Марии впервые познакомился Святитель. «Искренне благодарю Вас за посещение меня, грешного: этим посещением доставлено мне сердечное утешение. Особенно признателен Вам за то, что Вы захотели познакомить меня со стихотворениями Вашими, с Вашим прекрасным талантом, которому даю всю справедливую цену. Мать Мария, по отъезде Вашем, еще прочитала мне некоторые сочинения Ваши»[1].

Встреча с учениками, наделенными поэтическим даром, вдохновляет Святителя, и свое письмо он украшает богословским рассуждением о Слове, где в частности пишет: «Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое, подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем — уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно... Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях — наставление и спасение человеков: какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!»[2] Святитель, обращается к игумену с призывом, «подвергнуть собственной строгой критике свои сочинения» и, «при свете совести, просвещенной молитвою покаяния», извергнуть беспощадно из них все, «что принадлежит к духу мира, что чуждо духу Христову». «Судя себя и рассматривая себя, Вы увидите, — продолжает он, — что каждое слово, сказанное и написанное в духе мира сего, кладет на душу печать свою, которою запечатлевается усвоение души Миродержцу»[3].

Напутствие святителя Игнатия игумену Антонию в его литературном труде в полной мере было воспринято и матерью Марией. Хотя после принятия монашества и до конца 1860-х годов она опубликует только жизнеописание игумении Марии Тучковой[4], но будет продолжать писать и стихи. Параллельно пе-

---

[1] Настоящее издание. Т. 4. С. 550. ‖ [2] Там же. ‖ [3] Там же. С. 551. ‖ [4] *Шахова Е.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире — Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной // Странник. 1865. Т. 1. № 5, Отд. I. С. 61–106; № 6, Отд. I. С. 123–172. Отд. оттиск: СПб., 1865. — 112 с.

реписке матери Марии с игуменом Антонием возникает их стихотворная «переписка» 1865–1869 годов, объединенная матерью Марией в цикл «Поэтический телеграф». Так ее стихотворный ответ, написанный на стихотворение игумена «Пастух-бандурист», к которому мать Мария приложила свой сборник первого издания и рукописи стихов, начинался словами:

Простите мне, мой друг, мой старец, мой отец,
Смиреннейший пастух Апостольских овец!
Что лепты медные, простые,
Своих неизданных стихов,
Из старых высыплю мешков,
И за червонцы золотые
Любовию отлитых слов,–
Плачу вам старою, заржавленной монетой,
Чеканенной еще *Елизаветой*!..[1]

Именно в эти годы поэзия матери Марии достигает того равновесия формы и содержания, которого ждал от поэтического слова святитель Игнатий.

В одном из посланий игумен Антоний предложил матери Марии воспеть «истинный идеал» — их учителя. В ответном послании мать Мария говорит о том, что недостойна «воспеть великого отца» и предлагает это сделать самому игумену:

Высокой меры совершенства
Вы указали образец:
Черты его Преосвященства–
Ваш — лучше выразит резец!
В священно-действенные тайны,
Вы, — жрец Христов, — посвящены:
Дары Христовы — не случайны,
И не от мира вам даны![2]

Но, вероятно, все-таки мать Мария решается и пишет стихотворение о Святителе, посвящая его времени настоятельства архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни:

Был в древности святой Игнатий:
Он в сердце Господа носил,

[1] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 85. ‖ [2] Там же. С. 86.

И за своих духовных братий
Святую душу положил.

Перед толпою разъяренной
Он, в ожидании зверей,
Молился, кроткий и смиренный,
Не за себя, а за людей, —

За тех, для коих сумасбродством
Казалась вера во Христа,
Кто почитал одним юродством
Святое знаменье креста...

Был между нас другой Игнатий...
Он далеко теперь от нас:
Но сердце благодарных братий
К нему стремится в этот час.

И он злословия цепями
Когда-то весь опутан был;
И на него неслись зверями
Пособники враждебных сил.

Но, встретив их душою твердой,
Он шагу им не уступил,
И велиара замысл гордый
Своим смирением победил.

На берег Финского залива,
На разоренные места,
Принес всемирное он диво —
Сиянье Божьего креста.

И в неустанной с миром битве
Обитель спешно воздвигал,
И, отдыхая лишь в молитве,
Мирских отличий не искал.

И процвела сия пустыня,
И зеленеет яко крин,
И будет в век она, как ныне,
Хранима Господом Самим.

Он Сам, в Своем благоволеньи,
Воздвиг потребного к тому,
И возвеличил во смиреньи,
И крепость духа дал ему.

Он Сам его благословляет
И ограждает от всего;
От нас же только Он желает
Одной молитвы за него.

Да вознесется ж голос братий
В сей благознаменитый час;
И да хранит святой Игнатий
Сего Игнатия для нас!..[1]

Тяжелой утратой для обоих учеников Святителя стала его кончина 30 апреля 1867 г. Игумен Антоний получил сообщение об этом от матери Марии 1 мая в день памяти Святого пророка Иеремии. В ответном письме игумен Антоний с поэтической метафоричностью находит общие черты в жертвенной жизни пророка и своего учителя:

«Горестное известие Ваше я сегодня получил и благодарю за дружеское Ваше внимание. Я отслужил уже соборную панихиду по незабвенном нашем Отце и Учителе, Высокопреосвященнейшем Игнатии. <...>

Новопреставленный, Новый Иеремия, плакал всю жизнь о бедственных временах наших, о потемнении камыков святыни, о монашестве прилепленном к оставленному миру. Девственный и чистый, он из смирения обвязывался как чресленником (Иеремии, Гл. 13) нашими грехами и многих извел из пропастей из глубины погибели... <...>

Преподобная Матерь Мария поклонитесь за меня неоднократно стопам почившего.

м<ногогрешный> И<гумен> А<нтоний>»[2].

Матери Марии предстояло пережить уход еще двух своих наставников и старших товарищей — монахини Августы и игумена Антония. Предчувствуя приближение расставания с ними мать Мария писала в стихотворении «Семячко»:

Увы мне, убогой Марии!
Сама я трясусь, как былинка,
Под бурей воздушной стихии!

---

[1] Посвящается Архимандриту Игнатию (Настоятелю Сергиевской пустыни). Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 106–108. В 1866 г. стихотворение было издано отдельной брошюрой за подписью Виктора Аскоченского. Факт этот пока объяснить не удалось. В. И. Аскоченский, как редактор журнала «Домашняя беседа», был хорошо знаком и со святителем Игнатием и с игуменом Антонием, чьи произведения он публиковал в своем журнале. ‖ [2] РО ИРЛИ. 3589.

У каждого зелья — тычинка;
А вы-то, мои две опоры,
Раненько становитесь хворы,
Расслаблены, больны и хилы!
Страданье сковало вам силы,
И дух от скорбей изнемогший,
На нужды мои не внимает:
Мой тоненький стебель, иссохший,
Несносный червяк обнимает...[1]

С 1863 по 1871 г. монахиня Мария занималась педагогической деятельностью, о чем подробно пишет в «Автобиографии». В 1873 г. из-за ухудшившегося состояния здоровья она вынуждена уйти на покой. Духовная писательница возвращается в Старо-Ладожский Успенский монастырь и остается в нем до последних дней своей земной жизни. Здесь она, как напишет позже в «Автобиографии», «свободнее стала заниматься духовною литературой». В 1877 г. мать Мария издает поэму в драматической форме на библейский сюжет — «Юдифь». Идея создания произведения в стиле плачей библейских пророков обсуждалась ею еще в переписке с игуменом Антонием.

В 1877–1778 гг. в журнале «Вестник народной помощи» вновь появляются ее стихи и публицистические статьи. Особенно активно мать Мария участвует в журнальной жизни в 1880-е годы. Вплоть до 1890 г. ее публицистические статьи, беседы на духовные темы, жития святых, повести, стихи публикуют журналы «Мирской вестник», «Благовест», «Чтение для солдат», газеты «Варшавский дневник», «Новороссийский телеграф», а также издаются отдельными брошюрами.

До конца жизни писательница выступала в печати как под мирским именем — «Елизавета Шахова», прочно закрепившимся за ее стихотворными сочинениями, так и под монашеским — «монахиня Мария», которым подписывала преимущественно публикации на духовные темы. Немало публикаций матери Марии выходило в свет под криптонимами и псевдонимами. В 1896 г. монахиня Мария приняла схимнический постриг со своим первым именем Елизавета. Скончалась схимница 5 июля 1899 г. и была погребена в Старо-Ладожском успенском монастыре.

Творчество Елизаветы Никитичны Шаховой, монахини Марии, почти неизвестно современному читателю. Лишь некото-

[1] Собрание сочинений в стихах. Ч. 2. С. 94.

рые стихотворения можно встретить в антологиях, например, «Царица муз: Русские поэтессы XIX–начала XX вв.» (М., 1989) или единичных журнальных публикациях; так, несколько ее стихотворений опубликованы в «Журнале Московской патриархии» (1995, № 12).

***

Имеется немало косвенных свидетельств тому, что между святителем Игнатием и Елизаветой Шаховой существовала многолетняя переписка. В «Автобиографии» поэтесса писала о том, что сразу после их знакомства в Бородинском монастыре, Архимандрит «условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной». В письмах 1847–1848 гг. к наместнику Сергиевой пустыни он упоминает о своих посланиях в Бородинский монастырь, а о продолжении переписки в последующие годы говорит, например, получение Е. Н. Шаховой и монахиней Августой «письменного» благословения архимандрита. В переписке с игуменом Антонием Бочковым 1860–1867 гг. святитель Игнатий неоднократно ссылается на параллельную переписку с Елизаветой Шаховой, которая в эти годы становится мантийной монахиней Марией.

Тем не менее, среди опубликованных писем Святителя к мирянам и монашествующим с указанием адресата, посланий к поэтессе мы не находим, равно как и ее ответов. Но с большой степенью вероятности можно говорить о том, что одно из писем Святителя, без адресата и даты, было адресовано Е. Шаховой.

Впервые письмо это напечатано в фундаментальном биографическом исследовании Л. А. Соколова «Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения»[1], в комплексе писем Святителя к переводчице и духовной писательнице С. И. Снессоревой под № 58, где оно неизменно помещалось при всех последующих переизданиях эпистолярного наследия святителя. Автограф письма нам неизвестен, поэтому в настоящем издании текст его воспроизводится по первой публикации.

Благодарю Вас за прекрасные стихи[2]*: не говоря уже о наружной отделке, которая до мелочности изящна, в них много силы и*

[1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. Приложение. С. 127.

[2] О каких стихах говорит архимандрит Игнатий, установить не удалось.

много логики, — того и другого больше, нежели в стихах Майкова[1]. *Мне понравились два стихотворения воспитанника дворянского полка Василия Пето*[2]: *«Молитва» и «Песня», напечатанные в «Инвалиде»*[3]. *Видно дитя, виден подражатель Лермонтова, но виден вместе и истинный талант, видна необыкновенная глубина чувств,... какой... какой...*[4] *нет ни в ком из современных поэтов. — Если вы так добры, что принимаете на себя взять заказанную для меня аптечку, то исполните это. Возьмите к ней руководство, если имеется какое особенное.*

А<рхимандрит> И<гнатий>.

Во всех переизданиях писем Святителя публикуемое письмо помещалось между его письмами к С. И. Снессоревой от 9 мая 1846 г. и 29 октября 1847 г. При отсутствии датировки оно воспринималось читателями написанным во временном отрезке, ограниченном этими датами. Между тем указание архимандрита Игнатия на публикацию стихотворений в газете «Русский инвалид» за 19 марта 1854 г. дает возможность датировать публикуемое письмо с точностью до нескольких дней после выхода номера газеты, то есть последней декадой марта 1854 г.

Ссылки на периодические издания, которые регулярно просматривал архимандрит Игнатий, нередки в его письмах. Как правило, он делился своими впечатлениями о только что прочитанных материалах в свежем издании, если же писал о «старых» публикациях, то обычно указывал номер издания. «Русский Инвалид» была одной из читаемых архимандритом Игнатием га-

---

[1] Скорее всего, архимандрит Игнатий имел в виду последний сборник стихов А. Майкова. Очерки Рима. СПб.: В типогр. И. Глазунова и К., 1847. ‖ [2] *Потто Василий Александрович* (1836–1911), генерал-лейтенант, выпускник кадетского корпуса Дворянского полка, по окончании которого в 1855 г. был направлен в действующую армию на Кавказ. Принимал участие в блокаде, штурме и сдаче Карса. По окончании Турецкой войны путешествовал по Кавказу и собирал рассказы, песни и исторические предания о Кавказских военных событиях, которые легли в основу целого ряда его талантливых историко-военных произведений, объединенных позже в фундаментальную книгу: *В. Потто*. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1–5. СПб., 1885–1890. В газетной публикации фамилия автора написана с одной «т», чему, вероятно, не придавалось большого значения. В тексте письма вместо газетной фамилии «Пото» напечатано «Пето», что может быть равно как ошибкой архимандрита Игнатия, так и неточным прочтением автографа, по которому делалась первая публикация. ‖ [3] *Воспитанник Дворянского полка, Василий Пото*. Молитва за царя. Русская песня // Русский инвалид. 1854. 19 марта, № 65. С. 281. ‖ [4] В публикации так!

зет, а в 1854 г., во время военных действий на фронтах Крымской войны, повышенный интерес к ней был вполне закономерен.

Именно началу войны посвящены стихотворения «Молитва за Царя» и «Русская песня» кадета Дворянского полка Василия Александровича Потто, в которых со всей горячностью молодости звучала безграничная вера в непобедимость православного воинства. Одно из стихотворений заканчивалось словами:

Будь спокоен, Царь, за святую Русь,
Нам не в первый раз в бой за Русь идти,
Нам не в первый раз сокрушать врагов,
И теперь пойдем, с Божьей помощью,
Сокрушим врага, злого недруга,
Успокоим тебя, Царь, победами!

Высокий патриотический пафос стихотворений обратил на них внимание общества: стихотворения были перепечатаны в нескольких изданиях, а так же изданы отдельной брошюрой[1], сам же автор пожалован Высочайшим царским подарком — золотыми часами с цепью[2]. Удивляет проницательность будущего Святителя, по первым произведениям увидевшего «истинный талант» и «глубину чувств, какой нет ни в ком из современных поэтов», в авторе-юноше, ставшем впоследствии выдающимся военным историком Кавказа, по праву называемым «кавказским Баяном», или «Нестором Кавказских войн».

Обратимся к личности адресата письма. Составители первого собрания писем Святителя могли поместить письмо без адресата и даты среди писем к С. И. Снессоревой потому, что оно касалось литературных тем. Между тем, анализ содержания письма показывает, что адресовать его С. И. Снессоревой представляется мало вероятным. В известных письмах архимандрита Игнатия к С. И. Снессоревой[3], с середины 1840 г. до 1851 г. обсуждаются вопросы публикации его произведений в «Библиотеке для чтения», в чем София Ивановна была деятельной помощницей Святителя. Начиная с 1851 по 1862 г. публикация произведений Святителя практически прекращается, приостанавливается и его переписка; оживает она по мере возобновле-

[1] *Потто В. А.* Молитва за Царя. Русская песня. СПб.: Военная типография, 1854. 4 с. ‖ [2] См.: В память 50-летнего юбилея военно-литературной деятельности г.-л. В. А. Потто / Под ред. канд. фил. *Адольфа Либермана*. Тифлис, 1909. 77 с. ‖ [3] О письмах святителя Игнатия к С. И. Снессоревой см. публикацию Е. Аксененко в Настоящем издании. Т. 5. С. 487–538.

ния публикаций святителя Игнатия в 1862 г. и начавшейся корректорской работы С. И. Снессоревой над ними. Все это время основным занятием Софии Ивановны были переводы иностранных романов для журналов. В своем оригинальном творчестве, начиная с 1863 г. и до конца жизни, София Ивановна обращалась исключительно к прозаическим жанрам: в основном это были жизнеописания[1], и поэзия никак не могла стать темой обсуждения в переписке.

27 марта 1854 г., примерно в те же дни, когда было написано рассматриваемое письмо, Архимандрит приглашает Софию Ивановну приехать к нему совсем по другому вопросу: чтобы «прочитать ответ Нахимова» — отклик на переданную адмиралу архимандритом Игнатием по рекомендации Софии Ивановны икону святителя Митрофана Воронежского[2]. Мы не располагаем сведениями о том, состоялась ли встреча архимандрита Игнатия с С. И. Снессоревой, но с уверенностью можно сказать, что архимандрит Игнатий не мог обременить хронически больную немолодую женщину просьбой «взять заказанную для него аптечку», тем более что жила она в это время в Царском селе, а не в Петербурге.

Среди творческих людей, окружавших архимандрита Игнатия в начале 1850-х годов Е. Н. Шахова была одной из ярких фигур. Подобно тому, как будущий Святитель разглядел «глубину чувств» в стихотворном дебюте Василия Потто, он с первой встречи увидел в молодой послушнице незаурядный талант стихотворца, и в дальнейшем старался дать ему верное духовное направление. Поэтому ведущей темой их общения была поэзия и поэтические опыты самой Е. Н. Шаховой.

Публикуемое письмо написано в интонации продолжающегося разговора с близко знакомым человеком в ожидании скорой встречи, поэтому оно кратко и не столько информативно, сколько эмоционально. В нем Святитель благодарит за стихи, переданные ему, и высказывает свое мнение о них; делится впечатлениями о прочитанных стихах В. Потто, а также просит привезти заказанную аптечку.

Действительно, в начале 1854 г. ухудшается состояние здоровья Архимандрита. Об этом он пишет, например, в письме от 4 мая 1854 г.: «...крайне изнемогаю в силах, подвергаюсь новым припадкам, каких прежде не чувствовал, и вообще чувствую осо-

---

[1] См.: *С. И. Снессорева.* <Автобиографическая записка>. Там же. С. 539–554.
[2] Там же. С. 518–520.

бенное истощение»[1]. В этой ситуации, он в очередной раз, как, например, в Бабаевском монастыре, прибегает к различным лечебным средствам и советам по их применению. Обращение архимандрита к Е. Шаховой, как человеку достаточно близкому и гораздо моложе его по возрасту, с просьбой «привезти ему аптечку» было вполне естественно.

Мы не можем определить, о каких стихах поэтессы идет речь в письме. Но независимо от этого, для подтверждения адресации письма Е. Шаховой важна оценка Архимандритом присланных стихов, и сравнение их с поэзией А. Н. Майкова.

Е. Шахова и А. Майков начинали свой поэтический путь удивительно похоже. Почти ровесники по возрасту (А. Н. Майков был годом старше Е. Н. Шаховой) оба прославились ранним выступлением в печати: первому не было 14, а второй только исполнилось 15, когда на страницах «Библиотеки для чтения» были опубликованы стихотворные дебюты молодых дарований, одного в 1835[2], а другой в 1837 г.[3] Поэтические опыты Майкова-студента, так же как и «девицы» Е. Шаховой, поддержали профессора А. В. Никитенко и П. А. Плетнев. Первый стихотворный сборник Майкова — «Стихотворения Аполлона Майкова» (СПб., 1842), вызвавший многочисленные отклики именитых литераторов[4], появился во время успеха стихов Е. Шаховой.

Е. Шахова не могла не слышать о молодом поэтическом таланте, подобно ей, встреченным обществом с шумным одобрением. Несомненно, рассказывал ей об А. Майкове и о художественном и литературном салоне, существовавшем в доме Майковых, его постоянный посетитель поэт В. Г. Бенедиктов[5], с которым была хорошо знакома Е. Шахова и считала его своим наставником в поэтических опытах[6]. Следы влияния романтической поэзии В. Г. Бенедиктова можно найти и в ранних стихах А. Майкова.

---

[1] Настоящее издание. Т. 7. С. 152. Письмо № 48. ‖ [2] *Майков А.* Орел. [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. 1. С. 123–124. ‖ [3] *Шахова Е.* Видение девушки [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. Отд. V. С. 108–112. ‖ [4] См.: *Баевский В. С.* Майков А. Н. // Русские писатели.1800–1917. Т. 3. М., 1994. С. 454–455. ‖ [5] *Бенедиктов Владимир Григорьевич* (1807–1873), поэт, переводчик. Первый его сборник «Стихотворения Бенедиктова» (СПб., 1835) имел сенсационный успех, после которого непродолжительное время, до начала 1940-х годов, он был одним из популярнейших поэтов в разных слоях общества «от самого высокого до обывательского». См.: *Гинзбург Л. Я.* Бенедиктов В. Г. Там же. Т. 1. С. 233–237. ‖ [6] Е. Н. Шахова посвятила В. Г. Бенедиктову несколько стихотворений, одно из них появилось в числе ее первых журнальных публикаций: *Шахова Е.* Н. Бенедиктову [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1839. Т. 32. №. 2, Отд. I. С. 63–65.

Религиозные мотивы сближали как раннюю, так позднюю поэзию А. Майкова и Е. Шаховой. Но некоторые общие темы, например, из истории борьбы христианства с язычеством, поэты решали по-разному. А. Майков в первых своих сборниках увлечен живописанием красот языческого античного мира, в то время как Е. Шахова берет материал для своих произведений из ветхозаветной истории. Гораздо ярче это расхождение обозначится в зрелые годы, когда, по точному замечанию литературоведа нашего времени, поэтесса «едва ли уступает А. Майкову». В чпстности, исследователь писал об этом: «Мифологические образы Шаховой более наглядны, более человечны, чем у Майкова с его эстетизацией, условной красивостью древнего Рима»[1]. Вероятно эту преувеличенность эстетического начала в поэзии А. Майкова архимандрит Игнатий и определил в своем письме как недостаток «силы и логики».

Начавшись одинаково, в дальнейшем поэтические судьбы Е. Шаховой и А. Майкова пошли каждая своим путем, но память об этом начале сохранялась в душе поэтессы до глубокой старости. Когда в марте 1897 г. мать Мария, уже принявшая схиму с именем Елизавета, узнает из газет о смерти А. Н. Майкова, она пошлет письмо его младшему брату — Л. Н. Майкову[2] со словами утешения и передаст написанное ею на смерть поэта стихотворение «Веночек на свежую могилу поэта А. Н. Майкова»[3].

Певец весны не нашей — дальней,
Благоуханной, плодовой,
Поэт природы идеальной,
Почил от жизни трудовой.

Достиг святых желаний края
Храмосоздатель на земле,
Зрит в свете горнем светлость рая
Носитель света — в дольней мгле.

Он смолк — чтоб музыке небесной,
Внимать блаженно, без конца,
Став в чине службы не телесной,
В лучах бессмертного венца.

---

[1] *Зубков М. Н.* Из истории русской поэмы 40–60-х годов XIX века: Е. Н. Шахова // Проблемы истории литературы: Сб. статей по русской и зарубежной литературе. М., 1961. Вып. 1. С. 190–191. ‖ [2] *Майков Леонид Николаевич* (1839–1900) — историк литературы, библиограф, этнограф; академик Российской АН (1891). ‖ [3] РО ИРЛИ. 17256. Л. 2.

Святая Русь! Живые звуки
Потомству в славе сохрани,
Чтоб вовсе не было разлуки
С явленной силой в наши дни.

Из всего вышесказанного с достаточной убедительностью можно сделать вывод о том, что публикуемое письмо архимандрита Игнатия действительно было адресовано Е. Шаховой.

В приложении к настоящей статье мы помещаем также автобиографию монахини Марии, написанную в 1894 г. — за пять лет до кончины. Поводом к ее составлению стало обращение писательницы в «Литфонд» с просьбой о назначении пенсии. По существующим тогда правилам, краткий очерк литературной деятельности необходимо прилагался ко всякому прошению о «денежном вспомоществовании», направляемому в «Литфонд», в материалах которого он и хранится в настоящее время[1]. Фонд смог выделить матери Марии лишь маленькое полугодовое пособие.

В начале 1896 года она вновь обращается с просьбой о назначении пенсии в образованную в 1895 году «Комиссию для вспомоществования нуждающимся литераторам, ученым и публицистам при АН», первым председателем которой был Л. Н. Майков. На этот раз, благодаря его заботам ослепшей и больной матери Марии была назначена пожизненная годовая пенсия в 240 руб.[2], которую она получала вплоть до дня своей кончины.

Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899)

Отец мой Никита Иванович Шахов был моряк[3]. Во время Шведской войны в 1809 г. отличился особым подвигом, командуя гребной флотилией и пробиваясь сквозь лед, он способствовал окончательной победе нашей над неприятелем. Он был контужен в голову и в правый бок, за что и был награжден <орденом> Св. Георгия в петлице и повышением в чине[4], но получил

[1] РО ИРЛИ. Ф. 155; 1894 г. Журнал XXI. Дело № 7. ‖ [2] РО ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 384. ‖ [3] Н. И. Шахов родился 1785 г., происходил из дворян. В 1795 г. поступил в Морской кадетский корпус. Служил при петербургском и кронштадтском портах, участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг. См.: Общий морской список. СПб., 1892. Ч. 6. С. 241–242. ‖ [4] Автор описывает обстоятельства подвига и

ревматизм во всех членах, почему и вынужден был оставить морскую службу. Вступил в Гражданское ведомство по Государственному контролю[1]. Отец мой скончался в 1834 году на государственной службе[2] от апоплексического удара на все нервы, оставя вдову[3], лишенную зрения от головной болезни, и двух дочерей: старшую, Александру, 22 лет[4] и младшую, Елизавету, 12 лет[5], с небольшой пенсией, да жалкими остатками наследственного капитальца моей матери.

От 9 до 12 лет я была настоящею помощницей отца по кабинетным его занятиям. Старшая сестра моя, воспитанная во Французр-

ранения отца не вполне точно. Согласно документам, в мае 1808 г. Н. И. Шахов произведен в лейтенанты. В августе этого же года, командуя плавучей батареей № 11, он участвовал в сражении со шведским гребным флотом в Юнгфер-Зунде и во время нападения шведов «много способствовал к отнятию» гемама (мелкосидящего гребного судна. — *Е. А.*) «Строн Биорн», находящегося в руках неприятеля, «за что имел похвальный аттестат от командующего флотилиею капитан-лейтенанта Новокщенова и о чем рекомендовано командующему». В октябре того же года в составе эскадры вице-адмирала Мясоедова Н. И. Шахов участвовал в сражении со шведскою флотилиею при острове Пальве, во время которого был контужен, но «также рекомендован отлично». После этого он участвовал «в деле при разбитии» шведских аванпостов у острова Сутейла. В этом же году Шахов был в отпуске «для излечения полученной в плечо контузии» (Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 406, оп. 7, №. 124, л. 987–988 — 1814, сент. Послужной список команды 4 Ластового экипажа флота лейтенанта Никиты Шахова). О награждении Шахова орденом сведений нет.

[1] В 1815 г. Н. И. Шахов уволен с военной службы по прошению (из-за болезни) в чине капитан-лейтенанта. См.: Общий морской список. Ч. 6. С. 242. С марта 1817 г. ему «во уважение добропорядочной службы и расстроенного здоровья от полученной в сражении контузии» назначена пенсия по 175 руб. в год. С 1820 г. он поступает на государственную службу в штат Гофф-интендантской конторы и, сменив несколько должностей, определяется в Главное управление ревизии государственных счетов. См.: РГИА, ф. 576, оп. 5, д. 3235, 7л. 1834, июня 28 (Формулярный список о службе флота капитан-лейтенанта Шахова Н. И.) ‖ [2] Н. И. Шахов умер вскоре после увольнения. В июне 1834 г. он «по прошению уволен из-за болезни вовсе от службы» с должности экзекутора и казначея Временной контрольной комиссии для ревизии отчетов ведомства Путей сообщения. За два месяца до этого он «по прошению» получил право вместо «чиновника 9 класса» именоваться прежним чином «флота капитан-лейтенантом». (Там же, л. 6 об.) ‖ [3] Мать Е. Н. Шаховой Клеопатра Евстафиевна (урожденная Сытина). ‖ [4] По данным наиболее раннего служебного документа отца («Послужной список...», л. 987 об.), А. Н. Шахова родилась в самом начале 1812 г. ‖ [5] В справочной литературе и архивных документах указания на год рождения Е. Н. Шаховой колеблются от 1821 до 1824 г. Разнобой этот отразился в немногочисленных публикациях о ней. «Автобиографический очерк...» дает основание считать наиболее достоверным 1822 год рождения. Дату же рождения — 30 марта — называет Н. Н. Шахов, потомок поэтессы, в «Кратком биографическом очерке» о ней. См.: *Шахов Н. Н.* Е. Н. Шахова // Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб., 1911. С. VIII–XIV.

ском Пансионе, была моею первоначальною учительницею. И отец мой также в досужие часы занимался со мною, преподавал историю, географию и арифметику. Память моя не только быстро схватывала все познания, но и глубоко их усваивала.

Оба мои родители были любителями литературы: чтения, ради слепоты матери, по вечерам происходили вслух. Еще в раннем моем детстве бессмертный наш поэт Пушкин, нося меня, трехлетнего младенца, на руках, вместе с князем П. А. Вяземским говаривал моему отцу: «В больших глазах Вашей малютки светится огонек поэтического вдохновения»[1].

С 6–7 лет я твердила наизусть «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» и декламировала первые главы «Евгения Онегина». С 10 лет я начала писать стихи под строй поэзии Пушкина и Жуковского.

После смерти отца, когда мне было 14 лет, я кончила курс учения, тогда как другие только начинают его, восполнив не достававшее мне обучение внимательным чтением и изучением русской и иностранной литературы. Тетрадка моих стихотворений случайно попалась на глаза одному из наших знакомых, М. П. Жданову[2]. Он выпросил ее у моей матери и передал профессору Н. И. Бутырскому[3], и тот уже без нашего ведома представил тогдашнему председателю императорской Российской Академии А. С. Шишкову[4]: им и всеми членами Академическо-

---

[1] Найти подтверждение этому факту, равно как и существованию каких-либо связей между родителями Е. Шаховой и А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским не удалось. ‖ [2] *Жданов Михаил Павлович* (1810–1877) — потомственный дворянин, действительный статский советник. После окончания Харьковского университета в 1832 г. начал службу в Департаменте Государственных имуществ коллежским секретарем, затем столоначальником, старшим столоначальником, а с 1839 г. — чиновником особых поручений. В 1838 и 1839 гг. по служебным делам (с целью наблюдения за состоянием отечественного сельского хозяйства) объехал значительную часть европейской России. Впечатления о поездке впоследствии составили книгу: *Жданов Михаил.* Путевые записки по России, в двадцати губерниях.... СПб., 1843. В 1854–1856 — харьковский вице-губернатор. ‖ [3] *Бутырский Никита Иванович* (1783 или 1784–1848) — один из первых профессоров петербургского университета и стихотворец, экстраординарный профессор кафедры российской словесности (1819–1835); читал курс лекций «О словесных науках вообще». ‖ [4] *Шишков Александр Семенович* (1754–1841) — адмирал. С 1796 г. он был членом, а с 1813 г. президентом Российской Академии (1783–1841) — своеобразного гуманитарного центра России, учрежденного по указу Екатерины II прежде всего для создания первого толкового словаря и грамматики русского языка. А. С. Шишков приветствовал появление молодых литераторов, помогал им в публикации сочинений. В составленном А. С. Шишковым в 1818 г. уставе Российской Академии был пункт о поощрении авторов интересных работ, в частности, награждением медалями

го собрания мне была присуждена золотая медаль с надписью «за русскую словесность»[1]. Но нужды семейные меня вынудили вместо медали испросить сумму ее стоимости 500 рублей[2]. Сверх того Академия напечатала тетрадку моих стихотворений особой брошюрой под заглавием: «Опыты в стихах 15-летней девицы Елизаветы Шаховой 1837 года»[3]. В следующих годах, в 1838 и 1839 гг., на иждивения Академии была напечатана уже книга новых моих стихотворений[4] и быстро разошлась между любителями отечественной литературы, обратив внимание всех журналистов тогдашнего времени. Имя мое стало известно, и лучшие представители литературы стали лично знакомиться со мною. В. А. Жуковский приветствовал меня сердечным посланием[5] при подарке 12-ти томов своих сочинений с его портре-

---

и денежными премиями. См.: *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 51.

[1] В опубликованных отчетах Российской Академии нам не удалось обнаружить каких-либо сведений о присуждении Е. Н. Шаховой «золотой медали». (См.: Труды императорской Российской академии. СПб., 1840. Ч. 1.) ‖ [2] В опубликованных отчетах Российской Академии об этом событии имеется следующая запись: «Опыты в стихах четырнадцатилетней девицы Шаховой обратили на нее внимание Академии, которая наградила ее, в 1837 г. 500 руб. в поощрение к дальнейшему упражнению» (Труды императорской Российской академии. С. 77). ‖ [3] Первая книжка стихотворений Е. Шаховой — «Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. Писано в 1836 г.» (СПб., 1837) — была издана не Российской Академией, а в типографии К. Вингебера. За несколько месяцев до выхода в свет книжки О. И. Сенковский в своем журнале «Библиотека для чтения» впервые опубликовал стихотворение Е. Шаховой — «Видение девушки» (1837. Т. 21. Отд. 5. С. 108–112), а также объявил о появлении в литературе молодого поэтического таланта и награждении ее Российской Академией денежной премией (Там же. Отд. 6. С. 62). Сопоставление цензурного разрешения (от 3 марта 1837 г.) на вышеназванный том «Библиотеки для чтения» с цензурным разрешением на «Опыт в стихах...» (от 12 мая 1837 г.) дает возможность предположить, что книжка могла быть издана на премиальные деньги, полученные от Российской Академии. ‖ [4] Вторая книжка — «Стихотворения Елизаветы Шаховой». СПб., 1839. (Цензурное разрешение от 21 ноября 1838 г.) — издана в типографии императорской Российской Академии. В опубликованном отчете о деятельности Российской Академии отмечено, что Шахова оправдала данное ей для поддержки ее поэтических опытов денежное вознаграждение, «представив в 1839 г. новые свои стихотворения. <...> Академия, напечатав ее стихотворения в числе 800 экземпляров, все их предоставила в ее пользу» (Труды императорской Российской академии. С. 77). ‖ [5] Стихотворного или какого-либо иного посвящения Е. Шаховой среди известных произведений В. А. Жуковского обнаружить не удалось. «Посланием» автор могла назвать приложенное к подарку письмо. См.: РО ИРЛИ. 3592.

том. Ректор С. Петербургского университета П. А. Плетнев[1], посещая меня, лично познакомил меня с А. О. Ишимовой[2] и тогда еще начинавшим писателем Я. К. Гротом[3]. По представлении моей книги чрез посредство графа С. С. Уварова[4] и графа Н. А. Протасова[5] Их Императорским Величествам и другим особам Императорского Дома я удостоилась получить три блестящих подарка: серьги, ожерелье и перстень[6]. Некоторые лица из высшего общества желали лично узнать молоденькую девушку-автора, приглашая меня к себе.

Известная своею общественною благотворительностью Т. Б. Потемкина представила меня своей свекрови княгине Т. В. Юсуповой, которая настолько полюбила меня, что пожелала обеспечить

---

[1] *Плетнев Петр Александрович* (1792–1865) — поэт, критик, доктор философии, проф. кафедры русского языка и словесности (1832–1850), академик Российской Академии наук (1841), в 1838–1846 издатель и редактор журнала «Современник»; ректор Петербургского университета (1840–1861). ‖ [2] *Ишимова Александра Иосифовна (Осиповна)* (1804, по другим сведениям 1803–1881) — детский прозаик, переводчица, издатель детских журналов. Автор «Истории России в рассказах для детей». (Ч. 1–6. СПб., 1837–1840; 5-е изд. Ч. 1–3. СПб., 1862), принесшей ей наибольшую известность. Первые 25 рассказов «Истории...» Ишимова показала П. А. Плетневу еще в рукописи, который их высоко оценил и ввел Ишимову в круг литераторов (ок. 1834), став ее литературным покровителем и наставником. Через посредничество Плетнева в конце 1830-х годов молодая писательница была приглашена преподавать русский язык членам царской фамилии. С П. А. Плетневым и Я. К. Гротом у Ишимовой установились особенно дружеские отношения. ‖ [3] *Грот Яков Карлович* (1813–1893) — филолог, историк, ординарный академик Российской Академии наук (1858). Окончил с золотой медалью Царскосельский лицей (1832), служил в канцелярии кабинета министров, с 1834 г. — в Государственной канцелярии. С 1840 г. сотрудничал в журнале «Современник». В 1841–1852 гг. профессор кафедры русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета, 1852–1858 гг. преподавал русский язык, немецкий язык, историю и географию великим князьям Александру Александровичу и Николаю Александровичу; в 1853–1862 гг. профессор кафедры словесности Александровского лицея в Петербурге. С 1859 г. — член, с 1866 г. — председатель Литературного фонда. ‖ [4] *Уваров Сергей Семенович* (1786–1855) — министр народного просвещения (1833–1849), президент Академии наук (1818–1855). Находился в близких отношениях с Жуковским. В 1831 г. избран в действительные члены Российской Академии. ‖ [5] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855) — граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета. В 1835 г. — товарищ министра народного просвещения. С 1836 г. и до смерти исполнял должность обер-прокурора Св. Синода. ‖ [6] Это событие было отмечено в печати. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Государь Император, удостоив благосклонного принятия поднесенный Его Величеству г. Управляющим Министерством народного Просвещения экземпляр Стихотворений девицы Шаховой пожаловать ей бриллиантовые фермуар и серьги». (Санкт-Петербургские ведомости. 1839. 3 дек., № 277. С. 1247).

мое состояние под тем только условием, чтоб я уже нигде не печатала своих стихотворений. «Не хочу, — настаивала княгиня, — чтоб о моей любимице сердца в печати говорили так и сяк». Не прошло и 3-х лет, как скончалась моя покровительница, не успев закрепить за мной назначенной ею в завещании (которое было уничтожено князем Юсуповым и оставлено первое, писанное княгиней за 25 лет до ее кончины) значительной суммы[1].

По смерти княгини от наследников ее, двух ее сыновей — старшего, от первого брака, А. М. Потемкина, и второго, князя Б. Н. Юсупова, и дочери ее, графини Рибопьер, разделивших между собою ее богатства, мне выдавалась ежегодно та пенсия, которую мне давала сама княгиня на руки — по 5-ти золотых каждое 1-е число, составивших по новому курсу 235 р<ублей> в год, которую наследники разделили на две части между мною и моею матерью и по ее кончине ее часть переписали на мою старицу монахиню Августу. По смерти ее я получаю только одну свою часть в год — 142 р<ублей> 85 к<опеек>.

Лишение моей покровительницы, которую я любила более родной матери, произвело на меня подавляющее впечатление: родимый столичный город для меня точно опустел. Меня влекло в более уединенную жизнь, да и средств к содержанию семейства в приличной обстановке столичной жизни уже не доставало.

Мы решили переселиться в Москву в 1841 г. к сестре моей матери Н. К. Скуратовой. О моем удалении с литературного поприща оповестили с искренним соболезнованием и даже упреками С.-Петербургские газеты: «Сын отечества»[2], «Северная пчела»[3], свидетельствовавшие о моем блистательном положении в С.-Петербурге, как любимой поэтессы.

В Москве любители просвещения, узнав, что я живу в семейном уединении, удалясь от общества, сами поискали меня и открыли мне новые горизонты. Но в самый расцвет всех надежд на земное счастье я услышала в ночном молении пред чудотворною семейною иконою Спаса Нерукотворенного чудный Глас с

---

[1] Ср. письмо святителя Игнатия к Т. Б. Потемкиной — с. 798–799 и к «больной старице» — с. 799. ‖ [2] Сведения автора не точны. Газета под названием «Сын отечества» издавалась с 1862 по 1905 г. С 1838 по 1842 годы стихотворения поэтессы и рецензии на них помещались в журнале «Сын Отечества» (СПб., 1812–1852 с перерывом в 1844–1946 гг.), но именно в 1840–1841 гг. упоминаний о Е. Шаховой в нем нет. В эти годы ее стихотворения и отзывы на них публикует П. А. Плетнев в своем журнале «Современник». ‖ [3] «Северная пчела» (СПб. 1825–1864) — газета политическая и литературная. 3 раза в неделю. В газете печатались оповещения о выходе в свет сборников стихотворений Е. Шаховой в 1837, 1839, 1842 гг.

Евангельскими словами: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обременении и аз упокою вы».

Я поняла это в смысле Промысла Божия, указывающего мне вступить в монастырь. Я решилась повиноваться Гласу Божию и поступила в Спасо-Бородинский монастырь к знакомой игумении именитой Марии Тучковой[1], где и провела три года новоначалия, до посещения этой обители архимандритом Игнатием Брянчаниновым[2]. Он нашел меня в тяжком состоянии искушения унынием до отчаяния в Бытии Божии. Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета священноинока и была им принята под руководство.

Это был глубокий аскет и вместе опытный наставник внутреннего делания. Он преподал мне келейное правило, предложил ознакомиться с учением древних святоотеческих творений и обещал доставлять мне книги по его выбору, необходимые для первоначального и последовательного чтения и условился о переписке с ним, вполне искренней и свободной. Наконец, по возвращении своем из уединения в одном из Поволжских монастырей снова на свою настоятельскую и благочинную деятельность в Сергиевой Пустыни, он вызвал меня из Спасо-Бородинского монастыря. Целый год, живя на монастырской даче вместе с моей матерью, приехавшей ко мне из Москвы, я занималась под его постоянным наблюдением изучением не только творений Святых Отцов, но Богословием. Затем я перевела с французского на русский язык «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История Христианства» аббата Флери[3]. Этот перевод составил семь

---

[1] Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском Поле, близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменьей Марией) на месте гибели ее мужа. ‖ [2] В январе 1834 г. архимандрит Игнатий по решению Императора Николая I был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни, которой успешно управлял до октября 1857 г. С середины августа 1847 г. до середины мая 1848 г. архимандрит Игнатий находился на лечении в Николо-Бабаевском монастыре. По дороге из Петербурга к месту лечения, в конце июля 1847 г., он посетил Спасо-Бородинский монастырь. Впечатления от посещения монастыря отразились в написанной им сразу после определения на место лечения небольшой брошюре «Воспоминание о Бородинском монастыре». См.: Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека для чтения. 1847. Т. 85, Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: *И.*; То же. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — Подпись: *И.* Настоящее издание. Т. 4. С. 473–475. ‖ [3] *Флери Клод (Abbé Fleury;* 1640–1723) — аббат, историк церкви, член Французской Академии. Сначала был известным адвокатом парижского парламента, потом принял духовный сан; с 1689 г. был наставником детей короля Людовика XIV, затем приором

объемистых тетрадей. По прошествии года моего жительства при обители Преп. Сергия архимандрит Игнатий устроил меня с матерью моей в Староладожском монастыре[1] в келии другой своей ученицы, монахини Августы Козьминой, вместе с нею я занималась 14 лет чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов по церковному и русско-печатному шрифту.

По благословению нашего наставника старица служила сестрам опытным советом и утешением в их скорбях и искушениях. Общее уважение сестер и поместного общества возбудило зависть начальствующих лиц монастыря, заподозривших старицу, а впоследствии и меня, как учениц Благочинного, в намерении быть их заместительницами.

Подозрение, возрастая с каждым годом, наконец вызвало настоящее гонение, и мы решили оставить Ладожскую обитель и приискать себе другую, даже вне С.-Петербургской епархии. В это время наставник наш был поставлен Епископом Кавказским и Черноморским[2]. Он письменно благословил нас; взяв годовой отпуск, мы посетили Москву и ее женские монастыри, но по недостатку средств мы не нашли себе приюта. На обратном пути нас удержала тверская игуменья Мария Игнатьева и совершенно успокоила у себя[3]. По пострижении моем в мантию с наречением Марией 1863 года назначила меня начальницею монастырского училища девиц духовного звания. Воспитательно-учебное дело мое шло с таким успехом в течение шести лет, что обратило на меня внимание всего тверского общества и было доведено до сведения государыни императрицы Марии Александровны[4].

церкви Парижской Богоматери. Во время регентства был духовником Людовика XV. Из трудов Флери особое значение имеет его Histoire ecclésiastique (Paris, 1719), доведенная им до 1414 г. «Histoire du christianisme». В архиве Е. Н. Шаховой хранится большая рукопись «Из истории Христианства Аббата Флери. Деяния седьми вселенских соборов»: переведенные ею в 1849 г. материалы первых трех вселенских соборов. (РО ИРЛИ, № 3558.)

[1] Успенский Староладожский женский монастырь основан во 2-й половине XV в. в селе Старая Ладога нынешней Ленинградской области. ‖ [2] Архимандрит Игнатий был возведен в сан Епископа Кавказского и Черноморского 27 октября (старого стиля) 1857 г. Хиротония проходила в Казанском соборе Санкт-Петербурга. ‖ [3] О монастыре см.: Историческая записка о Тверском Рождественском девичьем монастыре и его достопамятностях / Составлено под руков. настоятельницы мон<астыря> игуменьи Марии, по достоверным сведениям, извлеченным из актов того монастыря в целости остающихся. Тверь, 1856. ‖ [4] *Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессенская* (1824–1880) — императрица Всероссийская, супруга императора Александра II. В области благотворительности важной заслугой Марии Александровны являлась организация Красного Креста.

В 1868 году я была переведена по вызову начальника Северо-западного края и митрополита Иосифа Симашко[1] наставницей Виленского Марининского монастырского училища для дочерей служащих в крае православных чиновников и священников[2].

До самой кончины в Бозе-почившей императрицы Марии Александровны я пользовалась ее августейшим благоволением к моей как педагогической, так и авторской деятельности в 1862–1865 годах. Ее императорскому величеству были поднесены две книги: жизнь и подвиги Игумении Евпраксии Ладожской[3] и Спасо-Бородинской обители и биография игумении Марии Тучковой[4] через посредство статс-секретаря Ее Императорского Величества П. А. Морица[5]. Еще с 40-х годов мои стихотворения попадали в Царственные дворцы и были прочитаны весьма благосклонно. Моя поэзия всегда отличалась религиозною настроенностью и новизною аскетического вдохновения, <что> привлекло внимание августейших читателей, особенно строго благочестивой цесаревны[6].

Участвовавшая в приготовлении к миропомазанию будущей православно-русской государыни, игумения Мария Тучкова сообщила его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу[7] мое стихотворение «Поле-Море»[8], которое настолько

---

[1] *Митр. Иосиф (Семашко)* (1798–1868) — главный деятель по воссоединению униатов с православной Церковью. В 1840 г. получил сан архиепископа Литовского и Виленского. Открыл свыше 200 православных церковно-приходских школ и других училищ. ‖ [2] Женское училище для воспитания сирот духовенства и дочерей чиновников, состоящих на службе в северо-западном краю, находилось при Марии-Магдалининском женском первоклассном монастыре, основанном в 1864 г. в г. Вильно. ‖ [3] Точное название: «Жизнь схиигумении Евпраксии» (Изд. 2. СПб., 1862). ‖ [4] Точное название: «Памятная записка о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире — Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной)» (СПб., 1865). ‖ [5] *Мориц Петр Алексеевич* (1817–1898) — действ. тайн. советник, почетный опекун С.-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений императрицы Марии, секретарь императрицы Марии Александровны. ‖ [6] Вероятнее всего, имеется в виду средняя из трех дочерей императора Николая I — великая княжна *Ольга* (1822–1892), которая в 1838–1846 гг. была попечительницей Литейной школы С.-Петербургского женского патриотического общества и сначала действительным, а затем почетным членом его. (См.: *Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. 1797–1917: Библиографический справочник. СПб., 2005. С. 287). ‖ [7] *Михаил Павлович* (1798–1848) — великий князь, четвертый сын императора Павла I от брака (1824) с великой княгиней Еленой Павловной имел 5 дочерей. ‖ [8] Стихотворение «Поле-Море» было написано во время пребывания Е. Шаховой в Бородинском монастыре в 1845–1847 гг. Впервые опубл. в сб. Е. Шаховой: Мирянка и отшельница: Стихотворения: В 2-х частях. СПб., 1849. С. 284–286. Вошло в ее «Собрание сочинений в стихах» (СПб., 1911. Ч. 2. С. 2–3).

понравилось его императорскому высочеству, <что он> пожелал лично приветствовать писательницу славы Бородинского Поля и заявил намерение представить автора-монашенку их императорским величествам и всей августейшей семье. Но я уклонилась от официального представления, избегая земных почестей.

В 1869 году, когда в Бозе почивший государь император Александр Николаевич, возвращаясь из заграничного путешествия, останавливался в г. Вильно, по распоряжению генерал-губернатора телеграммой я была вызвана к встрече государя на платформе Виленского вокзала во главе монастырского училищного приюта. Вместе со своими ученицами <я> удостоилась высочайшего привета милостивыми словами. В то время когда государь отбыл на смотр войск, камердинер его императорского величества Кузмин принес мне на золотом блюде от имени государя императора 25 р<ублей> на гостинцы ученицам. Такое явление высочайшей милости к монахине-наставнице произвело впечатление на интеллигенцию Вильно. Весь генералитет спешил выразить свои приветствия на полный успех дела.

Между тем моя старица приняла схиму в том же Виленском Марининском монастыре от Преосвященного Евгения, епископа Брестского.

В 1871 году ее и<мператорское> величество предложила ее и<мператорскому> в<ысочеству> великой княгине Александре Петровне[1], после злополучного низложения игуменьи Митрофании[2], передать мне управление Покровской Общины сестер милосердия на Большом проспекте Ва<сильевского> О<строва>[3].

---

[1] *Александра Петровна* (1838–1900) — великая княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, супруга (1856) великого князя Николая Николаевича (старшего). После смерти мужа постриглась в монахини с именем Анастасии и поселилась в Киеве. ‖ [2] *Игумения Митрофания* (в миру баронесса *Розен Прасковья Григорьевна*) (1825–1899) — в 1852 вступила в Крестовоздвиженский Тихвинский Алексеевский московский монастырь, в 1854 была облачена в рясофор с именем Митрофании, в 1861 — пострижена в мантию, вскоре после этого возведена в сан игумении и назначена настоятельницей Серпуховского Владычного монастыря. Принимала участие в создании Владычно-Покровской общины сестер милосердия в Москве у Покровского моста, а также Петербургской Покровской общины на Васильевском острове. Осенью 1874 прошел громкий судебный процесс по делу об обвинении игумении Митрофании в подлогах векселей. Она была признала виновной и лишена сана. См.: Дело игуменьи Митрофании. Подробный стенографический отчет, сост. Е. П. Забелиной. М., 1874. ‖ [3] С.-Петербургская Покровская Община сестер милосердия — основана в ноябре 1858 г. с целью попечения о приходящих больных и для воспитания бедных бесприютных детей по инициативе великой княгини Александры Петровны. В 1859 близ Смоленского поля началось возведение здания общины, на

Притом высочайшим указом <я> была назначена председательницею хозяйственного комитете из 3 членов благотворителей. Многосторонняя и многосложная деятельность по обязанностям общего управления, распределению занятий между сестрами и отчетность Августейшей Покровительнице общины, отношения к членам хозяйственного комитета и совещания с ними, также и к врачам-наблюдателям лазаретов общины и ее приемного покоя — все это взятое вместе до того поглощало все мое время, лишая меня иметь необходимого отдыха, притом иногда и ночные занятия по письменной части, привело меня при неизбежной простуде к внезапной болезни, окончившейся воспалением левого глаза.

Великая княгиня выразила горячее желание доставить мне всевозможное пользование лечением с тем, чтобы я могла продолжить свою службу. Лучшие глазные врачи Блессих[1] и граф Магавль[2] приговорили меня к операции. 27 октября 1871 года в глазной лечебнице была произведена операция проколом левого глаза. Ее Высочество дважды посетила меня в лечебнице. Настолько Ее И<мператорское> Высочество дорожила моим управлением общины, что на время моего отсутствия по болезни поручила моей старице-схимнице нравственное наблюдение за сестрами, а хозяйственную часть — моей келейнице, на руках которой были все кладовые общины. Но я была вынуждена выписаться из лечебницы ранее, чем следовало.

Члены комитета посещали меня участливо. Мой секретарь по комитету сообщил мне о начавшемся процессе купца Громова, во время управления и<гуменьи>Митрофании, по иску с общины за поставку лесного материала, которого при мне не оказалось. Состоя начальницей Покровской общины, я, как ответственное лицо, должна была подписывать бумаги. Мы выиграли это дело в пользу общины. Но это обстоятельство повредило моему зрению. Старица моя, давно уже лишенная зрения, скучала по старой обители, тем более что я, при моих многосложных занятиях, не могла служить ей утешением. Но и самой мне становилось не под силу слишком сложная и разносторонняя деятельность как несоответствующая моему душевному настроению и потому, несмотря ни на какие даже слезные увещания моих

верхнем этаже которого 10 октября 1860 г. была освящена церковь с колокольней во имя Покрова Пресвятой Богородицы, давшей название общине.

[1] *Блессиг Роберт Б.* (1830–1878) — окулист. ‖ [2] *Граф Магавль Иван Христофорович* (1831–1904) — окулист.

сотрудников остаться с ними, я уволилась от управления общины и поспешила возвратиться к желанному уединению в Ладожский Успенский монастырь.

Великодушные мои сотрудники за мою безмездную и ревностную службу совместно с ними собрали между собою по сто рублей для взноса за келию и первое обзаведение. Один из них, Д. Н. Лебедев[1], снабдил меня лесным материалом, необходимым для перестройки и ремонта домика.

С 1873 года в безмолвии келейном я свободнее стала заниматься духовною литературой, участвуя в разных редакциях: в «Страннике»[2], в «Вестнике народной помощи» (часто за редактора)[3], в «Варшавском дневнике»[4], в ж<урнале> «Благовест»[5], в «Новороссийском телеграфе»[6], в «Мирском Вестнике»[7], в редакции А. А. Гейрота «Чтение для народа и солдат»[8], в «Церковном вест-

---

[1] *Лебедев Дмитрий Николаевич* — петербургский купец 1-й гильдии. ‖ [2] «Странник» (СПб., 1860–1917) — ежемесячный духовный учено-литературный журнал. Е. Шахова сотрудничала в журнале с 1860 по 1865 г., где опубликовала два стихотворения и два жизнеописания. ‖ [3] «Вестник народной помощи» (СПб., 1877 (с 5 июля) — 1879 (38 №)) — еженедельный журнал общества попечения о раненых и больных воинах. За время существования журнала в нем были опубликованы четыре стихотворения и две статьи Е. Шаховой, подписанные криптонимами «Е. Ш.», «М. Ш.», «Е. М. Ш.». Вероятно, ей же принадлежат многочисленные безымянные публикации на религиозные темы. ‖ [4] «Варшавский дневник» (Варшава, 1864 (с 1-го окт.)–1915 — ежедневная газета, издаваемая Варшавским учебным округом (1864–1879), затем передана в непосредственное ведение Варшавского генерал-губернатора. В 1880–1881 гг. Е. Шахова опубликовала в ней три статьи, подписанные «Е. Ш». В эти годы редактор Н. Н. Голицын помещает в газете собранные им материалы к «Биографическому словарю русских писательниц», куда вошла и статья о Е. Шаховой. ‖ [5] «Благовест» (Харьков; СПб.; Нежин, 1883–1894) — общедоступное духовно-нравственное издание, выходило 2 раза в месяц. В 1880-е гг. Е. Шахова опубликовала здесь три стихотворения и две статьи. ‖ [6] «Новороссийский телеграф» (Одесса, 1875–1893) — ежедневная политическая, коммерческая и литературная газета. В 1885–1886 гг. Е. Шахова опубликовала на ее страницах статью и повесть под псевдонимом «Матова Надежда» и открытое письмо, подписанное «М. Мария». ‖ [7] «Мирской Вестник» (СПб., 1863–1885) — ежемесячный народный журнал. В 1884–1885 гг. Е. Шахова поместила в нем два стихотворения и три публикации, подписанные «Е. Ш.» и «Монах. Мар.». ‖ [8] Журнала под таким названием не существовало. Е. Шахова ошибочно объединила в одно названия двух журналов, издаваемых А. А. Гейротом. С 1881 г. А. А. Гейрот был издателем-редактором журнала «Чтение для солдат» (СПб., 1847–1894, 1901–1915) — выходившего 6 раз в год. Другой журнал вырос из «Мирского Вестника»: в 1885 г. вышли только 6 номеров «Мирского Вестника», далее он издавался так же издателем-редактором А. А. Гейротом под названием «Чтение для народа» (СПб., 1886–1889) — ежемесячно. В обоих журналах монахиня Мария принимала активное участие с 1886 по 1890 г., публикуя жития святых, беседы на религиозные темы и др., в основном, за подписью «Монахиня Мария».

нике»[1]. В народных журналах отличаются большие статьи: жизнеописания Св. Стратилатов Андрея, Феодора, Саввы[2]; Св. Иоанна Воина[3]; «На страже у гроба Господня»[4]; «Мария пустынница Олонецкая»[5]. Беседы: «Великий пост — духовный мост»[6]; «Беседа о разуме и откровении»[7]; «О сверхъестественных явлениях»[8] и другие[9]. Много отдельных брошюр напечатано редакцией «Народных журналов» без моей уже подписи и продавались по столичным часовням[10].

В 1877 году была издана драматическая поэма «Юдифь»[11], по библейскому тексту под прежним именем Елизаветы Шаховой. Еще в рукописи «Юдифь» была читана на нескольких литературных любительских вечерах в Варшаве и Вильно, в С.-П<етер>-бурге. Многие любители предполагали поставить ее на частную сцену, но не нашлось желающих принять на себя роль главной героини. По издании автор получил несколько одобрительных отзывов от авторитетных лиц. На вопрос мой одному литератору-рецензенту: «почему печать прошла молчанием об изданной поэме?», он отвечал: «о Вас надо говорить или слишком много, или молчать». В светских журналах были помещены под псев-

[1] «Церковный вестник» (СПб., 1875–1917) — еженедельный журнал, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии — официальный орган Святейшего Всероссийского Синода. В этом издании публикации Е. Шаховой не обнаружены. ‖ [2] Точные названия: «Мученический подвиг сирийского воеводы Св. Андрея и дружины его» и «Воин-чудотворец, св. великомученик Феодор-стратилат». Эти жизнеописания были опубликованы в журнале «Чтение для солдат» в 1890 г. Жизнеописание Св. Саввы-стратилата обнаружить не удалось. ‖ [3] Точное название: «Небесный покровитель христолюбивого воинства, цареградский Иоанн-воин». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» (1887. Кн. 4, Отд. 1. С. 20–33). ‖ [4] Точное название: «Воины на страже у Креста и гроба Господня». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» (1890 . Кн. 4, Отд. 1. С. 9–28). ‖ [5] Точное название: «Олонецкая отшельница Мария». Опубликовано в журнале «Чтение для народа» (1887. Кн. 3–6). ‖ [6] Точное название: «Великий пост — духовный мост и лестница к вратам Царствия Божия». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» (1886 г. Кн. 2, Отд. 1. С. 3–25). ‖ [7] Публикацию с таким названием обнаружить не удалось. ‖ [8] Публикацию с таким названием обнаружить не удалось. Возможно, автор имела в виду свою заметку «По поводу статьи «О деревенских колдунах и ворожеях. (Церковный Вестник, № 16)», опубликованную в журнале «Благовест» (1888 г. 15 июня, №. 11. С. 13–15). ‖ [9] Отдельный оттиск рассказа из журнала «Чтение для солдат»: «Восстани, спяй, и воскресит тя Христос!» (СПб., 1886) — Без имени автора. ‖ [10] Возможно, какие-либо из «тонких книжек», изданных без имени автора в качестве «бесплатного приложения» к журналу «Мирской Вестник» принадлежат перу монахини Марии. ‖ [11] Полное название: («Иудифь: Поэма по библейскому тексту, в драматич. форме, в стихах, в 5-ти действиях» (М., 1877).

донимом большие статьи: «Родимое пятно»[1]; «Исповедь отчаянного»[2]; повести: «О современной критике»[3]; открытое письмо графу Л. Н. Толстому[4] от моего настоящего имени. В рукописях остается повесть «Суженного конем не объедешь»[5]; семейный сборник московских людей шестидесятых годов под заглавием «Непадающие звезды»[6]; сверх того не один том стихотворений и поэм[7].

Заканчиваю мой сокращенный Автобиографический очерк, минуя, может быть, знаменательные подробности, характеризующие мой нравственный облик. Если просвещенное общество современных любителей отечественной литературы отнесется к автору-старице многотомной скрижали с академической медалью (как выражено мною в юбилейном стихотворении к незабвенному Я. К. Гроту)[8] с таким же внимательным участием, как за полвека тому назад отнеслись представители тогдашней Российской Академии к небольшой тетрадке детских стихов подростка, тогда пожизненный труд первой из русских писательниц, поработавшей верно и неутомимо чуть не от начала и до конца века (1834–1894 гг.) на словесной ниве к чести и пользе своей родины, будет взыскан и оценен.

Елизавета Шахова — монахиня Мария.
Г. Новая Ладога. Успенский ж<енский> мона<стырь>.
30-го октября 1894

Публикация и комментарии Е. М. Аксененко.

---

[1] Полное название: «Родимое пятно. (Рассказ из семейной хроники начала XIX века)». Публиковался в ноябре по декабре 1880 г. в газете «Варшавский дневник». ‖ [2] Точное название повести: «Исповедь отчаянного накануне смерти». Публ. в газете «Новороссийский телеграф» в 1886 г. № 3449. С. 1–2. ‖ [3] Опубликовано в газете «Новороссийский телеграф» в 1885 г. № 3215. С. 1–2. ‖ [4] Опубликовано в газете «Новороссийский телеграф» в 1885 г. № 3239. С. 2. ‖ [5] Рукопись повести «Суженного конем не объедешь» хранится в архиве Е. Н. Шаховой. (РО ИРЛИ, № 3560). ‖ [6] Рукопись повести «Непадающие звезды» хранится в архиве Е. Н. Шаховой (РО ИРЛИ, № 3575, 3576). ‖ [7] В архиве Е. Н. Шаховой хранятся две тетради с рукописями стихотворений 1840-х — 1860-х гг. (РО ИРЛИ, № 3583–3584). ‖ [8] В «Собрании сочинений в стихах» Е. Шаховой это послание не обнаружено.

Деловая переписка святителя Игнатия Брянчанинова

В этом разделе впервые публикуются письма архимандрита Игнатия некоторым адресатам, относящиеся к периоду его настоятельства первоклассным монастырем Сергиева пустынь. Период тот в жизни Владыки связан с многочисленными трудностями, которые ему требовалось преодолеть, чтобы привести в надлежащий вид расстроенную обитель, благоукрасить ее и наладить в ней спасительный монашеский лад жизни братии во Христе. Поистине лишь подвигом — и никак по-другому — не назвать служение известного всей столице Сергиевского архимандрита, сумевшего своей благожелательностью и своей культурой общения с самыми громкими талантами из среды художников, музыкантов и архитекторов привлечь их к сотрудничеству с монастырем для обогащения церковного искусства. Вместе с тем архимандрит Игнатий именно в Сергиевой пустыни проявил себя как выдающийся духовный писатель и богослов, создатель уникального двухтомного труда «Аскетические опыты», утвердился в прямом своем отстаивании жизненности святоотеческого наследства.

Все это ярко представлено в письмах архимандрита Игнатия из Сергиевой пустыни, публикуемых в настоящем Полном собрании его творений. Вместе с тем в архивах страны имеется много писем великого подвижника Божия служебного характера, например, в связи с Рождественским славлением Христа в покоях Государя Императора. Письма эти обычно направлялись архимандритом Игнатием министру императорского Двора князю Петру Михайловичу Волконскому (1776–1852) и, соответственно, по-

лучали ответ. Разумеется, как сами письма-запросы, так и ответы на них носили формальный, чисто этикетный характер, причем из года в год с повторами. Эта переписка здесь дана безо всякого редакционного вмешательства и без сокращений, имея в виду, что и такие тексты могут быть полезны для биографов Святителя — помечают даты его встреч с Царской семьей. Такого же содержания письма посылались и к графу Владимиру Федоровичу Адлербергу (1791–1884).

Письма к графу Александру Петровичу Толстому (1801–1873), известному обер-прокурору Святейшего Синода, касаются увольнения Преосвященного Игнатия от управления Кавказской епархией. Они знаменовали собой важный этап в жизни Святителя. За увольнением последовал отъезд в Николо-Бабаевский монастырь на Волге.

Публикуемые письма сохранились в Центральном государственном архиве древних актов. Все тексты даны с сохранением особенностей написания служебной титулатуры и с соблюдением правил письменного этикета.

А. Н. Стрижев

Переписка святителя Игнатия с Министром Двора Его Императорского Величества князем П. М. Волконским[1]

№ 1

Ваша Светлость!

Милостивейший Государь!

Прошлого года Вашим ходатайством доставлено было мне щастие представиться вместе с Монашеством Александро-Невской Лавры Его Императорскому Величеству Государю моему и Благодетелю.

И нынешний год, осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить — доставьте мне сие щастие — мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в Обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желан-

[1] Письма с № 2 по № 13 – РГИА. Ф. 472. Д. 4, 49, 78, 108, 155. Публикуются впервые (А. Н. Стрижев).

ный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от генерал-адъютанта Кавелина.

С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть Вашей Светлости покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
28-го декабря 1835-го года
Сергиева Пустыня

№ 2

Ваша Светлость!
Милостивый Государь!
Князь Петр Михайлович!

Вашим ходатайством доставлено было мне неоднократно счастие представляться Его Императорскому Величеству, Государю моему и благодетелю.

И ныне осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить доставить мне сие счастие, — мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от Преосвященного Серафима, Митрополита Новгородского и С.-Петербургского.

С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашей Светлости
покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.
Декабря 26-го дня 1840 г.
Сергиева Пустынь

Его Светлости, Г. Министру
Двора Его Императорского
Величества, Князю Петру
Михайловичу Волконскому.

№ 3

Ваша Светлость!
Милостивый Государь!
Князь Петр Михайлович!

Вашим ходатайством доставлено было мне неоднократно счастие представляться Его Императорскому Величеству Государю моему и благодетелю.

И ныне осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить доставить мне сие счастие, мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в Обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от Преосвященного Серафима, Митрополита Новгородского и С-Петербургского.

С истинным высокопочитанием и преданностию, имею честь быть

Вашей Светлости покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
Декабря 26 дня 1841 г.
Сергиева Пустыня

Его Светлости, Г-ну Министру
Двора Его Императорского Величества,
Князю Петру Михайловичу Волконскому.

№ 4

Светлейший Князь,
Милостивейший Государь!

Болезненность моя, державшая меня в продолжении двух зим безвыходно в комнатах, лишила меня счастия предстать Лицу Его Императорского Величества, Государя Императора пред наступлением 1846-го и 1847-го годов, в то единственное время, когда я имею это счастие. Ныне отправляюсь в отпуск и по настоятельному совету медиков должен непременно провести зиму вне здешнего климата, на что имею согласие Преосвященного Митрополита; следовательно и пред наступлением 1848-го года не суждено мне зрить Высокого Благодетеля моего, Государя Императора. Посему позволяю себе утруждать Вашу Светлость покорнейшею моею просьбою: примите, Светлейший Князь, на себя труд исходатайствовать мне у Его Императорского Величества дозволение по причине наступающего моего отъезда на столь продолжительное время представиться Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

С чувством совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашей Светлости
Покорнейшим слугою Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1844 года июня 7-го дня
Сергиева Пустынь

№ 5

Его Светлости, Г-ну Министру
Двора Его Императорского Величества, Князю
Петру Михайловичу Волконскому
Светлейший Князь,
Милостивейший Государь!

Находясь временно в отдаленной, тихой пустыне, где врачуюсь с довольным успехом от сокрушивших меня недугов, мыслию и сердцем перелетаю пространство обширное, предстою в эти торжественные дни пред священным лицем Высоких благодетелей моих, Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, — приношу к стопам Их благоговейнейшее желание Им и всей Их Высочайшей Фамилии многих лет в совершенном, нерушимом благоденствии и благополучии.

Светлейший Князь! Всепокорнейше прошу Вас — примите на себя труд, по обычному Вам снисходительному вниманию к моим просьбам, доложить о сем Их Императорским Величествам. Жительство имею Костромской Епархии в Николаевском Бабаевском монастыре, и письма ко мне адресуются в Ярославль.

С желанием Вашей Светлости всех истинных благ, с глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть
Вашей Светлости
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий,
Настоятель первоклассной Сергиевой Пустыни.
Декабря 25-го дня 1847 года

№ 6

Ваше Высокопреподобие!

По всеподданнейшему докладу моему письма Вашего Высокопреподобия от 25 сего декабря, Государь Император и Государыня Императрица Высочайше повелеть изволили изъявить Вам Высочайшую Их Величеств благодарность за поздравление и желания, изъясненные в письме Вашем.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: *Князь Волконский.*

В С.-Петербург
31-го декабря 1847 г.

Его Высокопреподобию Архимандриту
Игнатию.

№ 7

Ваше Высокопреподобие!

Имею честь уведомить Ваше Высокопреподобие, что по всеподданнейшему докладу моему письма Вашего от 25 сего декабря Государь Император изъявил Высочайшее соизволение на принятие Вас и монаха Чихачева для славления Христа, вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, в будущую пятницу, 31 декабря, в Зимнем Дворце, в час пополудни.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: *Кн. Волконский.*

Его Высокопреподобию
Архимандриту Игнатию.
Верно: Секретарь *Вульф.*
28 декабря 1848 г.

№ 8

Святейший Князь!

Милостивейший Государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим новым годом, который желаю Вам препроводить в совершенном здравии и благополучии. Благословение Божие да осеняет и хранит Вас для мудрого совета Царю, для совета, полезного Отечеству.

Знаю из многих сношений моих, что многие в России молят Бога за Вас, я имею особенную причиною быть к Вам признательным: потому что Вы, единственно по влечению Вашего благонамеренного сердца, в течение многих лет не престаете делать мне зависящее от Вас добро. Ваши действия относительно меня запечатлелись в моем сердце впечатлением неизгладимым. Да продлит Бог дни Ваши! Тем сильнее и прямее мои желания Вам, что они исходят из сердца, оценившего все земное самою малою ценою. Зритель в течение пятнадцати лет центральных событий и действий в царстве Русском — что скажу я о них? «Человек, — как говорит Писание — суете уподобися». Точно: одна добродетель совечна вечности! Одни добрые дела остаются собственностию человека за пределом гроба.

С чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть

Вашей Светлости
покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий.
1849 года 1 января
Сергиева Пустынь

№ 9

Ваше Высокопреподобие!

С особенным удовольствием получив поздравление Вашего Высокопреподобия с новым годом, долгом считаю изъявить Вам искреннюю мою за сие благодарность и взаимно поздравить Вас.

Поручая себя молитвам Вашим, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: *Кн. Волконский.*

Верно: Секретарь *Вульф*

В С.-Петербург
5 января 1849 года,
Его Высокопреподобию Архимандриту
Игнатию.

№ 10

Ваша Светлость,
Милостивейший Государь
Князь Петр Михайлович!

Вашим ходатайством неоднократно доставлено было мне счастие представляться Его Императорскому Величеству, Государю моему и благодетелю, вместе с братиею Александро-Невския Лавры.

И ныне осмеливаюсь утруждать Вас и покорнейше просить, доставить мне сие счастие, — мне и Чихачеву, воспитывавшемуся иждивением Его Императорского Величества и живущему у меня в Обители. Если просьба моя, удостоившись милостивого Вашего внимания и ходатайства, получит желанный успех, то ответ Вашей Светлости позвольте мне получить от Преосвященного Никанора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

С чувствами истинного высокопочитания и совершенной преданности имею честь быть

Вашей Светлости
покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий.
1851 года
Декабря 25-го дня
Сергиева Пустыня

№ 11

Министерство
Императорского Двора
Канцелярия
Его Высокородию архимандриту Игнатию.

Ваше Высокопреподобие!

Имею честь уведомить Ваше Высокопреподобие, что по всеподданнейшему моему докладу письма Вашего от 25-го сего декабря, Государь Император изъявил Высочайшее соизволение на принятие Вас и монаха Чихачева для славления Христа, вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, 30 декабря, в Зимнем Дворце, после обедни.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

[Приписка секретаря Канцелярии]

По приказанию Его Светлости писано было Митрополиту прежде поступления от него письма о сем предмете, а так как Преосвященный Никанор уведомлен о приеме вместе с ним архимандрита Игнатия и монаха Чихачева, то согласно приказанию Его Превосходительства, Архимандриту Игнатию отправлено письмо не было, что согласно и с содержанием письма его.

28 декабря [1851]. *Секретарь...*

№ 12
Письмо митрополита Серафима к князю П. М. Волконскому

Светлейший Князь,
Милостивый Государь!

В продолжение нынешнего праздника я с братиею Александро-Невской Лавры по давно заведенному обыкновению каждогодно славил Христа у Его Императорского Величества. Почему покорнейше прошу Вашу Светлость доложить Государю

Императору, не благоугодно ли будет Его Величеству назначить мне и ныне время для славления сего; и о последующем почтить меня Вашим уведомлением.

Честь имею быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашей Светлости
покорнейший Слуга

Серафим, Митрополит Новгородский и С.-Петербургский.
27 декабря 1840

Его Светлости,
Князю Петру Михайловичу
Волконскому.

№ 13
Письмо князя П. М. Волконского к митрополиту Серафиму

По части Секретаря
В С.-Петербурге
28 декабря 1840

Ваше Высокопреосвященство,
Милост[ивый] Государь и Архипастырь.

На отношение Вашего Высокопреосвященства от 27 сего декабря честь имею ответствовать, что Государь Император изволит принять Вас с братиею Александро-Невской Лавры, равно и архимандрита Сергиевской Пустыни с монахом Чихачевым, для славления Христа, 31 сего декабря, в Зимнем Дворце.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга.

Подписал: *Князь Петр Волконский*

Его Высокопреосвященству
Серафиму, Митрополиту Новгородскому
и С.-Петербургскому.

Письмо святителя Игнатия к Министру Двора Ее Императорского Величества

Ваше Превосходительство! Милостивый Государь!

Честь имею известить Вас, что позлашенные крылоса, устроенные в Троицкой Соборной Церкви вверенной мне обители на всемилостивейше пожалованных Ее Императорским Величе-

ством двести рублей серебром приведены к совершенному окончанию и поставлены на место. Долгом своим поставляю присовокупить, что крылоса сии составляют необыкновенное украшение Храма, и так сказать говорят, что их именно прежде недоставало для полноты благолепия[1].

Я сочту для себя величайшим благополучием, если Государыня Императрица благоволит дозволить мне лично представиться Ее Императорскому Величеству для принесения всеподданнейшей благодарности.

В ожидании Вашего ответа с совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства

покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
Апреля 13 дня 1843 года
Сергиева Пустынь

[1] См.: Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 102.

Письма святителя Игнатия к Министру Двора Его Императорского Величества графу В. Ф. Адлербергу[1]

№ 1

Милостивейший Государь,

Граф Владимир Федорович!

Считая себя совершенно счастливым, что имею честь отнестить сими строками к Вашему Сиятельству, всепокорнейше прошу Вас исходатайствовать мне и живущему в обители моей монаху Чиханову счастия представиться Его Императорскому Величеству Государю Императору, Благодетелю моему, вместе с братством Александро-Невской Лавры в тот день, когда оно будет славить пред Государем временное рождение безначального Бога. Если попарнейшая моя просьба, удостоившись милостивого внимания Вашего, получить желаемый успех: то ответ Вашего Сиятельства позвольте мне получить чрез Преосвященнейшего Никонора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

[1] Письма с № 1 по № 6. — РГИА. Ф. 472. Д. 3, 28, 33, 43, 53. 62.

С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

Покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

1852-го года 25-го декабря

Сергиева Пустынь

№ 2

Милостивейший Государь,

Граф Владимир Федорович!

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, накануне нового года, Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою о доставлении сего счастия мне и монаху Сергиевой Пустыни Михаилу Чихачеву, воспитывавшемуся в Главном Инженерном училище на иждивении Его Императорского Величества. Если соблаговолите удостоить меня ответом, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.

Декабря 25-го дня 1853 года

Сергиева Пустыня

Его Сиятельству Г-ну Министру Двора

Его Императорского Величества

Графу Владимиру Федоровичу

Адлербергу.

№ 3

Милостивейший Государь

Граф Владимир Федорович!

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Не-

вския Лавры накануне нового года Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою, о доставлении сего счастия мне и монаху Сергиевой Пустыни Михаилу Чихачеву, воспитывавшемуся в Главном Инженерном училище на иждивении Его Императорского Величества. Если благоволите удостоить меня ответом Вашим, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
Декабря 24 дня 1854 года
Сергиева Пустыня

Его Сиятельству Г[-ну] Министру
Двора Его Императорского
Величества Графу Владимиру
Федоровичу Адлербергу.

№ 4

Милостивейший Государь,
Граф Владимир Федорович!

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, накануне нового года, Их Императорским Величествам.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою, о доставлении мне и монаху Сергиевой пустыни Михаилу Чихачеву счастия представиться в сей день Их Императорским Величествам, Государю Императору Александру Николаевичу, Государыне Императрице Марии Александровне и Государыне Императрице Александре Феодоровне.

Если благоволите удостоить меня ответом Вашим, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
22-го декабря 1855 года
Сергиева пустыня

Его Сиятельству Г[-ну] Министру
Двора Его Императорского
Величества графу Владимиру
Федоровичу Адлербергу.

№ 5

Милостивейший Государь
Граф Владимир Федорович.

Ходатайством Вашего Сиятельства доставляемо было мне счастие представляться вместе с монашеством Александро-Невския Лавры, накануне нового года, Их Императорским Величествам.

И ныне осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею просьбою, о доставлении мне и монаху Сергиевой Пустыни Михаилу Чихачеву счастия представиться в сей день Их Императорским Величествам, Государю Императору Александру Николаевичу и Государыне Императрице Марии Александровне.

Если благоволите удостоить меня ответом Вашим, то всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство приказать доставить оный в Александро-Невскую Лавру, в дом Высокопреосвященнейшего Митрополита, где я ныне останавливаюсь.

С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Архимандрит Игнатий.
Декабря 22-го дня 1856 года
Сергиева Пустынь

Его Сиятельству Г[-ну] Министру
Двора Его Императорского Величества
Графу В. Ф. Адлербергу.

№ 6

Вполне конфиденциально

Милостивейший Государь,

Граф Владимир Федорович!

Покойный Государь Император Николай Павлович именовал Ваше Сиятельство другом своим, а я удостоивался быть называем воспитанником Его Величества. В память Вашего Друга сделайте доброе дело для воспитанника.

От 24-го сего июня, то есть сегодня, я послал прошение в Св. Синод и вместе письмо к Государю Императору Александру Николаевичу о увольнении меня от управления Епархиею и о предоставлении мне, по имеющимся примерам, в управление Бабаевского монастыря Костромской Епархии. Окажите мне милость: замолвите за меня слово Государю, чтоб исполнена была моя просьба, которую я приношу в совершенно спокойном духе. Вступив в монастырь, я намеревался быть пустынным монахом: не только не приготовлял себя к архиерейству, но ниже к какой видной настоятельской должности. Помещение в Сергиеву Пустыню и настоящее мое положение устроились для меня наличием обстоятельств, и я с радостию желаю выдти из него, побуждаемый и усвоившемся мне направлением и крайним истощанием сил от долговременной сорокалетней болезненности. Вы фактически видите, что я стремлюсь не к почестям, не к чему-либо внушаемому честолюбием и другими страстями, но к необходимому по моему положению. Еще в 1847-м году я просил покойного Государя письмом, а свое начальство формальною просьбою о даровании мне приюта в Бабаевском Монастыре. И тогда я был плох; теперь же — совершенно изветшал. Ваше Сиятельство! оказав мне просимую милость, Вы сделаете для меня истинное благодеяние.

С чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24-го июля 1861 г.

Письмо святителя Игнатия к Обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову[1]

Ваше Сиятельство Граф Николай Александрович!

Представляю при сем на усмотрение Ваше записку, доставленную мне Иеромонахом Георгием, отрешенным от должности Эконома Александро-Невской Лавры. Дело его поступило, или довольно скоро поступит в Святейший Синод с резолюциею Митрополита, в коей определено: оного Иеромонаха, уже лишенного экономской должности и присутствия в Конторе Александро-Невского Собора, удалить из Лавры по избранию его в другой монастырь, и проступок его внести в формулярный список.

О. Георгий, поклоняя выю обоим первым членам сентенции, т. е. оставлению должности и удалению из Лавры, просит не вносить поступка его в формулярный список. Не смея обратиться прямо к Вам по обычной робости нашего Духовенства, он просил меня сообщить Вам его покорнейшую просьбу, которая столько легка, что я не думаю обременить Вас сообщением оной.

Равноапостольный Император Константин был столько размягчен благодатным елеем милосердия, коим паче всех добродетелей истинные христиане Богу уподобляются, что говаривал: если б я увидел [грешащего] пресвитера или инока, то снял бы с себя императорскую порфиру и ею бы прикрыл грешащего. Честь или бесчестие, оказанные служителю к Служимому восходит. Желая Вам всех истинных благ от щедрыя руки Господни, с истинным почтением имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.
7 июня 1838
Сергиева Пустыня

[1] *Протасов Николай Александрович* (1798–1855) — Обер-прокурор Святейшего Синода (1836–1855).

Письма святителя Игнатия к Обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому[1]

№ 1

Ваше сиятельство, милостивейший государь!

Имел я честь утруждать Ваше сиятельство покорнейшею моею просьбою лично и на письме, немедленно по рукоположении меня в сан епископа, находясь еще в С.-Петербурге, о предоставлении мне, по примеру моих предшественников на Кафедре Кавказской, тысячи рублей серебром в вспоможение к моему годичному жалованию в 285 рублей. Желательно, чтоб сей последней суммы стало для меня на лекарства по моей болезненности. Просьба моя — следствие нужды. Она милостиво выслушана Вашим сиятельством, и я получил от Вас неоднократно повторенное уверение, что Вы не лишите меня необходимого содержания.

Между множеством дел более важных, которыми Вы заняты, немудрено, что Вы не успели еще обратить внимание на мою покорнейшую просьбу, но я, стоя лицом к лицу пред крайнею нуждою, снова позволяю себе беспокоить Вас повторением той же просьбы. Подробнее изложил я причины сего повторения в письме моем по сей же почте к его Высокопреосвященству Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Я просил его Высокопреосвященство показать это письмо Вашему Сиятельству. Я уверен в доброте Вашего сердца и в том, что Вы не захотите подражать евангельскому богачу, который в краткий срок своего земного обилия не оказал сострадания к затруднительному состоянию ближнего. Так устроилось, что Евангелие о сем событии читалось на той литургии, на которой я рукоположен во епископа.

С чувствами отличного уважения и проч.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

2 февраля 1859 года

---

[1] Письма святителя Игнатия к Обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому от 24 июля, 21 августа и от 14 сентября 1861 г. опубликованы в Настоящем издании, т. 2; другие его письма см. в Настоящем издании, т. 6, с . 748–762.

№ 2[1]

Милостивейший Государь
Граф Александр Петрович!

Весьма давно я имел желание вполне уклониться от мира и по полученным мною монашескому воспитанию и направлению, и при созерцании болезненности моей, не обещающей мне долговременной земной жизни. Более и более рассматривая себя, убеждаюсь, что пустынным моим направлением я разошелся с направлением, требуемым служением посреди мира. Вследствие такового рассматривания и давнишнего расположения я посылаю сего дня рапорт в Св. Синод о моем положении, с прошением увольнения от управления Епархиею с предоставлением мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской Епархии. Уведомляя Вас о сем, покорнейше прошу милостивого содействия Вашего, чем окажете мне истинное одолжение.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
24-го июня 1861 года

№ 3[2]

Милостивейший Государь,
Граф Александр Петрович!

11-го сего сентября получен мною указ Св. Синода о увольнении меня от управления Кавказскою Епархиею и о предоставлении мне в управление Николаевского Бабаевского монастыря на правах епархиального Архиерея. Я возблагодарил Бога за доставленное мне положение, удовлетворяющее меня до преизбытка во всех отношениях. Позвольте принести и Вашему Сиятельству искреннейшую признательность за содействие Ваше в деле, которое признаю величайшим для меня благодеянием. Полагаю выехать из Ставрополя 15 сентября.

С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
14 сентября 1861 года

---

[1] РГИА. Ф. 797. Д. 209. Л. 1–1 об. || [2] Там же. Л. 3–4.

Письмо графа А. П. Толстого к князю Г. Д. Орбелиани[1]

Ведомство
Православного
Исповедания
Канцелярия Обер-прокурора
Святейшего Синода

С.-Петербург,
6 августа 1861 г.

Милостивейший Государь,
Князь Григорий Дмитриевич.

Высочайшим указом, данным Святейшему Синоду в 5 день текущего августа, Преосвященный Епископ Кавказский Игнатий, согласно прошению его, Всемилостивейше уволен от управления Кавказскою Епархиею.

Уведомив о сем Ваше Сиятельство, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
Гр. Толстой.

Его Сиятельству Князю Г. Д.
Орбелиани.

30 апреля 1865 года

Письма святителя Игнатия к Директору Департамента Государственных имущество Н. П. Дубенскому[2]

Ваше Высокопревосходительство!
Милостивейший Государь!

Имел я честь представить Его Сиятельству Г. Министру Финансов записку, в коей просил, дабы благоволено было землю, по Плану и Межевым книгам Генерального межевания, принадлежащим Сергиевой Пустыни, а занимаемую и Монастырем и Казенными крестьянами, или возвратить Монастырю, или, если сие найдется невозможным, то разделить оную между Казенными крестьянами и Монастырем.

---

[1] РГИА. Ф. 797. Д. 209. Л. 1–1 об. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 6.

Судя по времени, полагаю, что означенная записка могла возвратиться из Казенной палаты в Департамент Государственных Имуществ. Поелику Монастырь от решения сего дела или должен понести значительный урон, или возможность улучшить способы своего содержания, — то и решаюсь я обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, дабы благоволили обратить благотворное внимание на состояние земли сей.

Землею сею, как упоминал я и в записке, владеет и Монастырь и крестьяне вместе. Напрасно Казенная Палата призывает к себе на помощь давность. Сия давность столько же на стороне Казенных крестьян, сколько и на стороне монастыря. Ибо в слободе Подмонастырской находится двенадцать домов Каз<енных> Кр<естьян> и двенадцать домов монастырских штатных служителей. Они имеют вместе огороды, они выгоняют вместе скот, они пользуются одинаково дровами. Благоволите о сем справиться в натуре; впрочем ясное сему доказательство Вы имеете в Вашем Департаменте: Донесение Казенной Палаты от 12-го Октября 1826-го года, в коем сие смешанное владение Монастыря с Казенными крестьянами, хотя и с примесью некоторых пристрастных мыслей, изображено.

Ваше Высокопревосходительство! Благоволите принять милостивое участие в сем деле, в котором Пустыня решается уступить лучшую половину своей собственности, не желая тревожить бедных крестьян, просит себе другую половину, состоящую из болот, кустарника и дровяного леса, — в надежде на Бога, любящего и благословляющего хозяйственное трудолюбие, услаждающего кусок хлеба, снисканный потом.

Если же Вы стесните и еще более землю Пустыни, то Вы поставите ее в затруднительное положение: ибо на рамены ее, на ее свечную сумму, единственный источник нашего содержания, упадет и содержание штатных служителей с их семействами, которые теперь содержатся, пользуясь землею вместе с Казенными крестьянами.

Позвольте от Вашего милостивого внимания, от Ваших благородных правил ожидать всего доброго и справедливого. В сей полной уверенности, имею честь быть с истинным высокопочитанием

Вашего Высокопревосходительства

Покорнейший слуга и Богомолец

Архимандрит Игнатий.

24-го марта 1836-го года

№ 34
Его Высокопревосходительству Г. Директору
Департамента Государственных Имуществ
Тайному Советнику и Сенатору
Николаю Порфирьевичу Дубенскому.

Письма к святителю Игнатию от секретаря Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима А. И. Суслова[1]

№ 1

Высокопреподобнейший Отец Архимандрит Игнатий,
Милостивый Государь!

В Черменецком монастыре открывается Настоятельская Вакансия. А как Его Высокопреосвященство усмотрел из представленной Вами о монашествующих, находящихся во вверенной усмотрению Вашему Сергиевой Пустыне за 1836 год ведомости, что, судя по Вашим рекомендациям, есть довольно способных к Настоятельским должностям Иеромонахов, то и приказал мне отнестись к Вашему Высокопреподобию, чтоб Вы, избрав из них благонадежного к сей должности Иеромонаха, прислали его завтра поутру к его Высокопреосвященству при своем репорте, с приложением при нем послужного его списка.

Честь имею быть с истинным высокопочитанием и совершенной преданностию

Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя
Всепокорнейший слуга

Алексей Суслов.
30-го марта 1837-го года

№ 2

Ваше Высокопреподобие

Владыко имея нужду с Вами переговорить об одном деле, просит вас пожаловать к нему нынешний день, и не позже шестого часу по полудни: ибо у него будет в 7-м часу собрание.

Вашего Высокопреподобия всепокорнейший слуга

Алексей Суслов.
26-го марта 1837

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 22.

№ 3

Ваше Высокопреподобие!

Письмо Ваше Владыко прочитал с удовольствием. Усердно благодарит Ваше Высокопреподобие за то участие Ваше, которое Вы изволили принимать в известном Вам деле, а также и за добрый совет Ваш, который он находит весьма основательным.

С глубоким моим к Вам высокопочитанием имею долг навсегда быть Вашего Высокопреподобия всепокорнейшим слугою

Алексей Суслов.

3 ноября 1838

Письма святителя Игнатия к Управляющему делами Комитета Министров Ф. П. Корнилову[1*]

№ 1

Милостивейший Государь,

Феодор Петрович!

Милостивейшее внимание Вашего Превосходительства ко мне внушает мне дерзновение обеспокоить Вас моею покорнейшею просьбою. Состоит она в нижеследующем:

Мещанин города Ярославля, Иосиф Федотов, подрядчик каменной работы, строит и оканчивает уже построение Соборного храма в Николо-Бабаевском монастыре своими рабочими, но на монастырских хлебах, сделав притом и другие значительные пожертвования на это здание. Ценность пожертвований простирается более, нежели на 17 тысяч рублей серебром. Как значительность пожертвования, так и то, что Федотов положил последнюю свою трудовую лепту в пользу Церкви, решили меня представить его к значительной награде, к награде золотою медалию на Владимирской ленте. Представление сделано Г<осподину> Синодальному Обер-Прокурору, и должно идти чрез Комитет Министров. Граф Толстой[1] расположен ко мне так благосклонно, что он, по уважительным причинам, изложенным в моем представлении, никак не откажется удовлетворить моему ходатайству, если оно удостоится покровительства от Вашего превосходительства. Прошу Вас об этом покровительстве с та-

[1*] РНБ РО (Ф. 379 (Корнилов Ф. П.). Ед. хр. 612. Публикация, подготовка текста А. М. Любомудрова. Публикуется впервые.

ким свободным сердечным чувством, с такою доверенностию, как бы уже получивший удовлетворение моей просьбе.

Позволю себе приложить при сем копию с представления моего графу Толстому и покорнейше просить о сообщении Вашего мнения родному брату моему, действительному статскому советнику Брянчанинову, который будет иметь честь лично явиться к Вашему Превосходительству и который сообщит мнение Ваше Графу Толстому.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
28-го января 1867 года

[1] *Граф А. Д. Толстой* — Обер-прокурор Святейшего Синода в 1865–1880 гг.

№ 2

Милостивейший Государь,
Феодор Петрович!

Милостивейшее внимание Вашего Превосходительства ко мне внушает мне дерзновение обеспокоить Вас моею покорнейшею просьбою. Состоит она в нижеследующем: Мещанин города Ярославля, Иосиф Федотов, подрядчик каменной работы, строит и оканчивает уже построение соборного Храма в Николо-Бабаевском монастыре своими рабочими, но на монастырских хлебах, сделав при том и другие значительные пожертвования на это здание. Ценность пожертвований простирается более, нежели на 17-ть тысяч рублей серебром. Как значительность пожертвования, так и то, что Федотов положил последнюю свою трудовую лепту в пользу Церкви, решили меня представить его к значительной награде, к награде золотою медалию на Владимирской ленте. Представление сделано Г-ну Синодальному Обер-Прокурору и должно идти чрез Комитет Министров. Граф Толстой расположен ко мне так благосклонно, что он, по уважительным причинам, изложенным в моем представлении, никак не откажется удовлетворить моему ходатайству, если оно удостоится покровительства от Вашего Превосходительства. Прошу Вас об этом покровительстве с таким свободным сердечным чувством, с такою доверенностию, как бы уже получивший удовлетворение моей просьбы.

Позволяю себе приложить при сем копию с представления моего графу Толстому и покорнейше просить о сообщении Вашего мнения родному брату моему, действительному статскому советнику Брянчанинову, который будет иметь честь лично явиться к Вашему Превосходительству и который сообщит мнение Ваше Графу Толстому.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.
28-го января
1867 года

№ 3

Милостивейший Государь
Феодор Петрович!

Податель этого письма есть родный брат мой, Петр Александрович Брянчанинов, о котором я имел честь говорить Вашему Превосходительству в письме моем к Вам от 28-го января, посланным по почте, и которого я просил лично явиться к Вашему Превосходительству для получения наставлений и приказаний Ваших по представлению моему о награде Федотова.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
30-го января 1867 года

Корнилов Федор Петрович (1809–1895) – управляющий канцелярией Московского военного генерал-губернатора графа А. А. Закревского (1848–1859), управляющий делами Комитета Министров (1861–1874), член Государственного Совета.

Письмо к святителю Игнатию от Статс-секретаря князя А. Н. Голицына

Высокопреподобный Отец Архимандрит
Милостивый Государь!

По письму Вашему, докладывал я Государю Императору и Его Величество указать соизволил, чтоб Ваше Высокопреподо-

бие, приехали в первое воскресенье после возвращения Государя в С. Петербург к обедни в Аничковский дворец.

Поручая себя молитвам Вашим, честь имею быть с истинным почтением и таковою же преданностию

Вашего Высокопреподобия

Покорнейший слуга

Князь Александр Голицын.

Царское Село

14-го октября 1838 года

Письмо к святителю Игнатию от Духовника Николая Музовского

Ваше Высокопреподобие Милостивый Государь!

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: вновь устроенную Церковь при Петергофском Военном Госпитале во имя Св. Николая Чудотворца освятить 25 сего марта, в день Праздника Пресвятой Богородицы.

А как в сей торжественный праздник в городе Петергофе священники все заняты, кроме протоиерея Л.-Г. Уланского полка Прокоповича, то я покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие назначить двух иеромонахов и одного иеродиакона для освящения означенной Церкви.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопреподобия Милостивого Государя

Покорнейший к услугам

Духовник Николай Музовский.

16 марта 1842 г.

Его Высокопреподобию

Архимандриту Игнатию.

Письмо святителя Игнатия к графу Петру Андреевичу Клейнмихелю

Многомилостивый Государь! Граф Петр Андреевич!

Позвольте принести Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность за то милостивое внимание, которое Вы, посреди Ваших многочисленных занятий, обратили на обветшавшие часовни Сергиевой пустыни. Возобновление их будет вполне принадлежать Вашему усердию.

Таким образом Вы включили себя в число тех, о коих ежедневно в храмах Сергиевой пустыни произносится и будет произноситься сия глубокая и сильная молитва: Благословляяй, благословляющия Тя, Господи, и освящаяй на Тя уповающия, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, освяти любящая благолепие дому Твоего: Ты тех воспрослави Божественною силою!

Граф! Сие благословение, сие спасение, сие освящение да освятит Вас и все семейство Ваше к благополучию на земле и к блаженству на небе!

С чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть <...>

19 июля 1845
Сергиева Пустынь

Гр. Клейнмихелю.

Письмо святителя Игнатия к некоему высокопоставленному лицу

Со мною совершилось несчастие! 23-го августа, полубольной, я ехал к Преосвященному Митрополиту по делам Монастыря и Благочиния; на 10-й версте от Стрельны дорожный рабочий испугал лошадь моего эпипажа, которая, выскочив из постромок, его задела, уронила, от чего он и умер. Дав знать о сем куда следует, я возвратился в монастырь, сраженный болезнию и сердечною и телесною. Ныне немного оправясь телом и умом, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашим ... просьбу, извлекаемую из сердца, растерзанного горестию! Дозвольте мне ... в глубоком уединении, вне всякой должности, — как бы заживо умершим, окончить дни мои! Для сего повелите уволить меня от Начальства Сергиевой Пустыни с дозволением избрать уединенное место, соответствующее моему слабому здоровью. — Понесу в мое гробище тяжкую мысль и тяжкое чувство, что за все милости ... истекавшие ко мне прямо из глубины великой души Вашей, я принес Вам только одни огорчения!

Повергая сердце мое, уязвленное острым жалом скорби, к стопам Вашим, с глубочайшим благоговением и совершенною, неограниченною преданностью имею счастие, хотя и недостойный его, быть...

Сергиевой Пустыни Архимандрит Игнатий.
31 августа 1845
Сергиева Пустынь

Подбор писем и комментарии А. Н. Стрижева.

Размышления святителя Игнатия Брянчанинова о живописи церковной

Нахожу, что описание двух картонов, сделанное Вами, украшает эти картоны многими прекрасными мыслями. Этим описанием приготовляется воображение, приготовляются взоры, чтоб увидеть прекрасные иконы,— почти живые, говорящие поучительнейшую проповедь. По крайней мере я получил такое настроение. Но когда перенеслись взоры из чтения на рисунки, мое ожидание не осуществилось: я увидел не иконы нашей Православной Церкви, но карикатуры икон. Словно если б певец с италианской сцены начал петь на свой лад с излиянием романического чувства нашу величественную Херувимскую Песнь.

О картоне Б—и

Прекрасная, возвышенная мысль — неизобразимое изображением Божество изобразить словом Сый, от Которого — лучи!

Для чего же Ангелы отвратили взоры свои от изображенного так превосходно Божества? Они должны бы были учить предстоящих благоговению пред Божеством; в них бы должно показать стремление к Божеству всем сердцем, всею душою, всем помышлением, всею крепостию, как этого требует, этому научает Сам Спаситель. В этом состоянии находятся по самой вещи Ангелы, предстоящие славе Божией, как открывает нам Писание. Напротив, здесь Ангелы оказывают мало внимания и уважения Божеству, ни один не удостаивает взглянуть на Него, все зевают (извините за выражение) по сторонам. И стоит уединенно величественный Сый, отделенный, отсеченный от всей кар-

тины! Неужели у художника таилось в душе намерение написать критику на наше время, намекнуть нам, что Бог нами забыт, что по видимому мы простираем к Нему руки, а по самой вещи отвратились от Него.

Четыре верхние Ангела суть фигуры женские. Этим нарушено предание Православной Церкви, которая всегда изображает Ангелов прекрасными юношами. Нет примера во всем Священном Писании, чтоб Ангел явился в образе женщины. Здесь дамы и не важные дамы. Судя по физиономиям, в которых нет ничего Божественного, которые слишком обыкновенны, надо предполагать, что натурщицами были не более, как горничные девушки, а натурщицею для верхней фигуры на левой стороне — какая-нибудь кастелянша немочка, уже, как видно, пожилая, с выражением беззаботного выражения на лице,— вероятно того чувства, которое было в ее душе в то время, когда она стояла пред художником. Отымите у фигур крылья, вместо Сый поставьте люстру и спросите, что представляет картина? — Пляску.

Для нижних трех Ангелов служили образцами мальчики. И на картине — мальчишки. Даже нет усилия произвести их в Ангелов. Средний — смотрит из окошка совсем должным вниманием ребенка, на ходящий на улице народ и ездящие экипажи; а два ассистента резвились, играли и на что-то мимоходом взглянули — только не на Бога. До Него им совсем нет дела! В благовоспитанных мальчиках преобладающее чувство — невинность и нежность. А здесь — здоровенького сложения ребятишки, способные пошалить, для которых розга — не лишнее. Как должен быть осмотрителен, строг выбор натурщиков! Их чувства, их характеры, их нравственность, их способности переходят на картины. От недостатка столь нужной священной критики у нас на новейших иконах, в которых искусство живописи достигло неоспоримо высокой степени развития, вместе видны и резкие несообразности. Не намерен я исчислять их, потому что они безчисленны, но выскажу ту несообразность, которая часто терзала мои взоры, когда они в тех глазах, из которых должна бы сиять Божественная Премудрость, усматривали выражение недостатка умственных способностей. Некоторый кучер, видный, но очень ограниченного ума, поступив ко мне в услугу, сам мне сказывал: «Я был натурщиком в Академии семь лет, в такой-то церкви такая-то икона писана с меня». Он исчислял иконы, для которых служил оригиналом, которых не хочу наименовать! этого

не стерпит мое сердце! Но вот причина глупых глаз на иконе: она — верный портрет статного кучера с глупыми глазами.

Иконописец должен твердо знать догматы Православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы — наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинные, чувствования благоговейные, точно-благочестивые. В противном случае икона будет действовать так, как бы действовал с кафедры проповедник, зараженный лжеучением или с одними познаниями литературными без познаний богословских.

О картоне Р—а

Древние воины ни за что бы не остались в касках пред священным изображением Живоначальной Троицы, вынесенным дланями великого угодника Божия, знаменитого преславными чудотворениями! Древние благочестивые воины преклонили бы колена! Перенеситесь к самому событию: Преподобный Сергий благословляет Димитрия Донского на поход против Мамая. При этом обстоятельстве какое было благоговение! Какие серьезные мысли и ощущения должны были наполнять всех и каждого. Шли на кровавую Куликовскую битву, против несметных полчищ татарских, имевших на своей стороне не только превосходство в числе, но нравственную огромную силу — воспоминание двувековых побед и владычества. Россияне ясно видели, что победа для них была крайне сомнительна, что следствия побеждения должны быть самые бедственные. Пред очами всех носилась смерть! Она украшалась лишь тем, что с мыслию о ней соединялась мысль о венце мученическом, потому что в походе против Мамая все признавали не только необходимость отечественную, но и необходимость религиозную. И точно! Поход этот был более плодом веры, нежели политических расчетов; поход — благословен Преподобным Сергием!

При совершении этого благословения могла ли иметь место легкость и ветреность, которая заметна в других и даже в некоторых иноках? Здесь воины не могли иметь того чувства, которое имеют наши современные герои, когда они в манеже ожидают развода. Есть картина — поставление в Царя Михаила Феодоровича Романова. Там довольно удовлетворительно выражено на всех лицах и в постановках фигур чувство благоговения и благочестия. Это чувство дает картине единство действия, моральное и религиозное достоинство, достоинство иконы.

Не мое дело судить о самом искусстве и потому не обращаю внимания на то, что фигура Димитрия Донского кажется мне в неестественном положении. Но должен сказать, что и поныне благочестивые военные люди, намереваясь приложиться к Святыне, снимают с себя и отлагают оружие. К чему Димитрий подносит так близко к иконе меч свой? Не для благословения ли? Для этого мечу довольно лежать повергнутым на землю. Не сходно с чувствами и понятиями проникнутого глубоким благочестием князя, чтоб он дерзнул поднести так близко к Святыне оружие, проливающее кровь человеческую. Вообще картон Р-а, не оживленный благоговением и прочими священными ощущениями, напротив того изображающий много светскости, далеко отстоит от достоинства иконы, имея, может быть, все достоинство картины.

В Вашем описании Вы похвалили произведения художников, как художников,— и похвалили прекрасно, как литератор. Примите мои слова, — это искреннее, прямое выражение чувств моих; я не остановился пред некоторыми выражениями довольно резкими для того, чтобы нисколько не пострадала Правда. Пусть лучше немного пострадает ухо и нежный вкус! Согласитесь! Сколько должно страдать сердце, самые глаза истинного сына Православной Восточной Церкви, когда он видит на местах, принадлежащих святым иконам, лишь картины, часто прекрасной кисти, но почти всегда чуждой Богословского познания и чувства.

Поэтические опыты святителя Игнатия Брянчанинова

В семействе Брянчаниновых увлечение поэзией было традицией. Определенную дань поэзии отдали оба деда святителя Игнатия. По материнской линии стихотворцем был Афанасий Матвеевич Брянчанинов, несколько его поэм дошли до нашего времени, а дружба с известным поэтом XVIII в. Михаилом Никитичем Муравьевым до сих пор привлекает внимание литературоведов. Увлекалась поэзией и дочь Афанасия Матвеевича, матушка святителя Игнатия, Софья Афанасьевна. Ее сохранившийся альбом свидетельствует о том, что она превосходно знала и русских, и французских поэтов. Очень сильным было увлечение поэтическими творениями и деда Святителя со стороны отца, Семена Андреевича Брянчанинова: он не только сам пытался сочинять, но на постановку комедий Мольера, Сумарокова и др. растратил бóльшую часть состояния.

Также известно, что в годы учебы в Инженерном училище, вращаясь в поэтическом кружке в доме А. Н. Оленина, Дмитрий Александрович пробовал свои силы в стихотворчестве. (Кстати, «кропанием» стихов занимался и его брат, Петр Александрович.) Однако юношеские стихотворения Дмитрия Александровича до нас не дошли. А в последующие годы его литературная деятельность перешла в другую область, хотя некоторые из его «Аскетических опытов» написаны как стихотворения в прозе.

В настоящее время известны четыре стихотворения святителя Игнатия, о которых священник Геннадий Беловолов писал: «Два из них [стихотворения] были опубликованы: «Убили сердце» — в книге С. Нилуса «Святыня под спудом» (Сергиев Посад, 1911. С. 11–12); «Совет душе моей» — помещено игуменом Марком

(Лозинским) в выпуске «Богословских трудов» (Московская Духовная академия, 1971. № 6). Два других стихотворения публикуются впервые. Они находятся в рукописном сборнике художественных произведений Игнатия, составленном им самим собственноручно, хранящемся в Рукописном отделе Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (ныне РНБ).

Свои стихи святитель Игнатий не включил в собрание сочинений и при жизни нигде не публиковал. Предназначались они, по-видимому, только для узкого круга знакомых.

Стихи святителя Игнатия очень разные как по форме, так и по настроению, что говорит о том, что писались они не систематично, «по случаю». Они связаны с романтической традицией русской поэзии первой половины прошлого века. Однако за характерным для романтической поэзии мотивом разочарования в стихах святителя Игнатия выражена идея монашеского отречения от мира сего. В них мы находим те же аскетические мысли и чувствования, что и в «Аскетических опытах».

Одно стихотворение — «К земному страннику» — датировано 15 декабря 1848 года. Судя по тому, что в этой рукописной тетради прослеживается хронологический принцип расположения, можно предположить, что помещенное рядом с ним стихотворение «Жалоба» написано также в это время, а «Совет душе моей» несколько ранее. Стихотворение «Убили сердце» автор не включил в эту тетрадь.

Для первых двух стихов характерен мотив разочарования, жалобы, ухода от «ценностей» этого мира. «**Убили сердце...**» (название, видимо, дано С. Нилусом) написано с явной аллюзией на «скорбные строфы» Овидия. Стихотворение «**Жалоба**» восходит к традиции русской романтической поэзии. Чтобы их понять, нужно знать, сколь скорбным было подчас настоятельство Игнатия в Сергиевой пустыни.

Стихи «Совет душе моей» и «К земному страннику» обращены к своему внутреннему человеку. Они являются прямым продолжением его «стихов в прозе». Их главной темой является то, что архимандрит Антоний (Бочков) в одном из писем назвал «поэзией покаяния». Для адекватности и полноты восприятия необходимо учитывать, что многие слова и образы в этих стихах (такие как «сердце», «плач», «пустыня», «странник»), кроме поэтического, имеют еще и совершенно точный аскетический смысл: «сердце» — средоточие духовной, прежде всего молитвенной жизни человека, «плач» — покаяние о сво-

их грехах, приводящее в состояние умиления, и т. д. Стихи для святителя Игнатия не были некой литературной самоцелью. Они немногочисленны, и автор никогда не публиковал их при жизни. И все же невозможно не ощутить абсолютной чистоты смысла, удивительной ясности мысли, молитвенного настроя стихов поэта-аскета»[1].

Стихи

Убили сердце...

Здесь всё мне враждебно, всё смерти тлетворным дыханием
дышит:
Пронзительный ветер, тяжелые воды, пары из болота,
Измены погоды и вечно нахмуро-грозящее небо.
Как бледен луч солнечный, Бельта повитый туманом и мглою!
Не греет он — жжет!.. Не люблю, не люблю я сиянья без жизни!
Сражен я недугом, окован как цепью, к одру им прикован,
Им в келлии заперт. Затворник невольный, влачу дни ко гробу.
А сердце мое?.. Ах! Убили его!.. Оно жило доселе,
Страданьями жило, но жило. Теперь — тишина в нем могилы.
Его отверзал я с любовью и верой, открытой всем ближним.
Вонзили мне в сердце кинжалы; и были кинжалы наградой
За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную в жертву!..
Уйду я, убитый, уйду от людей я в безвестность пустыни!..
Я вижу, что людям приятно и нужно: им нужны лесть, подлость,
Тщеславие, чуждое истинной славе. Забыли, что слава — от Бога,
От совести чистой. Но Бог им не нужен, и совесть — им бремя;
Не нужны им в слуги наперсники правды с общественной
пользы желаньем:
Им нужны рабы — орудья их воли развратной...
Уйду от людей и в глубокой пустыне предамся рыданьям:
Там в пищу мне будут лишь стоны, а слезы — напитком.
Оплачу себя, мое сердце убитое, мир, в зло погруженный, —
И сниду в могилу печальный, в надежде отрады на небе.

(В кн.: *Нилус С.* Святыня под спудом.— Сергиев Посад, 1911. С. 11–12.)

[1] Роман-газета XXI век. 1999. № 6. С. 64–66.

Жалоба

Для страждущей души моей
Искал я на земле врачей,
Искал я помощи, отрады:
Моим болезням были рады.

Надежда тщетна на друзей
Моих минувших счастья дней:
Они со мною пировали —
И одаль встали в дни печали.

Не утушит тоски вино!
Напрасно сердцу утешенья
Искать среди самозабвенья:
Грустней пробудится оно.

И в развлеченье нет отрады!
Нет прочной в нем тоске преграды:
Еще веселья слышен шум,
А грусть, как ночь, туманит ум.

Испытан я судьбой, врагами,
Изранен многими стрелами:
Пытали клеветой меня,
Предательством был мучен я.

И долго, долго я томился...
Но наконец сквозь толщу туч,
Сквозь мрак суждений мира, луч,
Луч света радостный пробился.

Прозрел я, ожил. Оживленный,
Святою верой просвещенный,
Спокойно совершаю путь,
Которым к вечности идут.

РНБ. Q. 1. 1520. С. 280–282.

Совет душе моей

Какой подам душе совет,
Когда Христос — от Света Свет
Советует скорбей терпенье,
Чтоб в горнее достичь селенье!

Плотская страсть, земная честь
И тленного богатства лесть,
Пленяющие человека,
Пребудут ли при нем в век века?
Приходит смерть; ее коса
Лицеприятия не знает:
Равно пред нею упадает
Власть, сила, гений и краса.
Бедняк забвенный — вот лежит
Близ богача или героя.
И червь, во тьме могильной роя,
Главу надменного смирит!
Душа, душа! Прими совет!
Вне стезь Его спасенья нет!
Укрась себя постом, слезами,
Молитвой, многими скорбями!
В святый Божественный чертог,
В светлейшую обитель рая
Ты вступишь, радуясь, играя!
Там ждет тебя с наградой — Бог!

РНБ. Q. 1. 1520. С. 87–88.

К земному страннику

О путешественник земной!
проснись от сна:
Твоя сума грехов,
одних грехов полна;
Ты погружен, как в сон глубокий,
в нераденье.
Престань напрасно жизнь,
бесценный дар, мотать!
Не то придет к тебе внезапно
смерть, как тать.
А в вечности вратах —
ужасно пробужденье!
В последний жизни час...

15 декабря 1848 года

РНБ. Q. 1. 1520. С. 280.

Публикация священника Геннадия Беловолова.

Ольга Шафранова

Родители, братья и сестры

I

Родители святителя Игнатия Брянчанинова

В жизнеописаниях святителя Игнатия достаточно подробно рассказывается об отношениях между его родителями и их детьми. На характере отца, Александра Семеновича Брянчанинова (7 мая 1784 – 19 апреля 1875), быть может, сказалась неудачно сложившаяся его жизненная ситуация. Получив образование в аристократическом Императорском пажеском корпусе (в котором воспитывались дети Императорской Фамилии), он вынужден был отказаться от великосветской карьеры и вернуться в провинциальную Вологду, чтобы спасать свое имение от окончательного разорения. Еще в 22–23-летнем возрасте ему пришлось предпринимать героические усилия, чтобы избавиться от долгов, оставшихся ему от его родителя. Именно этим, скорее всего, объясняется та экономия, даже скупость, о которой упоминается в жизнеописаниях. Тем не менее, к его чести следует сказать, что женился он не по расчету, так как его жена, Софья Афанасьевна не была наследницей богатых имений. А также и то, что детям своим он постарался дать прекрасное воспитание. Со временем Александр Семенович примирился с участью провинциального помещика, поселился в своей родовой вотчине — селе Покровском, из которого «воля его и вкус создали маленький Версаль». А свои амбиции он старался реализовать через своих детей. Именно поэтому желание самого талантливого из них уйти в монастырь встретило столь жесткое сопротивление. И даже когда Дмитрий Александрович стал уже известным ар-

химандритом Игнатием, отношение к нему его отца оставалось если не отчужденным, то всегда сдержанным. И навестил он его лишь спустя пять лет после его назначения настоятелем Сергиевой пустыни.

С матерью, Софьей Афанасьевной (урожденная Брянчанинова; 1786 — 25 июля 1832), отношения были несравненно теплее. Еще в детстве он был ее «любимчиком». И непреклонное отношение к его желанию уйти в монастырь, возможно, проявлялось у нее под влиянием мужа. Во время ее последней болезни «сын священноинок старался приготовить ее к переходу в вечность беседами духовными... духовные понятия Софьи Афанасьевны сделались неузнаваемы: она не знала, как благодарить Бога, сподобившего ее счастья видеть своего первенца принятым Царем царствующих, Господом, Творцом и Спасителем нашим в служение Ему священноиноческое»[1]. Сам святитель Игнатий годы спустя писал: «Моя родительница много огорчалась при вступлении моем в монастырь; но на смертном одре, за несколько минут до кончины, произнесла: “Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын — в монастыре”»[2].

Впрочем, приведенные ниже письма Дмитрия Александровича — отца Игнатия, относящиеся ко времени его ухода в монастырь и к первым годам его службы в Сергиевой пустыни, свидетельствуют о том, что он всегда был по отношению к родителям почтительным сыном, и значительно дополняют сведения, приведенные в жизнеописаниях, об их взаимоотношениях.

Письма святителя Игнатия к родителям — Софье Афанасьевне и Александру Семеновичу Брянчаниновым[3]

№ 1

Почтеннейшие Родители!

Наконец-то я вышел из больницы, где провел около пяти недель. Слава Богу, я чувствую себя гораздо лучше и надеюсь, что смогу догнать в учебе. Великий Князь засвидетельствовал большое расположение ко мне: он посылал ко мне ежедневно своего

---

[1] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 84. ‖ [2] Подробнее о А. С. и С. А. Брянчаниновых см. Настоящее издание, т. 3, с. 567–575. ‖ [3] Христианство и русская литература. Сб. 2. СПб., 1996. С. 9–23 (публикация А. Грязева, А. Орлова, о. Геннадия Беловолова); письма № 5, 12, 13, 15, 18, 22 публикуются впервые.

доктора, и тот каждый раз, приходя ко мне, расспрашивал о моих недугах, говорил мне много приятного. Князь Сиверс посылает рара поклон. Тетка моя, Сухарева, в прошлый четверг навещала меня, она стала гораздо добрее ко мне и говорила обо мне с генералом Оперманном. Молодой М. Магницкий и М. Волоцкой посетили меня.

Время, проведенное в больнице, сделало меня более мудрым. Мне наложили на всю поверхность пластырь, и бедная моя спина превратилась в сплошную рану, которая не позволяла мне пошевелиться. В таком состоянии я пробыл целую неделю, утешаясь иногда чтением. Остаток времени я мог спокойно размышлять, прикованный к постели, которую я не мог покинуть в течение всех следующих недель. Я много думал о ценности человеческой жизни и только теперь смог оценить все значение известных слов Христа: *Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец* (Откр. 1. 8). Эти слова заключают в себе все Священное Писание, так Священное Писание позволяет нам понять наше начало, наше естество и законы, ведущие нас к концу, который должен быть столь же прекрасен, как и наше начало: наше происхождение от Бога неизбежно направляет нас к поискам нашего конца в Боге.

Заранее предупреждаю вас, что не смогу вам много писать, так как должен нагонять класс, который за пять недель продвинулся далее меня.

Я с нетерпением жду maman к 13-му, как она написала, и надеюсь, что она уже в дороге и приедет точно. Мечтая о встрече, я буду трудиться с еще большим усердием, на какое только способен.

Целую братьев и сестер. Прощайте, мои родные.

Всегда ваш преданный сын — Димитрий Брянчанинов.

1823 года 10-го декабря.

Перевод с французского А. В. Даниловой

№ 2

Почтеннейший папинька!

Покорнейше Вас благодарю за сообщенные исторические сведения об отце Феофане[1], также и за пряники. Присылаю фасад нижнего этажа на цензуру и исправление; намерен сделать еще фасад с другой стороны и планы верхнего этажа и фундамента, которые, когда поспеют, намерен к Вам переслать. Мы, слава Богу, довольно здоровы; раза два на неделе ездим гулять. Лю-

безнейшей маменьке всеусердный мой поклон, также братьям и сестрам.

Ваш покорнейший сын Дмитрий.

М<ихаил> В<асильевич> усерднейше кланяется.

1830 г.

[1] Об отце Феофане Новоезерском см. т. 7, с. 168–175.

№ 3

Любезнейшая маминька!

Письмо Ваше, посланное Вами с соловецким иеромонахом Моисеем, получил я от него перед самою Алексеевскою ярмонкою, которая кончилась два дни тому назад. Не грустите, что я от Вас уехал, и без того бы пришлось куда-нибудь выезжать в то время, когда вы из города стали бы перебираться в Покровское: 200 верст не так далекое расстояние, и отчего бы мне бояться Вашего приезда. — Притом если б жил я где близко Вологды, то не было б мне покоя, пока не побывал бы в Новоезерском монастыре у отца Феофана, — теперь же это дело уже в шляпе. Придется ли здесь мне жить, не знаю: место низкое, сырое, окруженное водою, — сказывают, что летом, когда подует ветер с Белого озера, то все ходят в шубах, иногда и в Петровки; весною, пока лед не растает, — воздух очень острый, а осенью холодный от воды. Также и вода здешняя не по моему желудку.

Приехав сюда, стал я чувствовать очень сильное биение сердца и боль в левом боку, почему и решился припустить три пьявки, от которых мне сделалось большое облегчение, — биение сердца совершенно прекратилось, боль в боку пропала так, как и во всей груди. Между тем, мало-помалу, начало портиться пищеварение, и приключилась сильная лихорадка, в которой нахожусь и поныне, хотя и чувствую некоторое облегчение. Многие здешние рассказывают про Семигороднюю пустыню, что жить в оной ничем не хуже здешнего, а местоположение гораздо лучше, ибо лежит на лощине, окруженной лесом; в самом монастыре находится ключ; от Вологды только в 70 верстах; заутрени начинаются с четырех часов, а здесь с двух; вообще вся служба несколько здешнего покороче. Все сие при моих обстоятельствах и здоровье весьма не худо; думаю, и Вы с этим согласитесь.

Об Новоезерском много чрезвычайного слышал; мало из слышанного увидел; порядок в Белых берегах гораздо строже и лучше, всенощные ровнехонько вдвое дольше, каша лучше здешней,

рыбы здесь гораздо изобильнее. Братия очень свободны в обращении: про Михаила Васильевича говорят: «О! Это наш Новоезерский», а про меня: «Это пустынный». Виделся с о. Феофаном несколько раз, и он рассказывал о себе, что служил в штатской службе в Москве, будучи осьмнадцати лет оставил мир, жил несколько времени в Санаксарской пустыне при о. Феодоре Ушакове, потом в Молдавии при Феодосии, а Паисия Нямецкого и не видал, десять лет был келейником митрополита Гавриила и 30 с лишком здешним настоятелем. Из Молдавии в Россию приехал с племянником графа Потемкина, который ушел тайно из России в Молдавию и был лет около десяти конюхом в монастыре, коего настоятелем был вышеупомянутый Феодосий. Он из дворян и теперь семидесяти девяти лет от роду. До сих пор еще не дали нам своей постоянной келлии, а живем в чужих. Михайло Васильевич у Комаровского, а я у Яковлева; хотя и поместили нас обоих к Комаровскому, но мое пребывание у Яковлева есть следствие его особенного ко мне благоволения. Слава Богу, что брат Петр здоров и надеется вскоре возвратиться в Россию.

Михайло Васильевич усерднейше Вам кланяется, теперь он здоров, а с приезда тоже прихворнул было лихорадкою. Наконец, прося молитв и родительского благословения как у Вас, так и у Почтеннейшего Папиньки и желая вам всем истинных благ, честь имею пребыть, почтеннейшие Родители, вашим покорнейшим сыном.

Димитрий Брянчанинов.

P. S. Любезным братьям и сестрам кланяюсь. Хорошо, если бы Вы изволили прислать за мною бричечку. Самсон с особенным усердием мне прислуживает.

1830 г.

№ 4

Почтеннейший Родитель!

Не нахожу довольно слов благодарить за все оказанные мне милости, кои трогают до глубины мое сердце.

Преосвященный[1] приехал к нам в пятницу вечером с двумя архимандритами. В субботу ездил освящать церковь в Рабанской волости на Сухоне, откуда возвращался со мной в бричке на двух воронках новых. Вечером приказал петь всенощную по монастырскому уставу, — а в воскресенье за обеднею меня посвятил в игумены и, отобедав, уехал в большом удовольствии.

Иван и Михайло действовали с полным усердием. Василий в стихаре подавал жезл и орлецы в монастыре и на освящении.

О. Виктор весьма беспокоится о деньгах, кои назначает он для своего несчастного сына, и просит убедительно, чтоб Вы не отказали ему в благодеянии взять оные деньги к себе для приращения и тем доставить кусок хлеба сколько-нибудь верный его сыну и Вашему крестнику.

За тем остается мне благодарить Вас за чашки и прочие присланные ко мне вещи и с искреннейшею преданностию и высокопочитанием пребывать покорнейшим сыном.

Игумен Игнатий.

Был я у Ж<андра>, который чрезвычайно был рад моему приезду.

Любезнейшим сестрицам усердно кланяюсь и желаю им всякого благополучия.

[1833 г., конец января — февраль]

[1] *Преосвященный Стефан* (С. Л. Романовский; 1787–1841) — с 1828 г. епископ Вологодский.

№ 5

Почтейнейший родитель!

При сем честь имею препроводить к Вам 100 рублей ассигнациями, из коих 58 полагаю в уплату за работника Ефрема Семенковского; а из остальных всепокорнейше прошу приказать, чтоб люди Ваши купили повозку зимнюю с просторною и плотною кибиткою рогожною — мне для переезда отсюда в Москву, о чем до меня доходят довольно верные слухи. Весьма желаю приехать к Вам, или в воскресенье вечером или в понедельник: тогда обо всем подробно сообщу и дополню, чего о. Виктор не скажет. Затем с истинным почтением и преданностью честь имею быть

Ваш
покорнейший сын

игумен Игнатий.
17-е ноября 1833 г.

№ 6

Почтеннейший Родитель!

На сей почте пришло предписание, дабы нимало не медля отправлялся я в Петербург к митрополиту Филарету на подворье.

Митрополит пишет мне своеручное письмо, в коем говорит, что сие путешествие мое не от него зависит. Почему, сдав Лопотов монастырь, должен я приехать в Вологду и нимало не медля ехать в назначенный путь, что все должно произойти на следующей неделе.

Ваш покорнейший сын

игумен Игнатий.
28 ноября [1833 г.]

№ 7

Почтеннейший Родитель!

Благодарение Милосердному Господу, прибыл я благополучно в Петербург 5-го числа вечером и остановился на Троицком подворье. Причина моего сюда путешествия объяснилась и подтвердила Ваши и мои догадки. Михайла и Семена видел, Александра надеюсь скоро видеть. Мое дело не получило еще настоящей развязки: ибо я еще не представлялся Государю. Оба митрополита, Петербургский[1] и Московский[2], особливо последний, очень ко мне милостивы. Синодский обер-прокурор также.

Что далее происходить будет, о том Вас уведомить не замедлю. Любезнейшим сестрам усердно кланяюсь. За тем с искреннейшим высокопочитанием и преданностию честь имею пребыть

Ваш покорнейший сын

игумен Игнатий.
1833 года декабря 12 дня

Адрес мой на Троицком подворье.

[1] *Митрополит Серафим* (С. В. Глаголевский; 1763–1843) — с 1821 г. Новгородский и Петербургский.
[2] *Митрополит Филарет* (В. М. Дроздов) — о нем см. т. 7, с. 7–21.

№ 8

Почтеннейший Родитель!

Поздравляю Вас с наступающим праздником Рождества Христова и с Новым Годом; желаю Вам всего благого, приятного и полезного!

12 числа сего месяца, вечером в шесть часов представлялся я Государю Императору наедине, в его кабинете. Трогательно было и интересно сие представление. Государь обнял меня — я его; он повторял неоднократно: Друг мой! Друг мой! — я кричал: Отец

мой! Отец мой! — Изволил подробно расспрашивать о обстоятельствах моей жизни в монашестве; между прочим рассказал я ему о болезни и кончине Маминьки, что он изволил выслушать с большим соболезнованием. Спрашивал о братьях; я рассказывал отдельно о каждом. Он не знал, что Михайло и Александр мои братья. Наконец объявил мне свою волю, чтоб я оставался близ Петербурга в Сергиевской пустыне, находящейся в пятнадцати верстах от столицы по Петергофской дороге. (Сия пустыня есть второклассный монастырь, имеющий до семидесяти тысяч дохода; настоятелем в ней здешний викарный архиерей.) А для того, чтоб дать мне время полечиться у доктора Арндта, Государь не открывал некоторое время воли своей Синоду.

Между тем продолжал я жить на Троицком подворье, пользуясь особенными милостями митрополита Филарета, который есть редкость в нынешнее время. С решительною приверженностию к православной Церкви соединяет он Христианскую деятельность и естественный проницательный аналитический ум. Каждый день, если куда не отозван, обедаю у него, и он бывает столько снисходителен, что весьма подолгу со мною беседует о духовных предметах. Арндт, очень добрый человек, посещает меня и пользует с хорошим успехом; дает мне слизегонительные порошки и холодный чай из тысячелиственника, и, благодарение Господу, чувствую себя гораздо лучше.

Михайло бывает у меня довольно часто и служит довольно благополучно; Семен премилый, прерачительный, скромный и осторожный. Александра еще не видал, — хотя с первых дней моего приезда послал к нему известие и просил, чтоб он приехал ко мне для свидания, и денег 15 рублей на дорогу. Сухарева хлопочет. Я у нее однажды обедал, и она дважды у меня была. Александр Александрович[1] вечерком сидел у меня довольно долго. Нередко является Павел Иоакимович[2].

31 числа декабря, приехав из Зимнего дворца, где представлялся Государыне, опять видел и Государя и вкруг их все семейство, — нахожу у себя письмо Ваше, извещающее меня о кончине сестры Софии Александровны! Тоскуя невольно, не знаю, тосковать ли, ибо, сколько ни рассматривал, тем более уверялся, что она не на руки попалась, и со страхом опасался, чтоб не поразила слух мой печальная весть о неблагополучной развязке. И ей, бедной, как было трудно заглушать свои сердечные чувствования и беспрестанно себя насиловать, — что все она мне поверяла с полною откровенностию. Остается то в утешение, что

она была от всего сердца привязана к Господу и к святым Его заповедям и пострадала довольно. — Он взял ее и в руках Его вернее ей будет. 31 декабря был у меня Михайла, а сегодня Семен, премилый юноша. От него получил письмо ваше в ответ на первое мое: оно пролежало на почте лишнюю неделю.

Сего дня за обеднею по повелению Государя Императора произведен был в Казанском соборе в архимандрита в Сергиевскую пустыню; а викарному архиерею дано к содержанию его другое средство.

Хотел было сообщить Вам и других довольно новостей, — но весть, от Вас полученная, отнимает чувство писать об них. Простите! Почтеннейший Родитель! Не предавайтесь печали: ваша бодрость нужна для многих, простите!

С искреннейшею преданностию, честь имею пребыть

Ваш покорнейший сын

архимандрит Игнатий.

1834-го года 1-е генваря

P. S. Не велите продавать моих лошадей: я за ними пошлю; а за прокормление готов заплатить, и денег мне не присылайте, если получите от Геркулесова; благодаря Бога, здесь ни в чем не нуждаюсь.

Присылаю Вам книгу: «Путешествие в Иерусалим». Примите благосклонно!

Любезнейшие сестрицы!

Желаю Вам всякого добра. Каково-то Вы поживаете. Весьма был бы я Вам благодарен, если б Вы потрудились описать мне подробнее в простых речах кончину сестры Софии Александровны. Вы знаете ее ко мне и мою к ней привязанность. В здешнем мире живут люди вместе по плотским связям, а в будущем веке Господь вселяет единомысленных в дом покоя, уготованный для тех, кои здесь единым сердцем правильно исповедают Создателя.

Прощайте, буди над Вами благословение Божие.

Ваш преданнейший брат *И<гнатий>*.

О. Михаил просит, нельзя ли известить его сестру о кончине их матери Катерины Михайловны.

[1] Александр Александрович Сухарев, сын Агафоклеи Марковны.

[2] Мальцев.

№ 9

Почтеннейший Родитель!

Письмо Ваше получил от брата Михайла. Вероятно, и Вы получили мое от Дмитрия — человека, принадлежавшего отцу Михаилу Чихачеву, которого отправил я за лошадьми и который, должно быть, теперь уже находится на обратном пути. Не писал я по почте после 1-го января, весьма сумневаясь в известной Вам статье и поджидая отъезда Дмитрия, который с неделю похворал и потому выехал не так скоро, как я предполагал.

Очень жалею, что Вы были нездоровы и благодарю милосердного Бога за облегчение Вашей болезни. Здоровье мое по милости Божией в здешнем месте поправляется. Продолжаю жить довольно благополучно. Строюсь. Удивителен и жалок владыка Стефан! По одному подозрению, якобы я его оклеветал, он перешел от большой ко мне любви к большой ненависти. Даже вздумал жаловаться на меня в Синод, не рассудив того, как примет его жалобу Синод, и без того негодующий на него, между тем как Государь Император изволил меня рекомендовать столь милостиво. Надо бы узнать совершенно ли основательно сомнение, на которое и я имею некоторые причины. Если оно основательно, то можно бы шелунов за ушенки подрать.

Михайло и Семен приезжали ко мне в монастырь 11-го марта. Александра до сих пор еще не видел.

Простите, Почтеннейший Родитель, желаю Вам доброго здоровья и во всем благополучия. С истинным высокопочитанием и преданностью остаюсь

Ваш покорнейший сын

Архимандрит Игнатий.

13 марта 1834 г.

№ 10

Почтеннейший Родитель!

Приятнейшее письмо Ваше получил я от Галактиона и весьма оному обрадовался, я весьма сомневался, доходят ли мои письма до Вас. Однако, если и доходят, то некоторые не дошли: ибо помню, что извещал Вас и благодарил за лошадей, которые дошли в добром порядке и теперь очень хорошо служат.

Александру гораздо получше, хлопочу, нельзя ли его произвести в офицеры: если сие не удастся, то буду хлопотать, по приказанию Вашему, чтоб его уволили в отпуск, вместе с Михаилом.

Семен приезжал ко мне в монастырь 10-го июня вместе с дядею Павлом Алексеевичем Шипиловым. 15-го был Григорий Платонович Волков. Степан Дмитриевич Рындин посылает ко мне письма за письмами, хлопочет о Вологодском Архиерее, но едва ли что выхлопочет. Его история или поступок относительно меня заставил пристальнее взглянуть на различные жалобы на него, в Синод присланные. Много найдено в его поступках противозаконного, и посланы к нему три выговора, один вслед за другим. Ныне еще какое-то поступило дело, кажется тоже для него невыгодное: ибо Митрополит Филарет, прощаясь со мною при отъезде в Москву в последних числах мая, сказал: «Еще пришла жалоба на вашего Стефана, он час от часу становится мудренее».

С месяц времени живу безвыездно в монастыре и хвораю лихорадкою. Государь живет в Петергофе; к нему отправляется из Петербурга первая знать и к нам в обитель заезжает. О брате Петре я еще ничего решительного не имею. Хочется выторговать, чтоб на нашей стороне барыш был. Постройка моя приходит к окончанию; настоятельские келлии отделаны; перебрался я в них накануне Троицына дня. Бричка мне здесь не нужна. Сделайте милость, продайте оную, если для Вас она не понадобится, а цену оной позвольте мне пожертвовать двум сестрицам, при Вас живущим, на их надобности. Нередко бывает у меня Храповицкий, который теперь уже полным генералом, он свидетельствует Вам свое высокопочитание.

Усерднейше поздравляю Вас с устроением сестры Александры Александровны и желаю ей всяческого благополучия. Простите, Почтеннейший Родитель, с искреннейшей преданностию и почтением честь имею быть

Ваш покорнейший сын

Арх[имандрит] Игнатий.
19 июля [1834]

№ 11

Почтеннейший Родитель!

В письме моем к Вам, посланном с Галактионом, упоминал я, что хлопочу об Александре, дабы произвели его в офицеры. Дело имело хороший ход: ибо их генерала Жадовского просили люди, могущие не только его просить, но почти ему приказывать. Но поелику всякого юнкера, производимого в офицеры, должно непременно представлять на лицо Великому Князю, то и производство Александра оставлено до того времени, как он попра-

вится. Он еще слаб и теперь гостится у меня в монастыре. Причем добрые люди мне дали следующий совет: не захочу ли я, чтоб он был произведен в офицеры в пехоту? На что я с радостью согласился, с тем чтоб перевести в Семеновский полк для сослужения с братьями. Прошу Вас покорнейше на сию статью прислать мне предписание, как выше сказано, или с какими изменениями. Прибавлю: он на первый случай должен быть произведен в армию, ибо и теперь в армии служит.

2-е. Писал я Вам также о Петре, что хлопочу о помещении Петра в штабе первой армии; ибо хлопотать о переводе его в гвардию мне было б очень трудно. При сем открывается для него выгоднейший случай. В намерении поместить его в штаб 1-й армии писал я письмо к генерал-адъютанту Муравьеву вместе с его братом, здесь служащим в Синоде. Ответ Муравьева ко мне и к брату при сем прилагаю. Кажется, самая судьба представляет сему офицеру решительный оборот в службе и Вам случай довершить Ваши ему благодеяния. На короткое время усилив Ваши вспомоществования, Вы приведете его в состояние совсем не нуждаться в Вашей помощи. Притом, перевод его в гвардию и экипировка гвардейская никак менее бы не стоила. Муравьев редкий человек, по своим правилам строгий христианин и по службе употребляется в важных обстоятельствах; например, послан был в Египет для переговоров с Пашею, потом командовал отрядом, посланном на помощь турецкому султану против Ибрагима. Что Вы относительно чего рассудите, сделайте милость, по первой же почте меня уведомить, дабы я мог соответственно Вашему предписанию распорядиться.

Здоровье мое, слава Богу, поправляется. Был у меня в гостях Наследник; сам ездил в Александрию для освящения домашней церкви в присутствии всей Императорской фамилии. Царь обещается ко мне побывать и с Царицею.

Простите, почтеннейший Родитель,

с нежнейшим высокопочитанием и преданностью, остаюсь Вашим покорнейшим сыном

Арх<имандрит> Игнатий.

23 июля [1834]

P. S. Ответ генерала Муравьева ко мне и его брату, сделайте милость, ко мне пришлите обратно по первой почте.

№ 12

Почтеннейший родитель!

И сею почтой хочу Вас обеспокоить малыми строками. Справлялся я о окладе, получаемом генеральским адъютантом: он получает 200 р. в квартерных и 300 р. — на содержание лошади; притом 700 р. следующие по чину поручика, в коем теперь Петр. Уверяют меня, что помощь с Вашей стороны должна быть небольшая — разве на первый случай, на экипировку. Стол всегда у генерала.

Александра опять обещают к сентябрю произвести в офицеры в Австрийский полк, причисленный ныне к Гвардейскому корпусу. А в Кирасирском полку для одной обмундировки нужно по крайней мере пять тысяч! Он все еще гостит у меня. Простите, Почтеннейший родитель! С искреннейшей преданностию, честь имею быть

Вашим покорнейшим сыном

А<рхимандрит> Игнатий.

30 июля 1834 г.

№ 13

Почтеннейший Родитель!

Приятнейшее письмо Ваше получил. Очень понимаю, что нужное для Петра количество денег на его экипировку для Вас отяготительно, но опять совершенно ясно и то, что Вы доставив ему сие место при Муравьеве, дадите ему большее имение. Ибо ход его по службе сделается гораздо быстрее, общество лучше, и в скором времени он может получить такое место, занимая которое, не будет Вас тревожить просьбами о пособии и удобно может составить для себя все земное нужное. Михаилу сообщал я Вашу волю, чтоб он приехал в отпуск. Александр чувствует себя гораздо лучше. Семен учится и ведет себя очень хорошо: степенный и скромный молодой человек! Деньги, Вами присланные, им отданы. Михайлу и Семену дал по 50 р<ублей>; Александру во уважение его болезни дал 100 р<ублей>. Вероятно, если Вы будете присылать деньги по-прежнему на имя каждого, то сие будет спокойнее, а они все довольно основательны, а кто и не был таковым, то обстоятельствами научен.

Здоровье мое, хотя и лучше прежнего, однако все еще чувствую лихорадочные припадки. Здешних подробностей Вам не описываю, ибо монаху не следует услаждаться земными благами и, следовательно, подробно о них говорить. Только сие ска-

жу: Господь сыплет на меня свои благодеяния, а я не престаю прогневлять Его своими грехами.

В двадцатых числах августа посещали обитель Государь Император, Государыня Императрица и Наследник. При сем бывший Стефан Дмитриевич Рындин, вероятно, все подробности Вам расскажет.

Простите, Почтеннейший Родитель! С истинным высокопочитанием и преданностию, честь имею быть Ваш покорнейший сын

Арх[мандрит] Игнатий.
Августа 27 дня [1834]

Любезнейшим сестрицам кланяюсь и покорнейше благодарю за приятнейшие письма.

№ 14

Почтеннейший Родитель!

Очень сожалею, что не исполнилось желание Ваше видеть двух братьев, Михаила и Александра, в отпуске. Последний, хотя и очень поправился, однако до сих пор не может иначе выезжать, как в карете. Его дело, получив сперва хороший ход, впоследствии замялось, — но, может быть, к лучшему: ибо теперь мои агенты зачинают опять действовать с живостию, хлопочут о переведении его офицером в Кирасирский полк, стоящий за Москвою, по его собственному желанию, а не в пехоту, коей служба ему не знакома. Я делаю, что могу, и не без труда; но на самих господ не иначе действую, как убеждениями, которые не всегда бывают действительны.

О Петре сделано представление. Не оставьте его: ибо его место стоит хорошего имения, — и совершенно справедливо, что при переводе его в Гвардию нельзя сделать менее издержек.

По милости Божией живу я довольно благополучно. Недели с две чувствую себя порядочно здоровым и хлопочу до усталости. Устаю не столько от дела, сколько от частых разъездов. Митрополит Филарет, мой особенный покровитель, нынешнюю зиму не будет присутствовать в Синоде.

В. А. Волоцкой опасно болен нервическою горячкою; доктора уже отказались.

Простите, Почтеннейший Родитель! С истинным высокопочитанием и преданностию честь имею быть

Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.
1834 г. — 16-е октября

Любезнейшим сестрицам кланяюсь и желаю им всех благ.

Хочу печатать, — и получаю Ваше письмо от 5-го октября. Жалею о сестре Александре! Что делать? Петру, если возможно, пошлите хоть две тысячи, а третью я беру на себя — в следующем порядке: возьмите годичный вексель, а в продолжении года надеюсь Вам возвратить капитал и с процентами. Но чтобы Петр, когда и если придет в состояние, то положил бы себе непременным правилом оную тысячу возвратить мне, или в случае моей смерти — в Сергиеву пустыню. Ибо доходы монаха, получаемые от олтаря, не должны входить в собственность частного человека. Если же он не будет в состоянии возвратить, — то Бог простит всякому неимущему.

Если же Вы и теперь ему откажете, то 1-е — он лишится выгоднейшего места; 2-е — всякое мое ходатайство потеряет вес, а в настоящем случае принесет немалое бесчестие.

Притом на первый раз ему должно экипироваться, а потом для поддержания дальнейшей службы ему не нужно более 1000 рублей ежегодно.

Отяготительно их поддерживать в начале службы, но если не поддержать, то век свой прослужат и ничего не выслужат. Здесь все ахают, называя Петра счастливым: ибо точно ему доставлен редкий случай.

№ 15

Почтеннейший родитель!

Письмо Ваше со вложенными ассигнациями 250 р. имел честь получить. Очень жалею, что Вы изволили стеснить себя высылкою прогонных денег, следовавших Угрешскому игумену; я не имел в них крайней нужды. Памятник над усопшим лучше ставить весною, ибо в замерзшей земле неудобно делать фундамент.

О Михайле и Семене давно ничего не слышу; мои, бывая в Петербурге, все их не заставали дома, а они в монастыре давно не были. Благодаря Бога чувствую себя гораздо поздоровее.

Простите, почтеннейший родитель! С истинным почтением и преданностию имею честь быть

Вашим покорнейшим сыном

Архимандрит Игнатий.

25 ноября 1834 г.

Любезнейшим сестрицам усердно кланяюсь.

№ 16

Почтеннейший родитель!

Приятнейшее письмо Ваше от 22-го октября получил 30-го. Искреннейше поздравляю Вас с получением знака отличия за 25 лет. Представление, уже утвержденное Государем, находится у Министра и, вероятно, скоро будет сообщено Вологодскому Губернатору. Сделайте милость, не беспокойтесь о высылке мне денег; благодаря Бога, я не нуждаюсь, и весьма бы нашел справедливым, если бы Вам благоугодно было зачесть оные за те, кои Вы мне пожаловали при отъезде моем из Вологды в Петербург.

Вы изволите знать мое усердное желание добра всем членам нашего семейства. Но суждение мое одностороннее; оно согласуется с родом жизни, который я провожу. Мне всегда казалось, тем более теперь кажется супружество игом тяжким и неудобь носимым; я страшился оного и не понимал, и теперь не понимаю, как могут люди решаться на оное. И потому сделайте милость, устраните меня от суждения в сем деле; предоставьте мне желать благополучия своим братьям и сестрам, какой бы они ни избрали род жизни, — брак или безбрачие. Петр представлен к Станиславу; он в хороших руках, развертывается, и выходит дельный парень. Надо ожидать, что он далеко пойдет. Нынешнею осенью был я очень болен горячкою, после которой начал себя чувствовать лучше и лучше. Думаю — много к сему способствует прекрасный со всеми удобствами дом в коем живу, и ангелоподобная братия, меня окружающая, успокоевающая меня душевно и телесно.

Простите, почтеннейший Родитель. С истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашим покорнейшим сыном.

Архимандрит Игнатий.

1835 г. ноября 4-го дня

№ 17

Почтеннейший Родитель!

Честь имею поздравить Вас с наступившим Новым Годом 1836-м, коим пугали многие многих. Усерднейше желаю Вам проводить оный в полном здравии и благополучии. Здесь все по-старому: покупают, строят, забавляются, женятся и посягают. Кажется иным, что небо иногда гневно смотрит на землю. Сей гневный взор очень заметен был нынешнею зимою, когда при совершенной

ясности неба, при ярком солнце днем, при ярких звездах ночью лютый мороз свирепствовал несколько недель, убивая и людей, и животных. Гневный взор неба был заметен и летом, когда несколько недель не было ни капли дождя, воздух был наполнен душным дымом, сквозь который краснело солнце, как кровь.

Благодаря Господу Богу нынешние осень и зиму провожу спокойно, не тревожимый никакими особенными болезненными припадками. Вижу нередко братьев. Семен очень хорош в офицерском мундире, степенен, основателен, в обществе скромен и благоразумен, по службе точен и осторожен. Петр получил Станислава, очень делен, очень способен к военной службе, должно ожидать, что он далеко пойдет.

Простите, почтеннейший Родитель! Желая искренно Вам всех благ, с истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть

Вашим покорнейшим сыном

Архимандрит Игнатий.
1836 года генваря 10-го дня
Сергиева пустынь

Любезным сестрицам усердно кланяюсь и благодарю за присланные уксус, сухари, варенье и сиропы, раньше не благодарил, ибо не знал, что оные Вами присланы.

№ 18

Христос Воскресе!

Почтеннейший родитель!

Позвольте усерднейше поздравить Вас с наступившим днем Воскресенья Христова и пожелать Вам доброго здоровья и всех благ.

Братьев, Михайла и Семена, видел ныне в Петербурге. Дмитрий Иванович уехал с надеждою, что возвратят ему его собственность, захваченную г-м Граве. Во взятии завода в казну отказано; кажется, можно сделать, что и впредь отказывать будут, если только люди, могущие иметь здесь на подобные дела влияние, будут вовремя уведомлены.

Простите, почтеннейший родитель; с истинным высокопочитанием имею честь быть

Ваш покорнейший сын

Архимандрит Игнатий.
7 апреля [1836]

Память о покойном Саше[1]

[1] Александр Александрович Брянчанинов скончался 7 апреля 1835 г.

№ 19

Почтеннейший Родитель!

Имею честь поздравить Вас с наступающими днями рождения Вашего и Ангела, усерднейше желаю Вам доброго здоровья и прочих благ видимых и невидимых. О себе уведомляю Вас: слава Богу, довольно здоров, — при строжайшей осторожности. Ни утром, ни вечером не выхожу из дому, и тем только избегаю лихорадки и судорог в желудке. Внешние мои обстоятельства довольно благополучны.

Любезнейшим сестрицам усердно кланяюсь и желаю всего доброго. Затем с истинным почтением и преданностию имею честь быть

Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.

1836 года маия 4-го дня

№ 20

Почтеннейший Родитель!

Сегодня или завтра отправляюсь в Валаамский монастырь для некоторых распоряжений, недели на три или четыре. Прошу Вас покорнейше — пришлите людей, коих были милостивы мне обещать, также косули[1] две железные и несколько простых на доброй рабочей лошади. — Что сие будет стоить — не премину к Вам выслать деньги или братьям передать. Храповицкий усердно Вам кланяется: он на днях у меня обедал с Киевским Митрополитом[2]. Если невозможно будет мне видеться с Вологодским губернатором, то мои знакомые передадут ему все, что следует.

Простите, почтеннейший Родитель.

С истинным почтением имею честь быть

Ваш покорнейший сын

Арх<имандрит> Игнатий.

[1838 г., 31 января]

[1] Косуля — вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону.

[2] Митрополит Филарет (Ф. Г. Амфитеатров) — о нем см. т. 7, с. 32–34.

№ 21[1]

Христос Воскресе!

Почтеннейший Родитель!

Имею честь поздравить Вас со всерадостным праздником Воскресения Христова. За нас пострадавший и нас с собой совоскресивший Богочеловек да исполнит жизнь Вашу вечными благами.

Всепокорнейше благодарю Вас за милостивое внимание к моей покорнейшей просьбе. Люди прибыли сюда благополучно с лошадью и косулями, и доставили записку о количестве потраченных на сии предметы денег. С сестрой Алекс<андрой> Александровной послал я 300 руб. асс., почему и прошу Вас всепокорнейше остальные деньги раздать домашним двум: Васильеву и Ивану Николаеву, каждому по равной части: они мне говорили, что им очень нужно для дома, для найма работников, а Ивану для покупки лошади.

Затем пожелав Вам доброго здравия, с истинным высокопочитанием и преданностию имею честь быть Почтеннейший Родитель!

Ваш покорнейший сын

А<рхимандрит> Игнатий.

4-го Августа 1838

Александру С<еменови>чу Брянчанинову

№ 22

Почтеннейший родитель!

Милостивейший государь!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником, равно как и с приближающимися днями рождения и Ангела Ваших. Искреннейше желаю, чтобы милость Божия сопутствовала Вам на пути жизни и покрывала Вас от всякого зла, особливо в настоящих многотрудных обстоятельствах, долженствующих сопровождать важный государственный переворот и последовать ему.

О себе скажу Вам, что я очень доволен Ставрополем. Жители оказывают мне всевозможное внимание. Место новое! Почти ничего нет; надо все заводить, начиная с дома, который полагаю сначала выстроить деревянный. Недостаток помещения при нынешней необычайно холодной зиме в Ставрополе имеет вредное влияние на мое здоровье, так что и теперь едва оправляюсь

[1] РГБ ОР Ф. 425 К. 3 № 17.

от простуды. Немедленно после Пасхи полагаю отправиться в Область черноморских казаков, потом в Пятигорск к водам; придется возвратиться в Ставрополь в конце августа. Очень утешает меня брат Петр Александрович благочестием своим; сын его — очень милое и благонравное дитя.

Предполагаемый рановременный выезд мой заставил меня поспешить сим письмом: вероятно, Вы получите его на Страстной неделе.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Ваш

Покорнейший сын

Недостойный Епископ Игнатий.

1858-го года, февраля 21-го дня

P.S. Адрес мой: В Ставрополь Кавказский.

Предполагал я отправить это письмо 21-го февраля, в почтовый день понедельник, как получил Ваше драгоценное письмо от 5-го февраля. Письмо Ваше, в ответ на мое по посвящении моем в Епископа, я получил в Петербурге. Но я там был очень болен пред моим выездом и при том необыкновенно слаб. По приезде сюда нашел довольно залежавшейся письменной работы, от которой очень изнемогаю, будучи еще весьма слаб и крайне расположен к простуде. А помещение мое еще крайне неудобно: например, в комнатах моих нет черных полов, от этого при письменных занятиях ужасно зябнут ноги, делаюсь больным, даже до лихорадки; едва оправлюсь, как уже ожидает новая кипа письменных занятий. Надеюсь, что в течение лета мой деревянный домик приведут хотя несколько в порядок; а сам постараюсь пожить подольше на водах, чтоб привести мое здоровье в некоторый порядок. Я чрезвычайно переменился: сделался очень стар и хил; да и Петр Александрович уже совсем не молодец. Посмотрю иногда на него в церкви: это согбенный старец.

Снова приношу Вам усерднейшее поздравление с приближающейся Святою Пасхою. Искренно желаю, чтобы спокойствие Ваше не было нарушено предстоящими переворотами, трудными для всякого, особливо трудными для того, который по годам своим уже нуждается в нерушимом спокойствии. Дай Бог, чтоб Россия выдержала переворот без нарушения своего благополучия.

22 февраля

II

Брат святителя Игнатия — Петр Александрович Брянчанинов

Петр Александрович был третьим ребенком в семействе А. С. и С. А. Брянчаниновых. Он родился 24 марта 1809 г. В жизнеописании святителя Игнатия рассказывается, что он не только по возрасту, но и по характеру был ближе других детей к старшему брату. Однако по выходе из родительского дома их жизненные пути разошлись и почти не пересекались на протяжении четверти века.

Единственным источником сведений о жизнедеятельности Петра Александровича за этот период, то есть до момента его прибытия в Ставрополь, до недавнего времени оставалась краткая справка в примечаниях к 7-му тому Собрания сочинений святителя Игнатия, в которой сказано, что он: «получил образование в Военно-инженерном училище. В службу вступил кондуктором в Кондукторскую роту Главного Инженерного училища 3 июня 1824 г. с оставлением в том же училище. Переведен в 7-й пионерный батальон 20 декабря 1828 г. За отличие в сражении против турок произведен в подпоручики 30 августа 1829 г. Произведен в поручики 26 марта 1832 г. Произведен в штабс-капитаны с переводом в Бородинский Егерский полк с назначением адъютантом к начальнику Главного Штаба бывшей 1-й армии генерал-адъютанту Муравьеву 1-му — 23 ноября 1834 г. Произведен в капитаны 29 декабря 1835 г.; в майоры — 26 марта 1839 г.; в подполковники — 6 декабря 1847 г. за выходом в отставку, а 14 марта 1848 г. высочайшим приказом по Гражданскому Ведомству причислен к Министерству Внутренних дел. Высочайшим приказом назначен Костромским Вице-губернатором 16 декабря 1852 г. Высочайшим приказом 24 октября 1855 г. назначен Ставропольским Вице-губернатором; Высочайшим приказом от 1 августа 1859 г. назначен Ставропольским Губернатором и 17 декабря 1859 г. произведен за отличие в действительные статские советники».

Эта сухая справка не позволяет даже предположить, как не просто складывалась служебная карьера и вообще жизненная ситуация Петра Александровича. Ценнейшим материалом для получения более полных биографических сведений, также и для характеристики его чисто человеческих качеств явились не так

давно обнаруженные в архиве его письма к выдающемуся военному и государственному деятелю Н. Н. Муравьеву-Карскому[1].

Окончив Военно-инженерное училище в 1828 г. и уже в следующем году отличившись в сражении против турок, Петр Александрович продолжал оставаться в 7-м пионерном батальоне без какой-либо служебной перспективы. В 1834 г. его участью занялся старший брат, прибывший в Петербург и назначенный архимандритом в Сергиеву пустынь. Святитель Игнатий еще в годы учебы сошелся с родственным семейством Муравьевых, и теперь помог брату определиться адъютантом к генерал-адъютанту Николаю Николаевичу Муравьеву. Н. Н. Муравьев отличался прямолинейным характером и неподкупной честностью. Далеко не всякому удавалось войти к нему в доверие, тем более установить с ним дружеские отношения. Но качества, привитые Петру Александровичу суровым семейным воспитанием, безусловная честность, приверженность к вере привлекли его к молодому поручику. С другой стороны, характеру Петра Александровича присущ был некоторый сентиментализм, а то, что он не чувствовал никакого участия со стороны отца, да и других родственников, и ощущал полное одиночество, необыкновенно притягивало его к Николаю Николаевичу. Их совместная служба продолжалась менее трех лет, а отношения сохранились на всю жизнь. Это несмотря на то, что личные их встречи были очень редки и их общение развивалось только посредством переписки. За период с 1837 по 1866 г. сохранилось более 150 (!) писем П. А. Брянчанинова к Н. Н. Муравьеву-Карскому.

Служба П. А. Брянчанинова адъютантом Н. Н. Муравьева прервалась из-за вынужденной отставки последнего. Из писем видно, что Петр Александрович, оставшись не у дел, оказался в тяжелом материальном положении. Николай Николаевич выручил его, рекомендовав в адъютанты к генералу Данненбергу. Спустя некоторое время он был повышен в чине и получил в командование батальон в 5-м корпусе Кавказской армии. Письма его, подробнейшие на пяти, шести и более листах, описывают смотры, перестановки командиров, передвижения частей войск и т. п. Также он рассказывает о своих неудачах и разочарованиях: «Отчужденный от семейства, бродя постоянно между людьми чужими, с каждым днем более и более удостоверяюсь в трудности найти людей прямых, искренних и соответствующих мне по духу...» Из писем можно сделать вывод, что П. А. Брянчани-

[1] О Н. Н. Муравьеве-Карском см. Настоящее издание, т. 5, с. 425–535.

нов не имел определенной жизненной цели, на военную службу попал не по призванию, ему не повезло участвовать ни в одном значительном сражении, и он оставался добросовестным службистом, хотя служебную лямку тянул без всякого интереса и энтузиазма, лишь ради средств к существованию. Он часто болел, потому вынужден был часто брать отпуск и рано начал задумываться об отставке.

Следует отметить, что во все время военной службы Петра Александровича его имя почти не встречается в переписке святителя Игнатия с сестрами и другими близкими людьми; и между ними самими, по-видимому, переписка носила лишь случайный характер: во всяком случае, за период до 1852 г. не сохранилось ни одного письма Святителя к этому его брату. Также, и сам Петр Александрович в своих письмах к Н. Н. Муравьеву за десять лет, минувших после 1837 г., ни разу не упоминает брата архимандрита. Даже о самых интимных личных переживаниях он предпочитает сообщать Николаю Николаевичу, а не родственникам, как это было с его женитьбой и трагическим окончанием брачной жизни. Потому что именно от Николая Николаевича он ожидал сочувствия и добрых советов, а не осуждения за столь скоропалительный брак. История эта, подробно описанная им в письмах с января 1841 по август 1846 г., вынуждала его дважды увольняться со службы и возвращаться на нее опять с помощью Н. Н. Муравьева.

После смерти жены он начал задумываться об уходе в монастырь, о чем написал брату. В письме от 20 июня 1852 г. архимандрит Игнатий отвечал ему: «Что сказать Тебе в ответ на Твои мысли об удалении от мира? Господь, благословивший и установивший такое удаление, вместе с тем заповедал сперва сосчитать имение свое — достаточно ли оно для созидания этой высокой жизни, — и количество сил своих для борьбы с силами противными. Советую Тебе сводить этот счет молитвою, отдаваясь на волю Божию. <...> В настоящее время ты необходим для Алеши, на которого, в случае твоего удаления, с полным правом накинется его дед и сделает его несчастным по душе и по телу». С этого момента началось новое сближение братьев — архимандрита Игнатия и Петра Александровича Брянчаниновых.

В 1852 г. П. А. Брянчанинов был командирован в Кострому в распоряжение губернатора, еще одного члена разветвленной фамилии Муравьевых, Валериана Николаевича[1]. Эта командировка оказалась переломной в служебной карьере Петра Алек-

[1] *Муравьев Валериан Николаевич* (1811–1869) — сенатор, тайный советник.

сандровича и во всей его дальнейшей судьбе. 16 декабря 1852 г. Высочайшим приказом он был назначен Костромским вице-губернатором. «Ознакомившись с городом в его летнем наряде и зимнем разгуле, нахожу, что при дешевизне жизненных потребностей (относительно) лучшего назначения мне желать было бы неразумно. Кроме того, что в самом месте служения моего я имею очень хороших, благонамеренных и добросовестных Советников, все почти Председатели Палат люди хорошие, из них управляющий удельной конторой Лутковский бывал у Вас, как конно-пионер. Губернатор очень деятелен, очень внимателен к людям», — писал он 16 апреля 1853 г.

В конце 1854 г. Н. Н. Муравьев распоряжением Государя Императора Николая I был назначен Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. А 5 мая 1855 г. П. А. Брянчанинов писал ему, что «Ставропольский вице-Губернатор Борзенко предложил поменяться с ним местами», и в октябре этого же года он был переведен вице-губернатором в Ставрополь. Таким образом, вместо военной службы, у него теперь была возможность трудиться параллельно с Николаем Николаевичем на поприще гражданском.

Но опять недолго. Осенью 1855 г. Н. Н. Муравьев одержал важнейшую в ходе войны победу над турецким городом Карсом. В награду за эту победу к его фамилии было добавлено «Карский». Но уже в следующем году он, не согласный с итогами Парижского соглашения, подал в отставку.

Тяжело было Петру Александровичу оставаться в Ставрополе после ухода Н. Н. Муравьева-Карского с поста Наместника края, и он начал хлопоты о своем переводе в Тобольск. В то же время к нему все чаще возвращалась мысль об уходе в монастырь. Святитель Игнатий не отговаривал, но старался приблизить его к пониманию целей монашества. «Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие», — писал он ему 14 февраля 1856 г.

Все планы, однако, поменялись после состоявшейся в Петербурге хиротонии архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского с кафедрой в Ставрополе. Теперь у Петра Александровича появилось одно-единственное желание: никуда не перемещаться. 8 ноября 1857 г. он писал Николаю Николаевичу: «Барятинский отозвался, что он очень неохотно со мной расстанется. ...Вместе с тем из Петербурга получил я письмо от

брата Архимандрита, коим уведомляет, что 27 октября имеет быть посвящение его в Епископа Кавказского и Черноморского в Ставрополь. Все это вместе заставило меня написать князю Барятинскому, что будущее направление моей службы я предоставляю на его волю». Конечно, и епископ Игнатий предпочитал на новом, совершенно ему незнакомом месте служения иметь сотрудником близкого ему человека. «Усердно желаю, чтоб ты остался в Ставрополе, — писал он брату 19 декабря 1857 г., — и чтоб нам Бог благословил потрудиться вместе для пользы христианства и человечества». А Петр Александрович рассчитывал, что близкое общение с братом-подвижником принесет ему пользу, поможет избавиться от суетливых помышлений прежних лет. «Со дня на день ожидаю сюда приезда брата Преосвященного в уповании, что в сообществе его найду ту утешительную силу духа, в которой нуждаюсь, чтоб доживать век свой разумно готовясь к близящемуся концу. Ясный, светлый взгляд его уяснит мне темные мои стороны, которые не вижу, ибо огрубел взгляд мой, двигавшийся побуждениями греховными», — писал он 26 декабря 1857 г.

В самом деле, полное единодушие с ставропольским губернским начальством, которое представлял П. А. Брянчанинов вначале как вице-губернатор, а с 1 августа 1859 г. как губернатор, значительно способствовало успеху мероприятий, которые епископ Игнатий счел необходимым провести в епархии для улучшения духовного состояния паствы[1]. 2 октября 1858 г. Петр Александ-

[1] Примером взаимодействий Преосвященного Игнатия и Петра Александровича Брянчаниновых может служить так называемое «Дело о скворцах», о котором рассказал в своей монографии Л. А. Соколов:

«Просматривая дела архива Кавк. дух. Консистории, имеющия отношение к характеристике нравственнаго состояния духовенства и паствы Кавк. епархии за время управления Игнатия Брянчанинова, автор (т. е. Соколов Л. А.) встретил странное по заглавию — Кавказской духовной Консистории по первому столу № 94 за 1861 г. "Дело о скворцах, признаваемых Кизлярскими армянами чудотворными". Сущность этого любопытного и чисто местного дела заключается в следующем. — Настоятель Кизлярскаго монастыря Архимандрит Герман рапортом от 17 марта 1861 г., за № 312, донес Преосвященному Игнатию о суеверии Кизлярских армян относительно почитания рябых скворцов и воды, привозимой в Кизляр из Эчмиадзинского монастыря. Армяне почитают рябых скворцов как истребителей саранчи. Предусматривая появление саранчи в известный год, армяне ставят на полях столбы, а на них сосуды с водой. Когда появляется саранча, то рябые скворцы инстинктивно бросаются на нее и бьют до изнеможения; если поблизости есть вода, то рябые скворцы пьют ее, отдыхают и снова бросаются на саранчу и тем спасают от нея посевы. Архимандрит Герман в донесении своем имеет тенденцию суровых мер против армянского почитания скворцов и запрещения им привозить воду из

рович писал Николаю Николаевичу: «Преосвященный Игнатий на днях возвратился из Кизляра; в пути своем в Червленной Станице имел продолжительную беседу со Старообрядцами, в Моздоке — с Черкесами, в Кизляре — с Армянами. Ваше слово о влиянии веры — справедливо, но без покровительства делу со стороны мирских властей трудно бы было иметь успех значительный, хотя бы и при ревности главного духовного лица в крае».

Святитель Игнатий подробно посвящал брата и в свои действия и в свои планы, как это видно из письма от 24 октября 1858 г., которое он начинает словами: «Благодарю тебя за все твои действия в пользу Кавказской Церкви» и далее пишет о необходимости построения новой церкви в Моздоке[1], учреждения крестных ходов, приведения в порядок духовного училища, в котором можно было бы готовить причетников из черкесских и осетинских детей и т. д., а на все нужны средства, «потому что без них ничего не сделаешь, а их то и нет». Петр Александрович с большим сочувствием относился к этим планам, о чем писал и Николаю Николаевичу. Он понимал, что труды владыки Игнатия содействуют решению задач, поставленных временем, по общему преобразованию края, и старался всячески помогать ему. Переписка между братьями, ввиду частого непосредственного их общения, случалась, по словам Петра Александровича, «весь-

Эчмиадзина. Но Преосвященный Игнатий, при отношении от 12 июля 1861 г., за № 2213, сообщил записку Архимандрита Германа Ставропольскому гражданскому губернатору П. А. Брянчанинову, брату своему, на рассмотрение и для распоряжения, чтобы изложенное в записке не могло послужить вредным разглашением армян православным жителям г. Кизляра. Губернатор П. А. Брянчанинов, от 16 июля 1861 г., за № 129, собственноручно писанным отношением уведомил Преосвященного Игнатия, что привозка воды из Эчмиадзина есть священный обряд Армяно-Грегорианской Церкви, соединенный с постом, молитвами, сохранением чистоты и другими подвигами обрядовыми, которые при веротерпимости, составляющей основной закон государства, составляют неотъемлемое право жителей Армяно-Грегорианскаго исповедания. Что касается до скворцов, истребляющих саранчу и будто бы привлекаемых перенесением Эчмиадзинской воды, то это поверье, которое действительно существовало между армянами, само собою должно упасть, когда, как говорит о. Герман, оно не оправдалось в действительности. На отношении П. А. Брянчанинова Преосвященный Игнатий положил резолюцию от 18 июля 1861 г., за № 1167: "В Консисторию. Приложить к делам, без всякаго по сему обстоятельству дальнейшаго действования". Так и закончилось дело о скворцах» (*Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения». Ч. 1. С. 263).

[1] По поводу постройки каменной церкви в Моздоке Преосвященный Игнатий обратился с официальным письмом к начальнику губернии, т. е. к П. А. Брянчанинову от 1 января 1860 г. № 1 — напечатано в Настоящем издании, т. 2, с. 563.

ма редко и притом житейская, ограничивавшаяся дневными случайными потребностями». В письмах же Н. Н. Муравьеву-Карскому он подробно сообщал о своих служебных перипетиях, о том, что службой он, в основном, удовлетворен, что отношения с новым наместником на Кавказе, князем Барятинским сложились для него положительно, что ему даже предлагалось губернаторское место в Тифлисе. Брат также подтверждал, что Петр Александрович на Кавказе «поживает благополучно, по службе деятелен, распорядителен и отлично благороден».

Но болезненное состояние и чрезмерное переутомление заставили епископа Игнатия более настойчиво хлопотать об увольнении, и 31 августа 1861 г. он написал Петру Александровичу: «На письмо твое от 22-го августа из Херсона отвечаю: я уже не Кавказский и Черноморский Епископ. 21-го августа получено мною письмо от Синодального Обер-Прокурора следующего содержания: "По Высочайшему повелению имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что всеподданнейшее письмо Ваше от 24-го минувшего июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем желания Ваши удовлетворены. 6-го августа 1861 года". — По частным письмам, Государь сдал письмо мое в Синод 4-го августа; Синод выразил свое согласие на удовлетворение моего желания 5-го.

Такова о мне всемилосердная воля Божия, дающая мне время и удобство к тщательному приготовлению себя к переходу в вечность при посредстве тщательного покаяния».

Из последующих писем П. А. Брянчанинова Н. Н. Муравьеву-Карскому создается впечатление, что служба теперь потеряла для него всякий смысл: «Все обстоятельства, сопровождающие мое служение сложились так, что лучшее, что я могу предпринять, — это отставка. По образу мыслей, по убеждению о полезном, по понятию о добре и зле я так расхожусь с пониманиями и стремлениями большинства деятелей общественных, что или должен нарушить святость совестливых убеждений моих или (большею частию безуспешно для дела) бороться и раздражать большинство. При этом напряженном состоянии я ощутительно стареюсь, утраты способностей с каждым днем делаются ощутительнее. В виду у меня жизнь с братом и сыном; тем пенсионом, который я выслужил, прослужив более 35 лет Отечеству и обществу. Остальное не мое — отдаюсь в волю Божию, и молю Господа даровать мне полезнейшее для приготовления к исходу; но искренно говорю Вам: тягощусь даже мыслию воз-

можности оставаться среди среды, в которой стою — одинокий, по убеждениям и стремлениям, благодаря Бога за самую скорбь!»

Все то время, которое прошло после ухода святителя Игнатия на покой, Петр Александрович обсуждал с ним возможность своего поступления в монастырь. Святитель Игнатий, по-видимому, обдумывал в какой форме это лучше совершить. Наконец, в письме от 24 февраля 1862 г. он подробно изложил программу действий, которая, по его мнению, лучше всего подходила его брату: «Святые Отцы утверждают, что всякому желающему вступить в монастырь надо избрать образ жизни, который соответствовал бы его духовной цели и вел к ней. Рассуждая о положении, которое приличествовало бы наиболее упомянутому Богомольцу (то есть Петру Александровичу), я признаю наилучшим для него вступить в отношения к монастырю монастырского ктитора. ...Переход от светского развлечения к нерушимому глубокому безмолвию должен быть постепенен. После занятий, сопряженных с некоторым общеполезным и полезным для монастыря и братства трудом, Бог устроит положение очень спокойное, основанное на предшествовавших трудах, сопряженных с развлечением».

21 июня 1862 г. прошение об отставке Петра Александровича было удовлетворено: он был уволен от службы с чином действительного статского советника, «с производством ему во внимание к особой служебной ревности и труда, сверх следуемой пенсии, по смерть, полного оклада Губернаторского содержания». И уже 1 июля 1862 г. он написал Николаю Николаевичу: «22-го Июня приехал я к брату Преосвященному и сыну[1]. Более близких людей в мире у меня нет, имения, собственно мне принадлежащего, у меня нет, а потому я намерен оставаться здесь на правах гостя, не стесняя себя ограничением времени. Получаемая мною пенсия дает мне возможность в материальном отношении не быть в тягость ни Владыке, ни Монастырю, а между тем, соединяя меня с сыном, доставляет мне самое существенно полезнейшее положение».

Новый этап наступил в жизни П. А. Брянчанинова. Судьба наконец подарила ему возможность приступить к исполнению основного его жизненного предназначения.

Непосредственное общение с святителем Игнатием на протяжении последних десяти лет (1852–1862) очень сильно повлияло на Петра Александровича: изменился его характер, изменился образ мыслей. Из его писем Н. Н. Муравьеву-Карско-

[1] В Николо-Бабаевский монастырь.

му исчезло мелочное, суетливое, даже личностное, чему прежде посвящал многие строки. Зато он стал острее воспринимать глобальные события и изменения, происходящие в стране, в обществе: «Напрасно Вы думаете, что я несколько остыл сердцем, что совершающееся вне стен моего жительства не касалось бы меня, было бы совершенно чуждо мне. Нельзя не внимать к происходящему пред глазами. Недостаток в добросовестных и правильно понимающих дело деятелей ощущается повсюду. Литература, такая, как она сложилась у нас, этому недостатку не помогает да и не может помочь, потому что с немногими исключениями, сами литераторы, пропитанные материализмом, а потому и полнейшей безнравственностию, посевают больше зла, чем искореняют его мнимою пользою гласности, под покровом которой действуют часто (и даже по большей части) зависть, мщение, клевета и ложь; правила же нравственные, ими распространяемые, способны только уничтожить то немногое добро, которое держится в народе его религиозными преданиями». Эти мысли преследуют его: «13-го числа вечером я приехал сюда и отдыхаю от напряженной Петербургской жизни; где при всем моем малом внимании к происходящему, нельзя было не видеть, а особенно не слышать о страшном развитии и цинизме разврата литературного и деятельного прогрессистов. Что разврат этот проникает всюду, что он выносится из столицы в провинции, из среды зараженных в среды незараженные и там разливает яд свой — это неоспоримо. Но чем и когда может быть восстановлена нравственность в массе народа — когда она в ней будет потеряна? а религии — вере Православной война объявлена открыто литературой и распространителями раскола, его защитниками, как явления политического. Цензура пропустила множество сочинений — изложения учений разных ересиархов, — дала повод простому народу верить, что книги эти напечатаны по воле Государя, и раскол усиливается в необъятных размерах. Это явление близко сходством с явлением Протестантизма на Западе — разница та, что оно образовывается в одном и том же Государстве. Спаси Господь от тех последствий, которые нам указывают примеры народов отживших или еще хуже — последствий беспримерных! — по беспримерности характера народа».

Все время Петра Александровича, все заботы связаны с Николо-Бабаевским монастырем. Иногда он сообщает интересные подробности из жизни монастыря. «Вы спрашиваете, не был ли я в Нижнем в приезд Государя? — Нет — но видел преданность

народа к Царственному Дому в приезд Наследника[1], который заезжал к нам на Бабайки, 29 июня слушал Литургию, по окончании которой Преосвященный поднес ему икону (копию с чудотворной) Святителя Николая, сказав: «Ваше Императорское Высочество! Святитель Христов Николай, преподававший душеспасительнейшие советы Царям, да глаголет сердцу Вашему вся благая о Вас Самих и о Православном Русском народе». — Тысячи народа (простой народ, исключительно крестьяне и все бывшие помещиков, потому что в нашем кутке и слухом не слыхать Государственных) собрались и с любовию приняли и глядели на Царственного Юношу.

Он заходил к Преосвященному, пил у него чай и завтракал и удивлялся, что он прежде никогда не видывал Преосвященного, хотя тот постоянно жил около Петербурга. Но Бабайки и теперь не были в маршруте, а посещение это устроилось совершенно неожиданно».

Петр Александрович оказывает большую помощь отцу наместнику монастыря Иустину в налаживании хозяйства, употребляя на это всю свою пенсию, хлопочет о монастырских делах в Синоде. Но главная его забота — издание творений святителя Игнатия. Уже 11 октября 1862 г., то есть спустя всего три с половиной месяца после своего прибытия на Бабайки, он пишет Николаю Николаевичу: «С собою в Петербург я привез некоторые из сочинений Преосвященного Игнатия и намерен попытаться напечатать их. Удастся ли мне это — не знаю, но приложу старания, сколько могу, чтоб исполнить. Трудно потому, что Преосвященный поставил условием, что не принимает никакой Цензурной поправки, изменяющей или ослабляющей выраженную им мысль». Это письмо свидетельствует также и о том, что Преосвященный Игнатий, несмотря на усиливавшееся болезненное состояние, по прибытии в Бабаевский монастырь упорно трудился над редакцией своих сочинений и уже подготовил к печати ряд статей из «Аскетических опытов». Причины, по которым он не соглашался принимать поправки, вытекали из его прежних отношений с цензорами. Они «так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики».

[1] Наследник — Цесаревич Николай Александрович, старший сын Александра II, скончавшийся 12 апреля 1865 г., после чего Наследником был объявлен будущий Александр III.

В своих хлопотах по изданию творений брата Петр Александрович выступал как значимое лицо, как бывший губернатор, с которым приходилось считаться. Несомненно, что успеху этих хлопот способствовала его абсолютная уверенность в сугубой необходимости предпринятого дела: «Утешаюсь, что труд, который был возложен на меня братом, послужит чистым утешением для многих собратьев Христиан, ищущих душеспасительного духовного чтения».

Всего попечениями Петра Александровича при жизни святителя Игнатия были изданы такие важнейшие его творения, как «Слово о смерти», «Чаша Христова», «Слово о спасении и христианском совершенствовании», «Слово о чувственном и духовном видении духов и совещание души с умом» и др., и, наконец, в 1865 г. — два тома «Аскетических опытов» и в 1866 г. — еще два тома: «Аскетическая проповедь» и «Приношение современному монашеству».

«Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднения», — писал святитель Игнатий. В этих словах также — признание труда Петра Александровича Брянчанинова.

Петр Александрович привык к монастырю, привык к монастырской жизни — в душе он уже «был монах». «Живя со стариком — старцем — братом, в его обществе нахожу возможное утешение, а в образе жизни возможно удовлетворительнейшее — по мне — положение». Судя по письмам, единственное большое искушение, которое пришлось пережить ему за эти годы, было связано с его сыном, Алексеем. В 1864 г., наряду с вопросами, связанными с изданием сочинений, тема сына Петра Александровича — племянника Преосвященного Игнатия была основной в переписке братьев. Алексею Петровичу в это время 20 лет. Оставшись младенцем без матери, он до десятилетнего возраста мало виделся и с отцом, вначале оставался с тетей, сестрой матери, затем жил то в Покровском у деда, то у сестры отца, Е. А. Паренсовой, и у других родственников в Вологде. В 1852 г. Петр Александрович, устроившись в Костроме, взял сына к себе и определил его в гимназию, а переместившись в 1855 г. в Ставрополь, увез его с собой. 21 января 1860 г. он писал Н. Н. Муравьеву-Карскому: «На днях я отправил Алешу своего в Москву готовиться к экзаменам в Университет. Будьте сыну то же, что были отцу, которого Вы перевоспитали в Вашего». Также и Преосвященный Игнатий, беспокоясь об Алексее, писал своему доброму знакомому, Преосвящен-

ному Леониду (Краснопевкову): «Позвольте просить милостивого внимания Вашего к подателю сего письма, Алексею Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здешнего Начальника Губернии. Алексей Петрович желает вступить в Московский Университет. Не откажите ему в полезных наставлениях, в которых всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умножении соблазнов, еще более нуждаются. Мой брат — самый религиозный человек; старался воспитать сына в страхе Божием, а теперь, отпуская из своего личного надзора, поручает его Богу и Божиим служителям».

Однако молодой человек, впервые ощутивший свободу, не оправдал доверия отца и дяди и, едва поступив в Университет, вынужден был его оставить. Н. Н. Муравьев-Карский, принимавший в Алексее большое участие, писал Петру Александровичу замечания по поводу его воспитания, на что тот отвечал 14 марта 1860 г.: «Не сетую я за правду — и не оправдываю неумения моего — безуспешность всего предпринимаемого мною, чтоб развить в нем расположение и охоту к труду». А уже 28 ноября того же года сообщал: «В последние месяцы пришлось пережить годы. Сын мой Алексей, выйдя на волю, сначала не сумел распорядиться ею, а потом, оставив определенный ему путь, пошел жить в монастырь, Настоятель которого, человек весьма нравственный, оказал ему милость, приняв юношу под покровительственное начальство свое». Настоятель, о котором писал Петр Александрович, это друг молодости святителя Игнатия, тогдашний архимандрит Николо-Угрешского монастыря Пимен (Мясников). А святитель Игнатий по этому же поводу писал своей сестре, Е. А. Паренсовой: «Об Алексее Петровиче пишут, что он поживает в монастыре благополучно. Дай Бог, чтобы он удержался и укрепился. Настоятель Угрешского монастыря — Вологодский уроженец и в Алексее души не слышит: а как настоятель очень нравствен, то это для Алексея великая находка. Здесь молодой человек не сказал никому ни слова о своем намерении; да видно и намерения не было, а оно явилось в Москве, когда он увидел скользкость широкого пути в свете, на котором по слабости своего характера он не мог бы удержаться в нормальном положении, что он прямо высказал в письме отцу и что отец, знающий его характер, нашел основательным».

Алексей Петрович пробыл в Угрешском монастыре до ухода дяди своего, епископа Игнатия на покой, после чего переместился к нему в Николо-Бабаевский монастырь, куда 22 июня

1862 г. прибыл и его отец. «Алеша был наружно и внутренне похож на мать, — писала его двоюродная сестра, А. Н. Купреянова, — веселая мягкость его характера и бьющая ключом жизнерадостность мешали ему сделаться в душе монахом». Дядя его, епископ Игнатий прозорливо предвидел, что монашеский удел не для Алексея и потому отказал ему в свое время в постриге. Отец его, напротив, хотел видеть сына — монахом и был разочарован, что так не получилось. «Нисколько не смутись выходом Алексея из монастыря, — писал ему святитель Игнатий. — Насильственному и фальшивому его положению в монастыре непременно должен был последовать какой-либо исход. Слава Богу, что исход устраивается разумный, а не комический или трагический». Эту же мысль Святитель повторял и в следующих письмах. В продолжение нескольких месяцев дядя уделял Алексею большое внимание, он специально беседовал с ним, чтобы отвратить его от дальнейших ошибок и наставить на будущую жизнь. «По особенной милости Божией, Алексей начинает усматривать всю неправильность своего вступления в монастырь и своего поведения в монастыре. Я стараюсь ему помогать в необходимом для него покаянии, выказывая точно так, как тебе написано, фальшивость и мрачность его поступков, чтобы покаяние его было истинным и послужило прочным основанием для предлежащего ему течения по поприщу земной жизни. ... Он понял, что слова мои, несмотря на наружную горесть их, существенно полезны для него. Дело дошло до того, что он просит меня на будущее время не оставлять его... что я ему и обещал». Святителю Игнатию удалось убедить брата, что будущее его сына не в монастыре; 25 апреля 1864 г. он писал сестре, Е. А. Паренсовой: «Петр Александрович в Петербурге; полагает приехать сюда во второй половине мая, и потом, взяв Алексея, отправиться в Вологду. Кажется, что дитя понимает значение своего проступка — вступления в монастырь с целию прикрыть этим то поведение, которое он допустил себе в Москве и по причине которого он не мог оставаться в Университете. Служба в Вологде есть наилучшее для него положение: потому что во всяком другом месте его ожидает увлечение, особливо в столицах». И наконец, 4 июля 1865 г. Петр Александрович сообщает Н. Н. Муравьеву-Карскому: «Алеша назначен чиновником особых поручений при Вологодском Губернаторе, ростом догнал меня».

Алексей Петрович с годами остепенился, «перешел к правильному и прочному настроению христианина» и сохранил это на-

строение на всю жизнь. Он переехал в Петербург, сдал экзамены за университет. Поступил на службу и закончил ее в должности Управляющего делами Комитета министров в чине тайного советника, в звании сенатора. Но остался бессемейным[1].

И вот, спустя тридцать лет после начала переписки, последнее письмо Петра Александровича Брянчанинова Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому от 4 июля 1966 г.: «Чувство искреннего, как бы сыновнего почитания приводит меня к Вам с приветом поздравления Вас с наступающим днем рождения Вашего и благопожеланиями моими Вам всего лучшего, возможного человекам в земной жизни их. ...»

А 5 ноября 1866 г. Николай Николаевич скончался.

Горечь этой утраты, конечно, была бы гораздо острее, если бы не возникшая в последние годы особенная близость Петра Александровича с братом — Преосвященным Игнатием. А. Н. Купреянова пишет в своих воспоминаниях: «Величественный с нами, Петр Александрович держался перед братом почтительно... Он жил в Бабайках при брате мирянином... все понимали, что он в душе монах и держит монашеское правило, хотя и не принимает пострижения, быть может, для того, чтобы ему удобнее было хлопотать по поводу сочинений владыки». Преосвященный Игнатий уделял брату очень большое внимание, заботясь о его духовном преуспеянии, которому, по его мнению, весьма способствовали труды Петра Александровича: «Промысл Божий доставил Тебе такие труды, которыми приготовляется истинное, сердечное, духовное безмолвие, основанное на служении духа, а потому чуждое прелести, труды, которыми устраивается такому безмолвию прочное основание». Петр Александрович, живя в монастыре, ежедневно наблюдая монашествующих, стремился подражать им в их образе жизни. Святитель Игнатий предостерегал его, находя такое стремление преждевременным: «К келейному безмолвию ты еще не созрел». То же он писал и относительно исповеди: «Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сору, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматрива-

[1] После кончины отца к Алексею Петровичу перешли наследственные права на издание творений Преосвященного Игнатия. По соглашению с ним книгоиздательство И. Л. Тузова в 1893–1906 гг. осуществило издание нескольких отдельных произведений Преосвященного, также 4-е издание «Отечника» и третье издание пяти томов: первого, второго и третьего — «Аскетические опыты», четвертого — «Аскетическая проповедь и письма к мирянам», пятого — «Приношение современному монашеству».

ние их не входи. Святые Отцы очень запрещают это тем, которые не могут правильно рассматривать себя: такое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство». Из писем видно, что Петра Александровича особенно волновали мысли об умной молитве, о правильной молитве. «Говорил я тебе о необходимости отсекать волю твою, — писал ему Святитель. — Это относится именно к молитвенному подвигу. Ты должен отречься сам в себе от всякого сознания в достоинстве и преуспеянии, и в нищете духа (что и есть отсечение воли), во внимании словам и страхе Божием предстоять мысленно Богу, вопиять о помиловании и всего ожидать от милости Божией». И далее: «На днях прочитал я внимательно "Слово о Иисусовой молитве". В нем со всею ясностию изложено, что моление с заключением ума в слова молитвы есть самое полезное и безопасное, что механизм чрез ноздренное дыхание с усилием взойти умом в сердце воспрещен святыми Отцами для не созревших к такому молению! Тебе необходимо молиться первым способом, принимая в руководство общее правило и не принимая в руководство исключений из общего правила». И снова, настаивая на этом правиле: «Весьма ошибочно твое искание места сердечного! Если будешь заключать ум в слова, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо молиться при этом сочувствии. Такая молитва есть молитва покаяния. Когда же чрез покаяние очистится человек, то место сердечное обозначится само собою». И в последующих письмах Святитель еще не раз возвращался к пояснениям о молитвенном подвиге: «Если оставишь всякое стремление к мнимому преуспеянию, возложив дело преуспеяния Твоего на Бога и вручив временную и вечную участь Твою воле Божией, — будешь заботиться при молитве Твоей единственно о внимании... то молитвенный подвиг Твой получит правильность. Это значительно успокоит Тебя».

Письма последних лет жизни святителя Игнатия к его брату чрезвычайно важны не только для характеристики деятельности и образа жизни Петра Александровича, но и потому, что позволяют более подробно узнать, как прожил эти годы сам их автор. Потому что никакие слова ни в одном из его жизнеописаний не дают такого представления об огромной силе духа, о непрестанной работе его мысли, об огромном чувстве ответственности за каждое предпринятое им дело, какое можно получить из этих собственноручных писем Святителя. О его требовательности в отношении отделки — смысловой и литературной — своих сочинений

П. А. Брянчанинов писал: «В молодости своей еще юнкером, инженерным офицером, находясь часто в кругу современных литераторов и пользуясь особым расположением одного из них, Гнедича, Преосвященный Игнатий принял за правило и часто повторял совет Гнедича: чтоб сочинения, писанные до сорока лет, без всякого исключения считать решительно неоконченными, в том убеждении, что с этих только лет в авторе может быть признаваема достаточная зрелость ума, опыта и вкуса, а потому все, вышедшее из-под пера до сорока лет, следует не издавать печатно, а оставлять до упомянутого периода жизни, в который, пересмотрев сочинение, переправить оное и тогда произнести о нем свой суд или отдавать в печать, или уничтожить. Это правило, которого держался Преосвященный Игнатий, служит объяснением того, почему он, говоря о своих сочинениях, считает все, написанное им до сорока лет, как бы несуществующими, а те, которые написаны им в сорокалетнем возрасте, он признает незрелыми относительно настоящей духовной высоты его понимания». Именно этой переправке, отделке, редакции своих сочинений посвятил святитель Игнатий последние годы жизни.

«С прошедшей весны я почувствовал себя особенно слабым»; «В июле месяце я доходил до крайнего изнеможения, и теперь плох. Совсем нет сил»; «Боли сердца увеличились и действуют на весь организм», — пишет Святитель родным. И в то же самое время он упорно трудится над «Отечником». «Занимаюсь Изречениями. Какое было время для монашества! Какое обилие духовных старцев! Сколько было тогда созидающих ближнего! А ныне сколько разрушающих и губящих ближнего!» — это писалось за два года до его кончины! «Ищу, как сокровищ, замечаний, исходящих из истинного расположения и из знания». И посылая в Оптину Пустынь вышедшие из печати два первые тома сочинений, просит старцев: «Вместе с тем предлагаю Вам мою покорнейшую просьбу, исполнение которой сочту для себя величайшим одолжением. Примите на себя труд составить на эту книгу замечания, нисколько не стесняясь и не останавливаясь от какого-либо замечания, при мысли, что оно может огорчить меня».

А в письме Петру Александровичу: «Желаю пересмотреть последние два тома наиболее и почти единственно для слога. Самые "Опыты" требуют пересмотра, что я и намерен сделать, на всякий случай. Всегда признавал я строгую критику, тщательный пересмотр и беспощадное очищение лучшими средствами к доставлению сочинениям совершенства». Эти мысли занима-

ли святителя Игнатия до самых последних дней его земной жизни: «Странна судьба последней статьи 4-го тома! Нужны были 36-ть лет, чтоб ей вызреть, и потом уже появиться печатно. Теперь странно действие ее!.. Многие... рыдают над ней», — писал он за пять дней до перехода в вечность!

И вот пришло время расставания.

При всей болезненности святителя Игнатия, кончина его была неожиданной для близких ему людей. Для Петра Александровича она стала жестоким ударом. Его племянница, Александра Васильевна Жандр, писала тогда Преосвященному Леониду (Краснопевкову): «То утешение, которое я сама получила от Вашего Преосвященства, заставляет меня просить Вас не оставить без слова письменного утешения — дядю моего Петра Александровича. Он очень скорбит о своем сиротстве: и это понятно, потому что на земле у него не осталось другой такой опоры, такого Друга, такого духовного Отца и Наставника, каким был для него покойный Владыка». Сам Петр Александрович, немного оправившись от удара, счел необходимым по свежей памяти составить «Описание обстоятельств кончины покойного Святителя»[1]. Два экземпляра этого «Описания» он направил Преосвященному Леониду: один для него, второй — для Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета. В ответ Преосвященный Леонид писал: «Надобно было почтить Вашу печаль молчанием или кратким только словом ограничиться, пока свежа была рана, внезапно нанесенная Вашему сердцу кончиною Вашего брата по плоти, отца по духу. Рана так глубока, что и теперь прикосновение к ней не может не произвести болезненного ощущения; но теперь в молитве и смирении Вы, конечно, уже нашли врачевство и оно начинает производить свое действие. ...

Думается, что со временем могли бы Вы для пользы иночества извлечь из его писаний то, что особенно общедоступно, понятно и назидательно для тех иноков, кои человеческою мудростию не богаты, но духом в Бога богатеют, а также и то, что полезно для простых читателей мирян».

Пожелание «сохранить для веков» память о Преосвященном Игнатии высказал и архиепископ Костромской Платон: «На вас, достопочтеннейший Петр Александрович, лежит обязанность собрать все, какие только возможно, сведения о жизни и деятельности Преосвященного Игнатия. Вы знаете и места и лица, откуда можно получить сведения. Собирайте всякое сказание,

[1] Полностью вошло в Жизнеописание Святителя.

всякое сведение. Обязанность эта возлагается на вас не связью только родственною с почившим, но и Церковию. Вас никто не может в этом случае заменить. Ни на час не откладывайте сего дела, возлагаемого на вас Церковию. Люди преходят, и ныне бывает сделать невозможно то, что вчера не стоило ничего сделать. Запишите, что сами слышали от покойного. Соберите и сохраните все письма его»; и через некоторое время снова напоминал ему: «Не забудьте, достопочтеннейший Петр Александрович, мою просьбу о собрании всех доступных вам сведений о Преосвященном Игнатии. Если время и обстоятельства теперь не позволят всему явиться на свет, то все пригодится к другому времени. Вы обязаны принять на себя это послушание: не как брат только, но как православный христианин, желающий блага Церкви».

Петр Александрович и сам понимал, что обязан сделать все от него зависящее для сохранения памяти своего выдающегося брата-аскета и подвижника. Наряду с занятиями по изданию его творений он начал привлекать близких ему людей для написания воспоминаний о нем. В 1875 г. он обратился к Павлу Петровичу Яковлеву с письмом: «Имею намерение предложить Вам и просить Вас, не признаете ли возможным посодействовать составлению жизнеописания покойного святителя Игнатия очертанием его служебной деятельности Настоятеля Сергиевой Пустыни и благочинного монастырей СП-бургской Епархии. Описание общее начал я составлять и дошел до поступления в Александро-Свирский монастырь». Кроме П. П. Яковлева, сотрудниками Петра Александровича по составлению Жизнеописания Святителя Игнатия, которое вышло в свет в 1881 г., были М. В. Чихачев, отец архимандрит Игнатий (Малышев), С. И. Снессорева, родственники Святителя.

В своем Завещании, составленном на имя Петра Александровича Брянчанинова, святитель Игнатий записал: «Сочинения мои, остающиеся в рукописях, передаю сполна в Ваши собственность и распоряжение». Теперь, после кончины Святителя, основной жизненной задачей Петра Александровича было приведение в порядок и издание его сочинений, которые не были еще напечатаны. Этим он и будет заниматься до конца своих дней. Внешне же жизнь его не изменилась. Он оставался в Николо-Бабаевском монастыре при архимандрите Иустине, с которым находился в самых близких дружеских отношениях. Помогал ему в монастырских делах, особенно заботясь о строительстве храма во имя Иверской иконы Божией Матери, на которое еще при жизни брата по-

жертвовал около 5 тысяч рублей — все свое состояние, и теперь отдавал большую часть пенсии. По издательским делам, по делам монастыря часто выезжал в Санкт-Петербург и в Москву.

Всю свою сознательную жизнь Петр Александрович привык изливать в письмах свои чувства, переживания, рассказывать о своих жизненных обстоятельствах и получать взамен слова сочувствия и добрые советы при разных недоумениях. Вначале — в переписке с Н. Н. Муравьевым-Карским, с 1852 г. — также с братом, святителем Игнатием. Теперь не стало этих корреспондентов и чувство одиночества от этого еще более усугублялось. Вскоре, однако, милосердый Промысл Божий послал ему неожиданного друга. В начале 70-х гг. монастырь посетила знаменитая игумения Усть-Медведицкого Преображенского монастыря войска Донского матушка Арсения (1833–1905) — в миру Анна Михайловна Себрякова — из богатой дворянской семьи, прекрасно образованная, в монастырь поступила в 17-летнем возрасте, через четыре года была пострижена в рясофор, а еще через пять лет — в мантию. В 1864 г. на 31-м году жизни она была посвящена в сан игумении (по смерти ее предшественницы, матушки Вирсавии). Игумения Арсения всегда интересовалась духовной литературой, и, когда вышли из печати творения святителя Игнатия, она была поражена высоким словом его произведений. Узнав, что ближайшие ученики и родной брат почившего уже Святителя проживают в Николо-Бабаевском монастыре, она, бывши в Москве, проехала туда, чтобы поклониться его праху. Встретив в лице архимандрита Иустина и Петра Александровича родственные души, она стала горячей почитательницей певческого таланта первого, а во втором обрела собственного почитателя и деятельного помощника в монастырских трудах. Как раз в это время она задумала строить в своем монастыре храм во имя иконы Казанской Божией Матери. Увидав в Бабайках почти завершенный строительством храм по проекту архитектора И. И. Горностаева, она, с помощью Петра Александровича, привлекла этого архитектора к работе над проектом своего храма (который явился впоследствии как замечательный шедевр церковного строительства). Петр Александрович, часто бывая в столицах, помогал матушке Арсении в оформлении разных документов, помогал и своими денежными средствами. И между ними завязалась самая откровенная дружеская переписка. После кончины Петра Александровича «остался целый том матушкиных писем к нему», часть из которых приводится ниже.

Еще одним другом Петра Александровича явилась «выдающаяся труженица на ниве Божией», игумения Антония, настоятельница Московских монастырей Страстного (1861–1871) и Алексеевского (1871–1897). Матушка Антония (1821–1897) — в миру Александра Николаевна Троилина, получила прекрасное образование, была талантливая музыкантша и в юности выступала как солистка на фортепиано с полным оркестром. После долгого сопротивления отца, она в 19 лет поступила в Спасо-Бородинский монастырь, где до самой кончины игумении Марии (Тучковой) оставалась ее любимейшей послушницей и помощницей в ведении монастырских книг. Там, в 1847 г. она познакомилась с посетившим монастырь архимандритом Игнатием Брянчаниновым. Конечно, и ее он имел в виду, когда писал, что «многие сестры с хорошим светским образованием». Пострижение ее состоялось в 1858 г.

Ее «светлые умственные способности» привлекли внимание Митрополита Филарета, который посоветовал ей, после кончины игумении Марии, перейти в Аносин-Борисоглебский монастырь, а в 1861 г. назначил ее игуменией Московского Страстного монастыря. Своей активной деятельностью по восстановлению монастыря она производила большое впечатление на Преосвященного викария Леонида (Краснопевкова), который рекомендовал ее Митрополиту Иннокентию, и тот пожелал перевести ее (после кончины игумении Паисии) в Московский Алексеевский монастырь. Перевод состоялся 4 февраля 1871 г. Здесь она сразу же озаботилась введением общежительного устава, уже в мае этого же года, в присутствии Преосвященного Леонида, осуществила закладку двухэтажного каменного здания, а 21 ноября оно уже было освящено Митрополитом Иннокентием; организовала рукодельные мастерские: золотошвейную, живописную, переплетную и т. д. «Достойным венцом ее строительных работ является возведение роскошного храма во имя Всех Святых».

Свою любовь к музыке матушка Антония вложила в церковное пение, что ее особенно сблизило с архимандритом Николо-Бабаевского монастыря Иустином. А с Петром Александровичем она близко познакомилась еще при жизни святителя Игнатия. Он был очень расположен к матушке Антонии, навещал ее во время приездов в Москву. Она выражала ему живейшее сочувствие в связи с кончиной его брата; 10 октября 1868 г. он отвечал ей: «Милостивейшее письмо Ваше от 1 октября я имел

утешение получить и принял как благословение лица многочтимого мною по духу учения его древне-отеческому, по жизни, проникнутой этим учением, лица, память о котором сохранял — по этой же причине — всегда и в Бозе почивший святитель епископ Игнатий!»

Петр Александрович и в этом случае принимал самое деятельное участие во внешнем устроении и украшении монастыря, а матушка Антония помогала ему и архимандриту Иустину в сборе средств на окончание строительства храма в Николо-Бабаевском монастыре. Она сама неоднократно бывала в этом монастыре: приезжала, чтобы поклониться праху чтимого ею святителя Игнатия, а также чтобы послушать певчих и самого архимандрита Иустина. В письме от 23 декабря 1882 г. Петр Александрович, отвечая на полученное от нее письмо, называет его «словом духовного смирения, терпения и преданности воле Божией в постоянно неизменной любви к ближнему, выраженной соболезнованием и сочувствием и к его радостям и к его горям... В этом основании Ваших отношений к ближнему — причина такого общего благоговейно-преданного расположения к Вам всех, кто приведен был Промыслом Божиим к знакомству с Вами».

Последнее из обнаруженных в архиве писем Петра Александровича к игумении Антонии написано 13 марта 1889 г.:

«Достопочтенная Матушка Игумения Антония! Милостивое письмо Ваше от 20 февраля я имел честь и утешение получить. Душевно благодарю Вас за слово и чувство милости ко мне, выраженные как в благожелательном привете, так и в назидательном примере истинного о Господе единения.

Примите мое почтительнейшее поздравление с наступающим храмовым праздником Святой обители Вашей. Батюшка Отец Архимандрит Иустин поручил мне передать Вам его поздравление и искреннейшие благопожелания обретения радости утешения духовного. О. Иустин не нарадуется, что Господь послал нам Епископа монаха.

Поручая себя покрову Ваших святых молитв и испрашивая Вашего благодатного благословения, остаюсь с чувством искренней о Господе преданности Вашим неизменным послушником

П. Брянчанинов.

P. S. Всем вашим присным сестрам усердно кланяюсь, прося их святых молитв»[1].

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 11.

Упоминание о Петре Александровиче Брянчанинове имеется в недавно опубликованных дневниковых записях еще одной игумении. Это настоятельница Московского Сретенского монастыря Евгения (в миру Евдокия Семеновна Озерова). 13 октября 1880 г. она записала: «Сегодня были в Алексеевском монастыре. Там встретила нового своего знакомого, Петра Александровича Брянчанинова, брата известного епископа Игнатия (Брянчанинова), окончившего жизнь на покое в Бабаевском монастыре и проходившего подвиг умной Иисусовой молитвы.

Петр Александрович человек умный, старичок, был губернатором в Ставрополе, где епископствовал брат его, в одно время с ним. Человек начитанный и духовно направленный, много видевший, слышавший от разных лиц, весьма приятный.

Беседуя о книгах и о подвижниках, коснулась речь о. Серафима Саровского, его дивной жизни, необыкновенных подвигов, покровительства и по кончине Дивеевской обители. ...

Много еще рассказывал Петр Александрович о Дивеевской пустыни и о предстательстве о. Серафима за дивеевских сирот, как он их называл. Много писали жизнеописаний о. Серафима, но самое справедливое о нем сказание иеромонаха Саровской пустыни Авеля. Но теперь его уже трудно найти, оно не было перепечатано.

День провели весьма приятно. Когда встречаешься с личностью серьезною и духовно направленною, отдыхает душа. Разговор ведется без осуждений, без пустоты, чувствуется, что беседуют христиане, возросшие уже, а не дети умом и расположениями»[2].

Общение с этими великими подвижницами согревало душу Петра Александровича на протяжении 24-х лет, которые ему довелось прожить после ухода его брата, святителя Игнатия.

Скучать ему тоже не приходилось, он был занят выполнением задачи, которую сам перед собой поставил. Уже в 1867 г. он издал на свои средства «Судьбы Божии: Предсмертное творение епископа Игнатия (Брянчанинова), жительствовавшего на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии» — со своим предисловием. В следующем году — так же — «О терпении скорбей, учение святых Отцов, собранное епископом Игнатием, жительствовавшим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии»; и в 1869–1870 гг. еще восемь изданий он осуществил на свой счет. Кроме того, в 1870 г. в типографии И. И. Глазунова был напечатан капитальный труд Святителя — «Отечник» с заголов-

[1] Альманах «Дворянское собрание». М., 1997. № 6. С. 163–164.

ком: «Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (с его же Вступлением и заключением)». В последующие годы издания продолжались. Наконец, в 1886 г. было осуществлено второе издание, исправленное и пополненное, «Сочинений епископа Игнатия Брянчанинова» в пяти томах.

Эти труды Петра Александровича Брянчанинова явились главным делом его жизни, ими он заслужил признание и благодарную память следующих поколений.

В 1885 г. Петр Александрович был пострижен архимандритом Иустином в монашество с именем Павел. Скончался он в Бабайках 25 июля 1891 г. П. П. Яковлев писал: «Отпевание Петра Александровича совершено 29-го числа о. Ильею[1] с приехавшим из Невской Лавры иеромонахом Вениамином[2].

Скончался 25-го в 11 ч. ночи.

Могила рядом с покойным архимандритом Арсением — справа от него, если идти в Собор.

Сын Алексей Петрович один час не захватил его в живых.

Отпевание было монашеское с именем Павла (пострижен о. Архимандритом 6 лет назад).

Он постепенно в течение года угасал».

Письма святителя Игнатия к брату Петру Александровичу Брянчанинову

№ 1

Что сказать Тебе в ответ на Твои мысли об удалении от мира? Господь, благословивший и установивший такое удаление, вместе с тем заповедал сперва сосчитать имение свое — достаточно ли оно для созидания этой высокой жизни, — и количество сил своих для борьбы с силами противными. Советую Тебе сводить этот счет молитвою, отдаваясь на волю Божию. Я сколько ни молил Бога, чтобы даровал мне уединенную жизнь, но и до сих пор остаюсь в Сергиевой Пустыни, подвергаясь развлечениям различного рода. Недостаточно, чтоб мы хотели: надо, чтоб воле Божией сообразно было наше хотение. Мы хотим теперь, а Бог уготовляет иногда это же самое чрез многие годы. В настоящее время ты необходим для Алеши, на которого, в случае твоего

[1] Настоятель Николо-Бабаевского монастыря после архимандрита Иустина. ‖ [2] Бывший последний келейник святителя Игнатия — Василий Павлов.

удаления, с полным правом накинется его дед и сделает его несчастным по душе и по телу.

Описанные Тобою видения не должны привлекать твоего внимания: путь Л. А. особенный, а от таких особенностей Св. Отцы велят отстраняться тем, которым предназначено идти общим христианским путем. Мой совет — занимайся душеполезным чтением, им руководствуйся в действиях, врачуй покаянием согрешения, и предавайся воле Божией, предлагая Богу тайную мысль свою и намерение.

20 июня 1852 года

№ 2

Много виноват перед тобою тем, что долго не отвечал на письмо твое по известной тебе моей хворости и множеству занятий, увеличившихся ныне великопостною службою. Первую неделю служил сам ежедневно, и сил только хватало на служение и на необходимый прием посетителей.

В духовнике, по мнению моему, великое достоинство — простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований. Есть строгие, есть умные: но строгие и умные по-своему никуда не годятся для душевного назидания. И строгий, и умный, и милостивый, и снисходительный, и простосердечный, но верный сын Церкви, могут быть одинаково полезны. Да дарует тебе Бог духовника по желанию твоему.

28 марта 1853 года

№ 3

Весьма благоразумно делаешь, что не сводишь близкого знакомства ни с одним духовным лицом: такое знакомство может очень легко послужить ко вреду и весьма, весьма редко к пользе. Советуйся с книгами Святителя Тихона, Димитрия Ростовского и Георгия Затворника, а из древних — Златоуста; говори духовнику грехи Твои — и только. Люди нашего века, в рясе ли они, или во фраке, прежде всего внушают осторожность. Молитвы читай утром и вечером следующие: Трисвятое, Отче наш, 12 Господи помилуй, Псалом 50-й, Символ веры, Богородице и некоторые поминания; после сего клади 10 поясных поклонов с молитвою: Боже, очисти мя грешного.

29 апреля 1853 года

№ 4

Воодушевление народа (по случаю войны) здесь необыкновенно. Смешны французы и англичане! Фактически доказывают, что России необходимо владеть Босфором, без чего ее береговые владения на Черном море всегда могут подвергаться, и на большем протяжении, нападению врагов.

18 сентября 1854 года

№ 5

Николай Николаевич [Муравьев] глубоко добрый человек. Многие отнюдь не подозревают в нем этого качества, напротив того, считают холодным, потому что он не льстив и не ласков, между тем как истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине — ласковости и льстивости, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних.

3 августа 1855 года

№ 6

Мне бы желалось переслать к тебе «Слово о смерти»; надеюсь это сделать по прошествии некоторого времени, когда мы справимся здесь с этою статьею, потому что она очень велика, с подробностью излагает таинство смертное и показывает, как надо жить, чтобы умереть благополучно.

Мое здоровье очень плохо: совсем не выношу воздуха: пока в келлии — чувствую себя порядочно, лишь вышел, как начинаю пухнуть.

17 сентября 1855 года

№ 7

Мое желание переместиться из шумной Сергиевой пустыни в уединение, чтобы там тщательнее приготовиться к переходу в вечность, разгорается более и более. Когда получу от тебя письмо из Ставрополя, тогда напишу об этом подробнее.

5 февраля 1856 года

№ 8

Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспламеняюсь сердечною ревностию достигнуть той цели, для кото-

рой Дух Святый установил в Церкви монашество. Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений мира, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя Царей, когда Он призовет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святого Духа освободит его от насилия страстей и введет в предвкушение вечного блаженства. Людей, достигших сего, случалось видеть.

Но что приобрели прочие люди, гонявшиеся за суетою в течение всей своей земной жизни? Ничего; а если и приобрели что временное, то оно отнято у них неумолимою и неизбежною смертию, которая оставила при них одни грехи их. Посему велика милость Божия к тому человеку, которого сердце не вполне прилепилось к земле и которого Бог призывает к монашеской жизни таинственным призванием. *Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец Ваших* (Евр. 3. 7, 8, 15).

Вот мой ответ на твое намерение окончить дни твои в монастыре для покаяния и для прочного примирения с Богом.

Относительно же сына твоего: нелицеприятный Бог принял и его желание, только в настоящее время этого исполнить невозможно, не потому, чтобы дитя не могло вступить в монастырь, но потому, что в наше время монастыри находятся в ужаснейшем положении, и многие хорошие люди, вступив в них без должного приготовления, расстроились и погибли. Пусть Алеша приучает себя к монастырскому послушанию послушанием родителю; пусть приготовляет себе занятия в монастыре, соответственные своему происхождению, правилам и силам, тщательным изучением наук, русской литературы, языков, хорошо бы латинского и греческого, между прочим. Не надо пренебрегать и каллиграфией. Ученость дает возможность сохранить в монастыре уединение при келейных занятиях и может сделать инока полезным обществу в нравственном отношении.

Для уединенного жительства и для удобства к покаянию у меня есть в виду Оптина пустынь, Калужской губернии, близ города Козельска, в пяти верстах. Удобства этого места суть: при пустыни находится скит, куда запрещен вход женскому полу, окруженный мачтовыми соснами, следовательно, защищенный от ветра вполне; в этом скиту живет довольно дворян. Под руководством старца, также из дворян, весьма хорошей жизни, занимаются переводом с греческого Св. Отцов и изданием их. Вот

нравственная сторона: есть уединение и есть духовное общество, свое, благородное, а этого нет ни в одном монастыре русском. Св. Пимен Великий сказал: всего важнее хорошее общество. И так, что особенно важно в мирском быту для благовоспитанного человека, то остается особенно важным в монашестве. Это, важное для нас, будет чрезвычайно важно для тех юношей, которые будут сопутствовать нам: умирая, мы будем утешаться мыслию, что оставляем их на хороших руках. В материальном отношении Оптина пустынь также хороша: невыгодная сторона состоит в том, что живой рыбы мало и дорога, также и дрова дороги.

На мысль об учреждении своего нового монастыря скажу, что заведение своего монастыря повлечет нас к материальным попечениям, кои будут препятствовать попечению о наших душах. Сильная зависимость нашего духовного состояния от нашего наружного состояния и познание человека, заимствованное из опытных наставлений Св. Отцов, приводит к тому заключению, что гораздо больше можно преуспеть, живя странниками и пришельцами в чужой стороне, нежели если б мы основали монастырек на своей родине, где нас все знают и многие уважают. Вот мое суждение о нашем общем жительстве, может быть, в единонадесятый час нашей земной жизни.

Что касается собственно до меня, то я обязан многим людям за многое, и между прочим за дружеское расположение, мною ничем не заслуженное, я обязан Николаю Николаевичу [Муравьеву]. Но Богу я обязан безмерно: потому что Он посетил меня милостию свыше, которой я должен соответствовать моим поведением. Это соответствие может заключаться, по моему мнению, только в том, если я проведу остаток дней моих в глубоком и строгом уединении. Это непонятно для других, для которых сокрыта моя совесть и которые могут судить о мне только по наружности, но для меня вполне ясно. Всякая добродетель с развлечением — не моя. Искание или желание какого-либо высшего сана для меня — грех и безумие. Если увидишься с Николаем Николаевичем, то объясни ему это. Впрочем, я и сам хочу написать ему и просить его, чтоб он оставил свои виды на меня. По особенному недоверию так именуемого духовного звания к дворянству, представятся Николаю Николаевичу большие затруднения в исполнении его намерения, даже можно предсказывать верную неудачу. Я не желаю, чтобы он компрометировал себя ради меня; не желаю, чтоб из-за меня высшие духовные лица взволновались; наконец, и для себя нахожу более выгодным уда-

ление, нежели возвышение, и возвышение бесплодное, на короткое время остатка земной жизни.

Призывающий на тебя...

14 февраля 1856 года

№ 9

Господь да исполнит твои благочестивые намерения и да укажет Тебе путь, по которому возможешь приблизиться к Нему. О сем и ты молись. Что-нибудь решительное тебе тогда только можно будет предпринять, когда я перемещусь в Оптину; если Н. Н. захочет переместить тебя в Тифлис, перемещайся в видах пользы его самого; многие им приближенные худо ему платят!

3 апреля 1856 года

№ 10

Любезнейший Друг и Брат, Петр Александрович!

На письмо твое от 24 апреля, полученное мною в Петербурге, отвечаю из Оптиной пустыни, находящейся в Калужской губернии, в 4-х верстах от города Козельска. — Скажу тебе, что я очень рад, что ты мог уклониться от управления имением Николая Николаевича. Пожертвование, которое человек приносит собою достойному человеку, особливо когда с таким пожертвованием соединена польза отечества, — прекрасно; но пожертвование собою Богу, Которому мы и без того принадлежим, несравненно превосходнее. Сверх того, последнее пожертвование, собственно, для нас необходимо; необходимо нам прежде смерти примириться и соединиться с Богом, посредством покаяния, чтоб не услышать на суде Его: «Не вем вас: отыдите от Мене, называвшие Меня Господом своим и нарушавшие Мои заповедания». Живя в Сергиевой пустыни, которая все-таки монастырь, я не выдерживаю напора волн и вихрей житейских, часто колеблюсь и падаю; что ж сказать о жизни в полной зависимости от мира и посреде его?

В таком убеждении я захотел соглядать собственными очами Оптину пустыню, которая в настоящее время есть бесспорно лучший монастырь в России в нравственном отношении, особливо Скит ее, находящийся в 100 саженях от самой Пустыни, огражденный со всех сторон вековыми соснами, на песчаном грунте, недоступный для женского пола, может удовлетворить благочестивым желаниям отшельника в наш век. В нем живет много дворян, занимающихся духовною литературою; но тамошнее сокро-

вище — духовник, или старец их, в руках которого нравственное руководство скитской братии и большей части братий монастырских, т. е. всех благонамеренных и преуспевающих в добродетели. Он — из дворян, 68-ми лет; со мною в самых дружеских отношениях. Соображая потребности души моей и моего тела, я избрал скит местом для окончания дней моих в безмолвии и, чтоб дать этому начинанию некоторую прочность, покупаю корпус деревянных келлий. При этом деле я упомянул здешним главным инокам, беседовавшим со мною, и о тебе. Келлии требуют поправки, даже перестройки: для жительства они будут годны лишь к лету 1858-го года. Таковы мои собственные действия, в которых явствует мое произволение и суждение; но это произволение, это суждение, эти действия вручаю Воле Божией, моля Ее руководить мною и располагать по Ее премудрым и всеблагим целям.

Весьма хорошо сделаешь, отдав Алешу в семейство Муравьевых и потому, что образовать его в Тифлисе гораздо удобнее, и потому, что тебе, вероятно, придется проводить много времени в разъездах. Кроме того, молодой человек, воспитываясь на чужих руках, лучше обтирается; семейство же Муравьева строгой нравственности. Николай Николаевич, кажется, прочен на своем месте. Много было толков в Петербурге, что с ним никто не уживается, что по этой причине дадут ему другое назначение; но пред моим отъездом уже толковали, что не уживаются с ним взяточники и прочие лица, расположенные к злоупотреблениям, что по этой причине надо подержать его на Кавказе, чтоб он успел истребить гнездо взяточников и завести семью благонамеренных людей.

Остается мне пожелать Тебе благополучного лечения в Пятигорске, о чем не оставь написать по окончании курса вод подробно, и прочих всех временных и вечных благ.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
11 июня 1856 года

№ 11

На намерение наше нужно Божие благоволение и благословение, особливо в наше время, в которое страсть к деньгам прокралась во все сословия и саны, заглушила и подавила все благие побуждения и все священнейшие обязанности.

Хотелось бы написать статью «Человек», с тою целью, чтобы уяснить цель существования человека на земле; но не знаю, буду ли иметь время на это занятие и возможность, потому что для та-

ких занятий нужно уединение и здоровье. Того и другого я почти лишен. Грудь ужасно слаба, и силы очень слабы; истощаюсь чрезвычайно скоро от самого малого труда, особливо письменного.

12 июля 1856 года

№ 12

Любезнейший Друг и Брат, Петр Александрович!

Письмо твое от 26-го июля я получил 13-го августа. Прежде всего скажу тебе в дополнение к прежним письмам, что, несмотря на мое желание остаться в Оптиной пустыни, я не сошелся с настоятелем ее, и потому время удаления моего из Сергиевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божию. Приходится жить иначе, нежели как рассуждается. Такова участь не одного меня. По человеческому суждению общество скита Оптинского и духовник — отец Макарий — лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянию христианства и монашества в России, но Промысл Божий, руководящий нашей участью, мудрее суждения человеческого.

Относительно книги для чтения, к сожалению, должно сказать, что у нас удовлетворительно объясняющей христианство нет. За неимением лучшей, полагаю прислать Богословие Макария, которая много повреждена школьною системой, данною книге. Странно видеть систему, по которой изложены механика, аналитика и прочее тому подобное, приложенное к изучению Бога! Впрочем, эта книга есть наилучшая у нас.

Очень радуюсь, что воды подействовали благодетельно на Алешу. Может быть, к тому времени, как он будет в состоянии управлять сам собою, твое желание уединения сделается удобоисполнимее.

Призывающий на Тебя и на него обильное Божие благословение Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

13 августа 1856 года

№ 13

Мое положение здесь представляется мне очень непрочным; хорошие мои знакомые вымерли, сам я сделался крайне хвор. Впрочем — таков мой взгляд и суд человеческий. Но суд Божий бывает иной, и Промысл Божий о человеке неведом.

2 декабря 1856 года

№ 14

С праздников долго времени я хворал; мои болезни не могут помириться со здешним климатом; но все попытки мои вырваться отсюда остаются тщетными, почему я вполне предался воле Божией, отвергнув в сторону все мои разумения и рассуждения.

Неминуемо благотворный климат Кавказа должен быть полезен для твоего здоровья, а усиленная деятельность для твоей души. И при деятельности можно внимать себе в страхе Божием, наблюдая, чтоб душевными движениями и зависящими от них действиями управляло не разгорячение бессловесное, но здравый разум, основывающийся на желании общественного и потом частного блага, озаряющийся светом Евангелия.

23 января 1857 года

№ 15

Относительно образа твоей жизни признаю лучшим избранное мною и для меня самого: предаться воле Божией, потому что мы не знаем наверно, где встретит нас душевная польза и где встретит нас душевный вред. Надо постоянно молиться Богу, чтоб Он, по бесконечной Его благости, премудрости и силе, наставил нас на путь спасения и устроил нам его. Поползновения свои должно врачевать покаянием и терпеливо переносить самую удобопоползновенность свою, доколе сила Вышнего не осенит нас и не освободит от работы греху. В свое время Бог покажет нам, что делать с собою.

Мое здоровье — так себе; обстоятельства — так себе. При нынешнем общем обороте дел, где все стремится к обширнейшему материальному развитию и потому без умолку и отдыха суетится, работает, торопится, было бы несправедливым (уже так представляется) и в самом монастыре искать спокойствия. Поэтому каждый должен дорожить своим местом и временем, не поддаваясь лестному совету врага нашего, внушающего нам: «сегодня веди себя как-нибудь; придет время, дастся удобное место — тогда уже поведешь себя, как должно». В противность сему совету, поведем себя каждый день и везде, как должно, а нарушения в должном уврачуем покаянием. Враг льстит, чтоб украсть все время, данное на покаяние. Но мы, уразумев лесть врага, каждый день должны прибегать к покаянию и полагать благое начало. Человеку, который отдал себя Богу, надо считать свое ныне лучшим временем для спасения.

Книга сочинений преп. Аввы Дорофея помогает рассматривать себя, также доставляет превосходное руководство для воспитания молодых людей

16 марта 1857 года

№ 16

Письмо твое от 14 марта я получил 30-го. Охрани сына от ядовитых еретиков. Нареканий от него за недостаток погибельной, излишней светскости — не бойся; убойся того грозного изречения Господня, которое ожидает родителей на Страшном Суде Христовом за воспитание детей для вечной погибели; убойся тех отчаянных и бесполезных слез и проклятий на родителей, которые тогда произнесут дети, воспитанные для ада.

Ты грустишь в твоем одиночестве по духу? Это состояние — состояние почти всех. 38 лет лежал расслабленный в притворе Соломоновом среди многолюднейшего Иерусалима; но когда подошел к одру его вочеловечившийся Господь, то он принес Ему жалобу: *человека не имам*[1]. Расслабленный не мог завестись человеком в продолжение 38 лет! — И в этом случае надо положиться на Бога: Он попускает человеку потомиться голодом, чтоб человек дал должную цену пищи в то время, когда она будет ему предложена. *Душа сытая*, — говорит Писание, — *сотом рыгается*[2]. Благословение Божие да почиет над Тобою и Твоим сыном!

30 марта 1857 года

[1] Ин. 5. 7.
[2] *Сытая душа попирает и сот* (Притч. 27. 7).

№ 17

Над всеми нами да будет воля Господа Бога нашего, гораздо более, нежели мы, ведающего, что полезно нам. С верою предадим себя Ему. Такая вера — смирение, как сказал один Св. Отец: потому что смирение есть полная преданность Богу при полном недоверии к себе. Не смущайся, что по временам чувствуешь ожесточение, хладность и действие страстей. Эти периоды душевного нестроения надо переносить с терпением. Св. Макарий Великий сказал: «в каждом из нас бывают перемены, как в воздухе: то стоит ясная погода, то льются дожди, шумит ветер и стоит ненастье...» Другой святой, преп. Исаак, приводя и объясняя эти слова преп. Макария, говорит: «заметь слово: в каждом.

Оно поставлено не без цели, но употреблено с тою целью, чтоб показать, что все человеки, без изъятия, не только грешные, но и святые, по временам обуреваются страстями. Постоянной непогрешительности и постоянного душевного состояния нет на земле. Непременяемость есть достояние будущего века». Поэтому должно смотреть на свои душевные перемены с благоразумием, как бы показывая и открывая Богу свою греховность, и вместе с тем предаваясь Его Святой воле и прося Его милости и помощи.

5 мая 1857 года

№ 18

Весьма радуюсь, что князь Барятинский[1] обратил на тебя свое внимание: усердно желаю, чтобы это внимание не было одним лишь приветствием, нужным по времени и на время. Таково мое для тебя желание по человеку; а по духу — сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим, ибо Он Един знает, что нам полезно, и устраивает наши судьбы для вечных польз наших, попуская в здешней временной и кратчайшей жизни поскорбеть соответственно нашим силам, дабы души наши не прилепились к земле, а постоянно отторгались от нее различными скорбями и обращались, теснимые отовсюду, к Господу Богу нашему. — Мое положение похоже на твое: сватают, сватают и не просватывают. Впрочем, и в Сергиевой пустыни пользуюсь таким благоденствием, какое редко можно встретить на земле в настоящее время, — особенно в духовном отношении. Следовательно, священная обязанность моя: не желать ничего по моему разумению, воле и самооправданию, желать, чтоб во всем совершалась воля Божия. Новый Митрополит Григорий — весьма благочестивый пастырь; ко мне являет особенное расположение. Здоровье мое так себе. По особенной милости Божией мой доктор открыл, что в весьма сложной болезни моей очень значительную роль играет золотуха. Противозолотушные средства действуют отлично, особенно Аделаидские воды, имеющие в себе йод, и при них мазь, которою заменяются ванны, почти невозможные в здешнем климате и при моих обязанностях. — В чужие края уехало множество: бегут от петербургского убийственного климата. А мне, под конец жизни, куда-нибудь в тихий край родной России, подальше от Питера, который и по климату, и по всему прочему для меня не сроден. Впрочем, не моя, но Божия воля да будет. Призываю Божие благословение на тебя и твоего сына.

22 мая 1857 год

[1] Барятинский Александр Иванович (1815–1879) — князь, генерал-фельдмаршал, в 1856–1861 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армии.

№ 19

Письмо твое от 10 июня я получил сейчас и, нисколько не медля, отвечаю на него.

Бог, управляющий всем, особенно бдит над людьми, желающими служить Ему, хотя бы они и побеждались своими немощами. Он ведет их путем скорбным, скорбями отрешая от мира и приводя к Себе. Потом избавляет их от всех скорбей, чтобы они зрели Его всеблагий Промысл и стяжали веру в Него. Надо помнить смерть, устрашать себя неизвестностью ее часа и грозным истязанием, вслед за нею ожидающим каждого человека; но и то надо знать, что по уверению Св. Отцов внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались своими немощами; но Правосудный и Милосердный Бог дает им кончину, сообразную их намерениям.

26 июня 1857 года

№ 20

От всей души желаю, чтобы Милосердный Господь устроил твои обстоятельства наилучшим образом и ко временному, и к вечному твоему благу. Надо предаваться воле Божией и все помыслы — непокорства смирять, сколь бы раз эти помыслы не восставали. Мое здоровье плохо, так плохо, что служу с величайшим трудом и усилием. Доктора признают, что здешний климат причиною моей болезненности. Опять: да будет воля Божия. Милого Алешу целую.

30 сентября 1857 года

№ 21

18 декабря прибыл я в Харьков, где нашел от тебя письма, за которые премного благодарю. Усердно желаю, чтоб ты остался в Ставрополе и чтоб нам Бог благословил потрудиться вместе для пользы христианства и человечества, иначе для пользы Церкви православной и тесно связанной с нею пользы отечества. В Петербурге говорили мне весьма верные люди, что князь Б<арятинский> к тебе очень расположен. Всесвятая воля Божия да совершается над нами и да дарует нам грешным спасение!

Цель моей жизни в Ставрополе — благочестие. Усердно желаю и молю Господа, чтобы даровал мне посвятить себя всецело учению Христову, как этого и требует моя обязанность, и этим учением пропитывать себя и ближних во спасение.

19 декабря 1857 года

№ 22

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письмо твое от 13-го октября я получил 23-го. Долго странствовало письмо Твое. Благодарю тебя за все твои действия в пользу Кавказской Церкви.

Мне чрезвычайно приятно, что мы совпадаем с Алексеем Федоровичем Крузенштерном[1] в одно понятие о действии религиозном на горцев. По моему мнению, Моздок, в настоящее время, есть единственный пункт, из которого можно действовать с успехом; может быть, впоследствии на правом фланге будет служить подобным пунктом резиденция командующего. Но то впереди: прежде надо сделать то, что под руками, — надо образовать и усилить то, что уже действует, будучи предоставлено само себе. — В Моздоке есть Апостол для горцев, несравнимый ни с какими миссионерами: чудотворная икона Божией Матери, к которой во множестве притекают даже магометане горцы. При церкви, в которой пребывает Икона, имеется 800 душ мужеского пола осетин-христиан и 700 душ христиан-черкесов. Церковь, где Икона, премаленькая и преветхая. Для построения новой собрано несколько тысяч денег; если к ним прибавить от казны небольшую сумму, то можно выстроить прекрасную церковь, которая приведет осетин и черкесов в восторг. Надо учредить крестные ходы с Иконою за Терек. Весьма бы хорошо учредить при церкви и Иконе монастырь общежительный: монахи — наилучшие миссионеры; сверх того в монастырь могли бы вступать в число братства осетины и черкесы, к чему они наклонны. В Моздоке имеется духовное училище, в беднейшем положении; его надо привести в порядок, и надо дать ему возможность обучать черкесских и осетинских детей, с целью приготовить из них причетников. Быв ныне в Моздоке, я велел взять в училище четырех мальчиков, и один умненький 15-летний юноша приехал ко мне в Ставрополь, чтоб приготовиться к принятию священства. При всех этих распоряжениях непрестанно является вопрос о средствах, потому что без них ничего не сделаешь, а их-то и

нет. В здешней Семинарии я предложил усилить преподавание осетинского языка; надо бы ввести и развить в Семинарии преподавание и прочих местных языков и наречий, именно в видах церковной пользы края, а здесь хотели было уничтожить преподавание осетинского языка, развить же преподавание французского и немецкого. Изволь видеть направление! Оно не без начальной причины и мысли, и не без цели.

Посылаю к Василию Антоновичу при письме те сведения, которые я мог найти об обеих суммах. Причиною, что мне не высланы деньги, — новость графа Толстого в делах и крайняя беспамятливость Митрополита Григория, с одной стороны, с другой — нерасположение ко мне мелких чиновников Синода, служащих по этой части, каковым нерасположением я постоянно пользовался, и — горжусь!

Алешу я не раз приглашал к себе по твоем отъезде, а вследствие твоего письма и приказание дал, чтоб при всяком свободном времени являлся ко мне. Мои очень кланяются тебе и благодарят за воспоминание. Домик мой необыкновенно комфортен и тепел. Весьма хорошо сделаешь, если проследишь за делами в Тифлисе, и последишь вполне: дела, как и дети, имеют необходимую нужду в няньке. Без попечительной няньки, того и смотри, поделаются уродами. Потрудись написать мне твой адрес. Воды продолжают сильно действовать на меня: теперь в переборе голова.

Благословение Божие да почиет над Тобою. Будь здоров и благополучен. Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 октября 1858 года

Потрудись выписать для меня Кавказский календарь и газету «Кавказ» на следующий 1859-й год.

[1] *Крузенштерн А. Ф.* — статс-секретарь, управляющий гражданской частью Наместничества.

№ 23

От души поздравляю тебя со днем твоего Ангела. Верховный Апостол Петр, когда исповедал Господа Иисуса Христа Богом и Сыном Божиим, тогда услышал от Господа, что это открыл ему Сам Отец Небесный. Итак, познание Господа есть не что-нибудь случайное, но особенный дар Божий. Душа, принявшая этот дар, да возрадуется о Господе. Это я тебе говаривал, а в день твоего Ангела этим и письменно тебя приветствую. Да продлит Господь

над тобою Свою милость до конца, чтоб ты данный тебе дар возделал и явился Лицу Господню с усугубленным талантом.

29 июня 1859 год

№ 24

Поздравляю тебя с милостию Божией, по мановению которой действует и милость человеческая. Господь да направит и остальную часть земного странствования твоего, по Святой Его воле, к блаженному вечному пристанищу.

15 августа 1859 года

№ 25

Граф Евдокимов просил меня сообщить тебе, что депешей из Петербурга извещают его о прибытии Государя Императора на Кавказ. В Ставрополе Государь не будет.

Из Питера я получил официальное уведомление, что бумаги мои прибыли 1-го августа и того же дня розданы по адресам. Государь выезжает из Петербурга 7-го или 8-го.

Заключает Церковь все свои разнообразные прошения к Богу следующими словами: «сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!» Заключаю этими словами и письмо мое.

17 августа 1861 года

№ 26

На письмо Твое от 22-го августа из Херсона отвечаю: я уже не Кавказский и Черноморский Епископ. 21-го августа получено мною письмо от Синодального Обер-Прокурора следующего содержания: «По Высочайшему повелению имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что всеподданнейшее письмо Ваше от 24-го минувшего июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем желания Ваши удовлетворены. 6-го августа 1861 года». — По частным письмам, Государь сдал письмо мое в Синод 4-го августа; Синод выразил свое согласие на удовлетворение моего желания 5-го.

Такова о мне всемилосердная воля Божия, дающая мне время и удобство к тщательному приготовлению себя к переходу в вечность при посредстве тщательного покаяния. Некоторые полагают, что мне нужно бы было оставаться на поприще служебном, для общественной пользы. На это имеется ответ в Евангелии, которое говорит: *Кая польза человеку, аще мир весь приоб-*

рящет, душу же свои отщетит? Занявшись приобретением души моей для Бога, я могу тем удобнее помогать тем моим ближним, которые имеют намерение приобрести свою душу, будучи не развлекаем внешними попечениями о церковной администрации, в которую вкралась много не церковного.

Не будучи уже Епископом Черномории, я не имею права встречать Государя в Екатеринодаре.

В ответ на письмо Твое от 18-го услышь следующие наставления Св. Отцов: «Корабль, доколе находится в море, по необходимости должен подвергаться многообразному влиянию стихий; когда же войдет в пристанище, тогда наслаждается спокойствием, и хозяин корабля производит прибыльнейшую для него куплю. Последнего, то есть спокойствия и выгодной торговли, никак не было, если б не было предпринято многотрудное плавание по морю и если б не преодолены были все препятствия и бедствия». Отнеси это к себе и утверждай себя надеждою на Бога, Которому ты вознамерился послужить и присоединиться. Плыви и переплывай о Господе бурную пучину. Повреждения, которым нельзя не случаться, исправляй покаянием. Веруй и никак не расслабляйся. При этом непременно спасешься. Ибо Бог никак не оставляет того человека, который сам не оставляет Бога, несмотря на встречающиеся преткновения по немощи и повреждению естества грехом. Такового Бог приведет непременно к спасению. А указывать Богу: так и так меня спаси — невозможно. Потому что спасение, как дар Божий, выше постижения человеческого. Почему желающий спастись должен просить себе спасения у Бога, как неизреченной милости Божией, предавая себя вполне воле Божией.

31 августа 1861 года

№ 27

Указа об увольнении меня на покой еще нет, — впрочем, я наготове. Таким образом всесвятая и всеблагая воля Божия о мне определилась. Она доставляет мне возможность быть полезным для себя и для ближних в духовном отношении, в отношении существенно-нужном и полезном. Слава Промыслу и Милосердию Божию! — Как уволенный от управления епархией, я не счел себя вправе выезжать в Екатеринодар.

Относительно преткновений, случающихся христианину, доколе он по неисповедимым судьбам Божиим находится среди

мира, было написано следующее мнение Св. Отцов, которое повторить не мешает. Христианин подобен кораблю, а жизнь христианина, посреде человеков и мира, подобна плаванию корабля по морю. Корабль, доколе находится в море, подвергается влиянию ветров, течениям, бурным волнам, ударяется о подводные камни, сталкивается с другими кораблями, подвергается многоразличным опасностям, терпит многоразличные повреждения, которые исцеляются покаянием. Когда же он войдет в пристань, тогда бывает вне всякой опасности; хозяин выгружает товары, которыми был наполнен корабль, производит торговлю и наживает большие барыши. Невозможно требовать для корабля, когда он находится в открытом море, того спокойствия, которым он пользуется в пристани; нельзя на открытом море производить торговли имеющимся на корабле товаром. Опять невозможно кораблю войти в тихое пристанище, если он не подвергнется сперва многотрудному плаванию в открытом море. Точно так и человеку, доколе он находится среди человеков, невозможно не подвергаться многоразличным напастям, возникающим из мира и из собственного падения, доколе Бог не приведет его в тихое пристанище. Бог ведает, сколько человека должно продержать среди волн и бурь житейского моря, и когда ввести его в тихое пристанище, не развлекаемое волнами, для покаяния. Но обильный плод, собираемый в уединении, есть последствие многотрудного пребывания между человеками. Второе есть основание для первого, и первое не может состояться, если ему не предшествует второе. Почему все, желающие непогрешительно спастись, должны предать себя с полною верой Всесвятой воле Божией и молить Бога, чтоб даровал им спасение, ибо спасение не есть человеческое начинание или человеческое дело, но дело Божие и дар Божий человеку.

4 сентября 1861 года

№ 28

Слава Богу за все! Слава Богу, дарующему провести остаток дней вне развлечения тому человеку, который имеет крайнюю и существенную нужду принести покаяние в согрешениях, содеянных при развлечении.

Я мирен к действиям Московского Митрополита и других, ибо они совершаются не без попущения Божия, а Бог приводит человека к духовным целям такими путями, которые по наруж-

ности имеют характер неприятностей и несчастий. Слава Премудрости Всеблагого Бога нашего.

11 сентября 1861 года

№ 29

11-го вечером получил Синодский указ о предоставлении мне в управление Бабаевского монастыря на правах епархиального Архиерея с 1000 руб. сер<ебром> пенсии. Остается благодарить и славословить Бога, дарующего мне положение, какого лучше желать нельзя. Полагаю выехать 15-го. Синод не дал ни прогонов, ни подъемных. Из Тифлиса также нет ничего.

[1861]

№ 30

По милости Божией я прибыл благополучно 30-го сентября вечером в Москву: остановился у Пр<еосвященного> Викария[1], коим, равно как и Митрополитом, принят был очень ласково. Если они и действовали против меня, то делали это в омрачении и увлечении, а не по злонамеренности, так как искушение, изгнавшее меня из епархии, было устроено демонами, по попущению Бога, Который допустил и демонов, и действовавших под их влиянием людей действовать против меня, но тем содействовать исполнению воли Божией о мне, благоволившей даровать мне время на покаяние прежде кончины моей. Препод<обный> Марк Подвижник сказал: «пришедшу искушению, не ищи как и от кого оно пришло, а ищи того, чтоб перенести его с благодарением». Воспрещенное преп. Марком разбирательство приводит только душу в смущение и способствует насеяться в ней семенам ненависти и памятозлобия к ближним; а благодарение Бога за посланное искушение вводит душу в пристанище веры, мирит с ближними и служит причиною духовной радости. При таком взгляде на действия враждебных людей я привлекаю в душу свою мир.

Алешу я нашел в самом удовлетворительном положении. Он вступает на истинный путь и начинает понимать монашество, как оно есть. В этом вижу неизреченное благословение Божие и благоволение к тебе и к Алеше. Все недоумения, посеянные врагом между им и тобою, рассеялись сами собой по милости и мановению Божию. Тебе остается утешаться и благодарить Бога; на основании полученных духовных благодеяний надеяться, что

и впредь эти благодеяния будут изливаться, вместе с тем бодрствовать и трезвиться, чтоб даемыя благодеяния не были исхищены из самых рук наших невидимыми и недремлющими врагами. Спасайся!

Недостойный Е<пископ> Игнатий.

5 октября 1861 года

[1] *Преосвященный Леонид (Краснопевков)* — о нем см. Настоящее издание, т. 6, с. 693–747.

№ 31

Письмо твое из Курска получил. Алексей поживает благополучно; приметно поправляется в здоровье; занимается монашескою жизнию со вниманием и усердием. Бог да благословит это милое дитя!

Особенная милость Божия привела меня в тихое пристанище. Кто желает служить Богу, тот должен молить Бога, чтобы Бог принял такое его намерение и устроил для него исшествие из мира. В твоих глазах устроилось мое исшествие. Когда же представится удобство, то и самому не должно предаваться двоедушию. Час единонадесятый! Поприще покаяния в непродолжительном времени может быть закрыто смертью. Заглядываться на стороны некогда.

25 ноября 1861 года

№ 32

Письмо твое от 26-го ноября получил. Живем благополучно; я в немощи очень отягощаюсь недостаточным теплом в помещении, а Алексей Петрович очень поправился здоровьем, приучается к истинной духовной жизни.

Все помещение требует значительной переправки. В моих келлиях комнатная температура с трудом возвышается до 12°.

Спасение есть дар Божий. Кто хочет получить спасение, тот должен молить Бога, чтобы Он даровал ему Свой дар.

Бабаевский монастырь очень уединен, особливо зимой, а потому здесь ощутительно действуют бесовские брани; но Бог — Царь мира и Вседержитель, почему для предавшегося Богу бесовские брани не страшны, а способствуют преуспеянию.

9 декабря 1861 года

№ 33

Поздравляю тебя с праздниками и Новым годом. Милость Божия да покроет тебя. Желающий спастись должен предаться воле Божией и молить Бога, чтоб Бог *сказал*, т. е. указал ему путь спасения. Человеку неизвестно, что предназначено ему Промыслом Божиим. Особливо в наше время всеобщего колебания всякое положение делается неверным и непрочным, если Бог Своею всесильною Десницей не упрочит его и не сделает верным.

25 декабря 1861 года

№ 34

Письмо твое от 17-го декабря я получил 3-го января. Да устроит Тебя Господь по Своей всесвятой воле и по Своей неизреченной милости. Положись на Бога. Если пришло время Твоему увольнению, то уволят; если же остановят, то будь мирен и старайся жить в угождении Богу, удаляясь от греха, особенно смертного. Богу мы не говорим: так и так спаси меня, но говорим: *«Имиже веси судьбами спаси мя»*. Спасение — дар Божий, а не человеческое изобретение. Если есть воля Божия на то, чтоб тебя уволили, то все обстоятельства будут споспешествовать увольнению. В твоих глазах совершилось случившееся надо мною: выхватило вдруг из одного положения как бы вихрем и поставило в другое. Но и это другое положение еще не может быть признано основательным по неосновательности обстоятельств: нужно некоторое время, чтоб оно обозначилось определеннее.

Алексей очень поправился и уже с румянцем на щеках.

Желательно, чтоб Тебе дали обещанную пенсию: твои годы идут к старости, и недостаточность содержания очень стеснит, а достаточное — доставит удобства, которые можно назвать необходимыми. Деньги Алексея Петровича должно оставить неприкосновенными, ибо такова его мысль, и противное ей распоряжение может очень смутить его. Мысль основательная при наступающих обстоятельствах! Может быть, придется юноше оканчивать монашескую жизнь вне монастыря. Из выходящих в свет сочинений видно, что все образованное общество во всех сословиях приняло направление, долженствующее иметь соответствующие себе результаты. Хлеб повсеместно дорожает; по сильной убавке посевов надо ожидать значительной дороговизны его и при хороших урожаях. Безденежье — повсеместное!

Впрочем, вести из столиц доходят сюда труднее, нежели на Кавказ; часто приходят сюда очень искаженными. Бабаевский монастырь — как отдельный мир! Такое достоинство его доставляется ему его необыкновенным уединением.

7 января 1862 года

№ 35

Бог да устроит тебя по Своей святой воле! Земная жизнь ничего не значит перед вечною. Первая дана единственно для приготовления ко второй. Не должно терять времени, иначе неприметным образом подкрадется смерть и восхитит на суд Божий неприготовленными. Впрочем, повторяю: положиться надо на волю Божию. Ныне не поймешь и не предусмотришь, что надо делать и как должно поступить. *Не веси что породит настоящий день*[1], говорит Священное Писание. При нынешнем направлении умов неизвестно, долго ли подержатся монастыри и насколько благонадежен приют в них. По этой причине я смотрю с соболезнованием на Алексея! Мы стары, отживаем век наш, а он начинает жить. Надо молить Бога, чтоб Он совершил над нами Свою святую волю, а не упорствовать в последовании своей, хотя она и благонамеренна.

Сюда назначили г. Щапова[2], для вразумления его. Какая поздняя мера! Когда сочинения его разошлись по России, были читаны, а вероятно, и теперь читаются большинством с восторгом и увлечением; когда Щапов дело свое вполне совершил — тогда и присылают его в монастырь. Монастырь для лица, если к нему есть милость Божия, может быть полезен; но это лицо уже чуждо своему делу, получившему собственные и значение и самостоятельность. Оба воспитанника Кавказской Семинарии, посланные при мне в Казанскую Академию, замешаны в деле. Это — жертвы; жрецы в стороне. Всякий пустяк, который ныне выходит печатно, пропитан революционным духом. Направление сделалось всеобщим. Вопрос крестьянский сделался вопросом всероссийским. Умаление средств у помещиков отозвалось на благосостоянии купечества; возвышение цены на хлеб и прочие жизненные припасы, цены, постоянно возвышающиеся и долженствующие возвышаться, отзываются на положении всех городских жителей. Крестьяне заражаются самым буйным духом, который распространяют в них разные неблагонамеренные извне и из среды их.

Будь здоров и благополучен. Милость Божия да хранит Тебя. Храни и храни Твою душу среди общего нравственного потопа.

15 января 1862 года

[1] Притч. 3, 28.
[2] См. Настоящее издание, т. 2, с. 451–464.

№ 36

Тобою с Твоей стороны сделано все, остальное да устроит Милосердый Господь по Своей Святой Воле. *Дние лукавы суть*[1], говорит Священное Писание. Неприметным образом утекают один за другим. Ныне век идет быстро; кажется, с осени, с моего приезда сюда, пошел еще быстрее; осенние события дали большой толчок, сделали значительный переворот. Игнатьев, Путятин, заменены людьми иного направления. Направление старое уступает место направлению новому; новое еще не определено. Не знаешь, что делать и как быть. О ходе болезни князя Барятинского положительно ничего не слышно; слышно только, что он неисцелимо болен. Как все в жизни превратно! Того и смотри, что он, или кто подобный, и подобные ему сойдут со сцены. — Цены на хлеб возрастают. В Питере купцы, торгующие предметами роскоши и удобства, не знают, что и делать: покупателей нет. Предметы необходимой потребности идут, но цены на все очень высоки. Рабочие руки вздорожали. Великое дело освобождения крестьян сопряжено с значительными трудностями, для преодоления которых, во-первых, нужна особенная помощь Божия, а потом — самая мудрая, недремлющая человеческая деятельность. Тебе, как губернатору, нужны эти сведения к соображению.

Я никуда не выхожу: очень плох здоровьем. С этим состоянием я свыкся, а потому оно и не представляется мне очень тяжелым.

Так как очевидно, что хлеб будет более и более возвышаться в цене, то хочу усилить монастырское хлебопашество. Что Бог даст: все неверно; всякое положение неверно: ничего серьезного, требующего для исполнения времени, предпринять нельзя. — Надо подумать об Алексее. Мы стары, отживаем: он дитя, лишь вступает в жизнь.

22 января 1862 года

[1] Еф. 5. 16.

№ 37

Вижу, что рука Божия тебя выводит из Кавказа. Николай Николаевич написал тебе под влиянием современных обстоятельств, которые, со времени его письма, далеко подвинулись вперед. О перемене власти на Кавказе ничего не слышно; но перемена непременно должна последовать, как логичное последствие прочих перемен. О новостях Петербургских ничего не пишу. Ход непрестанно ускоряется и принимает характер решительный. Едва начатое можно считать оконченным. Лица прежнего направления почти все сошли с служебного поприща, они заменяются людьми нового направления, молодыми, способными к их делу, полными энергии, действующими единодушно. Вероятно, и добрый знакомый наш, Неверов, пойдет в ход. Настало трудное время!

№ 38

На этой почте получил отношение из Кабинета о выдаче мне в пенсию 3000 р<ублей> сер<ебром> из Ярославского казначейства. Мне бы желалось из этих денег дать что-нибудь в монастырь, но и на устройство приюта с мебелью нужно больше этой суммы. — Я не выхожу из комнаты и при строжайшей диете чувствую необыкновенное умножение крови.

Здешнее уединение очень утешительно: оно производит спасительное влияние на душу, изглаждая мало-помалу воспоминания мирские. Что Богу угодно, то и будет с нами в нынешний трудный век!

17 февраля 1862 года

№ 39

Благодарю за поздравление с днем рождения во временную жизнь. Точно; поздравлять не с чем! Неизвестно, чего причиною послужит это рождение: вечной ли радости или вечного горя. Когда душа, миновав, по милости Божией, бесовские мытарства, вступит в небо, тогда встречают ее небожители с любовью и радостью, приносят ей поздравление. Вот поздравление правильное, безошибочное.

Алексей Петрович сделал большую ошибку; не понимает положения: дитя. Он еще не развился. Милое, доброе дитя, овечка. Дела идут чрезвычайно быстро. С того времени, как ты был здесь, протекло как бы десять лет. Мое положение мудреное. Но у Бога

и мудреное не мудрено. Молись, Батюшка, о мне Богу, чтоб Он сподобил меня вести себя как подобает рабу Христову, и не попустил увлечься внушениями сатаны. Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.

20 февраля 1862 года,.

№ 40

Любезнейший Друг и Брат,
Петр Александрович!

Если последует на то Божие соизволение, то некоторый Богомолец имеет желание поступить в Баб[аевский] монастырь для сожительства со мною и приготовления себя к переходу в вечность, к каковому переходу и я призываюсь непрестанно возрастающими и умножающимися немощами моими.

Святые Отцы утверждают, что всякому желающему вступить в монастырь надо избрать образ жизни, который соответствовал бы его духовной цели, и вел к ней. Рассуждая о положении, которое приличествовало бы наиболее упомянутому Богомольцу, я признаю наилучшим для него вступить в отношения к монастырю монастырского ктитора. Оставаясь в светском звании и одежде, он может постоянно жить в монастыре: делая посильный произвольный денежный вклад, заведуя сельским хозяйством монастыря, которое непременно должно улучшиться, заведуя постройками, занимаясь хождением по делам монастыря в столицах и соседних городах; ктитор будет иметь характер благотворителя пред монастырским братством и вообще пред духовенством. Такое наружное положение соответствует и душевной потребности вновь вступившего в монастырь и нуждающегося в вещественных занятиях. Переход от светского развлечения к нерушимому глубокому безмолвию должен быть постепенен. После занятий, сопряженных с некоторым общеполезным и полезным для монастыря и братства трудом, Бог устроит положение очень спокойное, основанное на предшествовавших трудах, сопряженных с развлечением. Этот общий порядок указывают святые Отцы при обыкновенном ходе дел. Но при общественных переворотах и злоключениях бывает иначе, и никак нельзя предугадать, что последует, чем и как кончится земное странствование. Мы должны исполнить свое и предоставить Богу приводить в исполнение недоведомые судьбы Его. Смотря на настоящее благоденствие и всеобщее спокойствие, представляются баснеподоб-

ными бедствия от Батыя или литовцев. Однако ж, они были; наступили, когда их вовсе не ждали, застали народ неприготовленным к ним. Кажется, бедствия от литовцев были тяжелее, нежели от Батыя. Этот прошел по России скоротечною бурею, истребляя почти одни города, а литовцы гнездились долгое время, губя и города, и села. В Черменецком монастыре С.-Петерб<ургской> Епархии сохранилось сведение, что они перерезали все братство этого монастыря. Так поступали они с весьма многими монастырями. Кончина, представляющаяся по наружности несчастною, может быть в сущности самой блаженною. Конечно, в эти тяжкие времена многие из православных увенчались венцом.

Алексей Петрович сегодня приобщался Святых Таин. После приобщения лицо его получило необыкновенно приятное выражение. О. Феофан свидетельствует, что у него самое мягкое сердце. Положение ктитора и для Алексея Петровича будет весьма полезно, кто знает, долго ли я потянусь. Очень истощен! В случае моей кончины все о Господе братство понуждается в защитнике с значительным весом.

Будь здрав и благополучен. Благословение Божие да почиет над тобою. Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
24 февраля 1862 года

№ 41

Любезнейший Друг и Брат,
Петр Александрович!

Письмо Твое от 14-го февраля я получил сего 10-го марта. Так как ответ этот должен придти к тебе около 23-го марта, то и поздравляю Тебя с днем рождения, усердно желая, чтобы день вступления в бытие был для тебя истинно счастливым днем, как залог блаженства. Новоявленный угодник Божий Тихон говорил о своем времени, что оно очень трудно для спасающихся по умножившемуся числу людей противного направления; что же сказать теперь? Да совершается воля Всесвятого Бога, как в действиях Его, так и в попущениях Его.

Деньги за панагию 3125 р<ублей> сер<ебром> я получил 4-го марта. 1000 отдал в монастырь, а остальные храню до твоего приезда или до определенности Твоего положения, какое получится им направление. Положись на волю Божию. Ты сделал свое. Мы не знаем будущего; судим сообразно своей

недальновидности, а потому в решении дел должны полагаться на Бога, Который все предусматривает и нередко не дает нам того, что мы признаем за необходимое для нас добро, и что, будучи само по себе точно добрым, нам не дается, потому что для нас оно может иметь другие последствия. Предавайся воле Божией и будь мирен.

Алексей Петрович принимал некоторое время в самом малом количестве salfur, отчего золотуха начала высыпать наружу, на лицо и голову. Это хорошо. Думает продолжать употребление полезного лекарства. Вообще гомеопатия действует здесь с отличным успехом. — Особенных новостей здесь нет. Назначен новый Обер-прокурор в Синод, Ахматов, бывший Харьковский военный губернатор; Толстой — в Государственный Совет. В конце февраля получил уведомление, что г. Щапов прощен Государем Императором и в Бабаевский монастырь не прибудет.

Будь здоров и благополучен. Обильное благословение Божие да почиет над тобою. Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

10 марта 1862 года

P. S. Я писал в С.-Петербург к Сергиевскому Архимандриту, чтоб он поторопил Горностаева относительно высылки планов Моздокской церкви.

№ 42

Всего более озабочивает меня Алексей. Дитя! Он желал быть постриженным в рясофор, но я отложил до твоего приезда. Время трудное! Далее еще труднее! Он этого не видит и никак не подозревает, что при действиях для настоящего надо очень серьезно думать о будущем. В нравственном отношении он утешает. Имеет очень мягкое сердце.

Милосердый Господь да дарует тебе окончить твои дела благополучно. У тебя ничего нет в сем мире. Один сын! И тот в обители.

18 марта 1862 года

№ 43

Новые молодые министры подвизаются с деятельностью, и, вероятно, успех увенчает их работу. В Синоде новый Обер-прокурор Ахматов, хороший знакомый Андрея Муравьева, который писал ко мне, выражая желание, чтобы я вступил снова, по по-

правлении моего здоровья, в общественное служение. Я отвечал решительным отказом, но по способности обстоятельств к переворотам, ничего впредь не узнаешь, а потому загадывать ничего нельзя. Также ничего настоящего нельзя признавать за верное.

Милосердый Господь да устроит Твои обстоятельства по Своей Всесвятой воле и Своей великой милости. Неизреченная милость Божия, когда Бог призовет кого во время сей жизни к покаянию и к тщательному приготовлению к вечности.

25 марта 1862 года

№ 44

Любезнейший Друг и Брат,
Петр Александрович!

Письмо Твое от 15-го марта я получил сейчас и спешу отвечать: потому что Николай мой завтра едет в Ярославль по последнейшему и уже очень трудному зимнему пути; затем надо ожидать распутицы, при которой недели с две не будет сообщения между монастырем и соседними ему губернскими городами.

С сердечным участием услышал я весть о кончине Александры Ивановны Марковой, к которой я очень расположился. Потрудись передать Сергею Александровичу мое благословение и усердный поклон. Бог, по неизследимым судьбам Своим, попустивший ему тяжелую скорбь, силен послать и духовное утешение. Во временных скорбях часто приносит его, особливо при смерти близких, мысль о своей собственной смерти.

О предсмертных явлениях не полезно любопытствовать. Если б Богу было угодно показать что-нибудь с ясностью, то оно и было бы так показано. Все человеки, без исключения, вступают смертью в мир духов. Иным этот мир открывается раньше, другим позже. В Петербурге одна светская дама, в бытность мою настоятелем Сергиевой пустыни, три дня была истязуема в услышание всех присутствующих. Путей Божиих не понять. Иногда дается чудо самым неверующим и ожесточенным людям, и они остаются в своем неверии и ожесточении. Судя по тому, что Ты пишешь, надо понимать, что почившая имела перед смертью видение. Тоже можно заключать относительно покойного о. Александра — Андрюши, скончавшегося при мне; я во время его кончины сидел у его кровати. Неясное, как я сказал, лучше оставлять без истолкования, потому что попытка к истолкованию может быть душевредна, может послужить поводом к неприметт-

ному увлечению себя в обман, к получению настроения, способного к обману себя.

Очень жаль князя Барятинского как человека. Вот один из печальных образцов земного счастья. Как все здешнее суетно, превратно, непрочно, ничтожно! Князь — посреди счастья — несчастливец, посреди наслаждений — страдалец. Все блестящие земные положения изменчивостью своею подобны его положению, с тою ничтожной разницей, что одни положения скорее рушатся, а другие не так скоро. В сравнении же с вечностью и скорое и нескорое земное одинаково скоры.

Мы поживаем благополучно. Давно никакие известия из шумного света не приходили в нашу тихую обитель. Здоровье мое как будто получше. Гомеопатия начала действовать на меня благотворно после кровопускания, которое было ничто иное, как последствие лечения водами. Однако говорят мои спутники, что я очень изменился в лице. Предаюсь воле и милости Божией.

Благословение Божие да почиет над Тобою

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

30 марта 1862 года

№ 45

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за поздравление с Праздником Праздников в письме Твоем с 11-го по 12-е апреля. Может быть, этот ответ мой найдет Тебя еще в Ставрополе, и потому не останавливаюсь писать.

Святые Отцы уподобляют жизнь христианина плаванию корабля в море, а удаление в уединение вступлению корабля в пристань. Доколе ты в море, говорит святой Варсонофий, жди ветров и бурь; редко бывает там тишина или вполне попутный ветер. Следовательно, нельзя и не должно требовать от сердца постоянного пребывания в святых ощущениях: и то хорошо, что эти ощущения даются хоть на некоторое время, оставляя потом сведение в душе о своем существовании.

В делах Твоих положись на волю Божию. Нам обоим уже недолго странствовать на земле. Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии; это великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу

судьбу в вечности. Св. Тихон Воронежский перед кончиною своею особенно благодарил Бога за то, что ему дан был этот дар. Точно: при кончине именно окажется вся драгоценность этого дара. Так мы рассуждаем, и так должны молиться. Но, говорит святой Исаак Сирский, если ты помолишься Богу о чем-либо и Он медлит дарованием просимого, то ты не скорби; ты не премудрее Бога. Это случается по разным причинам, непостижимым для ограниченного человека. А потому вполне справедливо при самых благих желаниях и начинаниях предавать себя воле Божией.

Мы поживаем благополучно. Кажется, гомеопатия начинает помогать мне. Ее действие можно уподобить действию долота и резчика, для которых нужно предварительное действие топора и других грубых инструментов, действию которых уподобляю действие на меня кавказских вод. — Алексей Петрович растет. Справедливо Твое замечание, что к нему особенная милость Божия, приведшая его в монастырь в самое трудное время жизни в нравственном отношении. Особливо здешний монастырь драгоценен по уединению своему от предметов соблазна; к тому же юноша вступил в близкое и частое сношение с духовником своим, о. Феофаном, который и утешает его и побранивает: то и другое благотворно. Невозможно требовать с Алексея, чтоб он понимал современность, но моя обязанность, в особенности Твоя: предохранить его от пропасти, в которую он легко может вринуться по слепоте своей. Милосердый Господь, начавший устроять путь его, да устроит и до конца.

Михаил Чихачов, пишут мне, начинает терять здоровье, разваливается. На все свое время. Все мы — гости на земле.

Благословение и милость Божии да почиют над Тобою.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

26 апреля 1862 года

№ 46

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письмо твое от 22-го апреля получено мною 7-го мая. Отвечаю, полагая, что ответ мой может еще застать тебя в Ставрополе.

Благо, что Ты сделал относительно себя все то, что зависело от тебя, остальное возлагаешь на Господа Бога. Приходящее

Тебе страхование приходит с левой стороны. Докажется это тем, что оно отойдет от помыслов веры, когда возложишься на Бога, в воле Которого и жизнь наша и смерть. Умереть каждому из нас непременно надо. Благовременное приготовление к смерти есть драгоценный дар Божий, и потому невидимые враги наши усиливаются похитить его у нас. Милосердый Господь да упразднит их, послав нам правильный взгляд на временную и вечную жизнь, чтоб мы, для снискания блаженства во второй, должным образом употребили первую, которая сама по себе, как быстро-преходящая не имела бы никакого значения, если б не решала нашей вечной участи. Святителя Тихона, когда он оставил Епархию и поместился в монастырь, лукавые помыслы в течение года выманивали из монастыря, представляя ему, что он может быть полезен среди мира. Когда Святой понял, что это кознь вражеская, покушающаяся под благовидным предлогом похитить у него данное Богом время на покаяние, тогда он успокоился и обратил все внимание на то, чтоб воспользоваться даром Божиим.

Когда сии строки были написаны 8-го мая вечером, то во время благовеста ко всенощному бдению (9-го храмовый Праздник монастыря) я получил письмо твое от 25-го апреля через Александру Ивановну Самарину, и спешу ответить на него, чтоб сегодня же письмо мое могло быть отправлено в Ярославль с тем лицом, которое доставило мне Твое письмо.

Непременно дождись отставки. Вера должна быть соединена с благоразумием, которое признается величайшей христианской добродетелью. Не требуй от себя праведности и не смущайся возникающими греховными помыслами и ощущениями: в противном случае вся деятельность Твоя примет фальшивое направление. Надо противиться греху и не увлекаться им. Действуй благоразумно и осмотрительно. Сам видишь, что вообще дела принимают запутанный характер. *Блюдите, как опасно ходите*[1], — говорит Священное Писание. Милосердый Господь да вразумит и благословит тебя.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

9 мая 1862 года

[1] Еф. 5. 15.

№ 47

Любезнейший Друг и Брат,

Петр Александрович!

Письма Твои от 4-го и 9-го мая я получил 20-го в день Ангела Алексея Петровича. На вопрос главный Твой и на прочие второстепенные вопросы я отвечал Тебе. Спасибо доброму совету из Тифлиса: он гласит также, что надо ожидать решения, т. е. отставки. Дела вообще таковы, что надо действовать ради Бога, руководствуясь Богом данными законом и разумом, остальное все возлагая на Бога: ибо никакой нет возможности признавать какое-либо благоразумнейшее соображение верным, так все шатко. Здесь носятся слухи, которые должно считать правдоподобными, что Государь Император по внушению Ангельского своего сердца хочет по случаю наступающего тысячелетия России даровать подданным своим очень многое. Вслед за решением крестьянского вопроса должно последовать решение другого или других вопросов, не менее важных, а каких — не знаю, да и не любопытствую знать, будучи занят своею болезненностию по преимуществу. Известно же, что вслед за вопросами передовыми всегда стоят или возникают вопросы им последующие, о существовании которых часто не предполагается, между тем как они важностью своею покрывают отцов и матерей своих. Так, когда выводят фундамент, то работа кажется куда какою огромною; но когда построится здание, то фундамент совершенно делается невидным. Неизвестно, что из всего этого выйдет; всячески надо ожидать больших реформ. Милость Божия да покроет Россию!

Кажется, я писал Тебе, что не должно преступать воли Божией своею волею, а сделав с своей стороны должное, остальное представлять Богу.

Благодарю Бога за устройство Кавказской кафедры, в чем Ты принял значительное участие и за что благословение Божие да почиет над Тобою. Не оставь без внимания дела дома Архиерейского с Крупенским.

Мое здоровье как будто поправляется от гомеопатии, действующей особенно хорошо после вод; это действие мелких долот после топора. Потрудись передать всем моим добрым знакомым мой усерднейший поклон, а Голоушевым — сердечную радость о выздоровлении главы семейства. С особенною благодарностью вспоминаю о их расположении ко мне.

Твое чадо и прочие братия усерднейше тебе кланяются.
Тебе преданнейший друг и брат

Епископ Игнатий.
21 мая 1862 года

№ 48

В «Слове о различных отношениях естества человеческого к добру и злу» описано с подробностью, как в человеке, начинающем истинно богоугодную жизнь, начинают возникать различные греховные помыслы, через что фактически обнаруживается перед ним состояние падения, в котором находится все человечество. Такое воззрение на себя приводит к истинному покаянию. Следовательно, нисколько не должно смущаться от возникающих во множестве помыслов. Это облако пыли, нанесенное ветром. Ветер с другой стороны унесет его.

27 мая 1862 года

№ 49

Милосердый Господь устроит Твой путь и доставит Тебе спасение, имиже весть судьбами Своими. Повторяю изречение Исаака Сирского: «Если молишься Богу о чем-либо и Он медлит услышать Тебя, не скорби об этом; ты не умнее Бога. Делается же это так по премудрейшему Промышлению Божию, непостижимому человеческим разумом». А тому, что Бог любит нас несравненно более, нежели сколько мы любим и можем любить себя, надо веровать несомненно. «Все, — заключает Святой суждение свое об этом предмете, — удобно достигаемое и утрачивается скоро. Все же обретенное с болезнью сердца хранится тщательно».

Да совершается над всеми все благоугодное Богу, все попускаемое Богом, а нам надо внимать себе и не заглядываться на стороны, ибо переселение наше в вечность приблизилось. Нечего засматриваться на гостиницу — землю и на совершающееся в ней.

5 июня 1862 года

№ 50

Благословен Бог, освободивший Тебя от уз мира и дарующий Тебе возможность приготовиться покаянием к переходу в вечность. Бабаевский монастырь есть весьма удобное место для та-

кой жизни, с такой целью, с целью приготовления себя в вечность. Монастырь очень уединен, не только зимой, но и летом. В бытность Твою в Москве Тебе не мешает побывать у Митрополита и у Викария и принять благословение их, как у Святителей.

14 июня 1862 года

№ 51[1]

Ваше Превосходительство,
Любезнейший Братец,
Петр Александрович!

Видя себя пришедшим в крайнее изнеможение и болезненность, знаменующие приближение общего всем человекам преселения из гостиницы — земли в вечность, покорнейше прошу Вас принять на себя, в случае моей кончины, распоряжение всем моим, впрочем весьма небольшим, имуществом, согласно прилагаемой при сем копии с предложения моего Костромской Духовной Консистории и **согласно словесно сделанному мною Вам завещанию**. Получив от Вас значительное денежное пособие во время нахождения моего на Кавказской Кафедре, я прошу Вас принять те вещи, какие найдете нужными и полезными для себя и для сына Вашего, Алексея Петровича, в Вашу и его собственность; другие отдать настоятелю и раздать братиям, преимущественно же тем из них, которые послужили мне лично. Главные предметы имущества моего состоят из: 1) Библиотеки, 2) Белья, шуб и разного платья, из которого цветные и бархатные рясы предназначены мною для ризницы Бабаевского Монастыря, 3) Экипажей: доршеза, кареты и зимнего возка. — Сочинения мои, остающиеся в рукописях, передаю сполна в Ваши собственность и распоряжение.

Вам известен мой образ мыслей: почему понятно для Вас и то желание мое, чтоб оставшееся после меня имущество, как приобретенное при убогом служении моем Церкви, а не от родственников, поступило в пользу Церкви, ее служителей и нашей братии. Я убежден, что Вы исполните отчетливее и лучше мое желание, нежели как исполнил бы его я сам, и потому останавливаюсь от всякого мелочного распоряжения, могущего неожиданно затруднить Вас в Вашем действовании.

Милосердый Господь, по единой милости Своей, да отверзет мне врата милосердия Своего, да примет в них сиротствующую и нищую душу мою из среды многомятежного мира сего, да упокоит ее во Царствии Своем. В свою чреду, которая непременно наступает для каждого земного странника, воззваны будете и Вы

предстать Богу. От всея души желаю, чтоб это воззвание было услышано Вами с радостию, как призвание к радости вечной, не наветуемой и не пресекаемой уже никакою скорбию.

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга и брат

Епископ Игнатий.
№ 209
июля 9-го дня, 1862 года

[1] Завещание святителя Игнатия.

На подлинном завещании Епископа Игнатия имеются следующие надписи:

1) «Что сие письмо написано и подписано рукою Его Преосвященства Епископа Игнатия, в том удостоверяю. Костромской губернский прокурор Коллежский Советник и Кавалер Петр Николаев Кащиев. Что сие письмо написано и подписано рукою Его Преосвященства Епископа Игнатия, в том удостоверяю — Советник Костромского губернского Правления Надворный советник Александр Васильев Попов. В том же удостоверяю Председатель Костромской гражданской Палаты Коллежский Асессор Петр Иванов Коровин.

2) «По указу Его Императорского Величества учинена сия надпись в том, что настоящее домашнее духовное завещание, по смерти завещателя Преосвященного Епископа Игнатия, последовавшей 30-го апреля сего 1867 года, к явке в Костромскую Палату Гражданского Суда представлено 12-го мая сего же года при прошении родного брата завещателя, Действительного Статского Советника Петра Александровича Брянчанинова. Гражданская Палата по отобрании от подписавшихся под завещанием лиц установленных допросов, постановлением, состоявшимся 20 сего июля, заключила: усматривая, что домашнее духовное завещание Преосвященного Епископа Игнатия в форме своей составлено согласно 1014, 1046, 1050, 1051 и 1054 ст. I ч. X т., к явке представлено в установленной 1060 и 1063 ст. срок, подлинность его удостоверена законным числом свидетелей и спора на завещание ни от кого не объявлено, Гражданская Палата, не входя, за силою 1042 ст. I ч. X т., в рассмотрение законности содержащихся в завещании распоряжений, определяет: подлинность сего завещания засвидетельствовать со внесением в крепостную книгу и о том учинить на завещании установленную 917 ст. I ч. X т. надпись, выдать оное предъявителю Действительному Статскому Советнику Петру Александровичу Брян-

чанинову, при чем взыскать с него за акт 3 р<убля>, гербовые пошлины за употребленную по этому делу вместо гербовой простую, пять листов, бумагу — 2 р<убля> и за лист, следующий для написания завещания, по цене имения 700 р<ублей> и по количеству не полученной завещателем пенсии 250, итого девятьсот пятидесяти рублей, — 3 р<убля> 50 к<опеек>, а всего восемь рублей 50 к<опеек>, крепостных же пошлин с цены завещанного имения, на основании 372 ст. т. V Уст. о пошлине и 376 ст. того же тома и устава по продолжению 1864 года, не взыскивать, так как имение переходит к родному брату завещателя с выдачею из оного некоторых вещей братии Николаевского Бабаевского монастыря. О записке денег 8 р<ублей> 50 к<опеек> в приход приходорасходчику дать указ. Вследствие чего означенные пошлины 8 р<ублей> 50 к<опеек> взысканы и в приход записаны, а сие домашнее духовное завещание, по записке подлинником в крепостную книгу под № 35-м, выдано Действительному Статскому Советнику Петру Александровичу Брянчанинову с распискою в той книге июля 25 дня 1867 года.

За председателя товарищ его Н. Френев, секретарь Николай Баскаков, И. д. Столоначальника Ремщов. Печать Костромской Гражданской Палаты».

№ 52

Милосердый Господь да благословит твое путешествие и да дарует из духовной сокровищницы Своей разум и премудрость совершить все по Его воле, во славу Его святого имени и к пользе душ наших.

Когда я жил в Сергиевой пустыни, тогда не благоволили, чтоб мои сочинения были издаваемы печатно, имея на то свои причины. Может быть, эти причины существуют и доселе. Что ж касается до меня, я никак не ищу напечатания моих сочинений, никак не признаю их достойными напечатания или способными к назиданию христианского общества. Следовательно, если встретится препятствие к напечатанию, то не усиливайся, чтоб напечатали. Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики. Впоследствии один цензор был столько добр, что сказал о существовании тайного приказания относительно моих

сочинений, после чего я не стал беспокоить цензуру представлением туда трудов моих[1]. И теперь буду вполне мирен, если откажут в напечатании. Вообще, писания людей, проводивших аскетическую жизнь, гораздо удобнее печатать по смерти их. Итак, если предварительно изъявят согласие, то пусть напечатаются те сочинения, которые я назначил к напечатанию. Если ж увидишь сомнения и колебания, то это — верный признак нежелания. Никак не попусти, батюшка мой, измарать рукопись «Поучений». Она у нас одна, и может быть полезною для келейного нашего употребления. Бог да устроит лучше! Может быть, отказ в напечатании послужит мне же, и вообще нам, к добру: охранит от многих неприятностей, которые могут возникнуть из самого напечатания, по духу времени и по множеству недоброжелателей. Наш век очень мудр и требует особенной мудрости в поведении.

Впрочем, да дарует Тебе Господь поступить с мудростию. По мнению моему, должно охранять с величайшим тщанием наше положение, нам устроенное и даруемое Самим Богом для нашего приготовления к переходу в вечность, к граням которой мы оба приблизились, особливо приблизился я.

30 сентября 1862 года

[1] Не знаю, о ком хотел сказать Пр<еосвященный> Игнатий, не назвав цензора, передавшего ему тайное распоряжение, но знаю верно, что Варшавский Архиепископ Иоанникий, бывший некогда также цензором, то же самое передавал С.-Петербургской купеческой жене Татьяне Семеновне Митрополовой (Никифоровой). — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

№ 53

Мое здоровье как и было. То поотдаст, то опять так прижмет, что поневоле начнешь думать о смерти. В моей спальне повесили густые ситцевые занавеси, отчего эта келлия приняла характер затворнический. Никогда помещением своим я не был так доволен! Иногда взглянешь на мои две комнатки — и они представляются как бы раем. Вообще положение мое на Бабайках самое соответствующее состоянию моего здоровья и душевному настроению, а потому и самое удовлетворительное. Заметно, что оно становится лучше и лучше! Это заставляет предполагать, что мы будем очень спокойны, когда пообживемся да устроимся, — когда опасающиеся нас убедятся, что нечего опасаться.

14 октября 1862 года

№ 54

Во-первых, милость и благословение Божие да покроют нас и да даруют Тебе устроить все по святой воле Божией к нашему спасению и спокойствию; к спасению и спокойствию сожительствующим нам отцам и братиям. О сочинениях моих. Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднения. Недавно мы говорили с о. Иустином, что древние отеческие книги для монахов никак не могут быть применены вполне к современному русскому монашеству. Наиболее применимая книга это — преп. Нила Сорского, но и та написана именно для безмолвников. Что ж я увидел недавно, пересматривая написанное мною для переписки о. Моисеем. Увидел, что мои грешные сочинения содержат в себе приспособление учения преп. Нила к современному монашеству, а именно «Аскетические Опыты» могут удовлетворить этой цели. Их и переписывает о. Моисей.

Сердечно радуюсь, что ты сошелся с П. И. Соломоном[1]. Лично я его не знаю, но с Евдокией Ст. и А. В. нахожусь в лучших отношениях. Вероятно, я знаком с супругою Соломона, но не помню ее и не знаю имени; напиши мне его. Не подивись приему Ахматова: люди, хорошо знающие свет, обыкновенно недоверчивы, и это очень умно; а кто доверчив, того горькие опыты выучат быть недоверчивым. Наши нужды очень мелочны. О них не стоит беспокоить Обер-Прокурора. Если будет внимателен к ним Петр Иванович — этого предовольно. Очень буду рад лично познакомиться с П. И. и его семейством, если они посетят Бабаевский монастырь, который по направлению братства и по уставу очень похож на Оптину. Монастырь здешний менее посещаем, и братство проще.

Об о. Иустине и старшей братии. Совет Петра Ивановича считаю очень основательным, а потому и не буду делать иного представления. Надо дать время, чтоб в нас всмотрелись и в нас удостоверились. Св. Тихон Воронежский пишет в келейных письмах, что люди судят по себе. Ты думаешь нас не подозревают в какой-либо земной цели те, которые кроме земной цели иной не имеют? Подозревают, знай наверное.

Милостыню подавай понемногу, лишь бы не огорчить просящих отказом. Относительно себя, благодушествуй. Преподобный Варсонофий Великий писал Пр<еподобному> Иоанну, который прежде вступления в безмолвие должен был похлопотать

и потрудиться для устройства обители, для чего и ездил из Палестины в Египет: «Не унывай в скорбях и трудах телесных, которые несешь, трудясь ради нас и ради нашего общежития, ибо и это также значит положить душу свою за братий. Надеюсь, что велика будет награда за труд сей» (Ответ 9-й). На настоящем Твоем развлечении основано Твое будущее — прочность Твоего спокойствия.

18 октября 1862 года

[1] *Соломон Петр Иванович* — статский советник, Директор канцелярии Святейшего Синода.

№ 55

Сегодня получил письмо Твое от 20-го. Сон Твой прими, как напоминание о смерти, не приписывая ему ничего особенного и не отвергая его: так завещают святые Отцы. На Валааме иеросхимонаху Клеопе явился наяву Ангел и объявил ему, чтоб он приготовлялся к смерти, что иеросхимонах и исполнил, но скончался через девять лет. *У Бога день один, яко тысяща лет, и тысяща лет, яко день один*[1], — сказал Апостол.

25 октября 1862 года

[1] 2 Пет. 3. 8.

№ 56

Справедливо и весьма справедливо говоришь, что равнодушие, выказываемое нам, может обратиться к особенной пользе нашей — доставить нам, как забытым и устранившимся от общества, спокойно окончить остаток земного странствования нашего в приготовлении к будущей жизни. Выраженное участие могло бы притягивать нас к миру. Прекращение сношений с П. П. также может обратиться к умножению спокойствия, преградив возможность рассуждать с ним о положении Церкви, о которой печется Всемогущий Господь, которою Он невидимо управляет, попущая то, что Ему благоугодно попущать. Святые Отцы не велят безмолвствующим вдаваться и в благую, по-видимому, заботу о Церкви, так как они на это не призваны, а внимать себе.

28 октября 1862 года

№ 57

Сердечно буду рад, если всех сочинений моих будет издателем В. И. Аскоченский[1], и прошу его об этом. Да и в самом деле он — двигатель этого дела! Я вполне уважаю то самоотвержение, с которым он действует. Нападки прогрессистов, которым он подвергается, в глазах моих суть величайшие похвалы для него, так как нападки бесов на угодников Божиих.

Очень был бы я рад, если б известное Тебе предположение мое оказалось несправедливым! Я так напуган, столько видел злонамеренности, что почти потерял веру в существование благонамеренности. Вчера получил письмо от Угрешского Архимандрита Пимена; пишет, что его покровитель Пр<еосвященный> Леонид беседует с митрополитом о предоставлении мне епархии, что до них дошли слухи о впадении моем в уныние и проч. Я отвечал, что настоящим моим положением я вполне доволен и что болезненность моя делает для меня невозможным исправление служебной обязанности.

Посылка из Петербурга получена. Спаси Господи за труды Твои. Вообще, как полагаю, поездка твоя уясняет, определяет наше положение. Доставя спокойствие и пособие всему обществу, сам непременно ощутишь спокойствие, даже увидишь, что духовное занятие пойдет успешнее.

В<иктор> И<патьевич>, как издатель, может разослать и все мои сочинения от себя. Отсюда рассылать очень неудобно.

8 ноября 1862 года

[1] *Аскоченский Виктор Ипатьевич* (1813–1879) — редактор-издатель журнала «Домашняя беседа».

№ 58

Весьма благодарен Тебе, что Ты дал всем правильное понятие о моем положении. Надеюсь, что и Петр Иванович [Соломон] убедится, что для меня общественное служение невозможно и что можно быть полезным христианскому обществу из уединения, если в уединение человек призван богом. «Опыты» никогда не вышли бы такими, какими оказываются ныне, если б не были плодом уединения. Современная потребность «Опытов» будет ясно усмотрена всеми, понимающими практическую христианскую, особливо иноческую жизнь.

С особенным участием прочитал я известие о кончине А. А. Сухарева и об опасной болезни князя Барятинского. В тот путь, в

который один ушел, а другой собирается, подобает непременно в свое время, назначенное Богом, отправиться всем нам. При виде приходящей смерти теряют всякое значение все земные приобретения.

20 ноября 1862 года

№ 59

Начало письма моего будет ответ на конец Твоего, от 8-го ноября. Невозможно среди молвы удерживать свое настроение в одинаковом положении, как это возможно в уединении. Впрочем, и в уединении случаются уклонения, производимые страстями падшего естества, которые не могут не проявлять своего присутствия в человеке. На эти изменения должно смотреть благоразумно, как бы на перемены погоды, по сравнению, сделанному Пр<еподобным> Макарием Великим, и не оставаться долго в увлечении, скорее выходить из него.

Потрудись передать П. В., что я хотя и не знаком с нею лично, но по духу весьма знаком и очень радуюсь ее знакомству с Оптинскими старцами. Судьбы Божии — непостижимы, но по человеческому суждению нельзя довольно не пожалеть о кончине о. Макария Оптинского. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врожденные, образование себя чтением Отеческих книг, повиновение искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершил его в этом служении. Совет его А. В.[1] был бы существенно полезным. Мой путь был совсем другой: я был часто и подолгу болен, подолгу не выходил из своей келлии, терпел много неприятностей. Все это отделяло меня от общества человеческого и сосредоточивало в себе. Такое душевное положение лишило меня знания человеков. Чем далее иду путем жизни, тем более удаляется от меня это знание, потому что иду очень одиноко. Тебе известно, что и монах тогда только может взойти в сношение со мною, когда очень, очень приглядится ко мне. Странное дело! Когда мое самовоззрение увидят написанным, тогда оно нравится. Почему? Потому что привлекает также к самовоззрению. Полагаю, что о. Антоний Бочков может быть гораздо удовлетворительнее меня: он гораздо знакомее меня с человеками. Если же А.В. угод-

но будет что написать мне через П. В., то я сочту обязанностью своею отвечать тем же путем, что Богу угодно будет даровать в ответ.

Репный сок очень сильно гонит мокроты золотушные и ревматические. Советы с врачами отлагаю до весны. Хотел бы не лечиться вовсе — отвлекает от духовного делания.

21 ноября 1862 года

[1] *Александра Васильевна Жандр* — племянница святителя Игнатия.

№ 60

Сегодня кончено перепискою «Слово о страхе Божием и о любви Божией». Выправка дает статьям, написанным в разные времена и давно и очень давно, характер зрелости и характер целого. Как в настоящий труд я взошел не самопроизвольно, а как-то введен стечением обстоятельств, при том вижу, что выходит что-то особенное, то и позволяю себе полагать, что совершающееся совершается не без Промысла Божия. Когда возвратишься сюда и займешься чтением того, что переписано, сам увидишь значение, которое получают «Опыты». Составление их не отношу к себе, а к милости Божией, во-первых, ко мне, а во-вторых, к ближним моим. Открытая жизнь моя в Петербурге, в которой наружным блеском прикрывалось страдание, соблазняла многих и еще теперь многих удерживает в соблазне: «Опыты» могут значительно соблазнившихся уврачевать, а с меня снять грех, хотя отчасти, соблазна ближних моих. Притом эта книга может быть очень полезною, как я тебе писал, для всех иноков, даже мирян, которые желают быть христианами на самом деле, практически. Как книга ни скудна в сравнении с творениями Духоносных Мужей, но она из них заимствована, а это слабое заимствование куплено мною ценою жизни.

Св. Иоанн Дамаскин, когда возвратился старцем на жительство в обитель Препод<обного> Саввы, где он и начал свое монашество, то занялся пересмотром и исправлением своих сочинений. Блаженный Августин в старости составил отдельную книгу, которую назвал «Retractiones». В ней он изложил те изменения, которые признавал нужными в своих сочинениях, так как самых сочинений, уже распространившихся по всему свету, по сей причине, исправлять было невозможно. Прочитывая теперь сочинения, написанные мною, тогда как мне было сорок лет, нахожу мно-

го незрелого, недостаточно понятного, а потому недостаточно объясненного.

22 ноября 1862 года

№ 61

Напечатание «Слов» состоялось по особенному Промыслу Божию. Этим же Промыслом Божиим могут охраниться книги от злонамеренных замыслов.

Смущения твои возложи на Бога, Который предвозвестил, что соблазнам подобает придти. Нам надо внимать себе, своему спасению, и знать, что предречение Святого Писания о всеобщем отступлении от православной веры должно совершиться в свое время.

3 ноября 1863 года

№ 62

Монах Авель, предсказавший взятие Москвы французами, говорил, что наступит время, когда монахов сгонят в несколько монастырей, а прочие монастыри уничтожат. Надо понимать дух времени и не увлекаться прежними понятиями и впечатлениями, которых в настоящее время осуществить невозможно. Важность — в христианстве, а не в монашестве; монашество в той степени важно, в какой оно приводит к совершенному христианству. И самые церковные бедствия без попущения Божия совершаться не могут.

«Аскетические Опыты» и «Аскетическая Проповедь» должны составить чтение крайне полезное для современных истинных христиан, крайне нужное для них по духу и настроению современным. Надо каяться, молиться и охраняться от прелести, потому что в настоящее время большая часть желающих благочестно жить и мнящих о себе, что они живут благочестно, разгорячены вещественным разгорячением и находятся в большем или меньшем самообольщении.

17 ноября 1863 года

№ 63

Все мы под Промыслом Божиим. Устройство внешних дел в настоящее время приготовит спокойствие к тому времени, когда спокойствие внешнее будет нужно по причине приобретенного внутреннего спокойствия. Теперь Тебе нужно изучить в себе

падение человека. «Отдай долг страстям», — сказал св. Исаак Сирский. Я во внешних делах мало знаю толку, и ум мой, будучи с юности направлен к самовоззрению, мало способен к удовлетворительному обзору внешней, временной, земной обстановки человека.

Слышу, что писания мои, заимствованные из изучения Отцов, встретили нарекания и некоторые гонения: это благой признак. Бог праведен и возмеряет в меру, в которой человек возмерил своим ближним. За насыщение душ духовною пищею твоя душа будет насыщена ею. Это не мое слово, это слово Евангелия. Лишь бы дело делано было не для человекоугодия и не для тщеславия, а во славу Божию и в пользу христианства. Много многие соблазнялись: пусть уврачуются, по милости Божией, назидательным словом во спасение свое и мое.

Тебе с сыном остается благодарить Бога и хранить дарованное вам Богом стремление ко спасению яко вся земная мимо идут, а приобретенное во времени вечное спасение сопутствует человеку в область загробную и вводит его в небо.

Так назрело в монастырях внутреннее расстройство, что ему необходимо разразиться самыми ужасными приключениями. Общее нравственное расстройство и утрата веры предсказаны в Священном Писании: нам надо внимать себе.

Какие времена! Не к кому обратиться с доверенностью. Милость Божия привела нас в уединеннейший уголок, и притом когда я уже потерял всю надежду видеть на земле живой Сосуд Святаго Духа, открыла такой Сосуд и ввела в ближайшее общение с Ним.

27 ноября 1863 года

№ 64

Господь не оставляет тех, которые предают себя в служение Ему: попуская им разлиться скорби для их обучения и воспитания, Он держит их в деснице Своей, храня, яко зеницу ока. По временам приходят брани: да кому же они не приходят? Они необходимы для духовного преуспеяния.

Плотские чувства, истекающие из плотского родства, препятствует усвоению чувств духовных и самой деятельности по закону духовному, требующему распятия для плотского мудрования. Духовного преуспеяния Тебе надо искать в отсечении Твоей воли. Это дело умерщвляет страсти, и изводит, как из ада, из плотского мудрования. В отсекающем свою волю действие молитвы явля-

ется само собою при упражнении во внимательной молитве с заключением ума в слова молитвы. Если предварительно не очистится человек отсечением воли, то истинного молитвенного действия в нем никогда не откроется. Когда же откроется молитвенное действие, тогда сделается ясным, что оно — ничто иное, как полное отвержение своей воли ради воли Божией.

22 декабря 1863 года

№ 65

Сейчас должна быть у меня всенощная. В эти часы, в 1827 году, я прибыл в Александро-Свирский монастырь на жительство, прямо из офицерского мундира.

24 декабря 1863 года

№ 66

В разговоре о монашестве то место, которое изменено при напечатании в «Домашней Беседе», я вовсе выкинул, заменив десять страниц двумя, благочестиво и назидательно (в частном смысле), отказавшись от суждения о приведении монастырей в порядок, хотя недавно, в сочинениях преподобного Антония Великого, прочитал именно такое предсказание о монастырях и о причине их упадка, какое было написано мною. Не хочу, чтоб от меня выходило подло-уклончивое и колеблющееся свидетельство об истине. Не желают слушать? Так лучше молчать. Возгласят события. Заразительная смертоносная болезнь, когда ее не лечат правильно, а только прикрывают, — усиливается и усиливается. Должна ж она и разразиться. «Опыты» доказали это.

Темное и отвлеченное понятие о духах, заимствованное у западных схоластиков, равновесно совершенному отвержению их и может решительно сбивать с толку истинных подвижников, как это делают многие новейшие сочинения, написанные из одного знания по букве, по наружности своей принадлежащие Православной Церкви, но по духу, более или менее отделившиеся от нее. Цель Матвеевского <критик «Слова о Смерти»> и партии его состояла и состоит в том, чтоб отвлечь читателей от сочинений определенно-православных, а для достижения цели нужно было закидать сочинения грязью. Этим я не смущаюсь, напротив того, ободряюсь и утешаюсь. Наругания служат очищением для меня. Притом из Церковной Истории видно, что лица и писания точно — церковные были встречаемы и пресле-

дуемы ненавистью сынов мира. Но сила Божия являлась из немощи человеческой, и тогда гонимые и угнетаемые одерживали победу над сильными гонителями своими в результате борьбы.

Монастырская жизнь открывает человеку его немощи. Св. Исаак Сирский сказал о себе, что он получил в этой жизни бесчисленные уязвления от врага. Не кто иной — Бог попускает врагу ударять нас для нашего смирения. Будь мирен и спокоен, хранясь от поползновений *и не требуя от себя непоползновенности.*

27 декабря 1863 года

№ 67

Говорил я Тебе о необходимости отсекать волю Твою. Это относится именно к молитвенному подвигу. Ты должен отречься сам в себе от всякого сознания в достоинстве и преуспеянии, и в нищете духа (что и есть отсечение воли), во внимании словам и страхе Божием предстоять мысленно Богу, вопиять о помиловании и всего ожидать от милости Божией. Он сотворит с нами по воле Своей и по милости Своей: тогда ясно будет, что дарованное Богом совсем иное, нежели что предполагал получить человек. Для не отрекшихся от своей воли опасна прелесть. Говорю существенно нужное для тебя.

Кому поддержать Церковь? Для этого нужны люди благодатные, а плотское мудрование способно только повреждать и разрушить, хотя оно в гордости и слепоте своей мечтает и провозглашает о созидании.

4 января 1864 года

№ 68

Сочинения принадлежат не мне, а милости Божией, которая захотела ими вознаградить мое убогое произволение, данное ею же, и те лютые скорби и гонения, которые мне были попущены и от которых Господь избавил меня, выведя из житейского моря в пристанище уединения.

«Странник», журнал вредный для духовенства, как отделяющий его от народа в касту, и не только не укрощающий, но и разжигающий ненависть касты к прочим сословиям. Для овец оружие волков неестественно. Овцы покоряли волков любовию и кротостию, а если в дело пошли зубы, то овцам не устоять, особливо при нынешнем охлаждении мирян к религии, а паче к духовенству.

Об епархии думать мне невозможно по расстроенному моему здоровью и по отдельному, отдельному совершенно характеру моему от всех архиереев. Они — воспитанники Академий, а я — воспитанник монастыря, следовательно, персона решительно отсталая, нисколько не подходящая к целому составу. Настоящее мое положение — самое нормальное.

8 января 1864 года

№ 69

Напечатание моих сочинений, очевидно, дело Промысла. И я, и ты, и о. Фотий, и В. И. Аскоченский, и Глазунов, и София Ивановна — орудия. Всем дано дело в общую пользу, а следовательно и в свою.

Изучающие христианство по букве и утратившие деятельное изучение его, имеют одно учение для себя, а другое для других.

10 января 1864 года

№ 70

При молитве нужно отрицаться от себя, т. е. не признавать себя достойными какого-либо преуспеяния, а заботиться о том, чтоб молитва была совершаема со вниманием. Впоследствии увидишь, что все Твои стремления к преуспеянию были ничто иное, как увлечения — по причине вещественного разгорячения, без чего невозможно обойтись всякому, вновь начинающему молитвенный подвиг, в котором сосредоточиваются и для которого предпринимаются, как служебные ему, все другие подвиги. С разгорячением всегда соединено самомнение. От самоотвержения, которое выше объяснено, является истинное смирение духа, нищеты духа, а такое смирение привлекает к человеку милость Божию.

Когда человек сподобится ощутить что-либо духовное, т. е. ощущение от Бога, тогда он поймет, что все собственные душевные ощущения ничтожны, сопряжены с самообольщением. К земле обетованной надобно пройти чрез пустыню. Идя по этой пустыне, надо знать, что она — пустыня, а не земля обетованная, чтоб не принять какого-либо оазиса пустынного с роскошною и богатою природою за землю обетованную и по этой причине не лишиться земли обетованной. Оазисы суть те утешения и особенно ясные самовоззрения, которые даются по временам новоначальному в подвиге молитвы. На них не должно обращать осо-

бенного внимания. Первый духовный дар есть благодарное внимание при молитве, какового при одном собственном усилии невозможно иметь.

11 января 1864 года

№ 71

Когда старые люди с растраченным здоровьем, оставя направление, которого держались век свой, усиливаются идти наряду с молодыми, то положение их делается странным. Только мешают!

Добрые дела сопряжены с трудом и скорбями. «Добродетель, — сказал некоторый отец, — не сопровождаемая скорбью, не есть добродетель».

16 января 1864 года

№ 72

Очень согласен я напечатать «Взгляд» в «Домашней Беседе», равно и «Дополнительные цитаты к Слову о Смерти о местонахождении рая и ада». Эти статьи могут служить материалом или справкою для тех, которые захотят заняться составлением систематического сочинения по сему предмету. Так оглашено Богослужебными книгами и вообще Церковными, издаваемыми по определению или одобрению Святейшего Синода, что возглашением против этого учения, сделанным священником Матвеевским, возбуждено негодование многих православных, о чем писали мне многие, предлагая подать свой голос. При этом делаемы были вопросы: чему нам прикажут верить, когда велят отвергать то, чему мы научаемся веровать из Богослужения нашего и при чтении книг святых отцов Православной Церкви. В Питере пятьдесят священников соблазнились на «Отзыв» в минуту разгорячения, а в России всё читающее Православие соблазнилось на возглашение священника, соблазнилось как на содержание его, так и на образ изложения.

Пастырям Петербургским надо быть подальновиднее, понимать, что переходное состояние для всех переходное, и не отталкивать от себя паствы, из которой верхний слой склоняется более, нежели к индифферентизму, а нижний — к отпадению в раскол. И первые, и вторые подчиняются неблагоприятному на них влиянию по той причине, что не видят веры и плодов ее там, где должно видеть их. Что же еще, когда и голос раздается против Церкви? Я знаю Петербургское духовенство. Очень добрые

люди, и сердятся на меня не в первый раз. Могу к ним относиться как к знакомым, почему прошу Виктора Ипатьевича передать им сообщаемые здесь сведения. Право, осмотрительность и благоразумие нужны. Увлечение может очень повредить. Напечатанное в «Домашней Беседе», что некий мусьё обещал сынку своему ребенку, что ко времени его вступления в супружество попов не будет, произносится многими мусьё.

Потрудись передать от меня Виктору Ипатьевичу, что он подвижник, как единственный современный голос, противящийся реформационному в деле веры и Церкви началу и за это подвергающийся скорбям и поношениям, которые поставляют его на почетное и высокое место в глазах Православных. Это не мой отзыв исключительно: это общий отзыв. Добродетель, сказали Отцы, неискушенная напастью, не есть добродетель.

Смотря на происходящее в мире, смотря на назначение тех или других лиц на те или другие места, положимся, батюшка, на Бога и возблагоговеем пред самыми попущениями Его. Он промышляет о всех. Например, взгляни на себя: хлопоты Твои о духовных книгах сколько раскрыли Тебе глаза! А это необходимо в основание жительства духовного. Слепой праведник тотчас в яму ввалится. Ты сам можешь уже понимать, как слепота и неправильность взглядов вредны. Все дело портят.

1 февраля 1864 года

№ 73

Посылаю «Взгляд» и дополнительные цитаты к «Слову о Смерти». Они составляют собою материал для разработки вопроса без всякой полемики. В сущности, материал этот таков, что он заградит уста, отверзающиеся против прямого и открытого учения Церкви. Из «Взгляда» видно, что все понятия заимствованы рецензентом из западного учения, противного учению Восточной Церкви.

3 февраля 1864 года

№ 74

Памфлет Матвеевского (этой ругательной и злобной рецензии, иначе назвать нельзя) напечатан беспрепятственно, несмотря на то, что в нем отвергается учение, преподаваемое в Православном Богословии, общепринятом в духовных учебных заведениях по определению Святейшего Синода. «Отзыв» на этот

памфлет также напечатан во успокоение остающихся чад Православной Церкви. Если напечатаются «Цитаты» и «Взгляд», то для успокоения чад Церкви более ничего и не надо. Возгласы священников, если и будут напечатаны, не будут иметь никакого значения для чад Церкви, кроме того значения, что эти священники отступили от учения Церкви. Полемику с нашей стороны можно будет признать конченною. Если духовное начальство захочет принять меры к прекращению соблазна, то это его добрая воля. Соблазн истекает из действий «Странника», но нам никак входить в это дело не должно. Вероятно, если что и сделают, то сделают под рукою. Напечатание же «Цитат» и «Взгляда» для всех будет полезно, потому что редко кто знает, что в Богослужебных книгах наших выражается с такою определенностию местонахождение рая и ада. Стихиры и тропари, в которых излагается это учение, читаются наиболее наскоро и без внимания, а потому остаются не примеченными большинством даже священнослужителей. Из дела скорбного и неприятного может, по милости Божией, выйти дело общеполезное.

Об «Отзыве», сделай милость, никому, никому из духовных не говори: это их только обеспокоит и нам принесет непременно вред. Как будто ничего не было. Делу не должно давать вида серьезного. Прочитают «Цитаты» и «Взгляд» и сами поймут, что неловко им выставить себя перед публикою отступниками от Церкви. Таким образом дело затихнет и на будущее время будут осторожнее из опасения «Отзыва». Я их знаю: самые добрые люди.

5 февраля 1864 года[1]

[1] Писано в ответ на предложение действовать против распространения злоучения рецензии Матвеевского чрез высшее духовное начальство. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

№ 75

На монастыри плоха надежда: они внутри выпрели и уничтожились, их еще поддерживает рука Божия ради нескольких благонамеренных иноков, как обетовано было Богом пощадить Содом и Гоморру, если б нашлись в них десять праведных людей. Иеромонах И. в Семинарии был недавно на большем обеде, и когда начался разговор о монашестве, то, сказывают, он подал голос и витийствовал, что надо бы уничтожить это бесполезное сословие тунеядцев. Также некоторый архимандрит, высоко стоящий в епархии, говорил о себе, что он непременно оставил бы

монашество, если б не затрудняли его постановления для оставляющих оное. Не все так откровенны, но большинство так думает, т. е. большинство настоятелей, преимущественно из духовного звания. Многие монастыри из пристанищ для нравственности и благочестия обратились в пропасти безнравственности и нечестия: самому твердому характеру не устоять. По этой причине нужна молитва, усердная молитва к Богу, чтобы Он наставил Алексея на путь Свой по Своей святой воле. Мнение разгоряченное слепцов, которые все видят в цветущем виде, не должно иметь никакого веса.

Все дела, которые делаются ради Бога, сопряжены со скорбями. Святые Отцы признают добродетель, не сопряженную со скорбию, отверженною Богом. На впечатлении, производимом в душе добрыми делами, сопряженными со скорбями, зиждется истинная молитва.

Писания Отеческие была запечатлены скорбями написавших оныя Отцов. Преподобному Максиму отрубили кисти рук за его сочинения против монофелитов. Итак, не дивись нашим малым скорбям и не унывай от них, паче же смотри на них, как на свидетельство милости Божией.

7 февраля 1864 года

№ 76

Монастырь принес Алексею несомненную пользу, дал ему благочестивое направление, которое обыкновенно остается на всю жизнь, иногда засыпает на время, но потом снова пробуждается.

Нисколько не смутись выходом Алексея из монастыря. Насильственному и фальшивому его положению в монастыре непременно должен был последовать какой-либо исход. Слава Богу, что исход устраивается разумный а не комический, или трагический. Я принадлежу к ревностнейшим монахам и признаю монашество учреждением Божественным. Что ж делать, когда человеки переделали его по своему плотскому мудрованию в карикатуру и истинное монашество захотели заменить в глазах человеческих актерством, мысль о Боге и Его вездесущии и совершенстве, обозревающих все и глубины сердца, оставив в стороне и забытии.

Положимся на Бога, Который предвозвестил, что придут соблазны и отступления. Когда таково попущение Божие, то нам нечего говорить и не подобает смущаться. Пусть все делается

так, как попускает всему делаться Бог. Мы должны благоговеть пред судьбами Его.

10 февраля 1864 года

№ 77

Не смущайся по причине этого скорбного обстоятельства, но со смирением, без порывов, изливай твою печаль пред Богом, моли Бога, чтоб Он покрыл сына Твоего милостью Своею и предай его воле Божией, а сам позаботься о спасении души Твоей; это нужно тем более, что уже немного времени остается Тебе для земного странствования и для приготовления себя к вечности. Переживаем трудное время в духовном отношении! За сто лет до нас св. Тихон говорил: «Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство». Пороки зреют от времени. Ныне лицемерство достигло до неимоверной наглости и бесстыдства. Опытность духовная дорого дается. Лучше выйти из монастыря и проводить в мире жизнь, соответствующую своему расположению, нежели, живя в монастыре с враждебным к нему чувством, проводить жизнь, нисколько не сообразную с монашескими правилами, чего неминуемым последствием обыкновенно бывает самый ужасный разврат.

14 февраля 1864 года

№ 78

Слава Богу за все! Да совершается Его Всесвятая воля над нами, а нам да дарует ся благоговение и покорность, которые мы обязаны иметь к судьбам Божиим. Не смущайся совершающимся, но положись на Бога о сыне Твоем, нуждающемся в особенной милости Божией. Я продолжаю беседовать с ним за послеобеденным чаем: целию моею при этих беседах — желание доставить ему правильное направление при вступлении его в новую жизнь и укрепить в нем веру, к которой начало раскрываться сердце его и которой он прежде не понимал. Вместе с тем советую Алексею принести раскаяние пред Богом, чтоб получить от Бога прощение и привлечь на последующую жизнь свою Божие благословение. Я говорю с любовию, даже с веселостию, хотя и положительно: он выслушивает со вниманием и, может быть, с душевною пользою.

Святый Иов сказал, что вся земная жизнь человека сплошное искушение. Когда так определено Богом, то мы должны с

покорностию переносить скорби от постигающих нас искушений, и вразумляться ими для дальнейшей нашей деятельности. Преподобный Нил Сорский говорит: «Мнозем ненавидимо велие сие еже по Бозе своея воли отсечение, но кийждо ныне свое лихоимствует оправдание». — О таковых в «Божественной Лествице» речеся: «Лучше есть отгнати от Обители, нежели оставить послушника свою волю творити: отгнавый бо множицею отгнаннаго смиреннейша сотвори, и свою прочее научи отсекати волю», а кто под видом человеколюбия снисходит к таковым, то их доводит до того, что они во время исхода ужасно проклинают его. В этой же статье преподобный Нил говорит, что непременно подобает монашествующему жить по преданию святых Отцов: хотя мы и не можем сравниться с Отцами, но непременно должны жительствовать в их направлении и стяжать с ними единение в духе.

Святые Отцы смотрели на жительство отца с сыном в монастыре следующим образом: «Преподобный Мукий пожелал поместиться с осьмилетным сыном своим в некотором епископском общежитии, коего игумен был муж благодатный. Он уразумел, что к Мукию есть особенная милость Божия, и принял обоих, отца и сына. По принятии они были разъединены, и, чтобы ввести Мукия в опытное познание самоотвержения, сын его подвергнут был и постоянно подвергаем разным скорбям, особенно тогда, когда он находился в глазах отца. Мукий пребыл твердым, при помощи того старца, которому он был вручен и начал ощущать по причине самоотвержения своего духовное преуспеяние. Игумен, прозрев это, восхотел возвести его в более трудный подвиг. Однажды, представясь рассерженным на сына, он приказывал отцу кинуть его в реку. Отец немедленно исполнил это, но у самого берега удержан был братиями, которые предварительно были тут посажены. В то же время последовало игумену Божественное Откровение о Мукии, и когда игумен кончался, то он, никого иного, а Мукия назначил своим преемником, как достигшего высшей степени самоотвержения, послушания и веры. Эту повесть передает преподобный Кассиан в общее назидание монашествующим. Чтоб действовать точно так, надо иметь благодать св. Игумена с одной стороны, и силу произволения Мукия с другой, но действовать в этом духе — необходимо. Противное этому действие признается в духовном отношении прелюбодеянием и сопричисляется к действиям во спасение души в веце сем для погубления ее в вечности, в противность заповеди Спасителя, Который повелел

погублять душу свою в веце сем для спасения ее в вечности. Таково плотское милосердие, упоминаемое преподобным Нилом: это то милосердие слепое, которое губит и себя, и того, о ком оно милосердствует. Пишу это, чтобы ты уразумел кознь вражескую. Монастырская жизнь — дело мудреное: на ней враг старается уловить и повредить подвижника своими непотребными правдами. Познается же действие вражеское по отъятию у сердца спокойствия и по состоянию недоумения, в которое приводится человек. *Трезвитеся, бодрствуйте*, — говорит Святой Апостол Петр, — *зане супостат ваш диавол яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*[1]. Диавол действует именно против желающих спастись, а не против преданных греху и суете, яко самоуловленных. Бог же попускает все это для нашего смирения, чтобы мы видели, как легко бываем поруганы невидимым врагом и как удобна для него погибель наша по причине нашего скудоумия и нетвердости в вере: тогда Господь изъемлет нас Промыслом Своим и являет тем неизреченную Свою любовь и милость к нам, а сеть врага расторгается, как бы паутинная. Это все ясно видно из бывшего искушения.

Ты видишь теперь, как важно для спасения направление, доставляемое изучением святых Отцов, как оно редко и как доселе сильно и непреоборимо, Ты видишь, как козни демонские тонки, как они опутывают человека неприметно для него; Ты видишь, как современные люди плутоваты, как легко спасающийся (который по свойству жительства своего обыкновенно стяжевает простоту сердца) может быть обманутым. Горе единому, говорили святые Отцы, брат же от брата укрепляем, яко град утвержден. Молю милосердого Господа, чтоб Он благословил намерение твое и мое не разлучаться нам до смерти. О. Иустин есть единственное лицо, вступившее со мною в единение по духу, имеющее самоотвержение и способное носить немощи ближних. Он понимает Тебя с совершенною правильностию и видит Твою способность к самоотвержению. Это человек, которому после меня наиболее свойственно быть близким к Тебе. О<тец> ...слабого характера и побежден глубоко прелестью, которую захватили в Никифоровской, ища наслаждения прежде покаяния. Он расстроил этим дух свой, скривил ум, а самомнением и гордостью прелесть в нем поддерживается.

У нас в России люди более православны по чувству сердца, нежели по умственному убеждению.

20 февраля 1864 года

[1] 1 Пет. 5. 8.

№ 79

Первое слово этого письма об Алексее. Он продолжает беседовать со мною на послеобеденном чае. Сознание, в какой бы степени оно ни было, вывело его из фальшивого, напряженного состояния в более правильное, а потому и более спокойное. Совет мой, что нужно принести Богу покаяние в драматическом вступлении в монастырь и в драматическом пребывании в монастыре для отвращения гнева Божия и для привлечения благословения Божия на последующую жизнь, он принял и занят этим в настоящее время с очевидною пользою для себя. Слава Богу!

Что касается до меня, то я гляжу на попущенное искушение, как на свое, по выражению святых Отцов, т. е. как на такое, которое было необходимо для душевной пользы моей, и потому именно было попущено Промыслом Божиим. По этой причине ни на кого никакой претензии не имею, тем паче на Алексея, а забота моя сосредоточена на том, чтоб плод искушения был обращен в пользу, как его, так и всех тех, которых искушение касалось. О. Иустин, единодушно со мною, находится в таком же настроении, как и я. Относительно Алексея сущность дела состоит в том, чтоб жительство его в монастыре оставило на нем благое впечатление. Это должно иметь влияние на всю жизнь его, на его веру, на его спасение. Сообщая это Тебе, желаю, чтоб и Ты вступил в одно настроение со мною, т. е. сознал, что искушение было нужным для Тебя, что оно очень полезно Тебе, как открывшее Тебе глаза на людей и на современное религиозное направление. Затем, поведение Твое относительно Алексея должно быть благоразумным и Богоугодным. Без первого не может быть второе. Необходимо оставить плотскую нежность, как средство обольщения, а действовать по правилам любви, заповеданной Словом Божиим. Прошедшее надо оставить, не входя подробно в тонкие расспросы и вопросы, что вовлечет его в ложь и обманы и уничтожит благие плоды, явившиеся в душе от некоторого сознания, к какому он был способен. Способность сознаваться является не вдруг, но от понуждения себя к постоянному сознанию и от навыка. Все нужное должно предоставить Богу, умоляя Его о милости. В этих случаях молитва бывает сильнее собственных действий.

Не скорби, что некоторые из сослуживцев твоих холодны к Тебе. Святитель Тихон написал из своего опыта, что когда человек посвятил себя Богу, тогда знакомые и ближние его стано-

вятся вдали от него, и чем он будет более приближаться к Богу, тем они будут более отдаляться. Недолго осталось нам пространствовать на земле! Великая милость, что Он даровал Тебе стремление к Богопознанию и спасению, что едино на потребу и что будет сопутствовать Тебе за гроб.

24 февраля 1864 года

№ 80

Постоянное благоговение пред судьбами Божиими необходимо для правильности духовного жительства. В это благоговение и в покорность Богу должно приводить себя верою. Все совершающееся совершается или по милости Божией, или по попущению Божию, т. е. все совершающееся совершается по судьбам Божиим, непостижимым для человека. Святые три отрока в пещи Вавилонской исповедали Бога, исповедали, что все гражданские и духовные бедствия, попущенные на них, и на Израильский народ, попущены по праведному суду Божию. Такое воззрение привлекает в душу мир, не попускает увлекаться разгорячением, направляет зрение ума к вечности, доставляет терпение в скорбях, которые и представляются кратковременными, ничтожными случайностями и мелочами. Всякий, призванный Богом к спасению, должен благодарить Бога за призвание и стараться воспользоваться им. Слова, сказанные Господом Апостолам Его: *не вы Мене избрасте, но Аз избрах вы*[1], относятся ко всем, призванным во спасение. Поверяю это по своей жизни и по жизни известных мне спасающихся: поверяя, нахожу высказанное мною мнение вполне оправдываемым опытами.

«Отзыв Православного» сделал свое дело и имеет свое значение. Он объяснил православным Церковное Предание, особенно важное для аскетов, а людям противного мнения заградит уста.

Матвеевский, хотя имел намерение подорвать мнение о «Слове» читающей публики, но послужил к оглашению и к усовершенствованию «Слова», которое сверх достоинства аскетического получило достоинство Богословского сочинения, первого по этому предмету на отечественном языке, как говорил это Матвеевский в своей рецензии. Промысл Божий устроил напечатание «Слова о Смерти» и «Опытов» точно также, как Он устроил и написание их. Не признаю эти сочинения принадлежащими мне. Они истекли из Отеческих Писаний и из милости Божией, а написать их даровано мне для пользы мно-

гих душ, следовательно и для пользы души моей. Также и Тебе даровано в этом деле потрудиться для спасения души Твоей. Сам видишь, какая настает нужда, чтобы деятельное учение Отцов, нравственное предание Церкви, почти совершенно забытое, было напомянуто. Служение Слову Божию всегда было сопряжено со скорбями, как противное духу мира. Но и над попущением скорбей бодрствует Промысл Божий, попускает каждому делателю поскорбеть столько и так, чтоб дело Божие было совершено с великим смирением и очищено было от примеси тщеславия и превозношения.

По особенной милости Божией, Алексей начинает усматривать всю неправильность своего вступления в монастырь и своего поведения в монастыре. Я стараюсь ему помогать в необходимом для него покаянии, выказывая точно так, как тебе написано, фальшивость и мрачность его поступков, чтобы покаяние его было истинным и послужило прочным основанием для предлежащего ему течения по поприщу земной жизни. Отверзши двери в свое сердце для убогих слов моих посредством малейшего сознания, он постепенно переходит к большему сознанию, доставляющему ему спасительное самовоззрение. По причине этого самовоззрения он пришел в правильное душевное настроение, за которое я благодарю Бога. Он понял, что слова мои, несмотря на наружную горесть их, существенно полезны для него. Дело дошло до того, что он просит меня на будущее время не оставлять его, по причине того благодетельного сближения, к которому привела его искренность, что я ему и обещал. Сознание должно храниться в человеке, как величайшее духовное сокровище, как основание всех благ духовных.

Извини, что беспокою тебя заботами по делу о постройке Церкви. Тебе известно, как я не желал затевать в монастыре никакой постройки, но необходимость приводит к попечениям. Живем не так, как бы желалось, но как Бог приводит жить. Он ведает полезнейшее, и настоящее положение должно признавать Его великою милостию.

25 февраля 1864 года

[1] *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал* (Ин. 15. 16).

№ 81

Да совершается воля Бога нашего, Управляющего и судьбою обществ и судьбою каждого человека в частности, и потому слава Богу и в действиях Его и в попущениях Его!

У петербургских во взгляде их обыкновенно бывает так называемая arrière pensée, дающая взгляду недоверчивость и подозрение, что в известном отношении имеет свое основание. Но от arrière pensée, более терпят благонамеренные люди, всегда имеющие в сердцах простоту и прямоту, как бы они ни были умны и способны для дела, нежели люди неблагонамеренные и своекорыстные, которые обыкновенно бывают хитры, как бы они ни были ограниченны. В этом я убедился долговременными наблюдениями. Следовательно, ежели окажется возможным, постарайся, кому нужно, дать правильный взгляд на мое положение. Я уверен, что многие в Петербурге подозревают во мне искательство и замыслы. Не имея понятия об истинном монашестве, находят монашество там, где одно лицемерство и ханжество и не видят его там, где оно точно есть, или судя по себе, не понимая, что даже может существовать искание вечного. Я уверен, что многие не верят, что я так ужасно болен и истощен, как я точно болен и истощен, сочиняют для меня настроения, сообразно своему настроению и принимают против этих сочиненных ими намерений свои меры. На это я имею доказательство. Нам надо сделать то, что зависит от нас. Затем: да будет воля Божия!

Когда священник Красноцветов издал «Историю Нового Завета», в которой говорилось, что Божия Матерь по Рождении Богочеловека престала быть Девою, и множество подобных хул, то многие из Петербургского духовенства ужасно рассердились на меня за то, что я в Сергиевой пустыни остановил эту книгу и препроводил ее к высшему начальству. Подобное видение в Церковной Истории: духовник Констанция, арианин, постоянно действовал против святого Афанасия, патриарха Александрийского; так и ариане постоянно направляли императрицу Иустину против святого Амвросия Медиоланского. Поборники Церкви всегда были гонимы. Слава Богу!

26–27 февраля 1864 года

№ 82

Пребывание в монастыре без искреннего желания вести жизнь монашескую, и потому устраняя от себя то поведение, которое

требуется правилами святых Отцов, может служить только вредом и поведет насилуемого к такой жизни к самым печальным последствиям.

Назначение архимандрита Иоанна[1] и другие назначения нисколько не заслуживают ни Твоего, ни моего внимания. Это — в характере современных событий, последствия которых ясны. К Иоанну не расположена партия Б-ва; вероятно, она будет интриговать против этого назначения. Равно и воззвание «Русского Вестника» не будет иметь никакого значения; не таков дух времени.

2 марта 1864 года

[1] *Архимандрит Иоанн (Соколов)* — о нем см. Настоящее издание, т. 2, с. 451 и далее.

№ 83

Монашество есть установление Божественное, при посредстве которого христианство достигает своего высшего развития. В числе правил этого Божественного установления имеется и то, чтоб вступали в монашество люди с истинным произволением и подвергали это произволение прежде принятия обетов строгому рассматриванию и испытанию.

Имеющим холодное и колеблющееся произволение, строго воспрещено вступление в монашество. Я вижу, как и прежде видел, что Алеша нисколько не был приготовлен к монашеской жизни, что он не мог иметь к ней правильного и основательного произволения, не имея о ней никакого понятия. Что в настоящее время смягчилось его сердце от сознания, и он вследствие такого смягчения располагает последовать моему совету, то такое расположение никак нельзя признать за произволение к монашеству. Оно — только следствие сознания и той доверенности, которая обыкновенно является по всяком, получившем облегчение и успокоение от сознания. Воспользоваться таким временным чувством для склонения к монашеству было бы с моей стороны преступным. Почему я признаю исшествие из монастыря для Алеши необходимостью, по неимению им произволения, а потому и нужных способностей к монашеской жизни, исшествие же, при чувстве сознания всей греховности своего поведения в монастыре, при чувстве раскаяния признаю особенною милостью Божией. Это может служить основанием для Божия благословения на будущую его жизнь. Если ж теперь оставить его в монастыре, то впоследствии, и даже в самом скором времени, недостаток истинного произволения возбудил бы

в нем самое неприятное чувство к монастырю и к тем, которые воспользовались бы безрассудно и в противность святым правилам минутною сердечною мягкостью молодого человека. Затем помещение в Вологде близ людей, которые могут поддержать Алексея, признаю самым лучшим для него.

3 марта 1864 года

№ 84

Алексею необходимы опыты жизни. Опыты всегда имеют свою горесть и свой труд. Но без них человек остается на всю жизнь свою куклою пустою. Опыты при жизни в Вологде будут наилегчайшие. Там нет таких бурь и пропастей, какие в шумном свете. Надо, чтоб мы поступили по воле Божией, а не по чувствам обманчивой и пагубной нежности: остальное Бог устроит судьбами Своими. Выход Алексея из искушения устроился милостью Божиею к пользе души его, приведши его к сознанию и к плодам сознания, что все доселе было незнакомо ему. После сознания, поступив по совету моему, он ощутил особенное облегчение. Это признак действия истины. Ты хорошо сделаешь, не позволив себе подробных расспросов, потому что святые Отцы воспрещают их делать прикоснувшемуся спасительного сознания. Очевидно: от стеснительных расспросов человек, лишь сознавшийся и сознавшийся с большою экономией, может перейти опять от сознания к запирательству и обманам, причем все благое действие, произведенное сознанием, изгладится из души. Непременно надо, чтоб оно осталось. Вероятно, он и сам выскажет тебе что-нибудь, из чего можешь заключить и о всем.

Храм вчерне должен строится три года. О! Как много времени для старых и больных! И для всех вообще! В такое время может случиться много вовсе неожиданного. Сделаем, что можно и что требует долг перед ближними, а об остальном положимся на Бога. Твое призвание к исследованию спасения очевидно. Ты помнишь, как долго в Ставрополе я останавливался говорить тебе многое о христианстве, вообще будучи не охотник тратить слова об этом святом предмете напрасно. Но Твое сердце согрелось по милости Божией и последствием Твоего внимания и усердия служит дарование Богом Тебе твоего единонадесятого часа на усвоение Ему.

7 марта 1864 года

№ 85

Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сору, а все в кучу да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи. Святые Отцы очень запрещают это тем, которые не могут правильно рассматривать себя: такое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство. От грехов остерегайся, в сделанных по немощи и увлечению раскаивайся, не позволяя себе при раскаянии приходить в недоумение и уныние, а безгрешности от себя не жди.

10 марта 1864 года

№ 86

Алексей Петрович процвел: очевидно от прекращения внутреннего смущения. Твое замечание справедливо, что впоследствии он будет жалеть о своем поступке; но дело делается согласно его произволению, по требованию совести и отеческих постановлений: если б это произволение насиловать, то такое насилие в скорейшем времени привело бы его в расстройство, которого уже и не поправить.

12 марта 1864 года

№ 87

Скорбями обучается каждый человек, которого благоволил Бог приблизить Себе. Скорби действуют подобно Vomitivum, извергая из внутренности зло и обличая его пред подвижником, да исцелится покаянием.

15 марта 1864 года

№ 88

Алеша очень поправился и очень весел, несмотря на Великий пост. Тяжкое бремя свергнуто с души! Произволения проводить монашескую жизнь у него не было и нет; вместе с тем монастырь принес ему существенную пользу, дав спасительно продолжительный отдых от гибельного кутежа и ознакомив с христианскою верою. По его собственному сознанию, он ничему не верил, когда выехал с Кавказа. Весьма хорошо сделаешь, взяв Пасху в Петербурге, иначе остаток поста будет потерян и для Тебя и для

Алексея: он отнимется возмущающими духовное настроение беседами и объяснениями.

Благословение Божие да почиет над Тобою за труды Твои о делах монастыря и напечатании книг, существенно нужных для христианства. Не думай, что эти труды устроились для Тебя без Промысла Божия: труды эти и сопряженные с ними скорбишки были для Тебя вполне полезны, открыв Тебе глаза на многое и доставив много случаев смириться. К келейному безмолвию Ты еще не созрел.

21 марта 1864 года

№ 89

За № 101-м донесено Синоду о спасении 14 человек от потопления. Их принесло пред монастырь на тихвинке и затерло льдом ближе к противоположному берегу. Поднялся вопль народа, находившегося на судне и увидевшего опасность своего положения; некоторые стояли с воздетыми к небу руками, как видно, на молитве. Помощь казалась невозможною, потому что река была покрыта ледяными глыбами. Одно известное Тебе самоотвержение о. Иустина могло воодушевить некоторых из братий. Они, имея во главе настоятеля, отправились на реку и, подвергая себя очевидной опасности, спасли жизнь 14-ти человекам. Особенно отличились иеромонах и иеродиакон Никодим.

2 апреля 1864 года

№ 90

Промысл Божий доставил Тебе такие труды, которыми приготовляется истинное, сердечное, духовное безмолвие, основанное на служении духа, а потому чуждое прелести, труды, которыми устраивается такому безмолвию прочное основание. Можешь сам заметить, что в этих трудах, скорбь соединена с утешением, а сами труды соединены со смирением, а не с тщеславным блеском. Образец таких трудов можно видеть в переписке преподобного Варсонофия Великого с Иоанном. С этой переписки начинается книга Варсонофия.

Алексей после сознания своего становится ко мне ближе и ближе. Он скорбит, что должен оставить монастырь, но видит и необходимость этого, не имея к монастырской жизни ни произволения, ни призвания.

Время много способствует к тому, чтоб установился правильный взгляд на предметы. Это могу сказать по отношению к «Ас-

кетическим Опытам». Напечатание их устроилось Промыслом Божиим. Сличая их с писаниями святых Отцов, вижу, что «Опыты» преподают самое новоначальное духовное делание, в разнообразной литературной форме, облегчающей чтение и заинтересовывающей к нему, что для настоящего христианского поколения крайне нужно и полезно. Отцы, по возвышенности своей, несмотря на простоту слога, мало понятны для этого поколения, в котором христианство до крайности слабо.

12 апреля 1864 года

№ 91

Получил книги «Патрологии». Как жаль, что наша Церковь лишена подобного сокровища, на стяжание которого употреблены были огромные средства. Видно, таково попущение Божие! Занялись не прославлением Бога, а суетным прославлением себя, и «студ» лица нашего покрыл нас.

Относительно наименования книги моей «Аскетическими Опытами» остаюсь при прежнем своем мнении. Теперь, по пересмотре, значительнейшем исправлении и огромном пополнении статьями иного рода, не видится возможности без серьезного и точного наименования: того требует свойство книги. Это книга мученика! Мученика за грехи свои и от грехов своих, но мученика. Книга легка по духу, но мысли и чувствования в ней глубокие и высокие. Легкое название, название нежное, — не идет к ее характеру серьезному: она должна носить наименование строгое.

20 апреля 1864 года

№ 92

Над построением храма Богоматери очевиден перст Богоматери; дарует ся человекам, труждающимся в деле, помощь; вместе дарует ся им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтоб очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтоб оно было совершено в богоугодном смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом.

Апостол Павел пишет, что ему сатана дважды возбранял придти к Солунянам для благовестия Христова. Иерусалимский храм выстроен во второй раз при многих препятствиях, а в первый при споспешествовании всех обстоятельств; но духовную славу первого храма далеко превзошла слава второго храма, удостоив-

шись приять в свои недра вочеловечившегося Бога. Преподобный Антоний Печерский говорил, что многие богатые князья и бояре с чувством самонадеянности и тщеславия выстроили монастыри и храмы на свое иждивение, беструдно; но храмы и монастыри, выстроенные иноческими слезами, молитвами их и усердием лиц, имевших смиренное положение в мире, оказались много превосходнейшими первых. Бог не любит разгорячения и не любит, чтобы дело, Ему благоугодное, делалось с разгорячением, а любит, чтоб оно делалось с упованием на Него Всемогущего и Всеблагого, с терпением и смирением, с благоразумием, которое невозможно соблюсти при увлечении в разгорячение. *С премудростию зиждется дом,* — говорит Писание, — *и с разумом исправляется* (Притч. 24. 3). Надо последовать наставлению Писания: торопливость может испортить дело.

Алеша очень мирен и очень мирен по духу, но его озабочивает предстоящая перемена жизни. Сознание, столько новое для души его, произвело в нем сильный переворот. В монастыре, и именно в Бабаевском монастыре, он приобрел веру, которой не имел до вступления в этот монастырь. Он очень сблизился со мною и на днях опять просил меня, чтоб я не прерывал сношений с ним, что я ему и обещал. Он увидел многое в другом виде, нежели в каком оно ему представлялось доселе. Дальнейшая его судьба в руце Божией, как и каждого из нас.

11 мая 1864 года

№ 93

Алексей от сознания, что он поступил в монастырь легкомысленно и в нем вел себя неправильно, перешел к правильному и прочному настроению христианина, сколько я могу то понимать. Чувство, которое он ощутил, обыкновенно не забывается во всю жизнь и является Ангелом-Хранителем даже при увлечениях, извлекая блаженным воспоминанием о себе из самой бездны.

Над всеми нами да будет воля Божия!

14 мая 1864 года

№ 94

Да совершится воля Божия по отношению к храму Божию в Бабаевской обители! Да совершается воля Божия во всех делах Божиих и во всех попущениях Божиих. Нам должно внимать

себе и молить Бога, чтоб Он даровал нам окончить дни наши в покаянии.

17 мая 1864 года

№ 95

Необходима преданность воле Божией в самых попущениях Божиих. Очевидно, что христианство — этот таинственный духовный дар человекам удаляется неприметным образом для не внимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегшего этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтоб не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, т. к. милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись.

NB. «Опыты», будучи книгою чисто духовною, должны быть полезными отечеству и в гражданском отношении. Книга производит сильное впечатление на многих, впечатление, совершенно отдельное от впечатления, производимого современными духовными сочинениями. Она становит внимательного читателя в разряд истинных православных христиан и дает ему решительное, одностороннее, спасительное направление. От развития идей православия и от твердости в православии зависит энергия народа нашего, самостоятельность его духа.

23 мая 1864 года

№ 96

Слава Богу за все! Поздравляю тебя с окончанием трудов твоих, которые возложились на тебя по Промыслу Божию, велись под покровом Божиим, окончились по милости Божией. Уповаем, что милость Божия покроет нас и на будущее время, попуская необходимые скорби для обучения и вразумления нашего и дивно изводя из них с плодом терпения и смирения.

№ 97

Относительно неприятности твоей по имению, то она не что иное, как искушение, подобное прочим искушениям. Осуждать себя полезно: это приводит к смирению. Засуждать себя вредно: это ввергает в уныние и расслабление. Дело кидать не должно,

тем более, что ты положил намерение употребить деньги на добрые дела, также оставление дела на произвол действующим неправильно, есть как бы принятие участия в неправильном действии, ко вреду их душ и ко вреду души твоей.

22 октября 1864 года

№ 98

Время наше — время тяжкое для истинных христиан по всеобщему охлаждению народа к вере и благочестию. Приехали наши сборщики с Кавказа, насбирав всего на все 100 р. с., они передавали мне слова некоторых благочестивых людей: «Прошло только 3 года, как Владыка уехал с Кавказа, но если б он возвратился теперь, то не узнал бы направления народа, устремившегося всецело к "светскости"». На обратном пути сборщики видели то же направление. Совершается предречение Писания об отступлении от христианства народов, перешедших к христианству от язычества.

NB. Книга «Опыты» доставит существенную пользу желающим спастись (в последнее время), существенно-необходимое для них учение о молитве и о прочих, содействующих молитве, христианских добродетелях.

19 декабря 1864 года

№ 99

Сочувствую тому, чтоб на 1-й раз были напечатаны одни «Опыты»; не могу дать ясного отчета, почему я желал этого, но желал. Устроилось так милостивою судьбою к нам грешным, поставившею нас на путь душеполезных скорбей и явно покровительствующею на этом пути.

22 декабря 1864 года

№ 100

Скудные вести, приходящие в наш монастырь, о состоянии христианской веры в России крайне неутешительны. С одной стороны, раскол, с другой — решительное отступничество. Общая безнравственность приготовляет отступничество в огромных размерах. Спасаяй, да спасает свою душу! Нынешним подвижникам предоставлен путь скорбей, внешних и внутренних, как самый благонадежный.

29 декабря 1864 года

№ 101

Заезжал ко мне протоиерей из того села, в котором живут потомки Сусанина, человек довольно умный. Он сказывал, что крестьяне пропились и обнищали донельзя, что этого тока ничем удержать нельзя, потому что вдавшиеся в пьянство будут пить водку и тогда, когда бы вздумали повысить на нее цену. Это доказано опытами. Вместе с разгульною жизнию явилось особенное охлаждение к Церкви и духовенству. Кутилы из крестьян кутят и впали в индифферентизм по отношению к религии; некутилы обращаются в большом количестве к расколу. Дворянство бедно и не может помогать церквам и духовенству, как помогали прежде. Содержание духовенства скудеет и скудеет. Протоиерей, имеющий практический взгляд, говорил, что этому положению не видно исхода и что последствия этого положения должны быть многоплодны.

Прогресс идет изумительно быстрыми шагами. Кто остановит его?

6 января 1865 года

P. S. Занимаюсь Изречениями. Какое было время для монашества! Какое обилие духовных старцев! Сколько было тогда созидающих ближнего! А ныне сколько разрушающих и губящих ближнего! Нам надо благодарить Бога за излиянную Им милость на нас, редкую в наше время, и милость Его да совершит эту милость до конца.

С замечаниями Софии Ивановны [Снессоревой] в значительной степени я согласен. Ищу, как сокровищ, замечаний, исходящих из истинного расположения и из знания. Желаю пересмотреть последние два тома наиболее и почти единственно для слога. Самые «Опыты» требуют пересмотра, что я и намерен сделать, на всякий случай. Всегда признавал я строгую критику, тщательный пересмотр и беспощадное очищение лучшими средствами к доставлению сочинениям совершенства. Вообще разговоры, как то: *об Иисусовой молитве, о смирении и о монашестве* недовольно пересмотрены и очищены. У них слог иной и должен быть иным, нежели у поэтических сочинений, каковы «Плач», «Блажен муж», «Чаша», «Зрение греха своего». Опять иной слог у статей Богословских (напр<имер>, о Евангельских заповедях), иной у статей, принадлежащих к христианской нравственности и философии, напр<имер>, об истинном и ложном смирении. «Аскетическая Проповедь» имеет свой отдельный слог, но во-

обще эта «Проповедь» недостаточно пересмотрена и вычищена. Разнообразие слога нахожу неизбежным; будучи естественным, оно составляет одно из достоинств собрания сочинений. Здоровье имеет большое влияние на слог: у больного слог больной.

№ 102

Очевидно, что отступление от веры православной всеобщее в народе. Кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индифферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления. Спасаяй, да спасает свою душу! Заметно, что ныне всем, желающим спастись, посылаются скорби. Это совершается и над Александрой Васильевной Жандр[1].

11 января 1865 года

[1] Племянница святителя Игнатия.

№ 103

И тому я очень рад, что «Опытами» закончится теперь печатание моих сочинений. Необходимо выждать более благоприятного положения. Если Богу угодно, чтоб устроилось напечатание, то Он устроит. Если же неугодно Богу, то и я не желаю. Нам драгоценнее всего то, чтоб состоять под водительством воли Божией, и вне ее не делать ничего, каковы бы ни были представления плотского мудрования нашего и других людей.

14 января 1865 года

№ 104

И здесь пред Крещением была самая тяжелая погода, долго шел проливной дождь и было очень тяжко от густоты облаков. Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим — так молится Святая Церковь и так научает нас молиться.

16 января 1865 года

№ 105

На днях прочитал я внимательно «Слово о Иисусовой молитве». В нем со всею ясностию изложено, что моление с заключением ума в слова молитвы есть самое полезное и безопасное, что механизм чрез ноздренное дыхание с усилием взойти умом в сердце воспрещен святыми Отцами для не созревших к такому молению! Тебе необходимо молиться первым способом, принимая в

руководство общее правило и не принимая в руководство исключений из общего правила, совершившихся по особенному смотрению Божию. Я стараюсь приобучаться единственно к первому способу, как необходимому для внимания. Внимание — душа молитвы. Стараюсь даже устранять все прочее, чтоб делание было вполне бескорыстным, чтоб преуспеяние было вполне предоставлено воле Божией.

21 января 1865 года

№ 106

На днях я взглянул в книгу Варсонофия Великого; открылась книга на стран<ице> 362, где на первой же строчке сказано: «Благому непременно сопротивляется скорбь от зависти диавольской, но молитвою оное благое умножается». Это можно отнести и к напечатанию «Опытов». Видно и действие против напечатания и действие, содействующее напечатанию, устрояемое Промыслом Божиим. Помяни, Батюшка мой, какие труды и скорби потерпели все, распространявшие Слово Божие и истинное учение о Боге. Скорби служат свидетельством последования истине в этом деле. Напротив того, с невозбранным от миродержца успехом, с наградою от мира, печатаются книги в духе и видах миродержца, хотя бы они и носили название, заимствованное из христианства.

В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, ищут наслаждения и восторгов, льстят себе и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению. Наставников нет! Лучшие, сколько известно, наставники Оптинские. Но они исключительно телесные делатели, и потому сами во тьме ходят и последующих им держат во тьме, удовлетворяясь сами и требуя от других единственно телесного исполнения заповедей.

Иоанн, по открытости своей, нравился мне более, нежели современные ему академисты. И тогда многие баре восхищались его проповедями, направленными к освобождению крестьян, не поняв, что Иоанн отнюдь не духовный проповедник, а рьяный фанатик сословный и что у него замаскирована мысль о резне дворян и о предоставлении своей пастве первенства и в граж-

данском и церковном служении. Другие, имея эту же мысль, лучше скрывают ее, а потому Иоанн, как откровеннее других высказывающихся, нравственно выше других. В книжке «Христианского чтения» за декабрь имеется примечательная статья «Новые издания по расколу» И. Нильского. Тут смело выставлены уклонения Великороссийской Церкви. Сильно задет Филарет по участию в масонском учении.

Все мы, хотим ли, или не хотим, находимся в руце Божией. Почему, действуя по степени данных от Бога разума и совести, остальное должны возлагать на Бога, Промыслителя нашего.

29 января 1865 года

№ 107

Приношу тебе искреннейшую благодарность за поздравление меня грешного с днем Ангела. Мое единое желание да дарует мне милосердый Господь покаяние и прощение грехов моих, а даров духовных я недостоин и неспособен должным образом сохранить их, — образ мыслей, на котором должна быть основана вся деятельность христианина, желающего и ищущего спасения.

6 февраля 1865 года

№ 108

Хотим ли мы, или не хотим, — находимся во всемогущей воле Божией. Самое правильное последствие такого понятия состоит в том, чтоб мы покорились воле Бога нашего и из этого чувства покорности умоляли Его, да сотворит милость с нами. Я писал тебе, что очень нужно тебе вчитываться в «Слово об Иисусовой молитве» (Аскет. Опыты. Том 2). Там изложено с ясностию, кому какой механизм приличествует. Держись решительно заключения ума в слова молитвы. Если при этом явится какой-либо иной механизм, сам собою, то пусть действует, доколе не отойдет. Если отойдет, то не смущайся. У тебя молитва еще вполне вещественна. И потому самые механизмы, которых ты прежде держался неправильно, могут исправиться заключением ума в слова молитвы. При этом последнем механизме является в свое время неоцененное молитвенное действие, вполне духовное.

Весьма ошибочно твое искание места сердечного! Если будешь заключать ум в слова, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо молиться при этом сочувствии. Такая молитва есть

молитва покаяния. Когда же чрез покаяние очистится человек, то место сердечное обозначится само собою.

Когда при молитве ощущается нечувствие, то, несмотря на это состояние нечувствия, полезно нудиться к внимательной молитве и не оставлять молитвенного подвига, творя молитву гласно и неспешно, потому что после нечувствия внезапно прикасается к сердцу благодать Божия и оно приходит в умиление.

Периодом борьбы со страстями никак не должно отягощаться. Период этот назначается Богом, по Его премудрому смотрению. Писание говорит: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми*[1]. Также: *Гнев Господень подвину, яко согреших Ему*[2]. Преждевременное освобождение от внутренних браней душевредно.

12 февраля 1865 года

[1] *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне* (Пс. 39. 2).
[2] *Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил пред Ним* (Мих. 7. 9).

№ 109

Благую часть ты избрал, оставя все механизмы и довольствуясь заключением ума в слова: это поведет к самым правильным результатам, без всякой примеси прелести, которой ты мог подвергнуться и отчасти уже подвергался, употребляя механизмы, которые тебе нейдут. Для себя я держусь, когда держусь, единственно заключения ума в слова молитвы: все прочее является, когда является, само собою.

Относительно моего примирения с Преосвященным Иоанном, то оно, если совершится, будет для меня событием самым приятным. Расположению его к монашеству очень рад и нахожу, что по открытости и прямоте его характера он очень способен к принятию истинного монашества и даже к благодатному ощущению милости Божией, от чего является в человеке живая вера. Я и не ссорился с Иоанном, а только дал отзыв на статьи Г-на Щапова, которые на Кавказе так разгорячили, что «потребовали крови». Сколько неправилен и вреден образ мыслей в этих статьях, доказали опыты и еще докажут. Именно, статьи забыты, но о духе их и пишется и говорится, — дух и направление получают огромный объем.

Состоящие под руководством старца не должны выходить из его системы наставления. Этого и я требую от тех, которые руководствуются моими советами, особливо в отношении чтения книг, даже Отеческих.

К положению Церкви должно мирствовать, хотя вместе должно и понимать его. Это — попущение Свыше, которого мы понять не можем. Старец Исаия[1] говорил мне: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено в частности спасаться людям, желающим спастись». Сколько могу понять: не предвижу, по духу времени и вообще по нравственности всего народа, чтоб могло быть восстановление Церкви в древней красоте ее, также, как и монашества. И то должно будет счесть великою милостию Божиею, если не последует вскоре какого-либо тяжкого удара на монастыри.

24 февраля 1865 года

[1] О нем см. т. 7, с. 199–200.

№ 110

С тем, кто вступил в служение Богу, начинаются *искушения особенные*. «Отдай долг страстям, — сказал св. Исаак Сирский, — борьбою с ними». На поприще борьбы бывают победы и побеждения. Побеждения должно врачевать покаянием. Оно врачует их со всею удовлетворительностью.

Для преуспеяния в молитве и для избежания прелести необходимо самоотвержение, научающее искать в молитве одного внимания. Тогда подвиг молитвенный упростится и облегчится; облегчатся и искушения, которые, однако, всегда сопутствуют подвигу. Если же кто преждевременно стремится к раскрытию в себе действий сердечной молитвы, «*тому*, — говорит Пр<еподобный> Нил Сорский, согласно с прочими святыми Отцами, — *попускаются тяжкие, превыше сил, искушения от бесов*». Слово второе. Прочитай его. Такому стремлению служат основанием не понимаемые превозношение и высокоумие, представляющиеся усердием.

Рассматривая книгу «Опытов» и то влияние, которое она производит на других, полагаю, что второе издание ее неминуемо. Когда и как оно устроится — это дело Божие, а моя обязанность состоит в том, чтоб доставить книге возможную удовлетворительность и усовершенствование. Отношения мои к книге изложены в письме к братии Оптинской пустыни, список с которого прилагаю[1].

Алексею Петровичу не ставь всякое лыко в строку; предостереги его слегка: это будет действительнее.

Сновидения Софии Ивановны я признаю милостью к ней Божиею, призывающею ее к истинно-благочестивой жизни. Они — не из прелести и не своего сочинения.

Знакомство с преосв. Иоанном показало и тебе и мне положение Церкви. В высших пастырях ее осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква. Иоанн откровеннее других — только. Искать ни в ком нечего! Должно бежать в горы — в положения изолированные! Бог даровал нам такое положение. Очевидно, что примирение может быть лишь наружное, а не в духе. И того довольно. Для наружного примирения нужна книга в переплете. Также очевидно, что не должно беспокоить просьбою о составлении замечания на книгу, тем более, что я не отвечаю на последнюю статью Матвеевского, несмотря на то, что ответ на нее очень прост: он навязал Отцам *понимание Декарта* о невещественности духов, *отнял у них собственное их понимание* и на этом основал *столкновения* между ними и *разноречия*, которых нет. Передай это Игнатию[2]. Полемика может соблазнять благочестивый люд, которого образ мыслей сформировался на чтении Четьих Миней и прочих подобных книг. Академический журнал «Христианское чтение» выше «Странника», в котором помещены две статьи Матвеевского против моих сочинений и много статей о современных случаях явления духов — за мои сочинения. Мысль о разборе моих сочинений в «Христианском чтении» надо оставить, хотя и невозможно будет сказать того печатно, что он сказал при свидании. Отцов он не знает.

Батюшка мой! Понеси благодушно Твой труд в столице. Соверши этот труд с оконченностью. Ты трудишься для пользы и истинной нужды остатка истинных христиан. По этой причине против книги действует зависть диавола, служащая свидетельством милости Божией и к книге и к Твоему труду. Теперь о. Иустин почитывает братьям статьи из «Опытов» и видит их действие, что за книгу крепко возьмутся и будут держаться ее все желающие спастись. Иустин редкий монах и настоятель в наше время, далеко выше Сергиевского Игнатия, который, впрочем, имеет особенную способность и находчивость в своих сношениях с светскими.

1 марта 1865 года

[1] См. Настоящее издание, т. 6, с. 652.
[2] Архимандрит Сергиевой пустыни Игнатий (Малышев).

№ 111

Если оставишь всякое стремление к мнимому преуспеянию, возложив дело преуспеяния Твоего на Бога и вручив временную и вечную участь Твою воле Божией, — будешь заботиться при молитве Твоей единственно о внимании, от которого обыкновенно является и которому обыкновенно содействует умиление, то молитвенный подвиг Твой получит правильность. Это значительно успокоит Тебя. Спокойствие будет знамением милости Божией. Также я не советовал бы тебе очень вдаваться в рассматриванье своей греховности. Достаточно, если будешь знать это. Духовный подвиг должен быть как можно менее сложным.

Разбор «Опытов» в «Христианском чтении» едва ли удобен для самого этого журнала, который — орган Академии. Впрочем, как угодно. «Взгляд» в настоящем его виде так силен, что трудно справиться с ним критику, незнакомому с Отцами и с монашеским подвижничеством. Если и напишут что, то это послужит поводом к более точному определению предметов, которые подвергнутся критике, следовательно, дадут возможность усовершить книгу ко второму изданию, какого усовершенствования я сердечно желаю для общей пользы современного христианства.

16 марта 1865 года

№ 112

Приношу Тебе искреннейшее поздравление с наступающим днем рождения Твоего. Искренно желаю Тебе, чтоб это рождение в земную жизнь было вместе и рождением в жизнь вечную, в вечное блаженство.

В подарок посылаю тебе одно из изречений Пр<еподобного> Пимена Великого, великого делателя умной молитвы. Предостерегая учеников своих от козней диавольских, он говорит: «Все, что превыше меры, — от бесов». Познается же приносимое бесами по смущению — этому непременному и неизбежному плоду их действия. В умном делании, в самом покаянии должно избегать чрезмерности. Надо делать в великой тихости. Правильность такого делания свидетельствуется миром, приносимым душе.

Благословение Божие да почиет над тобою.

22 марта 1865 года

№ 113

Велия милость Божия — напечатание «Опытов». Милость Божия ко всем, потрудившимся в этом деле для пользы христианского общества. «Взгляд» выходит в настоящем его виде гораздо сильнее, нежели в его виде первобытном. Преважно определение слова дух святого Кирилла Иерусалимского. Не все академики упорно держатся мнения Декарта о духах: основательные из них на моей стороне. И я не скоро получил то понятие, которое имею теперь. В течение долгого времени мое понимание духов оставалось очень темным и неопределенным.

24 марта 1865 года

№ 114

Печально современное религиозное и нравственное направление народа. В течение трехлетнего пребывания нашего в Бабаевском монастыре это несчастное настроение подвинулось гигантскими шагами вперед и приняло обширнейшие размеры. Все совершающееся да совершается под взорами Бога.

Относительно раздачи книг, доставшихся на нашу часть, не должно торопиться. Много нужно нам здесь на подарки братии и благотворителям. Может быть, через год времени понадобится новая пропорция в Оптину. По монастырям же без разбору посылать нечего: во многих интересуются исключительно «Колоколом», «Искрою» и проч.

Молитвенный подвиг, Батюшка мой, есть *подвиг*. Надо потрудиться. Кто терпеливо молится *своею оскверненною молитвою*, сказал св. Иоанн Лествичник, и не покидает ее, наскучив ее скверною, тому Бог в свое время дает истинную молитву. *Внимай себе, т. е. словам молитвы, а не внимай помыслам, приходящим во время ее.* Не вдавайся в разбирательство себя. Это разбирательство замени чтением статей о молитве в «Опытах». Тебе должно очень устраняться от того дробного анализа, к которому Ты привык и на основании которого враг смущает Тебя помыслами.

На вопрос твой о страннице Глинки <«Разговор Ф. Н. Глинки с странницей», помещенный в «Дом<ашней> Беседе» 1865 г.> скажу тебе, что я читал эту статью, но ничего особенного не нашел, весьма вероятно по той причине, что я воспитан учением Святых Иноков и от всякого пути особенного устраняюсь. Путем особенным, по особенному избранию и призванию Божиему может идти угодник Божий, что случается очень редко. Наиболее

путем особенным идут или находящиеся в самообольщении, или направившиеся к самообольщению. Нам должно держатся вдали и в осторожности от всех, идущих путем особенным, загадочным.

О. Иустин принял отказ о возведении в сан архимандрита с таким благодушием, как подобает монаху. Промысл Божий ведет его не по цветам, а по пути прискорбному, посреди поношения человеческого, чем отмечается человек, любимый Богом. Отказ этот душеполезен и для него и для меня. Принимаем его как от руки Божией.

Очень грустно положение митрополита в Синоде. Грустно оно не для личности, но для *митрополита* и как перевес, взятый священниками над архиереями. Дело православной веры можно признавать приближающимся к решительной развязке. Падение монастырей, значительно совершившееся, неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную, всегубящую эпидемию, остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писанием.

29 марта 1865 года.

№ 115

Письмо Твое от 5 апреля получено. На этой же почте получил письмо от А. Н. Муравьева, которому, как видно, «Опыты» не понравились, — вероятно, как конкуренция на литературном поприще. Особливо «Плач» смутил его, по его выражению. Я отвечаю, что этой статьи не хотел печатать, но она оказалась нужною для тех, которые находятся в подобных обстоятельствах на гранях между монашеством и миром, и напечатана для них, по просьбе некоторых из них.

15 апреля 1865 года

№ 116

Спаси Господи за труды Твои по напечатанию книги «Аскетические Опыты» и поздравляю с окончанием этого труда, за который да воздаст Тебе милосердый Господь. Дай Бог, чтоб книга была сколько-нибудь полезна современному христианству. Получил от архимандрита Игнатия и от Норова письма, в которых видно их сердечное сочувствие к учению, изложенному в «Опытах».

Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаж-

дение к вере объяло и наш народ и все страны, в которых доселе держалось православие. В особенной чистоте оно было сохраняемо в Молдавии, Валахии, Сербии.

Никак не бери на себя напечатания остальных двух процензурованных частей моих сочинений. Это вовлечет тебя в самое затруднительное положение, сопряженное с душевным расстройством. Слава Богу за то, что напечатаны «Аскетические Опыты». В них — великая помощь для желающих истинно молиться и истинно подвизаться.

1 мая 1865 года

№ 117

Искушение, постигшее Тебя[1], есть ничто иное, как искушение, которое, по милости Божией, мимо идет. Этим искушением свидетельствуется избранный Тобою путь. В делании терпения имеются свои меры и степени. Совершенные сохраняют совершенное молчание при обвинениях, соответствующее степени их самоотвержения и терпят все последствия такого молчания, как, например, св. Андрей и Симеон, Христа ради юродивые. Тебе это делание не только нейдет, как превышающее меры Твои, но и крайне душевредно, потому что Тебе не выдержать его. На отзыв сделай печатный отзыв без разгорячения; дай отзыву силу фактами; дело же поведи законно и с твердостью, призвав помощь Божию. С сердечными чувствами злобы и мщения поборись. Именно при таких случаях и притупляется памятозлобие борьбою с ним; ничем не затрагиваемое, оно остается жить в сердце непримеченным. Очищение Твоего имени необходимо для Тебя и для твоего сына, по вашему положению благочестивых мирян. И Апостол Павел просил суда и апелляции у Кесаря. Успокойся, Батюшка мой, Господь не оставит Тебя. Благословение Божие да почиет над Тобою.

25 октября 1865 года

[1] По поводу клеветы, взведенной гласно посредством печатной статьи «Одесского Вестника», в которой П. А. Брянчанинов был обвинен несправедливо в недобросовестных действиях.

№ 118

Юму нельзя верить. Такие господа говорят и предсказывают иногда удачно с тою целию, чтоб завладеть доверенностью людей и тем вернее вредить им. Так наставляет преподобный Ан-

тоний Великий. Бог изменял Свои определения, объявленные и чрез святых пророков, как то: пророчество пророка Ионы о ниневитянах, Илии о Ахаве (3 Цар. 21. 29), Исаии о Езекии (4 Цар. 20. 1–11); тем удобнее не сбыться предсказанию лжепророка, если б оно и имело какое основание. Кто предал себя и все воле Божией, тому ничего не нужно знать вперед. Над всеми нами да будет воля и милость Божия.

7 января 1866 года

№ 119

Милосердый Господь да покроет останок верующих в Него! Но останок этот скуден; делается скуднее и скуднее. Н. Я. Ш. не мог умиротворить себя и окончательно вышел из монастыря. Я не счел себя в праве удерживать его уговариванием: это было б против совести; а посоветовал ему вступить в законный брак и жить благочестно в мире. На монастыри делают нападки извне, но они и внутри себя истлели.

Должно благодарить В. И. Аскоченского и много благодарить! Судя по отзыву Филарета <Московского> они решились написать что-нибудь, последуя примеру и вызову Аскоченского. Пусть напишут что-нибудь. Это что-нибудь может иметь какое-нибудь значение для людей, непонимающих ничего, и отсрочит на сколько-нибудь времени затеи реформаторов. Очень верно отвечал Константинопольский Патриарх лютеранам, известившим его о своих действиях: «Вы *хорошо* сделали, что отвергли заблуждения папистов, но сделали *худо*, заменив эти заблуждения своими заблуждениями: вам следовало бы обратиться к преданию вселенской первенствующей Церкви». То же можно сказать и о монастырях: для исправления уклонений должно возвратиться к правилам святых Отцов. Этого не захотят сделать защитники монашества из сонма Филаретов: им нужно сохранить многие уклонения для защиты выгод своих. И потому с обеих сторон порождается софистика. Для дела Божия не выйдет никакого результата, кроме разве того, что при посредстве этой меры Господь потерпит еще несколько времени нашей немощи, нашему расслаблению, нашей греховности. И за это — слава Богу.

В «Дом<ашней> Беседе» за 1865 год, в выпуске 50-м помещена статья *«Новое Миссионерское общество в России»*. Я прочитал ее нарочно для того, чтоб ознакомиться с духом современной дея-

тельности Синода. Видна пламенная ревность, за которою нам никак не поспеть, а потому должно быть очень осторожным и благочестивым.

Сейчас приходил ко мне Матфей[1] с сознанием, что он письма мои привез обратно с собою сюда и сжег их в печи. Вот каково общее состояние нравственности в христианском обществе. Чего требовать от монастырей, когда мир доставляет им людей испорченных, когда они отовсюду окружены безнравственностью, когда сверху гнетет их безнравственность? Язва, которая исцеляется одною смертию.

12 января 1866 года

[1] Возвращенный из сбора послушник — сборщик, обнаруживший неблагонадежные наклонности, — хотя по виду казался самой безукоризненной наружности. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

№ 120

Очень благодарю Тебя за письмо Твое от 10-го января. Ничего нет лучше, как успокоить людей и для врагов сделать ненужным враждование. Важнейшее служение, служение слову Божию, остается на долю уклонившегося от служения суетности по преимуществу. Утешай и успокаивай всех известием, что мое здоровье расстроено окончательно, что сущая правда.

Сведения, получаемые мною о том, как принимаются «Опыты» личностями, истинно ищущими спасения, очень утешают меня. «Аскетическая Проповедь» и «Советы» пополнят назидательное чтение, дающее читателям решительно православное направление. Делается ясным, что эти книги распространятся и водворятся между упомянутыми личностями. Из Бежецка пишут: «“Опыты” приняты с великою любовию, *эта книга заменяет Добротолюбие для нас*, будучи гораздо понятнее, чем *Добротолюбие* и содержа все, о чем говорится в *Добротолюбии*». Такой взгляд очень верен, и на нем я основываю свое мнение, что книга *водворится*. Ее будут читать и перечитывать для питания, поверки и поддержки своего подвижничества. Теперь оказывается очень важным напечатание 3-го и 4-го томов, которыми *подвижничество* объясняется еще удовлетворительнее, точнее.

15 января 1866 года

№ 121

24-го я получил оба письма Твои: от души благодарю Тебя за подвиг Твой. Слава Богу, изливающему на меня милости свои. К концу моей жизни, когда мне существенно нужен покой, когда уже мои нервы не выдерживают потрясений, когда мне необходимо приготовиться к переходу в вечность при мирном настроении души, — настал впервые Обер-Прокурор, выразивший сочувствие ко мне. Будет расположен Граф, будут расположены члены Синода. Какое время! Для поддержания Церкви нужно быть во главе управления светскому лицу, потому что обуявшая соль способна только быть попираемою человеками. Впрочем святой Афанасий Великий говорит, что одним из признаков приблизившегося пришествия антихриста будет переход церковного управления из рук архипастырей в руки светских сановников. Признак очень верный! Это не может состояться иначе как при утрате духовенством своего существенного духовного значения, своей энергии, порождаемой решительным отрешением от мира. Справедливо заметил Граф, что чиновничеством уничтожено в Церкви существенное значение Иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие, ненасытное стремление к суетным почестям, к накоплению капиталов уничтожило в пастырях христиан, оставило в них лишь презренных ненавистных полицейских по ненависти их к народу, по злоупотреблениям и безнравственности.

25 января 1866 года

№ 122

У нас скончался иеродиакон Никодим, драгоценнейший человек для монастыря и в цвете лет. Сплелись кишки, затем последовал антонов огонь. При нас — сюда не поступил ни один благонадежный человек, а из прежнего братства приблизился более всех других Никодим и имел расположение послужить обители. Буди воля Божия! Но, на мой взгляд, все в монастырях и самых благоустроенных, идет к упадку. Сущность дела, что благонадежные и способные люди делаются крайне редкими. Естественно: диавол видит это и нападает извне. Матфей вышел.

К Сухареву написал по этой почте. Вышли ему экземпляр «Опытов» из Москвы. Книга на новую почву, которую пошевелили скорби, может наложить решительную печать.

28 января 1866 года

№ 123

Буди над всеми нами воля Божия и милость Божия! Милость Божия и Промысл Божий могут даровать способ спасения тем христианам, которые желают истинно спастись, а не стремятся к земному преуспеянию, прикрываясь личиною благочестия.

Очень жалок отзыв М. А. о статье «Земледельца»[1]. Служители и верховные служители слова, остаются без слова и рады спрятаться под покров слова, имеющего исключительный характер частной защиты по частному делу.

Очень жалею Софию Ивановну![2] Дай Бог ей выздороветь! Она не раз была больна очень опасно, и Бог возвращал ее к жизни. И теперь да будет над ней милость и воля Божия. Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят. Опять скажу: буди воля Божия! Что посеют, то и пожнут! Что посеяли, то и жнут! Последнее можно сказать о духовных журналах и о преподавании закона Божия Маловыми с братиею.

2 февраля 1866 года

[1] «Земледелец», статья «Домашней Беседы», в ответ статье «Дня», нападавшей на монастыри вообще и на Сергиеву Пустыню, что близ С.-Петербурга в особенности. — *Примеч. П. А. Брянчанинова.*

[2] Снессореву.

№ 124

Благодарю тебя за воспоминание дня моего рождения. 59 лет! Прожито довольно; остается жить уже очень мало, судя по постоянно увеличивающемуся истощению сил. 12-го и 13-го выходил в Церковь; посмотрел на братию и порадовался милости Божией к нам в такое время, в какое живем. Все подвигается очень быстро. Буди воля Божия!

Потрудись передать мой усерднейший поклон Софии Ивановне. Уповаю на милость Божию, что она выздоровеет. Жизнь ей нужна по той же причине, по которой нужна и мне, — для приготовления к вечности. Несмотря на всю трудность нашего времени, всемогущая десница Божия не оставляет тех человеков, которые возложились на Бога при посильном служении Ему.

13 февраля 1866 года

№ 125

В разговоре мирянина с монахом[1] предвозвещено, что прикосновение к монастырям такое, какое проповедуют газеты, послужит к окончательному сокрушению монастырей, которые сокрушены уже при отобрании у них имений за сто лет до сего. Вообще, монастыри обстраивать некому. Должен обстраивать монах. А что сказать монаху? Нечего и некому. Может быть, некоторые монастыри будут выгорожены по какому-либо особому ходатайству, как случилось и за сто лет.

18 февраля 1866 года

[1] «Аскетические опыты». Т. 1.

№ 126

Так как дело о напечатании 3 и 4 томов получило надлежащий ход, то зачем оставаться Тебе в Петербурге?

С сердечным сожалением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства. Кто приходит в монастырь? Люди из низшего класса почти исключительно; почти все приходящие уже расстроили свою нравственность среди мира. Нет условий в самом народе для того, чтоб существование монашества продлилось; так в высохшем дереве нет условий, чтоб оно давало лист и плод! Сверх того бури извне усиливаются сорвать его с лица земли. По причине направления, принятого высшими слоями общества, и по причине скудости высылаемых подаяний, не трудись печатать приглашений в ведомостях. Саровская пустыня приняла «Опыты» с особенною любовию.

24 февраля 1866 года

№ 127

Из письма М. Д. увидишь, как приняты «Аск<етические> Опыты» в Саровской пустыне и какое там дается значение им. Это показывает всю важность, которую должны иметь 3 и 4 томы. 4-й том изображает монашескую жизнь с определенностию, а первые три тома служат как бы оттушевкою рисунка. Тут действует Перст Божий, благодетельствующий всем участвующим и в издании и в чтении «Опытов».

Потрудись передать С. И. Снессоревой, что лучшая статья о монашестве, о пользе, принесенной монашеством христианству и

человечеству, помещена в « Dictionnaire de théologie par l'abbé Bergier. Tom. 5 article: Moine, Monastères, Etat Monastique». Автор показывает, какой вред государствам причинили европейские государи, уничтожив монастыри, в предположении этою мерою обогатить государство. При пособии разговора монаха с мирянином в «Аскет<ических> Оп<ытах>», где отчетливее разобрана духовная сторона монашества, упомянутая статья Бержье может подействовать наилучшим образом на современное общество, на общество легкомысленное, малосведущее. Бержье писал накануне переворота во Франции. Надо взглянуть и на статьи того же лексикона: Anachorete, Celibat и проч. На них указывается в главной статье. Извлечениями из этой статьи удачно воспользовались у нас после 1825 года. Противники монашества уступили.

28 февраля 1866 года

№ 128

У меня был Кюне, доктор, с каким я еще не встречался. Он нашел золотуху и простуду моею болезнию *второстепенною*, а главною, от которой происходит общее расстройство, *повреждение* сердца, что и доказал положительно, ощупав больные места и сказав о таких припадках, о которых я не говорил ему. Первоначально прописал промывательное из воды и Карлсбадскую соль, которую должно растворять в стакане воды и пить, как пьют минеральные воды. Болезнь признал он неизлечимою, много схожею по последствиям с чахоткою, но действующей очень медленно, почему при условии совершенного спокойствия, полагает, что жизнь может продлиться долго. Служение признал для меня невозможным, равно как и всякое движение и занятие быстрое и усиленное; особенно вредны душевные потрясения, от которых и произошла болезнь.

Костромскому и Нижегородскому епископам даны викарии, преимущественно для обращения раскольников. Дай Бог, чтобы благонамеренный Граф хотя на несколько замедлил ужасное распространение в народе разврата и неверия. Зло легко привилось и прививается к человечеству, а исцелять человечество от зла может един Бог.

Потрудись передать Александре Васильевне[1] мой усердный поклон и мое убогое благословение. Желаю ей мужества и терпения в постигающих ее скорбях. В сношениях моих стараюсь передавать духовные и нравственные понятия, почерпнутые из

учения православной Церкви, а до внешних дел не касаюсь, или касаюсь очень поверхностно.

P. S. Сочинение Юрия Самарина о иезуитах писано в духе Новикова «Гус и Лютер», но слог у Самарина лучше. Сочинение Самарина признаю полезным и нужным, а соч. Гр. Толстого «Il Catholicisme Romain» даже необходимым.

11 июня 1866 года

[1] *А. В. Жандр* — племянница святителя Игнатия.

Письма Петра Александровича Брянчанинова к Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому[1]

№ 1

Брат <архимандрит Игнатий> пишет и советует, если Лидерс предложит место адъютанта, принять с благодарностию, не то приехать в Петербург и ждать, что Бог даст.

16 ноября 1837 г. Симферополь

№ 2

Мера испытания моего еще не кончилась, но хотя я еще лежу, рана моя уже дает надежду выздоровления. ... Надеюсь скоро увидеть Вас и всю тяжесть болезни забыть при отрадном для меня свидании с Вами.

25 ноября 1837 г. Симферополь

№ 3

На последней почте получил я письмо от брата Архимандрита, вот, что он пишет: «повторяю слова долготерпеливого Бога, — Господь даде, Господь и отъя, буди имя Господне благословенно от ныне и до века! время объяснит причины. Здесь полагают, что Генералу доставлена будет должность соответствующая его званию и способностям. ... говоря обо мне, советует: если Лидерс будет предлагать место Адъютанта, принять с благодарностию, не то приезжать в Петербург, там, что Бог устроит. ...

[1] Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 254. (Частично были опубликованы в книге «Будущее России в руках Божественного Промысла». М., 1998.)

Но к этому добавляет, что словом готов помочь сколько может, но не деньгами, которых теперь у него нет. Батюшка мой сам едет в Петербург, на его помощь плохая надежда, и сверх того отец Игнатий пишет, что его обстоятельства таковы, что он неполагает даже встретить весну в Сергиевской пустыне, и Петербург лишится для меня главной своей привлекательности. Соображая все эти обстоятельства с советами брата, все предположения свои остановил я до приезда Лидерса.

16 декабря 1837 г. Симферополь

№ 4

Ваше Превосходительство Милостивейший Государь!

Николай Николаевич!

Нет слов, которые бы могли выразить вполне благодарность за снисходительно-милостивое, доброе внимание Ваше к положению и судьбе моей. Немедленно по получении письма Вашего, исполнил я священный для меня совет Ваш и был принят Петром Андреевичем <Данненбергом>, тем с большею радостию, что бывший при нем за адъютанта Баталин, представлен в адъютанты к Мещерскому. (Причина его удаления, как говорят, любовь его к Вашей милой племяннице и ненависть к Славичу.)

Нога еще плоха, но уже могу сидеть и понемногу ходить. Занимаюсь чем попало, а преимущественно французским языком.

19 декабря 1837 г.

№ 5

Письмо от 6-го января застало меня в Симферополе. Надежды на свидание не оправдались. Два раза пришлось выезжать к Данненбергу, и каждый раз я портил мою не тронь меня.

Благодарю Вас, Николай Николаевич, за коврик, которому бы желал иметь свойство окружать лежащего на нем сладкими снами свиданий и бесед с давшим этот памятник, благодарю за память Вашу, которая отрадой поливает грусть мою, ... благодарю за то добро, которым теперь пользуюсь, им обязан исключительно, после Бога и судьбы, Вам. ...

Меня не оставляет мысль, что Вам не дадут отставки, что Вы должны будете ехать, что Вас вызовет Государь! Никто как Бог!

... провожу время в постоянных занятиях, сижу дома над Английскими словарями, за Французской грамматикой или переводом, или наконец — кропаю стихи. Уже около 15-ти занятий

Английского языка, мною взятых, дают мне надежду ко времени Севастопольских лагерей быть в состоянии читать без руководства учителя, который и дорог и плох.

...По службе дела мои устроились порядочно.

22 января 1838 г.

№ 6

Ваше Превосходительство Милостивейший Государь!

Николай Николаевич!

Вскоре по отправлении последнего письма моего был получен приказ об увольнении Вашем ... грустно, прискорбно видеть, что удаление Вами от службы благу общему и службы благу частному — видеть сильного делать добро многим, отнимающим у себя средства являть эту силу, ограничивающим действия ее небольшим кругом жизни семейной частного гражданина! Простите песнь печали, вырвавшуюся из груди питомца Вашего, которого Вы же учили любить отчизну и нераздельно с нею любить и чтить главу ее, по мудрому святому примеру предков наших!

28 февраля 1838 г. Симферополь

№ 7

Простите, виноват, что так давно-давно Вам не писал... Я третью неделю в работе, с утра до ночи занят. ...

Что скажу Вам о нравственном моем быте, мне хочется в Полковники и вот теперь главная тревожная моя дума; впрочем, я покоен ... между мной и мечтами стали заботы о батальоне, который теперь занял и все время мое и все чувства. Мне хочется его поставить к смотру в заметно лучшем виде, наша судьба мне кажется теперь общею. Боюсь за него больше, чем за себя ... хочется вести людей подчиненных по закону Царя земного и по закону Царя Царей, по вере православной, по ее правилам.

4 июня 1838 г.

№ 8

Я припомнил, читая письмо Ваше, рождение Петра 1-го и повторил молитву, чтоб в младенце Никите мать нашла благословение Божие и награду за перенесенные ею мучения, а родителю радость и утешение.

Не огорчайтесь за мою неудачу. ... В будущем располагаю, если будет Богу угодно, искать места в Петербурге, для чего и думаю

ехать в отпуск ... если и эта попытка останется тщетною, то буду просить перевода в 6-й Корпус, что до 5-го, то он нескоро пойдет в дело.

3 августа 1838 г.

№ 9

Простите, что замедлил ответ на письмо. ...оно пришло в самый разгар смотров Рота, которые кончились для нас очень благополучно, он был всеми доволен и повез Государю докладную записку, которою просит дозволить Лидерсу взойти с представлением о наградах. ... Незадолго до Рота приезжал Вревский, адъютант Военного Министра, который пробыл около двух недель, работал ежедневно с Лидерсом один на один.

Предполагают войну или по крайней мере десант.

19 октября 1838 г. Симферополь

№ 10

Участие Ваше, Николай Николаевич, с каждым днем становится ценнее для меня. Отчужденный от семейства, бродя постоянно между людьми чужими, с каждым днем более и более удостоверяюсь в трудности найти людей прямых, искренних и соответствующих мне по духу, так что теперь знаю дружбу и приязнь почти только исключительно по письмам, и те так редки, что едва ли в месяц получу когда более двух.

12 декабря 1838 г. Севастополь

№ 11

...Оставив Вас в Воскресенье вечером, я приехал в Сергиевскую Пустынь в Среду в часу во 2-м дня, застал брата здоровым, и, узнав от него, что мой батюшка в Петербурге, я, почти не успев еще опомниться от удовольствия свидания с любимым братом, поехал в город, где застал старика, очень обрадовавшегося моему приезду. Мы с ним пробыли (все братья и Архимандрит с нами) день и вечер Четверга, простившись, принялись каждый за свое дело. Архимандрит поехал в монастырь, брат Михайло пошел в практический поход, а я пустился отделывать необходимейшие поручения.

21 февраля 1939 г.
Санкт-Петербург

№ 12

Беда только с деньгами, которых в ротах совсем нет, и с больными, которых очень много.

20 марта 1839 г.

№ 13

26-го нынешнего месяца мы оставляем Севастополь, садимся на суда и идем делать десант на восточный берег Черного моря; вся дивизия, имея полки в 3-х батальонном составе, собирается в Феодосии, где примет нас Раевский и поведет куда Бог велит. 4-е батальоны останутся учить рекрут. Им дали мы, или лучше сказать, нас заставили дать с каждой роты по 4-е унтер-офицера и по 20 человек лучших ефрейторов, заменив их таким же числом браку. ... Батальон мой трудно узнать, он изменил совершенно свой наружный вид.

Дела на Кавказе с каждым днем не легче, у нас взяты еще укрепления.

20 апреля 1840 г.

№ 14

Вот уже вторая неделя как мы вышли на восточный берег. ... 11-го высадились в Туапсе. Занятие этого места нам стоило 1-го раненого. Горцев было немного и те большею частию расположенные вне пушечного выстрела, наблюдали за нашими действиями. В укреплении этом нашли мы лишь тела соотчичей наших, его бывших защитников.

20 мая оставили Туапсе, и плывем в [*нрзб.*]. ...

С Головиным был здесь Менд, заметно состарившийся. Он вербует знакомых 5-го корпуса в Кавказский, и я, кажется, перейду в один из полков, расположенных в Грузии; ибо жизнь в обществе Севастополя не имеет никакой прелести для меня, а служба в 5-м корпусе не обещает больших выгод. Лучше недолго потерпеть большие лишения, чем тянуть существование тяжелое.

7 мая 1840 г.

№ 15

Кончина Вашего батюшки есть потеря общая многих семейств и всех Русских. Благо общее отчизны было целью его жизни полезной родине. ...

Перевод мой в Грузию не состоялся.

№ 16

Действия союзников Турции так успешны, что, кажется, Мегмету-Али нет возможности надеяться переменить ход настоящих дел, — не имея средств противопоставить силе сил соответствующих, он должен будет соглашаться на все требования. Любопытно было бы знать, в какой степени влияние различных дворов Европы на диван. Не менее любопытна и развязка всей этой суматохи в Европе: усиленного комплектования войск Франции — усиление флота Английского и равнодушие России.

20 декабря 1840 г. Херсон

№ 17

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Вы не ожидаете известия, которое несет Вам это письмо. Радость моя не может не быть услышана Вами без удовольствия, за это участие ручается мне сердце мое. Ваш Брянчанинов сосватался и если Бог поможет на днях будет играть свадьбу. Ольга Сергеевна Левшина, моя невеста, приезжала с отцом своим, уволенным от службы Артиллерии полковником, повидаться с дядей своим, нашим Левшиным, во время квартирования последнего в Алешнах. Как ближний сосед, тогда я часто бывал там, и найдя в девушке наружность приятную, образование равное с моим, ум живой и что дороже всего, твердые правила Православного исповедания, решился помолясь, сделать предложение, принятое дочерью и утвержденное отцом. ... Ей дают 130 душ, находившиеся в опеке у отца, потому что имение принадлежит уже умершей матери ее ... доходы до 5 тысяч в год. С Божией помощью жить будет чем. Одно, что меня немного крушит, — это кочевая жизнь наша, которая молодой жене может очень скоро надоесть, хотя она теперь и не думает желать, чтобы я вышел в отставку.

19 января 1841 г. Лепетиха

№ 18

[Жене Н. Н. Муравьева — Наталье Григорьевне]:

... я не остановлюсь сделать Вам краткий очерк девушки, в которой сосредоточены теперь все мои надежды счастья, все ожидания мои. Ольга Сергеевна Левшина имеет от роду 20 лет, росту маленького, брюнетка, прекрасные глаза, лоб большой и римский нос; она не красавица, но для меня мила и даже кажет-

ся прехорошенькая; манеры не вычурные и вообще обращение простое, благородное — не судите по дяде о племяннице. ...

19 января

№ 19

Все Евреи, имевшие подряды в Николаеве, обанкрутились и последний державшийся из фамилии Рафаловичей, кончает свое поприще, с часу на час ждут его банкрутства. Наш Соломон был в Херсоне и часто бывал у меня. Он держит на аренде Аттали и с большой выгодой.

...Я не заслужил никакой награды [за Кавказскую экспедицию]. Брат монах говорит, что я должен чувствовать, как меня отличает начальство, и непременно продолжать служить в 5-м корпусе.

10 июня 1841 г. с. Тенгинки

№ 20

Жена больна, и, что прискорбнее, никаких средств к пользованию. Через три месяца придет ее время, и для этого я еду в отпуск в деревню тестя, который был у меня здесь и говорил, что хотел бы сдать мне управление имением, которое при нынешних неурожаях он, по-видимому, не в силах поддержать. Если мне не удастся спасти имение, то хочется по крайней мере не потерять того, что можно будет уберечь. ...Очень бы мне хотелось не возвращаться в полк, кочующая жизнь делается обременительной для меня.

25 октября 1841 г. Рогачев

№ 21

24 февраля Бог дал нам дочь Марию; хотя роды были довольно легки, но жена до сих пор не может поправиться. ...Получил я и годовой отпуск с полным содержанием.

...На имение находится покупщик, который дает по 650 р. за душу, мы просим 850, но я еще не решаюсь продавать, в надежде, быть может, удержать имение, что гораздо выгоднее, чем оставаться без удобного приюта.

10 марта 1842 г.

№ 22

Дочка моя была при смерти, жена болела душою по бедной малютке и со дня на день слабела телом, проводя дни и ночи при страдалице. 7-го числа кончились мученья моей Маши, она перешла от жизни бед к жизни полной, жизни неистощимой, духовной.

20 июля 1842 г.

№ 23

Для умножения доходов я начинаю хлопотать об улучшении конного завода, который застал в самом жалком виде. ...

1 мая вышла моя отставка, и я делаюсь штатным землепашцем.

5 мая 1843 г.

№ 24

Жена моя благодарит Вас за воспоминание об ней — она у меня такая домоседка, что никуда, кормит сына и тем только и тешится.

24 ноября 1843 г.

№ 25

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Накануне праздника Рождества возвратился я домой из Херсона и имел радость найти Ваше письмо, пущенное после дня Вашего Ангела. Воображаю как приятно Вам было встретить неожиданного гостя, Александра Николаевича[1] — воображаю какую тоску наводили гости соседи, и как бы Вы рады были заплатить им за честь **от прибора** подобру-поздорову отпустить их восвояси. Я подчеркнул **от прибора**, потому что это Ваша мысль, выраженная в Киеве, по случаю званых обедов Гурьева. В Херсоне застал я сборы 5-го Пехотного корпуса к выступлению на Кавказ, он идет весь под командою Лидерса в 3-х батальонном составе полков. ...

1 января 1844 г. с. Владимировка

[1] *Муравьев Александр Николаевич*, брат Н. Н. Муравьева-Карского. См. о нем Настоящее издание, т. 5, с. 426.

№ 26

Дмитрий Ерофеевич [Лауниц] принимает меня на место окружного командира, это меня так радует, что я тотчас же пишу Вам об этом.

...У меня очень была больна жена. Я должен был переехать в город и оставить совершенно занятия свои в деревне. ... Теперь, слава Богу, поправляется.

15 июня 1845 г.

№ 27

Письмо Ваше от 17 октября я получил так давно и в такую пору, что с тех пор, что с той поры еще до сего времени не могу сам верить случившемуся, не могу вспомнить в этот по счислению человеческому короткий срок; — я вдовец с двумя малолетками, из которых последнему 9 месяцев. Ольга кормила его последний раз 20 ноября за 5 дней до смерти, случившейся 26-го ноября в 6-м часу утра. Доктора, которые призваны были, до сих пор спорят чем она была больна; одни говорят нервная горячка, другие простуда, произведенная приливами молока к голове; то ли другое; потеря невозвратимая — и неожиданная; еще накануне никто не думал, что кончина ее так близка; она исповедалась и приобщилась Святых Таин сидя; вечером ей сделали ножную ванну, она заснула в 7-м часу и уже более не просыпалась. Я спал, лучше сказать, дремал у ее кровати, в 3-м часу заметил, что она стала дышать тяжелее прежнего, попробовал испарину — теплая, но дыхание все более и более становилось тяжелее — она, видимо, начала кончаться и умерла, не сделав ни одного судорожного движения, — умерла сном праведной в воздаяние ее лишений и трудов, понесенных при кормлении детей, — ей было 25 лет! — Она только что сделала первый выезд к Анне Ивановне Сакен и другим чиновницам Штаба — и я думаю, что эта непривычная усталость имела большое влияние на начало болезни.

Я бежал из деревни, третьего дня вечером приехал сюда, завтра еду явиться к Никитину и потом вступаю в командование округом. Деток должен был оставить на попечение свояченицы до весны, покуда устроюсь. ...

15 декабря 1845 г.
Георгиевск близ Кременчуга

№ 28

Давно я получил письмо Ваше и до сих пор не отвечал, потому что по пословице русской — беда не ходит одна, всегда сам-третей.

В день получения письма Вашего я получил уведомление, что младший сын мой при смерти, на другой день весть о его кончине: разумеется, я бросил все, и поехал взглянуть на умершего и взять к себе оставшегося.

Третья моя беда — прием округа поселенного; Вы знаете поселение по слухам, по взгляду на них; но надобно видеть очень близко, чтоб убедиться в горьком положении этих тружеников-земледельцев. Вообразите огромнейшее имение из 100 [тысяч] душ, в котором под влиянием прихотливого произвола главноуправляющего все прикащики тщатся наружным видом прикрыть внутреннее неустройство.

Не будь Лауница, Николай Николаевич, я бы не мог оставаться. Да и теперь еще не уверен. Варпаховский (к которому я попал под команду) вороват и словом и делом, и возненавидел меня; старается выставить меня, как человека дерзкого, а дерзость моя только правда. ... Все новейшие теории применяются к военному поселению; а хлеба мало. А главная беда — постройки экономические, они подрыв благосостояния военных поселян, причина воровства и обмана, причина удаления контроля. ...

27 марта 1846 года.

Ново-Георгиевск

№ 29

Едва через 8 месяцев по вступлении в должность окончена была приемка Округа.

Семья моя (состоящая из сына и проживающей у меня больной свояченицы) пеняют на частое мое отсутствие, а начальство на медленность моих действий.

25 августа 1846 г.

№ 30

Без службы быть трудно, даже почти невозможно ... особенно избаловав себя привычкою командования довольно большою частию, а в деревне жить одному безотрадно.

Около 20-го собираюсь поехать в Клинику в Киев. Смотр для меня прошел очень хорошо.

8 июля 1847 г.

[*Справка из письма Сакена к Н. Н. Муравьеву:* «У Брянчанинова шишка на шее и кроме того какая-то злокачественная сыпь на талии. Он хотел уже просить увольнения, но я не пустил его, просил только, чтобы он берег свое здоровье. На этих днях едет он в Киевскую клинику для исследования болезней своих и получения совета. Жаль видеть этого молодого человека, столько полезного для службы и отечества, с такими нездоровыми соками, терзающими его».]

№ 31

Почти год, как я не писал Вам, вините меня, но не наказывайте молчанием. Болезнь моя, которую Вы знаете, все более и более усиливалась, шишка выросла до объему гусиного яйца, застуженный геморроид парализовал правую ногу и я вынужден быть проситься в отставку, которую мне дали... И в то самое время, в тот самый день как Государь подписал мое увольнение, он подписал Манифест, сжалось сердце и подумалось так: все равно шишка задавит — лучше бы лечь там, куда Царь зовет; но да будет, надеюсь, что здесь буду полезным (по мере разумения) членом Отечества, если долг присяги заставит действовать по зову Цареву на защиту верований, освященных веками — в родах коренных дворян Русских. ...

2 мая 1848 г.

№ 32

Слава Богу, мир обрадовал народы и призвал новые молитвы о долголетии любимого Царя в сердца безусловно радостно преданного ему народа.

21 октября 1849 г.
Елизаветград

№ 33

Деревня мне ужасно надоела и очень бы хотелось получить приличное место хотя бы в одном из губернских городов.

13 февраля 1850 г.

№ 34

Тесть мой писал мне, что он имел честь видеть Вас и говорить Вам о намерении моем поступить на службу, как Вы сами могли

заметить из последнего письма моего... я бы желал получить место Вице-губернатора или по Государственным имуществам Председателя Палаты. ...

Теперь я в Киеве, шишку уже вырезал, это был нарост, лежавший под левым ухом на головной артерии ... Сейчас развязка с болезнями, кажется, близка.

20 февраля 1850 г.

№ 35

Дай Бог, чтобы предположения Ваши сбылись и мир водворился бы на Западе; подвиг России в деле этом составит один из блистательных периодов ее Истории и увековечит имя Николая I.

Дело определения моего к Бибикову возобновлено братом Архимандритом и потому волей или неволей я должен выждать, чтоб не попасть под пословицу — за семью зайцами не угонишься, хотя бы очень интересно было знать окончательный результат этого обещания, который разъяснится может приездом Варвары Петровны Бибиковой в Вильно, где она обещала напомнить Илье Гавриловичу.

7 июля 1850 г.

№ 36

Неудача в определении на службу при Бибикове не может быть причиной неутешного горя; попытаю другой путь, приехав в Петербург.

18 сентября 1850 г.

№ 37

Хочется очень на службу. У нас нынешний год неурожай такой, как давно не бывал.

31 октября 1850 г.

№ 38

Благодаря ходатайству Вашему определение мое совершилось быстро беспримерно, ожидал, что буду иметь честь и радость видеть Вас в Петербурге, чтоб благодарить Вас и не свершилось... сижу в Режице над делом, которое чем более развивается, тем более открывается зла, а между тем искательства со всех сторон, где бы поймать слабую, более чувствительную струну следователя;

но Бог не без милости, русское племя не без сметливости, молюсь Богу, чтобы Поляк не одолел, — опасаюсь изветов и слушая все, стараюсь по мере сил блюсти совесть, присягу и закон. ...

9 апреля 1851 г.

№ 39

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

1 июля съехались все чиновные ... в Херсон; по пути, ускорив езду, заезжал я к сыну, которого застал, благодаря Бога, здоровым, и вместе с прочими явился в определенный день и час к Егору Федоровичу, что ему очень понравилось; работа, данная им мне первоначально, была ревизия арестантской роты Гражданского ведомства, ею он, кажется, остался доволен и дал мне ревизию богоугодных заведений и по Врачебной управе следственное дело; по-видимому, как он, так и товарищи командировки вообще не недовольны мною.

Недели две тому назад писал Александру Николаевичу[1] об успехах моих по службе, во успокоение его благодушного обо мне ходатайства.

У нас стоят сильные жары. ...

3 августа 1851 г.

[1] А. Н. Муравьеву.

№ 40

Теперь я сижу в Костроме в ожидании Губернатора, в распоряжение которого командировано нас двое чиновников.

5 июня 1852 г.
Кострома

№ 41

Командировка в Костроме продолжится до поздней осени.

Валериан Николаевич[1] человек приятный в сношениях с ним, желает добра искренне и трудится с доброю целью.

9 июля 1852 г.

[1] Муравьев Валериан Николаевич — в то время Костромской губернатор.

№ 42

Дела Валериана Николаевича в Петербурге не очень хорошие, на него много наговорено неправды.

9 декабря 1852 г.
Петербург.

№ 43

... около 20 января я полагаю выехать в Кострому, куда назначен вице-Губернатором и это назначение приписываю влиянию Вашего ходатайства. ... Одно, что меня очень беспокоит, это то, что Валериан Николаевич может подумать, что я сам искал этого места.

12 декабря 1852 г.

№ 44

Ознакомившись с городом в его летнем наряде и зимнем разгуле, нахожу, что при дешевизне жизненных потребностей (относительно) лучшего назначения мне желать было бы неразумно. Кроме того, что в самом месте служения моего я имею очень хороших, благонамеренных и добросовестных Советников, все почти Председатели Палат люди хорошие, из них управляющий удельной конторой, Лутковский, бывал у Вас, как конно-пионер. Губернатор очень деятелен, очень внимателен к людям.

Как во всех губернских городах, зимой помещики съезжаются в Кострому, дают благородные театры в пользу приютов и бедных, дают балы, обеды и проч., но это болезненное состояние общества продолжается недолго; с наступлением поста все кончается до будущих святок; этой приятной тишины ожидаю я с нетерпением.

16 апреля 1853 г. Кострома

№ 45

...Столько в это время было перемен. ... Неожиданный перевод Валериана Николаевича, приезд Лангеля, его кончина, холера в губернии, ожидание нового начальника. ...

Но благодаря Бога, все миновало...

12 августа 1853 г.

№ 46

Вести из наших войск составляют предмет общего исключительного любопытства, участия и молитв Россиян.

18 декабря 1853 г. Кострома

№ 47

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Сегодня получил я письмо от брата моего Архимандрита Игнатия, — которым он сообщает мне относящуюся до меня сущность письма Вашего к нему; я спешу отвечать на замечание Ваше. Я тот же Ваш Брянчанинов, что и был, — следовательно мне проситься к Вам совесть не позволила; я был уверен, что если я Вам буду не лишний, Вы мне скажете «ступай ко мне», а с другой стороны, если б у Вас не было места, Вам бы было неприятно отказать мне, — а потому промолчал и не писал Вам. Все семейство мое состоит из одного сына, который учится в Гимназии, следовательно, устройство семейства меня не связывает. Сын мой (внук Грузинки), со мною неразлучен, ожидаю обещанного Вами письма Вашего, а до того, если угодно Вам будет выиграть время, можно начать сношения с Министром, потому что для выгод служебных и денежных мне полезнее быть переведенным по распоряжению начальства.

... ожидаю радости и чести опять служить под начальством Вашим.

24 марта 1855 г.

№ 48

Простите смелость мою отвлекать Вас мелочным делом в то время, когда ум Ваш и душа заняты мыслию и делом Спасения Отечества от обступивших его врагов. ... Ставропольский вице-Губернатор Борзенко предложил поменяться с ним местами...

5 мая 1855 г.

№ 49

От бомбардирования Севастополя, где наши верки страдают, от 4 августа, когда пострадали полки наши, сердце Русское отдыхает на действиях Ваших, помоги Вам Господь управиться с Карсом, чтоб успеть всюду, куда думает нести поражение врагам мысль Ваша.

22 августа 1855 г.

Кострома

№ 50

Надеюсь в конце Декабря быть в Ставрополе. Не буду говорить Вам о радости моей, услыхав неожиданную весть, сообщенную Вами о Вашем предположении перевести туда брата.

18 октября 1855 г.

Кострома

№ 51

Приехав сюда [в Петербург — проститься с братьями и сестрами перед отъездом в Ставрополь] 8 числа застал торжество Россиян, сочувствовавших торжеству Вашему. ...А. С. Корсаков удержан Государем Императором при себе.

Думаю около 18-го выехать через Москву в Ставрополь. Рассчитываю быть у Наталии Григорьевны[1]. Заеду в Кострому за сыном.

15 декабря 1855 г.

[1] *Наталия Григорьевна* — жена Н. Н. Муравьева-Карского.

№ 52

По призыву старика, родителя моего, и брата, отца Игнатия, освободившись от службы в Костроме 30 ноября, я заезжал в Вологду и Петербург проститься с ними и 25 декабря выехал из Костромы в Ставрополь.

26 января 1856 г.

№ 53

Много Вы мне доставили отрадно-грустного утешения, сообщив Ваши замечания и наблюдения о брате Архимандрите, — если не ошибаюсь, время, в которое Вы его видели, совпадает со временем сильных испытаний, которым он был подвергнут в последнее время по столкновению с людьми и обстоятельствами; здоровье его, особенно грудь, было расстроено с юношеского возраста — еще тогда он целый год лечился Исландским мохом; что удивительного, если тело его, и от природы слабое, не удержит пламенной души его. По моему разумению письма Вашего, Вы что-то не договариваете в Вашей речи о нем, — не догадываюсь что, но тревожное...

С Вашими запасами дела, верю, что ни праздность, ни скука не найдут доступа к Вам в Скорняково; а в часы досуга благо-

словляющая Вас семья Ваша принесет Вам в отраду мир внутренней семейной жизни.

Из новостей ставропольских полагаю, что Вам приятно будет знать, что оба Атамана Казачьи получили прибавочного содержания по 3 тыс. серебром. Рудзевич очень доволен своей поездкой в Тифлис.

Мои дела идут порядочно.

9 января 1857 г.

№ 54

С Вашим трудолюбием очень естественно, что Вы не доживете до недостатка работы. ...Сегодня получено формальное известие, что Волоцкой получил отсрочку отпуска заграничного по 1 сентября [18]57 года. ...Утешаюсь тем, что по возможности трудом настоящим отдам за свободу от службы в летние месяцы, употребленные на лечение на водах. ...

На днях ожидаем сюда Н. С. Корсакова. — Сказывают, что Ставрополю, как губернскому городу, грозят большими изменениями.

31 января 1857 г.

№ 55

Слава Богу дела столько, что унывать некогда... Везде пришлец, слава Богу неимеющий недвижимой собственности, перехожу с места на место, имея свое всегда все с собою, дойду до той минуты, когда мое останется ничто — а над этим Милость Бога Всемогущего.

14 марта 1857 г.

№ 56

В первых числах августа я представлен в Статские Советники. Это повышение дает возможность назначить меня Губернатором, т. е. исполняющим должность. Когда я представился князю Барятинскому после чтения записки о ревизии, он мне сказал: «Я очень доволен вашим управлением Губерниею и желал бы вас оставить на месте этом, но меня стесняет возвращение Волоцкого». На этом остановились сведения, мною собранные. С другой стороны спросили меня, соглашусь ли я принять должность Губернатора в Тобольске, где как предполагают скоро откроется ваканция. Думать было нечего — я отвечал, что согласен. ...

Была здесь и холера, унесшая и свою долю жертв, в числе их была Нина Александровна Грибоедова.

29 августа 1857 г.

№ 57

Министр В. Д. Ланской по поводу назначения моего в Тобольск вошел к Наместнику с вопросом: нет ли препятствия с его стороны к этому?.. Барятинский отозвался, что он очень неохотно со мною расстанется. ... Вместе с тем из Петербурга получил я письмо от брата Архимандрита, коим уведомляет, что 27-го октября имеет быть посвящение его в Епископа Кавказского и Черноморского в Ставрополь. Все это вместе заставило меня написать князю Барятинскому, что будущее направление моей службы я предоставляю на его волю.

8 ноября 1857 г.

№ 58

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 9-го Ноября из Рима я имел честь и утешение получить с последнею почтою. Долго шло оно, и если мое письмо пойдет столько же, то, пожалуй, застанет Вас уже на выезде. — Было время, когда мне очень желалось побывать за границей, — с годами любопытство это притупилось, и теперь, рассматривая свои желания, не вижу побуждений, которые бы могли завлечь меня в чужую сторону.

Что сказать Вам о себе? Дни жизни не останавливаются — чем старее, тем прохождение их становится заметнее; прошедшее кажется ничтожнее — будущее видимо кратчает. — Со дня на день ожидаю сюда приезда брата Преосвященного в уповании, что в сообществе его найду ту утешительную силу духа, в которой нуждаюсь, чтоб доживать век свой, разумно готовясь к близящемуся концу. Ясный, светлый взгляд его уяснит мне темные мои стороны, которые не вижу, ибо огрубел взгляд мой, двигавшийся побуждениями греховными. Готовлюсь оставаться здесь, но верно ничего не знаю. Наместник еще держит запрос обо мне без ответа; в Петербурге ждут пока и не дают хода делу.

Волоцкой в Тифлисе — сказывают, принят хорошо. Лукаш едет в отпуск, чтоб не возвращаться, на его место назначается Капгер.

Корпус Кавказский переименован в Армию; — ждут больших перемен в образовании управления или, как здесь выражаются, большой ломки в управлении.

С 28 ноября у нас в Ставрополе начались снежные метели и продолжались до 25-го почти непрерывно; — местами нанесло снегу более, чем на косовую сажень.

Мне было поручено составить и представить Наместнику в собственные руки предположение о разграничении губерний Астраханской с Ставропольской, с отделением кочующих на Калмыцкой степи Магометан к той или другой Губернии, смотря по тому, к которой будет признано удобнейшим окончательно присоединить самую степь. Работу эту я исполнил и в половине месяца представил по назначению. Слава Богу, дают работу, дают средство уплачивать долг мой отечеству, которому до сих пор не послужил еще столько, сколько желал бы, и сколько мог бы, если б судил себя добросовестно строго. Часто бывает грустно, но грусть эта не продолжительна — дело не дает времени оставаться без дела — и предаваться чувству, растущему в праздности.

Поздравляю Вас, Николай Николаевич, с торжественными празднованиями Рождества, Обрезания и Богоявления Христова.

Поручая себя отрадному для сердца милостивому воспоминанию Вашему, — в душевной, смею выразиться, привязанности к Вам, сознательно именуюсь: *Ваш Брянчанинов*.

26 декабря 1857 г.

г. Ставрополь

№ 59

Милостивейший Государь! Николай Николаевич!

Вот перед глазами моими письмо Ваше от 30 ноября/12 декабря с его грустными звуками из чужбины негостеприимной, с вестию о тяжелой болезни Александры Николаевны, о болезненности Софии Николаевны. Сокрушается сердце, сострадая скорбям любимых нами людей и это сокрушение передается духу, соответственно большему или меньшему единению духа. Кажется мне, что понимаю тяжесть думы Вашей, понимаю скорбь Вашу! Силен Бог восстановить здоровье болящих и скорбь переменить на радость.

Новый Преосвященный Кавказский прибыл в Ставрополь 4-го числа вечером; буду ли говорить Вам о том, чем сделался для меня теперь Ставрополь.

Сейчас проезжает через Ставрополь Крузенштерн, едущий в отпуск до Мая месяца, — он мне сказывал, что до сих пор не дано ответа Министру Внутренних дел на запрос его о моем переводе, и что князь Барятинский решительно не желает меня выпустить; — я просил Крузенштерна только об одном, чтоб меня не переводили из Ставрополя, ибо никуда не желаю и ни в каком повышении не нуждаюсь.

Молю Господа, чтоб помог сохранить мне эти мысли, примиряющие легко со всеми переворотами, чрез которые проходил в течение полувековой жизни моей.

Нелады мои с Волоцким суть сношения человеческие — умягчаются они холодным сохранением внешних приличий и близкими отношениями Волоцкого с Преосвященным Игнатием.

В назначении и посвящении брата действовал весьма влиятительно Андрей Николаевич [Муравьев].

Воспоминая Ваши предположения, дивлюсь, как в отношении соединения братьев мысль Ваша исполнилась.

Прося Вас передать Наталье Григорьевне и всем детям Вашим мой глубоко душевный привет, относительно к Вам и семейству Вашему ни внешних, ни внутренних отношений моих не в силах подчинить формам общепринятым и истолкованным злоупотреблением и лестью — тогда как отношения эти составляют достояние *Вашего Брянчанинова.*

12 января 1858 г.

г. Ставрополь

№ 60

Вооруженный мирной горец Магометанин останется в душе врагом Правительства Христианского. ... За невозможности отделиться от этих племен Китайскою стеною — воздвигается другая стена из костей Русских, беспрестанно пополняемая и постоянно оседающая в землю. Кавказ — вертеп двух чудовищ: первое — Магометанизм; второе — молва человеческая.

25 августа 1858 г.

г. Ставрополь

№ 61

У меня сегодня Корсаков Сергей Семенович. ...

Преосвященный Игнатий на днях возвратился из Кизляра; в пути своем в Червленной Станице имел продолжительную беседу

со Старообрядцами, в Моздоке — с Черкесами, в Кизляре — с Армянами. Ваше слово о влиянии веры — справедливо, но без покровительства делу со стороны мирских властей трудно бы было иметь успех значительный, хотя бы и при ревности главного духовного лица в крае. Линейцы все еще в ведении Обер-Священника.

2 октября 1858 г.

№ 62

За беседою у Преосвященного Игнатия, у которого я в тот день обедал, воспоминали мы Вас — воспоминанием проходили историю Вашей служебной деятельности — случаи встреч с Вами в нашей жизни. Владыко перешел к скорбям, столько общим на земли; уделом людей, особенно тех, ум которых по возвышенности не доступен для толпы, отвращающейся от целебного, но не сладкого лекарства. Владыко заметно хилеет, занимаясь утром делами, он вечером, при свечах вынужден был оставить всякое занятие. Не будучи в состоянии поддерживать письменных сношений своих, к родителю нашему и к родным сохраняет общение чрез меня, с близкими — чрез ближайшего духовного ученика своего келейного Иеромонаха, и лишь в редких случаях пишет сам. Епархия, как Вам известно, досталась ему далеко не в удовлетворительном положении; притом столь скудная, что средства Епископа ограничивались только окладом годового жалования 280 рублями; предшественники его получали по 1000 руб. добавочных от Синода, но ему до сих пор не дают еще этого содержания; при его строгом взгляде на позволительность доходов Епископа — это положение было причиной деятельной его заботливости; умиротворение духовенства городского, поездка по Епархии, направление духа вообще всех священно-церковных служителей составляет главный предмет его попечений. Моздок предназначает он исходною точкою деятельности по поддержанию Православного Христианства между местными жителями, Осетинами и Черкесами. В Моздоке, в церкви Успения Божией Матери находится благодатно-обилующая чудотворениями Икона Божией Матери Иверского написания; Магометане из Большой и Малой Чечни ходят туда на поклонение Святыне; — Владыко пригласил общество Черкесское (в бытность свою в Моздоке) избрать из себя юношу для приготовления его к занятию при этой Церкви места священника от их общества, поставив уже одного из Осетин, под настоятельством Протоиерея

из Русских. Черкесы выбрали сироту из Княжеского рода, который теперь живет у Владыки и учится; юноша с замечательными способностями. Это будут первые два священника Осетинский и Черкесский, которые образованы соответственно своему назначению в этом Моздокском уголке Православия.

7 декабря 1858 г.
Ставрополь

№ 63

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 31-го декабря получил я на прошлой почте и первым действием моим было показать его Преосвященному; потому что он, по первому известию о назначении Вас Председателем суда, выразил положение Ваше в том точно смысле, в котором определили его Вы в настоящем письме Вашем. «Справедливы были и желания и искания Ваши, чтоб отклонить от себя эту горькую Чашу, — говорит Владыко, — но когда все Ваши усилия и просьбы остались тщетными, то решимость Ваша: повергнуть надшедшую неожиданную скорбь во всесильную волю Божию, и принять ее по заповеди Евангельской: *Чашу юже даде Мне Отец, не имам ли пити ея?*[1] — может дать делу исход совсем неожиданный человеками. Начинание, имеющее определенную по человеческому разумению цель, проходя путями неисповедимого Промысла Божия, нередко приводит к результатам неожиданным, — часто противуположным цели начальной — человеческой. Неисповедимы пути Промысла Отца Небесного о покорных Ему чадах Его». — Эти слова моего Старца Владыки передаю Вам от него по его приказанию.

Вот уже несколько дней, как я живу как бы в отпуску, без служебных занятий, за отъездом Филипсона в Тифлис, приостановленных. Отрадна мне эта свобода, предшествующая, впрочем, усиленному труду. Видится, что придется, не оставляя занятий при Филипсоне, вступить в управление Губернией на неопределенное время, если Волоцкой поедет в разрешенный ему уже отпуск.

Тепло предвещает приближение весны и начало новых трудов: изыскание пути для пароходства по Кубани, разработку свинцово-серебряных [рудников], устройство новых станиц — улучшение передовых крепостей. До наступления зимы — никаких военных движений для завоевания на Правом Крыле не предвидится.

Поручая себя милостивому воспоминанию Вашему, Николай Николаевич, преданность свою к Вам считаю дорогим достоянием своим, которым утешается *Ваш Брянчанинов*.

21 января 1859 г.

Ставрополь Кавказский

[1] *...неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* (Ин. 18. 11.)

№ 64

На днях, вступая в шестой десяток лет жизни — рассуждаю, что пора уже мне утвердиться в убеждении, что ни в чем на земле нет вечности и что упрочить здесь *видимое* благосостояние есть труд льстивый, — лукаво сопровождающий человека до могилы — если его не останавливать истиной. Есть другой путь — все находящее принимать с благодарением и к желаниям и исканиям земным не прилагать сердца; этому учит меня Владыко и слова его укрепляют: убеждения опыта полувековой жизни — и сердце.

26 февраля 1859 г.

№ 65

Имея такое доказательное дело на глазах — у меня душа облилась скорбью, когда я прочитал в журнале «Собеседник Православный», издаваемом Казанской Духовной Академией статью «Голос Древней Русской Церкви об улучшении быта несвободных людей»; она помещена в январской книжке 1859-го года. Укоризны, ненависть, клевета, направленные Академией против дворянства, против крепостного права, во имя Церкви, объясняются последующими двумя статьями той же книжки.... Основываясь на искалеченном толковании и переводах западной Церкви Священного Писания, Академия отступает от Христианства, проповедуя мятеж; восхищает суд Божий, призывая на свой суд душу кающуюся умирающего грешника; издевается над действиями комитета по цели их сохранения выгод помещика, касается всего, что только может возмутить крестьянина и все это будто бы на основании Священного Писания! По влиянию этих статей на духовенство, особенно молодое, они могут горько отозваться в народе и, проходя незаметно для светского общества, вернее достигать цели, для которой предназначены.

9 апреля 1859 г.

№ 66

Слава Богу за все! — и мне пока очень хорошо здесь. Вице-губернатор хороший человек дан мне по моему выбору — а выбирал по трудолюбивому стремлению к добру.

28 октября 1859 г.

№ 67

Покорение Восточной части Кавказа, естественно, составит большое сокращение расходов, ибо именно там был главный театр военных действий последние три года. ... Причиною этой покорности полагают отчасти падение Шамиля, а особенно свободный выпуск в Турцию, где, как носятся слухи, Правительство встретило затруднение в наплыве этих орд варваров Магометан-фанатиков и не находя приличной возможности заградить им путь.

16 ноября 1859 г.

№ 68

На днях я отправил Алешу своего в Москву готовиться к экзамену в Университет. Будьте сыну то же, что были отцу, которого Вы перевоспитали в Вашего.

21 января 1860 г.
Ставрополь

№ 69

Преосвященный Игнатий передал мне записку, вложенную Вами в письмо к нему о содержании, которое Михаил Николаевич так милостиво исходатайствовал старику Паренсову. Буду ли благодарить Вас, Николай Николаевич, словами? Их, по отношению к Вам, у меня всегда недоставало. ...

21 января я проводил сына моего в Москву. Комическая личность «губернаторского сынка» была невыносима для меня и не могла не быть вредна для ребенка.

3 февраля 1860 г.
Ставрополь

№ 70

Не сетую я за правду — и не оправдываю неумения моего — безуспешность всего предпринимаемого мною, чтоб развить в

нем [в сыне Алеше] расположение и охоту к труду. Я еще не теряю надежды, что выйдя из окружавшего его здесь общества и поступив в Университет, если он не будет ученым человеком, то по крайней мере поймет, насколько он далек от учености. Пишу я ему довольно часто; и видится мне, что разлука со мною может иметь свою хорошую сторону, потому что ежедневная моя нотация теряла силу и даже казалась, быть может, излишне докучливою; тем более, что в обществе, за немногими, очень немногими исключениями, меня прозвали старообрядцем, человеком отсталым, и не церемонились под видом искренности и дружбы всячески отклонять сына от меня и моих правил.

Что скажу Вам о себе? Дела более, чем средств разрабатывать его, а не только, чтоб иметь время следить за выполнением; к тому же большой недостаток в грамотных чиновниках увеличивает значительно массу труда.

По встрече в Егорлыке Князя Барятинского, он взял меня в карету с собою и, между прочим, неожиданно объявил мне, что имеет намерение перевести меня в Тифлис Губернатором же. Я так не ожидал этой чести, что отвечал «помилуйте, Ваше Сиятельство, я свыкся с Ставрополем и желал бы оставаться в нем», но вспомнив, что «неладно», прибавил «впрочем, делайте как Вашему Сиятельству угодно». Ответ: «Я сделаю то, что найду более полезным ... там вы будете ближе ко мне». Основываясь на этом разговоре, я ожидал скорого перевода, но — слава Богу — на днях получено известие, что обошлись и без меня. Впрочем, ожидаем больших перемен во внутреннем разделении частей управления и в самом образе управления.

14 марта 1860 г.
Ставрополь

№ 71

Письмо Ваше от 4-го Марта и при нем расписку Елецкой почтовой Конторы о принятии посылки на имя Преосвященного я получил вчера и сделал распоряжение, чтоб она дошла по назначению.

Преосвященный очень болен, у него сначала обнаружились признаки лихорадки, а потом ветряная оспа, но столь сильная, как бы обыкновенная, натуральная; впрочем вчера опасность миновала, жар прекратился — произношение уясняется, но слабость или вернее расслабление чрезвычайно значительны; особенно руки и ноги совершенно пока не служат ему.

15 марта 1860 г.

№ 72

Служебные дела вызвали меня в Тифлис, где живу уже три недели, кажется впрочем, возвращение мое в Ставрополь сближается. Главное дело, понудившее меня приехать, есть необходимость усиления почтовых трактов и необходимость весьма спешная, по преимуществу на тракте Черноморском, по усиленным военным предприятиям на Правом Крыле. ... Другое дело мое это проект переобразования управления Ставропольской губернией, который выражен Высочайшим повелением о Северном Кавказе. ...

[Продолжает письмо в Ставрополе.] Истинно трудно было бы мне в Тифлисе, и именно по моему нраву и особенно по привычкам, которые в мои годы и при моей болезненности уже обратились в потребность насущную.

Слава Богу, подающему тепло человеку на обновление сил его. Если б теплота атмосферного воздуха не согревала тела, а теплота духовная — души, плохо бы приходилось существовать человеку на земли. ...

Преосвященный поправляется очень плохо; до сих пор еще не выходит из своих келлий; часто стал поговаривать о желании своем удалиться на покой, и останавливается на Задонском монастыре, как месте, в котором желал бы проводить остаток дней своих.

9 мая 1860 г.

Ставрополь

№ 73

Кажется, что несмотря на силу действующих отрядов, покорение этой страны может продлиться на неопределенное время, особенно если Европейские наши друзья найдут выгодным для себя поддерживать войну, что им весьма легко сделать, имея на всем протяжении берега свободный доступ. ...

Здоровье Владыки восстанавливается медленно.

На днях собираюсь объехать Губернию по селам и насколько будет возможно осмотреть заселенные местности Калмыкской степи, окончательно отрезываемой из ведения Астраханской губернии к Ставропольской.

13 июня 1860 г.

№ 74

В последние месяцы пришлось пережить годы. Сын мой Алексей, выйдя на волю, сначала не сумел распорядиться ею, а по-

том, оставив определенный ему путь, пошел жить в монастырь, Настоятель[1] которого, человек весьма нравственный, оказал ему милость, приняв юношу под покровительственное начальство свое. Долго боролся я с своими и чужими мнениями и решился личное мое вмешательство в распоряжение будущего сына, как слепое, отложить, отдавая в волю Божию и неисповедимым Судьбам Святого Промысла благоустроение его.

28 ноября 1860 г.

[1] Настоятель Николо-Угрешского монастыря Пимен (Мясников).

№ 75

Принимаю благодарною душою добрые желания мне силы и здоровья на труды, коих не мало. Все трудящиеся на земли — о земном, должны помнить справедливое замечание Ваше, что труд их при самом добросовестном исполнении его может быть не достигнет цели, с которою предпринимается. Понимаю так, что делая, исполнения ожидать должно от «вся устрояющего Промысла Божия».

Старость быстро разрушает силы человека, хотя я очень окреп ногами, но глаза до того стали плохи, что вечерние чтения или письмо производят резь, а дневной свет короток. Повторяю за Вами: Слава Богу за все!

У нас больших действий военных нет. Ожидаем сильного переселения Казаков из внутренних станиц на передовые линии. ...

Пока будет Владыко в Ставрополе, мне этот город будет родной, но...

25 января 1861 г.

№ 76

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 3-его июня получил пред выездом в Пятигорск, откуда посылаю Вам настоящее, с поздравлением с наступающим днем рождения Вашего, соединенным с душевным желанием Вам всего лучшего.

О назначении Вас вторым Шефом Самогирского полка читал в газетах. Приветливость Государя к Вам много утешила меня. Напомнила мне Самогирцев против Иерусалимских ворот и потом уже их в составе Гренадерского Корпуса.

В деревнях теперь хлопот и труда много. Хотя у нас в Ставропольской Губернии дело идет пока мирно, но и помещики и

Мировые Посредники жалуются, что работы крестьяне исполняют крайне лениво. Не хотелось бы прибегать к мерам строго понуждения, но едва ли возможно будет избежать.

Филипсон выехал из Таганрога в Петербург 10-го или 11-го июня.

В Пятигорск я приехал по делу о устройстве быта возвращающихся из Турции Ногайцев, которые в проезд Князя Барятинского чрез Константинополь выпросили у него позволение возвратиться. Я хлопочу о том, чтоб пользуясь настоящим случаем лишить Ногайцев прав кочевых и приселить их государственными крестьянами к многоземельным селам ведомства Палаты Государственных Имуществ, с некоторыми на первое время льготами во внимание к их бедности.

О Князе Барятинском есть вести, что он в Виши, что ему лучше и что он возвратится в Край, чего сначала не предполагали.

Собственные дела мои требовали бы, чтоб я поехал в отпуск, как повидаться с Алешей, так и для того, чтоб предпринять что-либо по отношению к имению его, но сложность дел Губернии такова, что решительно ничего предпринять нельзя, имея особенно в виду, что пенсии я не выслужил, собственности никакой (почти) не имею, и что потому надо работать, чтоб иметь средства к жизни.

Память Ваша и всего семейства Вашего есть истинное утешение для человека, который прокочевал всю жизнь на чужбине, и едва ли прикочует до смерти к углу, который бы принадлежал ему. Последнее имеет свою хорошую сторону для человека.

Глубоко мыслию и сердцем кланяюсь Вам со всем семейством Вашим

Ваш Брянчанинов.

1 июля 1861 г.

Пятигорск

№ 77

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Вчера узнал от Софьи Никитишны о помолвке Антонины Николаевны за Бакунина. Принося Вам и всему семейству Вашему поздравление с этим начинанием, молю Господа, Подателя всех благ, ниспослать благословение на этот союз.

Сегодня же узнал о назначении Александра Николаевича[1] из Нижнего в Москву Сенатором.

Прибыв в Москву я застал здесь еще Преосвященного Игнатия, которого задержала болезнь и необходимость в медицинском пособии. При нем уже поселился и Алеша, который чрез меня просит Владыку взять его к себе в монастырь, на что получил согласие, вследствие которого третьего дня я отправил его вслед за Владыкой. Вообще состояние Алеши таково, что мне остается лишь благодарить Господа. Очевидно, что в монастыре он занимается чтением душеспасительным.

Не далее, как послезавтра собираюсь я выехать в Петербург. Погода портится и путешествия становятся в весьма нерадостной перспективе.

Видел Левшина[2], ему нехорошо.

Простите, Николай Николаевич, из Петербурга поспешу в Ставрополь, чтобы уйти от зимы.

Душой преданный *Вам Брянчанинов*.

16 октября 1861 г.

Москва

[1] *А. Н. Муравьев* — брат Н. Н. Муравьева-Карского.
[2] *Левшин* — свекор П. А. Брянчанинова.

№ 78

Государь, коему я имел счастие представляться в Царском Селе, отзывался, что Он отдохнул на Кавказе.

Приношу Вам искреннюю мою благодарность за поздравление Ваше с наградами нами обоими братьями полученными, хотя я этою моею наградою шагнул через три ступеньки в четвертую по порядку наград орденами, но собственно, только что догнал некоторых из товарищей службы. Да и думаю себе, не довольно ли?

10 января 1862 г.

№ 79

Свидание Ваше с Александром Николаевичем после продолжительной разлуки радостно, и мне тем более понятна эта радость, что возвратившись в Ставрополь я не нашел здесь брата своего, с которым в последние годы мы сошлись особенно близко.

5-го января возвратился я из Тифлиса, где у А. Ф. Крузенштерна оставил прошение мое об увольнении меня вовсе от службы, ибо нахожу, что я отстал от современности, чтоб служить где бы то

ни было; к тому ж и память мне крепко изменять начала. С Крузенштерном я условился, чтоб прошению дать ход с таким расчетом времени, чтоб мне можно было выехать в Мае из Ставрополя; между тем он написал Князю Барятинскому, спрашивая его о назначении мне преемника и при своем письме отправил и мое, в котором, объясняя причины, вынуждающие меня оставить службу, я прошу о назначении мне пенсии по должности Губернатора. Всей службы имею 35 лет 11 месяцев. До ответа Князя это предположение должно оставаться тайной, чтоб молвой не ослабить власти.

Радуюсь счастию Антонины Николаевны, дай Господь ей всего лучшего.

Сбираюсь отсюда выехать на Астрахань или Ростов-на-Дону, чтоб подняться водою до Бабаек.

20 января 1862 г.

Ставрополь Кавк<азский>

№ 80

Все обстоятельства, сопровождающие мое служение, сложились так, что лучшее, что я могу предпринять — это отставка. По образу мыслей, по убеждению о полезном, по понятию о добре и зле я так расхожусь с пониманиями и стремлениями большинства деятелей общественных, что или должен нарушить святость совестливых убеждений моих или (большею частию безуспешно для дела) бороться и раздражать большинство. При этом напряженном состоянии я ощутительно стареюсь, утраты способностей с каждым днем делаются ощутительнее. В виду у меня жизнь с братом и сыном; тем пенсионом, который я выслужил, прослужив более 35 лет Отечеству и обществу. Остальное не мое — отдаюсь в волю Божию, и молю Господа даровать мне полезнейшее для приготовления к исходу; но искренне говорю Вам: тягощусь даже мыслию возможности оставаться среди среды, в которой стою — одинокий, по убеждениям и стремлениям, благодаря Бога за самую скорбь! ...

Князь Барятинский лечится за границей и приказал не ждать его, дать делам движение. Другое известие: это молва о назначении Графа Амурского[1] на место Князя. Этому последнему я не верю.

Хотя не думаю, чтоб обстоятельства эти изменили мои планы, но боюсь, потому что имеют законное основание оставить

меня на пенсии 570 р. в год, что будет больно скучно и чего разумеется Князь Барятинский не допустил бы.

16 марта 1862 г.
Ставрополь Кавказский

[1] *Муравьев Николай Николаевич* (1809–1881) — государственный деятель; в 1847–1861 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири; в 1858 г. заключил Айгунский договор с Китаем, определивший границу по Амуру, за что получил титул графа Амурского.

№ 81

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 26-го Мая я получил уже на новом месте жительства моего, куда приплыл Волгою 22-го числа Июня, после 17-дневного пути от Ставрополя. ...22-го Июня приехал я к брату Преосвященному и сыну. Более близких людей в мире у меня нет, имения, собственно мне принадлежащего, у меня нет, а потому я намерен оставаться здесь на правах гостя, не стесняя себя ограничением времени. Получаемая мною пенсия даст мне возможность в материальном отношении не быть в тягость ни Владыке, ни Монастырю, а между тем соединяя меня с сыном, доставляет мне самое существенно полезнейшее положение. ...

Сегодня получил я уведомление от Буткова, что кроме узаконенной пенсии (860 руб.) мне назначено Всемилостивейше — 1716 р<ублей> добавочной. Слава Богу!

1 июля 1862 г.
Бабайки

№ 82

По близости Костромы и Ярославля, я в том и другом городе был по два раза со времени моего приезда сюда. В Ярославле — для устройства получения моей корреспонденции, в Костроме — преимущественно для свидания с давними, по службе моей там, знакомцами. Между прочим, имел желание видеть Рудзевича, который из Атаманов казачьих попал в Губернаторы в Кострому. ...его обязанностей, особо важных по значительному числу помещичьих имений в Губернии. ... Сказывают, что в половине имений уставные грамоты уже введены и везде на оброке. Совершенно согласен с Вами, отношения крестьян к новому их положению — к быту самостоятельному — надо думать, что приведутся в порядок самим временем, и когда пройдет, так сказать

угар обаяния свободы, они уразумеют необходимость уважения чужой собственности.

20 августа 1862 г.
Николо-Бабаевский монастырь

№ 83

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

На письмо Ваше от 5-го Сентября, полученное мною в странствовании моем, отвечаю Вам из Петербурга, куда я приехал ровно неделю тому назад.

Напрасно Вы думаете, что я несколько остыл сердцем, что совершающееся вне стен моего жительства не касалось бы меня, было бы совершенно чуждо мне. Нельзя не внимать к происходящему пред глазами. Недостаток в добросовестных и правильно понимающих дело деятелей ощущается повсюду. Литература, такая, как она сложилась у нас, этому недостатку не помогает да и не может помочь, потому что с немногими исключениями, сами литераторы, пропитанные материализмом, а потому и полнейшей безнравственностию, посевают больше зла, чем искореняют его мнимою пользою гласности, под покровом которой действуют часто (и даже по большей части) зависть, мщение, клевета и ложь. Правила же нравственные ими распространяемые, способны только уничтожить то немногое добро, которое держится в народе его религиозными преданиями.

Говорят, что взятие в плен Гарибальди имело благодетельное влияние на всех либералов, осадив их стремление к ниспровержению порядка. Едва ли обстоятельство это может быть признаваемо за окончательный факт, который изменит развитие мысли и действия проповедников «свободы мышления». Трудно предвидеть, какой исход готовится этой грозной борьбы, в которой в лице литературистов, сторонников прогресса и прогрессистов нелитературы, восстало злое начало, восстал ад против начал добра — против веры Христовой, в ее необходимом приложении к жизни.

Здесь в настоящее время Князь Барятинский, возвратившийся из-за границы и готовящийся ехать на Кавказ с восстановившимися новыми силами. Видел я третьего дня Михаила Николаевича, который собирается весною снова за границу и потому не вступает в управление уделами. Говорят, что за ним останется Межевой Корпус на правах Отдельного.

С собою в Петербург я привез некоторые из сочинений Преосвященного Игнатия и намерен попытаться напечатать их. Удастся ли мне это — не знаю, но приложу старания, сколько могу, чтоб исполнить. Трудно потому, что Преосвященный поставил условием, что не принимает никакой Цензурной поправки, изменяющей или ослабляющей выраженную им мысль.

Прощайте Николай Николаевич! Так как я предполагаю пробыть здесь почти месяц, то неугодно ли Вам будет поручить мне что исполнить в Петербурге. Адрес мой: У Знаменья, дом Фридрикса, по Лиговке, в меблированных нумерах Г-на Щербакова.

Всегда и навсегда, присно *Ваш Брянчанинов*.

11 октября 1862 г.
С. Петербург

№ 84

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 3-го Ноября застало меня еще в Петербурге, где дела делаются неспешно, особенно частные. Едва достиг возврата из Цензуры сочинений брата Преосвященного Игнатия, а теперь хлопочу о передаче корректуры. По ходе дела надеюсь, что чрез неделю, т. е. в последних числах месяца, мне можно будет уже выехать в обратный путь. Радуюсь, что в Москве найду Наталию Григорьевну с детьми Вашими.

Вглядываясь здесь к направлению литературы ближе — очевидно, что цель ее (за исключением немногих периодических изданий) листками дешевыми уничтожить нравственность, повиновение власти и религию в народе. Грустно видеть, как они подкапывают благосостояние отечества. Хотя бедствия пожаров заставили многих отпасть от этой партии, но статьи, помещаемые даже в книгах, доказывают, что зло живет и действует, преследуя свою идею, проводя ее всеми доступными ему путями в народ. ...

Вообще, мне было нелегко на душе во все время моего пребывания здесь. Утешаюсь тем, что труд, который был возложен на меня братом, послужит чистым утешением для многих собратьев Христиан, ищущих душеспасительного духовного чтения. ...

Простите, Николай Николаевич...

20 ноября 1862 г.
Петербург

№ 85

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 8-го Декабря пришло ко мне на Бабайки вчера 25-го. В Москве я пробыл от 5-го до12-го, так что в день Ангела Вашего был в первый раз у Натальи Григорьевны, поздравил ее и детей с дорогим отсутствующим имянинником, а 11-го в последний раз долго сидел, поджидая, не подъедете ли Вы. Но на другой день, в 8 часов утра, проезжал мимо Варгина в путь на Ярославль и убедился, что Вы еще не приезжали. От Ваших знал, что Вас удерживали сначала недуг, а потом бесснежье. По месту боли ноги сомневаюсь, чтоб это была подагра, а не нервная ли боль, подобная той, которою я страдал, приехав на Кавказ, и от которой меня вылечил Коваленский Михаил Ильич гомеопатией. До того же времени ни доктора, ни воды не могли мне помочь.

При мне состоялось отречение Александры Николаевны и назначение Софьи Николаевны во Фрейлины к Императрице.

Наконец и на Кавказе совершилась перемена, которой давно ждали и о которой давно говорили и уже почти начинали верить, что это ложный только слух. Я говорю о назначении Великого Князя, об нем молва была на Кавказе еще при мне.

13-го числа вечером я приехал сюда и отдыхаю от напряженной Петербургской жизни; где при всем моем малом внимании к происходящему, нельзя было не видеть, а особенно не слышать о страшном развитии и цинизме разврата литературного и деятельного прогрессистов. Что разврат этот проникает всюду, что он выносится из столицы в провинции, из среды зараженных в среды незараженные и там разливает яд свой — это неоспоримо. Но чем и когда может быть восстановлена нравственность в массе народа, когда она в ней будет потеряна? а религии — вере Православной война объявлена открыто литературой и распространителями раскола — его защитниками, как явления политического. Цензура пропустила множество сочинений — изложения учений разных ересиархов, дала повод простому народу верить, что книги эти напечатаны по воле Государя и раскол усиливается в необъятных размерах. Это явление близко сходством с явлением Протестантизма на Западе — разница та, что оно образовывается в одном и том же Государстве. Спаси Господь от тех последствий, которые нам указывают примеры народов отживших или еще хуже — последствий беспримерных! — по беспримерности характера народа.

Простите, Николай Николаевич! Примите от искренно преданного Вам сердца поздравление с наступлением Великого Праздника Рождества Христа — Бога, Искупителя падшего рода человеческого, через веру в Него; и с наступающим новым годом. Вам и всему семейству Вашему открытой душой всегда желающий всего лучшего, *Ваш Брянчанинов.*

24 декабря 1862 г.

Н<иколо-> Б<абаевский> Монастырь

Брат Преосвященный искренно благодарит Вас за память и поручил мне передать Вам его поздравление с наступающим праздником и новым годом. Здоровье его очень хилое.

№ 86

...дело печатания сочинений Преосвященного Игнатия требовало скорейшего моего с ним свидания для безостановочного хода дела.

Очень утешался я благосклонным расположением Государя к Вам.

26 января 1863 г.

Н<иколо-> Б<абаевский> Монастырь

№ 87

Читаем здесь действия Михаила Николаевича и утешаемся его назначением на это место.

19 июня 1863 г.

Н<иколо-> Б<абаевский> М<онастырь>

№ 88

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Судя по последнему письму Вашему, писанному 13-го Августа, думаю, что Вы уже дома в Скорнякове, в кругу своих.

Слава Богу за все! Слава Богу и за пождание мирное! Надолго ли? — это дело другое. Кажется, напряжение военное было так сильно, что оно не может иначе утишиться как войной.

Быстрота перемен внутренних, дело Поляков или с Поляками, Министерство Народного Просвещения и его действия по духу, в котором образуется юношество — и много, много вопросов равносильных вызывают напряженное внимание людей, всматривающихся в дело расчетливо.

Вы спрашиваете не был ли я в Нижнем в приезд Государя? — Нет — но видел преданность народа к Царственному Дому в приезд Наследника, который заезжал к нам на Бабайки, 29 июня слушал Литургию, по окончании которой Преосвященный поднес ему икону (копию с чудотворной) Святителя Николая, сказав: «Ваше Императорское Высочество! Святитель Христов Николай, преподававший душеспасительнейшие советы Царям, да глаголет сердцу Вашему вся благая о Вас Самих и о Православном Русском народе». — Тысячи народа (простой народ, исключительно крестьяне и все бывшие помещиков, потому что в нашем кутке и слухом не слыхать Государственных) собрались и с любовию приняли и глядели на Царственного Юношу.

Он заходил к Преосвященному, пил у него чай и завтракал и удивлялся, что он прежде никогда не видывал Преосвященного, хотя тот постоянно жил около Петербурга. Но Бабайки и теперь не были в маршруте, а посещение это устроилось совершенно неожиданно.

Старость — особенно хилость, говорят мне, что хотя я летами и гораздо помоложе Вас, но по здоровью едва ли увижу больше Вашего из тех близящихся изменений, которые придут как неизбежное последствие известных и нами ныне наблюдаемых начал.

Поздравляя Вас с прошедшим днем Ангела Натальи Григорьевны, прошу напомнить всем Вашим о приветствующем их *Вашем Брянчанинове.*

2 сентября 1863 г.

Н<иколо-> Б<абаевский> Монастырь

№ 89

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Милостивейшее письмо Ваше от 24-го Декабря нашло меня в Петербурге, куда я поспешил следом за тремя денежными делами, перешедшими туда их Херсона по выкупному делу и по продаже мною земли в частные руки к расчетам в Государственном Банке. И в Петербурге, как и в провинциях, дела любят, чтоб за ними ходили — и здесь иные берут своими личными настроениями, покровительствами, просьбами, другие, действующие чрез поверенных, взятками, которые берут сначала поверенные с доверивших, а как дальше это обделывается — это тайна, не каждому открывающаяся.

21-го я был у Андрея Николаевича; он был болен — знал он, что в этот день совершилось погребение почившего брата его[1], но не знал, что и Вы в Москве.

О моем выходе с Кавказа всякой раз, как вспомню, благословляю Господа. Вижу насколько я отстал от века и от стремлений настоящего поколения — единодушно во всем мире как бы замыслившего свержение всякого повиновения во всех слоях общества, во всех возрастах: повиновения вере, законам отечественным — и даже законам естественным, и все это с целию жить на счет труда — не своего.

Будущее в руках Божиих. — Кто сколько поживет? Кто что увидит? Но верно то, что все единодушно ожидают переворотов во всем мире. Что отчизне нашей, по ее силе и особенности характера массы народа, предстоит иметь сильное влияние на дела материка Европейского, в этом тоже нет сомнения, но что выйдет из этих испытаний? Какой плод принесут лишения, потери, сотрясения? Занятый делами моими, я почти ни с кем здесь не вижусь, и потому живу, как изверженный из общества, от которого впрочем и значительно отвык. Думаю около февраля выехать обратно в свою сторону. Состояние здоровья моего до тех пор хорошо, пока на месте, а как только нарушается порядок привычный, так и трудно; в нынешнюю поездку несколько раз болел.

Вы знаете и мою привязанность к Вам, и мою преданность и потому не усумнитесь в искренности и полноте благопожеланий Вам и всему семеству Вашему *Вашего Брянчанинова.*

11 января 1864 г.
С. Петербург

[1] Александра Николаевича Муравьева.

№ 90

Рассчитывая пробыть очень недолго в Петербурге, надеялся я застать Вас в Москве и личным свиданием заменить общение письменное, но время шло, а дела или вовсе не подвигались, или шли так, что как бы из рук вон. Наконец уменьшая свои желания, думал съездить на масленицу на побывку в Москву — и тут неудача.

28 февраля 1864 г.
С. Петербург

№ 91

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Близится день Вашего рождения и желаю стать в числе тех, которых Вы, встав 14-го Июля утром и перебирая сердцем Вам преданных, вспоминающих Вас в этот день, назвали бы не колеблясь. По чувству душевной, преданной привязанности к Вам я стою очень близко и не отступаю от Вас, хотя живу и врознь и вдали, хотя в земной жизни, быть может, уже не суждено мне приблизиться к Вам настолько близко, чтоб я мог быть Вам пригоден на что-либо внешнее. Чувство духовное не стесняется формою тела, пространством — вообще преградами видимыми, не стеснит его и время — оно достояние вечности.

4-го Июня оставил я Петербург и потому уже не застал Вас в Москве — поспешил на Бабайки, где Алеша уже ждал меня наготове к выезду в Вологду, куда мы съехали вместе. Представив его там Губернатору, я оставил его в доме двоюродных сестер его Боборыкиных, с которыми он очень сошелся, дал ему 5% бумаг выкупными свидетельствами и банковыми билетами 20 тыс. (на 1 тыс. р<ублей> годового дохода) с процентами с 1-го Февраля 1864 года и 1 тыс. рублей чистыми деньгами на обзаведение. Он намерен, отгулявшись лето в деревне, осенью определиться на службу в штат управления Начальника Губернии. За этим действием Алексея, разумным как мне кажется во всех отношениях, мне осталась та именно доля, которой я давно желал — тихая внимательная жизнь в сообществе с братом и другом — благодетелем моим.

Шлю искреннейший, живой по чувству привет всем членам семейства Вашего, верю, что привет этот, относящийся и к Вам и к ним, будет услышан так, как посылается *Вашим Брянчаниновым.*

8 Июля 1864 г.

Н<иколо-> Б<абаевский> Монастырь

№ 92

Брат Преосвященный Игнатий все болен, он присоединяется к моему поздравлению.

Алеша назначен чиновником особых поручений при Вологодском Губернаторе, ростом догнал меня.

4 июля 1865 г.

Н<иколо> Б<абаевский> Монастырь

№ 93

Живя со стариком — старцем — братом, в его обществе нахожу возможное утешение, а в образе жизни возможно удовлетворительнейшее — по мне — положение. Почти что никогда скука не заглядывает в мой маленький тихий приют; редкие ее проявления тотчас прогоняются занятием, которого довольно, и потому разнообразием восстанавливается тотчас утрачиваемое единообразием продолжительным — довольство.

29 ноября 1865 г.
Ярославль, Н<иколо->Б<абаевский> Монастырь

№ 94

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Чувство искреннего, как бы сыновнего почитания приводит меня к Вам с приветом поздравления Вас с наступающим днем рождения Вашего и благожеланиями моими Вам всего лучшего, возможного человекам в земной жизни их.

Строки эти пишу Вам из Москвы, где я остановился на несколько дней, следуя обратно из Петербурга на Бабайки. В Петербурге был, чтоб последить за ходом дела монастырского в Синоде, а здесь остановился, чтоб последить за выздоровлением племянницы моей, выходящей, благодаря Бога из возвратной, тифозного свойства горячки, благополучно миновавшей. Больная около 2-х месяцев не выходила из постели.

Радуюсь за себя, что возвращаюсь домой, ибо в Петербурге все время болел, вероятно, вследствие тамошних жаров, пропитанных злым, острым холодом.

Прося Вас напомнить обо мне всем Вашим, прошу Вас от времени до времени при Ваших воспоминаниях о людях, которых судьба ставила вблизи Вас и в зависимости непосредственной от Вас, не забывать и Вашего по имени и по чувству всегда *Вашего Брянчанинова.*

4 июля 1866 года
Москва

Письма игумении Усть-Медведицкого Преображенского монастыря Арсении (Себряковой) к Петру Александровичу Брянчанинову[1]

№ 1 (1)

Я вообще не люблю стеснять себя перепиской мирской, но люблю иногда передавать свои мысли и чувства тем, кто может их понимать и сочувствовать им и, если нельзя устно, то хоть письменно. Ваше письмо меня утешило. — Вы помните меня, а для меня это дорого. Но ради Бога, прошу Вас не превозносите меня так, это несправедливо, и я извиняю ваши слова только тем, что вашему духовно-осиротевшему чувству хотелось бы так видеть... и вам показалось, что вы видите знакомые черты того дорогого, высокого, святого образа, созерцание которого освещает вашу душу. Будем же вместе созерцать его, в его великих и дивных творениях, а для себя желала бы хоть некоторого познания своих немощей и греховности, о чем прошу вас помолиться Господу, Подателю благ.

7 октября 1870 г.

№ 2 (2)

Вполне верю, что воля Божия открывается в обстоятельствах, окружающих нас, и вижу, что настоящие обстоятельства таковы, что нужно убегать в горы, но при всем этом вижу, что для меня указание неполно, — в обстоятельствах, меня окружающих... Для меня вожделенна жизнь, вполне отрешенная от всего земного, и потому-то моя душа стремится к ней иногда довольно порывисто, и я боюсь увлечься порывом чувства, чтоб не взять прежде времени того, что может хорошо только во время свое.

...На днях я получила от А<лександры> В<асильевны> [Жандр] пятый том. Как хорошо вы сделали, что приложили хоть к этому тому портрет владыки — епископа Игнатия. Господь вразумил вас. И как хорош этот портрет! В настоящее время я читаю этот том, и как изречения святых отцов, так и взгляд на святое лицо владыки, действует на меня необыкновенно хорошо. Чувствуешь себя как-то сосредоточенней, когда созерцаешь

[1] Цифра в скобках — порядковый номер письма в книге «Игумения Арсения. Путь немечтательного делания». М., 1999.

это изображение, собираешь все помысли свои, исповедуешь все тонкие уклонения своего сердца, когда смотрят на вас эти прозорливые глаза, смотрят в самую глубину души.

2 ноября 1870 г.

№ 3 (6)

...На ваши письма <...> скажу одно: вы как-то часто, вспоминая о смерти, высказываете желание своей души, чтоб в эти страшные минуты иметь помощь от людей, чтимых вами. Это желание вашей души так сильно, что она ищет как бы уверения, что это будет так. По милосердию Божию, оно действительно, и будет так, если при жизни не лишится душа духовного общения с теми душами, в помощи которых она нуждается. ...

20 февраля 1871 г.

№ 4 (22)

Теперь вы уже в П<етербур>ге. Господь благословит вас и да поможет вам потрудиться на пользу истины. Вы боитесь рассеянности при встрече с родными и знакомыми и, конечно, рассеянность будет, но только бояться ее не следует. Сидя в келлии, мы боремся с помыслами страстными, греховными, а среди людей — с самими страстями. Вот и выходит одно и то же, только в последнем случае борьба обширнее, живее, действительнее. В келлии мы изучаем слово Божие, а среди людей должны стараться исполнять его.

4 марта 1872 г.

№ 5 (41)

Вы спрашиваете о молитве. Но я много говорить о ней не могу по малоопытности. Молитва веры, молитва при сознании своей греховности, всесторонней немощности и недостаточности — вот единственная непрелестная молитва человека, не достигшего чистой молитвы. А о чистой молитве мне говорить неприлично, как не имеющей ее. Она дар Божий, она венец жизни иноческой, она возможна при действии благодати Божией в сердце, или лучше сказать, она есть само то действие благодати. Путь к ней — чистота...

20 августа 1874 г.

№ 6 (45)

Прочитывала я присланное вами сновидение Снессоревой, и нахожу, что все, написанное в нем, истина. Описание духов и их действия на ум чрезвычайно верно. Когда человек живет земною жизнию, то он не может познавать насколько дух его находится в порабощении, в зависимости от другого духа, не может этого вполне познавать потому, что у него есть воля, которою он действует, как и когда хочет. Но когда со смертию отнимется воля, тогда душа увидит чьей власти она порабощена. Дух Божий вносит праведных в вечные обители, просвещая их, освещая, боготворя. Те же души, которые имели общение с диаволом, будут им обладаны...

...Труд в заповедях Божиих — единый неложный путь к спасению.

21 июня 1875 г.

№ 7 (60)

Письмо Алексея Петровича вас встревожило, но постарайтесь по возможности предать его воле Божией... Ваше влияние на него большое, а потому следовало бы теперь остерегаться давать ему советы, они могут быть тяжелы для него и слишком угнетут его внутреннее чувство.

10 ноября 1876 г.

№ 8 (62)

Газеты известили нас, еще во время моего пребывания в Себрове, о кончине преосвященного Леонида[1] у вас на Бабайках, а потому я особенно была рада вашим письмам, принесшим мне подробное описание всех этих достопамятных дней. Вот как дивны судьбы Божии! Я была поражена благоговейным удивлением при чтении известия об этом событии. Господь сподобил вас послужить дивной тайне: переходу души в вечность иерарха, боголюбивого, подвизавшегося от юности, зачатого в духовную жизнь семенем слова Божия, преподанного Владыкой.

5 января 1877 г.

1 О нем см. Настоящее издание, т. 5, с. 693–723.

№ 9 (75)

Жизнеописание Владыки я получила и читала. Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого Владыки, его собственное свидетельство о себе. Сказать о нем слово может только тот, кто возвысился до понимания всех его деяний. Чем меньше о нем сказано, тем лучше.

21 марта 1882 г.

№ 10 (90)

Мне все думается, что болезнь ваша не к смерти... Напомню вам. В первый раз, когда я видела вас, вы сказали мне, что ничего не имея, чем могли бы спастись, желаете только одного, чтоб в обители владыки быть, подобно маленькой собачке. Это слово живо напомнилось мне. Да, это и будет. В небесной обители святого владыки Игнатия, уготовано и вам светлое место. Веруйте и радуйтесь. Если придет уныние или страх, отгоните его, с надеждою и радостию думайте о переходе в загробную жизнь и тем, кто стережет во вратах душу, чтоб восхитить ее, скажите с дерзновением: «Не имеете вы части во мне, я послушник моих отцов, которые отвечают за меня пред Господом Богом моим». Аминь.

20 февраля 1890 г.

№ 11 (93)

Слава Богу за все! Для вас теперь по состоянию здоровья вашего, по немощи старческих сил, самое главное быть в мире со всеми окружающими и чувствовать мир в душе. Меня очень успокоило, что с отцом Илией вы сошлись...

Я говорю только, что путь наш, путь грешников, какие мы есть и есмы на самом деле. Смиряться надо и не сходить с этого пути покаяния, не брать личины праведника, когда мы грешники, и не искать себе оправдания, а чаять и веровать, что наше оправдание — Христос.

2 августа 1890 г.

Письмо Алексея Петровича Брянчанинова к Николаю Николаевичу Селифонтову[1]

Милостивый Государь Николай Николаевич!

Ваше доброе расположение к почившему моему родителю дает мне некоторое право представить Вам при сем печатный экземпляр речи, сказанной о. Вениамином при погребении моего отца. Это тот самый о. Вениамин, о назначении коего настоятелем Бабаевского монастыря хлопотал мой отец, после смерти о. Иустина. О. Вениамин в отрочестве был келейником моего дяди Епископа Игнатия и им обучен грамоте.

Благоволите передать Зое Дмитриевне мои искренние благопожелания.

С истинным уважением и сердечною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга

Алексей Брянчанинов.

С.-Петербург

1 Августа 1891 г.

III

Братья святителя Игнатия: Михаил, Александр, Семен Александровичи

О Михаиле Александровиче Брянчанинове (13 августа 1811–7 января 1887) ничего добавить к тому, что написала о нем А. Н. Купреянова (см. Настоящее издание, т. 3, с. 589–590), нельзя: его жизненный путь ушел в небытие бесследно. Умер он в Оптиной Пустыни смиренным и молчаливым монахом.

Также и Александр Александрович Брянчанинов (род. 1 мая 1814). В двадцатилетнем возрасте он упал с лошади на скачках и разбился. Поспешивший к младшему брату архимандрит Игнатий сразу увидел, что это конец, и убедил его постричься перед смертию в монахи. Через несколько дней, 7 апреля 1835 г. Александр Александрович скончался. Михаил Александрович написал об этом П. П. Яковлеву: «Всемилосердый Создатель посетил наше семейство новым несчастием; вчера в пять часов по полудни Саша преставился, о чем прошу уведомить Дражайшего Отца Игнатия; насчет похорон я уже распорядился, не зная

[1] РНБ РО. Ф. 682. № 37.

сообразно ли с желанием почтеннейшего Отца Архимандрита. Сегодня поздно или завтра к обеду привезут тело его к Вам к Сергию. ... Все что нужно с помощью Лесниковых уже заказано и лошади наняты. Прося меня уведомить с сим подателем о воле отца Игнатия, честь имею пребыть навсегда ваш покорнейший слуга

Михайло Брянчанинов

8 апреля 1835.

Насчет родных надо ли кому давать знать о похоронах, а именно Шипилову, Лазареву-Станищеву, Николаю Брянчанинову, Александру Сухареву»[1].

О погребении Александра Александровича написано в жизнеописании Святителя: «Все братство любило почившего юношу. Сослужившие архимандриту при отпевании иеромонахи рыдали, иеродиакон от слез с трудом провозглашал ектеньи, один архимандрит Игнатий тихо и величественно совершал обряд погребения, без слез и смятения отдавая последний долг любимому существу. Глубину же святых чувств своих он излил в небольшой статье, которую озаглавил «Воспоминания о умершем»[2]. Его собственные слова дадут нам безошибочное понятие о настроении его внутреннего человека в эти многознаменательные служения его, когда он богослужебным обрядом провожал в вечность людей им многолюбимых»[3].

Самый младший из братьев, Семен Александрович Брянчанинов (3 декабря 1815–7 декабря 1863), оставя военную службу в Семеновском полку, вернулся в Вологду, служил в органах местного управления, жил при отце, был его поверенным. Несмотря на свою собственную общественную незначительность, Семен Александрович имеет огромную заслугу перед родом Брянчаниновых, подарив ему двух сыновей, которые стали наследниками родового имения, вновь подняли значение этой древней фамилии и оказались единственными ее продолжателями (см.: Настоящее издание, т. 3, с. 591–599).

---

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 1. № 7. || [2] Напечатана под названием «Молитва о умершем» — Настоящее издание, т. 4, с 482. || [3] Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. С. 84.

Письмо Михаила Александровича Брянчанинова к святителю Игнатию[1]

Почтеннейший Батюшка

Отец Игнатий!

Чувствительно благодарю Вас за Ваши хлопоты и беспокойства; но мое письмо не пошло в ход; ибо по команде отказался Генерал, а иначе никак нельзя доставить письмо, и Толстой обещался в другом случае и, когда случится нужда, помочь, а теперь отказывается и утешает будущим; я его благодарил. Он свидетельствует Вам свое почтение, также и Павел Матвеевич, который действительно добрейший человек, и он-то больше и хлопотал. Спасибо ему.

Пишу от Лесниковых с отцом Иосифом. Прося Вашего благословения и Ваших святых молитв мне и моей жене, остаюсь с чувствами полного уважения и нелицемерной привязанности.

Навеки вам покорный и послушный

М. Брянчанинов.

Письмо Семена Александровича Брянчанинова к святителю Игнатию[2]

Получ<ено> 20 августа 1849

Достопочтеннейший отец Игнатий.

Батюшко поручил мне просить Вас походатайствовать об деле его; они подали частную жалобу в Сенат на определение Гражданской палаты Вологодской, которая предписала Вологодскому уездному суду снять запрещение с имения Самарина и тем доставить возможность Самарину передать имение его в другие руки. Тогда как Батюшка представил на Самарина иск в 35000 рублей серебром за правладение имением, то есть Корбанским в продолжение 30 лет. Вологодский уездный суд вследствие просьбы Родителя с иском на Самарина в 35000 серебром, наложил запрещение на имение Самарина, который подал просьбу в Гражданскую палату о неправильном наложении на имение его запрещения, а Палата предписала Уездному суду снять запрещение с имения Самарина. Теперь Родитель и просит Сенат: определение Уездного суда об оставлении имения Самарина под запрещением и обеспечение его иска утвердить,

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3. № 30. || [2] РГБ ОР. Ф. 425. К. 3 № 31.

и между тем до решения Сената предписать Вологодской Гражданской палате заключения своего о снятии запрещения в исполнение не приводить. В случае же если Уездный суд исполнил предписание Палаты, то обеспечение иска его в 35000 серебром, оставить на ответственность членов и Секретаря Гражданской палаты, подписавших определение о снятии запрещения с имения Самарина. — А не мешало бы, если бы Сенат распубликовал сих часть членов Гражданской палаты за несправедливое их определение.

Жена моя свидетельствует Вам глубочайшее почтение, и вместе просим благословения Вашего. При искреннем желании Вам доброго здоровия, честь имею пребыть с чувствами полного уважения и преданности — Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга — брат *Симеон Брянчанинов*.

23 августа 1849

IV
Сестры святителя Игнатия

Близкие отношения соединяли святителя Игнатия с его сестрами. Можно даже сказать, что при обычной суровости и пробуждавшемся с годами эгоизме их отца, Александра Семеновича Брянчанинова, старший брат оставался для его дочерей не только духовным наставником, но и тем единственным родственником, к которому они прибегали со своими житейскими заботами.

Судьба старшей дочери Александра Семеновича, Александры Александровны (1808–18 мая 1858), складывалась очень несчастливо. По словам ее племянницы, А. Н. Купреяновой, «в детстве она была нелюбима матерью и стояла одиноко». Очень рано «по страстной любви» она вышла замуж «за некоего бывшего гвардейца» Василия Андреевича Жандра. Но уже в 1830 г. муж покинул жену, и она осталась одна с маленькой дочкой в небогатом имении Маслине, «где снег заметал крыльцо и волки выли под окнами». Но она по-прежнему любила мужа, и его кончина в 1838 г. стала для нее еще одним тяжелым ударом. Все эти неприятности усугубили присущую ей с самого детства чрезмерную религиозность и отразились на ее психике. Святитель Игнатий старался поддержать ее и своим сочувствием и своими советами: «Пишешь, что ныне лишена совершенно внутренней радости. — Иногда благодать Божия утешает чело-

века, а иногда скрывается, а все это делает по премудрейшему своему усмотрению, а потому все таковые случаи и перемены должно переносить с терпением и почитать себя недостойной радости или утешения духовного. В свое время опять ощутишь отраду»; «Потерпи и узришь милость Божию! За всю жизнь твою, с самого младенчества твоего, были попущены тебе скорби. Это признак, как утверждают святые Отцы, особенного Промысла Божия. Бог хощет соделать тебя участницей вечного блаженства и подает тебе чашу спасительных скорбей. Успокойся и молись»; «Безмерная скорбь о грехах, доходящая до отчаяния, отвергается по учению святых Отцов. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердие Божие».

В 1848 г., находясь в отпуске в Николо-Бабаевском монастыре, святитель Игнатий пригласил туда погостить Александру Александровну. 23 февраля он писал другой своей сестре: «В Бабаевской обители гостит бедная больная Александра Александровна. Провести здесь последние дни масленицы предложил ей я. ...Больной здесь видимо лучше: пусть поуспокоится и отдохнет». Но болезнь прогрессировала, и родные решили, что для подраставшей дочери лучше будет не видеть страданий матери. Благодаря их хлопотам, Саша Жандр была принята в Екатерининский институт пансионеркой Государыни Императрицы Александры Федоровны. Святитель Игнатий писал тогда ее матери: «Твое намерение — не видеть дочь твою во все время твоей земной жизни я благословляю: да примет от тебя Бог эту существенно-нужную жертву и да наставит тебя на путь Свой». Александра Александровна решила уйти в монастырь. Святитель Игнатий не считал, что при ее болезненности жизнь в монастыре принесет ей пользу, но не противился ее решению. Он писал другой своей сестре: «Относительно Александры Александровны, то для нее нет лучше места, как Вологодский монастырь: во-первых, нигде столько ей не будут снисходить, как тут, во-вторых, нигде она не будет менее нуждаться, как тут. Только надо родственникам быть благоразумными и не посещать ее часто, особливо тем, которые себе усвоили сильное нервное влияние на нее».

Однако по причине усиливавшихся болезненных припадков Александра Александровна в монастырь не поступила. Она до конца дней оставалась в Маслине, где вела жизнь самую строго-уединенную, поддерживаемая письмами брата. Предчувствуя кончину, она приехала в родовое гнездо, село Покровское. «До последнего вечера была на ногах и не жаловалась на особенную

болезненность, кроме обычного давнего ее общего болезненного состояния».

Увы! Несмотря на разлуку с матерью, Саша Жандр унаследовала ее болезненность. 16 ноября 1849 г. святитель Игнатий писал своей сестре, Елизавете Александровне: «Отвечаю на письмо твое о Саше Жандр. Думаю, лучше сделать это дело через Мишу, который по силе своей печется о Саше и которому будет прискорбно, если Вы сделаете мимо его. Директрисса Родзянко была недавно у меня и говорила о Саше, что ее здоровье не поправляется, что очень бы хорошо было взять ее на лето в деревню. Но, вопрос, куда? И по выходе из института неловко ей возвращаться к матери. Саша будет в летах, и впечатления будут действовать сильнее: в таком случае болезнь матери легко может перейти к дочери».

Неприязненно отозвалась о Саше Жандр ее двоюродная сестра А. Н. Купреянова: «Эта девица, после оригинальной жизни, жизни журналистки Катковского лагеря, кончила в доме умалишенных». Но к ее воспоминаниям, написанным много-много лет спустя, нужно относиться осторожно. М. В. Чихачев в своих «Записках» написал другое: «Об Александре Васильевне знавшие ее лица отзываются с глубоким уважением, как о человеке высокообразованном, глубоко религиозном и безупречно правдивом». Выйдя из-под опеки тетушек, Александра Васильевна Жандр жила достаточно независимо, зарабатывая на жизнь литературным трудом. В своем дяде, святителе Игнатии, она видела духовного наставника и глубоко почитала его. Она посещала его в Сергиевой пустыни и в Бабайках. Со времени отъезда Святителя из Петербурга между ними установилась переписка. Последнее из известных писем Святителя к ней помечено 22 июня 1866 г. После его кончины она обратилась с письмом к Преосвященному Леониду (Краснопевкову) с просьбой, чтобы он поддержал своим письмом убитого горем брата Святителя, Петра Александровича Брянчанинова.

Сама она тоже находилась под сильным впечатлением кончины Владыки. М. В. Чихачев записал ее рассказ о трижды явившемся ей во сне видении в звуках встречи святителя Игнатия небесными духами (см. Настоящее издание, т. 1, с. 597–599).

Следующей по возрасту сестрой святителя Игнатия была Софья Александровна (1810–21 декабря 1833). «Изящная Сонечка тянулась душой к Дмитрию и была им любима», — писала А. Н. Купреянова. Она «сделалась женою образованного моло-

дого человека из лучшего общества». Этот молодой человек, Василий Петрович Боборыкин, принадлежал к столичным аристократическим кругам, он происходил из древнего дворянского рода, представителями которого были известные государственные и культурные деятели, в том числе его племянник, литератор Петр Дмитриевич Боборыкин.

Сохранилось только одно письмо святителя Игнатия, тогда еще 23-летнего юноши Димитрия, к Софье Александровне: «Усердно желаю тебе и телесного и душевного здоровья. Да укрепит тебя всеблагий Господь наш Иисус Христос, искупивший нас Своею неоцененною кровию; да дарует тебе терпение в твоих болезнях и прочих скорбях...» Софья Александровна была больна; она умерла в 23 года. По словам А. Н. Купреяновой, узнав о ее смерти, отец Игнатий написал ее матери, Марии Александровне. «Он просил сообщить подробности о последних днях Софьи Александровны, поясняя, что был связан с нею узами исключительной дружбы и надеется увидеться с нею в будущей жизни, по слову Священного Писания: *Бог вселяет единомысленныя в доме...*»

После так рано умершей Софьи Александровны Боборыкиной остались две малютки-дочки, Соня и Варя, «которые росли, как воспитанные и светские барышни, под надзором отца, — настолько умного и любящего, что он не только не подавлял их личностей, но, напротив, помогал им вырабатывать свою самостоятельность и серьезный взгляд на все окружающее». Помогал в воспитании и дедушка, Александр Семенович: «Свою манеру не входить в интимность дед нарушал для сестер Боборыкиных, девушек светских и выросших без матери. Как умел он без расспросов угадывать их затруднения, тепло поддержать в трудную минуту сочувственным взглядом, мимолетным ободряющим словом или иначе: подарить две великолепные розы для корсажа и перекрестить девушку».

Святитель Игнатий также с большой теплотой относился к дочерям своей любимой сестры. «Они часто пользовались его духовными советами. И не одними духовными. Он не пренебрегал заботою о корректном наружном виде; прежний светский человек сказывался в этом. Однажды, в Сергиевой пустыни, заметив, что приехавшие к нему племянницы причесаны не так, как в это время причесывались в столице, он попросил сестру свою, жену генерала, поехать с ними куда следует и устроить, чтобы прическа их была безукоризненною.

Если он видел на сестрах что-нибудь недостаточно изящное, то тихо спрашивал: "Что это у тебя, какой наряд! — Так носят, Владыко. — Ты не носи".

У С. В. Боборыкиной была привычка, как и у многих, — идя в церковь, надевать скромное, темное платье. Владыка не одобрял этого.

"Зачем это? — говорил он. — Разве ты думаешь, что Богу приятнее видеть тебя в черном платье, нежели в обыкновенном? Или думаешь, что переодевшись, ты сделаешься ближе к Богу, достойнее?"

Сестры иногда каялись ему, сокрушаясь о своих грехах, жалуясь на искушения. Он отвечал: "Не надо засуживать себя. Господь пришел в мир для грешных. Что же ты удивляешься, что грешна? Разве ты не такая, как все? Ну, и гордость, и прочее. У других это все есть, почему не должно быть у тебя? Ты, значит, считаешь себя лучше прочих? Смиреннее? При моих-то достоинствах... Смирись-ка другой так, как я! Это — гордость смирения"».

Сестры глубоко почитали Владыку. А. Н. Купреянова далее пишет, что из-за весенней распутицы никто из родных не мог поехать на его похороны. «Поехала одна Софья Васильевна Боборыкина, девушка горячая и способная к большой преданности. Дед не хотел отпустить ее». Но она все же уехала одна, только с горничной. По весеннему бездорожью проехала 200 верст до Бабаек. Так как из-за ледохода на Волге против монастыря переправа была запрещена и охранялась стражей, она проехала тремя верстами ниже, наняла там лодочника за хорошие деньги, который и «доставил двух женщин на другой берег, несмотря на опасность переезда».

Софья Васильевна в последние годы жизни другого своего дяди, Петра Александровича Брянчанинова, помогала ему в издании трудов святителя Игнатия. Так, 15 января 1880 г. она, по доверенности Петра Александровича, заключила условие с санкт-петербургским купцом Игнатием Ларионовичем Тузовым, по которому уступила ему право на одно издание «Отечника» и «Слова о смерти».

Ее сестра, Варвара Васильевна Боборыкина, дожила до глубокой старости. Л. А. Соколов, познакомившийся с ней в период своей работы над монографией о святителе Игнатии писал: «Престарелая, при своем преклонном свыше 80-летнем возрасте, сохранившая в полной ясности воспоминания своего детства и юно-

сти, уносящая нас в период общественной деятельности и отшельнической жизни Епископа Игнатия. ...При полной ясности мысли, редкой основательности и логичности суждений, глубоко образованная В. В. Боборыкина вызывает глубокое к себе уважение полной определительностию своего взгляда на жизнь и на смерть и готовностию перехода в потусторонний мир по зову Божию в уповании при этом на предстательство Епископа Игнатия, в лице которого родичи Епископа Игнатия и сродные ему по духу жизненных упований имеют своего небесного предтечу».

«Из всех моих родственников Паренсовы — за ним сестра моя, оказывают мне наиболее внимания», — писал святитель Игнатий о своей третьей сестре. Елизавета Александровна (1813–27 апреля 1886) замужем была за государственным чиновником, Дмитрием Тихоновичем Паренсовым. Наиболее близкие отношения у Елизаветы Александровны сложились с братом во время его отпуска в Николо-Бабаевском монастыре и затем протянулись на всю их жизнь. «Скажу тебе, — писал он ей 11 декабря 1847 г., — в глубине моего сердца всегда была тайная скорбь о тебе. Я помышлял: "сколько посторонних людей притекает ко мне, обновляется душами в познании истины и в утешении сердца, предвкушающего будущее блаженство, утешения, которое раждается единственно от познания истинного Христова учения! А та сестра моя, которую Бог привел воспринимать от купели и которой я обязан словом спасения, — стоит от меня в далеке, — и не знаю — в каком состоянии душа ее?" Бог, по неизреченной благости Своей, отъял эту скорбь от сердца моего и заменил ее утешением, присовокупив это утешение ко многим другим утешениям, нисшедшим ко мне от Руки Божией».

За период с сентября 1847 г., когда святитель Игнатий пребывал в отпуске на Бабайках и до последнего письма, помеченного 26 февраля 1867 г., известны 73 письма Святителя к Елизавете Александровне Паренсовой. Письма эти, помимо сведений о сугубо семейных личных обстоятельствах, о здоровье самого Святителя и его близких, содержат ценнейшую информацию для пополнения его жизнеописания. В частности, благодаря этим письмам, можно совершенно точно установить время написания им некоторых его духовных сочинений. Например, в письме от 16 мая 1848 г. он писал: «А между тем прилагаю здесь брошюру под названием «Кладбище». Ее написал я на пути из Вологды в Петербург — в то время как остановился на дороге отдохнуть денек в Николаевском Старо-Ладожском монастыре». (В изда-

вавшихся до сего дня собраниях творений Святителя помечена дата создания «Кладбища» — май 1844 г. с. Покровское.) Также, он писал: «многие хлопоты препятствуют мне похлопотать о издании Иосифа, которое на первый случай встретило неудачу». Значит, «Иосиф. Священная повесть из книги Бытия», вошедшая во второй том «Аскетических опытов» святителя Игнатия, была написана им в Бабайках в 1847 г. Из последующих писем узнаем, что издана она была в 1849 г. В том же 1849 г. 7 декабря Святитель пишет еще об одном его известном творении: «На днях надеюсь получить вышедшее в печати небольшое сочинение мое "Чаша Христова", которого несколько экземпляров надеюсь прислать тебе».

Из писем можно узнать, что за время службы в Сергиевой пустыни Святитель был духовным советником для представителей целого ряда исторических фамилий: Кавелиных, Муравьевых, Горчаковых, Фридериксовых, Анненковых, Моллер и других. О своем друге, статс-даме Императрицы баронессе Фридерикс, он, например, пишет: «Обязанная каждый день проводить во дворце, как самая приближенная особа к Государыне, она все мысли свои и ощущения посвящает Богу». Упоминаются в письмах митрополиты Филарет Московский и Антоний Новгородский и Санкт-Петербургский. Так, именно в письме к Елизавете Александровне находится известное выражение о Московском Митрополите: «Умен Филарет, умен как день».

Во время отпуска святителя Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре Елизавета Александровна приезжала к нему, чем «очень его утешила». А на обратном пути в Сергиеву пустыню он заезжал в ее имение Ивашево. «Ваше простое, уединенное, милое Ивашево, — писал он, — мне очень понравилось. Образ Вашей жизни мне очень понравился! А отношение Ваше ко мне — мое сокровище». С годами отношения становились еще более близкими. Святитель Игнатий принимал участие в служебных обстоятельствах мужа Елизаветы Александровны, устройстве будущности ее детей, Петра и Софии. «Особенное милосердие Божие к нашему семейству, — писал он, уже будучи Епископом, 28 февраля 1858 г., — это благочестие и Православие нашего семейства. Очень часто вспоминаю о Петре Дмитриевиче и Софии Дмитриевне: видя их направление, я вполне уверен, что их покроет благословение Божие». Из письма от 14 ноября 1858 г. можно узнать, что Петя прибыл в Петербург и «приютился у Арсеньевых»; уже из следующего письма от 24 февраля 1859 г. видно, что сын Арсе-

ньевых, Юлий Константинович, очарован сестрой Пети, Соней: «умный и сериозный человек, человек, принадлежащий службе, будет удовлетворен такою супругою, воспитанною в правилах благочестия и скромности, какова София Дмитриевна». И в письме от 7 июля 1859 г.: «Искренно поздравляю тебя с устроением дочери твоей, которую да благословит Милосердый Господь благословением свыше; поздравляю также и с сыном Камер-пажем. Передай мое усердное поздравление Димитрию Тихоновичу: Бог видимо благословляет его в детях его».

В 1860 г. Дмитрий Тихонович Паренсов был произведен в «полные генералы», а София Дмитриевна подарила родителям внучку. В следующем году Елизавета Александровна овдовела. Утешением ей было благополучно складывающаяся судьба дочери: «Очень порадовался, услышав, что Арсеньевы губернаторствуют в Смоленске. Изволишь видеть, что милосердый Господь тебя не оставляет, но утешает и при самых скорбях милостями». 3 ноября 1864 г. он поздравил сестру с внучком; в этом же месяце она приезжала в Николо-Бабаевский монастырь повидаться с братом — в последний раз.

Елизавета Александровна тоже начала болеть. Но все-таки она пережила брата почти на 20 лет.

Ее дети: Петр Дмитриевич с большим почтением относился к дяде, часто писал ему о своих делах. При жизни Святителя он служил в Николаевской Академии Главного Штаба. Софья Дмитриевна, овдовев в 1877 г., поступила в том же году на службу по Духовному ведомству. 3 марта 1889 г. Павел Петрович Яковлев писал вдове Тайного Советника Начальнице женского Минского училища Духовного ведомства Арсеньевой Софье Дмитриевне: «26-го прошедшего Января в Бабаевской обители освящен в основанном покойным Владыкою в 1865 году великолепном храме престол во имя священномученика Игнатия Богоносца. Вот милостию Божию сооружен почившему молитвенный памятник вечный, ежели есть на земле что-либо вечное.

Покойная Ваша матушка, сколько мне известно, весьма бы утешена была таким сообщением; не сумневаюсь и в Вашем сердечном участии».

В августе 1843 г. Елизавета Александровна в письме из Вологды к святителю Игнатию, между прочим, писала: «Вижусь всякий день с сестрою Марией Александровной. ...Мария Александровна живет в довольстве, но здоровье жалкое, страдания ежечасные».

Мария Александровна — это самая младшая из сестер Брянчаниновых (родилась в 1817 г.). По словам ее дочери, А. Н. Купреяновой, «моя мать сделалась женою молодого соседнего помещика, человека безусловной честности и прямоты, но не равного ей по образованию и привычкам». Молодой человек этот — Николай Филиппович Купреянов ничем особенным не проявил себя в жизни, также и Мария Александровна, которая жила, в основном, в своем имении Вепрево, изредка выезжая в Санкт-Петербург и Москву.

Известны девять писем святителя Игнатия к этой его сестре за период с 1840 по 1863 г. Письма очень ласковые, полные слов духовного назидания и утешения в ее болезненном состоянии. Но нет в этих письмах никаких сообщений о жизни самого Святителя, ни об обстоятельствах, о которых он писал ее сестре, Елизавете Александровне. Единственным свидетельством об их встрече являются воспоминания ее дочери: «За четыре месяца до смерти епископа Игнатия мать моя ездила в Бабаевский монастырь, где он жил на покое, и брала меня с собою. Я была мала, и впечатления мои уцелели отрывками. Помню просторную архиерейскую гостиную с окнами на реку. Она не мрачна: одноцветные стены ее приятного шоколадного тона. Над диваном висят большие овальные портреты братьев в золоченых рамах. Масса книг на столах, на полу: гостиная служит и кабинетом. Мебели немного, но все солидное: простота высокоразвитого вкуса. За этой комнатой находилась другая, узкая спальня, имевшая вид более интимного приюта. Здесь висели на стенах рясы, а на столе лежало несколько красивых четок — дары друзей.

Сам Епископ был высокий человек, важный, очень уже пожилой, но не казавшийся стариком. Только лицо его, полное и бледное, обличало внутреннюю болезненность. Помню, что он сидел обыкновенно на диване, моя мать также, а рядом с Епископом на кресле помещался Петр Александрович... Долгие часы просиживала я возле матери, слушая малопонятные мне речи...»

Письма святителя Игнатия к сестре Александре Александровне Жандр

№ 1

Искренне говорю тебе — ты счастлива, потому что идешь путем спасения, потому что ты познала, что человек должен искать свое счастие не во временном и земном, но в Божественном и веч-

ном. Что человек на земле? — Путник. — Что такое смерть? — Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь. — Продолжительно странствуя в этой тьме ночной, посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры мы достигаем, наконец, до той грани, которою отделяется свет от тьмы. — Счастлив человек, бывший истинным христианином.

Димитрий.
1824 г.

№ 2

Ты, упомянув о моих молитвах, меня громом поразила. Разумеется молиться друг за друга мы должны не только, как христиане, но и как единокровные... Мою грешную молитву нельзя еще назвать и молитвой; ибо, что такое молитва? Молитва есть разговор человека с Богом; признаюсь тебе с горестною откровенностию, что почти всегда язык мой только произносит кое-как молебные слова без всякого участия ума и сердца. И так молюсь ли я? Нет, более грешу, чем молюсь; однако, надеюсь на Всемилостивого Господа, что поможет мне некогда вкусить и силу молитвы.

Димитрий.
1829 г.

№ 3

Дело твое совершенно не удалось, слава Богу! Бог знает, что делает. Никто у Бога не забыт и над каждым бдит недремлющее око Божие и строит все к его пользе. Итак, положись на Бога и оставь излишнее желание, которое тебе приносит враг, чтоб смутить тебя.

Знаю, что трудно и очень трудно тебе бывает. Но что делать? Нет другого средства, кроме терпения и благодарения Богу, на нас пристально Смотрящему. Зачем же ты сердишься при твоих занятиях? «Помысли, — говорит Великий Варсонофий, — что все земные занятия пройдут, а терпение, которое окажешь при этих занятиях, — то останется с тобою, пойдет за гроб и оправдает или осудит тебя перед Богом. Смотри не погубляй этого хлеба насущного (т. е. терпения), который тебе понадобится на дорогу от земли на небо». Точно понадобится! Пишешь, что ныне лишена совершенно внутренней радости. — Иногда благодать Божия утешает человека, а иногда скрывается, а все это делает

по премудрейшему Своему усмотрению, а потому все таковые случаи и перемены должно переносить с терпением и почитать себя недостойною радости или утешения духовного. В свое время опять ощутишь отраду.

Также не должно человеку отчаиваться, как бы велики грехи его не были: ибо человек спасается не своими добрыми делами, единою верою во Христа Спасителя, а делами должно доказывать свою веру. Подумай, что и «оный великий Петр плакася горько».

Средство переменить место жительства теперь не предвидится (разве что состроит Господь непредвидимо) и потому должно укрепиться всевозможным терпением и благою надеждою. Зачем ты отчаиваешься? Или считаешь Бога немилостивым? Как можно! Он то и есть самое доброе. Надейся на Него и крепись. Не забывай молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Молитва эта может совершаться при всех занятиях, сверх того отгоняет скверные помыслы и разливает в нас веселие. Прости!

Димитрий.
1830 г.

№ 4

Любезнейшая сестра Александра Александровна!

Благодарю тебя за приятнейшие Твои строки, желаю Тебе и малютке Твоей всего доброго. Богу угодно было освободить тебя от супружества, столько скорбного. Г-н Жандр на днях скончался и погребен в Невской Лавре. Ты приезжала сюда проститься с ним последним погребальным прощанием. Свобода твоя должна быть для тебя средством работать Господу. Ему жертвуй сей свободой и не сковывай ее узами плотскими. Есть у тебя дитя, которому, дав бытие существенное, должна ты дать и жизнь духовную, т. е. научить веровать во Христа и исполнять Его Священные заповеди, в коих заключается любовь. Хранящий заповеди Христовы любит Христа, не хранящий заповедей — чужд любви.

Господь да благословит и матерь и чадо. Христос с тобою.

Искренне любящий тебя брат

Архим<андрит> И<гнатий>.
26 апреля 1838 г.

№ 5

Приношу тебе искреннейшую благодарность за то, что ты вспомнила меня грешного и больного в дни величайшего христианского праздника! Да благословит тебя Бог за это доброе воспоминание! Да утешит тебя в скорбях твоих! Да дарует тебе силы переносить их с великодушием и терпением! Ибо и утешение и силу терпения проливает в нас единая милость Божия, единая благодать Божия!

О приходящих помыслах неверия и хулы не смущайся. Это явная бесовская брань, которая случалась со многими святыми, и продолжалась весьма долго. Такою бранью томим был в продолжение четырех лет Святый Нифонт. Посмотри житие его в Четьих Минеях, 23 декабря. В таких бранях никак не надо смущаться, не надо приходить в отчаяние, но повергаться пред всевидящим и всемогущим Богом и, предавая в Его волю душу свою, просить у Него милости. От смущения и отчаяния укрепляется на нас брань вражеская, а если будем смотреть на эту брань с великодушием, говоря себе: «Что ж? Господь видит эту брань и попускает ее — значит такова Его святая воля и мне это на душевную пользу»; тогда брань ослабевает и умаляется.

Потерпи и узришь милость Божию! За всю жизнь твою, с самого младенчества твоего, были попущены тебе скорби. Это признак, как утверждают святые Отцы, особенного Промысла Божия. Бог хощет соделать тебя участницей вечного блаженства и подает тебе чашу спасительную скорбей. Успокойся и молись. Благословение Божие да почиет над тобой и над чадом твоим.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
10 мая 1838 г.

№ 6

Бог да подкрепит тебя в скорбях твоих! Прими и мое грешное и недостаточное слово утешения, которое присылаю тебе в этих строках, чтоб утешить тебя Богом, как и Пророк Давид сказал: *Отвержеся утешитися душа моя; помянух Бога и возвеселихся*[1]. Во-первых, каждый христианин должен веровать, что он находится под непрестанным Промыслом Божиим. Этому научает нас Евангелие. Сам Спаситель говорит: *И власы глав ваших изочтены суть*[2]. Поэтому христианин, когда будут ему попущены скорби, должен несомненно веровать, что эти скорби попущены ему Самим Всеблагим и Премудрым Богом, Который предвозвестил Своим возлюбленным: *В мире скорбни будете*[3]. Итак, не

должно считать странным, видя себя в скорбях, не должно предаваться унынию; напротив того, должно благодарить Бога за скорби, как за знак избрания к блаженной вечности. От благодарения не только притупляется лютое жало скорби, но и вселяется в сердце благодарящего небесное, духовное утешение. Благодарить можно словами праведного Иова.

Во-вторых, все мы грешники пред Богом. Грешник не должен считать странным, когда ему посылается наказание. Нет! Он должен открыться пред Богом, признавать себя достойным посланной на него скорби и радоваться, что в земной жизни приемлет наказание за согрешение в ведении и неведении и тем избавляется от вечных мук. При таком размышлении полезно произносить со святым разбойником: *Достойное по делом моим восприемлю, помяни мя, Господи, во Царствии Твоем.*

Христос совершил земное течение Свое в непрестанных страданиях. Едва Он родился, как уже люди устремились на убиение Его. Учеников Своих Он приглашает к страданиям, а тому, кто не хочет страдать, говорит: *Иже не возьмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин*[4]. Рассмотри жития всех Апостолов: все они проводили жизнь и окончили в страданиях. Рассмотри жития мучеников: они кровию и бесчисленными муками купили себе небо. Рассмотри жития преподобных: не была ли вся жизнь их продолжительным, невидимым мученичеством? *В пустыне скитающеся, в вертепах и пропастях земных, лишени, скорбящи, озлоблени*[5], — по словам Апостола, — многими кровьми и смертьми, — по выражению Требника, наследовали они блаженную вечность. «Никто же взыде на небо с ослабою, — говорит святой, великий Исаак Сирский, — напротив того о сем познавается человек, находящийся под особенным Промыслом Божиим, когда ему пошлются непрестанные скорби. Итак, благодари, смиряйся, веруй, предавайся воле Божией, молись за тех, в коих сердце немирно. В сих только возможешь найти утешение и исцеление.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

1839 г.

[1] *...душа моя отказывается от утешения. Вспоминаю о Боге и трепещу* (Пс. 76. 3, 4).

[2] *у вас же и волосы на голове все сочтены* (ср.: Мф. 10. 30).

[3] Ин. 16. 33.

[4] *и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10. 38).

[5] *скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, терпя недостатки, скорби, озлобления* (Евр. 11. 38, 37).

№ 7

Письмо твое от 2-го октября я получил. Милосердый Господь да не оставит тебя! Он попущает нам скорбь для очищения нашего от грехов; Он посылает нам и утешение, чтоб мы не до конца изнемогли под бременем скорби.

Безмерная скорбь о грехах, доходящая до отчаяния, отвергается по учению святых Отцов. Скорбь эту должно растворять надеждою на милосердие Божие; должно вместе печалиться и надеяться; печалиться, потому что мы грехами своими прогневляем Бога, удаляемся от Бога; надеяться — потому что мы имеем всесильного Врача для грехов наших, Господа Иисуса Христа, пролившего за нас кровь Свою.

Когда приходят хульные помыслы неверия, сомнения и тому подобные, то по учению святых Отцов не должно этим смущаться, а знать, что эти помыслы не принадлежат душе нашей, а врагу нашему диаволу. Не должно ими смущаться, не должно принимать их и укосневать в них.

Больному человеку полезнее частая молитва, но краткая. Хорошо молиться несколько раз в день по краткому времени. Прекрасны молитвы: «Боже, очисти мя грешнаго» и «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Их должно произносить неспешно, заключая ум в слова молитвы, как выражается святой Иоанн Лествичник. Милосердый Господь да поможет тебе и да благословит тебя и дщерь твою!

А<рхимандрит> И<гнатий>.

16 октября 1847 г.

№ 8

Благодарю тебя за письмо твое.

Слышал о твоей болезни. Что делать: ни в чем другом невозможно найти утешение, как в терпении, которое рождается от смирения. Смирение состоит в том, чтоб мы признавали себя достойными скорби, попущенной на нас Промыслом Божиим. «Достойная по делом моим восприемлева» — говорил благоразумный разбойник, и за осуждение себя удостоился высших разумений и ощущений, за которыми следует Царствие Небесное. Скорби всегда были достоянием спасающихся, особливо же они свойственны нынешнему времени, когда человеки ослабели к совершению добродетелей. Итак, не малодушествуй, но в терпении и смирении предавай себя воле Божией и благодари Его

Святый Промысел за все, тебе посланное. Благословение Божие буди над тобою и над твоим чадом. Господь с тобою.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

8 января 1846 г.

№ 9

Поздравляю тебя с определением дочери твоей в Екатерининский Институт пансионерской Государыни Императрицы. Моли Бога о здравии и благоденствии Царицы — доброй, как Ангел. Будь мирна: ты сделала относительно твоей дочери все, что зависело от тебя. Поручи ее Богу! А сама займись в тишине твоей пустыни и занятий благочестивых поправлением твоего здоровья. От спокойствия оно может поправиться. Христос с тобою. Молись обо мне.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

16 января 1848 г.

№ 10

Христос Воскресе!

Воскресший Христос да облегчит твои страдания, да дарует терпение и благую спасительную мысль переносить временную болезнь с великодушным терпением и мужеством, с благодарением Богу, временными скорбями устрояющему нашу вечную радость. Благодарю тебя за письмо твое. Даруй Бог тебе поправиться. Уединение много поможет тебе: уединение, соединенное с занятиями простыми, одушевляемыми любовию к ближним и благочестием.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

13 апреля 1848 г.

№ 11

Благодарю тебя за добрейшее письмо твое. Хотя я не видел тебя здесь очами телесными, но вижу очами души. Бог да подкрепит тебя, да дарует тебе нести крест твой с терпением и надеждою. Все мы создания — не что другое. Отдадим себя в руце Создателя: да творит с нами то, что Ему угодно. Я хотел заехать к тебе, но время так коротко, что мне невозможно этого сделать. Так-то будем поживать в пустынях: я в Сергиевской, а ты в пустыне Маслинской; будем заботиться об исцелении на-

ших душевных и телесных недугов, предаваясь воле Божией. Христос с тобою.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
23 мая 1848 г.
с. Покровское

№ 12

Чудесное письмо твое от 18-го сентября я получил. Какая до сих пор прекрасная рука! Как похожа на руку покойной матушки. Бог да укрепит тебя, да утешит тебя! Пожалуйста, живи безвыездно в Маслине, пока не поправишься: спокойствие необходимо при нервном расстройстве, — спокойствие и удаление от предметов, трогающих сердце. Иначе болезнь может возрасти и обратиться во что-либо серьезное, неисправимое. Прими мой искренний совет.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
1 октября 1848 г.

№ 13

Воистину Христос Воскресе!

Благодарю тебя за дружеское письмо твое и поздравление с Праздником Праздников Воскресением Христовым, с которым я равным образом поздравляю тебя, желая тебе всех истинных благ. Христос, поправший Своею смертию смерть человеков и воскресением Своим даровавший воскресение всем верующим в Него, уже одержал победу и над всеми скорбями твоими, а со Христом одержала и ты эту победу. Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры — и Христос приведет тебя в свое время в покой свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой временной жизни, великие утешения ожидают тебя в вечной жизни. Не тревожься возрастающими страстями, старайся по возможности противиться им: человек, доколе на земле и облечен в бренное тело, дотоле подвержен изменениям, то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстию, то находится в обуревании страстей. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению; научает прибегать непрестанно к помощи Божией, которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и соверша-

ем бесстрашно беззакония. Призывающий на тебя благословение Божие.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
14 апреля 1849 г.

№ 14

Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы[1], — сказал Господь. Благо будет и тебе обремененной многими скорбями душевными и телесными, послушаться этого призвания спасительного и, оставляя мир, которого попечениями тебе заниматься уже не под силу, взойти в тихое монастырское пристанище.

Твое намерение — не видеть дочь твою во время твоей земной жизни я благословляю: да примет от тебя Бог эту существенно нужную жертву и да наставит тебя на путь Свой.

Призывающий на тебя благословение Божие

А<рхимандрит> И<гнатий>.
7 декабря 1849 г.

[1] Мф. 11. 28.

№ 15

Посылаемые Господом земные скорби суть залог вечного спасения: почему их должно переносить с терпением, а терпение тогда изливается в душу человека, когда человек за свои скорби благодарит и славословит Создателя. Мы здесь на земли — странники: и хорошее и худое положение человека мимоидет яко сон. Сокровище наше — Господь.

О дочери не скорби, а предоставь ее воле Божией. Не с твоею болезненностию усильно заботиться о ней.

Архимандрит Игнатий.
7 января 1855 г.

№ 16

Советую тебе предоставить дочь попечению сестер в вере и надежде на Господа, а сама прилепляйся Господу милостынею и молитвою; предоставив Сашу сестрам или Батюшке, ты сделаешь пользу и ей и себе. А засуждать ее не надо: мы все немощны, и гордостию заражен весь падший род человеческий.

А<рхимандрит> И<гнатий>.
14 апреля 1855 г.

Письма святителя Игнатия к племяннице своей, дочери А. А. Жандр, Александре Васильевне Жандр

№ 1

Господь да помянет тебя милостию Своею. Болезненностию восполняются подвиги. Болезнь — готовое спасение, когда больной удаляется от дурных слов, помышлений и мечтаний; когда он предается воле Божией; когда благодарит за болезнь, удаляющую его от мира: чего бы он не сделал единственно по собственному произволению.

Извини: пишу мало, хотя и написал много. Я слаб силами, а по причине золотухи, обратившейся к глазам, должен беречь глаза. Призывающий на тебя благословение Божие.

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>

30 декабря 1858 г.

№ 2

Благодарю тебя за письмо твое от 15-го декабря и поздравляю с наступившими Праздниками. Очень справедливо и богоугодно рассуждаешь, говоря, что болезненность и сопряженные с нею тесноты посланы тебе Богом для охранения от грехов и греховных соблазнов, которыми ныне преисполнен мир. Но и ныне избранные спасаются. Печать избрания суть скорби. Господь и кого приемлет в ближайшее усвоение Себе, тому посылает скорби, и кого хочет поддержать в усвоение с Собою, тому посылает скорби, и кого хочет увенчать, того подвергает различным скорбям, чтобы душа, потрясаемая скорбями, прозрела и увидела Бога в Его Промысле. В скорбях очень полезно предаваться воле Божией и благодарить Бога за посланную скорбь. Скорбящим полезно читать житие Великомученика Евстафия Плакиты (Четьи Минеи, 20 сент.). Благословение Божие да почиет над тобою.

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.

29 декабря 1859 г.

№ 3

Благодарю тебя за воспоминание обо мне и поздравление с Праздниками, взаимно поздравляю тебя, желаю тебе всех истинных благ от десницы Божией.

Предпринимая что-либо, надо, во-первых, рассудить благоугодно ли дело предпринимаемое Богу и душеполезно ли, потом приятно ли или полезно ли оно нашим ближним?

Угождение Богу и свою душевную пользу, всегда сопряженную с этим угождением, надо предпочитать всему, — так научает нас Евангелие. Угождение человеком, когда оно сообразно заповедям Божиим и доставляет душевную пользу, также весьма полезно, как изъявление любви к ближнему, заповеданной Евангелием. Если ж угождение человекам не богоугодно и душевредно, то оно называется человекоугодием и воспрещается Богом. По этим признакам рассмотри свое положение и поступи по воле Божией.

Благословение Божие да почиет над тобою.

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Ч<ерноморский>.

4 января 1861 г.

№ 4

Очень хорошо, когда человек постоянно видит и исповедует себя грешным. От такового самовоззрения дух человека пребывает постоянно в смирении и Боголюбезной печали. Но надобно, чтоб такое самовоззрение было растворено благоразумием и не переходило должной меры. В последнем случае оно может быть вредным, может поставить человека в совершенное недоумение относительно его жительства.

Естество наше повреждено грехом. По этой причине сердце каждого человека производит само собою в большем количестве плевелы. И потому, кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое: растут и растут; будучи выполоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы. Таким положением укореняется в человеке смирение. К смирению нисходит милость Божия. Всесильный и всеблагий Бог неуклонно смотрит на нас. Он потому и попускает нам положение, приводящее нас к смирению, чтоб даровать нам свою милость. На все свое время: есть время обработки земли под посев хлеба, есть другое время для посева, опять другое для жатвы, для молочения, для превращения в муку, для печения, наконец для вкушения хлеба.

Душа каждого человека, предавшегося в служение Богу без всякой лукавой, земной цели с целью Богоугождения и своего

спасения, находится в руце Божией. Такой душе Бог дарует на время земного странствования тесный путь, состоящий из различных скорбей и лишений, потому что по широкому пути невозможно придти к Богу. С верою предай себя воле Божией, отвергая от себя не трудовое попечение о себе, но попечения мечтательные. Когда придут такие попечения, гораздо лучше обращаться с молитвою о себе Богу, нежели вдаваться в сочинение и живопись разных планов, всегда несбыточных. Благословение Божие да почиет над тобою.

Недостойный Е<пископ> И<гнатий>.

1 февраля 1862 г.

№ 5

Спаси Господи за поздравление с Праздником Воскресения Христова, с которым и я поздравлял тебя, искренно желая встретиться с тобою на вечном Празднике, уготованном для всех христиан воскресшим Христом.

Давно ли видел я тебя в Москве? Кажется, очень недавно, а с того времени пролетело более полугода. Так пролетит и вся земная жизнь. Она дана нам для приготовления к вечности. Благословение Божие да почиет над тобою.

Н<едостойный> Е<пископ> И<гнатий>.

20 апреля 1862 г.

№ 6

Когда человека особенно беспокоят помыслы против его воли это знак, что к тому человеку есть милость Божия. Нечистые духи завидуют такому человеку и стараются смутить его. Таких помыслов не должно разбирать и обращать на них особое внимание, потому что от этого усиливается смущение. Не найти порядка в тех, в которых все беспорядок. На все смущения должно отвечать краткими словами: «Я отдал себя в волю Божию».

Также и в молитве надо ежедневно просить у Бога, чтоб Он сотворил над нами Свою святую волю, и затем утверждаться верою в Бога, без воли Которого ничего с нами случиться не может.

Воспоминание о смерти, о суде Божием, о вечных муках — хорошо; но когда при этом приходит безнадежие, уныние, отчаяние, то надо знать, что тут есть и примесь бесовская, которая прогоняется верою. Священное Писание называет Бога верным, а человека — ложью. Бог верен и никак не лишит спасения того

человека, который желает спастись; также не пошлет преждевременной и безвременной смерти такому человеку, но даст ему все время на приготовление.

Укрепись верою и предавайся воле Божией. Милость Божия и благословение Божие да почиет над тобою.

Недостойный Епис<коп> Кав<казский> Игнатий.

8 ноября 1862 г.

№ 7

Общее правило для всех, занимающихся молитвою: «заключать ум в слова молитвы», т. е. молиться со вниманием. Что душа для тела, то внимание для молитвы: без внимания она мертва, не имеет никакого значения. Заботиться о заключении ума в слова молитвы должно и при молении молитвою Иисусовою и при чтении акафистов и прочих молитвословий. Святые Отцы советуют желающему преуспеть в молитве заниматься и молением молитвою Иисусовою и чтением правил, попеременно. Такое разнообразие облегчает молитвенный подвиг и способствует преуспеянию. Новоначальным должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы.

Когда находишься одна — молись несколько вслух, чтоб слышать самой себя: это способствует к вниманию. На приходящие помыслы как бы они ни были явственны, не должно обращать никакого внимания. *Свет стезям моим — закон Твой*[1], сказал Пророк, а не что иное. Если при молитве не имеешь должного внимания, то этим не смущайся. Бог даст внимание в свое время тому, кто постоянством в упражнении молитвою и в побуждении себя ко вниманию докажет, что он действительно желает молиться со вниманием. Один святой сказал: «Я все мои немощи возложил на Бога и отдал себя совершенно в Его волю». И ты говори о себе так и успокоишься. Благословение Божие и милость Божия да почиют над тобою.

Епископ Игнатий.

24 марта 1863 г.

[1] Ср.: Пс. 118. 105.

№ 8

Подвижникам, занимающимся умственным подвигом, попускаются преимущественно пред телесными подвигами болезни и

другие скорби: от действия их подвижник по необходимости должен возлагать надежду на Бога. От усиления надежды на Бога слабеет самонадеянность; с уменьшением самонадеянности уменьшается самомнение. С ослаблением этих недугов начинает зарождаться в душе истинное смирение, на котором основаны правильность и прочность всякого подвига.

Это сказано в утешение тебе в постигшей тебя болезни. Будем предаваться воле Божией и делать сами то, что зависит от нас.

Сего 22-го июня я получил письмо из М<осквы> от 15-го от П<етра> А<лександрови>ча. Как он извещает меня в этом письме, что 14-го выезжает в П<етер>б<ург>, то потрудитесь переслать ему это письмо мое в подлиннике. В нем ответ на его письмо. 15-го мая кончил я употребление (хренового) сиропа, и до сих пор он действует сильно против худосочия, производя во мне ту же неимоверную слабость, какую производил прошедшего лета, и которая тогда значительно миновалась с прекращением действия сиропа.

Церковь наша выходит необыкновенно хорошею, далеко лучшею, нежели какова она на чертеже, так что рука Божия выказывается в этом деле со всею очевидностию.

Призывающий на тебя обильное благословение Божие тебе преданнейший слуга и родственник

Е<пископ> И<гнатий>.

22 июня 1866 г.

Письмо святителя Игнатия к сестре Софии Александровне Боборыкиной

Усердно желаю тебе и телесного и душевного здоровья. Да укрепит тебя всеблагий Господь наш Иисус Христос, искупивший нас Своею неоцененною кровию; да дарует тебе терпение в твоих болезнях и прочих скорбях, да внушит тебе благодарение за них, как за величайшие благодеяния. Услышь Его святейший глас, вещающий: *Аз их же аще люблю, обличаю и наказую* (Апок. 3, 19). Воспомяни праведного Иова, лишенного чад своих и всего имения, покрытого смердящими струпами, сидящего на гноище и говорящего: *Господь даде, Господь и отъя, буди имя Господне благословенно отныне и до века*[1]. Воспомяни пророка Иону, от чрева китова исповедающего свое прегрешение и прославляющего правосудие Божие. Воспомяни трех отроков, вверженных в пещь огненную и из сердца пещи благословляющих Бога.

Воспомяни всех святых и путь, коим они достигли спасения. Не тесный ли и прискорбный путь искушений ввел их в обитель живота?

Воспомяни все это и поревнуй жребию святых, скажи твоим малодушным помыслам: и власы все главы моей изочтены у Бога, то как могу я унывать? *Не пошлю*, — обещает Он мне устами Своего Апостола, — *искушения выше меры твоей*[2]; но в самом искушении сокровенно дарую тебе избавление от искушения. Нарочно токмо посещаю тебя болезнями, поражаю тебя напастями, чтоб ты не пристрастился к чему-либо суетному, но в сокрушении сердца поискал прилепиться ко Мне, Создателю твоему, исполнением Моих заповедей, и стяжал Меня в себе; а когда стяжешь Меня в себе, тогда взыграют все уды твои нескончаемым веселием: ибо Я есмь Само-благость и Само-блаженство неоскудеваемое и непременяемое.

Благодаря за все Милосердого Бога, будем молить Его, чтоб сохранил нас в любви и согласии во славу святого имени Своего. Прости и моли о многогрешном Димитрии.

1830 год

[1] *Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1. 21.)
[2] 1 Кор. 10. 13.

Письма святителя Игнатия к сестре Елизавете Александровне и ее мужу Димитрию Тихоновичу Паренсовым

№ 1

Любезнейшая Сестра! Елисавета Александровна!

Усердно благодарю тебя за доброе письмо твое и разделяю твою радость о рождении сына Петра. Дай Бог, чтоб сохранились дни сего младенца к утешению его родителей.

Я недавно возвратился из объезда монастырей здешней губернии — путешествие, которое обязан совершать ежегодно, путешествие довольно неприятное, особливо чрез Ладожское озеро. Здоровье мое слабо; на него очень сильно действует здешний климат. Брата Михаила не вижу, слышу, что он затевает что-то, то есть супружество с девицею без всякого состояния. Некоторые очень добрые и очень почтенные знакомые, услышав это, советовали ему не решаться ни на что прежде свидания со мною; но он им отвечал, что боится мне сказать о сем. Я очень сожалел

и о брате Петре, который женился так опрометчиво. Обстоятельства их не таковы, чтоб увлекаться первым порывом сердца.

Благодарю, любезнейшая Сестра, за известие о здоровье Почтеннейшего Родителя, брата Семена и сестер Александры Александровны и Марии Александровны. Я пишу редко, потому что занимаюсь в монастыре единственно духовными предметами, не обращая внимания ни на что светское и не зная никаких новостей С.-Петербургских, хотя и живу так близко от сего города.

Любезнейшая сестра! искренно тебе желаю всех благ настоящих и будущих, Димитрию Тихоновичу прошу сказать мой усерднейший поклон. С искреннейшею преданностию, остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1843, Сергиева Пустынь

№ 2

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна!

Приятнейшее письмо твое от 2-го октября я получил и прошу великодушного прощения в моем продолжительном молчании, происшедшем от множества дела и от крайней слабости, которую я чувствовал в течение всего лета. Эту слабость произвели гомеопатические лекарства: они погнали из меня золотуху и простуду ужаснейшими сыпями, испариною и опухолями. В настоящее время испарина прекратилась, но сыпи и опухоли, хотя и в меньшем количестве, продолжаются; вообще же чувствую себя гораздо посвежее — и то только с наступления морозов.

Морозы у нас ранние: каких и старожилы не запомнят. Нева встала, залив покрылся льдом, установилась прекрасная санная дорога. Урожаи здесь были умеренные, до очень хороших не достигли, чему помешали ранние морозы, повредившие значительно овес; особливо же капуста кинута огородниками на грядах не срубленною. Монастырь наш шумен: но нечего делать; живешь не так и не там, как и где бы хотелось, а где и как приводит непостижимый Промысл Божий. Преданность воле Божией и благодарение Богу за все случающееся услаждают всякое положение и научают извлекать из него душевную пользу. Смирение почти рядом идет с подвигом; т. е. оно доставляет почти тот же успех, каковый доставляется подвигом. Смирение одно, само по себе, полезно; а подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, — напротив того приносит вред, вводя в высокое о себе мнение и в осуждение ближних. Смирение состоит в том, между

прочим, чтоб признавать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостойным положения лучшего и высшего, даже и в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией. Таковое настроение мыслей свидетельствуется в его истине миром, приносимым сердцу, и наставляет человека на путь живота вечного. В наше время Бог дарует спасение более при посредстве смирения, нежели подвига; ныне, при умножившихся немощах, подвиг особенно опасен, как сильно наветуемый осуждением, притом требующий опытного руководителя; а смирение — всегда непадательно. Самые немощи и грехи, когда мы сознаемся в них и раскаиваемся, способствуют к смирению. Таким образом в всесильной деснице Премудрого Бога самое зло споспешествует благому намерением неблагим, по выражению некоторого великого Отца. — Почтеннейшему Димитрию Тихоновичу мой усерднейший поклон! милейших детей обнимаю. Благословение Божие да почиет над тобою и над всем домом твоим.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
20 октября 1845 г.

№ 3

Любезнейшая Сестра и друг, Елисавета Александровна

<...> Земное благополучие всегда кратковременно и не прочно; неизвестно откуда подымится туча и разразится над головою. Блажен, хранящий в душе своей сокровище веры и почерпающий в ней утешение в тяжкие минуты скорби... Мое здоровье становится очень слабо: нынешнюю зиму почти постоянно хвораю. Петербургский климат, особливо морские ветры, действуют на мои нервы очень сильно и вредно; пора бы убираться в какой-нибудь тихой уголок, где климат более способствует нашей монашеской жизни, которая проводится наиболее в церкви и келлии и потому скудна в движении. При усилившейся болезненности я стал очень тих и невзыскателен, а потому должность начальника делается мне не по характеру; желалось бы вне ее окончить дни свои — в глубоком мире. <...> Прекрасна Сергиева Пустыня в настоящем ее состоянии; но для здоровых, которым предстоит жизнь многолетняя.

Прощай! Будь здорова, благополучна и помни тебе преданнейшего брата.

Архимандрит Игнатий.
8 января 1846

№ 4

Любезнейший друг и сестра, Елизавета Александровна!

Принимаю сердечное, искреннейшее участие в скорби, постигшей тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича[1]. Но должно сознаться, что христиане, умирающие в отрочестве, блаженнее тех христиан, которые умирают в преклонных летах, проведши жизнь среди сует, и нередко и греховную. Сему научает нас наша Церковь Святая и сие должно утешать родителей, которых оставляют их младенцы и отходят в вечность для верного и бесконечного блаженства. Апостол не хочет, чтобы мы, взирая на почивших наших ближних, посещая их могилы и совершая о них воспоминание, предавались неутешной скорби, подобно как предаются ей неимеющие упования язычники, язычники именем и делом, или хотя и одним делом. Мы должны растворять скорбь верою и благою надеждою, а где вера и надежда, там — утешение.

<...>

Желаю тебе и почтеннейшему Димитрию Тихоновичу доброго здравия, с чувством искреннейшей дружбы остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
26 июля 1846 г.

[1] По случаю смерти малолетней дочери Марии.

№ 5

Любезнейшая сестра Елизавета Александровна!

<...>

Точно — путь земной жизни скорбен; когда человек совершит значительную часть его и оглянется назад, то как кажется суетным все приятное земное, к которому он стремился с такою жадностью в юности своей! Не потеряем, по крайней мере, остальной жизни нашей принесением оной в жертву суете; познакомимся с вечностию не по романтическим иностранным книжонкам, ведущим в непременное самообольщение читателей своих, но по руководству Святых писателей нашей Церкви, в которых нет ничего романтического, мечтательного, льстящего и обманывающего ум и сердце. Чтение писателей нашей Церкви сообщает положительное познание отношений человека к Богу, Творцу и Искупителю, и научает приближаться к Нему покаянием, а не льстить себя сладостными чувствованиями мнимой духовной любви, к

чему привлекают сумасбродные Фомы Кемпийские, Франсуа де Саль и тому подобные лжеучители. Духовная любовь есть достояние совершенных; а достояние благочестивых и спасающихся есть страх Божий, зрение своих грехов и недостатков; результат того и другого — сердце сокрушенно и смиренно, выражающееся покаянием. Вот истинное нравственное учение Православной Церкви, чуждое обмана и самообольщения.

Призывая на тебя благословение Божие с чувствами сердечной преданности, с желанием всех благ, в особенности же душевного истинного Христианского назидания, которое есть верховное земное благо и залог благ небесных, остаюсь навсегда Тебе искренно преданный брат

Архимандрит Игнатий.
13 января 1847 г.

№ 6

«Бог не без милости», — прекрасно говорит пословица благочестивых русских. Временем скрывается Промысл Божий — как будто его нет, — чтоб мы поуходились, поумучились, поутомились; потом является в полном свете с обильными благодеяниями...

Димитрию Тихоновичу мой усерднейший поклон.

Христос с тобою.

Тебе преданнейший брат *Архимандрит Игнатий.*
11 сентября 1847 г.

№ 7

Письмо твое, истинный друг мой и сестра, я получил. Радуюсь благополучному твоему возвращению и тому, что ты чувствуешь обновление в душе твоей. Можно промотать жизнь, как проматывают имение; можно употребить ее для приобретения блаженной вечности. Ты можешь видеть в твои годы уже по опыту, как все земное ничтожно и какая глупость — все время употребить на снискание того, что отнимает смерть. Спасение — дело простое; только эта простота не дешево достается. Да и тот, у кого шея не вытерта хорошенько скорбями, не дает должной цены этой простоте. Помни, что Господь заповедал душу стяжевать в терпении, сказал о благоугождающих Ему, что они плод творят в терпении. Невозможно разом исправиться. Надо терпеть себя — свои недостатки — и мало-помалу, с постоянством, исправлять их, не унывая от падений, свойственных всякому

человеку. Святый Исаак Сирский, великий наставник монашествующих, утверждает, что и святые не были изъяты от перемен, что непеременяемость и беспогрешность — есть несбыточная мечта. — Помни это: такое воспоминание будет воодушевлять тебя твердостно и мужественно в деле Божием.

Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон.

Тебе преданнейший брат *Архимандрит Игнатий.*

15 сентября 1947 г.

№ 8

Извещаю тебя, Любезнейший друг и сестра, о постепенном ходе моего лечения. Болезни выгоняются, но по временам делается значительная слабость. Большую часть времени должно проводить на постеле. Дня с три как чувствую большую перемену в голове, из которой начали отделяться мокроты в значительном количестве — носом, но без насморку. Ногам и пояснице — также гораздо лучше.

При сем присылаю брульон маленького сочинения для некоторых Петербургских друзей моих. Я надеюсь, что ты его разберешь и он доставит тебе приятную минуту развлечения. Извини, не переписал набело: грудь очень слаба.

А<рхимандрит> Игнатий.

21 сент. 1847 г.

№ 9

Даю тебе отчет, Любезнейшая Сестра, о дальнейшем ходе моего лечения. <...>

Из Петербурга пишут мне и зовут скорее приезжать, т. е. по истечении 6-ти месячного срока; но я вижу, что необходимо пробыть здесь всю зиму. Возвращение в Петербург представляется мне отвратительнейшею микстурою. За счастие бы счел, если б Господь даровал окончить жизнь где-нибудь в смиренной доле между елей и сосен — не отказываюсь от дубов и прочих деревьев, — внимая своему и спасению тех ближних моих, которые со мною в любви ради Бога...

Желаю благополучного и полезного лечения. Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон.

Архимандрит Игнатий.

15 ноября 1847 г.

№ 10

Письмо твое, Любезнейшая Сестра, от 12-го Ноября я получил и, хотя писал на прошедшей почте, — пишу и на нынешней, чтоб доставить тебе при твоем лечении и совершенном уединении какое-нибудь развлечение. Радуюсь, что декокт уже начинает оказывать на тебе свое спасительное действие. Это действие надо мною продолжается до сих пор, несмотря на то, что чувствую совершенное изменение и уже начинаю укрепляться. А скоро три месяца, как начал лечиться. Перебирает оконечности ног и головную кожу, простуженные давным-давно. Явился обильный пот. Все боли продолжают стягиваться в желудок. Пред разрешением и уничтожением боли в каком-нибудь месте, это место начинает особенно болеть. О том, чрез сколько времени можно выходить после декокта и с просьбою советов полезных на сей почте, пишу к одному Петербургскому знакомому моему, у которого ревматизмом отнято было полтела, а при лечении все боли направились в желудок. Что он напишет мне, не премину сообщить.

Непременно кушай говяжий бульон и другую нужную по требованию твоего тела мясную пищу. Это лекарство требует, чтоб человек был и снаружи и снутри согрет, как сама можешь заметить. Церковь положила в известные времена воздержание от мясной пищи для того, чтоб непрестанно употребляемая мясная пища не разгорячала безмерно тел, чтоб они на растительной пище постного времени прохлаждались и облегчались, а не потому, чтоб употребление мяса заключало в себе собственно какой грех или нечистоту. И потому удаление от мяса при необходимости и болезни есть грубый предрассудок русского человека, обременившего небесную религию многими своими национальными дебелостями, осуждающими комара и пожирающими верблюда. В России — потому что Христианской верой занимаются очень поверхностно и грубо, идут к познанию Христа семинарией и академией, которых Христос не установил, а оставили очищение себя святыми подвигами, которое Христос установил и заповедал, — пребывают вне истинных, живых понятий о вере Христовой. Какое Христианское образование найдем в России? В простом народе — наиболее излишнюю, скрупулезную привязанность ко всему вещественному, к форме, отчего родились расколы; — недостаток, крайний недостаток в познаниях и ощущениях духовных. Этот же

недостаток — в обществе образованном; к нему присоединяется небрежение к форме, странно соединенное с врожденным, усвоившимся уродливым уважением к этой же самой форме. — Вы встречаете человека образованного нынешним образованием, заимствованным из развращенной Европы, умеющего расшаркаться, извернуться, быть ловким на бале, в дипломатическом салоне, имеющего о всех предметах кое-какой, свой, по большей части бестолковый толк; — вы находите в нем по отношению к религии неверие, скептицизм и, внезапно, рядом возле философского скептицизма Европы грубое суеверие, предрассудок глупый и смешной избы русской; он ни за что не сядет тринадцатым за стол; чрезвычайно обеспокоится, когда соль будет просыпана; оплевывается на все стороны при встрече с попом или монахом. В человеке, который хвалится своим разумом, — две крайности, две пропасти погибельные: неверие и суеверие! Где ж вера чистая, святая? — Ее нет ни в слепых односторонних приверженцах формы, ни в превозносящемся разуме и премудрости человеческой, разуме и премудрости падших, отверженных Богом. Вера, святая вера! Вера — око! Которым одним ум человеческий может усмотреть и зреть Святую Истину!.. Шествие ее по пути узкому и прискорбному, ведущему в живот, по пути, почти безлюдному, шествуемому весьма немногими. Ведет человека по этому пути Евангелие.

Подробное изучение веры Христианской и всего, ведущего к точному познанию Христова учения, содержит в себе разрешение множества недоумений, рожденных неверием и суеверием. Церковная история сохранила нам следующее событие времен первых Христианства. На острове Кипре был великой Святости Епископ Спиридон Тримифунтский, живший в конце третьего и начале четвертого столетия, присутствовавший на первом Никейском Соборе, муж, совершивший великие знамения. В Четьих Минеях есть житие его (см. первые числа Декабря). —

На первой неделе Великого поста, в пятницу, пришел к нему странник Христианин. При Епископе жила дочь его. Епископ говорит дочери: «нет ли чем у нас угостить странника?» Дочь ответила: «Отец мой! Ты не вкушаешь ничего в эту неделю, и я стараюсь подражать тебе, поэтому у нас нет никакой пищи приготовленной; а есть от мясоеду остаток свиных мяс». Епископ говорит: «поставь это мясо на стол и приготовь нам трапезу». Дочь исполнила приказание отца; угодник Божий пригласил к столу своего гостя и сам сел с ним, чтоб кушать. Странник, уви-

дя мясо на трапезе, говорит Епископу: «я христианин — и не ем мясного в Великий пост». Епископ отвечал ему: «Потому-то что ты Христианин, а не Жид, — и должен ты есть: мы воздерживаемся от мяс не потому, чтоб они были нечисты, или чтоб в этом была какая добродетель, как воздерживаются от них Жиды, но чтоб телеса наши не отягчились объядением и пьянством». — Эта повесть — в одной из драгоценных книг моих, в которых много интереснейших и полезнейших событий и преданий первенствующей Христовой Церкви.

Людям полезно объяснять подобные обстоятельства, не страшась уязвить суеверие (надо носить немощи ближних, но не растить потачкою их предрассудки). Бог, видя прямое твое намерение, подействует во благо на их сердца. Мне привелось видеть этому примеры.

Как древние Христиане ставили превыше всего Евангельскую заповедь, а по ней уже чтили и Церковное предание! Преподобный Кассиан, Отец 4-го века, странствуя по Египту, пришел в постный день к некоторому святому пустынножителю. Пустынножитель представил ему трапезу с некоторым отступлением от постного строгого устава. — Уходя от Старца, св. Кассиан спросил его: «почему иноки в Египте разрешают пост для посетителей, между тем как иноки Сирии этого не делают?» (Иноки Египетские, а между иноками Египетскими иноки Скита почитались — и справедливо — возвышеннейшими по святости и духовному разуму иноками во всем мире.) Пустынножитель отвечал: «пост — мое; когда захочу, могу его иметь; а принимая братьев и отцов, приемлем Христа, Который сказал: *приемляй вас, Мене приемлет, — и: не могут сынове брачнии поститися дондеже с ними Жених. Егда же отыдет Жених, тогда постятся*»[1]. Вот истинное понятие о учении Христовом!

Боли от декокта были у меня в желудке сильнейшие, особливо в левом боку. Теперь они прошли, и там — как будто маслицем намазывают. Настойку на тенерифе делаешь точно как должно. — Быв здесь ты говорила о определении сына в Пажеский Корпус; радуюсь, что желание Ваше исполнилось.

О приезде твоем в Бабаевский монастырь! — Да можно ли будет зимой выезжать тебе! Похоже, что ты на всю зиму — затворница. Вот я три месяца сижу и не знаю, сколько придется еще сидеть. — Вместо Бабаек не сберешься ли весною в Сергиеву. Впрочем — дума за горами. Что Бог даст...

Димитрию Тихоновичу мой всеусерднейший поклон. Обнимаю его. Христос с тобою. Благословение Божие да осеняет и да хранит тебя.

Преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.

24 ноября 1847 г.

[1] Мф. 10. 40; 9. 15.

№ 11

Истинным, сердечным утешением — Любезнейший Друг и Сестра — служат мне письма твои. Какое зрелище на земле может быть приятнее того, когда видишь душу, созданную по образу Божию, искупленную кровию Богочеловека, — что она избирает в удел свой Бога, отсюда уже причисляется к малому стаду, которое поставлено будет одесную Судии нелицеприятного, которому Бог благоизволил дать Царство.

Скажу тебе, в глубине моего сердца всегда была тайная скорбь о тебе. Я помышлял: «Сколько посторонних людей притекает ко мне, обновляется душами в познании истины и в утешении сердца, предвкушающего будущее блаженство, утешении, которое раждается единственно от познания истинного Христова учения! а та сестра моя, которую Бог привел воспринимать от купели и которой я обязан словом спасения, — стоит от меня вдалеке, — и не знаю — в каком состоянии душа ее?» Бог, по неизреченной благости Своей, отъял эту скорбь от сердца моего и заменил ее утешением, присовокупив это утешение ко многим другим утешениям, нисшедшим ко мне от Руки Божией.

О лечении: лекарство действует на тебя прекрасно. Видно, всего более была простужена голова. И простуда еще не укоренилась. У меня она сидит очень глубоко: перешла в систему жил и нерв. Когда натянутся жилы по направлению к желудку, особенно к левому боку, то (довольно забавно!) стоит только подавить в левый бок пальцем, ощущение этого прикосновения по жилам перебегает в ноги и слышится в икре и пяте пресильно! Как у тебя оттаивал череп, так у меня оттаивали оконечности ног — и когда же? В первых числах Декабря! К 1-м числам Ноября только начали пухнуть то тот, то другой пальчик: так глубоко сидела простуда. Вижу, что надо еще долго полечиться. Мой Николай (это келейник, приехавший из Петербурга, который ухаживает собственно за моей персоной и переписывает мои со-

чинения) — когда оттаивали ноги — снимет чулок с ноги и подставит к подошвам ладони — так и слышит, что из подошв идет тонкий ветерок, как из погребка или ледника. У меня пухли ноги, когда я был юнкером, — вот с которого времени в них простуда.

Сердечно рад, что рекомендованная мною настойка приносит пользу Димитрию Тихоновичу. Странно, с какою верностию предчувствовало это сердце мое. В копии рецепта геморроидальной настойки — количество Александрийского листа означено уже удвоенное, как у меня ее делают. В оригинале, полученном от Вас, было 2 $^1/_2$ золотн. — Несколько времени, как я начал чувствовать в ручных костях силу, а несколько дней — как появилась в них испарина и местами лом. Продолжаю пить настойку и думаю, что надо продолжать ее еще долго. Декокт выжимали у меня руками, а, конечно, лучше выжимать его машинкой. — Сделай милость — вели связать для меня шерстяные перчатки и сшить рукавички на меху. Для объяснения, какие мне надо, прилагается здесь рисунок, с должными пояснениями. Шапка у меня сшита на удивление всей Костроме, в которой ныне хлопочет князь Суворов, добрый сосед нашего монастыря, человек расположеннейший к добру.

Димитрию Тихоновичу потрудись передать мой всеусерднейший поклон и сказать, что при употреблении этой настойки моцион необыкновенно полезен. Очень хорошо делаешь, что возверзаешь на Бога попечение твое о образе нашего свидания. Бог устроит все по премудрости и благости Своей.

Призываю благословение Божие на тебя и на весь дом твой! Да благословится все житие твое.

Тебе преданнейший брат и друг

Арх<имандрит> Игнатий.

11 декабря 1847 г.

№ 12

Письмо твое, Любезнейшая сестра, от 28 ноября получил. Лечение твое, кажется, благодаря Богу идет должным порядком. Мнение, что [*нрзб.*] выходят испариной, — признаю основательным. Дряблость и у меня была во всем теле, зубы были как после значительного употребления красной смородины или брусники, что и теперь продолжается в небольшой степени. Дряблость уже только в оконечностях ног, которые перебирает так, как и голову. Пот у меня был с неделю тому назад пресильный, особливо по ночам; переменял по 5 и 6 рубашек; теперь пот наиболее в ногах.

После последнего письма к тебе меня опять перевернуло, поломало, потянуло жилы в желудок (простуда моя сидит глубоко и очень стара), потом я получил значительное облегчение, которому предшествует всегда ломанье. Вижу, что необходимо мне взять здесь весну. В прошедшем моем письме писал я тебе, что писал к одному знакомому петербургскому, который сильно был болен простудой и очень удачно вылечился, чтоб он уведомил, чрез сколько времени по окончании лечения он начал выходить на воздух. Получа от него известие, сообщу тебе. Обыкновенный срок пития декокта 6-ть недель; но этот срок может быть и с надбавкой, смотря по надобности. Если после поту окажется совершенное выздоровление и не окажется никакого другого действия, то можно окончить декокт; если же он начнет разбивать завал или окажется тянутие жил в желудок, то надо по возможности продолжить, а там за настойку. При сем присылаю рецепт геморроидальной настойки. Сассапарельная настойка настаивается у меня не менее 2-х недель, а по большей части и более. В последнюю полуведерную бутыль положил 6-ть фунтов сассапарели; остальное налито вином полугарным. В Ярославле виноградные вина — нестерпимая гадость. Стоит бутыль возле печки в моей комнате. Чувствую значительное укрепление нервов, но по причине продолжающейся переборки и разрешения застарелых простуд в разных членах — все еще не свой — и признавал бы время мое потерянным для душевной пользы, отданным вполне телу, если б меня не утешало знакомство ради Бога с тобою и еще некоторые другие обстоятельства, в которые я поставлен при временном моем пребывании в Бабаевском монастыре.

Присылаю «Сети Миродержца», написанные прошлого году для моих знакомых петербургских. Думаю, этот взгляд на мир и человека не будет тебе лишним.

Сочинения Святителя Димитрия носят на себе печать благодатного помазания и сообщают это помазание читателям своим. Святитель жил в Западной России, там образовался, а в Западной России имели тогда сильное влияние иезуиты и вообще латинизм. Поэтому сочинения Св. Димитрия не совсем чисты, не вполне в Восточном характере. Этому подверглись некоторые и древние Святые Писатели, между прочим, Св. Григорий Нисский, брат Василия Великого. Что делать? Это значительный недостаток в писаниях Св. Димитрия. По мне лучше всего нравоучения в 4-й части, приложенные к Св. Истории, что, кажется, было его последним сочинением, а потому относительно к духу зрелейшим.

Мой благодетель в Ярославле: Николай Петрович Полозов, Губ<ернский> Прокурор. О треске и прочих подобных совершенствах я писал Сене[1], и он обещал прислать, а ты пришли баночку варенья, что очень не помешает. Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон.

Благодарю за сведения о Каме и Печоре. Не хлопочите о доставлении больших сведений! Этих довольно. На судьбе моей написано, видно, другое, — и не живать мне на Печоре.

А<рхимандрит> Игнатий.

Декабрь 1847 г.

[1] Брату Семену Александровичу Брянчанинову.

№ 13

Одного письма моего, Любезнейшая Сестра, ты не получила — именно от 14-го; это то число, под которым расписался в принятии его Тимохинский Смотритель.

<...>

Желаю тебе благополучно лечиться: меньше думай. Надейся на Бога. «Ходяй просто, — сказали святые Отцы, — ходит надеяся». — И Бог тебя покроет.

<...> Со мной как можно проще; и как пишешь, то все что легко с сердца идет, пиши; а чуть услыхала заминку — не пиши. Бывает заминка в помысле, на нее смотреть нечего; а смотри на заминку сердечную...

Христос с тобою. Димитрию Тихоновичу — всеусерднейший поклон и братские объятия.

Архимандрит Игнатий.

№ 14

Письменные занятия мои наступившего нового 1848-го года начинаю с письма к тебе, Любезнейший друг и сестра Елизавета Александровна. Поздравляю тебя и Димитрия Тихоновича с наступившим Новым Летом, усердно желаю Вам, чадам Вашим, всему дому Вашему обильного благословения Божия! Да является оно и в духовных вечных благах и временных, доставляющих спокойствие и удобность к достижению благ вечных. Приношу искреннейшую благодарность за все Ваши милости ко мне; все посылки получил исправно. Тенериф чудесный. Истинное, глубокое твое расположение ко мне внушило прислать его. Имен-

но я нуждался в хорошем вине! Холодные мокроты с такою силою и в таком множестве устремились в желудок, что непременно нужно было его согревать. Простое вино для меня почти невыносимо, Ярославский херес и другие вина — гадость еще более невыносимая, самое отвратительное сочинение. Нашел я здесь в соседнем селе какое-то хлебное вино, именуемое бальзам, которое продается по 28 р<ублей> за ведро. Это предпочел я всем прочим винам, и потому просил тебя прислать варенье, чтоб перемешивать с этим бальзамом, предпочитая мое сочинение сочинению Ярославского купца винами. Твой Тенериф отличный — сохранился прекрасно и завелась в нем чудеснейшая горечь; такой тенериф редко случалось мне пить в Петербурге. Если Вы выписываете большим количеством и держите так долго у себя, то необходимо эти вина держать в погребке, в песку, бутыли и бутылки горлышками вниз. Тончайший эфир, составляющий собою главное достоинство вина, сохранится и сформируется. Планы Печоры, знаменитости вод северных: черную щеку и треску, варенье и, наконец, перчатки и рукавички получил; все прекрасно, за все премного благодарен. Теперь я вполне окопирован и могу в свое время (которое однако ж, как видно, не скоро настанет!) понемногу приучаться к воздуху. В настоящее время мне ничего не нужно, вообще когда я поздоровее, нужды мои чрезвычайно умаляются. Когда ж будет нужно, я попрошу. Вино, так полезное именно в этом роде болезни, вообще мне вредно, и гораздо лучше если б мне вовсе не пить его. Этого можно б было достичь, если б я остался навсегда Бабаевским жителем. Последние два-три года я постоянно пил вино: требовало этого тело мое. Вижу, что это требование происходило от множества накопившихся во всем теле холодных мокрот, останавливавших кровообращение. От рюмки вина, особливо от двух, согревалось тело, разжижались холодные мокроты, кровообращение делалось свободнее: от всего этого я чувствовал облегчение во всем теле. Причина очень ясная!

О лечении моем. Справедлива пословица: болезнь входит пудами, выходит золотниками, особливо болезнь застарелая, запущенная. Вижу, что основание всех моих болей была простуда оконечностей ног моих, к чему присоединилась простуда, опустившаяся в ноги от лихорадки, которою я был болен еще послушником в Новоезерском монастыре. — Я тебе описывал как в начале Декабря растаяли мои ноги, т. е. самые оконечности их. С этого начался кризис всей болезни: я решительно сделался

сам не свой, пришел в какое-то онемение, одурение, постоянно лежал, то под многими покрывалами казалось мне холодно; то в этой же самой комнате и температуре казалось мне жарко в одном шелковом подряснике. Во всем теле чувствовал брожение. Вместе с этим несмотря на слабость вообще чувствовал, что нервы мои укрепляются. Появилась боль и необыкновенная зябкость в кистях ручных и особенно пальцах. Это состояние онемения продолжалось до самого дня Рождества Христова. В этот день я почувствовал себя лучше, был несколько свободен от одурения и часа с два мог заняться; теперь мне становится лучше и лучше: каждый день бываю свободен часа на два и на три. Третьего дня принял ванну между 25-ю и 27-ю градусами Реомюра, после которой было очень сильное брожение, особенно на другой день, т. е. вчера, а сегодня чувствую особенную свежесть и укрепление. Тело мое вполне изменилось; из дряблого, трухлого сделалось плотным, эластическим. Даю тебе подробный отчет моего лечения, которое уже начинает 5-й месяц; даю для того, чтоб ты могла принимать его в соображение с твоим лечением.

Очень жаль, что употребление на вине сассапарели тебе невозможно! Впрочем не унывай: мясная пища и бульон очень много могут содействовать при употреблении на воде. Я полагаю, что со временем декокт может подействовать спасительно и на сердечную боль: она должна пройти. Описываемое тобою состояние слабости по утрам и вечерам суть, по мнению моему, начала кризиса. Ты много потерпела от этого спасительного и томительного лекарства; сохрани терпение до конца и не оставляй его до явной и решительной пользы. Должны быть очень полезными и ванны, но не свыше 27 и не ниже 25 градусов Реомюра; сидеть надо от ¼ часа до 20 минут. Хорошо подкидывать, или распускать в кипятке пригоршни две соли. После ванны бывает необыкновенная переделка. Ванну должно принимать при вполне сварившемся желудке; а на другой день после ванны должно одеваться потеплее. У меня при особенном действии кризиса пробегает по наружности кожи зноб, вроде лихорадочного.

Тимохинскую станцию и тракт этот из Ярославля в Кострому уничтожили. Потому письма ко мне надо адресовать в Ярославль, куда я в неделю раз буду посылать нарочного. Это письмо посылаю из Костромы, куда отправляется завтра Игумен; а мой посланный еще не скоро попадет в Ярославль.

Относительно духовного чтения. 4-я часть сочинений Святителя Димитрия особенно хороша, тут можно почерпнуть мно-

го сведений очень нужных и очень полезных. Со временем надо будет тебе прочитать толкование на Воскресные Евангелия Никифора, Архиепископа Астраханского, писателя очень основательного и с помазанием. Господь Сам призвал тебя к познанию Святой Истины; храни это познание как драгоценное сокровище. Апостол называет его завещанием (1 Тим. 1. 5). Точно, оно завещание духовное от Бога на получение вечного блаженства. Относительно меня что сказать? Ты имеешь мою дружбу о Имени Христовом, а не по немощной причине человеческой. Смотрю я на это отношение мое с тобою как на дар неба. Господь, ниспославший нам этот дар, да сподобит сохранить его до конца жизни и принести в вечность другой талант, приобретенный на этот талант: наше спасение. Христос с тобою. Димитрия Тихоновича от души обнимаю, как приятнейшего брата.

А<рхимандрит> Игнатий.

1 января 1848 г.

№ 15

При великом происшествии здешнего края, уничтожении Тимохинской станции, я послал к тебе, Любезнейшая Сестра, письмо чрез Кострому, куда ездил о. Игумен по делам своим. Теперь вместо того, чтоб получать письма два раза в неделю, получаю и отправляю однажды в Ярославль. Около 20-х чисел декабря со мною был самый сильный кризис: многие дни я пролежал не только неспособный что-нибудь делать, — даже не способный мыслить. С 25 д<екабря> стало мне полегче: на часок, на два в день делалось столько свободным, что могу почитать и пописать. Эта свобода увеличивается с каждым днем: чувствую радикальное исцеление от болезни, которая была скрытная, немая, внутренняя, потому — загадочная для врачей, неудобоприступна для лекарств. Брожение во всем теле, отделение мокрот продолжается; особенно из кистей ручных, которые болят и зябнут: и они были простужены, а концы пальцев поморожены, эти помороженные места совершенно обозначились — получили очень темный цвет. Присланные тобою перчатки пригожаются мне и в комнате! — принужден надевать их!

Теперь совершает сассапарель еще странное дело! Перерабатывает, впрочем, со значительною болию, мои зубы, — она переработала и все тело, самую кожу! Я весь другой! Заметил, — что боль есть непременный спутник действия сассапарели; непре-

менно пред тем, как освободиться какой-нибудь части тела от засевшего в нем болезненного яду — эта часть тела разболится. Сассапарель — именно лекарство от хронических болезней. Не унывай! И тебе оно должно принести непременную пользу: самые язвы сердечные и завал должны уничтожиться; только при таких хронических болях лечение не может быть быстрым. Я начал пить декокт 5-го Сентября. В декабре последовал решительный кризис, продолжающийся поныне, — и ныне только вижу, что получаю решительное исцеление. — Бульон и мясная пища могут много заменить вино. Теперь я пью только по рюмочке в день лекарства — и нахожу это количество вполне достаточным.

Большее количество, прежде употребленное, предрасположило состав телесный к уменьшенному количеству, действующему вполне удовлетворительно.

При болезни стеклись к 25-му декабря и 1-му января необходимые занятия письменные: надо было написать поздравление Государю Императору, Государыне Императрице и прочим членам Высочайшей фамилии, также и некоторым лицам начальственным. Маленькая Жандр принята — Ангелом благости — Государынею Императрицею в Екатерининский Институт пансионеркою Ее Величества. Пишут мне: «ни почему бы не следовало принять; сделано единственно для того, чтобы вам сделать приятное». С сею же почтою отправляю письмо к Ее Величеству. Судьба так устроила, чтоб эти люди, раздаятели земных благ, полюбили человека хладного к земным благам, пламенеющего к благам вечным, благам души. А эти Люди... я их знаю двадцать семь лет; эти Люди с Ангельскими сердцами. Но эти сердца невинны, как были невинны сердца первосозданных: они так добры, что не «мыслят зла», как выражается Апостол о святой любви. Их осуждают! — Заклеить рот надо таким безумным и дерзким осудителям. Нет совершенства на земле, а они осуждают и совершеннейшее. Рай — небезопасное место для таких сердец; оттуда может их извлечь диавол, притворяющийся добреньким... А дворец!.. опаснее рая!.. И какие физиономии его осаждают. Я видел их лица!..

Утешительны виды Бабаевского монастыря! — Зима покрыта льдом и снегом — как мертвец покрытый покровом из серебряного глазету; сельская повсюду простота и обычаи Руси, в которых что-то священное!

Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон! — Желаю тебе милости Божией и в времени и в вечности. Благословение Божие да почивает над тобой и над всем твоим домом!

Тебе преданнейший друг и брат

Арх<имандрит> Игнатий

16 января 1848 г.

№ 16

На два письма твои, Любезнейший друг и сестра, отвечаю одним. Благодарю за поздравление с днем моего рождения, о котором и сам я нередко забываю вспомнить. Ныне, то есть года два-три как, многие Петербургские узнали это число и своими поздравлениями мне напоминают. Тебя поразило письмо Плещеевой? Это плод ее восьмигодичного знакомства с Сергиевой Пустынею и маленьким Игнатием, другом их дома. Мне еще больше нравится Статс-дама Императрицы Баронесса Фридерикс: прямее и сильнее Плещеевой. Обязанная каждый день проводить во дворце, как самая приближеннейшая особа к Государыне, она все мысли свои и ощущения посвящает Богу. И ты, если будешь заниматься несколько лет постоянно в том направлении и духе, в котором занимаешься теперь, стяжешь и больше просвещения и больше твердости. Святая Боголюбезная простота требует, чтоб мы не сравнивали себя ни с кем из ближних, а жили просто — для Бога и своего в Нем спасения. При такой простоте все ближние нам начнут казаться лучше нас; а это и нужно, — в этом смирение, это ведет в любовь к ближним. Святые Отцы сказали, что смирение — сердечное чувство, заводящееся неприметно в душе от делания заповедей Христовых.

Выходить из комнат в течение всей зимы никак не советую. Помысл, приходящий тебе о лишении Церковной, великопостной службы и предлагающий выезд в Церковь, — суетный. Оставь его без всякого внимания. Уединение имеет свою пользу, пользу существенную; ты же пришла к нему не сама, но приведена перстом Божиим при посредстве болезней. Церковная служба питает душу, а уединение чрезвычайно способствует к рассмотрению себя и покаянию. Потому-то многие святые Отцы, удалялись в глубокие пустыни и на многие годы лишали себя Церковной службы. Советовал бы я тебе провести Великий пост безвыходно дома с пользою для души и тела, иногда приглашать Священника для отправления некоторых важнейших служб, — а говение и причащение Святых Таин отложить до Петрова по-

ста. Не то важно, чтоб приобщаться часто, но чтоб приготовиться существенно к причащению и потому пожать обильную пользу. Святая Мария Египетская во всю многолетнюю жизнь свою в пустыне не приобщалась ни разу: эта жизнь была приготовлением ко причащению, которого она удостоилась пред концем жизни. Я до сих пор не выходил из комнаты и вижу, что во все время Великого Поста должен оставаться безвыходно в них. По первому летнему пути располагаюсь выехать; к 25-му Мая мне надо быть в Сергиевской. Подумайте о моем маршруте: из Бабаек я должен съездить в Кострому, потом проехать в Грязовец; оттуда хотелось бы к Марье Александровне, от ней к Вам, от Вас в Покровское, а из Покровского, если б можно, на Рыбинск или Мологу; мне там надо быть почти непременно. Устройте мой маршрут и напишите мне — как тут сделать. Хорошо б попасть в Покровское на 13-е Мая. Впрочем, все это между нами. Когда время придет к исполнению, тогда могу известить всех официально. — Что Димитрий Тихонович чувствует от действия сассапарели, то чувствовал и продолжаю чувствовать и я: всякое место ушибенное и простуженное переболело. Также были и продолжаются и переходящие боли. Вообще теперь я чувствую болей гораздо больше; прежде болезнь была нема — выражалась какою-то мертвостию, слышимою во всем теле, и ужасным нервным расстройством; болей же я не чувствовал никаких. — Все твои письма я получил исправно: потому что пользуюсь особенным благоволением Николая Никандровича Жадовского, здешнего Почтмейстера, то есть Ярославского.

Желаю тебе всех благ от Десницы Создателя — и всему твоему семейству. Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон! Маршрут мой сохрани доколе в тайне: мне хотелось бы Вас видеть одних. Общее собрание пусть будет в Покровском.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
16 февраля 1848 г.

№ 17

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

В Бабаевской обители гостит бедная больная Александра Александровна. Провести здесь последние дни масленицы предложил ей я; а провести первую неделю поста и поговеть предложил добрейший о. Игумен — и с таким усердием, что я поддер-

жал его приглашение. Больной здесь видимо лучше: пусть поуспокоится и отдохнет. — И мне гораздо лучше, но очень вертит; слаб, почти беспрестанно лежу, премного сплю, чувствую брожение во всем теле, но какое-то поверхностное и по временам совершенно прекращающееся.

С благодарностью возвращаю Димитрию Тихоновичу планы Печоры. Должно быть — прекрасные места! Но мне, кажется, суждено большую часть жизни провести в Петербурге. Если б, по милости Божией, возвратилась хотя малейшая часть моего здоровья, и можно б было сколько-нибудь исправлять свои обязанности, то жизнь в Петербурге еще сносна. Но при постоянном лежании на постеле нужен приют, более спокойный. Здешнее местечко очень спокойно и уединенно; посетителей почти нет никаких. Воздух и воды чудные. О. Игумен с течением времени получает ко мне и особенную доверенность и особенное расположение. Братия стараются один перед другим оказывать зависящие от них услуги.

Думаю, печора-семга соленая уже приехала в Вологду. Ты мне окажешь великую милость, прислав этой рыбы: потому что семга есть та рыба, которую при нынешнем лечении могу есть; от всякой другой тошнит. К счастью, желудок мой выносит эту тяжелую пищу. Еще и другая просьба: закажи четыре, или пять, или шесть косуль[1], — или же купи готовые и с извощиками потрудись отправить в Петербург в Сергиеву Пустыню на имя наместника ее Иеромонаха Игнатия. Этим очень меня одолжишь. Я писал наместнику, чтоб он выслал тебе имеющуюся у меня книгу.

Странное дело! Французы приобрели много драгоценных манускриптов, принадлежащих Восточной Церкви, при помощи их издали много прекрасных сочинений, относящихся к Церкви, и, между прочими, вышеупомянутую книгу, в которой описаны жития некоторых Святых, именно принадлежащих нашей Церкви. При житиях помещено и извлечение из писаний отеческих. По подробности и верности изложений — книга эта драгоценна; сохраняет даже характер старинной простоты, с которою изложены подлинники.

Призывающий на тебя, на Димитрия Тихоновича, на чад и домочадцев Твоих благословение Божие

Тебе преданнейший друг и брат

Арх<имандрит> Игнатий.
23 февраля 1848 г.

[1] Косуля — вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону.

№ 18

Два письма твои, Любезнейшая Сестра и Друг Елизавета Александровна, — одно по почте, другое с кучером сестры А<лександры> А<лександровны > при посылке, — я получил. Приношу искреннейшую благодарность за присланный провиант, — только мне совестно, что Вы препроводили ко мне весь имевшийся у Вас грибной провиант. Печора — очень хороша, и теперь пожаловала весьма кстати на Бабайки, где запасы рыбные кончились, а аппетит странствующего там только что стал возрождаться. Со мною происходит большая перемена: кажется, это — решительное исшествие простуды. С некоторого времени усилилась испарина, особливо по ночам; покрываются ею самые больные места: затылок, левый бок, ноги. По исшествии ее каждый раз чувствую значительное облегчение. Но долговременным лечением я истощен. Встав от сна кажусь сам себе бодрым и свежим, но по прошествии кратчайшего времени этот мнимый богатырь ложится на постель. Сколько переменилась моя наружность, об этом скажет очевидец, сестра А. А. Лекарство — сассапарельную эссенцию — принимаю с 1-го марта в двои сутки однажды по столовой ложке. Этой ложки вполне достаточно для поддержания работы и брожения, произведенных во всем теле прежними сильными приемами. На воздух не выхожу, и вижу, что надо дождаться прекрасных, совершенно теплых вешних дней для выхода безвредного и безопасного. Все это описываю с такою подробностию, чтоб ты и Димитрий Тихонович, при вашем лечении, принимали мои опыты к сведению для соображения. Вижу, что при лечении сассапарелью непременно надо долечиться. Никак не решайся на выезд прежде летнего пути! Решиться на него — значит подвергнуть себя — не опасности, — верной и роковой болезни. Приношу совершенную благодарность за косули. У нас земля легкая, а пашня глубокая; под рожь первый раз пашут плугом. Получив письмо от Батюшки, в котором он заботится о нашем свидании, и, не желая его беспокоить путешествием в Бабайки, также видя себя в совершенном несостоянии принять его, я отклонил его от поездки сюда обещанием приехать в Мае в Покровское; в Вологду, сказал я, приехать мне невозможно, потому что это отнимет у меня много времени на визиты, которых не выполнить невозможно. Получил ответ ласковый... О поездке к Вам я не говорил ему ни слова. Лошадей хочется нанять в Грязовце на все проселочное путешествие, чтоб быть по этой

части в приятной и спокойной независимости. Особенно утешительно будет мне приютится под Вашим кровом, посмотреть на Ваш домашний быт! Где нет искренности и простоты сердечной, там нет истинного христианского чувства. Роюсь в сердце моем... хотелось бы усмотреть в нем все, что скрывается в нем сложного и лукавого, чтоб выкинуть это сложное и быть только добрым. В простоте нет взора лукавого, взора подозрительного, взора осуждающего ближних! Из простоты глядит чистая добродетель! Из простоты глядит беспримесная любовь. Простота образуется в сердце человеческом учением Евангелия. От чего она исполнена такой высокой мудрости. Найдешь примеры и святой простоты и высокой мудрости в деяниях и наставлениях<...>. Жития гораздо подробнее чем в Четьих Минеях. Также не заботься о толковании Воскресных Евангелий: я писал, чтоб выслали на твое имя из Петербурга. Писатель Грек — в мирском быту граф Феотока, образовавшийся в Европейских Университетах, потом вступивший в монашество, приглашенный в Россию и произведенный в Архиепископа Астрахани. Он стоит несравненно выше всех наших церковных писателей русских, соединяя в себе основательную ученость с духовным помазанием. Есть признаки, по которым догадываются, что тело его нетленно. Сама увидишь — как превосходна его книга, и потому какое имеет духовное достоинство Писатель. Ах! не хотелось бы мне ехать в шумный, интрижный Петербург, где доминирует сценическое благочестие, ищущее произвести только эффект пред людьми, ищущими и довольствующимися только кратковременным эффектом. Сценический эффект отвергается духовным учением[1]. Для эффекта достаточно быть, почти непременно должно быть езуитом. Те, на которых подействовал эффект, или скоро ощущают уничтожение его, или же делаются фанатиками. Эффект, произведенный актерством, в сущности есть обман, плоды его не могут быть добрыми. — Не находя во мне эффекта, Петербургские долго устранялись от меня. Прежде всего начал являться плод в братии, а потом некоторые угнетаемые жестокими скорбями нашли нужду в утешении не актерскими выходками, а истинным духовным учением, и — сблизились со мною. Мало-помалу мое знакомство расширилось: составился круг, в котором господствует милая, искренная, образованная, веселая простота, чуждая всякой принужденности и церемонии. Если Бог приведет меня снова водвориться в Петербурге и Сергиевой Пустыне, то поехав туда, ты найдешь людей, которые встретят тебя с

отверстыми объятиями; особливо вы сойдетесь с Баронессою Фридерикс, с которою у вас есть сходство и которая мне — преданнейший человек. — Общество же политическое собирается у меня редко, и его можно удобно избегнуть. — По моей болезненности, по прекрасному климату, по уединению Бабаевской обители — не надо бы лучше места для жительства моего; к тому же о. Игумен предобрый человек, и все братия, начиная с него, меня очень полюбили и пламенно желают, чтоб я здесь остался. Но в Петербурге любимых моих гораздо больше, — сильнее и разумнее любят. Что Бог даст! Отдаюсь на Его волю.

Александра Александровна чувствует себя здесь очень хорошо, теперь собирается ехать. Мои, т. е. Стефан и Николай, благодарят за варенье и сверх того для подробных изъяснений благодарности надеются лично явиться. — В здешней Губернии, близ Соль Галича, устроены соляные ванны, которые очень полезно принимать по изгнании простуды: если б я остался здесь, то отправился бы летом на эти соляные воды. Что делать, прожил в монастыре, истратил жизнь свою, не так как понимал ее, но как привелось, под влиянием людей, вовсе не знающих ее. А теперь не хотелось бы в Питер, климат которого отяготителен для моего слабого здоровья, с езуитами и актерами которого я никак не могу согласить моего поведения грешного, но имеющего целию существенное.

Димитрию Тихоновичу — мой всеусерднейший поклон: буду очень счастлив, увидев его в недре его благословенного семейства. По карточке я вижу, где Ивашево. Из Покровского, с балкону кабинета, надо глядеть на него чрез Никольское озеро.

Призывая на тебя и на чад твоих благословение Божие, с чувством сердечной о Господе любви остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
6 марта 1848 года

[1] Господь сказал, чтоб и милостыня, и пост, и молитва были в тайне, чтоб собственная шуица не знала, что творит десница.

№ 19

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Благодарю тебя за добрейшее письмо твое. Здоровье мое поправляется, но не поправилось еще вполне: простуда продолжа-

ет выходить то испариною, то сыпью, то опухолями, то посредством желудка. С наступлением теплой погоды это разложение, кажется, усилилось. — Болезнь и другие занятия оставляют меньше времени, нежели сколько оставляли его прежде, для занятия сельским хозяйством. Рожь и первые посевы ярового взошли хорошо, равно как и сеянные травы. Обыкновенно в здешнем краю в весь май стоит засуха, а ныне, напротив, перепадали дожди, отчего растительность получила сильный ход. Я писал к Батюшке краткое поздравительное письмо к дням его рождения и Ангела, на которое получил очень ласковый ответ.

Из особенной ласковости этого ответа я увидел, что молчание мое было понято. Теперь забываю все прошедшее.

Многие хлопоты препятствуют мне похлопотать о издании Иосифа, которое на первый случай встретило неудачу. Если невозможно будет его напечатать, то велю переписать для тебя. А между тем прилагаю здесь брошюрку, под названием «Кладбище». Ее написал я на пути из Вологды в Петербург — в то время как остановился на дороге отдохнуть денек в Николаевском Старо-Ладожском Монастыре.

Призывая благословение Божие на Тебя, на многоуважаемого и многолюбимого мною Димитрия Тихоновича и на милейших детей твоих, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший друг и брат

Арх<имандрит> Игнатий.

16 мая 1848 г.

№ 20

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна! Благодарю Милосердого Господа, сподобившего меня посетить благословенный дом Ваш и насладиться в нем утешением духовным: твоим благочестием, благочестием супруга твоего и милым благочестием детей твоих. Божие благословение да осенит дом Ваш, да излиет на него все блага и да сохранит его от всякого зла.

Путешествие мое я совершил благополучно, хотя и не без утомления: три раза останавливался для ночлега. При последней остановке, — в Старой Ладоге, ночевал две ночи и провел почти два дня для отдыха. Приехал 31-го Мая в монастырь, в час пополудни. Все приняли мирно, многие радостно, некоторые дружески. Теперь отдыхаю, делаю те посещения, которые предписывает делать обязанность. Видел Баронессу Фридерикс, рассказал ей о тебе и, что, может быть, ты побываешь сюда. Потом был

разговор о дружбе, как мало в нынешнее время друзей. Тогда добрейшая Баронесса воскликнула: <...>. Вот какие чувства заблаговременно вселяются в душу ученикам Христовым. Только та дружба истинна и крепка, которую основывает и скрепляет Христос.

Письмо мое к Димитрию Тихоновичу потрудись переслать в своем.

Христос с тобою и с милейшими чадами твоими.

Недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

1848 года июня 9-го дня

Серг<иева> Пустынь

№ 21

Любезнейший Друг и Брат!

Димитрий Тихонович!

Сердечно радуюсь, утешаюсь, что нашел в душе Вашей соотношение к душе моей: искренность, прямоту, желание быть полезным для ближнего и желание служить Богу по уставам Восточной Церкви, единой истинной и святой. С наслаждением воспоминаю о тех приятнейших часах, которые я провел под кровом Вашим. Да прольется благословение Божие на Вас, на чад Ваших, на весь дом Ваш!

Конечно, письмо мое застанет Вас в дороге. Каково идет лечение Ваше? Мне дорога и наступившее теплое время принесли чрезвычайную пользу. Доктор мой, увидя чрезвычайную перемену во мне, советует продолжать употребление настойки до совершенного окончания брожения. Во все время путешествия моего я пил ее. Теперь потею очень мало, а только чувствую стремление дурных соков по всем жилам к желудку, также чувствую укрепление всех нерв и членов. Желаю, чтоб путешествие принесло Вам такую же пользу, какую оно принесло мне.

Призываю благословение Божие на Вас и на милейших чад Ваших, с чувствами сердечного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть

Ваш покорнейший слуга и брат

Архимандрит Игнатий.

1848 года Июня 9-го дня

Сергиева Пустынь

№ 22

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Добрейшее письмо твое и таковое же Димитрия Тихоновича от 20-го июня я получил 29-го. С сердечным утешением воспоминаю о Вас: считаю себя счастливым, что Бог привел меня побывать под благословенным кровом Вашим. Я был утешен сугубым утешением: увидел родственников по крови и родственников вместе по духу. Здесь посещают меня два отличные доктора, которые, по слухам, о моем лечении сассапарелью были против него, а теперь, увидев действие ее над мною, сделались за нее. Мое лечение, кажется, подходит к концу: боль в ногах окончательно уничтожается, желвак, скопившийся под затылком, облегчается, освежает голову и уже начал очень уменьшаться. На днях был со мною особенный кризис, от которого я пришел в чрезвычайную слабость, после которой разрешились многие боли и я чувствую значительное облегчение. Кажется, и Димитрию Тихоновичу нечего опасаться случившейся слабости: она обыкновенно предшествует разрешению застаревших болей. На днях посетил меня мой добрый знакомый, помещик Калужской Губернии Полковник Благов: увидя мой образ лечения, он передал мне, что и он лечился точно также сассапарелью от застарелых ревматизмов, вылечился совершенно, помолодел, теперь не боится никаких сквозных ветров, а чувствовал при лечении все те же перевороты, которым и мы подвергаемся. — Делаю моцион: хожу по хозяйству. Утешительна прогулка по этому хозяйству! Точно — усовершенствование пашни великое дело! Рожь в Сергиевой пустыне — точно лес, частый, пречастый лес; кажется ни одной посторонней травинки нет в этой ржи. От основательной пашки хлеб не боится ни вымочки, ни вымерзания, ни плевелов. Овес тоже — подобен лесу. Покос роскошный. Основательное хозяйство верный и приятный источник доходов: но для приведения его в порядок нужен труд и время.

13-го июня представлялся я в большой Петергофской придворной церкви по окончании литургии Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице. Они были чрезвычайно ко мне милостивы. По окончании представления, при котором Государь Император осыпал меня многими выражениями милости своей и внимания, — Государыня Императрица необыкновенно кротким и величественным

голосом своим говорит мне: «чрез час будьте у меня в Александрии». В этом чудном чертоге своем Государыня Императрица изволила принять меня в своей гостиной; при ней была одна Александра Иосифовна, нареченная невеста великого Князя Константина Николаевича, которая чрез четверть часа ушла. Могу только сказать, что Россия должна благодарить Бога за всех членов Царской фамилии: они исполнены Ангельской доброты. Дай Бог, чтоб продлилось благоденствие России, пред которым теперь благоговеет и которому завидует вся Европа. — В Петербурге холера сильна; были небольшие волнения в народе: но Государь Император явил при этом случае всегда живущее в Нем величие души, пред которым умолк и преклонил колена народ. — Извини, что мало пишу: все время отнято лечением и заботами. Димитрию Тихоновичу свидетельствую мой дружеский, братский поклон, от всего сердца благодарю за его искренное, родственное, дружеское письмо. Особенным письмом не беспокою, не желая обременить его лишнею перепискою, полагая, что пиша к тебе, — пишу и к нему. Милейших Петю и Соню целую. Благословение Божие да осеняет и хранит всех Вас.

Ваш преданнейший друг и брат

Архимандрит Игнатий.
1848 года, июля 1-го дня
Сергиева Пустынь

(На обороте письма от 1 июля 1848 г.)

Ваше Превосходительство
Елизавета Александровна!

Приношу Вам сердечную благодарность за воспоминание о мне в письмах Ваших к Батюшке. Давно собирался к Вам писать, но хлопотливое мое послушание отымает время для этого занятия, и потому извините меня за эти скудные строки, в которых приношу Вам чувствительную мою благодарность за память и за любовь милых Ваших Ангеликов-детей, которых от искренности души мысленно целую. Потрудитесь, Елизавета Александровна, засвидетельствовать от меня глубочайшее почтение и уважение Его Превосходительству Димитрию Тихоновичу.

С истинным почтением, остаюсь
Вашего Превосходительства покорный слуга

Николай Рудовский.

№ 23

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Письмо твое от 19-го июля я имел истинное удовольствие получить. Точно, в сравнении с другими губерниями, холера в Вологде действовала меньше. Здесь она свирепствовала короткое время; теперь становится тише и тише. При начальных признаках холеры, как здесь доказал опыт, чрезвычайно помогают капли пиперментной мяты и гофманские. При ощущении тошноты и головокружения должно в полрюмке воды растворить пять капель тех и других, всего десять. Если тошнота не уймется, чрез пять минут повторить прием. На животе носят набрюшники шерстяные; остерегаются употреблять в пищу все сырое, также хранятся от пищи и пития очень холодных. Кто ведет себя таким образом, — не подвергается холере; подверглись ей наиболее не сохранившие диеты и простудившиеся. — Относительно себя скажу: чувствую себя очень слабым, но вместе исцеляющимся. Многие советуют прекратить употребление сассапарели по причине приближающихся осени и зимы, без чего необходим будет в течение всей зимы безвыходный затвор. Не знаю, возможен ли для меня этот затвор? Я прекратил бы сей же час употребление сассапарели — так все члены оздоровели, но в голове лекарство еще сильно действует, очищая глаза и извлекая ощутительно из всей головы простуду. Головные болезненные мокроты стягиваются в образовавшийся на затылке желвак, в котором действие подобно природной фонтанели, только не открытой, а закрытой; из нее мокроты опускаются в желудок или выходят испариною. Посмотрю!.. Очень благодарен Вам, что, быв в Покровском, Вы умолчали о некоторых подробностях, мною Вам описанных: я их описал тебе по чувству дружбы, а не для того, чтоб этим кто-нибудь потщеславился и тем осквернил Богом данное добро. — И я того мнения, что Димитрию Тихоновичу лучше отложить путешествие в Мезень до будущего года, если можно. Мне советуют принимать по окончания лечения сассапарелью соленые ванны для укрепления, — класть в них соли — в первую 10, во вторую 15 и так далее, прибавляя на каждую ванну по 5-ти фунтов и доводя до пуда. Все, что мне будет приносить пользу, буду сообщать Вам, истинным друзьям моим. — Конец странички и конец беседы о телесном.

Бог смотрит на произволение человека. От нас зависит иметь благое произволение, Бог дает средства и силу привести благие

намерения в исполнение, если Ему угодно, чтоб благое намерение человека было осуществлено самым делом. — При раздаянии же мзды принимают равную плату, и понесший всю тяготу знойного дня жизни земной и, так сказать, только посмотревший в единонадесятый час на работу духовного виноградника. Святые книги, составленные Святыми отцами Православной Церкви, суть в наше время единственная стезя, по которой можно добраться к истинному свету — Христу.

Апостол говорит, что в его время было много лжеучителей; что ж сказать о нашем времени? Разве то, что в наше время число лжеучителей бесконечно расплодилось, расплодились зараженные лжеучением и сообщающие лжеучение; страшно расплодились книги, содержащие и сообщающие лжеучение. Превосходно положиться относительно судьбы своей на Бога и пребывать в добрых делах, соответствующих настоящему положению каждого.

Очень сожалею о состоянии сестры Александры Александровны. Только я не советовал бы ей никак идти в монастырь, где неминуемо должно подвергнуться своего рода неприятностям. Эти неприятности приносят большую душевную пользу, и называются монастырскими искушениями; но чтоб переносить их — надо иметь и нравственные и отчасти телесные силы. Те и другие у нее отняты.

Лучше жить на Маслине, если это возможно и продолжать занятие вещественною милостию, за которую есть своя мзда. И по уму своему она не способна к монашеской жизни, для которой нужен ум простой, прямой. А ее ум наполнен самосмышлениями и подозрениями! «Таковые, — сказал Святой Иоанн Лествичник, — ниже след безмолвия да видят», потому что они легко могут при созерцательной жизни впасть в умственное заблуждение, тягчайшее из всех. Таковые да спасаются в обществе людей вещественными добрыми делами.

Желаю Тебе, Димитрию Тихоновичу, милейшим детям твоим всех истинных благ! Часто воспоминаю о Вас! Ваше простое, уединенное, милое Ивашево мне очень понравилось. Образ Вашей жизни мне очень понравился! А отношение Ваше ко мне — мое сокровище.

Благословение Божие да почивает над Вами. Потрудись передать Анне Андреевне мой усердный поклон и мое недостойное благословение.

Душой Вам преданный брат

Архимандрит Игнатий.
1848 года, июля 29-го дня

№ 24

Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Письмо твое от 3-го августа я получил сего 13-го; из него вижу, что Вы не получили моего ответа на последнее письмо Ваше. Затерялось ли оно, или кто перехватил его — в обоих случаях неприятно: потому что я, написав и отправив письмо, тотчас забываю что в нем было написано. А помнится только то, что я Вам написал подробное письмо с приложением некоторых замечаний о холере.

Продолжаю употреблять сассапарельную настойку, которая привела меня в конце июня в крайнее расслабление, это расслабление продолжалось в течение всего июля месяца, сопровождалось сильною испариною и сыпью. С первых чисел августа чувствую себя крепче; появился и аппетит, хотя в весьма умеренной степени; в июле я почти ничего не мог есть. Не знаю — чему приписать эту перемену, действию ли сассапарели, или действию «гарлемских капель»; вероятно, действовало то и другое. Но и «гарлемские капли», которые я начал принимать с 1-го августа, помогли и помогают очень много, содействуя действию сассапарели. Тело мое очень окрепло; лицо и глаза получили особенную свежесть; но ревматизм, давно и глубоко вкоренившийся в мое тело, еще не уступил совершенно продолжительному и томительному лечению.

Имел я совещание о своем состоянии с тремя докторами, из которых два — старший доктор Лейб-гвардии конного полка Карель и помощник управляющего Придворною медицинскою частию Действительный Статский Советник Сахаров — считаются одними из лучших, умнейших докторов. Последний сам в ревматизме. Все они одобряют мое лечение; все признают, что никак не должно мне останавливать своего лечения, но должно продолжать его до совершенного излечения, что срок употребления декокта назначается не для хронических болезней, при которых невозможно измерять степень повреждения человеческого тела, а потому невозможно и определить срока лечению. Решаюсь последовать этому совету: лечиться до совершенного излечения. На которое имею надежду, хотя б пришлось сидеть взаперти всю зиму. Я теперь не выхожу на воздух, увидев из опыта, что это лучше: ревматические боли, переходящие от внутренних частей тела к его поверхности, сделали эту поверхность очень чувствительною, особливо не терпящею никакого ветра.

Когда значительно убавятся или совсем пройдут желваки, советуют мне принимать соленые ванны, всыпая в ванну не менее 25 фунтов соли: это — то количество разных солей, которое в себе заключает ванна из морской воды. Ванны (тепленькие) считают необходимым средством для укрепления и для окончательного извлечения ревматизма на поверхности тела. — Вот подробный отчет моего лечения, который может быть полезным и для соображений при твоем лечении. Полагаю, что «гарлемские капли» могут принести особенную пользу для твоей сердечной боли: если на сердце есть какие ранки или другие повреждения — гарлемские капли, содержащие в себе множество смолистых и маслянистых частей, исцелят их; они действуют прекрасно на желудок, уничтожают запор; вреда, во всяком случае, никакого не могут сделать. Я принимаю их дважды в день, от 20 до 30 капель в прием. Если б нашелся случай, я бы счел за особенную приятность переслать тебе некоторую пропорцию этих капель, которые и здесь, настоящие, можно достать только в двух местах: в аптеке Имзена и в Ниренбергских лавках. — Холера здесь совершенно прекращается: у нас в монастыре отлично помогали «капли», которых рецепт при сем прилагаю. Только что начнутся с кем-либо холерные первоначальные припадки: тошнота, понос, боль под ложкою — даже рвота и судороги, — даем тотчас этих капель, чрез пять минут не последовало облегчения, прием повторяется; чрез пять минут еще повторяется. При этом хороша теплая комната, чай из перечной мяты, теплые салфетки на живот, бутылки или кувшины из-под зельцерской воды, налитые горячею водою и обвернутые в салфетки: ими обкладывают больного. Появление испарины есть признак прервания холеры. — Николай Федорович Арндт жив и пользуется лучшим здоровьем. Перцовку употребляют здесь иные для натирания, и то редкие, а употребления ее внутрь признано всеми превредным.

Опять жалею — если мое последнее письмо пропало! Оно было подробное; а что в нем написано, право, забыл; много было написано о холере и о настоящем моем лечении.

За тем! — призываю на Вас благословение Божие: будьте здоровы и благополучны.

Ваш преданнейший друг и брат

Архимандрит Игнатий.

1848. 14 авг.

Николай благодарит за воспоминание; он писал к Вам большое письмо: неужели и оно пропало?

№ 25

Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 27-го августа я получил. Теперь вижу, что как я получил сполна все ваши письма, так и вы получили сполна все мои письма. Сего дня твое тезоименитство! Поздравляю Тебя и желаю тебе всех истинных благ, временных и вечных. Сегодня минул год, как я начал пить сассапарель. В течение августа месяца произошло со мною много перемен; полагаю таковым переменам много споспешествовали гарлемские капли. Мой доктор говорит мне: «вы непростительно согрешите, если прервете употребление сассапарели, прежде совершенного излечения, к которому уже столько приблизились». Желвак, находившийся у меня под затылком, значительно уменьшился, сделав свое дело, т. е. оттянув из головы большую часть простудных мокрот. С 1-го сентября начал принимать соленые ванны; уже принял три. В первые две положено было по 10 фунтов соли, в третью — 15. Мой доктор находит, что непременно надо дойти хоть до 25 фунтов соли на ванну. Ванны принимаю на ночь, они содействуют действию сассапарели: производят ночью сильнейшую испарину, при которой переменяю белье раз шесть в ночь; также очень умножают брожение во всем теле. Лицо мое и глаза получили особенную чистоту. Вот в каком положении мое лечение!

Очень рад послужить Вам при закупке вина; пожалуйста, укажи на человека и на средства, при которых бы с верностию можно было переслать вина. В нашей Пустыне, в Пустыне шумной и многолюдной сделалось потише. Высочайшая фамилия переехала из нашего соседства из Петергофа в Царское Село. Скоро начнут переезжать аристократы с дач своих в Петербургские свои палаты на зимовье: тогда сделается у нас еще тише. Сопутствовавший мне в Бабайки о. Стефан пострижен в мантию и переименован Симеоном. Пострижение совершалось после вечерни в присутствии Великой Княгини Марии Николаевны, Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей и Принца Ольденбургского. По окончании пострижения все Высочайшие Особы пожаловали ко мне на чай. Государыня Императрица пред отъездом своим также посетила обитель нашу и мои келлии. — Знакомая твоя, Горчакова, слышал я, живет здесь в соседстве. Но я по причине моего лечения, особливо в июле месяце, когда был очень слаб, — почти никого не принимал, исключая коротких и

давнишних знакомых, которых много и которые вполне похищают все свободное от леченья время. При таком моем положении, которое в околодке известно, человек, не имеющий особенного побуждения познакомиться, а только так, — не захочет, чтоб об нем мне доложили и услышать отказ, что очень легко может случиться при моем лечении.

Будьте здоровы и благополучны! Димитрия Тихоновича дружески обнимаю, милейших детей целую. Благословение Божие да почивает над Вами.

Ваш преданнейший друг и брат

Архим<имандрит> Изнатий.
1848 года сентября 5 дня

№ 26

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Извини меня, что я не писал к Тебе так долго: стеклись разные обстоятельства и вихрем пронеслось время. Продолжаю соленые ванны, от которых чувствую большую пользу; но при принятии их очень меня перерабатывает. Еще никуда не выхожу из комнат. А скоро придется ехать в северную столицу, в которой я не бывал с июня месяца.

Митрополит Антоний скончался 16-го ноября: на место его возведен в сан Митрополита Никанор Варшавский, которого на днях ожидают в Петербург: надо будет ему представиться. Никанор — с хорошими качествами ума и сердца. Мой род жизни здесь был бы также уединен, как и в Бабаевском монастыре, если б не тревожили посетители, которые отнимают и время, и утомляют меня донельзя. Получил я известие, что наконец «Иосиф» пропущен цензурою: предполагается напечатать его отдельно и в журнале «Библиотека для чтения». Здесь, по болезни и развлечению, писал я очень мало. Несмотря на то, что чувствую себя гораздо лучше, меня очень-очень вертит при высвобождении от мокрот, — и когда производится это высвобождение, лежу на постели целые дни как полусонный; идет сильная мокрота и из глаз, и из носу, с болью. Вот мое настоящее положение!

Очень желаю, чтоб вина пришли к Вам благополучно: сорты превосходные, особливо херес и марго. И чем дольше они будут стоять, тем будут становиться лучше. Кажется, я писал, что надо бутылки становить горлышком вниз, разумеется, в песке. Брат

Миша был у меня в день своего Ангела, а супруга его посетила меня вчера: задумывают переезжать в Вологду, если Батюшка согласится им отдать должным образом Корбанку. Да еще бы очень не мешало получить какую-нибудь должность в Вологде. Миша добр донельзя.

Нынешний год пробую первый раз золу для земледелия: посыпал ею торфяной участок сеянной травы и такой же небольшой участок, приготовленный под овес: посмотрю, что будет. У нас овес родится такой высокой, и так много овсяной соломы, которою кормим коров! Если зола удастся для удобрения — прибавим посев овса: он может быть выгоднее сена и удобнее для сбыта; при умножении овсяной соломы можно прибавить коров, а потому и посев ржи. Прекрасно оканчивается одна из монастырских затрапезных молитв: «Да всегда всякое довольство имуще, преизобилуем во всякое дело благое о Христе Иисусе Господе нашем».

Призываю на Тебя, на добрейшего Димитрия Тихоновича, на милых детей Ваших благословение Божие.

Вам преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.

23 ноября 1848 г.

№ 27

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

От всей души поздравляю Тебя и добрейшего Димитрия Тихоновича с наступившим Новым Годом, который желаю Вам препроводить в совершенном здравии и благополучии. Очень рад, что вина Вам понравились: и здесь эти вина в редком доме можно найти. Этот сорт вин у Елисеева лучше, чем в Английском магазине. Цельное марго укрепляет силы, в особенности если пить его с водою, с такою прекрасною водою, какова Ваша.

Здоровье мое значительно и быстро поправляется: чувствую особенное укрепление сил и свежесть. Теплая комната, которая была прежде для меня совершенною необходимостию, теперь невыносима: и тело и дыхание жаждут свежего, прохладного воздуха. Впрочем, я — еще не вылечившийся, а только выздоравливающий. Продолжаю принимать соленые ванны в 26-ть градусов однажды в неделю, изредка принимаю сассапарельную настойку, смешивая ее с жизненною эссенциею, в которую у меня

прибавлено 6 золотников резины слановой на штоф, от чего очень чистится желудок. Вот состояние моего лечения.

А отличительным признаком состояния душевного то, что мне донельзя опротивела жизнь в шумной Сергиевской Пустыне, на этом аристократическом кладбище. В Бабаевском монастыре я сделался очень весел; а здесь это состояние, беззаботливое и легкое, оставило мою душу: я перешел к состоянию осторожности, которого требует здешнее место, подверженное бесчисленным и вовсе неожидаемым интригам. Напечатание «Иосифа» очень мнется и едва ли состоится: потому что цензор, к которому попалась эта статья, очень несведущ в литературе и хочет изменить слог прибавкою множества слов, самых безобразных, а я не соглашаюсь на такое изменение. Не знаю, смогу ли при помощи других литераторов уломать цензора, в противном случае повесть не может быть напечатана.

Затем — желаю Вам всех истинных благ, призываю на Вас благословение Божие и остаюсь навсегда

Ваш преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1849-го года, января 3-го

№ 28

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Давно лишен я был сердечного удовольствия писать к тебе: все досуги, оставляемые болезнию, поглощаются многими заботами, сопряженными с лежащею на мне обязанностию. Семгу-Печору получил: премного благодарю за нее, и мне и посетителям моим она очень нравится. Теперь речь о здоровье и лечении.

Продолжаю принимать в неделю, а иногда в две недели соленую ванну: хроническая простуда разрешается и разрешается, но очень медленно. Чувствую внутри чрезвычайное облегчение; остающиеся еще боли суть боли наружные. Употребляю для втирания чистый деготь и на ночь надеваю на ноги носки, в которые вкладываю устилки из бересты. Действие и дегтя и бересты, из которой гонится деготь, превосходное: очень согревается тело и оттягиваются мокроты от головы. Чувствую брожение во всем теле: при таком слабом здоровье жить бы не в Сергиевской Пустыни, а в каком-нибудь более уединенном, спокойном и здоровом месте. Но надо жить там и так, где и как приводит Промысл

Божий, непостижимый для ума человеческого, — жить, предаваясь воле Божией и благодаря Бога за бесчисленные Его благодеяния, на нас изливаемые.

Новый Митрополит очень добрый человек: при нем надеюсь жить спокойнее, и прежде я был с ним несколько знаком. По этой причине и по многим другим обстоятельствам я признаю, что Богу угодно, чтобы я побыл Ему известное время в здешних краях. При некотором облегчении от недугов, можно сыскать и здесь минуту заняться своею душою. Может быть, Бог даст возможность, при занятии должностию, приготовить себе приют, более спокойный, чем Бабаевский монастырь. Говорят Святые Отцы, что к безмолвию должно приготовить себя перенесением бесчестий. Этих бесчестий испил я полную чашу по приезде сюда: многие, в числе их давние мои знакомые, требовали, чтоб по приезде моем я начал немедленно служить, принимать всех; а со мною сделались необыкновенные пароксизмы, при которых испарина лила рекою и я был в состоянии только лежать. Злоба была так сильна, что постарались обвинить меня пред Высочайшею Фамилиею; но они, зная, что я пред ними был много раз оклеветан напрасно, не обратили на новые клеветы внимания, а были столько милостивы, что выслушали мое объяснение. Этому не должно удивляться: каждый, желающий спастись, подвергается разнообразным искушениям — и блажен он, если за скорби свои благодарит Бога. Признак призвания Божия во спасение — скорби. Кого Бог возлюбит и захочет сделать Своим, тому посылает скорби, того умерщвляет к любви мира скорбями. Так смотри на Твои скорби, на твою продолжительную болезненность. Господь да дарует тебе терпение. Димитрия Тихоновича братски обнимаю, милейших Петю и Софию целую.

Тебе преданнейший брат

А<рхимандрит> Игнатий.

22 февраля 1849 г.

Симеон и Николай свидетельствуют истинное почтение и преданность.

№ 29

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Приношу Тебе совершенную благодарность за присланную Печору, которая прекрасна, но с которою случилась презабавная история: Ты ее переслала к Лаптевой, а Лаптева передала

Екатерине Александровне Моллер для доставления мне. Получив от Моллер предоброе письмо, я написал ей ответ и в то же время ответ Тебе, но, недоглядев, положил письма не в те конверты, почему и пошло к Тебе письмо, которое было писано для Моллер. Потрудись переслать это письмо мне. Здоровье мое лучше и лучше: но брожение продолжается еще во всем теле. При исправлении должности, особливо столько хлопотливой как моя, лечение презатруднительно. Только что лекарство начнет действовать, причем покой необходим, — неожиданно предстанет неизбежная нужда или принять какое-нибудь почетнейшее лицо, или служить, или выехать. —Всепокорнейше благодарю за рыжички и грузди, каковых здесь трудно найти. — Сердечно утешаюсь участием, которое Вы принимаете во мне: точно, здешняя жизнь, сопряженная с беспрерывною рассеянностию, лишает многих плодов, которые можно б было пожать в уединении. Но — что делать: живешь не так как хочется, а как приходится жить. К тому ж в настоящее время монастырю нашему присуждено процвести в наружном отношении и встать наряду с первейшими обителями России. Некоторый Петербургский купец расположился выстроить при монастыре обширную и великолепную каменную гостиницу и развести при ней англинский сад. Другой благотворитель хочет принять значительное участие в устроении ограды, которая должна обнять монастырь на пространстве версты. При нынешних обстоятельствах, когда при монастыре нет почти никакого пристанища, он получил в нынешнем году до 11-ти тысяч серебром от молебнов и панихид и до 10-ти тысяч серебром за свечи: что ж будет при обширной гостинице, снабженной всеми удобствами? — А эти материальные улучшения приносят мне еще более хлопот. То много поддерживает, что Митрополит — ко всем очень добр, а в ряду с прочими и ко мне. Для иноческой жизни нужен мир, а с отъявленными мошенниками иначе невозможно сохранить мира как бегством от них, как удалением от должности, в которую они вмешиваются лукаво и злонамеренно, и искажают дело, представляя исказителем подчиненного им и ненавидимого ими действователя. Не знаю, отчего брат Семен переменил вдруг намерение свое поместиться на службу в Петербург? Дело его было так облажено; об нем спрашивают очень часто — и мне очень мудрено отвечать на эти вопросы. Думают, что здесь просьба ничего не значит! Она очень дорого стоит: надо за нее принести много душевных пожертвований, не говоря о вещественном расходе.

Христос с Вами. Поздравляю Вас с наступающею Пасхою и обнимая всех, остаюсь навсегда

Преданнейшим другом и братом

Арх<имандрит> Игнатий.

1849, 15 марта

№ 30

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 17-го июня я получил сего 25-го. Здоровье мое вообще гораздо в лучшем состоянии; путешествие по монастырям совершил я с особенною легкостью, несмотря что погода была очень дождливая и холодная. По приезде в течение недели чувствую себя дурно. Причиною того полагаем, как я, так и мой доктор, продолжающееся разложение моей простудной болезни.

Лекарств никаких не принимаю, а пользуюсь изредка теплыми ваннами в 27°С. Не знаю, буду ли я принимать холодные ванны. Полагаем, т. е. я и мой доктор, дождаться окончательного разрешения болезни, и уже после него, если дарует его Бог, приняться за укрепляющие средства, и преимущественно за холодные ванны. А в настоящем моем положении холодная ванна легко может произвести новую простуду. От брата Семена Александровича получил извещение о его помолвке. Дай Бог ему счастья. Очень справедливо Ты говоришь, что желала бы меня опять видеть в каком-либо пустынном месте, подобном Бабаевскому монастырю. Здешняя суета тяготит меня безмерно, отнимает все время, попирает все духовные размышления и ощущения, только что они явятся. Но надо потерпеть; в настоящих обстоятельствах новая попытка на удаление из Сергиевой Пустыни невозможна. Я, когда просился на покой в Бабаевский монастырь, то не знал, что вся моя болезнь заключается в простуде — это мне объяснил один доктор в Москве. Узнав болезнь свою, я буду искать удаления, конечно, в теплый климат — в Киев, например.

Теперь моя жизнь в здешних местах совершенно бесполезна, а в хорошем климате, поукрепясь, я мог бы написать много полезного для ближних. Занимаюсь ныне составлением книги *Последование Христу* в противоположность книге, написанной в недре Западной Церкви и сперва осужденной этой Церковию — в противоположность книге *Подражание Христу*. Этот труд шел в Бабайках очень споро, но здешняя рассеянность совершенно —

противоположна занятию, состоящему в подробном рассматривании глубоких и тонких ощущений и помышлений человеческих. Моим временем распоряжаются болезнь и рассеянность и вполне отнимают его у занятий полезных. — Весь июнь месяц шли беспрестанные дожди; с 24-го установилась ясная погода. И хлеба и травы очень сильны, но в сравнении с прочими годами малорослы и молоды. Тому причиною стоявшие холода, которыми сопровождались дожди. В местах, заслоненных от солнца, до сих пор еще цветет сирень. Новый Митрополит продолжает быть добрым ко мне, и вообще многие, бывшие очень нерасположенными, сделались гораздо мирнее.

За тем — призывая на Тебя, на почтеннейшего Димитрия Тихоновича и на милых детей Твоих благословение Божие, остаюсь навсегда

Преданнейшим тебе братом и другом

Арх<имандрит> Игнатий.
1849, июня 27-го дня

№ 31

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

На днях писал я к Тебе о семенах, а теперь отвечаю на письмо Твое о Саше Жандр. Думаю, лучше сделать это дело чрез Мишу, который по силе своей печется о Саше и которому будет прискорбно, если Вы сделаете мимо его. Директрисса Родзянко была недавно у меня и говорила о Саше, что ее здоровье не поправляется, что очень бы хорошо было взять ее на лето в деревню. Но вопрос — куда? И по выходе из института неловко ей возвращаться к матери. Саша будет в летах, и впечатления будут действовать сильнее; в таком случае болезнь матери легко может перейти к дочери. Поэтому Миша и супруга его, как бездетные, намереваются взять Сашу к себе. Дела Миши идут теперь лучше, а со временем могут пойти еще лучше; он чрезвычайно добр.

Бог да благословит Димитрия Тихоновича за внимание его к сироте, и да утешит его за это счастием детей его. Желающий Тебе и семейству твоему всех благ

Преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
16 ноября 1849 г.

№ 32

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Сегодня получил я письмо Твое от 27-го ноября и спешу отвечать на него. Вы сделаете, может быть, благодеяние Саше Жандр, взяв ее к себе на лето. Говорю: может быть, потому что очень сумнительно, чтоб, проведши только одно лето в деревне, она получила облегчение в своей болезни, которой доктора понять не могут. Но чтоб принесла ей поездка и какую-нибудь пользу, то непременно надо устранить ее свидание с матерью. Директрисса была у меня в октябре: и ее мысль, чтоб Саша провела лето в деревне, следовательно, в отпуске никакого затруднения быть не может. Тогда распорядишься, как Тебе будет угодно: или напишешь к Директриссе письмо чрез брата Михаила, упомянув, что на него возлагается отправление в дорогу Саши, или же просто чрез Мишу. — Относительно Александры Александровны, то для нее нет лучше места, как Вологодский монастырь: во-первых, нигде столько ей не будут снисходить, как тут, во-вторых, нигде она не будет менее нуждаться как тут. Только надо родственникам быть благоразумными и не посещать ее часто, особливо тем, которые себе усвоили сильное нервное влияние на нее. Под моим благочинием имеется монастырь, но содержание в нем очень дорого; сверх того, носятся слухи, что я получу другое назначение и очень легко может быть, что оставлю Петербург, чего очень желаю. Следовательно, по всем обстоятельствам ей нужно избрать в место жительства Вологодский монастырь. — На днях надеюсь получить вышедшее в печать небольшое сочинение мое «Чаша Христова», которого несколько экземпляров надеюсь прислать Тебе. — Приложенное письмо потрудись передать Александре Александровне.

Призывая на Тебя, на бесценного Димитрия Тихоновича и на милейших детей Твоих благословение Божие, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший друг и брат

Архимандрит Игнатий.

1849 года, декабря 7-го дня

№ 33

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Присылаю Тебе при сем сочинения Святителя Тихона Воронежского, также по желанию Твоему три книжки *Иосифа*;

этого сочинения есть у меня еще несколько экземпляров, а *Чаши* и *Валаамского Монастыря* нет уже ни одного. С наступлением мая наступила у нас жаркая погода; термометр восходит в некоторые дни до 20-ти градусов в тени; яровая рожь уже взошла. Лечусь гомеопатическим способом; лекарства действуют очень сильно и полезно, нисколько впрочем не расстраивая желудка. Если лето будет хорошо, то можно воспользоваться и купаньем: холодная вода начала приносить мне значительную пользу. Наш монастырь, окруженный садами, принял в настоящее время прекрасный вид; Петербург начинает пустеть: все, имеющие возможность, переезжают на дачи; у меня беспрестанный прилив разнообразных посетителей, отнимающих почти все время. К 1-му июня весь шум петербургский переселяется к нам, потому что к этому времени Двор приезжает в свои приморские дворцы.

Призывая на Тебя благословение Божие, дружески обнимая добрейшего Димитрия Тихоновича, целуя милейших детей твоих остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

10 мая 1850 года

Сашу Жандр непременно надо взять из института: ее начальство открыто говорит об этом. Болезнь ее, по-видимому, неизлечима.

№ 34

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Добрейшее письмо Твое от 3-го августа я получил тотчас после возвращения моего из путешествия в Валаамский Монастырь, куда сопутствовал я Митрополиту. К большому утешению моему здоровье мое не пострадало от этого путешествия. Вообще чувствую себя лучше, но вместе с тем вижу, что здоровье мое — складное и склееное, так сказать, — нуждается в большей осторожности и от безделицы может сильно повредиться. Здесь живу очень рассеянно: с раннего утра до позднего вечера утомительные посетители, наиболее из знати, с которыми вести себя надо очень принужденно и скрытно. Таким образом прошло все лето в пустых занятиях; на занятия основательные не имел нисколько времени. Сашу Жандр видел у брата Михаила; по приезде ее

в Вологду получил от нее письмо, на которое, за неимением времени, не отвечал. Потрудись, сделай милость, при свидании передать ей мой усердный поклон и благодарность за ее воспоминание и чтоб не поскучала о моем молчании, которому причиною крайний недосуг. От брата Семена недавно получил письмо, из которого заключаю, что он, удосужившись, может быть, сберется в Петербург на побывку в начале осени. Ныне летом я купался в течение двух недель — столько позволила погода — и чувствую от купанья пользу; но каждый раз тотчас после купанья надевал шерстяную рубашку на час времени: это очень способствует к унятию ревматических болей. Некоторые из братий до сих пор купаются, надевая после купанья шерстяную рубашку, отчего чувствуют значительную пользу и укрепление.

Вот все мои новости, скудные интересы по недостатку деятельности духовной. Почтеннейшего и добрейшего Димитрия Тихоновича братски обнимаю, милейших детей твоих целую, и, призывая на Тебя и на все твое семейство благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

1850 года августа 19-го дня

№ 35

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

Поздравляю тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича с наступающими Праздниками Рождества Христова и Нового Года. Желаю Вам препроводить грядущее лето в благополучии и спокойствии, и в приготовлении к тому вечному году и дню, который ожидает каждого человека. — О себе скажу, что мое здоровье очень поправилось, но еще не совершенно восстановилось, потому что продолжаю потеть по ночам и принужден каждую ночь переменять рубашку раз по шести и более. Пот бывает самый обильный и густой. Лекарств никаких не принимаю. К делу поспособнее прежнего, но все еще плохо работаю; до лечения моего в Бабайках я занимался гораздо более. Родителю вышла награда, которую, вероятно, он теперь уже получил. Может быть это его утешит в его скорбях от толков публики Вологодской, некстати рыцарствующей. Все эти неприятности прейдут. О перемещении Вологодского Губернатора я

слышал; но кем он замещен — не слыхал. Вологодские новости доставляют мне только Вологжане: жителей собственно Петербургских эти новости вовсе не занимают; а Вологжане бывают у меня очень редко. — Рожь моя и озимая и яровая вымолочены: первая пришла сам 11-ть (сеяно 1 $^1/_2$ четверти на казенную десятину); вторая — сам 14-ть. Последней семена первый раз посеяны; а первой раз четвертый. Не угодно ли на семена? В таком случае напиши, с кем прислать; а я челом бью о свежепросольной тресочке. С окончанием лекарств на нее явился аппетит. — Кроме этой и следующую прилагаю просьбу: потрудись навести справку по приложенным письмам, и какое будет по ним решение, потрудись известить. Вероятно, барынька, проживающая в монастыре, сама очень нуждается; а здешние Петербургские так делают добро, по крайней мере очень часто: увидев нагого, сжаливаются и, чтобы покрыть его, снимают последнее платье с другого бедняка, не заботясь о том, что он подобно первому останется нагим; доброе стремление их сердца удовлетворено, они совершили добродетель. В письме изложи ответ поаккуратнее, чтоб я мог показать этот ответ. В провинциях делают добро проще: делятся своим, а не чужим, и не прибегают к аферам для добродетели.

Затем желая Тебе, почтеннейшему Димитрию Тихоновичу и милейшим твоим детям всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1850, 19 декабря

№ 36

Воистину Воскресе Христос!
Любезнейший Друг и Сестра
Елизавета Александровна!

Милейшее письмо твое я получил и сердечно благодарю за поздравление с Великим Праздником праздников — Воскресением Христовым, от души желая, чтоб воскресший Христос совоскресил душу твою в ощущение будущего духовного блаженства, что даруется верующим слову Христову и последующим этому слову наружным и внутренним поведением своим, отвергая слово, учение и требование преходящего мира. Мое здоровье по милости Божией гораздо лучше. Болезнь, приключившаяся в Великий пост, была не что иное, как один из периодичес-

ких кризисов, случающихся со мною раза три, четыре в год, при которых разлагается и выходит моя хроническая болезнь, застарелая простуда.

Очень рад, что Семен поспокойнее; можно надеяться, что впредь еще будет спокойнее. Что делать? Худой мир лучше хорошей брани, а сделанного не воротишь: должно как-нибудь испорченное поправить и посредственное улучшить. Относительно обстоятельств, которые ты видела в Пошехонском уезде, в одном из тамошних приходов, то это почти общее бедствие России; количество священников так уменьшено, что они не имеют возможности исполнять треб, и часто треб самонужнейших. Недавно были у меня помещики с берегов Волги и сказывали, что их приход растянут по Волге и впадающим в нее речкам на двадцать верст; в обыкновенное время священнику очень трудно исправлять требы, а в разлитие вод, продолжающееся у них очень долго, это исправление делается вовсе невозможным. Религия крестьян, так сильно опирающаяся на исправление треб, не только существенно необходимых всем христианам, но даже и обрядовых, должна сильно поколебаться. Прежде я говаривал об этих предметах тем, у кого они в руках, с желанием общего блага; но, увидев, что это принимают с дурной стороны и отвечают мщением и подлыми интригами, я замолчал, вспомня слова Христа Спасителя: *не мещите бисер ваших, да не како поперут их ногами и вращшеся расторгнут вы.* Смыслящих отлично интригу — очень много; а понимающих дело очень мало. Выслуживающихся очень много; а служащих очень мало. Благонамеренному человеку должно ограничиваться добрыми делами в том круге, в который Промысл Божий поставил его; но никак не вмешиваться с советом своим, особливо с замечанием, приводящим в движение чей-либо эгоизм, как бы этот совет и это замечание ни были верны и благонамеренны.

Прими на себя труд поздравить от меня с Великим Праздником почтеннейшего Димитрия Тихоновича. Обнимаю милых детей твоих и, желая Тебе всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

1851 года апреля 25-го дня

№ 37

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Получив Твое письмо из Москвы от 13-го февраля, я немедленно написал к Митрополиту и благодарил его за милостивое внимание к Тебе и ко мне. Точно он искренне любит меня, и, судя по наружности, я много потерял, будучи лишен его покровительства; но, судя духовно, нельзя не признать тут действовавшего Промысла Божия, даровавшего мне совершить мое земное странствование по пути тернистому, а не по пути тленных преуспеяний, почти всегда очень вредных для души. Вот образ мыслей, успокаивающий сердце верою в Бога, действующего превыше самых мудрых соображений человеческих. Умен Филарет, умен как день: но и он устранен Промыслом Божиим от дел земли, чтоб быть вернее сохраненным для дел Неба. Дела и преуспеяния земные вводят в гордость, для отвращения от которых сам Апостол Павел нуждался в попущениях и скорбях.

Желая Тебе, почтеннейшему Димитрию Тихоновичу и милым деточкам всех истинных благ, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1853 года, февраля 19-го дня

№ 38

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Сердечно благодарю Тебя за добрейшее письмо Твое, а равным образом поздравляю всех Вас с великим Праздником Воскресения Христова. Поверь: Твоя тихая жизнь в уединении блаженнее шумной и светлой жизни многих в столице. Твоя жизнь полна, а их — пуста. Множество развлечения рождает множество грехов по причине множества встречающихся случаев ко греху: от таких встреч огражден уединенный. Недаром один Великий Отец сказал: начало зол — рассеянность. Как бы и мне желалось, при преклонных моих летах и слабости здоровья, приютиться в какое-либо уединенное, неизвестное миру, место. Но до сих пор не вижу к этому никаких средств. Буди воля Бога моего, Который знает, что мне полезно. — Мой усерднейший поклон доброму брату Димитрию Тихоновичу: весьма бы мне приятно было, если б он вместо путешествия на Печору предпри-

нял путешествие в Петербург; в таком случае я надеялся бы залучить его на несколько дней в Сергиеву Пустынь. Авось, может быть, придет время, и увидимся; теперь же мне загражден путь в Вологду.

Призывая на всех Вас благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности остаюсь Тебя душевно любящий брат

Архимандрит Игнатий.
1853 года, 29 апреля

№ 39

Христос Воскресе!

Любезнейший Друг и Сестра!

Елизавета Александровна!

От души поздравляю тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича с наступившим Великим Праздником Праздников и желаю всему Вашему семейству всех истинных благ. До сих пор ничего основательного нельзя было узнать о выпуске из Пажеского корпуса; хотя обстоятельства показывали, что должно сделать выпуск, но благоразумие заставляло скрывать это от воспитанников, из которых многие, вероятно, стали бы хуже учиться, занявшись мечтою офицерства. Получив ныне сведения более точные, я спешу уведомить тебя, что Петрушу потребуют в корпус к 15-му августа, о чем Димитрий Тихонович официально будет извещен; по крайней мере таков результат, полученный вследствие собирания по сему предмету сведений, от людей самых верных. Значит, я ожидаю тебя в Петербург! Надо полагать, что воинственный вид столицы скоро пройдет, потому что неприятели очень малочисленны и скорее могут причинить беспокойство на короткое время, чем вред. К тому ж они — морские, и как скоро очистится Финский залив от льда, то надо ожидать немедленно события, которое заставит их отправиться восвояси. Финский залив, наполненный подводными скалами и мелями, не гостеприимен для враждебных флотов.

Призывающий на тебя и на семейство твое Божие благословение,

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
11 апреля 1854 года

№ 40

Любезнейший Братец, Димитрий Тихонович!

Письмо Ваше я получил и приложенную к нему записочку передал Елизавете Александровне. С истинным утешением я созерцал детей Ваших, которым так много дано и природою и попечениями родителей. Совершенно разделяю мнение сестры, что ей надо основаться на жительство в Петербурге, не столько для сына, сколько для дочери, которая именно в Петербурге может составить себе карьеру, самую счастливую. Здесь благовоспитанная девица, с твердыми правилами нравственности и с положительным направлением — величайшая редкость. При таком взгляде на обстоятельства и Вам, почтеннейший Братец, должно подумать о перемещении на службу в Петербург. Вас многие уважают и любят, почему не трудно будет сделать такое перемещение. Перемещением на жительство в Петербург удовлетворятся нужды каждого из членов Вашего семейства; по крайней мере, на мой взгляд, это указывается обстоятельствами с очевидностию.

В надежде увидеться с Вами осенью! Призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Божие, с чувствами искреннейшей преданности и сердечного уважения имею честь быть

Вам преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

21 июня 1854 г.

Стрельна

№ 41

Любезнейший Друг и Сестра

Елизавета Александровна!

Господь кого любит, наказует с милованием: поэтому в скорбях надо благодушествовать, возлагая судьбу свою на Волю Божию. Слабость есть обыкновенное последствие гомеопатических лекарств, следовательно, ей не должно удивляться. Доктор, посещающий Петю, не найдет ли нужным для Тебя слабительное, если сама натура не подействовала. Это бывает очень хорошо после гомеопатических лекарств. Если ж подействовала натура и явилась испарина, то лучше довольствоваться до окончания болезни, и тогда уже принять слабительное. Я постараюсь побывать у Тебя во вторник, также после моего обеда, чтоб посмотреть на Тебя и на Петю. Попал-таки домой. Корь не опасная болезнь — это уже не то, что скарлатина, но надо очень беречься

от простуды. Петербургский климат таков, что все приезжие вскоре по приезде или несколько спустя подвергаются болезням, доколе не приучатся к климату.

Овес вскоре будет доставлен; несмотря на то, что дважды был пропущен в сортовку — куль весит 6 пуд<ов> 30 ф<унтов>. Для Ваших посевов лучше Вам придерживаться методы, заимствованной от англичанина, при которой ваш семянный овес достиг 7 пудов 10 ф<унтов> весу. У нас овес родится очень сильно, потому что земля очень удобрена; а семена удавалось доставать отличные, но они скоро перерождались.

Призывающий на Тебя и на твое семейство благословение Божие

недостойный Арх<имандрит> Игнатий.

18 декабря 1854 г.

№ 42

Любезнейший Друг и Сестра!

Вечером в Благовещение думаю приехать в Петербург, пробыть там вторник и во вторник вечером или в среду утром отправиться назад к Сергию. Прими странника под Твой гостеприимный кров.

Тебе преданнейший

Арх<имандрит> Игнатий.

25-е утром

1855 г.

№ 43

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Очень радуюсь благополучному возвращению Твоему в мирное Ивашево. После всех Петербургских трудов и попечений отдых на родине, в родном климате, принесет тебе и детям несомненную пользу. А к зиме опять надо в Петербург — на подвиг. София Ивановна была у меня до получения письма твоего от 10-го июня. У нас с начала лета были жары и грозы; потом стало холодно, а с сегодня, кажется, опять начинаются уже серьезные летние жары. Против нашего монастыря стоит часть Англинского флота на так называемом северном фарватере; но, вероятно, она ничего не предпримет, или предпримет безделицы: потому что Кронштадт с моря неприступен, а для важного действия на берег у неприятеля недостаточно десантного войска.

Потеря неприятелем при неудавшемся штурме к Севастополю, по скромным показаниям наших, простирается до 15000 убитыми и ранеными, а по сознанию иностранцев до 18 т<ысяч>. Очень не нравятся Англичанам наши винтовые канонерские лодки, удавшиеся как нельзя лучше. Они отличаются от Английских только флагом; впрочем, на ходу и по орудиям совершенно одинаковы. К 1-м числам июня у нас их было 20, а Англичане привели с собою только семь; к 1-му июля или и раньше должны быть готовы еще 20; гребных и парусных — тех много. Надо знать, что Петр I сначала построил флот из канонерских лодок; морем его было сначала море между Петербургом и Кронштадтом. К концу его царствования наш флот равнялся первым Европейским флотам, а Балтийское море было Русским морем, потому что флот Русский на нем господствовал. Благодаря неусыпным попечениям и знанию Великого Князя Константина Николаевича история Русского флота начинает повторяться. Явились уже винтовые канонерские лодки в значительном количестве; начинают появляться винтовые фрегаты и линейные корабли. Можно надеяться, что в скором времени наш флот не даст Британцам по произволу алжирствовать по берегам нашим.

Потрудись передать мой усерднейший поклон Почтеннейшему Димитрию Тихоновичу, которого радость при свидании с семейством я воображаю. Целую милых детей, желаю им много-много быть на воздухе для собрания свежих сил к зимним трудам.

Призывая на Тебя и на весь дом твой обильное благословение Божие, с чувством искреннейшей преданности остаюсь

Тебе покорнейший слуга и брат

Архимандрит Игнатий.

27 июня 1855 г.

№ 44

С благодарностью возвращаю лекарство. Вчера я был очень слаб и нервен. Состояние моего желудка произведено водами Виши, впрочем, очень полезными для печени. Теперь должно оставить всякое лечение и заботиться о скоплении сил для предстоящих трудов. Прошу извинения, не обеспокоил ли я Вас чем при моей болезненности.

Софии Дмитриевне мой усерднейший поклон!

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.

1856 года 2-го ноября

№ 45

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Чувствую сильный насморк и простуду горла, почему остановился приехать сегодня, а думаю быть к Тебе в субботу вечером. Завтра утром придут к Тебе О. Игнатий и Иван Григорьевич. Скажи Игнатию, чтоб он извинил меня пред Княгинею Юсуповой. Я ожидаю их обоих в монастырь завтра к вечеру.

Призывающий благословение Божие на Тебя и на твое семейство.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.
1856-го года 27 декабря
четверг

№ 46

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

При сем присылаю Тебе 75 рублей и благодарю за бесцеремонность, которая для меня драгоценна. К Михайлу Николаевичу непременно съезди; хотя он, и вообще Муравьевы, холодны в приеме, но ценят честных и способных людей, любят делать добро, особливо когда их попросят и им поклонятся. Случая не должно упускать. Безотчетное мое сердечное чувство говорит, что и для Вашего семейного пребывания в Петербурге необходимо, чтоб Димитрий Тихонович был при Вас.

Я приехал из Петербурга больным; теперь лучше, но еще не могу выходить из комнат. От брата Петра получил письмо, но в нем ничего он не пишет о своем назначении. Также и других никаких новостей не знаю.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством.

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1857 года 29-го апреля

№ 47

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое получил и отвечаю на Твой скорбный голос из моих скорбей. Человек немощен, и невозможно ему постоянно

пребывать в великодушии; по временам нападает на человека и малодушие. Тягость, производимая малодушием, заставляет искать утешения, которое заключается в вере в Бога и в предании себя Его Святой Воле. Вера снова вводит в дом душевный терпение и великодушие: та же скорбь, которая казалась невыносимою, уже кажется весьма удобоносимою. В этот месяц я не выезжал в город: сижу дома и лечусь. Чувствую себя как будто получше, но очень слаб и не выношу петербургского воздуха. Познакомился с Бурачком, который был у меня три раза. Мы, как кажется, довольно сошлись.

Церковь наша приходит к окончанию и возбуждает похвалу всего Петербурга. Точно: она оригинальна, вся в образах и в золоте, и необыкновенно удобна для Богослужения. Митрополит был четыре раза в течение лета в Пустыне, три раза служил и два раза обедал в братской трапезе. Ко мне являет особеннейшее расположение и желает, чтоб это расположение было с своим результатом.

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихновичу; желаю ему полного выздоровления!

Призывающий на Тебя и твое семейство благословение Божие,
Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1857 г. 15 октября

№ 48

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Исполняя Твое поручение, я был у Михайла Николаевича Муравьева, который обещал сделать все, что от него зависит, для Димитрия Тихоновича. Он присовокупил, что значительное влияние имеет на его службу Морское Министерство. При чем-либо решительном здесь нужно тщательное хождение и ходатайство не пред одним Муравьевым. Михаил Николаевич спросил меня и о Семене, что с ним делается, спросил, очевидно, интересуясь им. Передай это Семену.

Петруша был на моем наречении и посвящении. Протоиерей, его законоучитель, был приглашен мною на обед, который я давал в день посвящения Митрополиту, Синодалам и прочему высшему духовенству.

Намереваюсь быть у о. Ксенофонта, равно и у Желтухина, где увижу Петю, и прощусь с ним. Меня задерживает в Петер-

бурге одно представление Государю Императору, после чего буду спешить к месту своего назначения. Отпускают меня миролюбиво, и я с радостию уезжаю из Петербурга. Архимандритом Сергиевой Пустыни назначен маленький Игнатий, чем довольны и все братия и благотворители монастыря.

Благословение Божие да почиет над Тобою, над милою и благочестивою Сонечкою, над Старцем — супругом твоим, над всем домом твоим.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

6 ноября 1857 г.

№ 49

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 4-го декабря, адресованное в Ставрополь, я получил, прибыв в этот город 4-го января, после путешествия, по слабости моей очень трудного. Несмотря на это, по мере удаления моего от Петербурга, где я совершенно уничтожался, начал чувствовать себя лучше и лучше. Но для ощущения перемены, в ее сущности, нужно отдохнуть; а я, чрез час по приезде, начал слушать Всенощное, 5-го служил обедню; 6-го также, и выходил на водоосвящение; 7-го также служу по причине табельного дня. Принят я очень радушно; место так понравилось, что я красивее его не видал; ключевые воды превосходные, каких я давно-давно не пил. Город на огромной горе и весь в садах. Из горы кипят во множестве ключевые воды. Из Петербурга я выехал, как спадывает с дерева тот плод, который уже не может заимствовать с него соков. Мое удаление было такое естественное, логическое. Здесь должно быть для меня спокойнее, а главное, труд питательный для души — назиданье ближних; также почти уверен, что мое здоровье, хотя далеко не вполне, но очень поправится. При сем присылаю оттиск моей речи, напечатанной по приказанию Митрополита Григория. Очень благодарен Димитрию Тихоновичу за его благие желания; благодарю и Петю и Соню за воспоминание их о мне. Благословение Божие да почиет над Вами.

Недостойный Епископ Игнатий.

6 января 1858 г.

№ 50

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Искренне благодарю Тебя за письмо твое; в котором так видна та особенная любовь Твоя ко мне грешному, которую Ты постоянно являла мне, начиная с Бабаевского монастыря. Здешним местом я очень доволен: место тихое и спокойное. Приучаюсь к климату и воде; но чувствую себя гораздо лучше нежели в Петербурге. Здесь надо почти все заводить, начиная с самого помещения; однако и самое это маленькое помещение мне нравится гораздо больше, нежели мои высокие комнаты в Сергиевой Пустыни, которые мне отсюда представляются каким-то страшным ледником. Ставропольский домик мой — вроде келлий, в которых я жил в Бабаевском монастыре, но гораздо побольше. Возле самой церкви! Когда они приведутся в порядок — будут очень удобны, очень поместительны, премилы. Стоят они, как и церковь, среди обширного фруктового сада.

Очень утешаюсь благочестием брата Петра Александровича! Сынок его Алеша — умненькое и благонравное дитя.

Особенное милосердие Божие к нашему семейству — это благочестие и Православие нашего семейства. Очень часто вспоминаю о Петре Дмитриевиче и Софии Дмитриевне: видя их направление, я вполне уверен, что их покроет благословение Божие.

Так как полагаю, что это письмо попадет в Твои руки пред Пасхою, то и поздравляю Тебя и почтеннейшего Димитрия Тихоновича с Праздником Праздников, желая всему Вашему семейству всех истинных благ. Господь посылает тем, кого любит, различные испытания; но и избавляет их от всех скорбей. Скорбями мы научаемся уповать на Бога, а не на себя, и стяжеваем бесценное сокровище — Веру в Бога, веру деятельную, живую.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над семейством твоим.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский.

1858 года, февр. 28-го дня

№ 51

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое я получил — числа на нем не назначено, — в котором описываешь, что Петя приютился у Арсеньева. От Пети я получил письмо и отвечаю на сей почте.

Прошли три месяца без пяти дней, как я кончил курс минеральных кавказских вод, а действие их продолжается в сильной степени. Действие это заключается в том, что гонится золотуха разными сыпями и болячками, обильною испариною; также чувствуются значительные внутренние боли, слабость необыкновенная. Могу заниматься только утром до 12-ти часов; после чего чувствую себя утомленным и изнуренным. По вечерам золотушная материя, показавшаяся из глаз, не дает никакой возможности заниматься. По временам я думал: не зародилась ли во мне чахотка — так болела грудь. Что ж? К здешнему миру меня ничто не привязывает. Одна только неготовность предстать на суд Божий может быть причиною желания отсрочки отшествию отсюда.

Евангелие уподобляет попущение Божие, отвсюду окружающей и обхватывающей сети, которой избежать невозможно (Лк. 21. 35). Надо смириться под крепкую руку Божию, и нашедшую скорбь встречать исповеданием: достойная по делам нашим приемлем, помяни нас, Господи, во Царствии Твоем!!! Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим!

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу и Софии Дмитриевне. Благословение Божие да почиет над Тобою и над домом твоим.

Преданнейший брат

Игнатий, Е<пископ> Кав<казский>.

14 ноября 1858 г.

№ 52

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое из С.-Петербурга я получил и искренне желаю Тебе и твоему семейству всех истинных благ. Бог посылает Тебе и Димитрию Тихоновичу Свою милость: умный и сериозный человек, человек, принадлежащий службе, будет удовлетворен такою супругою, воспитанною в правилах благочестия и скромнос-

ти, какова София Дмитриевна. Юлий Константинович был у меня очень давно с родителем своим, еще в мундире, кажется, лицеиста. Милосердый Господь да благословит благополучным концом благое начало.

Мои ревматизмы облегчились от вод; но действие вод так сильно, что до сих пор почти ничем не дает заниматься. Притом — очень слаб. Положением своим я очень доволен: оно — спокойное. Желалось бы, и очень желалось бы, окончить дни в уединенной Обители. Занятия земные сделались для меня и чужды, и отяготительны.

Благодарю Димитрия Тихоновича за приписочку в письме Твоем!

Благословение Божие да почиет над всеми Вами.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

24 февраля 1859 г.

№ 53

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Спешу отвечать на письмо Твое от 2-го апреля, которое я получил 19-го, особенно потому, чтоб последнее письмо мое не расстроило твоих соображений, описанных в письме от 2-го апреля. Сердечно радуюсь, что здоровье Димитрия Тихоновича поправилось, и он может представиться Государю Императору. В таком случае необходимо, чтоб он побывал предварительно у лиц, составляющих свиту Государя, особливо у Адлерберга Александра и у Эдуарда Баранова, если эти оба, или который-нибудь из этих двух, будут сопровождать Его Величество. Им надо изложить лета Димитрия Тихоновича, долговременность его службы и желание его быть Сенатором. О поступлении в Государственный Совет и не думайте. Скорее могут дать место если не в Сенаторах, то в Аудиториате или где-либо в подобном месте, с сохранением ныне получаемого оклада, как это сделано с Генерал-Лейтенантом Козловским, командовавшим правым флангом на Кавказе.

Здесь была необыкновенная зима, а теперь наступила необыкновенная весна: и холодно и очень грязно. По этой причине я не мог еще выехать для обозрения Епархии. Принимаю лекарство, которое гонит золотушные мокроты, но вместе с тем держит в довольно трудном положении.

Призывая на Тебя и твое семейство благословение Божие, с чувствами сердечной преданности остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

20 апреля 1859 г.

№ 54

Любезнейший Друг и Сестра

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 8-го июня я получил, и искренно поздравляю Тебя с устроением дочери твоей, которую да благословит Милосердый Господь благословением Свыше; поздравляю также и с сыном Камер-пажем. Передай мое усерднейшее поздравление Димитрию Тихоновичу: Бог видимо благословляет его в детях его.

Теперь Ты свободна, и на свободе можешь чаще и больше молиться Богу о себе и детях твоих. Чтоб молитва твоя о детях была услышана Богом, надо, чтоб Ты была ближе к Богу. Подобно земным царям Царь Небесный наиболее внимателен к Своим приближенным. Тот делается приближенным Богу, кто часто с сердцем сокрушенным и смиренным молится Богу. Бог везде сущ. Всякое место одинаково близко к Нему, и на всяком месте Он может явиться человеку: место, на котором Он обыкновенно является, есть сердце сокрушенное и смиренное. Он и производит присутствием Своим умиление в сердце.

В настоящее время я нахожусь в Тамани, городе моей Епархии, между морями Черным и Азовским. Для купанья в море я еще не созрел, а принимаю на дому подогретые морские ванны. Здоровье мое восстанавливается: оно так было расстроено, что только ныне летом я мог ощутить пользу от прошлогоднего лечения на минеральных водах; в течение зимы очень ломало. И теперь ванны сильно действуют; оттого, кажется, и пишу так дурно. Глаза мои лучше, но в них чувствую брожение, а в руках трясение. Брат Петр Александрович лечится в 60-ти верстах от меня на грязях Темрюкских и чувствует от них большую пользу. Это очень сильное и тяжелое лечение: мне оно не под силу.

Будь здорова и благополучна. Благословение Божие да почиет над Тобою и твоим семейством. Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

7 июля 1859 г.

Тамань

№ 55

Любезнейший Друг и Сестра, Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 17-го октября я получил 7-го ноября. Праведный, многострадальный Иов подвергся многим искушениям, и сказал о земной нашей жизни, что вся она вообще есть искушение для человека. И то надо знать, что людям, боящимся Бога и чтущим Его, хотя и попускаются на время искушения, но после того непременно следует и избавление от искушений. Итак, не должно предаваться печали и безнадежию, но из среды самого искушения с верою молитвенно вопиять к Богу и ожидать Его помощи.

Так я смотрю на Твое положение. — Великий преподобный Отец Исаак Сирский говорит, что Бог послал Сына Своего в мир в то время, как человеки особенно погрязли во грехи, особенно сделались врагами Божиими. Из этого Преподобный выводит заключение, что гораздо возвышеннее добродетель — сохранение любви к человекам, когда они подвергаются согрешениям, нежели когда они проводят праведную жизнь. Исполнение этой добродетели в настоящее время предлежит Тебе по отношению к твоим детям. Мы живем в страшный век. Неверие охватило и еще более охватывает землю: соблазны умножились до бесчисленности, и еще более умножаются. Как не поколебаться молодым людям! Призри на них с милосердием и прилежно молись о них Богу, поручая их Богу и отдавая в Его Святую волю. Петру пиши почаще и уговаривай его. В терпении должно стяжавать и свою душу и души ближних.

Брат Петр писал Н. Н. Муравьеву, прося его ходатайства пред Михайлом Николаевичем о Димитрии Тихоновиче. Это лучший способ действия. Весьма хорошо, что Димитрий Тихонович сам написал М. Н. Муравьеву. — Здесь поживаю тихо, редко видясь с светскими лицами, кроме брата Петра А<лександровича>, который почти ежедневно посещает меня. Воды произвели на меня благотворное влияние, и чувствую не выздоровление, но значительное облегчение; впрочем, от действия их очень слаб.

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу. Милость Божия и благословение Божие да покроют тебя, и чад твоих.

Тебе преданнейший брат,

Епископ Игнатий.

8 ноября 1859 года

№ 56

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за воспоминание о мне и за поздравление с праздниками и Новым Годом, с которыми равномерно и Тебя поздравляю, желая Тебе и семейству твоему всех истинных благ.

Слава Милосердому Господу, Который внушил земному начальству оставить за Димитрием Тихоновичем оклад. И впредь Милосердый Господь не оставит Вас. Он не оставляет человеков, лишь бы мы не оставляли Его.

При таком уединении, какое ожидает Тебя в Ивашове, полезно заняться молитвою при каком-либо самом машинальном рукоделии, которое не отвлекало бы к себе ума или отвлекало наименее. При таком рукоделии надо произносить неспешно молитву так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Надо заключать ум в слова молитвы, по выражению и наставлению св. Иоанна Лествичника, то есть произносить молитву с крайним вниманием. При ком другом молитва произносится одним умом, а наедине шепотом, устами и языком, так, чтоб слышать самому себя. Хорошо, когда человек будет подумывать о будущей жизни и к ней благовременно приготовится.

Пред Праздником Рождества Христова я почувствовал себя слабым, а с Праздника и до сего времени не выхожу из своих комнат. Минеральные воды расшевелили мою застарелую болезнь, которой много вышло и много еще осталось. Слава Богу за все! С осени 1846-го года чувствую себя особенно худо. Живу какою-то полужизнию, каким-то движущимся мертвецом.

Нам (всем христианам) подобает по учению Апостола входить в Царство Небесное многими скорбями, и именно теми, которые благоугодно будет Богу послать нам.

Приношу искреннейшую признательность почтеннейшему брату Димитрию Тихоновичу за приписку; с сердечною радостию увидел его почерк. Призывающий на Тебя и на твое семейство благословение Божие

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

10 января 1860 г.

№ 57

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 7-го мая я получил и вместе с тем узнал о производстве Димитрия Тихоновича в полного Генерала, с чем усерднейше его и Тебя поздравляю, если такое повышение полезно в каком бы то ни было отношении. Поздравляю и бабушкою: да благословит Милосердый Господь внучку, и родителей ее да наставит на путь добродетели и истины.

В наш век от детей светского направления нельзя и ожидать откровенности. И в монахах она ныне — уже величайшая редкость. Надо в молитве поручать детей Богу, и за тем пребывать совестию в спокойствии, не предаваясь тревожному состоянию духа. Бог всесилен: по усердной и смиренной молитве родителей Он может даровать детям христианское направление. Ты много потрудилась о воспитании детей твоих; но непреложное Слово Божие говорит: *Аще не Господь созиждет дом* (нерукотворенный, словесный дом Божий есть человек, в особенности же христианин), *всуе трудишася зиждущии*. Прибегни к Богу, и Он, очистив скорбями труды твои о воспитании, может увенчать их благим успехом. Я замечал на многих людях, что увлечение брало над ними верх на некоторое время, но потом семена благочестия и благонравия, посеянные при воспитании, взяли свое.

Поправляюсь от болезни туго. Причиною тому мои хронические болезни золотуха и простуда. Что же касается до питерских и других интриг, то имею желание переносить их как чистительное врачество, посылаемое Промыслом Божиим, лишь бы Милосердый Господь по кончине избавил вечных мук и даровал малейший приют в Обителях Его угодников.

Затем желая Тебе и твоему семейству всех истинных благ, остаюсь Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
1860 года 27 мая

№ 58

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Извини, что отвечаю поздно на письмо Твое от 24-го мая. Слово о молитве переписывали, а я прихворнул и занят был по обязанностям моим.

Узнав из газет о производстве Димитрия Тихоновича в полные Генералы, я писал к Тебе, и поздравлял. И паки поздравляю, сорадуюсь Вашей радости. Да осенит Вас милость Божия и на будущее время. Петр Димитриевич и София Дмитриевна — люди молодые, очень молодые. Как ни умны, а по молодости должны отдать дань за приобретаемую опытность. Она не даром достается.

У нас жары. Они помогают действию минеральных вод, гонящих золотуху и простуду внаружу. Слава Богу за все! и за то, что пришлось всю жизнь поболеть. Благословение Божие да почиет над Тобою и твоим семейством.

Тебе преданнейший брат

Игнатий Е<пископ> К<авказский> и Черноморский.
5 июля 1860 г.

№ 59

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 2-го августа получил во дни Великого Торжества на пространстве всего Кавказа; 25-го августа праздновалось повсеместно покорение всей восточной стороны Кавказа.

С гнилым моим здоровьем я должен во всем этом принимать участие и быть двигателем торжества, по случаю которого произнес речь с крайним трудом. Пора бы старика на покой. Часто чувствую себя как бы пред смертию: до того мое телосложение истощено болезнями. Счастлив Димитрий Тихонович, что проводит остаток жизни в уединении, в покое, на руках. Бог, смотрящий на внутреннее расположение человека, соответственно этому устрояет его обстоятельства. Имеющему произволение благоугодить Богу, посылается и положение, сообразное произволению, чтоб благочестивый имел возможность приготовить себя к вечности. Смерть грешников люта не по причине тяжести телесных болей, ее сопровождающих, но по причине ее внезапности, неожиданности, по тому переходу от земного благоденствия к страшным, невообразимым вечным мукам, который вслед за смертию ожидает нераскаянного грешника. Удивительно, как мир обольщает и ослепляет человеков. Не требующая доказательств истина, что все умрем. Но редкие из человеков являют из жизни своей знание этой истины; большая часть ведут себя так, как бы им никогда не умирать. Великое дело помнить смерть,

и понимать ее значение. От этого памятования и понимания может совершенно измениться жизнь человека и соделаться Богоугодною.

Желаю всех истинных благ Тебе и твоему семейству. Димитрию Тихоновичу — мой усерднейший поклон; Софии Дмитриевне и Петру Дмитриевичу да пошлет милосердый Господь Свое благословение и Свою милость. Остаюсь навсегда

Преданнейшим братом

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
1860 года 28 августа

№ 60

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

В понедельник утром 24-го октября я отправил к Тебе письмо со вложением ответа моего на письмо Петра Дмитриевича по незнанию его адреса, а чрез час-другой получил Твое письмо со вложением его письма к Вам — родителям его. Это письмо возвращаю к Тебе, поздравляя с благополучным окончанием экзамена для Петра и желая ему продолжать службу благоразумно и успешно, соответственно сделанному началу. Ныне необходимо каждому молодому человеку образовать себя удовлетворительно в юности, чтоб быть полезным существенно отечеству и доставить себе хорошее положение. Как посмотришь на нашу молодежь, то нельзя не пожалеть ее! Как она ветрена! Как не думает ни о чем, кроме удовольствий, расстраивающих и нравственность и здоровье, приготовляющих самую печальную будущность. Мне кажется, что всему этому причина — неправильное воспитание, дающее молодым людям неправильный взгляд на себя и на жизнь. Конечно, и при самом тщательном воспитании из дитяти глупого или с дурным характером ничего особенного ожидать нельзя; но где человечество, там и зло — без него человеческому обществу обойтись нельзя, — однако же правильное воспитание, при многих исключениях, может дать и много прекрасных результатов. — Очень жалею Анатолия Александровича[1], кажется, так зовут старшего сына Александра Петровича[2]. Что делать!

У нас лето и осень холоднее, нежели прошлого и третьего года. Летом были болезни в городе и значительная смертность на детей. Относительно моего здоровья внутри чувствую значитель-

ное облегчение; но кожа очень страдает от золотухи, выходящей внаружу. Воздуха почти не могу выносить.

Рад, рад, что выбрался из Петербурга, хотя и здесь преследует якобинская партия. В течение земной жизни нельзя обойтись без скорбей, а те скорби, которые приходят, приходят не иначе как по попущению и мановению Божиим для очищения человека. Следовательно, должно покоряться воле Божией, и принимать попущение с благодарением Промысла Божия.

Петр Александрович в настоящее время находится в Тифлисе по делам службы: поживает благополучно, по службе деятелен, распорядителен и отлично благороден.

Мой усерднейший поклон Димитрию Тихоновичу! Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством.

Тебе преданнейший брат,

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

25 октября 1860 г.

[1–2] О них см. Настоящее издание, т. 3, с. 557–562.

№ 61

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за поздравление с Праздниками и Новым Годом, с которыми равномерно и Тебя поздравляю, желаю на наступившее лето милости Божией и всех истинных благ. Прошу передать мое усерднейшее поздравление почтеннейшему Димитрию Тихоновичу.

Радуюсь, что дети Твои поживают благополучно: со временем будут выражать и к Тебе больше привязанности, потому что поймут цену твоим заботам и трудам о их воспитании. Брат Петр Александрович действует здесь очень хорошо, и поживает благополучно. Об Алексее Петровиче пишут, что он поживает в монастыре благополучно. Дай Бог, чтоб он удержался и укрепился. Настоятель Угрешского монастыря — Вологодский уроженец и в Алексее души не слышит; а как настоятель очень нравствен, то это для Алексея великая находка. Здесь молодой человек не сказал никому ни слова о своем намерении; да, видно, и намерения не было, а оно явилось в Москве, когда он увидел скользкость широкого пути в свете, на котором по слабости своего характера он не мог бы удержаться в нормальном поло-

жении, что он прямо высказал в письме к отцу и что отец, знающий его характер, нашел основательным. Бог не остается в долгу у тех, которые с юности посвящают себя Его служению, хотя и попускает им разные скорби во время их земного странствования для их же духовного образования; но вместе с тем и преисполняет их неизреченными, вечными благами. К концу земной жизни, пред вступлением в вечность, служитель мира и впереди и позади себя видит пустоту, а служитель Божий впереди видит благонадежное пристанище вечного блаженства, а обращая взор на проведенную им земную жизнь, видит поприще служения Богу, поприще, на котором он потрудился не напрасно, но благовременно усвоился Богу. — О мне идет здесь слух, что скоро отсюда переведут, от чего и я не прочь, уповая на милость Божию и полагаясь на волю Божию: по слабости моих сил и здоровья мне полезнее будет место попроще и поспокойнее. Здесь место новое, хлопотливое, может сделаться очень видным, а у меня уже видится большой недостаток в представительности.

Обильное благословение Божие да почиет над Тобою и над семейством Твоим.

Тебе преданнейший брат,

Епископ Игнатий.
7 января 1861 г.

№ 62

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 28-го мая я получил 17-го июня. Спаси Господи за желание Твое видеть меня ближе! Может быть, это случится, а может быть, ушлют куда-нибудь и подальше. Буди воля Божия! Одного подобает мне желать: окончания жизни в покаянии, вдали от шумного мира. И здесь уже несравненно лучше, нежели в Петербурге.

Очень радуюсь благополучию милых чад Твоих. После посещения скорбию, Бог посылает утешение. Если Юлий Константинович исполнит благополучно данное ему поручение, то, вероятно, сделают Губернатором, и София Дмитриевна попадет в большие барыни. Также и Петр Дмитриевич на новом поприще составит себе карьеру. И прежде замечали, что по Артиллерийскому Ведомству более дорожили даровитыми людьми, нежели по инженерному. Военно-ученое поприще представляет много выгод и нравственных и вещественных. — Согласно тому, как

Ты пишешь, многие помещики переходят от роскошной тщеславной пустой жизни к жизни скромной и трудовой. Эта жизнь доставит больше счастия, нежели сколько доставляла прежняя жизнь. Молодые баричи поймут, что нужно основательно образовать себя, чтоб сделаться членами нужными для общества, людьми самостоятельными, и потому способными хорошо устроить собственное свое благосостояние, основывая его на самих себе, а не на чем-либо постороннем. Преобразование крестьянского быта повлекло немедленно вслед за собою преобразование быта помещиков, и имело сильное влияние на сословие купцов, в которое поступили многие тысячи освободившихся богатых крестьян. Должно ожидать и других преобразований, потому что многие из прежних постановлений уже не гармонируют с Положением, сделанным для крестьян. Надо молить Бога, чтоб Он благословил эти нововведения, которые несомненно доставят России развитие и выведут ее из младенческого состояния, в котором она находится. Дай Бог всем всего доброго!

С наступлением лета начал принимать солено-йодисто-щелочные холодные ванны от 20-ти до 17-ти градусов, действующие против золотухи и простуды и вместе укрепляющие. По временам чувствую себя гораздо лучше прежнего. Будущее мое возлагаю на Господа Бога моего.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.
1861 года 18 июля

№ 63

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо твое от 17-го сентября переслано ко мне из Ставрополя в известный Тебе Бабаевский монастырь, куда я прибыл 14-го октября с намерением окончить в глубоком уединении дни мои, отказавшись от сношений с знакомыми и родственниками по плоти, сохранив сношения с знакомыми и родственниками по духу. Этого требует и здоровье мое и душевное настроение, а сан мой возлагает на меня обязанность охранять его святость.

На Кавказе и в земле Донских Казаков урожаи превосходные. Но с Воронежской Губернии дожди мешают уборке, и много хлеба повредилось на полях.

При попущениях Божиих должно покоряться воле Божией и, сознавая себя достойными гнева Божия, умолять со смирением Бога о помиловании. Такую молитву Бог принимает.

Очень порадовался, услышав, что Арсеньевы губернаторствуют в Смоленске. Изволишь видеть, что милосердый Господь Тебя не оставляет, но утешает и при самых скорбях милостями. Он и впредь не оставит нас, лишь бы мы не оставляли Его.

Благословение Божие да почиет над Тобою.

Тебе преданнейший слуга и брат,

Епископ Игнатий.

8 ноября 1861 г.

Мой адрес: в Ярославль.

№ 64

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Извини мне мое дерзновение, водясь которым беспокою Тебя покорнейшею просьбою по нужде Обители, очень позапущенной в хозяйственном отношении, в которой на закате дней моих я обрел приют.

Монастырь нуждается в шести человеках чернорабочих (козаках) на следующее лето. Здесь признаются лучшими рабочими для земледелия — Вологжане; местные крестьяне — щекотуры, лепщики, каменщики переселяются на лето в столицы. Если можно, если это не отяготит Тебя: то возьми на себя труд нанять этих людей, а также купи пару или тройку рабочих лошадей, которые умели бы пахать, и пришли с рабочими. Если согласишься принять на себя этот труд, то уведомь с первою же почтою, чтоб я мог выслать тотчас же деньги на покупку лошадей и доставку их сюда, также на задатки рабочим, как водится. Этим окажешь монастырю значительное пособие, а мне истинное одолжение.

О себе скажу, что продолжаю не выходить из комнаты; но как будто чувствую себя посвежее. Натура вырабатывает в необыкновенном количестве кровь: это бывает иногда последствием лечения водами, и именно у людей, у которых болезнь гнездилась в крови. В конце января пустили мне из руки кровь, в течение февраля поставили 130 пьявиц, а в марте уже 50, и еще надо. Со времени проезда Твоего чрез здешние края дела подвинулись далеко вперед. Дай Бог всему человечеству, и нашему любимому отечеству, всего доброго.

Призывая благословение Божие на Тебя и на чад твоих, с искреннейшею преданностию имею честь быть

Твоим покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

Сделай милость: пришли семенного овса на двух подводах, сколько уложится. Хорошо бы санным путем. Здесь я мало знаком, а у окрестных помещиков овес дрянной. Потрудись о всем немедленно отписать, ибо я тотчас же вышлю деньги.

2 марта 1862 г.

№ 65

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 2-го марта я получил 13-го. Время скорби — время терпения! Скорбь — попущение Божие, которое должно переносить с покорностию и благоговением, отдавая справедливость правосудию Божию и признавая себя достойным скорби. Из такого душевного настроения можно молить Бога о помиловании с надеждою быть услышанным. Признание правосудия Божия в попущениях Божиих с молитвою о помиловании превосходно изложено в молитве трех Святых Отроков Иудейских, ввергнутых в разженную печь Вавилонскую. Эта молитва помещена в книге Пророка Даниила.

Мне совестно б было писать о терпении скорбей, если б я сам не находился в скорби. Со второй недели Великого Поста я очень захворал. Несколько раз чувствовал такое ослабление сил, как бы пред смертию. И теперь очень плох. Не знаю, как довольно благодарить Бога, что Он извлек меня из мирской жизни и привел в монастырь! Земная жизнь при начале ее кажется необозримым поприщем деятельности, а когда человек оканчивает ее, и оглянется назад, то непременно увидит в протекшей деятельности своей много пустоты. — Скорбь более и более принимает характер общественный. И здесь ожидают повышения цен на хлеб по причине всеместного уменьшения посевов.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над чадами твоими.

Тебе преданнейший брат

Епископ Игнатий.

14 марта 1862 г.

№ 66

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Письмо Твое от 13-го декабря получено мною 20-го. Приношу искреннейшую благодарность за подробное уведомление о кончине Семена Александровича[1]. Старые люди говаривали: дай Бог пред смертию хорошенько помучаться. Великий во святых Нифонт, умирая горячкою, сказал Великому Афанасию, присутствовавшему при его кончине, что как золото очищается огнем, так умирающий болезнию. У умирающих отверзаются душевные очи, и потому они видят то, чего присутствующие при их смерти не могут видеть. Свет, о котором пишешь, был из рая. Видно: к Семену есть милость Божия. Поговори детям, чтоб подали по отце милостыню нищим пощедрее. Милостыня очень помогает усопшим, а детей за это благословит Бог, и совесть их будет спокойнее. Хорошо сделала, что устранила от умирающего смущение. А за тем успокойся, и предоставь все Богу. Каждый *своему Господеви стоит или падает*[2], сказал Апостол.

Полагаю, что не без Промысла Божия пришлось Тебе присутствовать при смерти, сопровождаемой таким мучением. Смерть эта будет воспоминаться Тебе, а воспоминание будет служить приготовлением к своей смерти. За то, что Ты послужила брату, милосердый Господь воздаст Тебе воздаянием духовным, каким Сам ведает. Постарайся успокоиться, положившись на волю Божию.

Осенью я был очень плох; теперь немного получше. Петр А<лександрович>, должно быть, теперь находится в Петербурге по делам своего имущества. В монастыре по милости Божией все благополучно, очень уединенно. Слава Богу!

Призывая благословение Божие на Тебя и на чад твоих, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь навсегда

Тебе преданнейшим братом.

Епископ Игнатий.
21 дек. 1863 г.

[1] Брата святителя Игнатия.
[2] Рим. 14. 4.

№ 67

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую признательность за воспоминание о мне и поздравление с Праздником Праздников, с которым взаимно поздравляя, желаю Тебе и чадам твоим всех истинных благ от Всеблагого Господа.

Петр Дмитриевич оставил во мне очень приятное впечатление: я увидел в нем человека основательного, умного, с правилами. И то заметно, что неприятности по службе подействовали на него; но они доставляют драгоценную опытность. Из всех лекарств от ревматизма, перепробованных мною, нахожу лучшим натирание спиртом, насыщенным солию, лучше ванн: действие схожее на действие ванны, но не так расслабляет. Беда — расслабить себя теплыми ваннами! Это знаю на своем опыте. Великий Пост провел я очень трудно, и даже всю Пасхальную неделю просидел дома. Золотуха и простуда, преимущественно первая, разлагались очень сильно. Употреблял упомянутое натирание, а теперь, прекратив его, начал окачиваться в теплой комнате водою. Это — средство, употребляемое на Кавказе. Для укрепления себя начинают окачиваться водою в 22 градуса и нисходят до 18-ти. Кажется мне, что я, после тяжкого положения, в котором провел Великий Пост, почувствовал себя получше.

Петр А<лександрович> в Петербурге; полагает приехать сюда во второй половине мая и потом, взяв Алексея, отправиться в Вологду. Кажется, что дитя понимает значение своего проступка — вступления в монастырь с целию прикрыть этим то поведение, которое он допустил себе в Москве и по причине которого он не мог оставаться в Университете. Служба в Вологде есть наилучшее для него положение: потому что во всяком другом месте его ожидает увлечение, особливо в столицах. Повсеместное охлаждение к религии, фанатический атеизм с разрушительными предположениями и намерениями, общая безнравственность не могут остаться без последствий. Часто самые необыкновенные события постигают внезапно и неожиданно для неожидающих. Но и вся жизнь человека исполнена различных скорбей. Миром управляет десница Божия, для нас непостижимо. Положение должно понимать, а пред судьбами Божиими благоговеть, признавая себя достойными наказания Божия. За такое сознание посылается от Бога милость.

Рецензия Матвеевского, имея неблагое намерение, очень содействовала к тому, чтоб на «Слово о Смерти» было обращено особое внимание. Об этом пишут мне из Петербурга лица значущие. Некоторые прогневались! что ж делать? по крайней мере оставшимся верными христианству сообщено подробное, из святых Отцов, учение о том, какое значение имеет смерть, и как приготовить себя к вечности. Бог управляет судьбою человека; с ним могут сделать враги его только то, что попустит Бог, а все, что попустит Бог, служит к пользе души и к вечному спасению.

Призывая на Тебя и на чад твоих Божие благословение, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь

Тебе преданнейший друг и брат,

Епископ Игнатий.

25 апреля 1864 г.

№ 68

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Брат Петр Александрович привез мне известие, что Ты посещена была тяжелою болезнию: по этой причине пишу к Тебе эти утешительные строки. Святые Отцы советуют благодарить Бога за те скорби, которые посылаются нам, и исповедовать в молитве нашей, что мы достойны наказания за грехи наши. Таким образом принимаемая скорбь непременно послужит нам в очищение грехов наших и в залог вечного блаженства. По свойствам недугующего падением естества нашего мы заботимся наиболее о устроении нашего земного положения, а Бог устраивает наше вечное положение, о котором мы забыли бы, если б земное положение не было потрясаемо скорбями, если б скорби, посылаемые по временам Промыслом Божиим, не напоминали нам, что все временное и земное преходит и что главные заботы должны быть о вечном. Писание говорит: *Господь, его же любит, наказует*[1]. Скорби вразумляющие посылаются от Бога тем, которых Он хочет помиловать, а отверженным посылаются скорби решительные и сокрушительные, как то скоропостижная смерть, лишение рассудка и тому подобное.

Велик Бог наш! Страшное дело — падение человека! Великое дело — искупление человека Богочеловеком! Необходимо изучить основательно все это и по правильному понятию о Боге

и о себе направить земное странствование, чтоб не погибнуть навеки.

Благословение Божие да почиет над Тобою и над чадами твоими.

Тебе преданнейший брат и друг

Е<пископ> Игнатий.

28 июня 1864 г.

[1] Евр. 12. 6.

№ 69

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Очень буду рад видеть Тебя в Бабаевской обители. Очень рад и тому, что гомеопатические лекарства оказали помощь. Лечение неправильное приносит более вреда, нежели самые болезни, как я испытал на своем опыте.

Лекарство Сокологорского усилило то разрешение мокрот, которое произведено Кавказскими водами. С прошедшей весны я почувствовал себя особенно слабым и почти не выхожу из комнат. Сокологорский утверждает, что продолжительное и постоянное употребление его лекарства должно принести пользу. Что Бог даст!

Поздравляю с внучком! Государь возвратился в Петербург в сопровождении В<еликого> К<нязя> Константина Николаевича. Впрочем, это я знаю из газет, в которых изредка показывают мне достойное особенного внимания: переписку, кроме как с лицами начальственными своего ведомства, я почти прекратил совершенно.

Итак, до приятнейшего свидания! Благословение Божие да почиет над Тобою и над твоим семейством. С чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Тебе преданнейший брат

Е<пископ> Игнатий.

3 ноября 1864 г.

№ 70

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Петр Александрович в письме из Москвы спрашивает меня о печатных листах 2-го тома «Аскетических Опытов», посланных ко мне с Тобою. Но я ничего не получал от Тебя.

Если эти печатные листы находятся у Тебя, — то потрудись выслать их ко мне. Если же их нет у Тебя, то потрудись известить меня о них основательно, чтоб я мог дать Петру Александровичу основательный ответ.

Мы живем потихоньку. Доходящие до нас сведения о состоянии православной Веры в России очень грустны. С одной стороны, губит ее раскол, с другой — вольнодумство. Борьба для нее очень затруднительна по причине внутренней страшной болезненности, которая, как червь, источила всю силу ее. Да совершается воля Божия.

Призывающий благословение Божие на Тебя и на твое семейство

Тебе преданнейший друг и брат

Епископ Игнатий.
29 декабря 1864 г.

№ 71

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Святые Отцы советуют: когда предположенное и предпринятое доброе дело не удается совершить с должною точностию, то пополняется недостаток исполнения смирением. В таком случае надо смириться пред Богом: попросить у Него прощения в увлечении и в недостаточном исполнении доброго дела. Хотя и заповедано нам исполнение заповедей, но оно заповедано, как непременный долг наш, как единственное условие пребывания в общении с Богом, а не как заслуга пред Богом или одолжение Богу с нашей стороны: спасаемся все, без всякого исключения, единственно милостию Божиею. Христос пришел спасти сознающихся грешников, а не праведников. Эти мысли могут успокоить и утешить Тебя по поводу приобщения Святым Христовым Тайнам при рассеянности.

Ныне время воздыханий. Почти все пишущие ко мне пишут из среды скорбей. Кто веселится? Неизвестно. Бог, посылая Тебе временную скорбь, очевидно благоволит, чтоб Ты приблизилась к Нему, и отчетливее приготовилась к вечности. Очень мало вхожу я в дела мира; но сколько слышу, землевладельцам предстоят новые хлопоты при введении нового порядка. Всего лучше положиться на Бога, и просить Его, чтоб не оставил Своею милостию. Кажется, я говорил Тебе, что ныне тяжело вообще, в религиозном же отношении в особенности. Не видеть бы ничего! не слышать

бы ничего! Религиозные недуги человечества всегда отражаются на внешнем быте его. Свидетель этого — вся история.

Если б я был в Петербурге и даже на Кавказе, то мог бы быть полезным Петру Дмитриевичу. Его, как человека способного к делу и труду, можно б было рекомендовать Начальнику, имеющему нужду в таких людях и ценящему их. Петр Дмитриевич уже подвергся многим тяжким опытам, которые однако образуют и воспитывают делового человека. От души желаю Сыну Твоему истинного счастья и призываю на него осенение милости Божией.

Жалею Алексея! Хорошо, что Ты не написала Петру: он скор, по обычаю светского. Потрудись отчетливее известить меня о положении и поведении Алексея: я думаю написать ему.

Призывая обильное благословение Божие на Тебя и на твое семейство, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть

Твоим преданнейшим другом и братом

Е<пископ> Игнатий.

6 марта 1865 г.

№ 72

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за воспоминание о мне! В июле месяце получил я письмо от Петра Дмитриевича, и отвечал ему по адресу, им прописанному: в Петербург, в Николаевскую Академию Главного Штаба. Дай Бог благополучия чадам твоим! Всмотрятся и в жизнь, которая опытно доказывает о себе каждому, что она суетна, что все земные приобретения должно оставить на земле, и уйти в вечность с одними делами.

В июле месяце я доходил до крайнего изнеможения; и теперь плох. Совсем нет сил. Это плод жизни, проведенной в положениях, превышавших способности телосложения, и потому разрушавших его. Слава Богу! Теперь приближился к концу, которого не миновать никому из человеков. У нас все благополучно. Церковь выходит необыкновенною. Погода очень затрудняет уборку хлеба, также замедляет и постройку.

Будь здорова и благополучна. Призываю благословение Божие на Тебя и на чад твоих.

Тебе преданнейший брат и друг

Е<пископ> Игнатий.

2 сент. 1865 г.

№ 73

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу искреннейшую признательность за воспоминание о мне в дни великого Праздника, и равномерно поздравляю Тебя с этим святым Праздником и с наступившим Новым Годом, усерднейше желая Тебе и чадам Твоим обильной милости Божией на грядущее лето и на все лета жизни Вашей.

При принимании гомеопатического лекарства необходимы отдыхи: потому что это лекарство очень действует на нервы и кровь, которым, следовательно, нужно давать время на успокоение. Полезно в пол-рюмку самой теплой летней воды (градусов в 25 или в 26) класть капли три или четыре того лекарства, которое принимается внутрь, и обтирать этим раствором больные места утром и вечером. После обтирания должно одеваться потеплее на час времени.

Тебе преданнейший брат

Е<пископ> Игнатий.

1 января 1866 г.

№ 74

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Благодарю Тебя за воспоминание о мне. Здоровье мое с самой весны особенно неблагоприятно. Боли сердца увеличились, и действуют на весь организм: ни письмом, ни чтением не могу заниматься. К тому же и золотуха извергается из организма разными путями, между прочими путями и путем глаз. Впрочем, живем тихо, вдали от мира, при самых малых сношениях с миром, как бы в отдельной области. Строение Церкви идет успешно. Очевидно, что она строится по особенному Промыслу Божию, под особенным покровительством Промысла Божия. Здание — благолепное.

К 10-му ожидаем сюда Петра Александровича.

Благословение Божие да почивает на Тобою и над чадами Твоими. Милосердие Божие да хранит всех нас от всякого зла.

Тебе преданнейший слуга и брат

Епископ Игнатий.

6 июля 1866 г.

№ 75

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу Тебе искреннейшую благодарность за письмо Твое от 14-го октября и сердечно радуюсь, что здоровье Твое находится в столько удовлетворительном положении. Разумеется, при этом никакие лекарства уже не нужны.

Мое здоровье — в своем обыкновенном положении. То ноги отымутся, то грудь, то правая рука. Летом и осенью очень тревожила хроническая боль в сердце: теперь эта боль поунялась. Летом посетили меня Наследник[1] с своим братом Владимиром. Прекрасные юноши! От души пожелал я им всего доброго. Трудное предстоит им поприще! Нигилизм проник во все сословия, даже в крестьянское, и уничтожает те понятия, которыми крепко держалось и на которых почивало Государство Российское. Для управления им необходимы иные приемы.

Призывая обильное благословение Божие на Тебя и на чад Твоих, с чувствами искреннейшей преданности и уважения остаюсь навсегда

Твоим покорнейшим слугой, другом и братом

Епископ Игнатий.
28 октября 1866 г.

[1] Великий Князь Александр Александрович, будущий Александр III.

№ 76

Любезнейший Друг и Сестра,
Елизавета Александровна!

Приношу искреннейшую благодарность за воспоминание о мне и поздравление с праздниками и Новым годом, с которыми взаимно поздравляя Тебя, желаю Тебе и чадам Твоим всех истинных благ.

Предсказало Священное Писание о бедствиях последнего времени: что оне *яко сеть приидут на вся, живущие на лице всея земли*[1], *и не имут избежати*[2]. Точно! Никакого нет средства устранить скопляющиеся черные густые тучи, охватывающие отвсюду горизонт. Господь заповедал бдеть и молиться с особенным тщанием в эти лютые времена. Самое дело показывает, что нет другого прибежища. Будь семи пядей во лбу — ничего не сделаешь. Когда Петербургский военный генерал-губернатор

Кавелин был болен умопомешательством, и родня его приезжали и старались урезонить его, чем приводили в большее расстройство, тогда доктор, бывший при нем, сказал мне однажды: «Такова болезнь нашего времени».

Призывающий на Тебя и на чад твоих обильное благословение Божие

Тебе преданнейший слуга, друг и брат

Е<пископ> Игнатий.

5 января 1867 г.

[1] *...как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному* (Лк. 21. 35).
[2] *...и не избегнут* (1 Сол. 5. 3).

№ 77

Любезнейший Друг и Сестра,

Елизавета Александровна!

Благодарю Тебя за воспоминание о мне! Последнее письмо ко мне Петра Дмитриевича мне очень понравилось по двум изложенным мыслям: 1) что он не способен к нежности, 2) что служба настоящего времени имеет характер вилянья. Первое послужило для меня рекомендациею его сердца, потому что нежность есть чувство сексуальное (кровяное), обман себя и других. Вторым отрекомендован ум, взглянувший очень правильно и проницательно.

От удушливого кашля, от удушья, стеснения под ложечкою, головной боли, расстройства в желудке, кровохаркания — превосходное средство — [*нрзб.*] —. Детям и людям очень слабого сложения должно принимать по одной капле в столовой ложке воды, на ночь, ложась спать; но лучше принимать по две капли. Если болезнь сильна, то можно, вдобавок к вечернему приему, принимать по одной капле в столовой ложке сразу после обеда. Принимать должно 4 или 5 дней в неделю, а два или три дня отдыхать. Большие приемы, только что сделается получше, должно убавить.

По настоящему состоянию Твоего здоровья советовал бы я и Тебе попринимать [*нрзб.*] в течение двух-трех недель. Лекарство подействует благотворно на голову, зубы и зябкость.

Описываемые тобою признаки болезненности суть признаки худосочия. В Питере лечили меня разные доктора от воображаемых болезней; в первый раз, уже пред выездом из столицы, Англичанин, дантист, сказал мне: у вас золотуха; от нее расшатались ваши зубы, которые сами по себе здоровы. Я советовал бы

Тебе попить весною и летом хренный сироп, приготовляемый в Москве, единственно в Старо-Арбатской аптеке Кронгельма, с которою знакома А. В. Жандр. Аптека высылает мне сюда по почте. Порция состоит из 5-ти банок, которых достаточно почти на два месяца. Принимают по столовой ложке утром и вечером, запивая стаканом воды и воздерживаясь от кислого и соленого. Действие — подобно щелочным водам, обыкновенно употребляемым от худосочия, но гораздо определеннее. 4 или 5-ть дней в неделю должно принимать сироп, и 2 или 3 дня отдыхать. Для Тебя довольно будет двух порций. Сироп поддерживает и меня, а на Петра А<лександровича>ча и о. Иустина действует отлично, особливо на последнего: помоложе! Порция стоит около 12-ти рублей, и с доставкой.

Если чувствуешь зябкость, то непременно надо держаться потеплее! Зябкость — следствие болезненности или годов. Никак не должно бравировать, иначе усилится болезненность. Я много испортил себя, боясь привыкнуть к теплу, между тем как его требовала природа.

Тебе преданнейший друг и брат

Е<пископ> Игнатий.
26 февраля 1867 г.

Скука, называемая унынием в монашеской жизни, всегда нападает по временам на проводящих уединенную жизнь. Во время ее очень полезно заниматься рукоделием, и при этом вспоминать покойников, кто как умер, и что мы умрем непременно. Духовные книги должно читать понемногу, чтоб ум не пресыщался чтением. С умом случается то же, что и с желудком, который, пресытившись, отвращается и от лучшей пищи.

Мне присылают при лекарстве счет должным за него деньгам в особом конверте, и я высылаю деньги прямо в Аптеку.

Письма Елизаветы Александровны Паренсовой к святителю Игнатию[1]

№ 1

Христос Воскресе!

Искренне поздравляю Вас, почтеннейший Отец Игнатий, с Великим праздником Христова Воскресения. Желаю Вам от всего сердца всех благ от Господа.

[1] РГБ ОР. Ф. 425. К. 4. № 14.

Димитрий Тихонович приносит Вам искреннее свое почтение и также поздравляет с Высокоторжественным праздником. Все продолжение Великого поста у нас были больные, а теперь Манюшка моя тяжело больна, сегодня, слава Богу, ей лучше.

Мы живем в совершенном уединении, несмотря, что всегда в городе. Вижусь всякий день с сестрой Марией Александровной.

Прося Вас, почтеннейший Отец Архимандрит, иногда вспоминать об нас, от всего сердца желаю Вам доброго здоровья и остаюсь с глубоким чувством уважения

Вам преданная сестра

Елизавета Паренсова.
1847 года 17 апреля
Вологда

№ 2

Почтеннейший Отец Игнатий.

Надеюсь на расположение Ваше, уверена, что примите участие в радости нашей. Господь даровал нам сына, которого не оставьте молитвами и благословением Вашим; имя младенца Петр, это второй мой сын, первого Господу угодно было взять у нас, да будет воля Его святая и над вторым. Здоровье мое поправилось, слава Богу; живу одна, муж мой уехал в Мезень. Путешествие трудное, которого требовала служба. С папенькой, братом Семеном Александровичем и сестрами вижусь довольно часто, впрочем веду жизнь очень уединенную. Супружество брата С. А. всех нас радует. Жена его молода, хороша и вместе привержена к религии так, что ожидать было невозможно от воспитания, данного в пансионе. Добра и ласкова в семействе, состояние богатое. Дай Бог им счастья. Сестра Александра Александровна в своей деревне, живет в большой нужде. Хлеб не уродился, а других доходов нет почти. Мария А. живет в довольстве, но здоровье жалкое, страдания ежечасные.

Простите подробностям моего письма. Почтеннейший Отец Игнатий, написала вам, что пред глазами моими и близко сердцу. Искренне пожелав Вам доброго здоровья и всех благ от Господа, прошу Вас, не оставьте меня и семейство мое благословением и молитвами Вашими.

Преданная и уважающая Вас

сестра Елизавета Паренсова.
1843 года 21 августа
Вологда

Письма святителя Игнатия к сестре Марии Александровне и ее мужу Николаю Филипповичу Купреяновым

№ 1

Воистину Воскресе Христос!

Любезнейшая сестра Мария Александровна!

Равно и я поздравляю тебя от исполнения сердечного с протекшим праздником Воскресения Христова; равно и я желаю тебе, друг мой, всевозможного благополучия. Твое сетование справедливо: я слишком долго молчал; молчал, потому что надеялся, что наше взаимное расположение не может быть подвержено сомнению; обыкновенные письма светских людей, состоящие в различных поздравлениях и уверениях, не составляют обязанности монаха. В слове о душевной пользе я отказать не могу; такое слово есть милостыня, которую непременно должен подавать монах не только для душевной пользы ближнего, но и для своей. Когда человек почаще будет размышлять, что все земное временно, непременно кончится смертию, — опять что смерть сия придет неизвестно когда, чрез многие ли годы, или завтра, или чрез неделю, — тогда рождается в человеке забота о приуготовлении себя к вечности; в числе сих приготовлений есть и молитва. Познакомься с Богом заблаговременно, частыми молитвами стяжи дерзновение, дабы, когда должно будет предстать на Страшный суд, могла ты упросить Судию быть к тебе милосердым. Оставь угождение диаволу в различных мирских забавах, послушайся Спасителя, возвестившего: горе смеющимся ныне! Горе насыщенным ныне! — Вопреки завещанию Сына Божия, диавол установил балы, театры и прочие забавы; деньги те приносятся в жертву диаволу, кои могли бы быть принесены в лице нищих Господу Иисусу Христу, Который воздаст дающему милость сторицею в будущем веке. — Займись чтением Божественных книг с благоразумною умеренностью, сохраняющею надолго вкус и утончающею оный, и умножающею сердечную жажду Божественной правды, сими книгами поведуемой. Таковы книги: Четьи Минеи, сочинения Святителя Димитрия Ростовского, сочинения Святителя Тихона Воронежского, письма Георгия Затворника. В особенности последняя книжка драгоценна; ее можно выписать из города Задонска, Воронежской губернии, из находящегося при городе Задонске Богородицкого монастыря. Переводов с немецкого и француз-

ского отнюдь не надо читать; от них можно заразить сердце неисцельною язвою.

Просишь от меня духовного благословения на себя и на мужа твоего? — Да даст тебе Господь прошение сердца твоего, и свыше нисходящею благодатию Святого Утешителя Духа да осенит умы и сердца Ваши к познанию святой Своей воли, да отверзет мысленные очи Ваши к усмотрению краткости и суетности сей земныя жизни, да разжет души Ваши к сохранению заповедей Его, и да сотворит Вас наследниками некончаемых сладостей рая, уготованных всем, любящим Бога и ненавидящим диавола и дел его, и начинаний его, и славы его мерзостной. Аминь.

Усердно любящий тебя и желающий тебе душевного спасения

Архимандрит Игнатий.
1840 г. Апр. 27

№ 2[1]

Воистину Воскресе Христос!
Милостивый Государь, Любезнейший Братец!
Николай Филиппович!

Благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне; взаимно поздравляю Вас с светлым Праздником Воскресения Христова; с искреннейшим желанием Вам всех истинных благ, имею честь быть,

Ваш покорнейший слуга и Богомолец.

Архимандрит Игнатий.
27 апр.

[1] В предыдущем письме.

№ 3

Воистину Воскресе Христос!
Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Сердечно благодарю тебя за твое милое и доброе письмо. Поздравляю тебя с светлым Праздником. Очень рад, что любовь превозмогла напрасное опасение обеспокоить меня письмом твоим. Такое доброе письмо не может обеспокоить — может только утешить и обрадовать. Я не могу участвовать в светских веселостях моих родных; зато должен и желаю принимать живейшее участие в скорбях их. Идут в монастырь и избирают скорбную жизнь для того, чтоб жизнь веселая не развлекала и не привела в забвение Бога, а не для того, чтоб вместе с суетным оставлять и

законное, святое. Я убежден и из слова Божия и из опытов жизни, что Бог кого полюбит, тому непременно пошлет скорби. Потому что без скорбей сердце не может умереть для земли и ожить для Бога в вечности. Слыша о тебе, что ты постоянно больна, я понимал из этого, что Господь обратил на тебя особенное внимание и хочет тебе доставить блаженную вечность. Обрати к вечности очи ума твоего и сердца. Вечность! Все мы непременно должны вступить в нее, и те из нас, которые не хотят нисколько о ней подумать, но всегда мыслями своими и желаниями пригвождены к одному земному. Вечность! С какою радостною надеждою ожидают ее иные, а иным как она грозна! Итак, если вечность нас ожидает непременно, то приготовиться к ней заблаговременно — требует самое благоразумие. Посему советую тебе относительно твоего здоровья положиться на волю Божию. Содержа в памяти мысль, что Бог призывает тебя скорбями к Себе, благодари Создателя, возлюбившего тебя и повторяй чаще сии слова: *Слава Тебе Господи; за все, что Ты мне посылаешь. Твори над рабою Твоею волю Твою.* — Благодарение в скорбях приносит утешение и силу терпеть и долготерпеть. Смерти не должно желать. Бог оттого не посылает ее, что мы к ней не приготовились, как должно. Сколько здесь потерпишь с благодарением, столько в будущей жизни насладишься утешением духовным. Читай письма Задонского Затворника Георгия; они недавно напечатаны в Москве в 3-х томах. Предуховная книжка, наполненная утешительнейших наставлений для страждущих.

Ты не написала своего адреса, почему отправляю сие письмо чрез сестру Лизавету Александровну. Уведомь, долго ли намерена пробыть в Москве и не думаешь ли побывать в Петербурге. Благословение Божие да почиет над тобою.

Тебе преданнейший брат

Арх<имандрит> Игнатий.

1845 года

Апреля 27 дня

№ 4

Любезнейшая Сестра,

Мария Александровна.

Поздравляю тебя с Праздником Воскресения Христова и очень радуюсь, что ты чувствуешь облегчение в болезни. И я нахожу очень хорошим, если б ты вздумала ехать в Вологду чрез Петербург. В июле и августе Петербургский климат менее опа-

сен для людей слабого здоровья, нежели в прочие времена года. Свидание с недостойным братом твоим могло бы доставить тебе неисчислимую пользу и дало бы тебе направление правильное на пути благочестия, на котором можно понести тяжкие труды и иметь самые малые плоды, и, напротив, при малом труде, но правильном можно обогатеть духовными плодами. Сие и св. Апостол Павел засвидетельствовал: *Аще и постраждет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет*[1].

Записочки твоей я не мог доставить Надежде Петровне[2], потому что она (т. е. записочка) прибыла ко мне после того, как брат отправился в Варшаву. Они очень милы, и Надежда Петровна не так в опасном положении, как я думал по заочным вестям.

Дай Бог тебе прочного и скорого выздоровления! Остаюсь навсегда преданнейший брат

А<рхимандрит> И<гнатий>.

1846 года Мая 11-го дня

[1] 2 Тим. 2. 5.
[2] Супруга Семена Александровича Брянчанинова.

№ 5

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Благодарю тебя за милое письмо твое, за поздравление с Новым Годом, за добрые твои желания! Слышал о твоем ушибе, который усилил твою болезненность. Что делать? Каждому надо идти с терпеливым постоянством по тому пути, на который он поставлен судьбою — тем больше, что изменить этот путь не в нашей власти. На людские мнения и речи не советую тебе обращать большого внимания и подчинять им свое поведение, особливо же Боголюбезные впечатления и движения сердечные. Веди себя просто, без принуждения и восторженности, оставляй поступки резко бросающиеся в глаза, выходящие из обыкновенного круга действий — это вполне достаточная жертва для ближних.

Надеюсь весною увидеться: путь мой должен быть на Грязовец, Покровское, и так далее. Здешним местом я очень доволен; лечусь с успехом; но сильное лекарство очень вертит. Теперь очередь дошла до простуженных глаз моих. Начало их вертеть — и пишу с трудом! Христос с тобою! При свидании может быть, что-нибудь скажу и о болезни твоей.

1848 г.

№ 6

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Благодарю тебя от всей души за дружбу твою, которою я был истинно утешен. Радуюсь, что судьба привела меня побывать под благословенным покровом дома твоего. Путешествие мое я совершил благополучно, здоровье мое приходит в лучшее и лучшее состояние.

Будь благополучна! Бог да возвратит тебе потерянное тобою здоровье! А я остаюсь навсегда тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
1848 года июня 9-го дня
Сергиева Пустыня

№ 7

Любезнейший Друг и Сестра
Мария Александровна!

Милейшее и добрейшее письмо твое от 9-го апреля я получил. Сердечно радуюсь твоему спокойному, приятному и полезному образу жизни. Относительно Саши Жандр скажу тебе, что ее непременно надо взять из института, и если пребывание в деревне не сделает ей пользы, то надо взять ее окончательно. Следовательно, Бог тебе да благословит сделать по желанию твоему с согласия родителя и родных для Саши Жандр.

Призывая на тебя и на добрейшего Николая Филипповича благословение Божие, остаюсь навсегда

Тебе преданнейший брат

Архимандрит Игнатий.
2 мая 1850 г.

№ 8

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Искренно благодарю тебя за воспоминание о мне и призываю обильное благословение Божие на тебя, твоего супруга, твою дщерь и на весь дом твой, на все домочадство твое. Великая мудрость и великий источник утешения — благодарить Бога за все земные скорби, как ниспосылаемые нам самим Промыслом Божиим во спасение душ наших. Кого Господь любит, того и нака-

зует. Пожелай мне не забывать этого святого образа мыслей и не уклоняться от него по поводу различных самооправданий, которые все — ложь и самообольщение, и слепота, и гордыня. Стареюсь, хилею, отживаю: вот, что могу сказать о себе.

И паки призываю на тебя обильное благословение Божие.

Тебе преданнейший брат

Арх<рхимандрит> Игнатий.

1857 года 5-го мая

№ 9

1) Кто желает правильно служить Богу: тот не должен просить у Бога именно чего-либо, как-то слез или чего другого, сообразно мечте своей; должен просить у Бога, чтоб Бог дал ему то, что полезно для души его; человек не знает, что именно полезно для его души. Кто в прошении своем отрекается от своей воли для Воли Божией, тот может получить истинное смирение. Надо удерживаться от разгорячения, а стараться иметь при молитве страх Божий, это вернее.

2) Уединение всегда было полезно, когда, по духу времени, в обществе было много благочестивых людей; а ныне, при общем распространении разврата, уединение и удаление от знакомых и знакомств есть необходимое условие к спасению.

3) Дочку не позволяй себе хлопать, ниже пальчиком. Это чрезвычайно вредно для нравственности как дочки, так и матери. Есть старинное — хорошее, а есть и старинное худое: худому не надо подражать. Выпиши себе книгу: поучения Преподобного Аввы Дорофея, который занимался воспитанием молодых иноков с отличным успехом. Эта книга будет превосходным наставлением для тебя самой и для воспитания дочери. Читай книгу, и изучай ее. Знай, что паче всех твоих наставлений словами, жизнь твоя будет самым сильным наставлением для дочери.

4) Сознавать себя грешным необходимо для спасения, а засуживать себя и метаться во все стороны от греховности очень вредно. Все неумеренное — от бесов, сказал Преподобный Пимен Великий. Что ты расхвасталась множеством грехов твоих? Спаситель и Искупитель наш неисчислимо богат и могуществен: для Него ничего не значат прегрешения всех человеков, только бы они сами не отвергли своего Искупителя. Господь сказал прощенной Им грешной жене: *Аз тебе не осуждаю: иди, и отсель ктому не согрешай* (Ин. 8. 11). Тот, кому прощены грехи при таинстве исповеди, обязан не повторять этих грехов, и только.

Воспоминание прежних телесных грехов очень вредно и воспрещается святыми Отцами. Тут действуют неверие, недостаток уважения к Таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность. Тебе не представилось ли, что тут действует смирение?

5) Почти то же должно сказать о намерении твоем открыть твою греховность некоторому лицу. Опять здесь недоверие к Святому Таинству Исповеди, в котором действует всесильный Дух Святой, решительно и вполне изглаждая грехи человеков. Зачем ты считаешь уничтоженное существующим? Не смей прикасаться к Великому Таинству! Ничтожная пылинка! Не смей пополнять Великого Таинства, которое имеет свою полноту от Бога, и не нуждается в пополнении человеческом. *Не повторяй согрешений*: вот все, чего требует от тебя Бог, и что единственно нужно для твоего спасения. Не смей говорить о твоих грехах никому, кроме духовника. Бойся неверия: ибо оно умаляет в мыслях человека могущество и благость Божию. Надо очень остерегаться фальшивых мыслей и разгорячения: потому что при них человек, думая делать добро, может наделать много зла и себе и ближним.

Непременно нужно для желающего спастись руководство аввы Дорофея: оно придется по тебе. Христос с тобою, повторяю мое искреннейшее желание всех благ тебе и твоему семейству.

Недостойный Епископ Игнатий

3 февраля 1859 г.

№ 10

Любезнейший Друг и Сестра,
Мария Александровна!

Письмо твое от 29-го окт<ября> я получил 15-го ноября. Спаси тебя Господи за участие, которое принимаешь в Алексее Петровиче. И то хорошо, что не пишешь подробностей о нем брату, Петру Александровичу, который имел средство сам узнать о нем все. Современная политика, общественная и частная — невмешательство. Держаться ее — полезно и благоразумно. Алексей, как юноша, пошалил и поглупил, вероятно, и теперь имеет образ мыслей не самый основательный. Время и обстоятельства вразумят его. Брат Петр Александрович поступил в этом обстоятельстве, как следует благоразумному и благородному человеку — православному христианину.

Благословение Божие да почиет над тобою, над супругом твоим и над дщерью. А я совсем состарился: хвораю и хвораю.

Тебе преданнейший брат

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

1860 года, 15 ноября

P. S. С Алексеем Петровичем у меня нет никаких сношений; из монастыря и вообще из Москвы он не написал мне ни строчки, указывая, конечно, этим, что мне нет никакого дела до дел его.

№ 11

Любезнейший Друг и Сестра,

Мария Александровна!

Приношу тебе искреннейшую благодарность за доставление коров в монастырь, который нуждался в умножении его стада, как для братской трапезы, так и для хлебопашества. Надеюсь, по словам брата Петра Александровича, вскоре лично видеть и благодарить тебя.

Мое благословение и усерднейший поклон Николаю Филипповичу и Александре Николаевне.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Твоим покорнейшим слугою и братом

Е<пископ> Игнатий.

18 сентября 1863 г.

Письма святителя Игнатия к Александру Александровичу Сухареву[1]

№ 1

Христос пришел на землю спасти грешников, а не праведников. Точно так нисходит Он Своим Святым Телом и Своею Всесвятою Кровию в грешного человека и спасает его. Не сочувствие к нашей праведности и к нашим достоинствам привлекает к нам Господа, но Его милосердие к нашей греховности и немощи, нами сознаваемой и оплакиваемой. Кто по возможности употребляет все усилия, чтобы воздерживаться от грехов и при сознании сво-

[1] *А. А. Сухарев* — сын Агафоклеи Марковны Сухаревой, о ней см. Настоящее издание, т. 3, с. 571.

ей греховности и немощи приступает к Господу: того Господь приемлет. Он отвращается от тех грешников, которые приступают к нему без благоговения и без намерения оставить греховную жизнь. Такие принимают Святые Тайны во осуждение себе.

23 июня 1863 года

№ 2

Находящийся в болезненном состоянии подобен закованному в тяжкие оковы извне и внутри. Но оно посылается или попускается Богом, Который *наказует всякого, его же приемлет.* По этой причине болезнь сопричисляется к тем подвигам, которыми изработывается наше спасение. От всякого подвига требуется, чтоб он был правилен. Тогда подвизается человек правильно в труде болезни своей, когда благодарит за нее Бога. Святые Отцы причисляют болезнь, сопровождаемую благодарением Богу и славословием Бога за Его отеческое наказание, руководствующее к вечному блаженству, — к двум величайшим иноческим подвигам — безмолвию и послушанию.

8 августа 1863 года

№ 3

Пишу Вам, потому что вы находитесь в болезненном состоянии. Знаю на опыте трудность этого положения. У тела отнимаются силы и способности; вместе отнимаются силы и способности у души; расстройство нервов сообщается духу, потому что душа связана с телом союзом непостижимым и теснейшим, по причине которого не могут не влиять друг на друга душа и тело. Присылаю Вам духовный рецепт, которым советую Вам употреблять предлагаемое лекарство по нескольку раз в день, особливо в минуты усиленных страданий и душевных и телесных. Не замедлится при употреблении вынаружение силы и целительности, сокровенных во врачевстве по наружности своей самом смиренном.

Уединясь, произносите неспешно, вслух самому себе, заключая ум в слова (так советует святой Иоанн Лествичник) следующее: **«Слава Тебе, Боже мой, за посланную скорбь; достойное по делам моим приемлю: помяни мя во Царствии Твоем»**. Так как сущность этого упражнения заключается в сосредоточенном внимании, то телу надо давать спокойное положение, чтоб движения тела и происходящие от них разгорячения крови не препятствовали уму сосредоточиваться. Лучшее положение — лежащего на

одре. И в Евангелии сказано, что больной в таком положении представлен был Господу и получил милость от Господа. С тою же целию удобнейшего внимания повелевается заключать ум в слова молитвы, должно произносить молитву крайне неспешно. Сказав молитву однажды, несколько отдохните. Потом опять скажите и опять отдохните. Продолжайте так молиться минут 5 или 10, доколе не ощутите вашу душу успокоенною и утешенною. Вы увидите: после трех сказанных таким образом молитв начнете чувствовать, что успокоение входит в Вашу душу и уничтожает терзавшее ее смущение и недоумение. Причина этому ясна: благодать и сила Божия заключается в славословии Бога, а не в красноречии и многословии. Славословие же и благодарение суть делания, преподанные нам Самим Богом, — отнюдь не вымысел человеческий, Апостол заповедует это делание от лица Божия (1 Сол. 5. 18).

Предадимся добровольно воле Божией: потому что хотим или не хотим, а находимся и будем находиться в руках Божиих, хотя на некоторое время и предоставляется нам свобода в действиях, чтоб высказались наше произволение и залог сердечный.

Вместе со мною свидетельствует вам N. N. свое совершенное почтение и преданность. Причиною чувств этих — учение Христово. О! сей драгоценный бисер, столько малопримерный на земле, сокровенный в уничижениях, в страданиях, в которые была облечена земная жизнь Спасителя, да будет для нас залогом вечного раскрытого и блистающего Божественным светом небесного блаженства.

Письма святителя Игнатия к родным (без указания кому именно)

№ 1

Наконец получил я от тебя, истинный о Господе друг мой, письмо по мысли моей, по сердцу! Когда прочитал я его, то услышались мне слова Св. Апостола Павла: *Несть Скиф и варвар, Иудей и Еллин, мужеск пол и женск, но нова тварь о Христе Иисусе*[1]. Спаси тебя, Господи, за то, что ты меня утешила, дала увидать Евангелие, напечатанное на душе, а не на бумаге. Пойми всю простоту сию, и всю глубину сию, и всю широту сию, и всю высоту сию. Да подаст тебе Бог разум обо всем. *Хотяй спасти душу свою да погубит ю*[2], и когда погубит ее, тогда узрит ее приобретенною. Погуб-

ляй до конца: ибо вера выше разума. Разум истязует; вера — в Боге. Христос с тобою и твоими.

Грешник Игнатий.

[1] *...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3. 11).
[2] См.: Мф. 16. 25; Мк. 8. 35; Лк. 9. 24.

№ 2

Воистину Христос Воскресе!

Благодарю тебя за дружеское письмо Твое и поздравление с Праздником Праздников Воскресением Христовым, с которым я равным образом поздравляю тебя, желая тебе всех истинных благ. Христос, поправший Своею смертию смерть человеков и воскресением Своим даровавший воскресение всем верующим в Него, уже одержал победу и над всеми скорбями твоими, а со Христом одержал и ты эту победу. Терпи великодушно яростные волны, терпи великодушно напор свирепых ветров, терпи силою веры — и Христос приведет тебя в свое время в покой Свой. По множеству болезней, которые тебя посещают в этой временной жизни, великие утешения ожидают тебя в вечной жизни. Не тревожься восстающими страстями, старайся по возможности противиться им: человек, доколе на земле и облечен в бренное тело, дотоле повержен изменениям; то чувствует сердечный мир и спокойствие, не возмущаемое никакою страстию, то находится в обуревании страстей. Такая изменяемость научает нас самопознанию, смирению, научает прибегать непрестанно к помощи Божией, которая только что нас оставит, хотя бы на одну минуту, то мы падаем и совершаем бесстрашно беззакония. Призывающий на тебя благословение Божие.

А<рхимандрит> И<гнатий>.

13 апреля 1849 г.

№ 3

Желающий заниматься богоугодно молитвою должен заботиться только о том, чтоб во время молитвы ум его сохранял внимание, а сердце содействовало уму чувством покаяния. Иногда молитва сопутствуется обильным умилением, которое приходит человеку независимо от него, а иногда при молитве чувствуется особенная сухость также без видимой причины. На эти перемены должно смотреть равнодушно, как смотрит на пере-

мены погоды опытный земледелец, зная, что после ненастья бывает ведро, а после ведра — ненастье. Земледелец заботится о том, чтоб успешно произвести сеятву и собрать жатву, хотя бы то было сопряжено с большим трудом и с большими препятствиями от непогоды: так и занимающийся молитвою, заботится о том, чтоб молитва его была правильною и чтоб при возделании себя ею получить от Бога дар спасения, хотя б молитвенный подвиг сопровождался трудом и скорбями, был наветуем разными искушениями. На скорби и искушения он смотрит, как на бури, которые приходят и уходят.

Святые Отцы сказали, что человеку, занимающемуся внимательною молитвою, особенно завидует дьявол и наводит на него различные искушения. Это совершается не без Промысла Божия, для нашей существенной пользы, и потому искушения вражеские должно переносить великодушно, предавая себя воле Божией. Также Отцы сказали: «Помолясь, как должно, ожидай противного». Это значит: после внимательной молитвы,— когда нам даруется обильное умиление, всегда случается какое-либо смущение или искушение. От смущения должно храниться, т. е. отвергать его, когда оно придет, а тому, что оно приходит, не должно удивляться.

Нападение на нас греховных помыслов попущено нам для нашей пользы, потому что оно приводит нас к смирению, к опытному познанию нашего падения, нашей греховности. Отцы признают нашествие греховных помыслов на занимающегося молитвою хорошим признаком: от борьбы с греховными помыслами получаются деятельный разум и твердость духа. Греховным помыслам должно противиться, а увлечения ими немедленно врачевать покаянием.

Не входи в тонкое рассматривание твоих страстей: это тебе не под силу и непременно повредит тебе. Знай, что падение наше насадило в каждом из нас семя всех грехов, и потому падение по необходимости должно проявлять свое присутствие в нас разными греховными помыслами и ощущениями. Этому не должно удивляться как чему-либо странному! Этому следует быть! Но греховные помыслы и ощущения не должно рассматривать, чтоб они не вкрались в душу и не заразили ее, должно их немедленно отвергать, самому повергаться в пучину милосердия Божия.

Благодарение благости Божией за то душевное успокоение, которое ты получила, посетив святую Обитель! Все блага, которыми

пользуются человеки, принадлежат Богу, Его — дары. Ему — слава во веки. Аминь.

№ 4

Свойственно умной молитве открывать страсти, скрывающиеся и тайно живущие в сердце человеческом! Она и открывает их, и укрощает.

Свойственно умной молитве открывать тот плен, в котором мы находимся у падших духов. Она открывает этот плен и освобождает от него.

Следовательно, не должно смущаться и недоумевать, когда восстают страсти из падшего естества, или когда они возбуждаются духами.

А как страсти укрощаются молитвою, то и должно, когда они восстанут, творить умом неспешно и очень тихо молитву Иисусову, которая мало-помалу уймет восставшие страсти. Иногда восстание страстей и нашествие вражеских помыслов бывает так сильно, что возводит в великий душевный подвиг. Это — время невидимого мученичества. Надо исповедать Господа пред лицом страстей и бесов молитвою продолжительною, которая непременно доставит победу.

Очень хороша книжка преподобного Нила Сорского: тебе не мешало бы завестись ею.

Не занимайся тонким рассматриванием твоих помыслов и состояний. Это превышает твои силы. Твое рассматривание непременно должно быть ошибочным и иметь вредное влияние на твое жительство. Один Святой сказал: «Я возложил все немощи мои и погрешности на Господа и на Его Пречистую Матерь». Так поступи и ты.

Ходи пред Богом по мысленному пути с простотою. Знай, что ты заражен греховностию, что эта греховность естественно должна отзываться во всех твоих действиях, и потому плачь молитвенно пред Богом и только. Бог отнюдь не казнитель, как тебе представилось, но воспитатель. Иногда Он посылает в утешение благодатные ощущения, а иногда попускает для смирения взволноваться страстям и подвергнуться нападению духов: то и другое делается по великой милости к нам, с целью существенной пользы нашей.

Благодарю за уведомление о печальных событиях. Это — плод сеятвы, как Апостол сказал: *Бог поругаем не бывает: что человек посеет, то и пожнет* (Гал. 6. 7). Заботились о своей славе всеми

непозволительными средствами, а истинною славою Божиею пренебрегли: то Бог попустил обесславиться. Вообще положение монастырей в России в нравственном и духовном отношениях самое бедственное. За сто лет до нас Святитель Тихон сказал, что истинное благочестие почти исчезло, а заменено оно лицемерством для обмана людей с целию вещественной выгоды. Надо понимать дух времени и не признавать прежние пристанища пристанищами, потому что они наиболее превратились в гибельные омуты и пропасти.

Декабря 1863 года.

№ 5

Христос Воскресе!

По сравнению, сделанному Святыми Отцами, внутренняя жизнь подвижника Христова подобна погоде: иногда бывает ясно и тепло, а иногда пасмурно, ненастно и холодно. По их же сравнению эта жизнь подобна урожаям хлеба, которые иногда бывают очень обильны, иногда очень скудны. Люди опытные не надеются на постоянство хорошей погоды и не приходят в смущение от погоды дурной, зная, что одна постоянно сменяется другою. Также при хорошем урожае они не полагаются на него и не престают от труда, а при худом урожае не впадают в уныние и равным образом не престают от возделывания земли. Таков закон природы. Подобен ему и закон подвижничества. Иногда бывает посещение благодати, и душа утешается, а иногда восстают волны искушений, и она поставляется в затруднительное положение. Таков был путь всех Святых Отцов. Они повелевают всякому, желающему подвизаться правильно, чтоб он подчинился с покорностию этому закону подвижничества, установленному Самим Богом для странника земного. От постоянно ясной погоды высыхает земля и заводятся во множестве черви и прочие вредные насекомые. Подобно этому действует на душу продолжительное спокойствие, даже производимое благодатию: в душе зарождается высокоумие, самомнение, самонадеянность, презрение к ближним, уничижение и осуждение их и тому подобные недуги духа человеческого, самые опасные и самые страшные.

Великое дело: признавать себя достойным искушения и предаваться воле Божией, когда придет искушение. Это очень помогает и при страхованиях. Признание себя достойным всякого наказания, и даже явного бесовского, приводит к самоотвержению и к преданности воле Божией. От самоотвержения и пре-

данности воле Божией уничтожается страх, наводимый бесовским искушением. Диавол ничего не может сделать без попущения Божия; **он находится постоянно во всемогущей руке Божией и имеет** не иное значение в этой руке, как значение **бича, который сам по себе лишен всякой способности к действию**. Тебе послано было духовное видение низшего разряда, видение греховности твоей и того общения, в котором человек содержится при посредстве греха с духами отверженными. Враг позавидовал этому и захотел восхитить из души твоей плод, то есть чувство плача. Он сделал это хитро, внушив неправильную мысль, которая всегда бывает началом зла. Ему попустилось сделать это для твоего искуса, чтоб ты опытно познала диавольские козни и постоянно была на страже. Духовные сокровища должно хранить и хранить. Впрочем, посещению благодати обыкновенно предшествует или последует искушение.

Все, случающееся с подвижником, свидетельствует само о себе. Но это могут понимать только те, которые проходят подвиг правильно. Обольщенные также довольны в слепоте своей своими состояниями и случающимся с ними: их довольство есть самодовольство, основывающееся на удовлетворяющем их и ласкательствующем им мнении их о себе, а не на зрении своей греховности и окаянства. Очень хорошо поверять себя, открывая о том, что случается вне обыкновенного порядка. Открывать должно пред знающими дело, а не пред умницами, прославляемыми и выставляемыми миром за святых и духовных. *Мир любит свое*[1],— сказал Спаситель. Мир — в прелести и сочувствует одним тем, которые находятся в прелести. Служителей истины он отвергает и ненавидит.

Наступают времена трудные в духовном отношении; они наступили уже давно, как пишет Святый Тихон Воронежский, но затруднительность постоянно увеличивается, отступничество принимает огромные размеры. Это — попущение Божие, предсказанное в слове Божием. Пред непостижимыми судьбами Божиими должно благоговеть. Что — мы пред Богом? — Ничтожные червячки, призванные Его неизреченной милостию в бытие и что выше бытия, в познание Бога, в общение с Богом. Будем прославлять Его благоволение о нас, Его милость к нам! Будем молить Его, да совершит до конца милость Свою над нами!

Недостойный Е<пископ> И<гнатий>.
8 апреля 1864 г.

[1] Ср.: Ин. 15. 19.

№ 6

Святые Отцы повелевают подвижнику молитвы при случающихся явлениях вне и внутри себя пребывать равнодушным к ним и не внимать им, не признавая себя достойным видения святаго. Они завещают с одной стороны не порицать явления, чтоб не подвергнуть порицанию святое, а с другой никак не вверяться явлению, поспешно признав его истинным, чтоб не впасть в сеть лукавого духа, старающегося обольстить и обмануть подвижника, с целию повредить или погубить его. По миновании явления, иногда чрез значительное время, является в сердечном чувстве объяснение значения, которое должно дать явлению. Вообще замечено Святыми Отцами, что тех, которых Бог посетил истинным явлением, сатана начинает искушать явлениями ложными. На это тебе нужно обратить особенное внимание для предосторожности.

Видеть настоящее положение духовных руководителей необходимо, чтоб охраниться от обмана; вместе должно очень остеречься от осуждения их, непрестанно обращаясь ко вниманию себе. Откровенность очень опасна в наше время, потому что некоторые по превратному пониманию своего положения считают обязанностью своею выведывать, чтоб потом выведанное передавать. Вероятно, это делается и с целию подслужиться.

Потрудись передать К. И. мою искреннейшую благодарность за воспоминание обо мне. О здоровье моем не могу сказать ничего положительного. Внутри боли уменьшились. Кровь значительно улучшилась. Пришлось провести жизнь трудную, почти постоянно быть в занятиях, превышающих телесные силы и несоответствующих состоянию здоровья.

Благословение Божие да почиет над тобою.

Е<пископ> И<гнатий>.

14 марта 1864 года

№ 7

Воистину Воскресе Христос! Предсказанное Словом Божиим должно совершиться. Наш священный долг — благоговеть пред судьбами непостижимыми Бога Господа и, понимая глубокое значение совершающегося, обратить все внимание, внимание усиленнейшее на усвоение себя Христу, как Святые Отцы сказали: «Спасаяй, да спасет душу свою». Спаситель заповедал: «бдите и молитеся, да не внидите в напасть». Пред наступлени-

ем великих скорбей должно молиться с особенною тщательностью и умолять Бога о помиловании.

Благодарю за уведомление о мнении различных личностей о «Слове о Смерти» и других сочинений, находящихся в связи с этим «Словом». В Петербурге подобное явление. Именно: большинство духовенства сначала были против «Слова», но некоторые из духовенства — весьма немногие — были и за него. Когда же пообдумались, особливо после появления статьи «Взгляд» на мнение западных, тогда все замолкли, впрочем не по причине согласия. Нельзя было отвергать служителям православной Церкви учение, провозглашаемое Церковию всенародно на всем пространстве ее Богослужения. Хотели отомстить иначе; но рука Божия отвратила удар, направленный при посредстве Б. Б., стоящего во главе шайки издателей реформационного и вкупе революционного журнала «Странник». Писания мои мне не принадлежат; их источник — Отцы, они принадлежат Отцам православной Церкви. Избрание меня Промыслом Божиим в орудие преподания этой жизненной духовной пищи современному остатку верующих есть и им и мне благодеяние Божие. *Мир любит свое,*— сказал Спаситель. Когда мир услышит Слово Божие, провозглашаемое по стихиям и в духе мира, т. е. когда он услышит учение свое, прикрытое личиною учения Божия, тогда он превозносит его похвалами. Когда же он ощутит в слове присутствие иного духа, действующего разрушительно на владычество мира: тогда он заражается ненавистию к слову, установляет гонение на произнесшего слово. Очень опасно приобретать познания не во Христе, а развивая свое собственное падшее естество, пребывать по духу в общении с миром. Действуя в области последнего способа люди непременно заражаются враждою к Святому Духу, как заразилось этою смертоносною враждою иудейское духовенство, в чем и обличено оно первомучеником Стефаном (Деян. 7. 51). Эти ученые по букве не нашли слов, чтоб противопоставить их словам Духа, которые произносил Стефан, и потому возгорелись к сосуду духа завистию и ненавистию. На слова они отвечали камнями; на преподание истины возразили убийством. Слово Божие всегда было гонимо миром; гонение от мира всегда было свидетельством учения, исходящего от Бога.

П<етр> А<лександрович> заботится об издании «Аскетических Опытов», в которых с особенною подробностию и разнообразием преподается понятие о правильной молитве, также и других существенно нужных и важных подвигах духовных, без ко-

торых одни телесные безполезны и даже могут быть очень вредными, душепагубными. «Опыты» должны доставить основательное понятие о таких предметах, о которых ныне в обществе христианском имеется познание самое поверхностное, по большей части самое превратное, душевредное и душепагубное. «Опыты» должны удовлетворить настоятельной нужде подвизающихся и спасающихся в наше время, в которое иссякли благодатные наставники, умножились и лжеучители. Напечатание «Опытов» устроилось особенным Божиим Промыслом. Отступление начало совершаться с некоторого времени очень быстро, свободно и открыто. Последствия должны быть самые скорбные. Воля Божия да будет! Милость Божия да покроет нас!

Призывающий на тебя благословение и благодать Божию.

Е<пископ> И<гнатий>.

2 мая 1864 года

Варвара Каширина

Новонайденные ранние письма святителя Игнатия Брянчанинова[1]

В собрании рукописей Российской государственной библиотеки хранится сборник из двух рукописных книг под названием «Письма (в списках) старца иеросхимонаха Льва (Леонида) (Наголкина)»[2]. Первая рукописная книга содержит краткий очерк жизни старца иеросхимонаха Льва и 62 письма (в списках) старца Льва к разным лицам. В конце приложено письмо монаха Иоанникия к наместнику Александро-Невской лавры о. архимандриту Аарону о причине выхода из нее, а также составлено оглавление с тематическим указателем. Вторая рукописная книга содержит 46 писем (в списках). В конце прилагается переписка учеников старца Льва, выписка из книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и св. земле постриженника святыя горы Афонския инока Парфения» (М., 1855), а также оглавление.

Этот сборник в середине XIX в. готовился к печати, о чем свидетельствуют многочисленные примечания с обращением к читателю, а также проведенная составителями редакторская правка писем.

Согласно библиотечной описи, рукописные книги датируются второй половиной XIX в. Анализ примечаний позволил определить время формирования рукописных книг как 1855–1857 гг. В сборник были включены выписки из книги «Сказа-

---

[1] Публикация и комментарии В. В. Кашириной. ‖ [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370; Опт-371.

ние... инока Парфения», вышедшей в 1855 г., что могло быть сделано не ранее 1855 г. В примечаниях к письму о. Иоанникию от 1 октября 1823 г.[1] отмечено, что упоминаемый Преосвященный Филарет Калужский, «нынешний Митрополит Киевский», т. е. сборник формировался не позднее 20 декабря 1857 г. Сноски к письму о. Иоанникию от 20 марта 1823 г.[2] были сделаны, предположительно, как составителем, так и позже — переписчиком. В примечании отмечается, что откровение, бывшее схимонаху Феодору, содержится в рукописном пространном житии, написанном учеником его, ныне архимандритом о. Игнатием Брянчаниновым. Позднейшая сноска, сделанная другим почерком уже после формирования сборника, содержит уточнение: «ныне епископ Ставропольский», что могло быть отмечено лишь после 1857 г., когда архимандрит Игнатий был хиротонисан в епископа Кавказского и Черноморского.

На основании изложенных фактов составителем сборника и автором «Краткого очерка жизни старца иеросхимонаха Льва» являлся, как мы предполагаем, о. Леонид (Кавелин). Однако, работа над сборником в какой-то момент была прервана, а большинство писем и до сегодняшнего дня так и остались неопубликованными.

Незавершенность работы, преимущественно над второй рукописной книгой, объясняется, видимо, тем обстоятельством, что в конце 1857 г. в жизни Л. А. Кавелина происходит ряд событий, сказавшихся на этой работе: 7 сентября 1857 г. Лев Александрович Кавелин был пострижен в монашество с именем Леонид, 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона и 29 — в иеромонаха. А в ноябре 1857 г. был назначен в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, где пробыл два года.

В дальнейшем собранные материалы были использованы при составлении полного жизнеописания оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Краткое жизнеописание старца, помещенное в первой рукописной книге, по сути является редакторской обработкой уже изданного жизнеописания в «Историческом описании Козельской Введенской Оптиной Пустыни...»[3]. В основном редакторская правка коснулась композиции

---

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 159–172. ‖ [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 151–159. ‖ [3] Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи / Сост. Лев Кавелин. Спб., 1847. Ч. 2. С. 51.

воспоминаний. Если в «Историческом описании Козельской Введенской Оптиной Пустыни...» в жизнеописании старца можно выделить две структурные части: биографические сведения, собранные о. Леонидом (Кавелиным) и воспоминания о старце его ученика о. Антония (Бочкова), то в рукописном варианте эти части объединены воедино по хронологическому признаку.

Осознавая, что предлагаемые заметки о старце Льве недостаточны по своей полноте, составитель рукописного жизнеописания замечает, что «материалами для составления полного жизнеописания сего достопамятного старца может послужить нижеследующая переписка о нем между его учениками...»[1], «где также видно влияние его на умы благочестивых современников»[2]. В конце второго сборника в разделе «Переписка учеников старца Льва» помещено всего 5 писем учеников и среди них 2 письма послушника Димитрия (впоследствии святителя Игнатия Брянчанинова).

В рукописной книге писем старца Льва находится одно письмо иеросхимонаха Льва Димитрию А[лександрови]чу [Брянчанинову], которое датируется 28 марта 1827 г.[3] и относится к периоду пребывания старца в Александро-Свирском монастыре. Димитрий Александрович Брянчанинов находился в то время в Динабургской инженерной команде, куда был направлен в январе 1827 г. по высочайшей воле Императора, несмотря на просьбы об отставке.

В письме приоткрывается внутреннее делание будущего Святителя, которое Димитрий Александрович проходил под руководством и по благословению старца. Старец Лев пишет своему ученику, мирянину, о молитвенном правиле: «Насчет полученного Вами от нашего недостоинства правила, хотя Вы по слабости здоровья и не исполняете, а потому и вкусу плодов его не ощущаете, но, по крайней мере, будете о сем сожалеть и окаявать себе, яко должника и несоблюдателя Отеческих преданий. Тогда Премилосердый Господь, видя Ваше раскаяние, по неизреченному Своему человеколюбию и милосердию силен и всемогущ сим оное пополнить»[4].

Из письма видно, что и после высочайшего назначения Димитрий Александрович не оставлял мысли об отставке, стремясь

---

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 31 об. ‖ [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 366. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 217 об.–226 об. ‖ [4] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 218–218 об.

поступить в обитель под руководство богомудрых наставников монашеского делания. Старец Лев советует: «Также и насчет отставки, да со благодушием ожидаем и [с] терпением да тецем, по Апостолу, на предлежащий нам подвиг и да веруем, что Всемилостивый Господь всячески лучшее о нас устрояет». О том, что во время пребывания Димитрия Александровича в Динабургской крепости между ним и старцем велась переписка, свидетельствуют упоминания в других письмах старца Льва.

В конце второй рукописной книги писем иеросхимонаха Льва составитель помещает письма учеников старца: «В дополнение характеристики о покойном старце отце Леониде считаем приличным поместить следующую переписку учеников его друг к другу, где также видно влияние его на умы современников»[1]. Среди этих писем находятся два письма послушника Димитрия <Александровича Брянчанинова>. Первое адресовано неизвестному лицу с инициалами М. Т. и написано в 1828 г. в Александро-Свирском монастыре, куда Димитрий Александрович поступил в конце 1827 г. Второе адресовано о. Иоанникию (Бочарову).

Письма написаны по благословению старца Льва: «Батюшка дозволил мне, всескверному, отвечать на письмо Ваше, он находится в весьма слабом положении и редко берет перо в руки. Весьма радуюсь, что имею возможность и случай писать к Вам, вселюбезнейший отец! Однако, не могу скрыть от Вас некоторого чувства боязни, ибо нечистые уста имею. Впрочем, уповая на молитвы Батюшки и Ваше необыкновенное снисхождение ко мне, зловонному грешнику, начинаю помаленьку отвечать на Ваши приятнейшие строки...»[2]. Письма, по-видимому, потом прочитывались старцу, потому что в примечаниях отмечается, что над словами послушника Димитрия: «Частенько заутрени просыпаю и веду себя самым негодным образом», — сделана собственноручная запись отца Льва: «Сии слова помещены не по свойству и самочинно»[3].

В первом письме содержится просьба списать у о. Иоанникия письма покойного схимонаха Феодора и прислать их в Александро-Свиркий монастырь. Отец Иоанникий по матери приходился родным племянником старцу Феодору (Перехватову), ученику преп. Паисия (Величковского). Вместе со

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 366. || [2] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 369 об. || [3] РГБ ОР. Ф.214. Опт-371. Л. 368.

старцами Феодором и Львом о. Иоанникий находился в Чолнском монастыре, Белобережской пустыни, где был пострижен в рясофор о. Львом, и в Валаамском монастыре. С 1824 по 1834 г. о. Иоанникий нес послушание в Александро-Невской лавре, где с ним и познакомился молодой Димитрий Александрович Брянчанинов. С самого первого дня своего поступления в монастырь о. Иоанникий предал свою волю старцам, а, разлучаясь с ними, часто переписывался, прося духовных советов. По свидетельству «Летописи скита Оптиной Пустыни», у о. Иоанникия скопилось много писем его великих наставников, которые он дарил ученикам и «духовным чтителям» старцев[1]. Просьба Димитрия Александровича прислать ему письма схимонаха Феодора была связана, видимо, с работой молодого послушника над жизнеописанием продолжателя духовных традиций Паисия (Величковского). «Жизнеописание схимонаха Феодора», составленное святителем Игнатием, при его жизни не было опубликовано. Позднее была опубликована поздняя, значительно исправленная редакция жития [2]. Раннюю редакцию жизнеописания нам удалось найти в рукописных фондах Оптиной Пустыни, хранящихся в Российской государственной библиотеке[3].

[1] См.: РГБ ОР. Ф. 214. Опт-361. Л. 166–179. ‖ [2] Настоящее издание. Т. 4. С. 430–443. ‖ [3] См. с. 633–650.

Письмо иеросхимонаха Льва к Дмитрию А<лександрови>чу <Брянчанинову>[1]

Молитвами Святых Отец наших, Господе Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Пречестнейший Димитрий А<лександрови>ч! Усердно желаем Вам о едином Пресладчайшем Господе Иисусе радоватися!

Благоприятное Ваше писание, пущенное Вами от 21-го с почтою, мы имели удовольствие получить 25-го и, прочитывая оное, вняли содержанию.

Взаимно Вас приветствуем с наступившею Страстною седмицею, а равно и с приближающимся высокоторжественным и всерадостнейшим всех праздников праздником.

Насчет полученнаго Вами от нашего недостоинства правила — хотя Вы по слабости здоровья и не исполняете, а потому и вкусу плодов его не ощущаете[2], но, по крайней мере, будете о сем сожалеть и окаявать себя, яко должника и несоблюдателя Отеческих преданий. Тогда Премилосердый Господь, видя Ваше раскаяние, по неизреченному Своему человеколюбию и милосердию силен и всемогущ сим[3] оное пополнить. Также и насчет отставки — да со благодушием ожидаем и терпением *да тецем*, по апостолу, *на предлежащий нам подвиг*! и да веруем, что Всемилостивый Господь всячески лучшее о нас устрояет.

...А что Вы изволите писать объснительно о своих чувствах и соразсмотрительностях касательно неизвестнаго старца, что уже Вы ныне к приобретению своей пользы не можете продолжать к нему приверженности и доверенности, но ощущаете в себе хладность и противоположность в душевных чувствованиях, и притом пополняете, что и мое с ним обращение по духу было принужденное и от единомудрия удаленное... Хотя воистину мало мой дух успокаивался его неоткровенностию и замысловатыми его предприятиями, но однако я, непотребный, не доверяя своему чувствованию[4] и подобной Вашей понятливости и соразбирательности и прочим... нудил себя до избытка как в сообращениях, так равно и в доверии... внутренне же со благонадежием уповал на Всемогущего Испытателя душ и сердец Господа, который всячески устроит о мне вещь в пользу убогой души моей, и за молитвы отца моего и душевного благодетеля достопамятного Батюшки отца Феодора[5] Господь Своим милосердием не презрел мое благонадежие, но сотворил по милости Своей, и все недостатки моих деяний обратил на благое, причем и открыл[6]

моему недостоинству о мудровании его и дерзких поступках, кои до зела казались опасными... Но мы с тобою должны о нем молится тако: «Спаси Господи и помилуй батюшку о. С. А., его же молитвами прости и моя согрешения»... Сказать прямо — мы еще должны благодарить Премилостивого Бога, даровавшаго нам естественное понятие! а кольми паче мы — немощнейшие немощнейших; ... да еще хотя бы и получили некое чувство или понятие, но не можем дерзнуть сказать, чтобы сие было от благодати или от учения внешнего любомудрия... А потому должны опасаться, чтоб не преткнуться о камень жестоты — самомнения... и проч.

...И до высокой потребности.., хотя нам мало случалось... однако виделся, но от дальних разговоров удалялся, а что ему от высш<его> нач<альства> приказано, то, по нашему мнению, должна ему быть в сем польза, но, впрочем, един Господь всевидящим Своим оком весть вся и несодеянная.

О случившихся с Вами событиях благодарить надо Премилосердого Господа, утешающаго наше младенческое деяние не по делам нашим, но по неизреченной милости Своей преподает нам сими благодеяниями познать вкус на опыте[7], что значит: «Иисусе Сладчайший, спаси мя». И паки в 33-м псалме: *Вкусите и видите, яко благ Господь*. Сии действия ... не токмо похожи на объясненные св. священномучеником Петром Дамаскином в 3-х видениях, но и еще есть на сие похожее у св. Исака Сирина в 44-м Слове, кое и помещаю: «...и аще паки зриши в душе твоей, в коемждо помысле движущемся в ней и всякой памяти и видениях, яже в безмолвии твоем исполняемы очи твои слез и дождящияся по ланитам твоим, кроме понуждения, разумей, яко начат быти пред тобою отверзение оплоту[8] в разрушение сопротивных. И аще обретаеши в себе, во время и время погружаему мысль твою внутрь тебе, без промышления, еже о ней, вне чина обычая[9], и пребывает, что в час он, или еже есть[10], и по сих зриши уды[11] твоя, аки бы в немощи мнозе, и царствует мир на помыслех твоих, и самое тебе сие пребывает присно, уразумей, яко начат облак осенити на скинию твою».

Итак, прелюбезнейший, теперь хотя и чувствуешь, что уже Премилосердый Господь по Своему неизреченному милосердию показует Вам путь по словам Его святым в Евангелии: *Ему же аще волит Сын открыти, и Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обря-*

щете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть, — но при всем нашем положении или внутреннем действии и чувствии да подражаем по возможности сил наших кроткому и смиренному сердцем Законодавцу, и воистину тогда и паче более ощутим покой в душе своей!!! И паки слыши св. Исаака Сирина от слова 40-го: «Охраняйся да не на множае изнеможет тело твое, яко да не укрепится на тя нерадение и устудит душу твою от вкуса делания ея. Яко же на мериле, приличествует извесити коемуждо жительство свое. Во время то, в неже насыщаешися, охранися мало от еже к себе дерзновения. С целомудрием да будет седение твое и во время нужды твоя. Паче же бывай целомудр и чист во время сна твоего, и соблюдеши, не точию помыслом твоим, но и удесы[12] твоими. Хранися от возношения во время добрых изменений[13]. Немощь твою и невежество твое противу тонкости самого того возношения в молитве тощно[14] покажи Господеви, да не оставлен будеши искушен быти во скверных. Блуд бо последует гордыни; и возношению прелесть».

От множайших малое напомянувше Вашей любве, и пожелав продолжать течение дней ваших со благонадежием и упованием на Промысл и покровительство Всемогущаго и Великодаровитаго Господа нашего Иисуса Христа, пострадавшаго за весь человеческий род и Своею дражайшею Кровию искупившаго. Той да сохранит и вразумит и просветит Вас своею благодатию и сопричтет ко избранному Своему словесному стаду и соустроит все в благопотребный конец! А я, многогрешный, пребываю о сем с преискреннейшим моим желанием, Ваш покорный слуга и недостойный богомолец, многогрешный Иеросхимонах Леонид со всеми единомысленными, униженно заочно кланяемся.

1827-й года Марта 28-е

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-370. Л. 217 об.–226 об.

[2] На полях рукописи помета: зри.

[3] В ркп: Т. е. самоукорениемъ. — *В. К.*

[4] На полях рукописи помета: *зри.*

[5] Феодор (Перехватов), схимонах. Постриженник знаменитой Нямецкой обители и духовный наставник преп. оптинского старца Льва (Наголкина).

[6] В ркп.: Это слово «открыл» теперь ясно подтверждает слова многих знавших покойного старца о дарованном ему свыше даре прозрения. — *В. К.* На полях рукописи помета: зри.

[7] На полях рукописи помета: *зри.*

[8] В ркп.: т. е. преграды. — *В. К.*

[9] В ркп. примеч.: Вне обыкновенного порядка.

[10] В ркп. примеч.: С час или сколько бы то ни было.

[11] В ркп. примеч.: члены.
[12] В ркп. примеч.: членами.
[13] В ркп. примеч.: в тебе.
[14] В ркп. примеч.: искренно.

Письмо послушника Димитрия <Александровича Брянчанинова> к собрату М.Т.[1]

(по молитве)

Возлюбленный собрат о Христе М. Т.!

Снова захотел ты доставить некоторое утешение мне присно унывающему приятнейшим письмецом твоим, вложенным в письмо достопочтеннейшего отца N.N. Благодарю тебя. За молитвы общего нашего Батюшки[2] Милосердый Господь долготерпит многочисленным грехопадениям моим: я довольно здоров, похаживаю в церковь, (частехонько заутрени просыпаю и веду себя самым негодным образом)[3] по причине жестокости сердечной и непокаяннаго нрава. Я как-то здесь проболтался, что ты курил трубку, Батюшка велел тебе объявить выговор, и, поместив слова св. Исаака Сирина от 86-го слова: «Убойся обычая паче бесов», — прибавить и сие: что как ты не только на словах, но и на письме предал себя ему яко железо ковачу, то в случае преслушания неминуемо должен будешь отвечать на Страшном Суде.

Отец Антиох[4] обещается Бога молить, чтобы помочь тебе от трубки отвыкнуть; а ты за сие пришли нам соленых рыжиков; о сем и я челом бью. Потрудись: [обременяю тебя препоручениями, но таковую дерзость внушает мне твое благорасположение] — потрудись повернее списать у о. Иоанникия[5] письма покойнаго отца Феодора[6] и прислать копии сюда, они очень нужны.

По смирению твоему просишь, возлюбленный брате, грешных молитв моих; твои гораздо нужнее для меня немощнаго и телом и душею. Итак, прошу и молю не забывать меня в твоих святых молитвах; желая тебе всех благ телесных, а паче душевных от руки Великодаровитаго Спасителя нашего Иисуса Христа, и земно кланяясь, остаюсь твой недостойный послушник

Дмитрий многогрешный.

P.S. Прошу всем единомудренным кланяться.

1828 года. Ал<ександро>- Свир<ский> монастырь

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 368-369.

[2] Преп. оптинского старца Льва (Наголкина).

[3] Над словами, помещенными в скобки, в оригинале была сделана приписка-автограф старца Льва: «Сии слова помещены не по свойству и самочинно».

[4] Антиох, иеросхимонах. По кончине о. Феодора (1822) старец Лев по смирению подписывал свои письма и именем иеросхимонаха Антиоха, хотя последний и не участвовал в переписке.

[5] Иоанникий (Бочаров), в схиме Леонид — ученик и постриженник преп. оптинского старца Льва. В 1828 г. — насельник Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга.

[6] Феодор (Перехватов), схимонах. Скончался 5 апреля 1822 г. в Александро-Свирском монастыре. В письме упоминается о работе Дмитрия Александровича над житием схимонаха Феодора, начатой по благословению преп. Льва.

Примечание составителя рукописных сборников писем старца Льва: «Этот пункт сего письма о собрании писем достопамятнаго Старца внушил и мне недостойнешему старание собрать при Божией помощи письма не только упоминаемаго отца Феодора, но и отца Леонида, в сей книге помещенные, равно и отца Макария — достоуважаемаго старца Оптиной Пустыни». — *Примеч. переписчика.*

Письмо послушника Д<имитрия Александровича Брянчанинова> к о. Иоанникию (Бочарову)[1]

(по молитве)

Дражайший и честнейший отец Иоанникий!

Усерднейше желаю Вам о Едином Сладчайшем Господе нашем Иисусе Христе радоватися. Батюшка[2] дозволил мне всескверному отвечать на письмо Ваше: он находится в весьма слабом положении и редко берет перо в руки. Весьма радуюсь, что имею возможность и случай писать к Вам, вселюбезнейший отец! Однако не могу скрыть от Вас некоторого чувства боязни: ибо нечистыя уста имею. Впрочем, уповая на молитвы Батюшки и Ваше необыкновенное снисхождение ко мне, зловонному грешнику, начинаю помаленьку отвечать на Ваши приятнейшие строки, полученные нами во всякой исправности.

Во-первых, честь имеем поздравить Вас с наступившим Новым Годом и от всего сердца желаем по мере слабых и помраченных чувств наших — да дарует вам Человеколюбец Господь новые венцы терпения и прочих добродетелей на сем открывающемся поприще Новаго Года, а равно и во все течение жизни вашей, аще благоугодно будет Богу продолжить оную, дабы и мы, лишенные всякаго добра, получили от Ваших святых мо-

литв некоторую отраду в муках, кои себе уготовляли нашим небрежением. Имеем благонадежие, что письма наши Вы изволили получить. Благодарим Вас за извещение о смерти сестры нашей схимонахини А-ы, мы имеем также известие о ее преставлении из Ладоги; достопочтеннейшая мать игумения пишет пространное письмо, прося, чтоб Батюшка исходатайствовал согласие[3] П. В. Л-ва[4] на завещание, сделанною покойницею, по коему она отказывает все свое имущество в монастырь. Она прислала также и самое завещание, писанное на простой бумаге и засвидетельственное ее духовником и еще другим священником. Но Батюшка так слаб, что не может справиться с делами, давно к нему поступившими, а потому и сие последнее дело оставляет на будущее время.

За сим, вселюбезнейший отец Иоанникий, позвольте принести мою покорнейшую благодарность за все великие Ваши благодеяния и Вашу любовь ко мне, всескверному и зловонному грешнику. Сколько я оной недостоин и как мало успел я оною пользоваться! Но и опять, надеясь на обычное великодушие Ваше, осмеливаюсь просить продолжения Вашего благорасположения ко мне, ничтожному, и не оставьте подкреплять вашими святыми молитвами меня, немоществующего и душею, и телом. Я же честь имею пребыть с желанием Вам всех благ временных, в особенности вечных, земно кланяясь, Вашего преподобия недостойным послушником. — Многогрешный Д<имитрий>.

Покорно прошу — потрудитесь засвидетельствовать от меня поклон отцу А., отцу В., о. П., о. А. и А-вым.

[Без даты.]

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 369–371.

[2] *Примеч. в ркп.*: Говорит об отце Леониде.

[3] На полях ркп. помета: зри.

[4] Речь идет о Петре Васильевиче Лесникове (†25 декабря 1848) — петербургском купце, щедром благотворителе и духовном сыне преп. оптинского старца Льва.

Письма преподобного оптинского старца Льва к игумену Иларию[1]

№ 1

Ваше Высокопреподобие!

Достопочтеннейший отец игумен Иларий!

Усердно благодарю Вас, что вспомнили меня, немощного старца, и посетили Вашим писанием, уделив частицу времени от многоволненных и трудных Ваших занятий по начальству и попечению о спасении вверенных Вам о Христе братий. С сердечным сожалением вижу писанное Вами о своем охлаждении ко всему монашескому, чему приписываете причиною сан начальства. Усматриваю и луч надежды к утешению о Вас, всею душею желание Ваше разрешиться от уз начальства. Но оный погашает малодушие и сомнение Ваше после о раскаянии. Вы находитесь теперь между сими помышлениями в борьбе, не знаете к чему обратиться, видите что горе монаху, вкусившему начальнической жизни, которая лишает его добрых свойств. Посему ясно вижу, что и желаете спасение души, но и любление плоти со страстьми колеблют вас; впрочем, кажется на весах сих первая частица имеет свой перевес.

Справедливо судите о моем, может быть, скором разрешении, ибо к вечеру уже преклонился есть день моей жизни, а сами, надеясь по младости еще наслаждаться оною, ищите и желаете последнего моего совета — полезно ли Вам оставить настоятельство или еще сколько-нибудь времени продолжить? Просите Бога ради написать вам отечески.

О возлюбленный отец и брате! Тесно ми отвсюду оставить Вас без ответа, обдержит мя болезнь и сожаление о душе Вашей, а написать истину обстоятельства нынешних времен и после могущее быть Ваше малодушное раскаяние и на меня сетование. Но памятуя Вашу первую любовь и настоящую веру, без коей бы Вы и вопрошать не стали мою худость, а при том скорбя душею о разстройстве Вашего устроения, решился подать смыслу по вере Вашей, ищущей душевной пользы.

Вспомните свое намерение и ревность при вступлении Вашем в монашество, обеты оного и тщание Ваше с попечением Старцев о снискании спасения души. И ежели что было приоб-

[1] РГБ ОР. Ф. 213. К. 75. Ед. хр. 9. Л. 95–99. Ответ на письмо игумена Илария — см. Настоящее издание, т. 6, с. 690.

ретено, где оно теперь? Заступило оскудение всего. Что сему причиною? — Вы скажете — сан начальства. — Точно, неоспоримо, как и св. Исаак Сирин в 56-м слове пишет, что находящемуся еще в нездравии душевном не должно пускаться в море мира, и между прочими, вредящими душу, упоминает и о начальстве. Однако ж, не собственно сан начальства, но Ваша немощь душевная и непобежденные еще страсти, а главные: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие, — с коими не могло встретиться чувство Ваше без повреждения душевного свирепостию оных. И Вы уже находитесь без оружия и не в силах сопротивляться оным. Есть люди, кои проходят и начальство не только без повреждения себя, но и с пользою ближних, но они сильны стати противу страстей, а немощному, дабы и самому не погибнуть и окормляемых им не погубить, что нужно делать? Ежели есть в Вас истинное желание ко спасению души Вашей, то примите совет не от меня, но от святых Отец — истинных делателей и учителей монашеского жития. Св. Иоанн Лествичник пишет: «которыми страстей потоками взошло в них нерадение, теми должно и выйти во двор любоначалия, не по силе начальства, иных врат не имеется, кроме тех которыми взошел». В писанной книге св. Симеона Нового Богослова прочтите слово 8-е: «Яко подобает словесные паствы Христовы предводителю смотрети и истязати опасно, первее — яже о себе», и паки в стишной его же слово 26-е; да преподобного Нила Постника Слово постническое в Добротолюбии. Из книги Никона Чер<ногорской> горы Слово 8-е. От бесед Златоустого на послание к Титу, от жития Пахомия «Яко же плинфы влагаемы в реку, не терпят ни единаго дне, аще ли же огнем печени будут, якоже камение пребудут, сице и человек, плотское мудрование мный, аще не разжется по Иосифу словом Божиим, растается начальство приим. Много бо таковым искушения посреди человек, добро же есть кому познавшу своя меры, отложити тяготу начальства, да не повредится. Утверждении же верою и деланием заповедей Божиих непоколебими бывают. Посем и сие: «тщеславие, сребролюбие и наглость власти соплетаются». Из оных Вы увидите важность сана и сообразите Вашу способность и силу с немощами душевными и какой предлежит дать ответ не за себя точию, но и за души других. И хотя Вы надеетесь по младости Вашей продолжения жизни, но сие неизвестно. Надобно пользоваться настоящим временем, и не терять оного, данного нам на покаяние, — разыдется торг, тогда куплю деяти невозможно. Господь наш Иисус

Христос не велел отлагать времени: *Бдите и молитеся, яко не весте, в кий час тать приидет.*

За нужное почитаю воспамянуть Вам об известном собрате нашем о. архимандрите Паисии Радовецком, он многократно просил моего недостойного совета о оставлении начальства, но, медля исполнить оное, преселился от здешней жизни, не получил желаемого успокоения в желаемом безмолвии и рассматривании себя. Малодушие Ваше и страх, что будет после раскаяние приносит Вам завидуяй спасению Вашему враг, желая сими плевелами подавить прозябающее в вас доброе семя и погасить воссиявающую в Вас искру к желанию исправления и спасения.

Я за сие не ручаюсь, точно он будет Вам приносить раскаяние о оставлении, но когда облечетесь верою во оружия Божии, то стрелы его вменятся Вам, яко младенческие, когда видите свою душевную тщету и желаете избавиться ее, должны приготовиться к терпению и перенесению его нападений; и хотя бы что и случилось перенести скорбное, то на все оное обязаны мы обетами нашими, а еще и ко очищению грехов и к снисканию смирения даже и необходимы скорби, которые когда и приидут, то ведь не без промысла и попущения Божия, и помощь Его ниспосылается. Вспомните, что Господь ублажает тесный и прискорбный путь, а не пространный бесскорбный.

Предложив Вам отеческие учения и мое скудоумное рассуждение о сем предмете, оставляю Вашему самовластию избирать лучшее. Но приступая к оному, прежде молите Премилосердого Господа, да устроит Он об Вас так, как воле Его угодно, и подаст силу и крепость к понесению, когда будет Его воля, предлежащаго креста, но спасительного и могущего возвести в благое устроение и благонадежие ко спасению.

Моля Премилосердаго Господа, да даст Он Вам в сем деле последовать истинному разуму по воле Его святой и укрепит Вас во искушениях. Поручая и себя молитвам Вашим, с почтением моим остаюсь, желатель Вашего спасения и недостойный богомолец

И<еросхимонах> Л<ев>.

1839-го ноября

№ 2[1]

Ответ Ваш на письмо мое показывает мне возбудившееся чувство Ваше к прежней ревности, которую Вы имели в искании спасения, но оное, однако ж, старается враг опять усыпить, наводя страх скорбного монашеского жития и жалость оставить отрадное начальническое.

Я писал Вам, не понуждая Вас, но взирая на веру Вашу, с какою меня вопрошали, изъяснив свое бедственное устроение, представил Вам от учения святых Отец средства к восстановлению оного, единственно из любви к Вам и желания спасения; движим будучи сими же чувствами, и теперь Вам подтверждая скажу. Хотя или не хотя непременно должно когда-нибудь снять сии златые узы начальства, смерть положит предел оному, и неизвестно когда, и в каком положении застанет; а может быть, измена судьбы и прежде смерти предуготовляет свободу от него, хотя и не с приятностию, в чем, однако ж, действует несомненно Промысл Божий, по подобию отца, отъемлющего у детяти вредящие его вещи, но его утешающие, не взирая на слезы его. Страх скорбей будущих маловременных, начертаваемый в сердце Вашем, показывает скудость веры и упования на Бога, а также любление пространного пути и уклонение от узкого. Каким же другим путем внидем в Царство Небесное? — Вы сами сознаете, что сколько улучил плотских мирских радостей, столько придется долг воздать в свое время горькими слезами. И не оставя оных наслаждений, подобитесь мурину, секущему дрова, и кладущему в бремя, хотящу оное подъяти и не могущу отъ тяжести. Вместо того, дабы убавить из оного, он еще более прилагает, и паки тожде творит.

Когда проходите начальство не для своих выгод и спокойствия, но для спасения ближних, то оное неминуемо сопряжено со скорбями, а не с спокойствием. А ежели для честию, славы и наслаждения начальствовать, то и сам и подчиняемые бедственно нагружаются отъ волнения страстей: *горе граду, егда царь его юн есть*, и проч:

А мне кажется, ежели Вы внидите в поприще предпринимаемое Вами со упованим и верою в Бога, и добровольным произволением предадите себя испытанию скорби, то оные не только будут для вас удобоносимы, но даже и легки с помощию и благодатию Бога, рекшего: *Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть.*

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-384. Л. 54–55.

Некоторым братиям, сожительствующим с Вами, и скорбящие о сем Вашем намерении, справедливо ли поступают? — Они желают своего спокойствия или спасения чрез Ваше душевное бедствование, но должны и они надеется на Бога, спасающаго правые сердцем, а не человека.

При благом Вашем намерении молите Господа да утвердит Он его, и да сподобит исполнить по Его Святой воле, ниспосылая помощь свою и укрепляя в предлежащем пути.

Прошу Вас не оставлять в молитвах пребывающим к Вам с любовию и желанием спасения.

[1840]

Приложение

Святитель

ИГНАТИЙ

Брянчанинов

ЖИТИЕ СХИМОНАХА ФЕОДОРА

(ранняя редакция)

К публикации ранней редакции «Житие схимонаха Феодора» святителя Игнатия

По благословению преп. Льва (впоследствии известного оптинского старца) и при его духовной поддержке были написаны первые литературные произведения святителя Игнатия Брянчанинова.

В 1827 г. Дмитрий Александрович Брянчанинов поступил в Александро-Свирский монастырь, чтобы проходить монашескую жизнь под руководством старца Льва. Там же им были созданы первые духовные произведения. В начале 1828 г. Дмитрий Александрович написал небольшую прозаическую поэму «Древо зимою пред окнами келлии»[1].

В Александро-Свирском монастыре была начата работа и над «Жизнеописанием схимонаха Феодора»[2]. Свидетельством этого служит раннее письмо послушника Димитрия [Александровича Брянчанинова], написанное в 1828 г. в Александро-Свирском монастыре[3].

---

[1] См. Настоящее издание, т. 1, с. 166–167. ‖ [2] В некоторых источниках относят время начала работы над жизнеописанием к периоду пребывания в Площанской пустыни, что опровергают обнаруженные нами письма святителя. Например, в «Полном жизнеописании епископа Игнатия Брянчанинова» говорится, что, будучи в Площанской пустыни, Дмитрий Александрович, «задумав отделиться от старца, он желал уединенно устроиться с товарищем своим в отведенной им келье, на правилах жизни скитской, т. е. жить вдвоем с общего совета... Изложив желание свое перед старцем о. Леонидом, Димитрий Александрович встретил с его стороны несогласие на такое отделение от них. Несогласие это повергло в большую скорбь подвижника Божия. Он видел, что его не понимают, и не хотят понять, и превратно судят намерение его, в основе которого лежало истинное благо для него и товарища его. Старец называл желание его преждевременным и опасным и, чтобы отвлечь мысли его от этого желания, дал ему послушание составить жизнеописание блаженного старца монаха Феодора, что он и исполнил» (Полное жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. С. 60).

Мы также не можем согласиться с мнением, что Святитель был лично знаком со старцем Феодором (см.: Настоящее издание, т. 4, с. 422–423). Известно, что старец почил о Господе весной 1822 г., тогда как Дмитрий Александрович прибыл в Санкт-Петербург для поступления в Инженерное училище в конце лета 1822 г. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-371. Л. 368–369. См. с. 623.

Старец Феодор был духовным наставником преп. Льва, который весьма почитал своего учителя. Все свои письма, написанные при жизни о. Феодора, он подписывал двумя именами, подчеркивая тем, что каждое свое дело он исполняет только по благословению старца: «многогрешный и непотребный писал сии статьи иеросхимонах Лев, купно с советом единомысленнаго своего схимонаха о. Феодора...»[1] Старец Лев поручил Дмитрию Александровичу составить жизнеописание своего наставника. В Предисловии к жизнеописанию послушник отмечал: «Не дерзнул бы я, беспрырывный грешник, говорить о том, кто был отцем отцев, если б не убоялся нарушить законы святого послушания...»

«Жизнеописание схимонаха Феодора», составленное святителем Игнатием, при его жизни не публиковалось. Уже в наше время оно вышло в состав 32-го сборника «Богословских трудов» (М., 1996. С. 269–277). В нем издатели отмечали, что «это первое по времени творение Святителя, когда он был еще послушником Дмитрием. Послушник объективно описывает подвиги старца, излагает взгляд на монашество и на присущее ему «умное делание», считая его основой богоугодного жительства. «Благочестивый читатель! — обращается послушник Димитрий. — В сем жизнеописании беспристрастно обнаружены тебе и доблести и слабости старца: подражай доблестям, не осуждай слабости»». Текст жизнеописания опубликован по материалам диссертации игумена Марка (Лозинского).

В 2002 г. тот же текст сочинения «Жизнь схимонаха Феодора» был опубликован в составе приложения к IV тому «Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова»[2] по материалам рукописного фонда П. П. Яковлева из состава Российской государственной библиотеки[3]. К сожалению, составители не только не учли, но даже и не упомянули о других сохранившихся вариантах жизнеописания. Между тем опубликованный текст представляет поздний, значительно отредактированный вариант, лишенный первоначальной свежести и яркой образности.

Раннюю редакцию жизнеописания удалось нам найти в рукописных фондах Оптиной Пустыни, хранящихся в Российской государственной библиотеке. Это практически тождественного содержания две рукописные тетради[4], в первой сделана приписка: «Из келлий иеросхимонаха Нифонта[5], 12 марта 1860 г. скончав-

---

[1] Письма оптинского старца Льва к монаху Иоанникию Бочарову. Изд. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2002. С. 23–24. (Письмо от 15 февраля 1822 г.) ‖ [2] См. Настоящее издание, т. 4, с. 430–443. ‖ [3] РГБ ОР. Ф. 425. К. 2. Ед. хр. 9. ‖ [4] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-280-1 и 280-2. ‖ [5] Нифонт, иеросхимонах († 12 марта 1860). Из крапивинских мещанских детей. Указом определен в число братства

шегося»; во второй тетради также сделаны пометы об источниках: «Жизнь и подвиги схимонаха Феодора. Описаны св. Е. Остр...ским. 1833. Орел» (л. 1–23 об.) и позднейшая запись карандашом над текстом жития «Составленное архим. Сергеевой Пустыни Игнатием Брянчаниновым (впоследствии епископом Ставропольским, учеником старца Феодора» (л. 24–37).

Отрывок ранней редакции (всего 8 листов) сохранился также в собрании Оптиной Пустыни. Это рукописный список, написанный в период с 1857 по 1861 г., с рукописи «находящейся у г-жи Ав<дотьи> Т<ерентьевны> Лесниковой[1], живущей на гостинице Тихон<овой> пустыни, сочиненное (по словам ея) архимандритом Сергиевой Пустыни о. Игнатием Брянчаниновым, ныне епископом Ставропольским».

В 1839 г. отдельным изданием вышла «Жизнь схимонаха Феодора», составленная монахом Оптиной Пустыни Порфирием (Григоровым)[2].

В 1845 г. Л.А. Кавелин подготовил публикацию жизнеописания о. Феодора в журнале «Маяк».

Варвара Каширина

Оптиной Пустыни 12 декабря 1838 г., в монашество пострижен 5 августа 1848 г. Рукоположен в иеродиакона 25 июня 1848 г, во иеромонаха – 29 апреля 1850 г.

[1] Лесникова Е. Т., впоследствии монахиня Евфросиния (†27 ноября 1868), из семьи санкт-петербургских купцов, духовное чадо преп. старцев Льва и Макария, благотворительницаОптиной Пустыни. ‖ [2] Сообщая архимандриту Игнатию о выходе в свет жизнеописания, старец Лев писал: «Зная Ваше усердие к достоблаженному старцу нашему Феодору, и какой труд Вы полагали в описании жития Его, обязанностию считаю представить Вам напечатанных жизни и подвигов его пять экземпляров. Во многом сделана перемена, а некоторые материи цензура не согласилась утвердить к напечатанию по правилам ее. Но мы хотя и тем довольны, что не останется совсем в забвении жизнь праведника, заслужившего, несомненно, от Бога вечную награду, и будет для нас, любящих и почитающих его, утешением воспоминать его и боголюбезные труды его. А может быть, некоторые по силе своей и поревнуют его трудам, терпению, смирению, любви, и сами удостоятся получить от Господа милость. Назад тому несколько дней книги оные отправлены вообще и для других. Вы изволите их получить от Евдокии Т<ерентьевны> Лесниковой» (Странствие ко вратам вечности. С. 134–135. (Письмо от сентября 1839 г.)). Хотя, как отмечал старец Лев, многие места были изменены, однако, сохранилась последовательность излагаемых событий, некоторые подробности были опущены, а некоторые, напротив, изложены более подробно. В целом же, можно отметить, что жизнеописание, подготовленное Порфирием Григоровым, в значительной степени опиралось на фактологическую основу жизнеописания, составленного Дмитрием Александровичем Брянчаниновым. В то же время жизнеописание Порфирия Григорова отличалось ясностью и выдержанностью слога. Избавленное от излишних мелких подробностей, житие приобрело стройность и завершенность.

Житие схимонаха Феодора[1]

В память вечную будет праведник.
(Пс. 3. 6)

Приятно и полезно воспоминание о прошедшем: время, рассекая цепи пристрастий, обнажает мрачность приманчивого зла, обнажает красоту беспритворной добродетели. Столетия — самая вечность, благоговеет пред великими людьми, их деяния, самые имена светятся в памяти нашей, как великолепные светила на своде небесном. События предков соделываются наставниками потомства на обширном поприще жизни.

Не хочу говорить здесь о знаменитых героях, о славных правителях народных: в честь им стоят великолепные памятники, в честь им гремят лиры поэтов и приговоры историков. Не прельщает меня мудрец афинский, видевший сквозь диры рубищ Антисфеновых гордость сего философа и выказывавший свою колкими и презрительными изречениями, прикрытыми личиною великодушия.

Предметом недостойного пера моего и слабых сердечных восторгов есть муж из священного лика тех истинно великих мужей, которые расторгнули иго страстных похотений, обнажили меч духовный против законопреступных помыслов, были гонимы — не гонили[2], были убиваемы — не убивали, любили всех, благотворили врагам и за убийц своих предавались на смерть произвольную, — того священного лика, коего основание и глава сладчайший Иисус.

Исторгнутый блаженною кончиною из тризны сего жития, болезненного и многоплачевного, пренесенный в обитель бесконечных веселий, к сему лику благополучному причислен милосердием всемилосердого Владыки схимонах Феодор, доказавший ясно делами горящее желание свое милосердия Владычняго. Не прельстился муж сей, поистине премудрый и святый, сия луна, освещавшая ночь нынешних бедственных времен, не прельстился суетною, скоропреходящею славою, не был ослеплен пустым блеском тлеющего богатства, не повергнул человеческого благородства в зловонное блато сладострастия. Он возжаждал почестей горних, пленился сокровищами сердечными, уязвился любовию к несказанной сладости подателя всех наслаждений Господа Иисуса. Для отыскания сего дражайшего бисера, сокрытого в земле сердечной каждого православного христианина, он продал имение пристрастий, лобызал нищету духовную устами беспрекос-

[1] РГБ ОР. Ф. 214. Опт-280-1. ‖ [2] Так в рукописи.

ловного послушания и обнимал оную, как бы руками, деланием всех животворящих божественных заповедей. Тот, кто человеколюбивым и многоблагоутробным оком взирает на кротких и смиренных и трепещущих пред святыми Его глаголами, воззрел на труд и смирение добровольного мученика и исповедника, растерзал пресвятым духом Своим узы его страстей, облек в блистающую багряницу бесстрастия, упокоил даром превосходнейшего рассуждения, и очистив в горниле искушений, подобно чистейшему злату, вознес в чертоги счастливейшия вечности.

Возлюбленнейшие отцы, сиротеющие чада великого старца! Еще плавая в житейском море, еще сетуя вне безволного пристанища, вы заповедали моему ничтожеству составить для некоторого утешения скорби вашей жизнеописание того светила, которое руководило вас на бурном потоке законопреступного мира. Желание ваше достойно похвал, исполнение оного для меня весьма затруднительно. Недоумевает младоумная мысль моя, и трепещущее перо едва ей повинуется. Не дерзнул бы я, беспрерывный грешник, говорить о том, кто был отцем отцев, если б не убоялся нарушить законы святого послушания. Да движут пером моим ваши молитвы и благословение! Опираясь на них, с радостным страхом и глубоким благоговением осмеливаюсь приступать к описанию жизни, добродетелей, подвигов, коими сей мужественный витязь невещественной брани восхитил Небо.

Недостойный писатель жития достойнейшего просит христолюбцев читателей простить недостатки убогого труда его: деяния мужа святого, изображенные пером страстным, теряют часть красоты своей и силы. Так алмазные струи ключевых прохладных вод, сочащиеся из кремнистой скалы, протекая потом по тинистому илу, заражаются неприятным оного запахом и вкусом.

Изыдем смиренными и простыми словами вслед блиставшего смирением и простотою Феодора, не сводившего слезящих очей во все время своего течения по тесной стези евангельского жительства с неподражаемого Подвигоположника верных, дражайшего Спасителя и Господа Иисуса Христа, не имевшего где главу подклонить и заповедавшего нам от Него самого учиться божественному художеству высокотворного смирения.

Сын родителей благочестивых, Феодор увидел свет в Карачеве, уездном городе Орловской губернии, в 1756-м году по воплощении Бога Слова. Отец, которого он лишился в младенческом возрасте, был из купеческого сословия, мать — из духовного. Сирота-отрок был отдан родительницею в дом карачевского протопопа для обучения грамоте и пению. Скоро обнаружил он

пылкие способности быстрыми успехами, в особенности блистало в нем необыкновенное дарование к пению, соединенное с превосходным голосом. Между тем как повторял он церковные песни чувственным языком, язык таинственный сих песнопений неприметно проникал в его сердце. Сердце отрока, младенчествующее злобою, не засоренное еще страстями, удобно растворяется для приятия Божественных впечатлений. Изучение грамоты вручило ему ключ сокровищниц, хранящих крупный жемчуг мысленных приобретений человечества, — говорю о книгах Священного Писания и отеческих. Добрые дела, послушание, простота, полезное чтение, самое время воспитывали в Феодоре то мудрование и те чувства, которыми долженствовал он возблагоухать на жертвеннике благочестия.

Из дома священнического возвратился он уже юношею в дом родительницы. По ее требованию начал упражняться в торговле, завел лавочку в Карачеве и в сем занятии проводил около двух лет. Но сердце, познавшее вкус духовной сладости, не может примириться с мечтательною, обманчивою суетою. Принужденный насильственно к образу жизни, противному его наклонностям и мыслям, Феодор воздыхал во глубине души своей о тихом безвольном пристанище. Начало составляться в уме его намерение покинуть мир и восприять легкое бремя иночества. Несильный противиться справедливым требованиям совести, сердечному чувству, которыми человека призывает обыкновенно Сам Бог, он оставляет родительский дом, ночью уходит из Карачева, не открыв никому своей цели, устремляется к Площанской пустыни, лежащей от Карачева в 80 верстах, в ней сокрывается от козней многопопечительного мира.

Площанская пустыня, управляемая тогда добродетельным и довольно искусным старцем Серапионом, украшалась и благонравием братии, и стройным чином церковного богослужения. Здесь юный Феодор вступил в тризну иноческого послушания, дабы наружным рабством купить внутреннюю свободу, наружным уничижением обработать внутреннее, душевное благородство. С послушанием старался соединить терпение, которым скрепляется и связывается все здание добродетелей! Терпение основал на смирении. По прошествии недолгого времени родительница узнала, что сын ее живет в Площанской пустыни. Она спешит в сию обитель, исторгает юношу из объятий спокойной монастырской жизни и ввергает его в поток мирской молвы и соединенных с нею соблазнов. О любовь плотская! Любовь безумная! Недостойна ты святого имени, коим назвал себя Сам Бог: ты, по предсказанию Спасителя, часто

вооружаешь ослепленных родителей беззаконным пламенем, и те, кои получили от них телесную жизнь, от них же теряют душевную и истинную.

Снова Феодор возвращается в лавочку — и снова чувство высоких желаний волнует его душу, снова, пользуясь темнотою ночи, бежит из дома, из города и достигает монастыря, известного под названием Белых берегов, тогда еще малозначащего. Из Белых берегов отправляется опять в Площанскую, и опять из оной похищается насильно матерью, распаленною желанием подружить его с миром, желанием едва ли естественным!

Утомленный толикими препятствиями, думая, что его предприятие воинствовать в мысленном воинстве не угодно Богу, Феодор хотел по крайней мере не лишиться сладостных, животворящих заповедей Господних; хотел, держась за оные как за нить, выйти из лабиринта мирской жизни и мечем деяния заклать чудовище, пожирающее всех, кои блуждают по сему лабиринту, не руководствуясь златосияющею нитью заповедей Христовых. Его ворота были отворены для странников, нищий не отходил от окна его, не обрадованный подаянием, больные утешались его состраданием и услугами; враги не могли сказать, чтобы за зло платил он злом; свободное время от домашних занятий посвящал чтению, сладчайшее имя Иисусово старался лобызать непрестанно и устами и мыслию.

Но человек подвержен переменам: колеблется не одна молодость, ветреная, пламенная, колеблется и старость, гордящаяся постоянством и опытностию, часто мнимыми. Лишенный тишины пустынной, лишенный наставления старцев, обуреваемый непрестанными соблазнами, разжигаемый нестройный вожделением юностного тела, Феодор начал омрачаться мыслями преступными, мало-помалу вкрались в его сердце сладострастные чувствования — он пал.

Приступим к трогательной и наставительной повести его тяжких поползновений. Укажем род беззаконий, в котором он лежал, и познаем великое могущество покаяния, когда увидим его на высочайшей степени добродетелей. Кораблекрушение праведника, — говорит божественный Златоуст, — соделывается пристанищем грешнику: когда праведник упал с небес, то и я уже не отчаиваюсь в моем спасении. Изувеченные ранами воины сподобляются от царя особенных почестей, так и подвижники умственной брани получают блистающие венцы, когда они являются пред лице Царя царей, обагренные кровию своих падений, сими самыми падениями победив посредством покаяния победителя их диавола.

В то время как Феодор продолжал упражняться маленькою торговлею своею, открылось в их городе выгодное приказчицкое место. На оное приглашен был юноша, благоразумный и ловкий. Хозяин дома скончался; его вдова, женщина целомудренная, но простодушная и лет преклонных, не могла сама входить в управление дел — вручила оное Феодору. В сем-то доме распростерты были сети, в коих запуталась нога его: вдова была матерью четырех взрослых дочерей, прекрасных собою. Феодор, увлеченный преступною страстию, погряз в беззаконное смешение сперва с старшею, потом с младшею сестрою. Долгое время валялся он на порочном ложе распутства, — сладострастие закрывает умственные очи человека. Наконец, желая прикрыть свои греховные раны, соединился браком с младшею сестрою.

Но узел преступлений сим не развязался, просыпается в нем совесть, узнает он цену потерянных им сокровищ, сердце его уязвляется желанием возвращения оных. Он начинает посещать с прилежанием храмы Божии, отворяет для странников и монахов двери гостеприимства — словом, удваивает старание о исполнении по силам всех обязанностей христианина. Но свет, прежде в нем сиявший от послушания иноческого, не получал прежней чистоты своей. Проникнутый глубокою печалию, Феодор примечал во всех делах своих большие недостатки, примечал, что мир рассыпал повсюду препятствия к жительству богоугодному. Не сильный переносить тяжкую язву скорби о потере утешительных чувств, не находя никаких отрад в суетных занятиях, решается оставить отечество, имение, супругу, младенца-дочь и, обнажившись всего, снова вступить в поприще, коего приятности он уже испробовал. Утаивая истинное намерение, открывает подружию своему, что хочет побывать в Киеве и поклониться мощам преподобных отцев печерских. С ее согласия отправляется в сей город, взяв с собою четыре рубля с полтиною денег; там предает себя молитвам угодников Божиих, потом поспешно спускается к границам России с Польскою Подолиею, переходит оные и устремляется в Молдавию, в которой сиял тогда великий светильник — старец Паисий, архимандрит Нямецкого монастыря.

Сей монастырь лежит ниже Ясс, в 120 верстах от оных, при подошве Карпатских гор. Под ведением онаго было тогда около 700 человек братии. Чин церковного богослужения и душевное окормление монашествующих находилось в цветущем состоянии. Иго нечестивых турок и нищета много помогали к успехам по внутреннему человеку. К сему воинству, руководимому премудрым вождем Паисием, захотел причислиться Феодор. Архимандрит находился тогда уже в болезненном состоянии и почти

никуда не выходил из кельи. Феодор умолял приближенных, чтоб его приняли, но получил отказ. Ему представляли многочисленность братии и недостатки монастыря в доходах. Юный странник находился в крайности — деньги, взятые им из России, истратил, летнее платье, в котором вышел из Карачева, обветшало от путешествия. Наступала зима. Далеко зашедший в чужую сторону, лишенный всего нужного, отвергаемый приближенными старца, он просил их, чтобы по крайней мере допустили его принять благословение Паисия. Сие ему позволено. Он предстал лицу земного ангела; Паисий, видя рубища и отчаянное положение юноши, зарыдал от сострадания, утешил его словами, сильными любовию, и причислил к своему богоспасаемому стаду. С того времени святый муж сей строго запретил, чтоб впредь никому не отказывали без его сведения. Обрадованный Феодор был отведен в хлебню, порожней кельи не было. Для откровения помыслов и душевного назидания, врученный духовнику старцу Софронию, исповедал пред ним по обычаю той обители все грехи, соделанные им от самой юности, и был отлучен на пять лет от приобщения святых Христовых Таин. Проведши несколько дней в хлебне, в одну ночь видит он во сне множество людей, как будто приуготовленных ко истязанию, в числе их был и он. Пред ними пылал обширный огонь, внезапно явились некоторые необыкновенные мужи, похитили его из среды множества и ввергнули в пламя. «Отчего, — начал он размышлять, — из толикого народа я один брошен в сей свирепый огнь?» — «Так угодно Богу», — отвечали мужи. Проснувшись, рассказал видение сие старцу и получил от него ответ, что сие пламя предзнаменует пламя искушений, долженствующих его постигнуть на поприще иночества.

Из хлебни Феодор поступил в послушание к строгому старцу, имевшему присмотр над монастырским пчелами. Здесь таскал на своих плечах ульи, очищал лопатою землю и исправлял подобные сему тяжелые работы, для него необычные. Какое перо возможет описать терпение, с которым переносил он подвиги телесные и укоризны начальника, непрестанно укоряя самого себя и питая смиренную мысль, что пожинает должные наказания за многочисленные грехопадения свои! Пот трудов, чаша бесчестий непрестанно им вкушаемая, собственное желание смирения рождали в нем постепенно болезненное чувство плача. Блаженная печаль сия сокрушающая сердце, растворяла молитву его особенною силою. Иисус, призываемый глубокими воздыханиями и нелицемерным сознанием немощей, мало-помалу очищал его ум, разгонял мрачность страстей и возвеселял вопиющего к нему ученика странными и

сладостными ощущениями, коих никогда не вкушала гортань мирянина, погребенного в житейских попечениях.

Протекло около двух лет. За непорочность жизни отставили его от пчеловодства и сделали помощником в просвирне, находившейся в монастыре Секуле, зависевшем от Нямецкого и лежавшем в 12-ти верстах от онаго. Не будем говорить подробно о трудах его в сем послушании, перейдем к обстоятельствам, коими возвел его Бог на высоту добродетелей.

В пустыни, на потоке Поляна Ворона, в пяти верстах от скита того же имени жил старец Онуфрий, украшенный не одними сединами преклонных лет, но и сединами божественной премудрости. Россиянин, уроженец города Чернигова, из дворян, Онуфрий возлюбил Христа с самых мягких ногтей своих. Ради Христа юродствовал он в юности шесть лет, ради Христа оставив юродство, удалился в Украину с другом своим палатным иеромонахом Николаем, и там, приняв ангельский образ, проходили они царский путь умеренности и взаимного совета. Обрадованные слухом о высоких достоинствах Паисия, они переселились из Украины в Молдавию и вручили себя великому старцу. Напитавшись чистою пшеницею его наставлений, получили благословение поселиться в пустыне на вышеупомянутом потоке и насыщаться там потоками божественных умозрений.

Феодор, находясь в просвирне, более и более упивался внутренним чувством умиления и горячности. Человек чем более питается духовною пищею, тем более алчет оной. Сие самое случилось с Феодором. Юный инок представляет на суд старцу Софронию желание свое строжайшей пустынной жизни и просит благословения послужить престарелому и ослабевшему уже в силах Онуфрию. Одобренный Софронием, он объявляет помысел свой великому старцу. Паисий с восторгом благословляет его намерение и отправляет к Онуфрию.

Здесь Феодор вступил в совершенное и подробное послушание. Отсекая волю пред своим старцем, искусным и святым, исповедуя ему все помыслы, он постепенно умирал миру и, совлекаясь пристрастий, сей мрачной одежды ветхого человека, облекался в светозарный хитон нового — в блистающее святостию бесстрастие. Блаженное древо послушание произрастило для него свой обычный плод — христоподражательное смирение. Смиренного, — говорит Лествичник, — обогащает Бог даром рассуждения; возблагоухал оным обильно и Феодор, смиренный не наружностью, — сердцем. Три подвижника сии: Онуфрий, Николай и Феодор, — имели прекраснейший обычай ежемесячно причащаться Пречистых, Животворящих Христовых Таин, и тем

более очищались, просвещались, укреплялись к духовным трудам и разжигались божественными желаниями. Онуфрий и Николай жили как братия; при дверях Онуфрия, обиловавшего рассуждением, стекались толпы удрученных недоумениями. Николай внимал себе и, в глубоком безмолвии испытывая помыслы своего сердца, жертвою чистоты служил Существу чистейшему; Феодор проходил то делание, которое святые Отцы поставляют наряду с исповедничеством — святое послушание. Кажется, можно без ошибки сказать, что сии три земные ангела не только тройственным числом, но и самым жительством сияли во славу животворящей Троицы-Бога. Не буду говорить о их терпении, кротости, воздержании, повесть соделается слишком пространною! Довольно упомянуть о единой царице добродетелей, о той добродетели, именем которой назвал себя сам Господь — о святейшей любви. Ее узами драгоценными соединялись сии три небесные человека воедино с Богом и друг с другом, горя ее пламенем, усердно и радостно носили немощи немощных и отвергали всякое самоугодие. Николай и Феодор забывали себя, услуживая немощному телом Онуфрию, употреблявшему от болезни самую легкую пищу, и то в весьма малом количестве. Онуфрий забывал свою слабость, смотря на их крепость, и возвращением собственной своей не мог бы восхищаться столько, сколько восхищался ею. Нельзя не признаться, что посреди них обитал несказанно сладостный Иисус по неложному обещанию Своему Своею силою и заповедями. За согласие и единство их жизни в одно время посещены они были и искушениями, кои ясно засвидетельствовали благоговение к ним Владыки, сказавшего: *Его же люблю, наказую*. Однажды Феодор пошел в скит для таинства исповеди и святого причащения. В отсутствие его во время самого всенощного бдения напали на их пустыню разбойники и, похитив малое количество съестных припасов, находившихся в келье, возложили преступные руки насилия на двух старцев и оставили их израненными, едва дышащими. Феодор, возвратившись, участвовал в их язвах состраданием и ревностными услугами. Мало-помалу начали возвращаться им силы. Тогда Феодор поражен был болезнью, которая поставила его на край гроба. Но Бог сохраняет дни праведника для пользы грешников.

Приближается новая печаль — кончина старца Онуфрия. За двенадцать часов до смерти открылись его сердечные очи. Явилось судилище прежде того решительного судилища, которое встречает всякую душу, излетевшую из тела. Истязуемый праведник существами, невидимыми для его товарищей, томился и давал ответы, из которых ясно виделось, что строгое суждение

недостатков человеческих было причиною сего страшного истязания. Впрочем, нетленная глава и перси свидетельствуют о его несумненном спасении и святости.

Преставление Онуфрия воспоследовало весною в марте месяце. Предав земле священные остатки отца своего, Феодор продолжает жить с Николаем. Но пустыня, лишенная Онуфрия, не казалась уже для него столь любезною, ему попущено было уныние, вероятно, чтоб светильник не оставался под спудом. С согласия Николая он оставляет пустыню, в которой жил пять лет со старцем Онуфрием и полгода с Николаем, получив заповедь от сего последнего по прошествии зимы приехать за ним и взять его с собою в Нямецкий монастырь.

Феодор, принятый с радостию архимандритом Паисием, начал проходить различные монастырские послушания: переписывал книги святых Отцев, переводимые Паисием с еллино-греческого языка на славянский, пел на клиросе, коего впоследствии сделан был уставщиком. С сих пор начала его преследовать зависть, и преследовала до гроба. По прошествии зимы, получив благословение великого старца, отправляется в пустыню на поток Поляну Ворону, оттуда берет смиренного и безмолвного Николая и вместе с ним возвращается в монастырь. Снова Николай и Феодор начинают жительствовать в одной келье и наслаждаться взаимною любовию, коею узел завязан был Христом. Недуг и глубокая старость начала поедать телесную силу Николая. Уже нога его не двигалась с одра болезней, хлад смертный оледенил его члены. Феодор растворял свои недра и жаром собственного тела согревал оцепеневающее тело духовного друга, покрывал горящими лобзаниями его уды, освещенные чистотою девства и обильным огнем божественной благодати. На руках Феодора скончался великий Николай, и мощей его не дерзнуло коснуться тление.

Феодор пребывал в Нямце до 1801 года. В продолжении сего времени увидел он кончину высокого житием Николая, увидел кончину и знаменитого Паисия. Преемник сего последнего в правлении монастырем, согбенный летами, лишенный зрения старец Софроний, приближался также к закату дней своих.

Между тем на престол Российский взошел Александр Благословенный, милостивый манифест, им изданный, дозволял свободное возвращение в отечество бежавшим из оного.

Софроний, видя расстройство монастыря своего, побуждаемый некоторым особенным предчувствием, советует Феодору пользоваться монаршею милостию и возвратиться в Россию. Феодор, любитель послушания, немедленно оставляет Молда-

вию и является в пределах страны отечественной, облеченный в великий ангельский образ (схиму) старцем Софронием, и неся с собою благословение сего добродетельного мужа, питавшего к нему любовь необыкновенную.

По пришествии в Россию он является архиерею Орловской епархии и по желанию сего пастыря избирает местом жительства Чолнский монастырь. Здесь занимался устройством церковного богослужения, копал пещеру, здесь, что всего важнее, начал уделять ближним от тех сокровищ, коих он соделался обладателем во время пребывания своего в Молдавии. Но злоба не может смотреть равнодушным оком на добродетельного; скоро восстала она на Феодора, который избегая зависти, оставляет Чолнский монастырь и переселяется в Белобережскую пустыню, коей строителем был иеромонах Леонид, несколько времени живший при нем в Чолнском монастыре и питавшийся манною его учения. Но и здесь не сокрылся от зависти; ибо непрестанно возвышался духовным совершенством, не имеющем пределов высоты, по сказанию духоносцев. Изнемогло бы слабое перо мое, если бы захотел я описывать подробно все деяния его; недостало бы выражений, если б захотел выразить его великое достоинство. Беспрестанно стекались в его келью братия, отягченные бременем страстей, и от искусного врача сего получили цельбоносные пластыри для душевных язв своих. Не сокрыл он от них драгоценного жемчуга, хранимого в уничиженной наружности послушания, о коем узнал он не одним слухом чувственных ушей — слухом дел. Не погрузил пред ними в неизвестность таинства о частом и стесненном призывании страшного имени Иисусова, коим христианин испепеляет сперва терние страстей, потом разжигает себя любовию к Богу и вступает в океан видений. Сострадая душевным немощам ближних, Феодор сострадал и телесным их болезням. В Белые берега занесена была горячка. Ею заразились многие иноки. За ними ходил и им прислуживал милосердый, любовный схимонах, сей ревностный поклонник животворящих заповедей Иисусовых. Но и его сломила болезнь. Он пришел в большую слабость, уже девять дней не вкушал никакой пищи, все думали, что наступил для праведника час смертный. Внезапно онемели в нем все чувства, отверстые глаза оставались постоянно в одном и том же положении, дыхание чуть-чуть было заметно, в членах прекратилось всякое движение, уста осветились райскою улыбкою, и нежный яркий румянец заиграл на его ланитах. Трое суток[1] пребывал он в сем необыкновенном исступлении, — потом

[1] В рукописи: «трои сутки».

очнулся. Прибегает строитель: «Батюшко! Ты кончаешься?» — «Нет, — отвечает Феодор, — я не умру, мне это сказано; смотри, бывает ли у умирающих такая сила?» — И с сими словами подал ему руку. Прибегает его любимой ученик. — «Я почитал тебя великим, но Бог показал мне, что ты весьма мал», — сказал ему Феодор. Потом, увлекаемый и укрепляемый внутренним божественным жаром, встает с постели, и в одной срачице, опираясь на костыль, поддерживаемый учениками, спешит на помощь ближним, о коих, вероятно, он известился во время своего исступления. Невозможно рассказать подробно всего, что было ему открыто, чувственный язык не может изображать с точностью предметов духовных, изображает их наиболее иносказанием. Также позволено будет заметить, что многие лица, коих касались его видения, еще и теперь наслаждаются временною жизнью, призываемые продолжением оной к покаянию.

За несколько дней до болезни однажды вечером, когда он примирял некоторого ученика своего с настоятелем, почувствовал в сердце необыкновенное утешение, и будучи не в состоянии выдержать сладость оного, стал намекать о высоких чувствованиях своих отцу Леониду. Самая болезнь его имела странный ход: во все время оной Феодор был в полном рассудке, обильное внутреннее действие молитвы обнаруживалось на лице; приметны были только в теле жар и большая слабость. Когда он выступил из самого себя, то явился некоторый безвидный юноша, ощущаемый одним сердечным чувством, и повел его узкою стезею в левую сторону. «Так, — говорил смиренномудрый Феодор помыслом к самому себе, — я уже скончался, неизвестно, спасусь ли или погибну?» — «Ты спасен», — ответствовал ему глас. И вдруг некоторая сила, подобная стремительному вихрю, похитила его и перенесла на правую сторону. — «Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим меня», — вещал ему невидимый глас. — С сими словами ему показалось, что Сам Спаситель наложил десницу Свою на его сердце, и он был восхищен в неизреченно приятную обитель, совершенно безвидную, неизъяснимую словами земного языка. От сего чувства перешел он к другому, еще превосходнейшему чувству, и потом к третьему, кои, по его собственным словам, сам он мог только помнить сердцем, не мог понимать умом. Потом увидел церковь, и в ней на правой стороне близ алтаря шалаш, в коем было пять или шесть человек. «Для сих людей отменяется смерть твоя, для них ты будешь еще жить», — сказал мысленный глас. Тогда открыт был ему духовный возраст некоторых его учеников. Наконец, возвестил ему Господь те искушения, которые должны обуре-

вать вечер дней его. Он видел даже лица, устремившие впоследствии против него свою злобу. Но божественный глас уверил, что корабль души его ничего не может пострадать от сих свирепых волн, ибо невидимый Правитель оного есть Христос.

В короткое время без лекарств обновилось здоровье старца. Желая более уединенной и безмолвной жизни, он объявляет желание свое настоятелю и братии. Они устраивают ему келью в лесу в двух верстах от обители, в коей начинает жительствовать Феодор вместе с добродетельным иеросхимонахом Клеопою; в скором времени присоединился к ним отец Леонид, сложивший с себя достоинство строителя. Но не может укрыться град, стоящий на вершине горы: скоро слава о великих достоинствах схимонаха Феодора разнеслась повсюду: беспрестанно толпились при дверях его кельи многочисленные посетители и нарушали безмолвие пустынножителей. Феодор и сотрудники его, утомленные молвою, обнажают пред Богом затруднительность своего положения и молят Его, дабы устроил их дела по Своей святой воле, в скором времени является в них сердечное чувство, понуждающее переселиться в северные пределы государства Российского. Три года постоянно продолжалось сие влечение, и три года не могли они его исполнить делом. Провидение определило Феодору прежде товарищей своих оставить Белые берега. Любитель нестяжания, он взял с собою на дорогу только тридцать копеек — подарок Свенского игумена. Зная презрение праведника к деньгам, рожденное крепким упованием на Бога, один из его приверженных, схимонах Афанасий, вложил ему тайком пятирублевую ассигнацию; прошед шестьдесят верст от Белых берегов, он встречает престарелую нищую и отдает ей ассигнацию. Феодор направил стопы свои к Новоезерскому монастырю, лежащему в восточной части губернии Новгородской, коего начальником был тогда знаменитый Феофан. Принятый им любовно, приглашенный возобновить пустыню Нила Сорского и жить в оной с своими единомудренными, Феодор получает от него письмо касательно сего предмета к митрополиту Амвросию. Амвросий не согласился на предложение Феофана и послал Феодора в Палеостровскую пустыню, тогда возобновляемую и лежащую на острове Онежского озера, в северной части оного.

Здесь судило провидение сему святому мужу вступить в огнь жестоких искушений, здесь его добродетели, испытанные искушениями, воссияли еще светлейшими лучами. Настоятелем обители Палеостровской был некто Белоусов, происхождением купец, купивший сперва дворянство, потом монашество и вместе с оным достоинство строителя. Никогда не знавший послушания,

никогда не соображавшийся с заповедями истинного христианства и иночества, Белоусов зарождается завистию к Феодору, начинает притеснять его. Но злобоупотреблением одной строительской власти не мог он насытить своей злобы. Белоусов сшивает различные клеветы на непорочного схимонаха и с оными является пред митрополитом.

Возвращается строитель в монастырь с приказом от преосвященнейшего, в коем между прочим сказано было следующее: «Схимонаха Феодора никуда не пускать, и ни в какие монастырские распоряжения не входить. Если ж сделает что непристойное, противное своему чину, то лишенный чина, послан будет в светскую команду». Сие прочитано было в трапезе, причем Белоусов запретил добродетельному старцу входить в кельи к другим инокам, впускать их в свою келью и разговаривать со странниками. «Все сие, – сказал смиренномудрый Феодор, — случилось за тяжкие грехи мои, за мою гордость и за невоздержный мой язык. Слава тебе милосердому Создателю моему и Богу, что не оставляешь меня многогрешного и скверного, но посещаешь и наказуешь за мои беззакония Своим милосердием и благоутробием отеческим».

Чрез несколько времени Феодор просил позволения подать просьбу в Валаамский монастырь, но получил отказ. «Видно, — сказал он, — так угодно милосердому Богу: *Буди имя Господне благословенно отныне и до века.*

Прошло несколько времени и присылается новый указ, в коем было написано: «Феодора схимника из ворот монастырских никуда не выпускать и не допускать ни в какие советы». — «Милосердый Господь мой и Создатель мой, — сказал Феодор, — дай мне и что впредь может случится за мои грехи претерпеть со благодарением и благодушием. Без Твоей помощи не могу сделать ничего доброго, дай мне, по крайней мере, отныне положить начало к житию по Твоей святой воле и к люблению Тебя, милосердого Бога моего, Создателя и Искупителя».

Вскоре после сего Белоусов понуждал его выйти из монастыря грести сено. «Не могу выйти по силе указа», — отвечал Феодор. Белоусов разгорячился и закричал: «Я тебя посажу в погреб и буду кормить травой». — «Как вам угодно, так и делайте, — сказал Феодор, — однако верую милосердому Богу моему, только то могут мне сделать, что Он попустит за грехи мои, а что Он попустит, того я сам желаю: лучше мне в сем веке быть наказанным, нежели в будущем вечно мучиться».

Два года продолжались притеснения со стороны настоятеля, два года, лишенный одежды и обуви, соплетал себе венцы терпения мужественный Феодор. Наконец, видя крайнее, неисце-

лимое расстройство обители Палеостровской, видя непримиримую ненависть строителя, он решился явиться митрополиту для личного объяснения. Перемещенный им в Валаамский монастырь, начал жить в ските, принадлежащем монастырю сему; однако за самовольное отлучение из Палеострова был лишен на год камилавки. Еще прежде его переселились в Валаамский монастырь из Белых берегов иеросхимонахи Клеопа и Леонид со многими другими приверженцами отца Феодора. Около шести лет пребывал он в сем знаменитом монастыре и блистающий рассуждением привлек к себе едва ли не всю братию. Изумленные сим зрелищем, начальные лица монастыря воскипели завистию. Составилось сонмище, подобное преступной синагоге иудейской, предавшей на поносную казнь Сына Божия, и мнимые валаамские святые захотели сорвать с лица земли истинного праведника: исполнитель Божественных заповедей, служащий чистотою сердца и правильностью мыслей уму бесконечно чистому, не может быть приятен для рабов безрассудного фанатизма, созерцающих в уме своем кумиры гордости, в сердце нестройные волны страстных похотений. Не будем распространять повести об искушениях, понудивших его оставить Валаамский монастырь, довольно будет, кажется, если скажем, что тогда сбылись самым делом откровения, виденные им в Белых берегах, сбылось и избавление, обещанное ему Спасителем. Удовлетворительность повести запрещается недавностию событий.

Предпослав в обители горния иеросхимонаха Клеопу еще во время пребывания своего в Валааме, Феодор переселился с Леонидом в Александро-Свирский монастырь, дабы в оном окончить поприще жизни своей. Цепь дней его была цепью искушений. На закате сего светила скопились облака жесточайших злоключений, как бы для того, чтобы доставить ему и последнее блаженство святых, обещанное Спасителем в сих евангельских словах: *Блаженни есте, егда поносят вас и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради.* Уже был он блажен, ибо сознанием своих немощей стяжал нищету душевную. Был блажен, ибо истинным сокрушением сердца вкусил сладость радостотворного плача. Был блажен, ибо понуждением себя к исполнению животворящих заповедей лобызал кротость — начало подражания Христу, сию дверь в чертог высочайшего смиренномудрия. Был блажен, ибо возжаждал правды и насыщался от царския ея трапезы. Был блажен, ибо милостивый к ближним за седмьнадесять лет удостоился слышать божественный глас: «Ты помилован». Был блажен, ибо умиротворением всех помыслов и сладкозвучною гармониею сердечных чувств соделался сыном Божиим по благодати.

За полтора года до преставления постигла его для вящих венцев тяжкая болезнь. Минуты сильных припадков обнаруживались краткими, но исполненными любомудрия словами: «Слава Богу!» Наступила Светлая седмица 1822-го года. На Страстной неделе видение луны, склонившейся на запад и истощившей почти весь свет свой, за девять дней предвозвестило Феодору близкое его успение. За день до оного новое видение снова блистательным образом возвещает ему счастливейшую кончину: он видит себя в некоей великолепной церкви, исполненной белоризцев, и из среды оных с правого клироса слышит торжественный глас покойного друга своего иеросхимонаха Николая, вещающий тако: «Феодор! Настало время твоего отдохновения. Прииди к нам!»

Настало время сие в пятницу в девятом часе вечера; заиграла радостная улыбка на устах Феодора, просветилось лице его, черты оного изменились божественным странным изменением. Ученики, окружавшие одр старца, забыли слезы и сетования — погрузились в созерцание величественной, необыкновенной кончины. Благоговейный страх, печаль, радость, удивление вдруг овладели их чувствами: они ясно прочитали на челе отца своего, что душа его с восторгом изскочила из тела в объятия светоносных ангелов.

Смерть праведника есть рождение для новой радостнейшей жизни, смерть праведника есть сладостная жатва тучных класов, прозябших из семени искушений и подвигов; смерть праведника есть величественное исшествие души, сбросившей деянием и видением страстные оковы из темницы тела: на пути своем к небу душа сия не боится встречи лукавых демонов. Смерть праведника есть полет его стремительный, неудержимый на любовных крылах к источнику любви — Господу Иисусу.

Отец святый! Ты обитаешь днесь в райских чертогах и ненасытно насыщаешься хлебом небесным. Пролей о нас молитву пред Царем царей, не предай чад твоих челюстям вражиим, будь нам помощником в страшные смертные минуты и представь нас лицу Всевышнего, да и мы соединим с ликующим твоим гласом наши слабые гласы и удостоимся с трепетом прославлять в вечные веки триипостасного Бога, славимого всею вселенною!

Подготовка текста и публикация В. В. Кашириной.

Содержание

Переписка святителя Игнатия Брянчанинова с друзьями и знакомыми ... 3

Степан Дмитриевич Нечаев ... 3
Переписка святителя Игнатия с С. Д. Нечаевым ... 7

Переписка святителя Игнатия с графом Д. Н. Шереметевым ... 51

Федор Петрович Опочинин ... 83
Письма святителя Игнатия к Федору Петровичу Опочинину ... 85

Переписка святителя Игнатия с графом Павлом Матвеевичем Толстым-Голенищевым-Кутузовым и письма к его матери и сестрам ... 94
Письмо святителя Игнатия к П. П. Яковлеву ... 102
Письмо П. П. Яковлева к святителю Игнатию ... 102

Письмо святителя Игнатия к Алексею Александровичу Волоцкому ... 103

Письма святителя Игнатия к Плещеевым ... 105
I. К Александру Александровичу Плещееву ... 105
II. К Анне Павловне Плещеевой, супруге А. А. Плещеева ... 108
III. К дочери А. П. и А. А. Плещеевых Лидии ... 113

Письма святителя Игнатия к Софии Павловне Титовой ... 114
Письмо С. П. Титовой к святителю Игнатию ... 122

Татьяна Борисовна Потемкина ... 124
Письмо святителя Игнатия к Татьяне Борисовне Потемкиной ... 127
Письма Татьяны Борисовны Потемкиной к святителю Игнатию ... 129
Письма святителя Игнатия к даме — приятельнице Т. Б. Потемкиной ... 130

Письма святителя Игнатия к Павлу Васильевичу и Софье Григорьевне Энгельгардт ... 133

Письмо святителя Игнатия к статс-даме Параскеве Ивановне Мятлевой ... 137

Письмо святителя Игнатия к Николаю Николаевичу Анненскому ... 139
Письмо святителя Игнатия к А. А. Кавелину ... 140
Письмо святителя Игнатия к А. М. Горчакову ... 141
Письмо святителя Игнатия к Н. В. Голоушевой ... 142
Письмо святителя Игнатия к К. В. Г. ... 143
Письмо святителя Игнатия к Д. А. Мельникову ... 145
Письмо святителя Игнатия к Н. Н. Хемшиеву ... 145
Письма святителя Игнатия к Ивану Ильичу Глазунову ... 146
Письма святителя Игнатия к К. С. Сербиновичу ... 148
Письмо К. С. Сербиновича к святителю Игнатию ... 151
Письмо святителя Игнатия к Д. А. Милютину ... 151
Черновик ответа Д. А. Милютина ... 152
Письмо святителя Игнатия к князю М. Д. Волконскому ... 152
Письмо Н. Д. Зубова к святителю Игнатию ... 153
Письмо святителя Игнатия к Н. Д. Зубову ... 154
Письмо святителя Игнатия к В. И. Анненковой ... 155
Письмо святителя Игнатия к штабс-капитану С. И. Феодорову ... 155
Письмо святителя Игнатия к Д. В. Брюзгину ... 155
Письмо святителя Игнатия к девице Анне Дементьевне ... 156
Письма святителя Игнатия в ответ соблазняющимся на «Слово о Смерти» ... 157
Письма святителя Игнатия без указания адресата ... 160
I. Письма из Николо-Бабаевского монастыря ... 160
II. Другие письма ... 232
Письма разных лиц к святителю Игнатию ... 243
Письмо Петра Чичерина ... 243
Письмо Алексея Олсуфьева ... 244
Письма П. Соколова ... 245
Письмо К. Михайлова ... 246
Письмо неизвестной ... 246
Письмо мещанина М. И. Парамонова ... 248
Письмо Н. Апрелевой ... 249
Письмо А. Брюзгалова ... 250

Александр Нахимов. **Два письма** 251
Письмо святителя Игнатия к Павлу Степановичу Нахимову 254
Ответ П. С. Нахимова святителю Игнатию 255

Елена Аксененко. **Елизавета Никитична Шахова** 257

Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899) 280

Деловая переписка святителя Игнатия Брянчанинова 294

Переписка святителя Игнатия с Министром Двора Его Императорского Величества князем П. М. Волконским 295
Письмо митрополита Серафима к князю П. М. Волконскому 301
Письмо князя П. М. Волконского к митрополиту Серафиму 302
Письмо святителя Игнатия к Министру Двора Ее Императорского Величества 302

Письма святителя Игнатия к Министру Двора Его Императорского Величества графу В. Ф. Адлербергу 303

Письмо святителя Игнатия к Обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову 308

Письма святителя Игнатия к Обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому 309
Письмо графа А. П. Толстого к князю Г. Д. Орбелиани 311

Письма святителя Игнатия к Директору Департамента Государственных имущество Н. П. Дубенскому 311

Письма к святителю Игнатию от секретаря Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Серафима А. И. Суслова 313

Письма святителя Игнатия к Управляющему делами Комитета Министров Ф. П. Корнилову 314

Письмо к святителю Игнатию от Статс-секретаря князя А. Н. Голицына 316

Письмо к святителю Игнатию от Духовника Николая Музовского 317

Письмо святителя Игнатия к графу Петру Андреевичу Клейнмихелю 317

Письмо святителя Игнатия
к некоему высокопоставленному лицу 318

Размышления святителя Игнатия Брянчанинова о живописи церковной 319

О картоне Б—и 319

О картоне Р—а 321

Поэтические опыты святителя Игнатия Брянчанинова 323

Стихи 325
Убили сердце... 325
Жалоба 326
Совет душе моей 326
К земному страннику 327

***Ольга Шафранова*. Родители, братья и сестры** 328

I. Родители святителя Игнатия Брянчанинова 328
Письма святителя Игнатия к родителям —
Софье Афанасьевне и Александру Семеновичу
Брянчаниновым 329

II. Брат святителя Игнатия — Петр Александрович
Брянчанинов 348
Письма святителя Игнатия к брату Петру Александровичу
Брянчанинову 370
Письма Петра Александровича Брянчанинова
к Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому 452
Письма игумении Усть-Медведицкого Преображенского
монастыря Арсении (Себряковой)
к Петру Александровичу Брянчанинову 491
Письмо Алексея Петровича Брянчанинова
к Николаю Николаевичу Селифонтову 495

III. Братья святителя Игнатия: Михаил, Александр, Семен
Александровичи 495
Письмо Михаила Александровича Брянчанинова
к святителю Игнатию 497
Письмо Семена Александровича Брянчанинова
к святителю Игнатию 497

IV. Сестры святителя Игнатия 498
Письма святителя Игнатия к сестре
Александре Александровне Жандр 506

Письма святителя Игнатия к племяннице своей, дочери А. А. Жандр, Александре Васильевне Жандр 515
Письмо святителя Игнатия к сестре Софии Александровне Боборыкиной 519
Письма святителя Игнатия к сестре Елизавете Александровне и ее мужу Димитрию Тихоновичу Паренсовым 520
Письма Елизаветы Александровны Паренсовой к святителю Игнатию 595
Письма святителя Игнатия к сестре Марии Александровне и ее мужу Николаю Филипповичу Купреяновым 597

Письма святителя Игнатия к Александру Александровичу Сухареву 604

Письма святителя Игнатия к родным (без указания кому именно) 606

Варвара Каширина. **Новонайденные ранние письма святителя Игнатия Брянчанинова** 615
Письмо иеросхимонаха Льва к Дмитрию А<лександрови>чу <Брянчанинову> 620
Письмо послушника Димитрия <Александровича Брянчанинова> к собрату М.Т. 623
Письмо послушника Д<имитрия Александровича Брянчанинова> к о. Иоанникию (Бочарову) 624
Письма преподобного оптинского старца Льва к игумену Иларию 626

ПРИЛОЖЕНИЕ

Святитель Игнатий Брянчанинов.
Житие схимонаха Феодора (ранняя редакция) 631
К публикации ранней редакции «Житие схимонаха Феодора» святителя Игнатия 633

Житие схимонаха Феодора 636

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том VIII

Составление
О. И. Шафранова

Общая редакция
А. Н. Стрижев

Директор издательства
Павел Роговой

Оформление
Елена Калинина

Редактор
Александра Доброцветова

Корректор
Светлана Воинова

Верстка
Гульнара Шафигуллина

Издательство «Паломник»
Подписано в печать 05.12.2006.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Кудряшов».
Формат 60x90 1/16. Объем 41 п. л. Тираж 8 000 экз.Заказ № 4160.

Адрес издательства: 127994, Москва, Сущёвская, 21.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП ПФ «Красный Пролетарий».
Адрес типографии: 127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.